

**Управление культуры Министерства обороны
Российской Федерации
Российская академия ракетных и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи**

**Война и оружие
Новые исследования и материалы**

**Труды Пятой Международной
научно-практической конференции**

14-16 мая 2014 года

Часть IV

**Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2014**

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор – С.В. Ефимов

Организационный комитет конференции

«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,
С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
В.И. Кобякова, начальник военно-научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,
Ю.В. Утянский, старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие **Новые исследования и материалы**

Труды Пятой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 4

Информационная поддержка

© ВИМАИВиВС, 2014
© Коллектив авторов, 2014

ISBN 978-5-7937-1082-4

С.А. Пивоварчик (Республика Беларусь)

КРЕПОСТЬ БРЕСТ-ЛИТОВСК В ПЕРИОД ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ 1914–1915 ГОДОВ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ И. А. ЛИДЕРСА)

НАКАНУНЕ 100-ЛЕТИЯ Первой мировой войны возрастает интерес к различным аспектам этого исторического события, значительно повлиявшего на мировые процессы в XX в. Особую ценность приобретают новые источники, позволяющие наиболее полно представить отдельные события Великой войны, раскрыть неизвестные факты, оценки и суждения непосредственных участников боевых действий. К таким источникам относятся воспоминания начальника инженеров Брест-Литовской крепости (июнь 1914 – август 1915 гг.) полковника И.А. Лидерса.

Иван Александрович Лидерс, из дворян Подольской губернии, родился в 1859 г. в семье генерал-лейтенанта Александра Константиновича Лидерса. Образование получил в Киевской Владимирской военной гимназии. В августе 1880 г. окончил 3-е военное Александровское училище и был выпущен прапорщиком в 1-ю гренадерскую артиллерийскую бригаду. В 1887 г. окончил Николаевскую инженерную академию по первому разряду. Занимал должность производителя работ, с декабря 1899 г. – помощник начальника Варшавской инженерной дистанции в чине подполковника. Принимал участие в Русско-японской войне, штаб-офицер для делопроизводства и поручений в управлении инспектора инженеров 1-й Маньчжурской армии. Затем последовательно находился на должностях начальника Бобруйской инженерной дистанции (с мая 1906 г. в чине полковника), начальника инженеров Усть-Двинской крепости (с ноября 1910 г.), начальника инженеров Михайловской крепости (с мая по ноябрь 1912 г. в чине генерал-майора, произведен за отличие). 29 ноября 1912 г. назначен помощником инспектора инженерной

части Виленского военного округа, а в июне 1914 г. – начальником инженеров Брест-Литовской крепости. После эвакуации крепости в августе 1915 г. исполнял должность инспектора инженерной части Двинского военного округа. В 1918 г. вступил в Красную Армию, начальник фортификационно-строительного отдела Главного военного инженерного управления. 25 июля 1920 г. был арестован как член контрреволюционной организации и заключен в Бутырскую тюрьму. Освобожден в 1921 г. и назначен на прежнюю должность.

Воспоминания И.А. Лидерса под названием «Описание крепости Брест-Литовск, ее мобилизации в 1914 г. и эвакуации в 1915 г.» сохранились в архиве Д.М. Карбышева и были переданы в фонды Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» его дочкой Еленой Дмитриевной в 1975 г. Они никогда не публиковались и неизвестны широкому кругу научной общественности. Тем не менее, это ценный источник, подготовленный непосредственным участником и позволяющий восстановить события Первой мировой войны в Брест-Литовской крепости. Сам И.А. Лидерс отмечает, что «настоящий исторический очерк о состоянии крепости Брест-Литовск и о доле участия ее в мировой войне 1914–1918 гг. составлен по личному

**Фортификационно-строительный отдел Главного
военно-инженерного управления РККА. 1922–1923 гг.
Второй справа сидит И.А. Лидерс (публикуется впервые)**

дневнику начальника инженеров крепости, который был назначен на эту должность незадолго до начала войны и по сдаче прежней своей должности прибыл к месту нового своего служения в Брест-Литовск лишь 16 июля 1914 г., т. е. за два дня до объявления общей мобилизации.

Ввиду этого часть этого очерка, касающаяся состояния крепости ко дню объявления мобилизации, изложена по сличению мемуаров с хранящимися в архиве Главного военно-инженерного управления отчетными чертежами об успехе работ за 1913 г. по плану перестройки этой крепости мирного времени, причем оказалось, что приводимое ниже описание состояния крепости к началу войны, по дневнику начальника инженеров крепости отличается от показанного по отчетным чертежам за 1913 г. только лишь включением тех работ, которые были произведены в период 2¹/₂–3 месяцев начала строительного сезона 1914 г. до дня объявления мобилизации. В остальной своей части очерк представляет собой сводку заметок о том, что творилось и переживалось в крепости до последнего часа ее оставления»¹.

В вводной части автор указывает на предпосылки сдачи Брестской крепости в августе 1915 г. и отмечает, что необходимость фортификационного укрепления границ европейских стран возросла во второй половине XIX в. После франко-прусской войны 1870 г. Франция приступила к фортификационному обеспечению своих границ, непосредственно прилегающих к Германии, возведя целый ряд первоклассных крепостей, находящихся во взаимной боевой и огневой связи. Такого рода группы или полосы сильных пограничных крепостей существовали и в других европейских государствах. В этот же период в России вдоль пограничной полосы с Германией были возведены следующие первоклассные крепости: Новогеоргиевск, Варшава, Зегрж и Ивангород.

В конце XIX в. при Военном министерстве была учреждена особая «Крепостная комиссия». Комиссия пришла к выводу, что, учитывая более короткий срок мобилизации германской армии, благодаря сильно развитой сети железных дорог и принимая во внимание недружелюбное отношение к русским населения Привисленского края, необходимо организовать группу пограничных крепостей далее от границы на линии: Брест, Ковно и Гродно. И.А. Лидерс пишет: «Как видим, во всех случаях с сохранением числа крепостей не менее 3-х или 4-х в зависимости от протяжения границ, поддерживающих между собой связь, потому что одна даже сильная крепость

сама по себе никакого серьезного препятствия для вторжения неприятеля в страну представить не может. Так как ее можно обойти, обложив небольшой частью (не свыше одного корпуса). Прорыв же через целую линию крепостей или в промежутке между ними потребовал бы для обеспечения тыла значительной части наступающей армии как заслон и для обложения этих крепостей или глубокий охват крепостной полосы. Так, например, немцы во время империалистической войны, чтобы избежать явно безуспешное форсирование линии грозных французских крепостей, решили нарушить нейтралитет Бельгии и тем самым вызвать против себя бельгийский народ, предприняв глубокий обход через Бельгию к Парижу, откуда были оттеснены только благодаря искусному контрманевру Жоффа, опиравшегося на линию своих крепостей.

В это время, не вполне отвечающие современным требованиям, не подготовленные, не мобилизованные и лишённые пехотного гарнизона бельгийские крепости Льеж, Намюр и Антверпен не могли служить препятствием такому неожиданному со стороны немцев прорыву и охвату и пали одна за другой.

С такой именно военной точки зрения и следует рассматривать решение эвакуировать крепость Брест-Литовск, хотя и сохранившую свою боеспособность, но потерявшую какое-либо значение как препятствие к прорыву после падения связанных с ней в одно целое групп крепостей Ковно, Гродно и Новогоргиевск».²

Основное содержание воспоминаний разделено автором на смысловые части, посвященные различным аспектам функционирования крепостного гарнизона в военный период: состояние крепости ко дню объявления мобилизации; соображения о работах мобилизационного периода; описание возведенных в мобилизационный период оборонительных сооружений; интенсивность работ мобилизационного периода и организация рабочей силы; инженерные части крепостного гарнизона, распределение их, убыль и новые формирования; личный состав Брест-Литовского крепостного управления и строительства; пехотный гарнизон крепости; состояние крепости в инженерном отношении к началу октября 1914 г.; вооружение крепости; главнейшая задача, возлагавшаяся на Брест-Литовскую тяжелую крепостную артиллерию и ее выполнимость; дальнейшие инженерные работы в крепости; последние дни в крепости Брест-Литовск и ее эвакуация; заключение.

К дате прибытия нового начальника инженеров (16 июля 1914 г.) крепость Брест-Литовск находилась в стадии перестройки и представляла собой следующий вид: ядро крепости составляла внутренняя ограда устаревшей конструкции, расположенная у слияния р. Буг и р. Муховец и состоявшая из двенадцати фронтов с пятью рavelинами преимущественно бастионного начертания (3 в Кобринском и 2 в Волыньском отделах), с водяными рвами и кирпичными казематами под валгангом. В северо-восточном углу непосредственно позади первого и третьего бастиона находились два редута: в первом была устроена крепостная искровая станция, во втором – казарма крепостной саперной роты.

В самом центре, на островке, окаймленном р. Бугом и двумя рукавами р. Муховец, была расположена цитадель в виде кольцевой двухъярусной казармы с четырьмя башнями, имеющей в окружности 850 сажен. В казарме располагались 500 казематов и четверо крепостных ворот с мостами через Буг и Муховец.

К северу от внутренней ограды в расстоянии около 400 сажен находился устаревший форт графа Берга постройки 1869 г. Внутри этого укрепления возводилось здание нового бетонного рефрижератора, почти законченное вчерне, за исключением небольшой части железобетонных сводов, и возведенное вчерне отдельное двухэтажное помещение под склад консервов.

На пространстве, огражденном внутренней крепостной оградой, расположены были: в центре – крепостной собор и почти все за исключением особого интендантского городка административные и хозяйственные крепостные постройки необоронительного характера, минный городок, четыре запасных пороховых погреба.

Все описанные сооружения, кроме рефрижератора и пороховых погребов, особого оборонительного значения не имели как не обеспеченные от разрушения снарядами тяжелой артиллерии. Однако богато разросшаяся растительность почти по всему пространству внутренней ограды и по гласису в совершенстве маскировала как самую ограду, так и все находившиеся внутри постройки.

На расстоянии от 3 до 4 верст от внутренней ограды было расположено кольцо второлнейных фортов, из которых первые три, расположенные в северном и северо-восточном секторе Кобринского отдела обороны (между реками Буг и Муховец), в счет обороны идти не могли, так как представляли собой земляные люнеты постройки 1879–1880 гг., без обороны сухих рвов и с открытыми горжами.

Также не имел почти никакого значения в смысле обороны и старый кирпичный форт IX, расположенный в том же отделе обороны, не обеспеченный от разрушения неприятельской артиллерией и находившийся почти в районе разросшегося Брестского железнодорожного узла.

Форты IV, V, VI, VII, перестроенные в период 1905–1908 гг. в соответствии с современными требованиями, имели водяные рвы, обороняемые из бетонных капониров и полукапониров и обеспеченные от разрушения казармы для гарнизона.

Внешняя фортовая линия обороны, возводившаяся по проекту перестройки крепости в расстоянии от 7 до 9 верст от ее центра, ко времени объявления войны была еще не закончена. Из 14 предполагавшихся в этой линии фортов были вполне закончены лишь два: перестроенный и включенный в первую линию обороны форт VIII и новый форт Ж (за исключением углубления горжевого рва); затем по степени готовности следовали: также перестроенный и включенный в первую линию форт X, в котором оставались работы (произведенные уже в мобилизационный период) по укладке швеллеров и набивке бетонного перекрытия над галереей в левом фасе форта, ведущей к левому полукапониру; новый форт А с сухим рвом, в котором по директрисе напольного фаса был прорыт котлован и набит бетонный туюфак под фундамент потерны, ведущей из подбрустверной галереи в головной капонир. Работа по возведению этой потерны производилась и была закончена в мобилизационный период.

Затем почти в одной степени развития работ находились еще 5 новых фортов: Е, З, Л, К и О, в которых были закончены лишь головные капониры и напольные фасы с подбрустверными галереями и потернами, ведущими из этих галерей в капониры, затем были также в большей или меньшей степени открыты наружные водяные рвы этих фортов, но в большинстве случаев не на полную глубину их; что же касается горж и боковых фасов этих фортов, то таковые находились в стадии самого начала работ, здесь были вырыты под предполагавшиеся по проекту казематы, казармы глубокие котлованы, установлены соответствующие каркасы и эстакады для подвоза, сброски и набивки бетона. Все эти временные сооружения, обширные штабели заготовленного камня и целые горы извлеченной из котлованов земли, возвышаясь над горизонтом, значительно демаскировали места фортов. Начальник инженеров крепости отмечает, что закончить их по проектам и программе работ мирного времени в предстоящий

короткий мобилизационный период совершенно не представлялось возможным. Поэтому ради сокращения размера работ пришлось все вышеуказанные временные вспомогательные сооружения, груды земли отрытых котлованов и запасы материалов в значительной части разобрать и по возможности местность спланировать, а излишний запас камня удалить с мест фортов, закончив постройку последних в более скромном масштабе, применяясь к создавшейся местной обстановке.³

Остальные по проекту мирного времени пять фортов первой линии обороны под литерами В, Г, Н, М и П постройкой еще не начались; к местам некоторых из этих фортов была подвезена только часть материала и начали возводиться некоторые временные вспомогательные постройки.

Кроме вышеназванных фортов по тому же внешнему поясу обороны были закончены четыре бетонные промежуточные оборонительные казармы и промежуточный гласис между фортами Ж и З.

Таким образом, в общем итоге на внешней крепостной оборонительной линии ко дню мобилизации имелись долговременные фортификационные сооружения: вполне законченные два форта (VIII и Ж) и четыре промежуточные оборонительные казармы; заканчивающиеся постройкой два форта (А и Х); пять фортов недостроенных в значительной своей части (Е, З, Л, К и О) и гласис Ж–З. Кроме этого имелись рефрижератор (холодильник) со складом консервов и несколько запасных и расходных пороховых погребов в разной степени готовности.

В главе «Соображения о работах мобилизационного периода» И.А. Лидерс характеризует работы, проведенные в крепости по подготовке отделов обороны к боевым действиям⁴. Он отмечает, что самым слабым фронтом крепости был в то время северо-восточный участок Кобринского отдела, на котором форты В, Г, Н и М не были начаты постройкой. Между тем этот фронт необходимо было заполнить укреплениями, чтобы прикрыть город Брест-Литовск и запасы крепости, сосредоточенные в главной ограде и в Интендантском городке, у Граевской слободки. Пришлось заполнить промежуток в 14 верст первой линии обороны между фортом VIII и фортом Е, для чего на новых местах, не указанных в общем плане переустройства крепости и отнесенных для сокращения этого промежутка, несколько назад от предполагавшихся мест, были возведены форты В, Г и М со включением в первую линию фортов VIII и Х. Все вновь

созданные форты имели за недостатком времени более слабый бетон, открытую оборону рвов и промежутков.

Одновременно с достройкой (вместе с некоторым переустройством) начатых в мирное время фортов первой линии обороны были начаты работы по возведению опорных пунктов по одному, по два, а в некоторых местах и по три на промежуток. Оборона промежутка намечалась преимущественно активной. Поэтому промежутки не были до конца июля 1915 г. заполнены рядами сплошных окопов, так как их не предполагалось занимать густыми цепями стрелков. Было решено иметь на промежутках менее сильные сомкнутые опорные пункты с убежищами для гарнизона и только в дополнение к этим опорным пунктам иногда местами окопы и гласисы. Сплошь занятые промежутки в несколько рядов и сплошные проволочные заграждения, по мнению начальника штаба крепости генерала Вейля, затрудняли бы производство контратак и закрывали бы артиллерии возможность обстреливать противника, ворвавшегося в промежуток.

На основании решения Совета обороны было начато исполнение инженерных работ в крепости, причем к работам первой очереди отнесены все работы на первом поясе фортов и работы специально уже мобилизационного характера на фортах второй линии, а во вторую очередь предполагалось приступить к постройке артиллерийских батарей и укреплению передовых позиций.

Далее бывший начальник инженеров Брест-Литовской крепости описывает оборонительные сооружения, возведенные в мобилизационный период, и отмечает, что для четырех полудолговременных фортов (В, Г, М и И), а также для всех промежуточных опорных пунктов был избран общий тип, подобный Лаоянским фортам.⁵ Кроме этого, необходимо было в тот же мобилизационный период произвести и некоторые работы необоронительного характера для размещения гарнизона и устройства госпиталей.

Вот как И.А. Лидерс описывает ситуацию на стройплощадках: «Все вышеперечисленные работы были начаты со второго же дня подготовительного периода 17-го июля и, постепенно расширяясь, по мере прибытия новых партий рабочих, к 20-му июля достигли своего полного развития и с этого дня производились самым усиленным темпом. Работали на многих пунктах непрерывно днем и ночью сменами. Работа производилась как в будни, так и воскресные и праздничные дни. В каждом пункте работ сновали беспрерывно взад и вперед рабочие с тачками, подводами с землей и материалами,

то спускаясь во рвы и котлованы, то подымаясь на горы земляных насыпей, напоминая своей суетливой работой муравьев в их лихорадочно-тревожной работе по восстановлению разрушенного муравейника. Командующий 5-й армией, которому крепость подчинялась в первые месяцы войны (штаб в конце июля и в начале августа 1914 г. размещался в городе Бресте), часто посещал места инженерных работ, следя, как он выражался, за «Вавилонским столпотворением»⁶.

На строительстве трудились 14 рабочих ополченских дружин, каждая численностью до 1200 человек, т. е. около 17 000 человек; рабочие отряды и транспорты от населения. Кроме вышеуказанных рабочих дружин к крепостным инженерным работам были привлечены за оплату рабочие от населения крепостного района числом до 40 000 человек и подводчики числом до 8000 подвод одноконных. В среднем ежедневно на крепостных инженерных работах состояло мастеровых и рабочих 70 000 человек и подвод до 8500. Ежедневный расход на заработную плату выражался колоссальной по тому времени суммой в 100 000 рублей и более.

Почти весь требовавшийся для работ строительный материал имелся в наличии, так как был заготовлен в большом количестве для работ по программе мирного времени. Необходимое же количество рельсов (сотни тысяч пудов) было взято из имевшегося запаса старых рельсов Брестского железнодорожного узла.⁷

В распоряжении И.А. Лидерса находились инженерные части крепостного гарнизона, которые должны были производить значительные объемы работ. Содержавшаяся в составе гарнизона Брест-Литовской крепости по штатам мирного времени крепостная саперная рота была немедленно, согласно мобилизационному плану, развернута в две роты: 1-ю и 2-ю Брест-Литовские саперные. Кроме того, вскоре после объявления мобилизации в состав Брест-Литовского крепостного гарнизона прибыла вновь сформированная 29-я отдельная саперная рота. Эти роты были распределены по отделам обороны крепости в распоряжение старших производителей работ – начальников инженерной части отделов обороны. Впоследствии крепостные саперные роты были направлены на фронт, а взамен их в крепость прибыли совершенно не подготовленные по специальности две ополченские саперные роты. Весной 1915 г. была прислана маршевая саперная рота, не получившая даже первоначальной общевоинской подготовки. В июле 1915 г. в крепость была возвращена 2-я крепостная саперная рота, а в конце месяца прибыла Ивангородская крепостная рота.

Кроме саперных частей начальнику инженеров крепости непосредственно были подчинены: крепостная телеграфная рота, оставшаяся в крепости до конца, но в уменьшенном составе, так как из нее был выделен кадр для формирования Ивангородской телеграфной роты; крепостная воздухоплавательная рота, послужившая кадром для сформированных весной 1915 г. шести полевых воздухоплавательных рот с привязными шарами, отправленных на фронт; крепостная радиостанция; голубиная почта; Сибирский осадный инженерный парк, присланный в Брест в ноябре 1914 г. и предполагавшийся для осады Кракова, но так и застрявший в Бресте до эвакуации крепости.⁸

Очень тепло отзывается И.А. Лидерс о личном составе командования крепости и военных инженеров Брест-Литовского крепостного управления и строительства, на чьи плечи легла вся тяжесть подготовки крепости к боевым действиям: «Отличный состав военных инженеров Брест-Литовского Крепостного Инженерного Управления и Строительства и проявленные ими энергия, усердие, одушевление и внимание к своему техническому делу способствовали успеху выпавшей на нашу долю инженерной задачи, которая была не из легких и усложнялась для меня необходимостью одновременно знакомиться с крепостью и подведомственными инженерными частями, ликвидировать дела и расчеты по строительству мирного времени и в то же время руководить ответственной и срочной работой по приведению перестраивавшейся крепости в готовность к обороне по инженерной части.

Особенно полезным и деятельным сотрудником моим в этом деле был Старший помощник по Хозяйственно-Административной части военный инженер Короткевич-Ночевой, к которому сохранится в душе навсегда глубокая благодарность и уважение за его недюжинную работоспособность, административно-организаторский талант, служебный такт и энергию.

Во главе общего дела подготовки крепости к обороне стоял всеми нами глубокоуважаемый комендант крепости генерал от артиллерии Владимир Александрович Лайминг. Это был, действительно, высокоавторитетный начальник, хорошо изучивший крепостное дело во всех отношениях, человек, беззаветно преданный родине и долгу, доброжелательный, внимательный к нуждам подчиненных, всем доступный, строг к себе и требователен в отношении подчиненных. Будучи полным хозяином крепости и держа управление ею в твердых руках, он не то что приказывал, а просто гипнотизировал всех нас

своим примером честной и беззаветной преданности долгу службы, и все ближайшие его сотрудники работали действительно не за страх, а за совесть. Отношения его к солдатам были безупречны и отеческие. В отношении личности коменданта как одного из элементов крепости, имеющего важное значение в смысле обороноспособности ее, в Бресте было благополучно.

Руководимые Комендантом крепости нервы ее: Крепостной Штаб и отдельные специальные Крепостные Управления работали дружно, сообщая, взаимно дополняя друг друга и содействуя успеху общей работы по подготовке крепости к обороне. Таким образом, и в этом отношении в Бресте дело было поставлено удовлетворительно».⁹

Много внимания уделяет И.А. Лидерс пехотным частям и крепостной артиллерии гарнизона, или, как он образно говорит, «мускулам крепостной позиции». Он с сожалением отмечает, что пехотные части постоянно менялись и не составляли постоянного гарнизона, что приводило к снижению обороноспособности крепости в целом: «С первых же дней мобилизации особое внимание Коменданта крепости было обращено на воинскую боевую подготовку частей крепостного гарнизона. Вначале в состав этого гарнизона включена была квартировавшая в Бресте 38-я пехотная дивизия, которая должна была служить кадром пехотной части гарнизона крепости, причем предполагалось, что в минуту надобности гарнизон пополнится еще одной или двумя обещанными дивизиями из состава полевой армии. Но, увы, все это оказалось лишь предположением, несбывшейся надеждой. В действительности вскоре чуть ли не с первого месяца началась вакханалия смены пехотных частей при понижающейся степени воинской подготовки их. Так, 38-я пехотная дивизия была сменена второочередной 75-й, также в свою очередь смененной 81-й пехотной дивизией. Эта последняя в октябре 1914 г. была вызвана на фронт, и взамен ее в крепость прибыли 22-я и 23-я курские бригады Государственного ополчения, которые пробыли в составе гарнизона крепости до конца 1914 г. (около трех месяцев).

В начале 1915 г. после ухода также в состав полевой армии 22-й и 23-й курских ополченских бригад в крепость Брест-Литовск была назначена уже одна лишь 87-я пехотная бригада, находившаяся до этого в распоряжении начальника военных сообщений фронта для охраны мостов и других железнодорожных сооружений. Эта бригада прибыла в крепость совершенно не подготовленной. Ее пришлось обучать, проводить курс стрельбы, с офицерами вести под руководством

начальника штаба крепости тактические занятия. Но в конце концов, и эта бригада была заменена другими пехотными частями.

Так как такая частая смена пехотных частей (5 раз в течение полугода) очевидно была не в пользу стойкости гарнизона, то, с целью образовать хотя бы небольшие постоянные пехотные кадры, комендант крепости по собственной инициативе распорядился сформировать сначала 15 рабочих ополченских рот и немедленно приступить к строевому обучению их, а затем исхлопотал в Ставке разрешение образовать из них «Брест-Литовский крепостной ополченский полк», штат которого был утвержден приказом Верховного Главнокомандующего от 10 декабря 1914 г. После эвакуации крепости этот полк, сохраняя свое название, перешел в состав нашей полевой армии».¹⁰

В конце мая 1915 г. начальник инженеров Брест-Литовской крепости полковник Лидерс получил назначение на строительство позиций для 3-й и 13-й армий впереди г. Влодавы и временно покинул крепость. За период с октября 1914 г. и до весны 1915 г. в крепости были выполнены следующие инженерные работы: 1. казематы фортов и опорных пунктов, а также и промежуточные оборонительные казармы оборудованы двухъярусными нарами и очагами для приготовления пищи. Все вышеперечисленные укрепления обеспечены водой устройством дополнительных Нортоновских колодцев; 2. форты оборудованы электрическим освещением (промежуточные опорные пункты предполагалось освещать керосиновыми лампами); 3. построены все батареи артиллерийской борьбы, батареи, фланкирующие промежутки и противостурмовые, причем некоторые из них с бетонными убежищами; 4. проложена подземная телефонная сеть для связи фортов со штабом секторов, последних со штабами отделов и отделов с центральным убежищем крепостного штаба (бетонированный погреб); 5. укреплены передовые позиции: впереди д. Скоки, у д. Мощена, у д. Задворцы, на песчаных буграх у д. Зани и у д. Добрынь. Местность впереди позиции Зани удалось сильно заболотить устройством с весны трех плотин на р. Каменка; 6. кроме того, осенью 1914 г. в каждом отделе обороны за первой фортовой линией построены землянки для зимовки гарнизона; 7. с весны 1915 г. приступили также к производству некоторых работ, начатых и не законченных по программе мирного времени, а именно к достройке промежуточного погреба у Вольнского форштата, к постройке моста через старое русло Буга и к оборудованию рефрижератора; 8. по особому распоряжению начальника инженерных снабжений фронта

построен плотовой мост через р. Буг на колонном пути у п. Янов и приспособлен для конного и грузового движения старый железный решетчатый мост через р. Буг Варшавской железной дороги.

Полны драматизма в описании И.А. Лидерса последние дни и часы отступления русских войск из крепости и города. Несмотря на то, что крепостная позиция была хорошо подготовлена к обороне, поступил приказ главнокомандующего фронтом об эвакуации. В мемуарах очень подробно описываются меры по подготовке и эвакуации крепостного имущества, подготовке к уничтожению фортификационных и необоронительных сооружений, коммуникаций и городских построек. Все мероприятия были выполнены, и город Брест-Литовск превратился в сплошной пожар: «Стоя на шоссе у фольварка Тришин... мы были свидетелями незабываемой, душу потрясающей картины феерического пожара: горели не только весь город целиком, его окрестности, строения инженерной мастерской на форту III, но и окрестные деревни на всем доступном глазу пространстве, причем даже торчащие на кладбище кресты были охвачены пламенем и горели в виде факелов».¹¹

Таким образом, воспоминания Ивана Александровича Лидерса являются ценным историческим источником, позволяющим наиболее полно реконструировать историю Брест-Литовской крепости и события Первой мировой войны на передовом театре военных действий. Возведение крепости являлось важным элементом общегосударственной политики укрепления Российской империи на западных рубежах. Поэтому ей придавалось большое значение в военно-стратегических разработках российских властей по ведению военных действий. На всем протяжении истории Брест-Литовской крепости здесь применялись самые современные военно-инженерные идеи и технические решения. Для строительства и поддержания ее в боевой готовности прилагались большие усилия, что привело к непрерывающемуся процессу ее модернизации. Перед Первой мировой войной это была наиболее подготовленная к боевым действиям российская крепость. Однако Брестская крепость, на строительство и модернизацию которой были затрачены колоссальные средства, боевого опыта Первой мировой войны не получила в силу общей неблагоприятной для российской армии ситуации, сложившейся летом 1915 г.

---

¹¹ Лидерс И.А. Описание крепости Брест-Литовск, ее мобилизации в 1914 г. и эвакуации в 1915 г. // Фонды Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой». Л. 3–4.

² Там же. Л. 1–2.

³ Там же. Л. 5–9.

⁴ Там же. Л. 10–15.

⁵ Там же. Л. 16–17.

⁶ Там же. Л. 18.

⁷ Там же. Л. 19.

⁸ Там же. Л. 19–22.

⁹ Там же. Л. 26.

¹⁰ Там же. Л. 27–28.

¹¹ Там же. Л. 78–79.

Г.Д. Пилишвили (Курск)

**ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ОРУЖИЕМ
ПОЛКОВ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ
КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
В ХОДЕ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ
ЛЕТОМ – ОСЕНЬЮ 1941 ГОДА**

ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в форме народного ополчения было широко развернуто в годы Великой Отечественной войны. Ополченческие формирования, как правило, появлялись всегда там, где складывалась особенно трагическая оперативно-стратегическая обстановка¹.

Одним из важных моментов на пути к созданию народного ополчения Советского государства стало совещание в ЦК ВКП(б), состоявшееся 26 июня 1941 г., на пятый день войны. На этом совещании при рассмотрении общих вопросов организации борьбы против вероломно вторгнувшейся армии германского фашизма впервые было обращено внимание на помощь Красной Армии широких народных масс². Огромную мобилизационную роль в организации массового ополченческого движения в стране сыграло выступление по радио 3 июля 1941 г. Председателя Государственного комитета обороны (ГКО) И.В. Сталина с призывом о создании народного ополчения³.

Ополченческое движение охватило почти всю страну. Народное ополчение создавалось в Прибалтийских республиках, в Белоруссии, в Молдавии, на Украине, в Закавказье. Наиболее же массовым оно стало в России. Только в Москве, например, за первые три дня войны от желающих немедленно отправиться на фронт добровольцами поступило более 70 тыс. заявлений. Ленинград уже к началу июля 1941 г. направил в действующую армию около 45,2 тыс. добровольцев. В Киеве к этому времени было подано свыше 52 тыс. заявлений. В Новосибирске за одну лишь неделю численность добровольцев

достигла 6680 человек. За первые три дня войны в Кемеровской области было подано более 22 тыс. заявлений; в Омской области к концу июля 1941 г. только в городские и районные военкоматы поступило 9 тыс. заявлений, в Оренбургской – более 8 тыс., в Ярославской – около 7 тыс. заявлений. И так было почти повсеместно⁴. К осени 1941 г. в стране насчитывалось 60 дивизий с составом свыше 4 млн. человек⁵. Уже в первые месяцы войны в боевой строй защитников Родины влилось около 2 млн. добровольцев⁶.

В Центральном Черноземье народное ополчение стало формироваться вслед за призывом, прозвучавшим в речи И.В. Сталина 3 июля 1941 г. Девятого июля 1941 г. бюро Курского обкома ВКП(б) принимает постановление об организации народного ополчения. В партийные и советские организации области поступали сотни заявлений от рабочих и работниц, служащих, колхозников и колхозниц, советской интеллигенции о зачислении в народное ополчение для помощи Красной Армии в разгроме врага⁷. В каждом районе города были созданы штабы по формированию ополчения, в которые входили секретари РК ВКП(б), ГК ВКП(б), председатели исполкомов райсоветов (горсоветов), секретари райкомов (горкомов) ВЛКСМ, начальники районных отделений милиции, председатели райсоветов (горсоветов) Осоавиахима и районные военные комиссары, во главе с секретарями РК ВКП(б).

В соответствии с полученными указаниями на местах была развернута работа среди населения по разъяснению значения народного ополчения и организации записи в него добровольцев. В качестве примера остановимся на мероприятиях, проведенных с этой целью в Микояновском районе Курской области. Тринадцатого июля решение обкома об организации ополчения было обсуждено на заседании бюро райкома ВКП(б), создан районный штаб, в помощь которому было выделено 79 руководителей агитколлективов для проведения собраний рабочих, служащих и колхозников. Пятнадцатого июля по вопросу создания ополчения было проведено районное совещание секретарей первичных парторганизаций, председателей сельсоветов и колхозов, а затем, до 20 июля, прошли общие собрания во всех колхозах, совхозах, учреждениях и на предприятиях. На этих собраниях в ополчение записалось 2115 человек (в том числе 575 женщин)⁸.

На 13–15 августа 1941 г. в ополчении Курской области значилось 119 239 человек, из них коммунистов – 13 571, комсомольцев – 15 468, беспартийных – 90 598 человек. В ополчение

вступили 36 044 женщины, 83 196 мужчин⁹. Наиболее многочисленными подразделениями были в Курске (10 757 человек), Дмитриевском, Пристенском, Рыльском, Коньшевском, Крупецком, Льговском, Фатежском районах. В сентябре продолжался процесс доукомплектования рядов народного ополчения по южным и юго-западным районам Курской области. К 25 сентября 1941 г. в Белгородском полку состояло 1287 чел., Беловском – 2199, Бесединском – 1131, Больше-Полянском – 1491, Боброво-Дворском – 1710 чел., Больше-Троицком – 974 чел. и т. д.¹⁰

Итак, количественно народное ополчение Курской области было организовано в короткие сроки. Теперь предстояла сложная задача – создать из всей этой разнородной людской массы боеспособные подразделения. Как правило, занятия в полках народного ополчения начинались во второй половине июля 1941 г. Это было связано с тем, что до этого времени не разработали программу, по которой велось бы обучение, существовала явная нехватка командующего и политического состава, необходимой литературы и военного инвентаря. Первоначально занятия проводились по программе, самостоятельно сформированной командованием полка с лицами, не ушедшими по мобилизации на фронт, вслед за ними – с теми, кто по тем или иным причинам был не годен для службы в армии. Что касается военно-подготовительной программы, рекомендованной обкомом партии, то в окончательном виде она была подготовлена в середине июля.

Обучение бойцов народного ополчения проводилось по специальной программе. Главной целью считалось подготовить беззаветно преданных делу партии и Родине, дисциплинированных, выносливых и самоотверженных бойцов для решительных действий в Великой Отечественной войне. Программа подготовки была рассчитана на 140 часов. Занятия проходили ежедневно по 3 часа, а в выходные дни – по 6 часов (как правило, полевых занятий)¹¹.

Расписание занятий составлялось штабом полка и рассылалось по батальонам, а те, в свою очередь, составляли расписание по ротам. Роты доводили это расписание до каждого бойца. Занятия ополченцев проходили через день с 18⁰⁰ до 20⁰⁰, по другим дням велись занятия по ПВХО¹².

Создание подразделений народного ополчения и боевая подготовка его личного состава предполагали наличие соответствующей материальной базы. Для нужд ополчения райисполкомами выделялись необходимые помещения: например, в Кировском районе г. Курска

командованию полка был отведен второй этаж школы № 39, первому и второму батальонам – помещения школ № 46 и № 42, третий базировался в здании райсовета¹³.

Газета «Курская правда», рассказывая о боевой учебе ополченцев Кировского полка народного ополчения, писала: «Батальоны приступили к боевой подготовке. Во главе подразделений поставлены товарищи, хорошо знакомые с военным делом... Проведено несколько занятий по изучению материальной части винтовки, пулемета, противогаса... Один из дней выделен для командирской учебы... В.А. Бобовников, С.И. Гусев, В.А. Старосельцев воспитывают подчиненных в духе военной дисциплины, умело обучают их военному делу...»¹⁴.

Особые трудности возникли с обеспечением ополченческих подразделений оружием и учебными пособиями. Установка на использование оружия Осоавиахима не решала проблему в полной мере, тем более что на него претендовали также истребительные батальоны, а затем и подразделения всеобщего обучения. «Учебное оружие, находящееся в райсовете Осоавиахима (39 учебных винтовок), – писал 11 августа 1941 г. в Курский обком заведующий военным отделом Борисовского РК ВКП(б) Т. Куликов, – все взято для истребительного батальона... Моя попытка передать хотя бы 50 % учебного оружия райсовета Осоавиахима народному ополчению безуспешна. Прошу вашего вмешательства... Отсутствие учебного оружия в подразделениях народного ополчения ставит под угрозу срыва обучение ополченцев в огневой подготовке, рукопашном бою»¹⁵. «Учебных винтовок имеем 52, – указывал 7 августа заведующий военным отделом Новооскольского райкома И. Зеленский, – надо не менее 200 штук из расчета 1 винтовка на отделение... Станковых пулеметов имеется 1, надо не менее 12, по 1 пулемету на роту»¹⁶. «В результате отсутствия необходимого количества учебных пособий, – сообщал 1 августа секретарь Львовского РК ВКП(б) В.Г. Каменев, – посещаемость занятий снижается. Не имея возможности обеспечить то или иное подразделение руководством по изучению винтовки, вынуждены заниматься исключительно строевыми дисциплинами, что, конечно, влияет на посещаемость»¹⁷.

Что касается военно-материальной базы, то в большинстве районов Курской области она была крайне незначительной, в связи с чем невозможно было качественно обучить население и дать тот уровень знаний, который был необходим для ведения боевых действий с противником.

Как уже отмечалось выше, районные организации Осоавиахима обладали минимальной военно-технической базой. Так, в Мало-архангельском районе для обучения бойцов народного ополчения имелось в наличии 15 учебных винтовок, 60 противогазов, учебный ручной пулемет и небольшое количество разных уставов. Этот инвентарь явно не мог удовлетворить всех нужд района¹⁸.

Дополнительная проблема с материальным имуществом возникла из-за того, что то незначительное вооружение, которое имелось в полках народного ополчения, к августу 1941 г. следовало передать в истребительные батальоны.

Микояновский РК ВКП(б) доводил до сведения военного отдела Курского обкома партии, что со стороны РО НКВД на основании указания областного УНКВД требовалась немедленная передача имеющегося оружия истребительному батальону (хотя последний оружием был укомплектован полностью), сформированному в районе. Следовательно, при выполнении данного требования народоополченцы, в количестве 2115 человек, лишались возможности проводить боевые занятия¹⁹.

Бывали и парадоксальные ситуации, связанные с оружием. Местные органы НКВД выдавали оружие для тренировочных стрельб, но с условием их возврата в тот же день. Таким образом, ответственные лица из сельсоветов должны были ежедневно приезжать за оружием и ежедневно его сдавать на склад. Но выполнить это было невозможно, так как порой приходилось проезжать до 40 километров в день²⁰.

Трудная ситуация, связанная с материальным имуществом, возникла и в Льговском районе. Секретарь райкома В.Г. Каменев в своей докладной записке в Курский обком ВКП(б) пояснял, что для нормальных занятий полка народного ополчения необходимо в каждом подразделении иметь хотя бы по одной учебной винтовке, и самое главное – по одному уставу для командиров, чтобы последние могли качественно готовиться к занятиям.

Из-за плохой обеспеченности военно-материальной базой в некоторых районах занятия в батальонах и ротах начинались в разные сроки²¹. В Дмитриевском районе 3 роты народоополченцев к занятиям приступили 23 июля, 2 других через два дня, а оставшиеся 9 – только 1 августа²². Данная ситуация повлияла на то, что некоторые бойцы, усвоив программу, уходили вперед, другие отставали и им приходилось наверстывать упущенное.

Чтобы улучшить материальную базу ополчения, обком партии дал указание об использовании учебной базы истребительных батальонов, об изготовлении и ремонте оружия своими силами. В Воловском районе ополченцы собственными силами изготовили деревянные винтовки, болванки гранат и чучела для штыкового боя²³. Подобные меры позволяли улучшить положение с материальной базой, но незначительно.

Помимо трудностей объективного характера, при формировании ополчения было допущено немало ошибок, в ряде случаев был допущен и явный формализм, когда ополченческие подразделения были созданы лишь на бумаге. Это выявилось, в частности, в результате проверок, проведенных в августе по заданию военного отдела Курского обкома ВКП(б) его инструктором И.Н. Лоскутовым, заведующими военными отделами Сталинского и Дзержинского райкомов А.И. Капрановым и А.М. Липинским – соответственно в Малоархангельском, Стрелецком и Медвенском районах²⁴. Проверка по Малоархангельскому полку народного ополчения показала следующее. Райком партии не руководил ходом организации ополчения – из 1509 человек, подавших заявления, только 165 человек членов ВКП(б) и 105 членов ВЛКСМ. Ни одна первичная партийная организация на своих партийных собраниях не обсуждала вопроса организации ополчения и организации учебы среди тех, кто уже подал заявления.

Формирование стрелковых подразделений производилось огульно, без индивидуального учета военного состава и способностей народных ополченцев. Зачислялись в стрелковые взводы все, независимо от возраста и здоровья. Материальная база для обучения народного ополчения была крайне незначительной. Например, имелось в наличии учебных ручных пулеметов – 1, учебных винтовок – 15, противогазов – 60 и несколько разных уставов. К изысканию же учебно-наглядных пособий на месте никаких мер не принималось²⁵.

Все это лишний раз свидетельствует о том, что народное ополчение, по большей части, было предоставлено само себе, как по оснащению, так и по обучению. Контроль над ополчением возлагался на местные партийные органы, которые относились к этому делу как им вздувается²⁶.

В основу программы боевой подготовки ополченцев был положен курс одиночной подготовки бойца РККА и программа подготовки на звание «Ворошиловский стрелок» I степени. Бойцы занимались

строевой, огневой, тактической подготовкой. Изучали материальную часть стрелкового отделения и правила ухода за нею, теорию стрельбы, средства и методы ПВХО и защиты, действия бойца в составе ополчения, взвода в наступлении и обороне, на марше. Занятия планировались штабами полков для батальонов. Такая централизация планирования занятий объясняется недостаточной учебной базой. Приходилось маневрировать имеющимися учебными пособиями. Занятия проводились ежедневно после работы. Однако обком ВКП(б) установил трехдневный период занятий, так как ежедневность связывала возможность участия ополченцев в решении производственных задач.

Постоянно искали пути улучшения боевой и политической подготовки ополченцев. В соответствии с решением обкома ВКП(б) учебно-материальную базу, печатными пособиями предлагалось обеспечить организациям Осоавиахима. Но, к сожалению, районные организации Осоавиахима обладали минимальной военно-технической базой. В ведомости оружия, находящегося в распоряжении райсоветов и Осоавиахима, на начало августа 1941 г. значится: учебных винтовок образца 1891/1930 – 2194 (из них 973 требуют ремонта), винтовок нарезных – 233 (требовали ремонта), малокалиберных винтовок – 945, пулеметов и револьверов системы Наган – 36, кавалерийских шашек – 265²⁷.

О состоянии вооружения ополчения можно судить по наличию оружия в четырех полках г. Курска. Так, Ленинский полк ополчения на 4 августа 1941 г. имел учебных винтовок – 132, малокалиберных – 78, боевых винтовок 7,62 мм – 52, ручных пулеметов – 3, наганов – 3. Дзержинский полк имел 224 учебных винтовки, 9 ручных пулеметов, 2 станковых, 12 гранат. На 17 июля 1941 г. в Кировском полку ополчения было 40 боевых австрийских винтовок, 600 патронов к ним, 20 малокалиберных винтовок²⁸.

О плохом вооружении районных полков свидетельствовали данные из Белгорода, Борисовки, Мантурова, Медвенки, Свободы, Рьельска, Черемисинова, Пристени и других районов области²⁹. Чтобы улучшить материальную базу ополчения, обком партии дал указание об использовании учебной базы истребительных батальонов, об изготовлении и ремонте оружия своими силами. Выполняя эти указания, партийные организации области мобилизовали ополченцев на улучшение учебной базы, вооружение ополчения. Так, в ополчении Кировского района г. Курска изготовили 206 гранат-болванок,

25 макетов винтовок, 5 чучел, что позволило улучшить практическое обучение использованием личным оружием в бою.

Партийные комитеты осуществляли систематическое руководство деятельностью ополчения. Восьмого августа 1941 г. бюро Кировского РК ВКП(б) заслушало отчет о ходе боевой и политической подготовки батальонов народного ополчения. В августе 1941 г. Ленинский РК ВКП(б) г. Курска, рассмотрев отчет командира полка народного ополчения А.Н. Лихачева, предложил партийным организациям до 20 августа заслушать отчеты командиров рот, политруков о состоянии боевой и политической подготовки. Также было предложено оказывать всяческую помощь командованию полка в укреплении военной дисциплины, не прекращать работы по вовлечению граждан в ополчение. Бюро Ленинского РК ВКП(б) обратилось к командованию гарнизона с просьбой об оказании ополчению помощи в пополнении учебной базы – выделить командованию полка кадровых офицеров РККА. Обком ВКП(б) поддержал просьбу Ленинского РК ВКП(б), ходатайствовал перед командованием Орловского военного округа по вопросу о присылке в Курск необходимого количества литературы, о прикреплении к ополчению кадровых командиров. Командование округа посылало в ополчение М.А. Шарковского, Власова, Шевченко, Саранцева, Г.П. Ломакина, А.М. Григоряна, Карели, Миляева, Замулюкина и других кадровых командиров. Они возглавили роты, взводы ополчения, улучшили боевую подготовку бойцов, дисциплину в подразделениях. Но опять же повторимся, как свидетельствуют документы военных лет, все эти предпринятые меры до конца не решили возникших трудностей и проблем. В докладных из райкомов ВКП(б), присланных в адрес военного отдела обкома партии, отмечалось еще несколько отрицательных тенденций, не упомянутых нами ранее, а именно: частая смена командно-политического состава в связи с призывом в Красную армию, слабое комплектование и подготовка командного состава в ротах в Ленинском, Медвенском, Стрелецком, Малоархангельском полках ополчения³⁰. Так, в Ленинском (сельском) полку к 14 августа 1941 г. командный состав рот и батальонов составлял лишь 27 человек. В штабе полка не имелось четкого представления о порядке пополнения командиров и политработников во взводы. В Стрелецком районе в состав взвода были включены колхозники двух хозяйств Новопоселковского сельсовета, находящихся друг от друга на расстоянии 5 км. В Судже большинством сельсоветов своевременно (к 1 августа 1941 г.) не были представлены в

штаб полка заявляя записавшихся в ряды ополченцев. Имелись нарушения с записью добровольцев в подразделениях ополчения в колхозах Нижнеграйворонского, Марьинского сельсоветов Октябрьского района³¹. Низкую явку на военные учебные занятия в 9-й роте 3-го батальона Кировского полка ополчения демонстрировали рабочие Курской дистанции пути (кузнецы В.В. Самохин, Ф.Г. Рязанцев, мостовой слесарь П.А. Беспалов, электромонтер дистанции связи Г.Н. Ляхов), нарушения дисциплины были отмечены среди работников Западного паровозного депо, входивших в состав 1-го батальона полка³².

Выявленные недостатки стали предметом рассмотрения на заседании бюро Курского обкома ВКП(б) 22 августа 1941 г. Отметив, что они имеются и в ряде других районов (Глазуновском, Хомутовском, Коньшевском, Золотухинском), бюро потребовало от райкомов партии обсудить вопрос о формировании и военном обучении полков народного ополчения и в кратчайшие сроки устранить допущенные ошибки³³.

Не совсем оправданным оказался и сделанный вначале при формировании ополчения упор на всемерную массовость вступления в его ряды (как говорилось в инструкции Курского обкома партии от 11 июля, «...не ограничивая возрастом и состоянием здоровья»)³⁴.

Подводя итоги, следует отметить действительно массовость и патриотизм большей части населения Курской области при защите области от врага и его желание вступить в ряды народного ополчения, однако обучение и материальное обеспечение, в том числе и вооружением, бойцов-ополченцев было явно недостаточным, особенно в сельских районах. Хотя партийными и государственными органами предпринимались попытки устранить выявленные недостатки, но времени на это оказалось недостаточно, в конце 1941 г. практически вся территория области была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками, а народное ополчение приняло участие в оказании сопротивления врагу лишь при обороне г. Курска в начале ноября 1941 г.

---

¹ Колесник А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М., 1982. С. 173.

² Колесник А.Д. Ополченческие формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 9.

³ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1950. С. 29–30.

⁴ Сеницын А.М. Всенародная помощь фронту. 2-е изд. М., 1985. С. 15–16.

- ⁵ Колесник А.Д. Ополченческие формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. С. 10.
- ⁶ Колесник А.Д. Народное ополчение городов-героев. М., 1974. С. 27.
- ⁷ Суровая правда войны: 1941 год на Курской земле в документах архивов. Часть 1: Сборник документов. Курск, 2002. С. 167–168.
- ⁸ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИ КО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2775. Л. 1.
- ⁹ Там же. Д. 2774. Л. 25–25 об.
- ¹⁰ Информационный центр УВД по Курской области (ИЦ УВД КО). Ф. 38. Оп. 1. Д. 3. Л. 343.
- ¹¹ Шамаев В.Г. Партийное руководство военно-патриотическим воспитанием населения Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Воронеж, 1988. С. 113.
- ¹² ГАОПИ КО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2774. Л. 2.
- ¹³ Там же. Л. 81.
- ¹⁴ Организация подразделений народного ополчения в Курской области (июль – август 1941 г.) // Курский край. Науч.-ист. журн. № 4–5 (13–14) Курск, 2000. С. 6.
- ¹⁵ ГАОПИ КО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2775. Л. 28.
- ¹⁶ Там же. Л. 110.
- ¹⁷ Там же. Л. 8.
- ¹⁸ Меньшиков Е.Н. Деятельность государственно-политических структур и оборонно-массовых организаций по подготовке военно-обученных резервов в годы Великой Отечественной войны: (на материалах Курской области): дисс.... канд. ист. наук. Курск, 2008. С. 79.
- ¹⁹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2775. Л. 2.
- ²⁰ Там же. Л. 63.
- ²¹ Там же. Л. 38.
- ²² Там же. Л. 32.
- ²³ Меньшиков Е.Н. Деятельность государственно-политических структур и оборонно-массовых организаций по подготовке военно-обученных резервов в годы Великой Отечественной войны. С. 81.
- ²⁴ Яценко К.В. Организация добровольческих военизированных формирований в годы Великой Отечественной войны: (По материалам областей Центрального Черноземья). М., 2003. С. 11.
- ²⁵ ГАОПИ КО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2774. Л. 10 об.
- ²⁶ Там же. Л. 115.
- ²⁷ Там же. Л. 32, 34, 63, 71.
- ²⁸ Там же. Л. 5, 20 об, 52.
- ²⁹ Там же. Л. 23, 28, 33–35, 93–94, 96.
- ³⁰ Там же. Л. 5, 20 об, 52.
- ³¹ Там же. Л. 86, 115.
- ³² Там же. Л. 18–19.
- ³³ Там же. Л. 68–70.
- ³⁴ Там же. Л. 150.

И.Б. Пинк (Тула)

ПЕРЕДЕЛКА ТРОФЕЙНЫХ НЕМЕЦКИХ И АВСТРИЙСКИХ СТАНКОВЫХ ПУЛЕМЕТОВ НА ТУЛЬСКОМ ОРУЖЕЙНОМ ЗАВОДЕ В 1915–1917 ГОДАХ

В О ВРЕМЯ Первой мировой войны армии воюющих стран испытывали недостаток в автоматическом оружии¹. Особенно остро эта проблема стояла в российских войсках, в которых еще в июле 1914 г. по плану снабжения не хватало 833 пулемета. В целом даже запланированного количества этого вида стрелкового оружия – 4990 шт. – для армии России, насчитывавшей около 5 млн военнослужащих, было недостаточно, и эта ситуация только обострилась с потерями пулеметов в ходе боевых действий².

Один из способов восполнить дефицит тяжелого автоматического оружия заключался в использовании трофейных станковых пулеметов. Такая инициатива исходила, в частности, от командного состава воюющих частей российской армии. Например, командир 3-го Сибирского стрелкового полка в январе 1915 г. сообщал, что у него в подразделении в настоящее время имеется всего 4 «русских пулемета», поэтому «весьма желательно возможно скорее применить в бою» трофейные германские пулеметы³.

В это время на вооружении Германии стоял 7,92-мм пулемет системы Максима МГ08 (образец 1908 г.), использовавший винтовочный патрон Маузера. Одним из самых заметных отличий немецкого варианта системы Максима являлось использование станка так называемого «салазочного» типа. Его остов состоял из салазок с полозьями, которые заканчивались задними ногами. К салазкам подвижно крепились передние ноги. В зависимости от их установки выделяли четыре различных положения станка⁴.

В российских и немецких вариантах Максима применялись различные боеприпасы: российский пулемет обр. 1910 г. вел

стрельбу 7,62-мм (3-линейными) винтовочными патронами обр. 1908 г. (7,62×54R), МГ08 –винтовочными патронами Маузера обр. 1905 г. калибром 7,92 мм (7,92×57 Маузер).

В некоторых захваченных пулеметах продолжали использовать патроны Маузера⁵. Однако снабжение ими российской армии не могло не носить случайного характера, и поэтому одним из вариантов устойчивого пополнения боеприпасов к трофейным МГ08 являлась их переделка под отечественный винтовочный патрон.

Следует отметить, что аналогичное решение было принято в Германии и Великобритании: немцы переделывали захваченные российские пулеметы Максима под 7,92-мм германский винтовочный патрон, а британские войска на Западном фронте использовали трофейные МГ08, переделанные под 7,71-мм английский винтовочный патрон⁶.

Факт приспособления трофейных пулеметов для стрельбы российскими патронами неоднократно отмечался в исследованиях⁷. Однако технические подробности такой операции и роль в ней Тульского оружейного завода (далее – ТОЗ) ранее не изучались.

Рассмотрим конструктивные отличия российского станкового пулемета системы Максима обр. 1910 г. от его немецкого аналога. Помимо указанного выше различия в калибрах, ствол германского пулемета не имеет в дульной части утолщения, как у российского. Для увеличения энергии отдачи на дульную часть ствола надевается втулка, которая помещается в надульнике-пламегасителе. Коробка возвратной пружины имеет указатель усилия ее натяжения. У российского пулемета для присоединения затыльника используются направляющие ребра, у немецкого пулемета для этого в затыльнике имеются продольные пазы, в которые входят задние срезы стенок короба⁸.

Замок МГ08 обличается от этой же части российского пулемета 7 конструктивными особенностями и устройством 3 внутренних деталей⁹.

Рассмотрим процесс и стоимость переделки МГ08 на ТОЗ сначала на примере немецких пулеметов с заводскими № 2075, 2064, 2074, 2076, 1028, которые были переделаны на заводе в первой четверти 1915 г. Для них на ТОЗ заново изготовили 20 стволов (из них 15 запасных), 20 «гаек к стволу» (из них 15 запасных), 5 надульников, 5 пробок надульника «в 14 мм», 5 «втулок бронзовых», 25 «заклепок ко втулочке», 10 замков (из них 5 запасных), 5 «желобков в трубке кожуха

латунных», 5 шатунов, 5 «гаек шатуна», 5 «прокладок в 0,005», 5 «прицелов собранных», 35 «заклепок для дыр», 5 пароотводных трубок, 5 «цепочек к пробке», 5 «стоек пароотводной кишки», 5 «кишок для отведения пара» и 5 «колпачков на наддульник собранных». Непосредственно самой переделке подвергались приемники, крышки кожуха, мушки, пружины выводной трубки, спусковые тяги, кожух и дно труб, что выполнялось в коробочной и сборно-пулеметной мастерских завода¹⁰.

Общая стоимость этих работ с учетом цен на материалы, заработной платы и накладных расходов равнялась 1474 р. 77 к.¹¹ Таким образом, средняя стоимость переделки одного пулемета составила около 294 р. 95 к. Аналогичные операции над пулеметом № 574, завершённые в апреле 1915 г., обошлись в 306 р. 23 к.¹² Следует отметить, что стоимость изготовления одного пулемета обр. 1910 г. (без учета стоимости станка) на ТОЗ в 1914 г. равнялась 948 р. 94 к., в 1916 г. – 1346 р. 23 к.¹³ Таким образом, переделка этих МГ08 обошлась не менее чем в 3 раза дешевле, чем изготовление новых пулеметов обр. 1910 г.

При переделке на ТОЗ в 1915 г. немецкого пулемета с заводским № 1442 кроме указанных выше частей были заново сделаны правая и левая станины рамы, пружина станины рамы и 3 заклепки пружины¹⁴. Вероятно, изготовление этих деталей было вызвано не приспособлением МГ08 для стрельбы российскими патронами, а необходимостью их замены в результате выхода из строя, скорее всего, во время боевых действий. Стоимость этой переделки и, по-видимому, ремонта составила 353 р. 17 к.¹⁵ С учетом изготовления обеих станин переделка двух МГ08 с № 365 и № 1292 стоила 651 р. 86 к., что равняется около 325 р. 93 к. за пулемет¹⁶.

Эти работы также обходились значительно дешевле производства пулеметов обр. 1910 г.

В дальнейшем тульские оружейники упростили процесс переделки трофейных немецких пулеметов. Так, в своем рапорте от 16 апреля 1915 г. исполняющий должность начальника ТОЗ запросил у ГАУ разрешение на использование при этих работах немецких замков, так как «в настоящее время приладка немецких боевых личинок под русский патрон закончена»¹⁷. В телеграмме от 31 апреля 1915 г. такое разрешение было получено¹⁸.

Следовательно, указанные выше отличия в конструкциях замков пулемета обр. 1910 и МГ08 совершенно не мешали приспособлению

последнего для стрельбы российскими патронами, и единственным препятствием к этому являлась только форма боевой личинки немецкого пулемета. Действительно, в функции этой детали замка входит извлечение патрона из ленты, подача его в патронник и извлечение стреляной гильзы, поэтому конфигурация боевой личинки приспособлена к форме гильзы 7,92-мм немецкого винтовочного патрона Маузера обр. 1905 г. (7,92×57 Маузер)¹⁹.

Основное отличие гильз российского и немецкого патронов – выступающая закраина (фланец) у образца 1908 г. Однако ширина боевой личинки у обоих типов замков примерно одинакова. Поэтому боковые стенки вертикальных выступов с пазами боевой личинки МГ08 наклонные, в то время как у обр. 1910 г. – прямые²⁰. Технологию переделки боевой личинки немецкого пулемета в документах обнаружить не удалось. По-видимому, на ТОЗ выступы немецкого замка каким-то образом выпрямляли и затем подгоняли их пазы под фланец российского патрона.

Выше указывалось, что МГ08 размещали на станках-салазках. К российскому пулемету обр. 1910 г. было принято три модели станков: колесный станок полковника Соколова обр. 1908 г., российский станок-тренога²¹ и тренога к пулемету Виккерса. Для возможности установки на них МГ08 старший мастер И. Пастухов в феврале 1915 г. представил спроектированный по указанию начальника ТОЗ А. В. Куна «особый, весьма простой конструкции» хомут²².

Помимо переделки поступивших на ТОЗ трофейных МГ08 имели место отдельные случаи их сборки из деталей, оставшихся от разных немецких пулеметов этой модели. Например, такой «сборный» пулемет за № 2373 был сделан в декабре 1916 г.²³

За январь–март 1915 г. на ТОЗ было переделано под российские патроны 26 германских пулеметов²⁴. Такие работы производились по меньшей мере до начала февраля 1917 г.²⁵

Общее число пулеметов МГ08, переделанных на ТОЗ в период с 1914 по 1917 г., выявить не удалось. Однако оно не может превышать 2000 штук – именно столько пулеметов было захвачено российской армией в 1914–1917 гг.²⁶ Также известно, что на 1 марта 1917 г. в российской армии находилось 408 переделанных австрийских и немецких пулеметов²⁷. Это число значительно уступает количеству произведенных в России пулеметов – 27 571 шт.²⁸, однако трофейные образцы сыграли свою роль в снабжении российских войск автоматическим оружием.

Несколько иначе сложился на ТОЗ процесс переделки под российский патрон трофейных австрийских пулеметов.

На вооружении войск Австро-Венгрии в период Первой мировой войны состоял 8-мм пулемет Шварцлозе образца 1907/1912 г.²⁹ В качестве производственной базы их переделки в исследованиях указывались мастерские Киевского и Петроградского артиллерийских складов, однако участие в ней ТОЗ ранее не рассматривалось³⁰.

Согласно выявленным документам, первые 2 австрийских пулемета с треногами были направлены 8 января 1915 г. из Киевского артиллерийского склада на ТОЗ в целях выяснения возможности их переделки под 3-лин. винтовочные патроны³¹. В своем рапорте от 11 марта 1915 г. за № 996 начальнику ТОЗ его помощник П.П. Третьяков докладывал, что к этому времени на завод были высланы 86 «шварцлозе» для их переделки под российский патрон, а также сообщил, что для этого придется изготовить новые стволы, «чертеж которых ничего общего не имеет» со стволом обр. 1910 г.³² Организация такого производства, по мнению помощника начальника ТОЗ, замедлила бы выпуск пулеметов Максима, поэтому П.П. Третьяков просил разрешения отложить переделку «до более благоприятного времени», по крайней мере, до перевода пулеметной мастерской в новое помещение³³.

Вероятно, учитывая это мнение, 6 апреля того же года ГАУ предписывает выслать в Киевский артиллерийский склад 62 «исправных» пулемета Шварцлозе с их отремонтированными треногами, а 4 «неисправных» вместе со станками – в запасной батальон Офицерской стрелковой школы. При этом ГАУ запрашивало о возможности и сроках ремонта и переделки под российский патрон остальных 33 «шварцлозе»³⁴. Таким образом, можно предположить, что к этому времени на ТОЗ находилось не менее 99 австрийских пулеметов.

Однако 9 апреля последовало срочное предписание ГАУ о переделке на ТОЗ 62 австрийских пулеметов. Вместе с тем последовало распоряжение Киевскому военно-окружному артиллерийскому управлению выслать на ТОЗ 500 австрийских винтовочных патронов³⁵. По-видимому, первое решение было вызвано рапортом в ГАУ исполняющего должность военно-окружного артиллерийского управления Петроградского военного округа от 6 апреля 1915 г. за № 375. В нем сообщалось, что в мастерской склада Петроградского военного округа под руководством полковника Е.К. Кабакова был переделан под российский винтовочный патрон пулемет Шварцлозе, поступивший от 2-й Кубанской казачьей дивизии. Для этого потребовалось толь-

ко заменить прежний ствол стволом магазинной винтовки образца 1891/1910 г. Проведенные стрельбы показали удовлетворительное действие переделанного пулемета. В рапорте предлагалось для такой переделки направлять с ТОЗ в войсковые мастерские 3-линейные винтовочные стволы с уже сделанными каналами ствола и патронниками, «но без заточенного пенька и без наружной обточки». Планировалось в день приспособить под российские патроны до четырех пулеметов³⁶.

Вопрос о переделке австрийских пулеметов был рассмотрен на заседании V отделения Артиллерийского комитета ГАУ 14 апреля 1915 г. В его заключении предписывалось провести на ТОЗ исследование способа Кабакова³⁷.

По всей видимости, ГАУ приняло решение о переделке «шварцлозе» силами войсковых мастерских, о чем свидетельствует распоряжение от 20 апреля 1915 г. за № 8527/2302 экстренно выслать все исправные и неисправные пулеметы Шварцлозе с ТОЗ на Киевский склад³⁸. По имеющимся к концу апреля 1915 г. сведениям, на Юго-Западном фронте были сформированы 24 пулеметные команды, вооруженные пулеметами Шварцлозе, которые были переделаны под российские винтовочные патроны указанным выше способом³⁹. Можно предположить, что для такой операции винтовочные стволы, или их часть, поступали с ТОЗ, но эта гипотеза требует подтверждения.

Тем не менее, в 1916 г. имели место отдельные случаи переделки австрийских пулеметов на ТОЗ⁴⁰. Таким образом, объем этих работ, по всей видимости, количественно уступал переделке МГ08.

Следует отметить, что в годы Гражданской войны в России согласно специальной инструкции ГАУ производилась аналогичная переделка пулеметов МГ08 и Шварцлозе, использовавшихся в Красной Армии⁴¹.

Факт переделки трофейных пулеметов на ТОЗ является еще одним свидетельством выдающейся роли завода в вооружении российской армии передовым для того времени тяжелым автоматическим оружием, что подтверждает слова председателя артиллерийской комиссии при Особом совете по обороне генерал-лейтенанта А.А. Манниковского, сказанные им во время выступления на общем собрании Государственного совета 4 апреля 1916 г.: «Позвольте мне... засвидетельствовать перед Вами о выдающейся деятельности в эту войну казенных заводов артиллерийского ведомства, особенно заводов Тульского оружейного и трубочных <...> Во время войны артиллерийские

заводы мощно развили свою деятельность, не только не отставая от заданий, но и обыкновенно опереживали их, и в трудные минуты оказывали существенную помощь делу обороны»⁴².

---

¹ Федоров В.Г. Оружейное дело на грани двух эпох. Ч. II. Оружейное дело в первую империалистическую войну. М.: Изд. Акад. РККА, 1939. С. 88.

² Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М.; Л.: Госиздат. Отдел военной литературы, 1930. С. 154.

³ ГАТО. Ф. 187. Оп. 2. Д. 500. Л. 50.

⁴ См., например: Описание материальной части германского пулемета и его салазочной установки. Петроград, 1917. С. 21, 32.

⁵ Федосеев С. Л. Пулеметы Русской армии в бою. М.: Яуза, Эксмо, 2008 (От двуглавого орла к красному знамени). С. 166.

⁶ Монетчиков С.Б. Пехотное оружие Третьего рейха. СПб.: Атлант, 2007. Т. 3. С. 28; Федосеев С. Л. Указ. соч. С. 164; Благонравов А.А. Материальная часть стрелкового оружия. Кн. I. М.: Оборонгиз НКАП, 1945. С. 95.

⁷ Федосеев С. Л. Указ. соч. С. 162–164, 166, 168, 170.

⁸ Благонравов А.А. Материальная часть стрелкового оружия. Кн. II. М.: Оборонгиз НКАП, 1946. С. 293.

⁹ Там же. С. 293–294.

¹⁰ ГАТО. Ф. 187. Оп. 2. Д. 500. Л. 5, 5 об.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 31.

¹³ Там же. Оп. 4. Д. 12. Л. 232.

¹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 500. Л. 8.

¹⁵ Там же. Л. 9.

¹⁶ Там же. Л. 13.

¹⁷ Там же. Л. 33.

¹⁸ Там же. Л. 34.

¹⁹ Благонравов А.А. Указ. соч. С. 244.

²⁰ Данные получены путем визуального сравнения немецкого и российского замков из собрания ТГМО (ТГМО КП-1796 и ТГМО КП-1788).

²¹ Федоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. Ч. II. Развитие автоматического оружия. М.: Гос. воен. издат., 1939. С. 97.

²² ГАТО. Ф. 187. Оп. 2. Д. 500. Л. 35.

²³ Там же. Л. 253.

²⁴ Там же. Оп. 4. Д. 12. Л. 24.

²⁵ Там же. Оп. 2. Д. 500. Л. 5, 270.

²⁶ Маниковский А.А. Указ. соч. С. 165.

²⁷ Федосеев С.Л. Указ. соч. С. 168, 170.

²⁸ Маниковский А.А. Указ. соч. С. 165.

²⁹ См. например: Девуж М. Современное автоматическое оружие. М.: Военный вестник, 1927. С. 154, 156.

³⁰ Федосеев С. Л. Указ. соч. С. 164.

³¹ ГАТО. Ф. 187. Оп. 2. Д. 500. Л. 1.

³² Там же. Л. 22.

³³ Там же. Л. 22.

³⁴ Там же. Л. 14–14 об.

³⁵ Там же. Л. 18.

³⁶ Там же. Л. 18–18 об, 37–37 об.

³⁷ Там же. Л. 37 об.

³⁸ Там же. Л. 33.

³⁹ Там же. Л. 37 об.

⁴⁰ Там же. Л. 195, 251.

⁴¹ Готов И.А. В.И. Ленин и вооружение Красной Армии в годы гражданской войны // Сб. исследований и материалов АИМ. Вып. II. Л.: Изд. АИМ, 1958. С. 15.

⁴² ГАТО. Ф. 187. Оп. 4. Д. 12. Л. 185–185 об.

А.А. Порошин (Саратов)

**ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЕ АРМИЯМИ
ФРОНТОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ГЕНЕРАЛ ОТ АРТИЛЛЕРИИ Н.И. ИВАНОВ**

*«Военное искусство, как всякое,
основывается на подборе талантов,
на небольшом количестве теории и на
огромном количестве практики»¹.*

НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII вв. деятельностью Петра Великого были заложены основные положения русской военной системы, которые позволили создать мощную армию с профессиональным офицерским корпусом. В последующем Россия на долгие годы утратила приоритет в военном развитии, в том числе в вопросе профессионализма офицерского состава. Армия уклонилась с пути, указанного великими русскими полководцами, ее стали не так воспитывать и учить не тому, что надо для войны².

Это позволило некоторым исследователям, например, Сэмюэлю Хантингтону³, считать датой рождения военного профессионализма 6 августа 1808 г.⁴, когда правительство Пруссии издало указ о порядке присвоения офицерского звания, установивший базовые стандарты профессионализма: «Единственным основанием для присвоения офицерского звания отныне будет в мирное время – образование и профессиональные знания, а в военное время – выдающаяся доблесть и способность к постижению того, что требуется делать». При этом прусская система военного образования отдавала приоритет общеобразовательной подготовке, способствующей развитию инициативы и аналитических способностей офицера, перед военными дисциплинами⁵.

Эта «способность к постижению того, что требуется делать» не может появиться без практического опыта, приобретенного военачальником во время службы на командных должностях в мирное время. Только в этом случае его профессиональные знания совершенствуются и при управлении воинскими формированиями во время войны возможно успешное выполнение боевых задач. Подтверждение этому мы находим у Сунь-Цзы⁶, Р. Монтекукколи⁷, Маршала Советского Союза И.С. Конева⁸ и многих других теоретиков и практиков военного дела различных исторических эпох.

Сложившаяся в Российской армии в XIX в. система выдвижения на высшие командные должности, учитывавшая такие важные аспекты службы, как полученное военное образование и «командный ценз»⁹, определяла важность подбора командования и содержала задачу улучшения качества офицерского корпуса для реализации главной цели – успешного управления войсками в войне.

Однако она была не лишена ряда крупных недостатков. Имели место назначения по протекции, формализм при аттестовании, преувеличенное значение выслуги лет в той или иной должности, неспособность учитывать совокупность всех духовных качеств личности с точки зрения военной службы и др.¹⁰ В результате чего выбор начальствующих лиц был не всегда удачен, и высшие должности занимали генералы, не подготовленные к управленческой деятельности. Их командный стаж за 30–40 лет военной службы исчислялся считанными «цензовыми» годами. В 1910 г. в венском военном журнале «Danzer's Armee Zeitung» в одной из статей было высказано сомнение в том, что Россия смогла бы с успехом выдержать большую войну. Главную причину будущих поражений авторы видели в непрофессиональности русских начальников всех степеней и в отсутствии у них привычки к самостоятельной мысли и работе¹¹.

Во время Первой мировой войны главнокомандующими армиями фронта (далее ГК) вооруженных сил России на западном направлении были 21 генерал. Многие их имена по-прежнему остаются малоизвестными, хотя, на наш взгляд, изучение пути становления военачальников, их военная карьера, в том числе практический командный опыт, сыгравший свою роль в ходе войны, представляют большой интерес. Одним из первых ГК 15 июля 1914 г. по представлению начальника Главного штаба (ГШ) Н.Н. Янушкевича был утвержден императором командующий Киевским военным округом генерал от артиллерии Н.И. Иванов – ГК армиями Юго-Западного фронта (ЮЗФ).

В происхождении Николая Иудовича Иванова существовала некая тайна. В его послужном списке указано: из потомственных дворян Калужской губернии, православного вероисповедания, родился 22 июля 1851 г. в семье штабс-капитана¹². По воспоминаниям же генерал-лейтенанта К.И. Адарида «Н.Ю. Иванов – был сыном фельдфебеля л-гв. 1-й артиллерийской бригады, трагически погибшего во время парада на Царицынском лугу в С-Петербурге, но успевшего перед смертью просить Великого князя Михаила Николаевича¹³ не оставлять его сына. Великий князь принял участие в судьбе мальчика, и благодаря этому последний получил возможность достичь офицерского звания в армии. <...> Н.Ю. не только никогда не скрывал своего происхождения, но, до известной степени, даже его подчеркивал, часто повторяя, что он из «мужиков»¹⁴. При этом Н.И. Иванов сам сообщил незадолго до своей смерти, что «родился в Чите и был сыном какого-то ссыльнокаторжного, <...> фамилия его была совсем не Иванов»¹⁵. Можно предположить, что этот каторжанин вполне мог быть евреем-кантонистом (учитывая отчество Иванова – Иудович, Юдович. – *А. П.*), выбившимся в фельдфебеля. «Участие в судьбе мальчика» великий князь проявил, вероятно, определив сначала малолетнего ребенка в дворянскую семью¹⁶, давшую ему фамилию, а затем в Павловский кадетский корпус¹⁷. В 1866 г. Н.И. Иванов поступил в Михайловское артиллерийское училище и окончил полный курс по 1-му разряду. Дальнейшая его служба (которую можно подразделить на строевую и административную) от первичной командной должности до должности, занимаемой до начала Первой мировой войны, отражена в таблице.

Анализ послужного списка Н.И. Иванова до 1914 г. показывает, что на командную строевую службу у него приходилась 25 % всей военной службы. Офицерское становление Н.И. Иванова проходило в сложных условиях, и своей дальнейшей карьерой он был обязан исключительно себе самому, своему отношению к службе¹⁹. Многолетняя служба субалтерн-офицером (младшим офицером в батарее, подчиненным, несамостоятельным) в артиллерийской бригаде сформировала грамотного артиллериста, замеченного командованием и выдвинутого на пятнадцатом году службы на должность командира артиллерийской батареи. Длительная добросовестная служба в строю, в непосредственной близости к нижним чинам сформировала в нем качества, отмеченные в составленной на него в 1899 г. аттестации: «Умственные способности хорошие... Воли твердой. Вполне

**Служебная деятельность Н.И. Иванова
до начала Первой мировой войны¹⁸**

Вид служебной деятельности	Занимаемые должности	Время пребывания в них
Стрелковая командная	Командир батареи (временно исполнял обязанности)	9.05.1881 – 18.07.1881
	Командир батареи	5.10.1884 – 15.12.1887
	Командир Восточного отряда, переименованного 11.09.1904 г. в III Сибирский корпус (в Русско-японской войне)	18.07.1904 – 15.12.1905
	Командир корпуса (1 АК)	16.05.1906 – 6.11.1906
	Командующий войсками Киевского военного округа	2.12.1908 – 19.07.1914 Всего 10 лет, 10 мес.
Административная	Заведующий мобилизационной частью ГАУ с зачислением по Гвардейской пешей артиллерии	3.03.1888 – 11.04.1890
	Командующий Кронштадтской крепостной артиллерией	11.04.1890 – 9.09.1897
	Временно исполнял должность коменданта крепости (командир в отпуске)	29.09.1897 – 18.12.1897
	Временно исполнял должность коменданта крепости (смерть командира)	11.03.1899 – 22.05.1899
	Состоял для поручений при генерал-фельдцейхмейстере	11.12.1899 – 18.06.1904
	Допущен к временному исполнению должности Главного начальника тыла Маньчжурской армии	18.12.1905 – 18.04.1906
	Назначен временным Кронштадтским генерал-губернатором	7.12.1906 – 20.04.1907
	Назначен главным начальником Кронштадта	20.04.1907 – 2.12.1908 Всего 16 лет, 9 мес.

усерден и энергичен, законы знает и руководствуется ими. Служебную тактичность соблюдает. Отлично знаком с бытом офицеров и солдат и всецело отдается заботам и служебным [делам]. Безукоризненно честен и к казенному интересу относится правильно.

Артиллерийски грамотен отлично, неутомим в работе, не беря все на себя, своих подчиненных [воспитывает] через самостоятельное развитие по своей специальности. Достоин назначению на высшие должности. Общее заключение о качествах – выдающийся»²⁰.

Первой проверкой полководческих качеств Н.И. Иванова явилось командование III Сибирским корпусом в Русско-японской войне. Автор воспоминаний о Маньчжурской кампании (Дружинин) так описывает свои наблюдения за работой Н.И. Иванова и его штаба во время Шахэйской операции: «Отовсюду поступали донесения... Все это выслушивалось, обо всем судили и рядили, но ничего не делалось, чтобы отдать какие-нибудь соответствующие распоряжения... для целесообразного руководства боем; получалось впечатление, что все... начальники являлись только зрителями... маневров, а не руководителями важного боя»²¹.

Генерал А. Куропаткин считал его одним из виновников неудачи на Шахэ, ибо «в то время, как I Сибирский корпус генерала Штапельберга истекал кровью в бою, соседний III Сибирский корпус генерала Иванова, стоявший в трех верстах от линии боя, пальцем не двинул, чтобы поддержать изнемогающего соседа»²².

Подобная боевая практика, к сожалению, вполне согласуется с предыдущим служебным опытом Николая Иудовича, так как трудно предполагать тактически грамотные действия по организации боя трех родов войск (пехоты, кавалерии и артиллерии) в ходе войны у артиллерийского генерала, вся предыдущая служба которого была связана именно с артиллерией, преимущественно с крепостной. *И командование общевойсковым соединением было первым его подобным опытом* (курсив мой. – А. П.).

С назначением Е.И. Мартынова на должность начальника штаба III Сибирского корпуса характер его боевых действий изменился. Командование корпуса ловко и вовремя выводило свои части из-под ударов, избегая тем самым тяжелых поражений и имея локальный успех. На фоне общей «отступательной стратегии» главнокомандующего А.Н. Куропаткина действия корпуса Н.И. Иванова выглядели, в общем, в положительном свете²³. Это принесло Н.И. Иванову известную популярность в армии и в кругах, близких к императору. Вероятно, вследствие этого 19.12.1905 г. последовало высочайшее назначение командиром 1-го армейского корпуса, передислоцированного с Дальнего Востока в Санкт-Петербургский военный округ для подавления революционных выступлений²⁴. Оно отменило

приказ ГК вооруженными силами на Дальневосточном театре военных действий о назначении Н.И. Иванова временно исполняющим должность Главного начальника тыла Маньчжурской армии, отданный тремя днями ранее. Эта чехарда в назначениях говорит о кадровом «голоде» и серьезности обстановки, сложившейся в России в результате революционных выступлений.

Проявив свои волевые качества в подавлении июльского восстания 1906 г. солдат и матросов Кронштадта²⁵, Н.И. Иванов заслужил расположение царской семьи, о чем, вероятно, можно судить по назначению в ноябре 1906 г. временным Кронштадтским военным генерал-губернатором, а затем в апреле 1907 г. главным начальником Кронштадта²⁶, где он оставался до полного наведения порядка и усмирения революционных выступлений. Преданность престолу была отмечена 25 февраля 1907 г. назначением постоянным членом Совета государственной обороны и присвоением 6 декабря этого же года звания генерал-адъютанта²⁷, что возносило Н.И. Иванова на самый верх административного и придворного окружения императора. Однако недостаток общекультурного образования, недополученного Н.И. Ивановым в семье, кадетском корпусе и военном училище, *неоднозначность* (курсив мой. – А. П.) происхождения вызывали снисходительное отношение к нему в высших кругах Петербургского общества, «его считали «*goujat*» (хам по-французски), и никак не могли понять, почему Государь пожаловал его генерал- адъютантом»²⁸.

В декабре 1908 г. Николай Иудович был назначен командующим войсками Киевского военного округа. Он серьезно относился к службе, был предан своему долгу и занимался подготовкой войск к войне согласно условиям современного на то время военного дела. Однако однобокость его профессиональной подготовки, вызванная практической службой преимущественно в артиллерии, и отсутствие высшего военного образования (Военной академии ГШ) способствовали рождению прозвища «заведующий артиллерией», «артиллерийский каптенармус» и заставляли самостоятельно восполнять пробелы общевойсковой теоретической и оперативной подготовки²⁹. Служба его носила в большей степени характер административный, оперативные вопросы были в полном ведении начальника штаба военного округа М.В. Алексеева, который у Н.И. Иванова пользовался неограниченным доверием и громадным авторитетом, особенно в вопросах стратегического характера³⁰. При этом Н.И. Иванов считался тонким артиллерийским специалистом, знатоком практического

артиллерийского дела. Но узость его взглядов не позволила осознать, что система обучения артиллерии была нерациональна. Боевая подготовка пехоты и кавалерии проходила в отрыве от артиллерии, не способствуя выработке навыков взаимодействия при достижении общих целей³¹. Это была общая для Российской императорской армии болезнь военачальников. Как показал позиционный период Первой мировой войны, недостатки в обучении применения артиллерии в бою в соответствии с ее свойствами, привели к неумению управлять артиллерийскими массами. В результате чего имелись случаи, когда наши войска несли большие потери от своей артиллерии³².

Отсутствие системной и длительной командной практики и, как следствие, искусства командования не позволило Николаю Иудовичу сформировать у себя полководческие навыки, необходимые для успешного управления воинскими формированиями, а во время Первой мировой войны реализовать свой потенциал при ведении крупных операций с большими войсковыми массами.

На ЮЗФ совместная служба ГК Н.И. Иванова и начальника штаба М.В. Алексеева слагала их взаимоотношения в зависимости от интеллектуальных данных обоих, от соотношения воли первого и знаний второго, что позволяло успешно управлять операциями фронта в 1914 и 1915 гг. до назначения М.В. Алексеева ГК Северо-Западным фронтом. С его уходом «военное счастье Н.И. Иванова поколебалось»³³.

Это впервые проявилось в период с 19 апреля по 2 июня 1915 г. во время Горлицкого прорыва противником линии обороны войск ЮЗФ, в котором ГК не смог распорядиться имеющимися значительными резервами и грамотно организовать контрудары. В результате чего войска фронта были вынуждены оставить Галицию, что значительно ухудшило стратегическое положение русских войск в Польше³⁴.

Полководческая несостоятельность Н.И. Иванова проявилась и в ходе наступательной операции ЮЗФ в декабре 1915 г., вызванной необходимостью оказать союзническую помощь Сербии. Анализ политической и стратегической обстановки подсказал Ставке единственно реальный на тот период вариант, заключающийся в наступлении левым флангом ЮЗФ в районе Трембовля, отбросив противника за р. Стрыпа. Проведение этой операции было возложено на вновь сосредоточенную и отлично снабженную 7-ю армию совместно с 9-й и 11-й армиями.

Подготовке фронтовой операции предшествовал приказ Н.И. Иванова, запрещающий организовывать армиям разведку в полосах готовившегося наступления, что по мысли командования фронта мешало бы вскрыть замыслы операции. Это обрекало наступать «вслепую» на хорошо подготовленную и эшелонированную оборону противника. Штаб фронта оставил без внимания узкий фронт атаки в 7-й армии, выбранный для прорыва силами 2-го армейского корпуса неразведанной полосы обороны противника, что способствовало уничтожению живой силы русских войск под воздействием сквозного флангового огня оборонявшихся³⁵.

Подобные «огрехи» планирования на втором году войны и неуверенность ГК не остались незамеченными Ставкой, что вызвало желание М.В. Алексева, ставшего к тому времени начальником штаба Ставки, приехать в штаб ЮЗФ, «чтобы самому направить Иванова в развитии и исполнении наступательной операции; видно, что Иванов не сумеет повести дело...»³⁶.

Обстановка не позволила М.В. Алексеву осуществить свое намерение, и операция прошла при оперативном управлении штаба ЮЗФ, отличавшегося нерешительностью и сбивчивостью своих указаний. Наступление русских войск осуществлялось в колоннах по 16 шеренг, что в современной войне также способствовало уничтожению наступающих³⁷. Управление операцией было отдано командирам корпусов, и влияние старшей инстанции было сведено лишь к смене брошенных без должной подготовки войск резервным корпусом 7-й армии³⁸. Результатом наступательной операции были многочисленные бессмысленные жертвы в личном составе. Корпуса, наступавшие в 9-й армии, далее проволочных заграждений противника не прошли.

Итоги операции подвел НШ Ставки генерал от инфантерии М.В. Алексеев: «Понесенные потери не стоят результатов»³⁹. Впоследствии, оценивая Н.И. Иванова на посту ГК, А.И. Деникин, А.Д. Бубнов, В. Гурко считали, что фактическими водителями армий были его начальники штаба: сначала М.В. Алексеев, позже В.М. Драгомиров⁴⁰. И итог фронтовых операций ЮЗФ связан именно с их оперативной деятельностью, успешной с первым и неуспешной со вторым.

Весной 1916 г. (17.03) состоялось отстранение Н.И. Иванова от должности ГК с назначением членом Государственного совета, и «состоять при Особе Е.И.В.». Последующая синекура продолжалась

до 27.02.1917 г., когда он был назначен ГК войсками Петроградского военного округа с чрезвычайными полномочиями и с подчинением ему всех министров. Но с задачей усмирения мятежной столицы Н.И. Иванов не справился. В марте этого же года был арестован, находился под следствием чрезвычайной следственной комиссии и по личному указанию А.Ф. Керенского был освобожден по здоровью⁴¹.

После освобождения в конце 1917 г. уехал в Киев, затем в Новочеркасск, где проживал в бедности без всякого дела. В октябре 1918 г. генерал П.Н. Краснов с разрешения германского командования и на их кредиты стал формировать Особую Южную армию в составе Воронежского, Астраханского и Саратовского корпусов. Именно «германский след» оказался главным фактором отказа многих генералов от предложений П.Н. Краснова возглавить новую армию. Подобное предложение было сделано и Н.И. Иванову, известному среди офицерского состава своей безупречной репутацией человека, стоящего вне политики. Военачальник дал согласие только лишь после консультаций с А.И. Деникиным и приказом Донского атамана 1.11.1918 г. был назначен командующим⁴². Но в это политизированное время избежать острых разногласий именно политического толка не удалось, «и армия распалась, ничего для России не давши...». Вскоре «в Новочеркасске... хоронили командующего Южной армией генерала от артиллерии Иванова – он умер 29 января в Новочеркасске от сыпного тифа...»⁴³.

Генерал от артиллерии Н.И. Иванов, как и абсолютное большинство высших военачальников императорской армии, строил свою военную карьеру, сообразуясь с собственными желаниями и возможностями, которые определялись происхождением, воспитанием, образованием, личными качествами. При этом никоим образом не нарушалось правило «служить верно», входившее в кодекс дворянской чести и признаваемое на протяжении многих десятилетий офицерами, принадлежавшими к разным кругам дворянского общества. Стремление офицеров – выходцев из дворянской знати приносить пользу Отечеству не ставилось под сомнение⁴⁴, так же как и офицеров – выходцев из солдат, к которым относился Н.И. Иванов. Однако одно стремление к победе не могло обеспечить военачальнику необходимого качества командования в управлении войсками. Не происхождение имело главное значение в этом случае. Низкая профессиональная подготовка в совокупности с личными качествами ГК зачастую лишали русскую армию победы. Это в полной мере

продемонстрировал Николай Иудович Иванов – одних из первых ГК Великой войны.

¹ Меньшиков М.О. Из писем к ближним. Может ли Россия воевать? М.: Воениздат, 1991. С. 194.

² См.: Режепо П. Офицерский вопрос в начале XX века // Офицерский корпус русской армии. Русский военный сборник № 17. М.: Военный университет, 2000. С. 113.

³ Сэмюэль П. Хантингтон (родился 18.04.1927 г.), американский политолог. Заместитель директора Института исследований войны и мира в Колумбийском университете (1959–1962). Директор Центра по международным делам (1978–1989). Директор Института стратегических исследований Джона Олина (1989), председатель Гарвардской академии международных и региональных исследований (1996).

⁴ Все даты приведены по старому стилю.

⁵ См.: Стратегия для России: повестка дня для президента-2000. М. Вагриус, 2000. С. 147.

Сегодня на Западе либеральное образование считается необходимым элементом подготовленности как врача и юриста, так и профессионального офицера. Военный специалист не в состоянии по-настоящему развить свои аналитические способности, интуицию, воображение и инициативу, если он будет тренироваться только лишь в исполнении чисто военных обязанностей. Значительно способствует этому общекультурное (иначе – либеральное, общегуманитарное) образование. Оно формирует кругозор, эрудицию, развивает речь, мышление, позволяет офицеру для должного понимания своего дела представлять себе, каким образом военное дело связано с другими областями знаний, а также как эти области знаний могут способствовать его собственным целям. Общение с людьми требует от офицера ясного понимания их особенностей, мотивации и поведения, чему также способствуют знания в области гуманитарных, естественных наук и психологии.

⁶ Сунь-Цзы, Сунь У (6–5 вв. до н. э.), древнекитайский полководец и военный теоретик. Автор трактата о военном искусстве. Утверждал, что победа в войне, наряду со многими факторами, зависит от качеств полководца. См.: Советскую военную энциклопедию (ВЭ) в 8 т. Т. 7. М.: Воениздат, 1979. С. 596.

⁷ Монтекукколи Раймунд (21.02.1609–16.10.1680), австрийский военный деятель, полководец и военный теоретик, фельдмаршал (1658). В военном строительстве выступал сторонником хорошо обученной армии, управляемой опытными военачальниками. См.: ВЭ в 8 т. Т. 5. М.: Воениздат, 2001. С. 217.

⁸ Конев Иван Степанович (16/28.12.1897 – 25.5.1973), советский военный деятель, полководец, Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза. См.: Советскую ВЭ в 8 т. Т. 4. М.: Воениздат, 1977. С. 304.

⁹ С формированием корпуса офицеров ГШ появилось понятие «строевой ценз». Под этим во второй половине XIX в. понималось обязательное, перед выдвижением на должность командира полка, кратковременное (от нескольких месяцев до года) командование офицерами, причисленными к Генеральному штабу, ротами и батальонами в пехоте или эскадронами и дивизионами в кавалерии. См.: Столетие военного министерства. 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк возникновения и развития в России Генерального штаба в 1825–1902 гг. Выпуск II. Под главной редакцией генерала-от-кавалерии Д. А. Скалона. СПб., 1910. С. 358.

¹⁰ См.: Ладыженский Г. О командном составе армии и системе его подбора // Офицерский корпус русской армии. Русский военный сборник № 17. М.: Военный

университет, 2000. С. 218; Флуг В. Высший командный состав // Там же. С. 268, 271, 273; Редигер А.Ф. История моей жизни: В 2 т. Т. 1. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 1999. С. 259; Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом 1914–1917. М.: Центрполиграф, 2007. С. 24–25.

¹¹ См.: Меньшиков М.О. Указ. соч. С. 128–129.

¹² См.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 5066. Л. 2.

¹³ Михаил Николаевич (13.10.1832–5.12.1909 гг.), великий князь. В 1856 г. вступил в должность генерал-фельдцейхмейстера (главного начальника артиллерии), которую занимал до конца жизни. См.: Тысячелетие Российской Империи. Энциклопедический справочник. СПб.: ИД «ВЕСЬ», 2004. С. 281.

¹⁴ Адарики К.И. Пережитое (1910–1914) // Военно-исторический вестник № 25, май. Издание общества ревнителей русской военной истории / Под ред. Ю.А. Топоркова. Париж, 1965. С. 5. К.И. Адарики однозначно указывает инициалы Иванова – Н.Ю. – Юдович.

¹⁵ Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 246.

¹⁶ По словам Н.А. Епанчина, распространенное мнение, что отец Н.И. Иванова был простым солдатом, неверно. Ивановы были мелкопоместными помещиками Тульской губернии, и в их имении жили две сестры Николая Иудовича. См.: Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М.: Полиграфресурсы, 1996. С. 372.

¹⁷ Отличие Павловского кадетского корпуса от других корпусов заключалось в том, что он по преимуществу был предназначен для детей – сирот дворянского происхождения, увечных солдат и вдовцов чиновников, служивших в отдаленных частях империи.

¹⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 5066. Л. 2–7 об.

¹⁹ Адарики К.И. Указ. соч. С. 5.

²⁰ РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 3220. Л. 3–5.

²¹ См.: Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Государственное военное издательство наркомата обороны Союза ССР, 1936. С. 365.

²² См.: Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 245.

²³ Историк А. Керсновский считал, что удачи Н.И. Иванова, скорее всего, были связаны с положительной деятельностью начальника штаба III Сибирского корпуса генерал-майора Е.И. Мартынова. См.: Керсновский А. История русской армии (1881–1916). Смоленск: Русич, 2004. С. 89.

²⁴ См.: Айрапетов О. Бесшабашная бестолочь // Родина. № 1, 2004. С. 56.

²⁵ См.: Бубнов А. Д. В царской ставке. М.: Воениздат, 2002. С. 29; Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 245.

²⁶ Будучи Главным начальником Кронштадта, успешно (на фоне общего шаблонного) командовал Восточной армией на армейских маневрах войск Красносельского, Владимирского и Усть-Ижорского лагерных сборов, используя боевой командный опыт, за что ему Николаем II была объявлена Высочайшая благодарность. См.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 5066. Л. 7.

²⁷ См.: Там же. Л. 6.

²⁸ Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 372.

²⁹ См.: Адарики К.И. Указ. соч. С. 5; Гурко В. Указ. соч. С. 22.

³⁰ См.: Адарики К.И. Указ. соч. С. 6.

³¹ См.: Золотарев В.А., Соколов Ю.Ф. Трагедия на Дальнем Востоке // Военная история Государства Российского в 30 т. Русско-японская война 1904–1905 гг. Книга I. М.: 2004. С. 163; Лемке М.К. 250 дней в царской ставке (1916). Минск: Харвест, 2003. С. 15.

- ³² См.: Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Росспэн, 2001. С. 58; Барсуков Е.И. Русская артиллерия в мировую войну. Т. I. М.: Воениздат, 1938. С. 336–337; «Записка генерала-от-инфантерии Балужева» // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1292. Л. 228–231; Лемке М.К. Указ. соч. С. 15.
- ³³ Лемке М.К. Указ. соч. С. 107.
- ³⁴ См.: История Первой мировой войны (1914–1918) Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 35–36.
- ³⁵ См.: Керсновский А. История Русской армии (1881–1916). Смоленск: Русич, 2004. С. 268–269.
- ³⁶ См.: Лемке М.К. Указ. соч. С. 378.
- ³⁷ См.: Там же. С. 380, 393–394.
- ³⁸ См.: Зайончковский А. Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1938. С. 352.
- ³⁹ См.: Лемке М.К. Указ. соч. С. 394.
- ⁴⁰ См.: Деникин А.И. Старая армия. М.: Айрис Пресс, 2005. С. 103; Бубнов А.Д. В царской ставке. М.: Воениздат, 2002. С.29; Гурко В. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом 1914–1917. М.: Центрполиграф, 2007. С. 22; Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 255.
- ⁴¹ См.: Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова. М.: Издательство им. Собашниковых, 2008. С. 264. Р.Р. фон Раупах вспоминал, что в двадцатых числах марта 1917 г., состоя в Чрезвычайной следственной комиссии, получил распоряжение от главного военного прокурора генерала Апушкина расследовать дело генерал-адъютанта Н.И. Иванова. Ему ставилась в вину попытка к вооруженному подавлению революции и унижительное обращение с солдатами. Нелепость выдвинутых обвинений была очевидна, и автором было направлено постановление о прекращении дела против больного генерала, страдавшего отеком ног и находившегося под домашним арестом в квартире генерала Маниковского. См.: Раупах Р.Р., фон. *Facies Hippocratica* (Лик умирающего). СПб.: Алетейя, 2007. С. 200.
- ⁴² Из воспоминаний генерала А. Лукомского. См.: Архив Русской революции Т. 5–6. М.: Терра, Политиздат, 1991. С. 183–184.
- ⁴³ См.: Краснов П. Н. Всевеликое войско донское. <http://rusk.com.ru/lib/krasnov/krasnov-vvd.html>
- ⁴⁴ См.: Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина М.: LINKA-PRESS, 1995. С. 29.

М.А. Приходько (Москва)

ГЕНЕРАЛ-АУДИТОРИАТ В 1805–1808 ГОДАХ (ОРГАНИЗАЦИОННО-СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Генерал-аудиториата – высшего военного суда в 1797–1812 гг., в 1805–1808 гг. носила специфический характер в организационно-структурном плане, так как в данный временной отрезок он имел статус государственной коллегии, а значит, являлся самостоятельным центральным государственным учреждением.

8 сентября 1805 г. императором Александром I был утвержден доклад комитета, учрежденного для образования нового Генерал-аудиториата¹ – «О преобразовании Генерал-аудиториата»².

Если до 1805 г. Генерал-аудиториат подчинялся министру военных сухопутных сил, в части пересмотра министром дел о преступлениях нижних чинов не из дворян, которые влекли назначение смертной казни³, то теперь Генерал-аудиториат получил статус государственной коллегии, «для ревизии и окончательного суждения по делам всех военнослужащих в армии и флоте»⁴.

Генерал-аудиториат преобразовывался в самостоятельное государственное учреждение, подчиненное только императору и Правительствующему Сенату. Его возглавил президент – генерал-аудитор. Членами Генерал-аудиториата стали 4 генерал-лейтенанта или генерал-майора (2 от армии и 2 от флота) и 2 военных советника⁵.

Надзор за ведением делопроизводства был возложен на генерал-аудитор-лейтенанта⁶. Ему в помощь определялись 6 обер-аудиторов (4 по делам армии, 2 по флоту и адмиралтействам) и 12 аудиторов в качестве их помощников.

Кроме того, отдельные обер-аудитор и аудитор назначались «для исправления секретарской должности».

Сверх этого в Генерал-аудиториат определялись экзекутор, архивариус и «нужное число канцелярских служителей»⁷.

Вместе эти чиновники и канцелярские служители составили канцелярию Генерал-аудиториата, которую возглавил генерал-аудитор-лейтенант⁸.

Генерал-аудитор должен был руководствоваться в своей деятельности главой 24 первой части Воинского устава и «иметь главное наблюдение за сохранением всех законных форм и обрядов» в производстве воинских судных и следственных дел»⁹.

Решение по делам принималось по большинству голосов¹⁰ членов Генерал-аудиториата: т. е. в Генерал-аудиторате продолжал действовать коллежский порядок управлений.

Генерал-аудиториат сосредотачивает в себе все военно-судебное управление армии и флота. К нему окончательно переходит вся власть утверждения приговоров по военно-судебным делам¹¹.

Независимая и относительно¹² самостоятельная деятельность Генерал-аудиториата продолжалась до 1808 г., до назначения министром военных сухопутных сил генерала от артиллерии А.А. Аракчеева¹³.

С 17 января 1808 г. министр военных сухопутных сил становится единственным докладчиком по всем военным делам¹⁴. Следствием чего стало представление докладов Генерал-аудитора императору через министра военных сухопутных сил¹⁵.

Краткий период самостоятельного функционирования Генерал-аудиториата с 1805 по 1808 гг. не позволил развиваться структуре Генерал-аудиториата – его аппарат составляла одна канцелярия.

Таким образом, уже с 1808 г. Генерал-аудиториат был подчинен министру военных сухопутных сил, хотя юридически продолжал иметь статус государственной коллегии.

---

¹ Данный комитет был образован в 1804 г. в составе министра юстиции П.В. Лопухина, товарища министра юстиции Н.Н. Новосильцева, министра военных сухопутных сил С.К. Вязмитинова, товарища министра военных морских сил П.В. Чичагова и генерал-аудитора С.И. Салагова (Столетие Военного министерства. Т. 1. СПб., 1802. С. 107).

² Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ-1). 1-е изд. СПб., 1830. Т. 28. № 21904. С. 1214–1221; Т. 43. Ч. 2. Отд. 1. К № 23998. Таблица IV. С. 154.

³ Там же. Т. 28. № 21904. С. 1214.

⁴ Там же. С. 1217.

⁵ Там же. С. 1217. Ст. 3.

⁶ Там же. Ст. 4.

⁷ Там же. С. 1217–1218. Ст. 5.

⁸ Столетие Военного министерства. Т. 12. Ч. 2. Кн. 1. СПб., 1914. С. 17.

⁹ ПСЗ-1. Т. 28. № 21904. С. 1218. Ст. 11.

¹⁰ Там же. С. 1219. Ст. 21.

¹¹ Там же. С. 1217. Ст. 1.

¹² Несмотря на статус государственной коллегии, президент Генерал-аудиториата генерал-аудитор С.И. Салагов так и не стал самостоятельной политической фигурой.

¹³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 159.

¹⁴ ПСЗ-1. Т. 30. № 22756. С. 27.

¹⁵ Столетие Военного министерства. Т. 1. СПб., 1902. С. 131.

А.О. Пронин (Новосибирск)

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ РОССИЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВА СРЕДИ КАЗАХОВ-КОЧЕВНИКОВ XVII–XIX ВЕКОВ

ВКЛЮЧЕНИЕ Западной Сибири в состав Российского государства превратило его в северного соседа Казахского ханства, что способствовало установлению регулярных политических, экономических и военных контактов. Длительное соседство двух народов не могло не привести к активному культурному диалогу, что нашло отражение в costume, материальной и духовной культуре жителей пограничных территорий. Данному процессу весьма способствовало постепенное вхождение казахских жузов в состав Российской империи. Особой сферой межнационального российско-казахского культурного диалога было взаимовлияние военных традиций двух народов. Это проявилось в оружейной сфере, военном costume, тактике ведения боя, военной организации и т. д. Одной из форм процесса взаимовлияния в военной сфере было заимствование у соседей определенных типов и видов вооружения (рис. 1). Подобные заимствования были вызваны целым рядом причин. Главным критерием выступала эффективность того или иного вида вооружения в определенный исторический период применительно к особенностям степного театра военных действий. Однако большую роль играла также престижность, высокое качество исполнения, художественная ценность оружия и т. д. В данной статье мы рассмотрим тему российско-казахского военного сотрудничества на примере распространения среди казахов российских сабель в XVIII–XIX вв. Под саблей мы понимаем особый вид рубяще-режущего или рубящее-колошечного оружия с кривым однолезвийным клинком длиной более 50 см и рукоятью с гардой. Целью работы является выявление источников поступления российских сабель в казахские войска на протяжении XVIII–XIX вв.,

**Рис. 1. Акварель Г. Опица (1775–1841)
«Казак и башкир», начало XIX в.
(частное собрание, Казахстан)**

определение основных категорий потребителей данного клинкового оружия, фиксация типов российских сабель, применявшихся казахами в данный период.

Рассматриваемая тема еще не становилась объектом специального научного исследования. Источниковая база представлена вещественными, письменными и изобразительными материалами. Вещественные источники включают материалы старых оружейных коллекций, военных arsenалов, а также случайные находки на террито-

рии Республики Казахстан. Изобразительные источники представлены картинами и рисунками российских и западноевропейских художников XVIII–XIX вв., фотографиями второй половины XIX в. Письменные источники – сообщениями российских и западноевропейских путешественников, чиновников, офицеров, этнографов и купцов XVIII–XIX вв.

Прежде чем перейти к анализу российских сабель, применявшихся казахскими воинами, необходимо дать краткую характеристику особенностей процесса формирования комплекса казахского клинкового оружия позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Практически все современники, посещавшие Дашт-и-Кипчак в XVIII–XIX вв., сходились на том, что главным импортером сабель в Казахскую степь были города Средней Азии. Н.П. Рычков, описывая вооружение казахов (в том числе и сабли) сообщал: «Оружие покупалось, главным образом, в Ташкенте. Жители этого города – лучшие

ремесленники всех этих мест»¹. А.И. Левшин писал: «Сабель совсем не умеют делать и достают их, равно как панцири, ружья и большую часть пороха, из Хивы, Бухарии, Персии, Ташкента и Кашкара... Бухарцы, хивинцы и ташкентцы также большую часть променивают им бумажные и шелковые ткани, стеганные халаты, ружья, сабли, порох и проч.»². Судя по отзывам современников, сабли в войска К. Касымова в первой половине XIX в. также поступали из городов Средней Азии. Кроме того, значительную часть длиннокликового оружия повстанцев составляли трофеи, добытые в столкновениях с лояльными Российской империи казахскими родами и при грабеже торговых караванов. В частности, штабс-капитан Фомаков отмечал в 1844 г.: «Ружья и сабли получают из Бохары и Хивы, но более всего от караванов и киргизов же»³. По информации Ч.Ч. Валиханова казахи применяли: «Сабли кривые, персидской, турецкой, хивинской или бухарской работы. Персидские «исфагани» очень ценились под названием «наркескен». Теперь киргизы носят прямые, так называемые сапы или шапы, похожие на шашки, употребляемые в Средней Азии, но в старину это оружие мало употреблялось»⁴. По замечанию И.А. Парамонова, «хорошие клинки» «киргиз» (казахов) «вывезены из Персии»⁵. Информация письменных источников о наличии в казахских войсках значительного количества сабель передне- и среднеазиатского производства подтверждается вещественными и фольклорными материалами. В казахских сказаниях упоминаются иранские и туркменские сабли. Судя по особенностям отделки и оформления, большая часть подлинных сабель казахских воинов из музейных и частных собраний Казахстана и России действительно изготовлена иранскими и узбекскими мастерами.

Популярность сабель среднеазиатского производства среди состоятельных казахских воинов XVII–XIX вв. была обусловлена их относительной доступностью и достаточно высоким качеством исполнения. Ремесленные центры вилайета Туркестан (присырдарьинские города), Мавераннахра и Кашгарии являлись крупнейшими производителями и экспортерами вооружения в среднеазиатском регионе на протяжении позднего Средневековья и раннего Нового времени⁶. Вторая причина популярности среднеазиатского импорта в Казахстане заключалась в достаточно широком выборе выпускаемой продукции. Бухарские, хивинские и ташкентские мастера могли предложить степным батырам как дорогие симбиотические образцы клинкового оружия, состоящие из булатной сабельной полосы

персидского производства в комбинации с рукоятью и роскошными ножнами среднеазиатского образца, так и значительно более дешевые сабли, изготовленные местными мастерами. Согласно сведениям современников в канун завоевания Россией Средней Азии: «Кузниц в одном Ташкенте до 100; кузнецы делают сабли, которые бывают двух сортов: шап – прямая и тяжелая и клыч – кривая и легкая»⁷. Кроме Ташкента собственные мастерские по производству клинкового оружия имелись в Бухаре, Хиве, Коканде и других городах региона. Так, например, в Самарканде «при бухарском владычестве» клинковое «оружие выделялось на базаре в 15 открытых лавках. Хороших мастеров считалось шесть»⁸. На «изготовление сабли низкого достоинства» уходило от 3 до 5 дней, а «на выделку сабли высокого достоинства – до 15 дней» (там же).

Наряду со сборкой симбиотических сабель и их самостоятельным производством особым направлением деятельности среднеазиатских оружейников была переделка старых сабель с булатным клинком. Из переданного в «лом» булата отковывались новые сабельные полосы, которые затем снабжались новыми рукоятями и ножнами. Процедура эта была далеко не простой, и не всегда мастерам удавалось сохранить высокие свойства булатной стали. Основным центром переделки булатных клинков был город Гиссар (на территории нынешнего Таджикистана), несколько мастеров, занимавшихся перековкой «булатного металла», работали также в Самарканде⁹.

Вторым по значимости импортером сабель к казахам в XVIII – первой половине XIX вв. был Иран¹⁰. Судя по данным письменных источников, из Ирана завозились полуфабрикаты (как правило, клинки) либо готовые сабельные комплекты. В первом случае изготовлением и отделкой рукояти и ножен занимались узбекские или казахские мастера. Импортные иранские сабли стоили весьма дорого, но отличались высоким качеством исполнения.

Некоторое количество сабель изготавливалось непосредственно во владениях казахских ханов. Захваченный в плен яйцкими казаками в бою 25 августа 1726 г. Исенали Каракулов на вопрос о том, где казаками было приобретено оружие, ответил буквально следующее: «...а войска было пятьсот человек с фузеи фитильными, также с сайдаки, копы и сабли; то ружье¹¹ делают у них в улусах касаки¹², а не у кого не купили...»¹³. Клинковое оружие изготавливалось и в подвластных казахам присырдарьинских городах, в том числе и в столице казахских ханов г. Туркестане. В частности, И.П. Парамонов,

описывая процесс производства сабель в Средней Азии, отметил, что «выделкой оружия славился также город Туркестан»¹⁴. Нет оснований преувеличивать значение сабель местного производства в общем массиве длинноклинкового оружия, применявшегося казахскими воинами. Местное кустарное сабельное производство в степных улусах не конкурировало, не вытесняло, а дополняло комплекс импортного длинноклинкового оружия, представленного изделиями среднеазиатских (ташкентских, бухарских, хивинских), кашгарских и иранских оружейников.

Таким образом, в момент включения казахских жузов в состав России ниша казахского длинноклинкового оружия (причем во всех ценовых сегментах) была занята продукцией среднеазиатских, иранских и местных мастеров. Однако российские оружейные мануфактуры изначально и не собирались конкурировать с ними. Более того, тема поставок сабель, как и другого вооружения, долгое время официально даже не обозначалась. Напротив, еще в XVI–XVII вв. царское правительство выпустило целый ряд специальных указов, в которых строжайшим образом запрещало своим подданным продавать оружие кочевникам¹⁵. Но оно появилось и получило известное распространение, о чем свидетельствуют вещественные, изобразительные и письменные материалы.

Первые образцы клинкового оружия из России казахская знать получала в качестве дипломатических подарков от русских царей. Уже при установлении первых дипломатических контактов между царским двором Федора Ивановича и Тауекел-ханом («Тевкелю-царя») в подарок казахским «царевичам» были отправлены «ножи двойни»¹⁶. К сожалению, основная часть документов о казахско-российских контактах в XVII в. до нашего времени не сохранилась¹⁷. Но с большой долей вероятности можно полагать, что практика дипломатических даров казахским правителям в виде клинкового оружия сохранялась и в последующем. В пользу этого свидетельствуют факты посылки сабель в ставки монгольских и ойратских владык. Так, например, в 1617 г. московские власти послали в подарок северомонгольскому Алтын-хану Шолою Убаши-хунтайджи саблю, предположительно, российского производства. В 1635 г. (по другим данным — в 1634) российский посланец Яков Тухачевский преподнес в подарок новому Алтын-хану Омбо Эрдени-хунтайджи «саблю с поясом». Судя по всему, «Золотой хан» остался доволен подношением, так как в ответном письме он просил прислать ему еще одну саблю русского производства.

В 1691 г. монгольскому тайдже Мерген Ахаю были преподнесена «сабля оправная новая, полоса обоюдыострая, булатная, ножны хоз черной, оправа и крыж серебряные с чернью под золотом на турецкое дело; черен рыбей шедровой, ценою в 17 рублей; да на той же сабле сорочка суконная»¹⁸.

«Опоясывание» саблей являлось символом благоволения и покровительства со стороны официального Петербурга к своим кочевым подданным. Вручение «царской» (присланной от царя/императора) сабли вступающему на престол кочевому правителю в XVII–XVIII вв. стало важнейшим элементом соответствующей праздничной церемонии и символом поступления ее владельца на воинскую «царскую службу». В 1737 г. калмыцкий Дондук-Омбо за победу над кубанскими татарами и в связи со вступлением на ханский престол был награжден саблей и знаменем. В 1801 г. возводимому в достоинство калмыцкого наместника тайше Чучею российские посланцы передали «знамя, саблю с надписью, соболью шубу и шапку»¹⁹.

Принятие казахскими правителями российского подданства ознаменовало распространение «государева жалованья» на представителей кочевой знати Дашт-и-Кипчак. В 30–50-е гг. XVIII в. на казахских ханов и султанов пролился настоящий «дождь» из жалованных драгоценных сабель. В 1731 г. российский посланник А.И. Тевкелев передал от имени императрицы Анны Иоанновны саблю правителю Младшего жуза хану Абулхаиру²⁰. По данным К.С. Ахметжана, при утверждении на ханство этот казахский правитель был также награжден «золотой саблей»²¹. В 1742 г. губернатор И. И. Неплюев преподнес все тому же Абулхаиру «саблю с бирюзой», пару пистолетов «в медной оправе» и железный панцирь²². В том же году «дорогая сабля в золотой оправе» была передана султану Бараку через его посла батыра Сырымбета²³. Сыновья Абулхаир-хана Нурали-султан и Ерали-султан получили в подарок от царского правительства по «штуцере с медною оправою» и по «сабле оправленных серебром». Джанбек-батырю досталась пара пистолетов и «сабля с серебряною оправою»²⁴. Передача «жалованного» оружия сопровождалась специальной церемонией, в ходе которой степным правителям объявлялось, что дареными саблями они должны защищать подданных российской императрицы. Судя по всему, молодые султаны Нурали и Ерали приняли церемонию близко к сердцу. Они «скинули» висевшие на поясе клинки и заменили их на российские подарки. Позднее Ерали-султан был повторно награжден саблей, которая

на этот раз входила в комплект с ружьем и кольчатым «пансырем»²⁵. Другая «сабля с насечкою» была передана Нияз-батырю²⁶. В 1749 г. при утверждении Нурали-султана ханом Младшего жуза ему была вручена «золотая сабля», снабженная надписью «на русском и татарском языке»: «Божию Милостью, мы, Елизавета Первая, жалуем сею саблею подданного нашего Нурали хана киргиз-кайсацкого при учреждении его в сие достоинство. 26 февраля 1749 года»²⁷. В конце 1757 – начале 1758 г. указами императрицы Елизаветы Петровны сабли ценой в 90 руб., 55 руб. и в 120 руб. были дарованы Ерали-султану, Айчувак-султану и Аблай-султану соответственно. При чем мастерам было предписано сделать на клинках надпись на «русском и татарском языках»: «Божию милостию Елисавет первая, императрица и самодержица всероссийская пожаловала сею саблею своего киргиз-кайсацкого (имярек) солтана за его верную службу. В С.-Петербурге, 1758-го г.»²⁸. Практика дарения сабель представителям казахской знати сохранилась и в более поздний период. В фондах ЦГМРК хранится сабельный клинок, принадлежавший Шергазыхану (годы правления 1812–1824), содержащий надпись: «Божию Милостью Александр Первый император и самодержец всероссийский жалует сею саблею подданного своего Шергазы солтана киргиз-кайсацкой меньшей орды при учреждении его в ханское достоинство 1812 г.»²⁹.

Вокруг сабель, даруемых российским правительством, разгорались нешуточные страсти. Так, например, в 1743 г. в связи с агрессивными действиями Барак-султана сабля ему вручена не была, и по Степи сразу поползли слухи, что «акибы оная Джанбек-тархану подарена»³⁰. Степные владельцы чувствовали себя ущемленными, если их соседи и родственники получали жалованное оружие, а они нет. Так, например, Ходжа-Ахмет-султан жаловался российскому послу А.И. Тевкелеву: «При отпуске брату ево Ирали-салтану дано пансарь и ружье и сабля, а ему, Ходже-Ахметь-салтану, ис тех знаков, чем Е. и. в. служить, ничего не дано, и просит у него, бригадира Тевкелева, хотя б ему с насекою серебряною зделать велеть один сайдак и прислать к нему, чтоб того и киргисцы видели, что он от Е. и. в. всем награжден»³¹.

Следует подчеркнуть, что сабли, преподнесенные в дар российскими послами и чиновниками представителям казахской знати, не обязательно были изготовлены именно русскими оружейниками. Судя по клинкам, дошедшим до нашего времени, часть из них была

выкована иранскими и, возможно, турецкими мастерами. Но все они имеют очень высокое качество исполнения.

Таким образом, практика вручения казахской аристократии от имени «Белого царя» элитных сабель способствовала росту престижа российского клинкового оружия в казахских степях и росту его популярности среди высших слоев казахского общества.

Второй этап в распространении сабель в Казахстане характеризуется появлением у казахских номадов стандартизированных пехотных и кавалерийских сабель российского производства. В руках кочевников они оказывались в результате контрабандной торговли или в качестве военных трофеев. Значительное количество российских сабель попало в казахскую степь в ходе Пугачевского восстания 1773–1775 гг. По сообщению купца И. Житкова (1774), «нездешие ис Оренбурга, ис прочих крепостей за дровами, сеном и травую казаки и протчие люди продают народу их [казахам] ружья, тако ж свинец и порох, *сабли* (здесь и далее курсив наш. – Л. Б.) и копыя, по каковой же де притчине худые люди к злодейству и усиливаются»³².

Участие России в наполеоновских войнах также способствовало появлению у кочевников клинкового оружия европейского образца. В частности, его активно использовали воины башкирских полков, в состав которых входили подразделения казахов³³. После завершения заграничных походов российские уставные сабли и европейские трофеи были привезены кочевниками в родные степи, где стали объектом торговых сделок между башкирами, калмыками и казахами.

В первой половине XIX в. степи Казахстана стали ареной вооруженных столкновений российских и кокандских войск, масштабных народных восстаний, а также противоборства различных казахских родов, часть которых признавала сюзеренитет России, а другие – Коканда и Хивы. В этот период российскими саблями были вооружены некоторые казахские воины, действовавшие на стороне империи в борьбе со степными повстанцами и кокандскими войсками. В середине XIX в. ношение казахской знатью офицерских сабель российского производства было узаконено серией именных указов. Согласно решению № 31138 от 13.11.1856 г. всем султанам и «почетным киргизам» Среднего и Старшего жуза, имевшим офицерские чины, дозволялось носить штаб- и обер-офицерские погоны, которые нашивались непосредственно на «кафтаны» («народный костюм») и «сабли кавалерийские на золотых портупях»³⁴ (рис. 2). В приказе военного министра от 10. 08. 1859 г. право на ношение погон, эполетов

Рис. 2. Фотография знатного казаха с женой (г. Астрахань, 1873) РГО, Санкт-Петербург (РНБ, Д-К. – Б. м., 1873 г. Э АлТ 63/2-А 913 «Киргизский хан с женою». Светопись Вишневого)

Рис. 3. Фотография знатного казаха с женой («киргизский хан с женой»), вторая половина XIX в. (архив РГО Р.112, оп. 1. № 974, Санкт-Петербург)

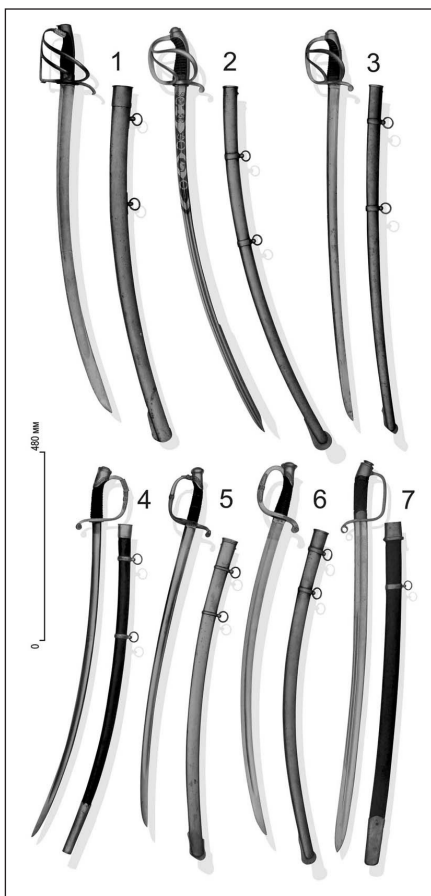

Рис. 4. «Депутация казахов Зайсанского края в Москве, имевшая счастье представляться Е. И. В.» 1873 г. (по: [Всемирная иллюстрация, 1873. Т. 9. С. 141])

и сабель было распространено на представителей всех трех жузов: «...носить на национальном костюме их в установленном порядке, кроме золотых плечевых погонов, и эполеты, чешуйчатые без номера со звездочками для различия чинов, а также кавалерийскую саблю на золотой поясной португее с красным подбоем»³⁵ (рис. 2, 3).

Сведения письменных источников находят подтверждение в вещественных и изобразительных материалах. В музейных и частных собраниях Республики Казахстан хранится несколько десятков сабель российского производства. Часть из них применялась казахскими воинами в XIX в., что зафиксировано изобразительными источниками (рисунками и фотографиями) (рис. 2, 3, 4). Сопоставление

**Рис. 5 (рис. Пронина А.О.).
Основные типы российских
сабель, применявшихся
казахскими воинами XIX в.:**
1 – кавалерийская сабля обр.
1809 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 114/86. Кн. № 11018);
2 – кавалерийская офицерская
сабля обр. 1817 г.
(ВИМАИВиВС.
Инв. № 114/167. Кн. № 10771);
3 – кавалерийская
офицерская сабля
обр. 1827 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 114/213. Кн. № 21254);
4 – драгунская сабля
обр. 1841 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 117/62. Кн. № 12556);
5 – пехотная офицерская сабля
обр. 1855 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 114/704. Кн. № 10949);
6 – пехотная офицерская сабля
обр. 1865 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 114/464. Кн. № 11130);
7 – драгунская «шашка»
(сабля) обр. 1881 г.
(ВИМАИВиВС. Инв. № 117/84.
Кн. № 18492)

вещественных и изобразительных материалов с эталонными уставными образцами российского клинкового оружия позволяет выделить основные типы сабель (рис. 5), применявшихся казахскими воинами XIX в. В частности, выделены кавалерийские сабли обр. 1809 г. (рис. 5, 1) и 1827 г., кавалерийские офицерские сабли образца 1817 г. (рис. 5, 2) и 1827 г. (рис. 5, 3), пехотные офицерские сабли образца 1855 г. (рис. 5, 4) и 1865 г. (рис. 5, 5), драгунские сабли образца 1841 г. (рис. 5, 6), драгунские «шашки» (сабли) образца 1881 г. (рис. 5, 7)

Параметры сабель перечисленных образцов можно представить в виде таблицы (таблица 1, см. приложение).

Часть сабель подвергалась переделке казахами, однако большинство изменений затрагивает только декоративное оформление. Конструктивные изменения редки и касаются только рукояти и ножен. В ряде случаев сменена кожаная обтяжка рукояти, а проволока удалена.

Рис. 6. Дунганин Машхун, таранча Бушри Джалиев, киргиз Манап Шабдан Джантаев, переводчик Абдул Басит Юсупов – представители Семиреченской области, прибывшие в Москву ко дню Священного Коронования их Императорских величеств в 1883 году (Собрание РГО, СПб)

Рис. 7. Казахский сотник Султан Ахмет Кенисарин (первый слева) среди представителей Туркестанского края, прибывших в Москву ко дню Священного коронования их Императорских величеств в 1883 году (Собрание РГО, СПб)

На двух саблях переделано навершие рукояти. Применены темляки неуставного образца. На пяти ножнах заменена обтяжка и добавлены нехарактерные элементы (неуставные наконечники и пластины устья). На некоторых саблях обоймицы ножен переделаны таким образом, чтобы саблю можно было носить лезвием вниз.

Некоторые особенности распространения и бытования у казахов шашек «уставных» российских образцов представлены фотографиями последней трети XIX – начала XX вв., на которых запечатлены представители казахской знати и, в ряде случаев, чины российской администрации (рис. 6, 7). В то же время в музейных и частных собраниях Республики Казахстан хранится несколько десятков шашек российского производства, применение которых представителями казахской аристократии фиксируется изобразительными источниками³⁶. Сопоставление вещественных и изобразительных материалов с эталонными уставными образцами российского клинкового оружия позволяет выделить основные варианты шашек казачьего, артиллерийского и драгунского типов (рис. 8), применявшихся казахскими воинами XIX в. В частности выделены офицерская и солдатская шашки азиатского типа обр. 1834 г. (рис. 8, 1, 2), казачьи шашки нижних чинов и офицеров обр. 1838 г. (рис. 8, 3, 4), солдатская

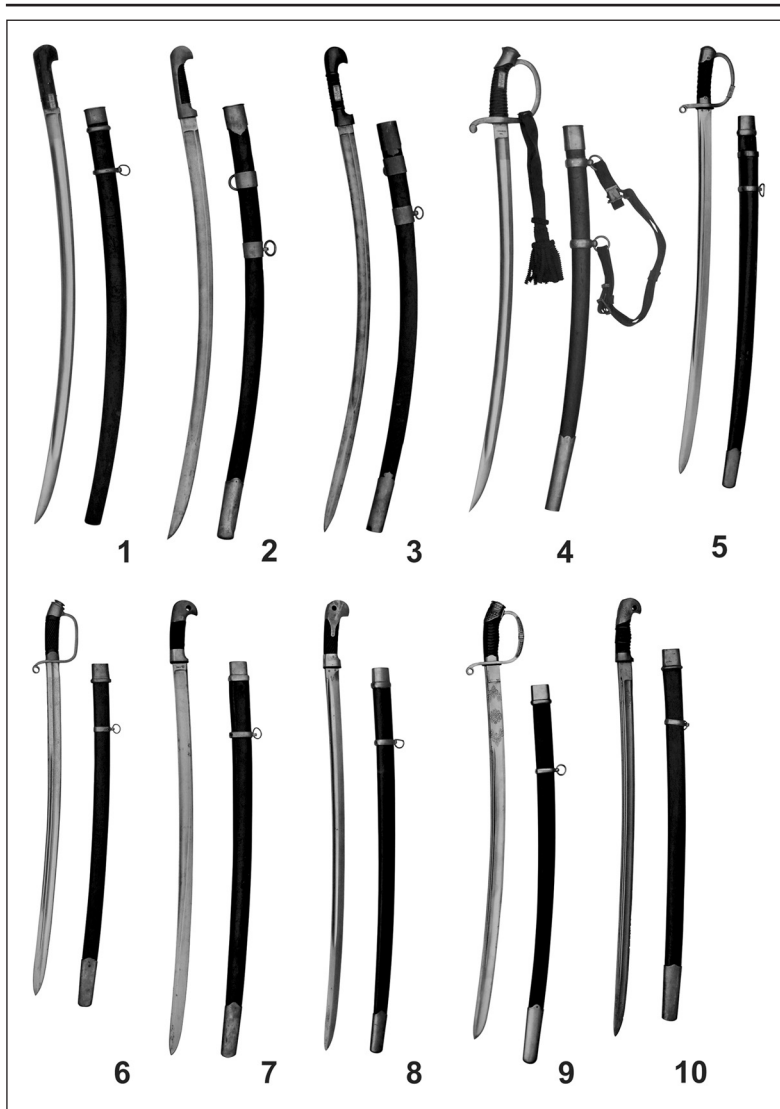

Рис. 8 (рис. Пронина А. О.). Основные варианты российских шашек, применявшихся казахскими воинами XIX в.:

1 – шашка азиатского образца, солдатская, обр. 1834 г. (ВИМАИВиВС. Инв. № 117/2. Кн. № 12429);

- 2 – шашка казачья нижних чинов обр. 1838 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 117/25. Кн. № 12441);
- 3 – шашка казачья офицерская обр. 1838 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 117/22. Кн. № 12438);
- 4 – шашка артиллерийская солдатская обр. 1868 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 117/56. Кн. № 18851);
- 5 – шашка драгунская солдатская обр. 1881 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 117/507. Кн. № 17137);
- 6 – шашка драгунская офицерская обр. 1881 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 117/84. Кн. № 18492);
- 7 – шашка казачья нижних чинов обр. 1881 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 117/600. Кн. № 17649);
- 8 – шашка казачья офицерская обр. 1881 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 117/619. Кн. № 17309);
- 9 – шашка драгунская офицерская обр. 1881/1909 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 117/752. Кн. № 12604);
- 10 – шашка казачья офицерская обр. 1881/1909 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 117/553. Кн. № 15134)

артиллерийская шашка обр. 1868 г. (рис. 8, 5), драгунские офицерская и солдатская шашки обр. 1881 г. (рис. 8, 6, 7), казачьи шашки нижних чинов и офицеров обр. 1881 г. (рис. 8, 8, 9), казачьи офицерские шашки обр. 1881/1910 гг. как наиболее распространенные образцы, состоявшие на вооружении регулярных войск Российской империи. В силу своей распространенности такое оружие могло разными путями попадать в руки представителей кочевых народов.

Так, на одной из представленных в настоящей статье фотографий запечатлены четыре представителя казахской знати, прибывшие в Москву ко Дню Священного коронования их Императорских величеств в качестве представителей Семиреченской области в 1883 г. Они одеты в традиционные кафтаны и головные уборы (рис. 6). Наличие на плечах троих из них форменных российских эполет (в том числе чешуйчатых), а также шашек российского производства на плечевых португелях у всех, позволяет предположить, что фотография демонстрирует нам практику ношения российских знаков отличия и российского оружия на традиционной одежде, легализованную указом 1859 г. В то же время имеющаяся на двух шашках ясно различимая продольная наклонная насечка деревянных рукоятей и наличие у трех шашек раздвоенных металлических головок с отверстиями для темляка, равно как и стандартного металлического прибора ножен, позволяет соотнести их с казачьими офицерскими шашками образца 1881 г., т. е. принятыми на

вооружение всего за два года до даты снимка. Четвертая шашка, которую держит крайний справа человек в одежде без эполет, является, по всей видимости, шашкой «кавказского типа», выполненной по частному заказу, и отличается от известных нам уставных образцов некоторыми параметрами навершия рукояти, а также конструкцией и украшениями ножен. Следует также отметить, что владелец последней шашки носил ее по кавказской «моде» в сочетании с кинжалом «кама». Рукоять и ножны кинжала, а также головка рукояти шашки украшены растительным орнаментом, предположительно выполненным насечкой, травлением и чернением, что характерно для отделки холодного оружия кавказского производства. Изображенные на фотографии люди одеты в богато украшенную одежду и демонстрируют официальные награды Российской империи, в том числе нагрудные знаки, нагрудные и шейные медали и знаки отличия Военного ордена. Расцветка темляков на шашках (чередующиеся темные и светлые полосы) дает основание предполагать, что темляки либо сами шашки также являются наградными предметами.

На второй фотографии (рис. 7) изображена делегация представителей Туркестанского края из четырнадцати человек во главе с казахским сотником Султаном Ахметом Кенисариним (первый слева), также прибывшая в Москву ко дню Священного коронования их Императорских величеств в 1883 г. Тринадцать из изображенных на фотографии людей одеты в традиционную одежду и головные уборы, а еще один – в военное обмундирование периода 1880–1890-х гг. У семерых представителей среднеазиатской знати на традиционной одежде видны нагрудные и шейные наградные знаки Российской империи. Двое из них вооружены длинноклинковым оружием. Одна из шашек имеет характерные для кавказского оружия очертания головки рукояти, «утопленной в устье ножен», и конструкцию ножен и металлического прибора. Различимая на фотографии рукоять второй «шашки» имеет нехарактерные для кавказского оружия, и для уставных образцов российского оружия пропорции тонкой рукояти и г-образной головки, характерной, скорее, для сабель типа «клыч» или «шамшир». Параметры перечисленных образцов российских шашек можно представить в виде таблицы (таблица 2).

Часть шашек подвергалась переделке казахами, однако большинство изменений затрагивает только декоративное оформление. Конструктивные изменения редки и касаются только рукояти и ножен. В ряде случаев сменена кожаная обтяжка, удалена витая проволока

обмотки и переделано навершие рукояти, применены темляки неуставного вида, заменена обтяжка на ножнах либо добавлены нехарактерные для уставных образцов элементы (неуставные наконечники и пластины устья).

Необходимо отметить, что на протяжении XIX в. состоявшие на вооружении русских регулярных войск шашки постепенно меняли свою конструкцию. Одновременно с этим происходило количественное увеличение вооруженных шашками частей и вытеснение последними сабель. Один из наиболее авторитетных русских оружейных конструкторов первой половины XX в. В.Г. Федоров, подчеркивал, что такое прекрасное оружие, как шашка появилось на вооружении русской кавалерии в результате столкновений «с лихими наездниками Востока, прекрасно владевшими своим оружием, понимавшими в нем толк и выработавшими его не путем теоретических размышлений о более целесообразном его устройстве, но путем опыта, путем кровопролитных схваток и столкновений, не прекращавшихся среди воинственных племен Кавказа»³⁷. Со ссылкой на архив Главного артиллерийского управления штаба генерал-фельдцейхмейстера он также приводит мнение директора Тюльской фабрики (Франция) Монсо, которому в конце 1840-х гг. было поручено изготовить некоторое количество покрытых кожей ножен для драгунского образца шашки, принятой на вооружение. Оценивая принимаемые на вооружение регулярных войск Российской империи шашки (драгунскую обр. 1842 г. и казачью обр. 1839 г.) и сравнивая их с состоявшими на вооружении драгунскими саблями обр. 1842 г., Монсо оценивал широкий и довольно длинный и «не слишком кривой» клинок казачьей шашки как удобный для удара. По его мнению, драгунская сабля с ее слишком кривым, узким и недостаточно длинным клинком проигрывала шашкам в удобстве и рубки, и укола. Применительно к шашкам Монсо также отметил слишком легкий по сравнению с весом оконечности клинка эфес и отсутствие прикрытия для руки³⁸.

Применительно к шашкам драгунского типа обр. 1881 г., т. е. имевшим эфесы с дужками, В.Г. Федоров приводит результаты войсковых испытаний, проводившихся в начале 1840-х гг. в Гвардейской конно-артиллерийской бригаде. По их итогам установлено, что эфесы новых шашек с дужкой более удобны в повседневной носке и эксплуатации по сравнению с массивными гардами предшествовавших шашкам легкокавалерийских сабель обр. 1814 г. При действиях у орудий, частых спешиваниях и соскакиваниях с лафетов и повозок, а

также от ударов о луку седел гарды легкокавалерийских сабель обр. 1814 г. (и сходных с ними) нередко гнулись, ломались и цеплялись за предметы снаряжения³⁹.

В дальнейшем состоявшее на вооружении русской армии холодное оружие было видоизменено в ходе масштабной реформы 1881 г., необходимость которой широко обсуждалась в военной печати вскоре после завершения Крымской кампании, и затем в ходе осмысления итогов Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Изучая опыт ее проведения, а также ссылаясь на выводы генерал-адъютанта Плаутина, изложенные в заключении Артиллерийского комитета 1859 г., В.Г. Федоров отметил следующие недостатки состоявших на вооружении русской армии образцов холодного оружия в сравнении с шашками:

– чрезмерная тяжесть палашей и сабель, полноценно владеть которыми и успешно применять их в реальном бою способны лишь люди, «одаренные необыкновенной силою»;

– чрезмерное отдаление центра тяжести клинка, крайне затруднявшее уверенное владение оружием (в некоторых палашах до 7 – 9 дюймов от эфеса);

– необходимость подгонки параметров холодного оружия под особенности анатомического строения бойца;

– форма сечения клинков (особенно для палашей);

– массивные эфесы, односторонние, плохое влияние на ход клинка, провоцирование поворота острия клинка в сторону, в то время как оружие с симметричным эфесом (массивный двойной у палашей, либо эфесы шашек всех типов и восточных сабель) такого недостатка лишено;

– тяжесть металлических ножен, шум в эксплуатации, легкость их деформации в полевых условиях и риск затупления такими ножнами клинка.

Подводя итог обзору российских сабель и шашек казахов XVIII в., необходимо отметить, что механизм обеспечения клинковым оружием кочевников, а также категории его потребителей несколько менялись на протяжении XVIII–XIX вв. Представляется возможным выделить три основных периода в распространении российских сабель среди казахов XVIII–XIX вв.

В 30–60-х гг. XVIII в. сабли включались в состав «государева жалованья», преподносимого в дар представителям казахской политической и военной элиты, принявшей российское подданство. Основ-

ными потребителями российских сабель в этот период были высшие слои казахского общества.

В последней трети XVIII – первой половине XIX вв. число потребителей сабель европейского образца существенно расширяется за счет воинов, сумевших приобрести клинковое оружие в ходе Пугачевского восстания, наполеоновских войн и боевых действий против степных повстанцев и среднеазиатских ханств.

В середине XIX в. российские власти официально узаконили ношение предметов клинкового вооружения российского образца представителями казахской служилой знати. Казахские воины второй половины XIX в., включенные в состав российских войск, активно использовали сабли и шашки российского производства.

В целом, на протяжении всего рассматриваемого периода доминирующим типом казахского длинноклинкового оружия продолжали оставаться «шамширы» среднеазиатского и иранского производства, однако значимость российского длинноклинкового оружия – сабель европейского образца и шашек – постепенно возрастала. Этот процесс был обусловлен несколькими причинами. Одной из важнейших была престижность российского оружия в глазах степной знати. Повышенный интерес к российской военной культуре в целом и клинковому оружию в частности подпитывался масштабными интеграционными процессами, усилением российского политического, административного и экономического влияния в Казахстане, вхождением степной аристократии в состав многонациональной элиты Российской империи, а также военными успехами российских войск в ходе военных кампаний в Средней Азии. Судя по рисункам и фотографиям, во второй половине XIX в. многие представители казахской знати нередко появлялись на публике с уставными саблями российского производства.

Однако главным конкурентом «шамширов» в Казахстане выступили не российские кавалерийские сабли, а шашки. В условиях вытеснения доспеха из широкого военного обихода, распространения и повышения эффективности огнестрельного оружия, снижения роли конной сабельной рубки роль легких и относительно дешевых (по сравнению с саблями) шашек постепенно возрастала. Искусственным фактором, препятствовавшим данному процессу, был официальный запрет на продажу вооружения кочевникам. Однако в XIX в. он нарушался все чаще и чаще. Важную роль в оснащении казахов шашками сыграли и изменения в оружейном производстве Бухары,

Коканда и Хивы. В первой половине XIX в. мастера Средней Азии познакомились с российскими шашками, освоили их производство и начали экспорт в казахские кочевья. Таким образом, на протяжении нескольких десятилетий XIX в. шашки поступали к казахам с севера (из России) и с юга (из Мавераннахра). Ч.Ч. Валиханов в своей знаменитой работе «Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи», написанной до 1861 г., отмечал, что в его время казахи стали применять «прямые, так называемые сапы или шапы, похожие на шашки, употребляемые в Средней Азии, но в старину это оружие мало употреблялось»⁴⁰. История появления и эволюции узбекских и казахских шашек будет рассмотрена нами в специальной работе.

По мере военных успехов российских войск в Средней Азии и включения в состав империи Кокандского ханства (1876), установления протектората над Бухарой (1873) и Хивой (1873) Казахская степь из опасной «пограничной полосы» превратилась в один из внутренних районов империи. Установление мира, прекращение междоусобных столкновений, устранение опасности вторжения со стороны иностранных государств способствовали упадку традиционных оружейных производств и импорта с территории Мавераннахра. Кроме того, российские власти запретили оружейникам городов Средней Азии выставлять оружие в свободную продажу. Приобретать его теперь могли только военнослужащие российских войск. Казахские воины, принимавшие участие в военных предприятиях российских войск второй половины XIX в., продолжали применять традиционные «шамширы», а также шашки и сабли российского образца. Сочетание традиционного среднеазиатского и российского клинкового вооружения сформировало оригинальный облик казахского длинно-клинкового оружия XIX в., представляющего собой яркий пример взаимодействия российских и казахских военных традиций.

---

¹ Прошлое Казахстана в источниках и материалах V–XVIII вв. М.; Алма-Ата: Наука, 1936. С. 188.

² Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: САНАТ, 1996. С. 312, 397.

³ Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1964. С. 303, 304.

⁴ Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи // Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Алма-Ата: Наука, 1961. С. 463–467.

⁵ Парамонов И.А. О туземном оружии в Туркестанском крае // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. Выпуск второй.

Статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естественной истории. М.: «Университетская типография (Катков и К^о)», 1872. С. 214.

⁶ Бобров Л.А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX вв.: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2011. С. 17, 21.

⁷ История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 7. Г.Н. Потанин. Исследования и материалы. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. С. 299.

⁸ Пармонов И.А. Указ. соч. С. 217.

⁹ Там же. С. 214, 215.

¹⁰ Левшин А.И. Указ. соч. С. 312, 397; Валиханов Ч.Ч. Указ. соч. С. 464.

¹¹ Слово «ружье» употреблено в значении «оружие».

¹² Т. е. казахи.

¹³ История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 2. Русские летописи и официальные материалы XVI–XVIII в. о народах Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. С. 364.

¹⁴ Пармонов И.А. Указ. соч. С. 217.

¹⁵ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 191.

¹⁶ Казахско–русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата: Изд-во Академии Наук Казахской ССР, 1961. С. 12.

¹⁷ История Казахстана в русских источниках. Т. 1. Посольские материалы Российского государства (XV–XVII вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2005а. С. 6, 7.

¹⁸ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 260.

¹⁹ Там же. С. 261.

²⁰ Казахско–русские отношения в XVI–XVIII веках. С. 42, 56.

²¹ Ахметжан К.С. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматы-китап, 2007. С. 198.

²² Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 359.

²³ Там же. С. 364.

²⁴ Казахско–русские отношения в XVI–XIII веках. С. 139.

²⁵ История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 3. Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759). Алматы: Дайк-Пресс, 2005в. С. 252.

²⁶ Казахско–русские отношения в XVI–XVIII веках. С. 155.

²⁷ Ахметжан К.С. Указ. соч. С. 198.

²⁸ Казахско–русские отношения в XVI–XVIII веках. С. 551.

²⁹ Ахметжан К.С. Указ. соч. С. 198.

³⁰ Казахско–русские отношения в XVI–XVIII веках. С. 301.

³¹ История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 3. Журналы и служебные записки дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759). Алматы: Дайк-Пресс, 2005в. С. 252.

³² Бекмаханова Н.Е. Россия и Казахстан в освободительном движении. Последняя четверть XVIII – первая половина XIX века. М.: Институт российской истории РАН, 1996. С. 45.

³³ Там же. С. 74–80.

³⁴ Далаева Т.Т. Военные функции казахских ханов и султанов в XVIII–XIX вв.: проблемы эволюции и трансформации // Роль номадов евразийских степей в развитии

мирового военного искусства. Алматы: Изд-во LEM, 2010. С. 364.

³⁵ Там же. С. 364–365.

³⁶ Бобров Л.А., Пронин А.О. Российские сабли казахских батыров // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. С. 221–235, рис. 1, 2.

³⁷ Федоров В.Г. Холодное оружие. М.: Яуза: Эксмо, 2010. С. 69.

³⁸ Там же. С. 72–73.

³⁹ Там же. С. 91.

⁴⁰ Валиханов Ч.Ч. Указ. соч. С. 464.

Приложение

Таблица 1

Основные характеристики российских сабель,
применявшихся казахскими воинами

Образец	Общая длина	Длина клинка	Ширина клинка	Конструкция эфеса	Конструкция ножен	Конструкция клинка
Кавалерийская офицерская сабля обр. 1827 г.	990 мм	860 мм	32 мм	Рукоять, с латунной дужкой и овальной выпуклой головкой, гарда – крестовина с тремя дужками (передней и боковыми)	Стальные, с двумя гайками, кольцами и башмаком	Стальной, однолезвийный, с одним широким долом; изгиб клинка варьировался от 10 до 27°, так как широкое распространение имели клинки производных форм, сделанные на заказ, в том числе не российского производства
Кавалерийская офицерская сабля обр. 1817 г.	1010 мм	870 мм	28 мм (ширина эльмана 25 мм)	Рукоять (дерево, кожа) со спинкой, переходящей в головку (латунь, либо сталь), гарда – крестовина с тремя дужками (передней и боковыми)	Стальные с двумя гайками с кольцами и башмаком; стальные с башмаком без гаек – кольца крепились к ушкам, приваренным к кромке ножен	Стальной, среднеизогнутый (29°), однолезвийный, с эльманью; на правой стороне клинка один широкий дол, переходящий в два узких, на левой – один широкий; клинки офицерских сабель, как правило, украшены
Пехотная офицерская сабля образца 1855г.	930 мм	790 мм	33 мм	Рукоять (дерево, кожа) с головкой (латунь); гарда – узкая чашка с передней дужкой и загнутым вниз ответвлением, с растительным орнаментом	Стальные, с двумя гайками, кольцами и башмаком	Стальной, слабоизогнутый (14°), с одним широким долом и коротким узким долом у обуха в средней части клинка
Пехотная офицерская сабля обр. 1865 г.,	940 мм	810 мм	31 мм	Рукоять (дерево, кожа) с головкой и гардой с крестовиной и передней дужкой с отогнутым вниз концом и растительным орнаментом (латунь)	Стальные, с двумя гайками, кольцами и башмаком	Стальной, среднеизогнутый (29–30°), с одним широким долом, конец клинка двулезвийный

А.О. Пронин

Кавалерийская сабля обр. 1809 г.	1030 мм	880 мм	36 мм	Рукоять (дерево, кожа), гарда (сталь) с крестовиной, передней и двумя боковыми дужками (передняя дужка отходит от крестовины под прямым углом, конец крестовины закруглен и загнут вниз)	Стальные, с двумя кольцами, которые крепились к ушкам на кромке ножен или гайкам	Стальной, среднеизогнутый (26°), с одним широким долом
Драгунская сабля обр. 1841 г.,	940 мм	810 мм	31 мм	Рукоять (дерево, кожа) с головкой и гардой с крестовиной и передней дужкой с отогнутым вниз концом и растительным орнаментом (латунь)	Деревянные, обтянутые кожей, с латунным прибором: двумя гайками с кольцами и наконечником	Стальной среднеизогнутый (22–24°) с одним широким долом. Конец клинка двулезвийный
Драгунская «шашка» (сабля) обр. 1881 г.	От 1050 до 890 мм	От 870 до 810 мм ¹	От 33 до 23 мм	Рукоять (дерево, кожа), навершие образовано латунной втулкой и латунной головкой; в основании рукояти – нижняя латунная втулка; гарда (латунь) образована крестовиной и передней дужкой; конец крестовины имеет отверстие для темляка, закруглен и отогнут вниз	Деревянные обтянутые кожей (для произведенных в 1890-х гг. – резиной), с латунным прибором (устье, гайка с кольцом, наконечник; на солдатских шашках прибор включал две гайки с одним кольцом и гнездами для штыка)	Стальной, слабоизогнутый (около 11–19°), с одним широким долом, либо двумя узкими долками у обуха и широким долом

¹ Длина клинка офицерских шашек образца 1881 г. была формально установлена четырех размеров, в зависимости от роста владельца: 710, 735, 762 и 813 мм, что соблюдалось на серийно производившихся клинках по правильнейшим заказам, но могло варьироваться для клинков, изготовленных по частному заказу.

Таблица 2

**Основные характеристики российских шашек,
применявшихся казахскими воинами**

Образец	Общая длина	Длина клинка	Ширина клинка	Конструкция эфеса	Конструкция ножен	Конструкция клинка
Шашка солдатская азиатского образца, обр. 1834 г.	1000 мм	880 мм	34 мм	Эфес состоит только из деревянной рукояти с раздвоенной головкой, на двух заклепках. В головке имеется отверстие для темляка. На основании рукояти – металлическая (сталь) втулка	Деревянные, обтянутые кожей, с металлическим устьем и четырьмя гайками. Первая и третья гайки имеют кольца; вторая и четвертая – гнезда для штыка (до 1870-х гг. трехгранные; позже – четырехгранные)	Стальной, однолезвийный (небольшой изгиб), искривленный, с одним широким долем; Боевой конец клинка двулезвийный
Шашка офицерская азиатского образца, обр. 1834 г.	1000 мм	880 мм	34 мм	То же (с возможностью украшения по усмотрению владельца)	То же (с возможностью украшения по усмотрению владельца)	То же
Шашка казачья нижних чинов, обр. 1838 г.	1030 мм	875 мм	36 мм	Эфес состоит только из деревянной рукояти с поперечными желобками, покрытой кожей. Спинку рукояти закрывает латунная планка, переходящая в раздвоенную головку. На основании рукояти – латунная муфта, скрепляющая рукоять и латунную спинку	Деревянные, обтянутые кожей. Латунный прибор состоит из устья, двух гаек с кольцами и наконечника; на верхней гайке кольцо со внутренней стороны. На шашках выпуска до 1853 г. устье ножен без кромки. После 1853 г. – с утолщенной кромкой	Стальной искривленный однолезвийный, с одним широким долем. Боевой конец двулезвийный
Шашка казачья, офицерская, обр. 1838 г.	960 мм	820 мм	35 мм	Эфес состоит только из деревянной рукояти с поперечными желобками. Рукоять покрыта кожей или сафьяном и обмотана по желобкам витой проволокой. Головка рукояти латунная, раздвоенная; в основании рукояти, на расширенной части – латунная втулка. Возможны произвольные украшения эфеса	Деревянные, обтянутые кожей или сафьяном. Латунный прибор: устье, две гайки с кольцами и наконечник. Возможны произвольные украшения ножен	Стальной искривленный однолезвийный с одним широким долем. Боевой конец двулезвийный. Возможно использование клинков произвольного типа

А.О. Пронин

Шашка артиллерийская солдатская обр. 1868 г. (укороченный вариант драгунская сабли обр. 1841 г.)	До 940 мм	До 810 мм	31 мм	Рукоять (дерево, кожа) с головкой и гардой с крестовиной и передней дужкой с отогнутым вниз концом и растительным орнаментом (латунь)	Деревянные, обтянутые кожей, с латунным прибором: двумя гайками с кольцами и наконечником	Стальной среднеизогнутый (22–24°) с одним широким долом. Конец клинка двулезвийный
Драгунская «шашка» (сабля) обр. 1881 г.	От 1050 до 890 мм	От 870 до 810 мм ²	От 33 до 23 мм	Рукоять (дерево, кожа), навершие образовано латунной втулкой и латунной головкой; в основании рукояти – нижняя латунная втулка; гарда (латунь) образована крестовиной и передней дужкой; конец крестовины имеет отверстие для темляка, закруглен и отогнут вниз	Деревянные обтянутые кожей (для произведенных в 1890-х гг. – резиной), с латунным прибором (устье, гайка с кольцом, наконечник; на солдатских шашках прибор включал две гайки с одним кольцом и гнездами для штыка)	Стальной, слабоизогнутый (около 11–19°), с одним широким долом, либо двумя узкими долками у обуха и широким долом
Шашка казачья нижних чинов обр. 1881 г.	1020 мм	870 мм	33 мм	Эфес состоит только из деревянной рукояти с продольными наклонными желобками. Головка рукояти латунная раздвоенная с отверстием для темляка. На основании рукояти латунная втулка	Деревянные, обтянутые кожей. Латунный прибор: устье, гайка с кольцом и наконечник. На устье со внутренней стороны имеется скоба	Стальной, незначительной кривизны, однолезвийный с одним широким долом

² Длина клинка офицерских шашек образца 1881 г. была формально установлена четырех размеров, в зависимости от роста владельца: 710, 735, 762 и 813 мм, что соблюдалось на серийно производившихся клинках по правительственным заказам, но могло варьироваться для клинков, изготовленных по частному заказу.

К вопросу о распространении клинкового оружия российского производства среди казахов

Шашка казачья офицерская обр. 1881 г.	960 мм	810 мм	33 мм	Эфес состоит только из деревянной рукояти с продольными наклонными желобками. Головка рукояти латунная раздвоенная с отверстием для темляка и двумя продольными ушками по бокам рукояти. Также распространены головки без ушек. Внизу на рукояти латунная втулка	Деревянные, обтянутые кожей (ножны выпуска 1890-х гг. обтянуты резиной). Латунный прибор: устье со скобой на внутренней стороне, гайка с кольцом, наконечник. С 1888 г. шашки выпускались с углублением под скобой на устье ножен	Стальной незначительной кривизны, с одним широким долом. Боевой конец двулезвийный. Были распространены произвольные клинки
Шашка казачья офицерская обр. 1881/1910 гг.	То же	То же	То же	Эфес состоит только из деревянной, реже эбонитовой, рукояти с поперечными желобками и утолщением в средней части. Головка рукояти латунная раздвоенная с растительным орнаментом и вензелем императора Николая II ³ . На основании рукояти латунная втулка	То же, обтянуты кожей	То же

³ Императора, в царствование которого владелец шашки получил свой первый офицерский чин.

В.Н. Прямицын (Москва)

РУССКИЕ УЧЕНЫЕ-ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИ НА ФРОНТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

«**В**СТАВАЙ, страна огромная!» – каждый знает, что эти слова поэт В.И. Лебедев-Кумач посвятил Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Однако, наша история знает не менее яркие примеры всеобщего воодушевления и объединения в порыве разгромить врага. Первая мировая война вошла в советские учебники истории как «империалистическая», но тогда, в далеком 1914 г., в народе ее называли не иначе, как «Второй Отечественной» или даже «Великой Отечественной». Наряду с теми, кто был призван в русскую армию по мобилизации, сотни тысяч человек записались в ее ряды добровольно. Среди них были и люди науки, которые не могли продолжать размеренную работу или учебу, когда страна втянута в кровопролитную мировую войну. Немалое количество ученых в тяжелое для Родины время поменяло туфли и пиджаки на сапоги и военную форму, а кафедры и лаборатории на поле и окопы. Они не оставили науку, а просто перенесли свою деятельность туда, где она в тот момент была нужнее всего, приложили свои знания и опыт к ратному делу. Эта статья посвящена русским ученым-гидрометеорологам начала XX века, принявшим самое деятельное участие в Первой мировой войне.

Борис Борисович Голицын

Накануне Первой мировой войны Россия была одной из крупнейших мировых гидрометеорологических держав. Головным учреждением российской гидрометеорологии была Главная физическая обсерватория (ГФО), располагавшаяся в Петербурге и возглавляемая видным ученым академиком князем Б.Б. Голицыным. С началом

Б.Б. Голицын

дования, не связанные с обеспечением боевых действий, и переориентировать работу всего коллектива на военный лад. ГФО успешно справлялась со своими задачами по обеспечению войск. Однако в 1915 г., с переходом на зашифрованную передачу метеорологических данных и дальнейшим углублением ГФО в процесс обеспечения боевых действий, стала очевидна необходимость создания военной метеорологической организации.

Борис Борисович обратился с докладной запиской на имя Николая II и инициировал создание Главного военно-метеорологического управления (Главмет). Согласно положению о Главмете, его задачей являлось «обслуживание в области военной метеорологии действующей армии и флота, авиационных и воздухоплавательных частей, химических команд». Управление действовало на базе обсерватории, а небольшое число его военных чинов было назначено из руководящего состава ГФО². Возглавил новую организацию князь Б.Б. Голицын. Одновременно с Главметом в войсках были созданы гидрометеорологические отделения при штабах фронтов³.

За короткое время в условиях войны академику Голицыну удалось создать работоспособную структуру, позволяющую своевременно доводить прогнозы погоды до штабов фронтов, армий, корпусов, дивизий и даже до отдельных подразделений, дислоцированных на фронте. Офицеры-гидрометеорологи, работавшие в штабах объединений, не только докладывали начальству прогнозы, присланные

телеграфом из Обсерватории, но и дважды в сутки передавали в Петербург сводки погоды с метеорологических постов и станций, расположенных в зоне своей ответственности⁴.

На посту главного военного гидрометеоролога Борис Борисович внес значительный вклад в повышение боеспособности русской армии. Князь принимал личное участие в разработке военно-климатических описаний театров военных действий. Он был автором первых пособий военным летчикам по вопросам метеорологии. Им были созданы специализированные инструментальные мастерские по изготовлению и ремонту метеорологических приборов, пользовавшихся все возрастающим спросом в действующей армии. Под его руководством проходило метеорологическое обеспечение испытаний химического оружия. По его инициативе были учреждены метеорологические станции при авиационных ротах и химических командах⁵. Едва ли не самой полезной способностью Б.Б. Голицына для воюющей России было умение разглядеть и привлечь к общему делу талантливых людей.

Все инициативы князя Голицына, касающиеся организации военной гидрометеорологии, претворялись в жизнь. Часто решению многих вопросов способствовал доступ Бориса Борисовича к царю и его авторитет академика, ученого с мировым именем. Офицер Ставки Верховного Главнокомандующего штабс-капитан М.К. Лемке в своих мемуарах вспоминал о том, как в январе 1916 г. начальник Главмета посетил царя в его штабе в Могилеве: *«Здесь сейчас находится академик князь Борис Борисович Голицын, обедает и завтракает с нами. Защитная форма при высоких сапогах очень молодит его и очень ему идет»*⁶. Главный военный гидрометеоролог приезжал к Николаю II с очередными предложениями о том, как сделать обеспечение фронта еще надежнее. Однако претворить все замыслы в жизнь помешала скоростная смерть академика. Борис Борисович отдавал все силы служению Отечеству и в напряженной работе подорвал свое здоровье. В одной из многочисленных поездок в действующую армию он заболел воспалением легких, ставшим для него роковым. До конца войны Главное военно-метеорологическое управление возглавляли ученики академика Б.Б. Голицына известные ученые А.Н. Крылов и И.П. Семенов-Тянь-Шанский⁷.

Александр Александрович Фридман

К началу Первой мировой войны Александр Александрович Фридман уже был широко известен в России и Европе как талантливый математик и геофизик. Наряду с преподаванием математики в ряде институтов Петербурга, изучением гидродинамики и астрономии, он достиг высот и в метеорологической науке. Едва ли такое светило рисковало оказаться в действующей армии. Однако с началом войны Александр Александрович записался в нее добровольцем.

В конце августа 1914 г. Фридман попал в авиационный отряд на должность летчика-наблюдателя. Ученый принял участие в ряде боевых вылетов на разведку и бомбометание. Позже он вспоминал, что участие в этих полетах помогло ему уяснить, что нужно знать летчику о состоянии атмосферы, чтобы сделать полет безопасным⁸. В 1915 г. А.А. Фридман, служивший до этого в качестве вольноопределяющегося, был произведен в прапорщики. В марте 1916 г. известный ученый был назначен начальником вновь созданной Центральной аэронавигационной станции (ЦАНС). Непосредственные обязанности А.А. Фридмана на этом посту заключались в метеорологическом обеспечении боевых действий авиации и подготовке младших метеоспециалистов. Однако Александр Александрович совмещал свою службу с активной организационной и научной работой, вел активную переписку с Главметом. По приказанию Б.Б. Голицына он сформулировал требования авиации к метеорологическому обеспечению, составил баллистические таблицы, принял участие в работе над трудом «Основные сведения по аэрологии и синоптической метеорологии для летчиков и воздухоплавателей», вышедшим в свет в первой половине 1917 г.⁹

А.А. Фридман

Энергии Александра Александровича хватало не только на образцовое выполнение обязанностей по занимаемой должности, методическую и прикладную научную деятельность, но и на решение фундаментальных вопросов метеорологической науки. В тревожные

дни войны Фридман задавался дальними амбициозными целями – разработать общую теорию атмосферной циркуляции, познать ее закономерности, научиться прогнозировать ее изменения во времени и пространстве. Ярким примером научной деятельности А.А. Фридмана на фронте служит статья *«О вихрях в жидкости с меняющейся температурой»*, завершающаяся подписью *«Действующая армия, 10 сентября 1915 г.»*¹⁰.

За отвагу, проявленную в боевых вылетах, и вклад, внесенный в метеорологическое обеспечение боевых действий авиации, прапорщик Фридман был удостоен Георгиевского креста IV степени и ордена Святого Владимира IV степени, а также награжден золотым оружием. Впоследствии Александр Александрович стал выдающимся советским ученым с мировой известностью¹¹.

Михаил Михайлович Рыкачев

Михаил Михайлович Рыкачев пошел по стопам отца. Он был сыном всемирно известного ученого, одного из основателей гидрометеорологического дела в России Михаила Александровича Рыкачева и выбрал для себя метеорологическую специальность. К началу Первой мировой войны он уже имел значительный опыт работы в ГФО и Пулковской обсерватории, являясь одним из видных ученых-метеорологов своего времени. Тем не менее Михаил Михайлович записался на фронт добровольцем. В декабре 1914 г. он оказался в эскадре воздушных кораблей (ЭВК) «Илья Муромец» – первом в истории русской авиации соединении тяжелых бомбардировщиков.

Начальник управления ЭВК генерал-майор М.В. Шидловский стремился укомплектовать свое подразделение лучшими летчиками и специалистами.

Руководство метеорологическим делом он поручил М.М. Рыкачеву: *«Рядового из вольноопределяющихся отряда воздушного корабля “Илья Муромец IV” Михаила Рыкачева назначаю заведывающим метеорологической станцией, которому получить, согласно описи метеорологические приборы*

М.М. Рыкачев

из IV отряда. Начальник управления ЭВК генерал-майор Шидловский»¹².

На должности «заведывающего» метеорологической станцией М.М. Рыкачев получил воинское звание прапорщика. Он активно взялся за организацию метеорологической службы в ЭВК. Пользуясь своим авторитетом ученого, добился снабжения метеорологических подразделений эскадры воздушных кораблей всеми необходимыми приборами. Для получения ежедневных метеорологических сводок наладил прямую телефонную связь с Пулковской обсерваторией¹³.

Центральная метеорологическая станция располагалась при штабе ЭВК. На должности наблюдателей Михаил Михайлович подобрал наиболее способных вольноопределяющихся из числа студентов, добровольно вступивших в армию. Под его руководством вольноопределяющиеся осуществляли метеорологические и шаропилотные наблюдения, ежедневно принимали и расшифровывали метеорологическую сводку из ГФО, составляли синоптические карты. Помимо установленного объема работ, Михаил Михайлович вел занятия по метеорологии с подчиненными и летным составом¹⁴.

Начальник Центральной метеорологической станции в условиях военного времени организовал полноценную научно-исследовательскую работу, одной из тем которой стало распределение ветрового режима в приземном слое и на высотах. По программе, разработанной М.М. Рыкачевым, метеонаблюдатели измеряли скорость и направление ветра на летном поле и в его окрестностях. Для этого использовались шесты длиной три, шесть и десять метров, на конце которых крепились анемометры Фусса и выпелы. Регулярно в небо над Псковом запускались шар-пилоты, с ведением наблюдений до максимально возможной высоты. Квалификация вольноопределяющихся-студентов и их тяга к познаниям способствовали проведению исследований. Михаил Михайлович разработал и опробовал на псковском поле методику ночных шар-пилотных наблюдений¹⁵.

За годы Первой мировой войны эскадра воздушных кораблей понесла значительный ущерб от непогоды. Это было следствием объективных причин, таких, как молодость авиационной метеорологии и расположение аэродромов эскадры вблизи линии фронта, где отмечалась крайняя скудность метеорологической информации с западного направления. В одном можно быть уверенным: Михаил Михайлович Рыкачев сделал для самолетов «Илья Муромец» все, что было в его силах, честно выполнив свой долг ученого и гражданина. За заслуги

в деле обеспечения боевых действий тяжелых бомбардировщиков прапорщик М.М. Рыкачев был удостоен ордена Святого Станислава II степени, а его подчиненные – серебряных медалей «За усердие»¹⁶.

Виктор Александрович Шталь

Виктор Александрович Шталь – человек удивительной судьбы. С детства он был увлечен авиацией, проводил много времени на Командантском аэродроме, любясь крылатыми машинами. «Дедушкой авиационной метеорологии» его назовут намного позже, а начало Первой мировой войны застало его студентом Политехнического института. В 1916 г., будучи сыном влиятельного военачальника (помощника начальника Морского Генерального штаба генерал-майора А.В. Шталя), он добровольно записался в действующую армию. Виктор Александрович приложил все усилия, чтобы оказаться среди

В.А. Шталь

единомышленников, и был зачислен вольноопределяющимся на должность метеонаблюдателя эскадры воздушных кораблей «Илья Муромец».

Безусловно, при содействии отца Виктор мог достаточно скоро выучиться на летчика. Однако, в семье Шталей существовало строгое правило: каждый должен входить в жизнь самостоятельно и трудом доказывать, на что способен. Молодой вольноопределяющийся проявлял большой интерес к авиационным дисциплинам, таким, как конструкция летательных аппаратов и аэродромная служба. Однако, более всего его привлекала метеорология – загадочная, в то время почти колдовская наука¹⁷.

На летном поле Пскова под руководством прапорщика М.М. Рыкачева Виктор Александрович Шталь усердно выполнял всю положенную работу: наблюдал за погодой, запускал в небо шар-пилоты, занимался шифрованием, составлял синоптические карты. Он с энтузиазмом участвовал в научных исследованиях, инициированных начальником метеорологической станции ЭВК. Молодой вольноопределяющийся часто беседовал с пилотами-офицерами, записывая в блокнот их соображения по поводу метеорологического обеспечения. Со временем летчики стали брать В.А. Шталя в полеты в

качестве наблюдателя. Общение с летчиками, а также серия полетов показали Виктору Александровичу, сколь скудна информация о погоде, которой обычно располагают на аэродроме, и как она важна для безопасности полетов и успеха в бою¹⁸.

Опыт, полученный в практических работах на летном поле Пскова, лег в основу блестящей научной и военной карьеры. В Гражданскую войну Виктор Александрович Шталь совершал боевые вылеты в качестве аэронавигатора 32-го авиаотряда. Впоследствии он занимал различные должности в Метеорологической службе ВВС. Виктор Александрович написал десятки трудов по авиационной метеорологии, внес большой личный вклад в метеорологическое обеспечение авиации в годы Великой Отечественной войны и в подготовку специалистов-метеорологов. «Дедушка авиационной метеорологии» всего несколько месяцев не дожил до своего 100-летнего юбилея. Незадолго до смерти он признался: *«Мне до сих пор снятся огни аэродрома»*¹⁹.

Валериан Валерианович Шипчинский

В августе 1913 г. на должность начальника Центральной гидрометеорологической станции в Архангельске был назначен физик Главной физической обсерватории В.В. Шипчинский. Назначение известного ученого на эту должность в свете начавшейся Первой мировой войны оказалось как нельзя кстати. Моряки Севера негласно называли Валериана Валериановича заведующим гидрометеорологической службой Ледовитого океана и Белого моря.

В силу объективных причин, обусловленных военным временем, Север стал единственным морским театром Европы, свободным для сообщения с союзниками. От архангельских гидрометеорологов, возглавляемых В.В. Шипчинским, потребовалось надежное гидрометеорологическое обеспечение и максимально возможное продление сроков навигации. От качества их работы напрямую зависели объемы ввоза поставляемых из Франции и Англии боеприпасов и вывоза в эти страны стратегического сырья²⁰.

Валериан Валерианович наладил работу образцово. Вот, как о нем отзывался впоследствии известный гидрометеоролог Вс.А. Березкин: *«Будучи большим знатоком в области физико-географических дисциплин, он в то же время отличался замечательными организаторскими способностями»*. Его станция регулярно предоставляла военным кораблям прогнозы погоды и оповещения о ледовой

обстановке. Последнее потребовало от немногочисленного коллектива Центральной станции не только ежедневного составления карты распределения льдов северных морей, но и систематических экспедиционных работ. Благодаря высокой квалификации и энергичной деятельности В.В. Шипчинского навигация в Белом море открывалась настолько рано и завершалась настолько поздно, насколько это было возможно²¹.

Интенсивную работу по оперативному обеспечению флота В.В. Шипчинский совмещал с научными исследованиями. К примеру, в 1915 г.

В.В. Шипчинский

он предпринял экспедицию по Белому морю, в ходе которой определил оптимальные места для создания пунктов метеорологических наблюдений. В ответ на просьбу Отдела торговых портов предоставить климатические данные для выбора наиболее удачных мест портостроительства Валериан Валерианович провел обширную работу по обобщению разрозненных данных наблюдений станциями различных ведомств²². Из 40 научных трудов В.В. Шипчинского по различным вопросам в области физической географии и метеорологии многие были написаны за непродолжительное время его работы на Севере. Под его редакцией с очень ценными дополнениями были изданы фундаментальные труды зарубежных ученых.

В разгар мировой войны, являясь главным гидрометеорологом на стратегически важном для страны направлении, В.В. Шипчинский находил время и силы заниматься еще и методической работой. В частности, он разработал методы предсказания замерзания и вскрытия устья Северной Двины, а также повышения уровней воды в нем. Эти методы с успехом применялись при обеспечении боевых кораблей. Валериан Валерианович подготовил программу масштабных экспедиционных работ в Белом море, однако смерть в 1918 г. не позволила ему реализовать задуманное.

В небольшой статье невозможно отдать дань должного всем ученым-гидрометеорологам, направившим свою энергию, знания и опыт на решение священной задачи – защиты Отечества. На этой

нине отличился практически весь коллектив Главной физической обсерватории. С началом Первой мировой войны в действующей армии возникла острая потребность в военно-климатической информации. Понимая, что составление полного и обстоятельного труда по военной климатологии России потребует много времени, в ГФО приняли решение в кратчайшие сроки подготовить и издать *«краткую климатологию, в которую войдут лишь главнейшие климатологические элементы по наблюдениям сравнительно ограниченного числа избранных станций»*²³. В этой важной работе приняли участие наиболее опытные специалисты ГФО, включая Э.Ю. Берга, Е.А. Чейнца, А.И. Кайгородова, А.А. Каминского, Н.А. Коростелева, С.И. Недзюрова, С.И. Небольсина, А.М. Штеллинга, Э.В. Штеллинга и других. К работе над трудом, столь необходимым воюющей России, под началом Б.Б. Голицына подключились и такие выдающиеся ученые, как М.А. Рыкачев и А.И. Воейков²⁴.

С середины 1915 г. действующая армия поставила гидрометеорологам задачу составления военно-климатических обзоров районов боевых действий по месяцам. Так как в штате ГФО не было климатического отдела, эта работа была возложена на сотрудников отделения ежедневного бюллетеня. Руководитель этого подразделения И.П. Семенов-Тянь-Шанский сумел организовать работу так, что к концу 1916 г. было выпущено 36 таких обзоров, охвативших все фронты действующей армии²⁵. К выполнению этой задачи немало усилий приложил заведующий отделом научной разработки методов предсказания погоды Главного военно-метеорологического управления известный физик Б.П. Мультиановский. Итоговое редактирование обзоров было поручено Н.А. Коростелеву, занимавшему в Главмете пост инспектора станций²⁶.

За пределами этого короткого повествования остались десятки имен русских ученых-гидрометеорологов, принимавших участие в обеспечении боевых действий в годы Первой мировой войны. Однако даже рассказа об упомянутых людях достаточно, чтобы понять, насколько близко к сердцу отечественная гидрометеорологическая наука приняла тяжелые для страны события и какую практическую пользу она ей оказала в деле борьбы с врагом.

---

¹ Пасецкий В.М. Метеорологический центр России. История основания и становления. Л.: Гидрометиздат. 1978. С. 232.

² РГВИА. Ф. 2008. Оп. 3. Д. 180. Л. 139, 146.

³ Там же. Л. 1.

- ⁴ Пасецкий В.М. Метеорологический центр России. История основания и становления. Л.: Гидрометиздат, 1978. С. 234, 236.
- ⁵ РГВИА. Ф. 2008. Оп. 3. Д. 180. Л. 145.
- ⁶ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке 1916 г. Минск: Харвест, 2002. С. 175.
- ⁷ РГВИА. Ф. 2008. Оп. 3. Д. 181. Л. 88, 89, 181. Д. 182. Л. 76.
- ⁸ Юдин М.И. Теоретики-метеорологи на службе обороны Родины // Военная метеорология. Ее роль в метеорологическом обеспечении военных действий в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. СПб.: Текст, 1995. С. 107, 108.
- ⁹ Шталь В.А. Развитие методов метеорологического обеспечения авиации в России в 1910–1940 гг. // Там же. С. 22.
- ¹⁰ Юдин М.И. Теоретики-метеорологи на службе обороны Родины. С. 107, 108.
- ¹¹ Извеков Б.И. Работы А.А. Фридмана в области геофизики // Журнал геофизики и метеорологии. 1926. Т. 3. В. 1–2.
- ¹² РГВИА. Ф. 13898. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.
- ¹³ Катышев Г.И., Михеев В.Р. Крылья Сикорского. М.: Воениздат, 1992. 432 с.
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 13898. Оп. 1. Д. 1. Л. 331 об.
- ¹⁵ Шталь В.А. Развитие методов метеорологического обеспечения авиации до Великой Отечественной войны. Л., 1984. С. 9.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 13898. Оп. 1. Д. 1. Л. 701.
- ¹⁷ Кокосов В.Н. Последний солдат империи. Невский альманах. № 3 (28), 2006.
- ¹⁸ Шталь В.А. Развитие методов метеорологического обеспечения авиации в России в 1910–1940 гг. С. 20.
- ¹⁹ Кокосов В.Н. Последний солдат империи.
- ²⁰ РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 388. Л. 47.
- ²¹ Колесниченко Н.Н., Паромова И.А. Становление гидрометслужбы на Севере. Архангельск.: Изд-во Северного УГМС, 2 (166). 1999.
- ²² Паромова И.А. Из истории Гидрометслужбы Севера // Человек и стихия. Л.: Гидрометиздат, 1981.
- ²³ Архив ГГО им. А.И. Воейкова. Отчет о деятельности ГФО за 1915 год. С. 17, 18.
- ²⁴ Дроздов О.Л., Копанев И.Д., Коровченко А.С. Климатологи ГГО в годы Великой Отечественной войны // Военная метеорология. Ее роль в метеорологическом обеспечении военных действий в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. СПб.: Текст, 1995. С. 119 – 126.
- ²⁵ Главная геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова в годы Великой отечественной войны. 40 лет Победы / Под ред. Е.П. Борисенкова, Е.С. Селезневой, В.Д. Степаненко. Л.: Гидрометиздат, 1985.
- ²⁶ Дроздов О.Л., Копанев И.Д., Коровченко А.С. Климатологи ГГО в годы Великой Отечественной войны. С. 121.

Р.Н. Рахимов (Уфа)

К ОЦЕНКЕ ДЕЙСТВИЙ ПОЛКОВ 83-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ ПО МЕМУАРАМ И АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ

СНАЧАЛОМ Первой мировой войны в Казанском военном округе на базе скрытого кадра 48-й пехотной дивизии была развернута второочередная 83-я пехотная дивизия (начальник дивизии генерал-майор К.Л. Гильчевский, начальник штаба подполковник А.Н. Шелавин). Ее состав: 1-я бригада (командир генерал-майор Б.А. Рудаков) – 329-й пехотный Бузулукский полк, 330-й пехотный Златоустовский полк; 2-я бригада (командир генерал-майор С.М. Беляев) – 331-й пехотный Орский полк, 332-й пехотный Обоянский полк; 83-я артиллерийская бригада. В августе 1914 г. дивизия была направлена на фронт, где вместе с 75-й вошла в состав XXXI-го армейского корпуса 4-й армии и приняла участие в боевых действиях.

О формировании дивизии и участии в боевых действиях начала войны сохранились мемуары ее начальника генерал-лейтенанта К.Л. Гильчевского¹. Константин Лукич Гильчевский (5.03.1857–?) – участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Первой мировой войны. Из солдатских детей, окончил Александропольское уездное училище, в службу вступил вольноопределяющимся в 1872 г. За отличие при взятии Карса произведен в прапорщики. Выдержал офицерский экзамен при Тифлисском пехотном юнкерском училище. Подпоручик – 1882, поручик – 1887 г. В 1890 г. окончил Николаевскую академию Генштаба по 1-му разряду. Штабс-капитан – 1890, капитан – 1892, подполковник – 1896, полковник – 1900 г. Служил в Кавказском ВО. Генерал-майор – 1908 г. При проведении мобилизации 19 июля 1914 г. назначен начальником

83-й пехотной дивизии. В ноябре отчислен от командования дивизией за погром, устроенный ее частями в польском городе Улянув. С 25 марта 1915 г. начальник 1-й дивизии государственного ополчения. 3 июля 1915 г. назначен командующим 101-й пехотной дивизией. Награжден Георгиевским оружием (15 мая 1916 г.). За бои 22 мая – 4 июня 1916 г. в ходе наступления Юго-Западного фронта, где под его руководством дивизией было захвачено в плен около 15 тысяч человек, был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (21 октября 1916 г.). Генерал-лейтенант (12 июля 1916 г.). В апреле 1917 г. недолго командовал XI-м армейским корпусом. После развала фронта вернулся в Тифлис к семье. После советизации Грузии в 1921–1922 гг. служил в РККА. Дальнейшая судьба неизвестна.

При подготовке к публикации сборника «Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918 гг.» в фондах РГВИА нами было выявлено дело: «Приложения к журналу военных действий, 331-й пех. Орского полка с 19-го августа по 21-е октября 1914 года»². Сопоставление полковых документов, составленных в ходе боевых действий, с мемуарами, написанными позднее, а также эпистолярными источниками позволяет сделать более аргументированные выводы о боевых действиях, в которых участвовала конкретная второочередная дивизия. Перекрестное сравнение разнородных источников позволяет проверить их достоверность. В качестве научной гипотезы возможно осуществить проверку достоверности мемуаров Гильчевского по двум пунктам: действительно ли второочередные дивизии и части имели невысокий уровень боеготовности перед отправкой на фронт (слабые кадры офицеров, неудовлетворительную материальную часть) и каковы были особенности участия второочередных соединений в боевых действиях в первые месяцы войны.

Необходимо отметить, что по первому пункту существует историографическая традиция. Так, капитан Б.В. Веверн, командир батареи, сообщает, что, разворачивая подразделение, он, имея материальную часть, боеприпасы, мобилизованных, не мог выехать на фронт, поскольку отсутствовала конская упряжь, а два прапорщика не были знакомы даже с азами артиллерии³. П.Н. Симанский, рассматривая вопрос о формировании второочередной 61-й пехотной дивизии, также указывает на посредственный офицерский состав, выделенный в кадр, слабый уровень боевой подготовки дивизии, невозможность провести с полками боевое слаживание⁴.

Формирование дивизии освещено в мемуарах Гильчевского достаточно подробно. «При объявлении мобилизации я командовал в г. Тифлисе первой бригадой Кавказской гренадерской дивизии. Отсюда 21 июля 1914 г. был командирован в г. Самару формировать и мобилизовать новую второочередную 83-ю пех. дивизию из скрытых кадров 48-й дивизии.

В Самаре приходилось работать дни и ночи. Недостатков была масса. Дивизия формировала: 329-й Бузулукский полк и 83-ю арт. бригаду с парками в Самаре, 330-й Златоустовский п. в Уфе и 331-й Орский и 332-й Обоянский пп. – в Оренбурге.

Много затруднений было встречено при переделке винтовок для стрельбы патронами с остроконечной пулей и особенно при формировании 4 пулеметных команд. Все наряды материальной части были сделаны главным артиллерийским управлением до мобилизации, и в отчетах военному министру команды показывались якобы имеющими всю материальную часть налицо. В действительности же ничего еще не было. До выезда на фронт так и не выяснилось окончательно, откуда полки должны были получить пулеметное имущество, и только при проезде через Тулу, 13 августа, чиновник тульского завода дал нам точные сведения, из каких складов полки должны были получить все пулеметные принадлежности. Оказалось, что наряды были даны на всероссийские артиллерийские склады. Полки пока были без пулеметов. В пути приказано было формировать все пулеметные команды в крепости Ивангороде. В вагонах полки заканчивали переделку винтовок.

Во время мобилизации второочередной дивизии выяснилось, что организационная часть была поставлена слабо. Вся бумажная часть была поставлена удовлетворительно, но зато материальное снабжение было организовано поверхностно.

Первоочередные полки очень мало позаботились о своих скрытых кадрах. Они считали мобилизацию их второстепенным делом и, мобилизуя себя, взяли все лучшее из кадрового состава, оружия, снаряжения и проч. Контингент запасных состоял из пожилых солдат, бывших даже в японской войне. Настроение было небоевое. Воинский порядок соблюдался слабо. Большинство офицеров относились к своим обязанностям безучастно»⁵.

Сохранились письма жене мобилизованного в 331-й пехотный Орский полк жителя Бирска, прапорщика запаса П.Д. Морозова. Воевал он недолго, от полученных ран в боях с австрийцами под

Люблином скончался 25 августа 1914 г. Письма в основном подтверждают впечатления генерала о дивизии. Вот как Морозов характеризует личный состав своего подразделения: «У меня в роте и других ротах все старики почти 40 лет, были все на японской войне – много георгиевских кавалеров. На нашего брата – прапорщика и других офицеров смотрят довольно снисходительно, хотя и с должным чиновпочитанием». О полковом командире: «великолепный человек – добрый старик, хотя любит подтянуть. Солдаты – народ все опытный и, как старые люди, любят отвитьнуть от дела – но, кажется, будем жить в мире».

Он же в своем письме сообщает некоторые подробности проводов полка 7 августа в Оренбурге: «Назначен был молебен и обед в ресторане. Весь Орский полк выстроился на площади. Сюда же прибыл Наказный атаман ген. Сухомлинов (брат военного министра, который только что вернулся из Германии и подвергся всем ужасам немецкого варварства. Его ограбили и оскорбили. Едва спасся от смерти). Генерал говорил, что его спасла иконка – благословение матери. Эту иконку он отдал нам. После архиерейского служения все прошли церемониальным маршем так замечательно, что все были поражены. Не полк, а железо. 4000 человек уже пожилых людей, но дух бодрый и спокойный. Это все люди, бывшие в Японской войне. Обед был блестящий. Был ген. Сухомлинов – говорил тосты. Сухомлинов дал телеграмму своему брату – военному министру, что он нашел полк в замечательном состоянии. Нам, запасным офицерам, он сказал, что поражается, встретив в нас таких твердых военных людей с железной дисциплиной и спокойствием духа»⁶.

18 августа 1914 г. штаб дивизии, несколько батарей и 330-й пехотный Златоустовский полк прибыли в г. Люблин. Прибывшие части были разбросаны по разным корпусам. Со штабом остался 332-й пехотный Обоянский полк, Златоустовский был прикомандирован к гренадерскому корпусу, 331-й пехотный Орский послан на усиление 47-й дивизии XVI-го корпуса. 23–26 августа полки дивизии вступили в боевые действия. Но с прибытием на фронт возникли проблемы. Воевать – не проходить церемониальным маршем.

Первая проблема была в отношении к этим частям, ощущение того, что в глазах военачальников второочередные дивизии «были несчастными пасынками», как писал Гильчевский, их перекидывали из корпуса в корпус, делили между корпусами, все это мешало слаживанию частей, существующих как армейская единица меньше

месяца. Например, только в августе 1914 г. 83-я пехотная дивизия перебивала в XVI-м, гвардейском, XIX-м и XVIII-м корпусах – 4-й, 5-й и 9-й армий.

Вторая проблема вытекала из предыдущей. В полках, оставшихся без внимания начальника, при обилии офицеров запаса, отсутствовала элементарная дисциплина. Гильчевский и здесь делится своими наблюдениями: «В полках большая часть людей была без палаток, солдаты побросали их, а теперь зябли под холодным дождем. Сколько нам ни приходилось видеть пленных австрийских и немецких солдат, – у них все снаряжение, а также патроны, галеты и консервы всегда были в ранцах. Но у них была иная дисциплина – суровая, – и ей все подчинялись. У нас же, особенно во второочередных частях и укомплектованиях, дисциплина почти отсутствовала. Да ее и не могло быть, если сами офицеры слабо признавали дисциплину, а потому не предъявляли к своим подчиненным уставных требований. В полках бросались в глаза халатность и полное равнодушие ко всему»⁷.

Третья причина – откровенная трусость нескольких командиров полков, и в частности командира 331-го пехотного Орского полка. Гильчевский, рассказывая о первых боях дивизии, сообщает, что «в 47-й дивизии в лесных боях участвовал Орский полк 83-й дивизии, но ничем в этих боях себя не проявил. Командир этого полка не отличался особой храбростью, потому и полк в боевом отношении оказался слабым»⁸. Другое наблюдение, уже тогда, когда полки попали под команду своего начальника дивизии: «Командир Орского полка, Москули, все время прятался в обозе якобы по болезни; командир Бузулукского полка заявлялся тоже больным; полк вел капитан, очень слабый. Порядка в полках и в артиллерийской бригаде не было. Приходилось на каждом переходе пропускать мимо себя дивизию по два-три раза и каждый раз обгонять дивизию верхом, – и все же, как бы умышленно, порядок не налаживался. Поражало полное безучастие командиров полков и батарей и их безразличное отношение к довольствию людей и лошадей»⁹. О том, что такое положение дел не есть исключение, а есть прискорбная практика, Гильчевский сообщает далее по тексту: «На одном из переходов авангардом командовал Москули, командир Орского полка. От конных разведчиков гвардейского полка (в дивизии не было конных разведчиков) им было получено сообщение о появлении перед фронтом 83-й дивизии небольших разъездов венгерских гусар. Москули так перетрусил, что остановил авангард и собрал к нему все прикрывавшие походное движение части.

Когда подошла голова колонны главных сил дивизии и я узнал, что дивизия стоит без всякой охраны, то сделал Москули несколько резких замечаний и приказал команду над авангардом передать командиру артиллерийского дивизиона»¹⁰.

Ситуация с дисциплиной в полку оставалась достаточно сложной, поскольку в рапорте начальнику дивизии от 5 октября 1914 г. командир полка сообщал о том, что «об отсутствии офицеров в окопах производится расследование и будет донесено дополнительно. Проверка участков начальниками их производится»¹¹. К октябрю в дивизии было два проверенных в боях, наиболее подготовленных и стойких полка, имевших храбрых командиров – 332-й пехотный Обоянский и 330-й пехотный Златоустовский.

С таким положением дел и репутацией слабой дивизии 7 октября 1914 г. Гильчевский получил задачу форсировать Вислу, чтобы отвлечь часть сил противника и при успехе действовать ему во фланг и тыл.

По получении приказа и обследовании двадцативерстного участка дивизии было решено переправляться у д. Петравин, на левом фланге участка, рядом с правым флангом 37-й дивизии XVIII-го корпуса. Здесь долина р. Вислы была шириною от трех до четырех верст; берега долины и прилегающие окрестности поднимались над Вислой от 12 до 15 сажен; течение реки было быстрое; глубина в начале октября более сажени, а во время половодья – несколько сажен; бродов, мостов и паромов не было. По течению реки от старого русла образовалось несколько заросших редким ивняком островов. Наиболее густо зарос остров против д. Петравин. Возле острова правый берег реки возвышался над низким ее уровнем в некоторых местах до трех сажен; берег острова поднимался над рекой на сажень; берега протока были низкие; берег у посада Солец и к северу от него был высокий и крутой. На возвышенных берегах Вислы и ее долины были раскинуты польские деревни и еврейские местечки. К востоку и западу от берегов долины и на склонах ее были сосновые рощи. Холмистая и лесистая местность на обоих берегах Вислы давала возможность скрытно передвигать войска и расположить артиллерию на закрытых позициях.

Противник занимал левый берег Вислы и держал себя пассивно. Пехота стояла в окопах на левом возвышенном берегу долины; кроме того, противник занимал высокую дамбу за островом против д. Петравин. За дамбой стояли австрийцы, а севернее посада Солец – немец-

кие части. Проток у левого берега Вислы, отделявший остров, что против Петравина, был не глубокий и имел 10 саж. ширины; на этом острове возможно было скрытно сосредоточить в достаточных силах войска и затем штурмовать дамбу. Противник предполагал, как показали потом пленные, что под его огнем переправа через Вислу невозможна. Сама Висла в октябре месяце имела низкий уровень воды; благодаря высокому и густому ивняку на острове и высокому берегу, закрывавшему реку от взоров с вражеской стороны, переправу через Вислу можно было совершить незаметно для противника. Но чтобы начать переправу скрытно, необходимо было занять остров.

Выбрав место для форсирования переправы, 83-я дивизия 9 октября произвела небольшую демонстрацию отрядами из двух батальонов Златоустовского и Обоянского полков и двух батарей (16 орудий). Демонстрация была намечена на остров в районе д. Кемпа Гостецка, к северу от д. Петравин, в восьми верстах от нее. Под вечер войска, спустившись с холмов у д. Камень, стали переправляться через широкий и глубокий проток, находившийся к северу и в 8 верстах от Петравина; противник открыл по ним сильный орудийный огонь. Один из артиллерийских взводов переехал на остров и с открытой позиции стал частой стрельбой отвечать на огонь противника. Роты пехоты наступали на остров. Ночью они вели сильный ружейный и пулеметный огонь по окопам противника. Этими действиями ограничилась демонстрация. Для переправы необходимо было спешно раздобыть лодки, которые были найдены и доставлены в Петравин.

В это время, 9 октября, вечером, 331-й пехотный Орский полк, судя по донесению его командира, проводил демонстрацию силами 1-й роты 1-го батальона, она переправилась на левый берег на тридцати лодках, на фронте 2-го батальона был занят остров, 3-й батальон оставался на своих позициях неизменно¹².

Переправа дивизии началась 10 октября, ночью, когда пять маленьких лодок переправили через Вислу на остров у Петравина разведчиков 332-го Обоянского полка. Они вытеснили с острова разведчиков противника, которые отошли через проток к укрепленной дамбе. Три батальона обоянцев и один златоустовцев ночью с 10 на 11 октября прибыли к Петравину и скрытно разместились в прибрежных окопах. В продолжение дня 11 октября и ночи с 11 на 12

октября удалось незаметно для противника переправить на остров три батальона Обоянского и один батальон Златоустовского полков. 12 октября было решено штурмовать укрепленную дамбу за протоком переправленными на остров четырьмя батальонами.

План операции по форсированию Вислы заключался в переправе на остров авангарда из пяти батальонов, затем в штурме им укрепленной дамбы противника за протоком, в закреплении авангарда на левом берегу Вислы, при удаче, в дальнейшей переправе без моста на левый берег главных сил дивизии с артиллерией. Строить мост предполагалось после удачной операции авангарда.

С утра 12 октября началась сосредоточенная стрельба по дамбе и по находившемуся за ней костелу. Обоянцы и златоустовцы, заняв остров, окопались в густом ивняке вблизи протока незаметно для неприятеля. В ночь на 12 октября к Петравину подошли три батальона: два Обоянского и один Златоустовского полков, из коих один батальон обоянцев ночью был переправлен на остров, а батальон златоустовцев оставлен в резерве в прибрежных окопах на правом берегу реки возле Петравина. Последний, четвертый, батальон обоянцев в течение дня 12 октября тоже был переправлен на остров. К вечеру там было сосредоточено пять батальонов. Артиллерийский огонь в восемь часов вечера прекратился. Начался штурм дамбы. Она была взята, в плен попало 700 человек солдат и 12 офицеров¹³.

Необходимо было спешить с переправой главных сил, так как на следующий день противник мог опрокинуть авангард дивизии в Вислу. На оборонительном участке дивизии на Висле оставалось четыре батальона Орского полка. Бузулукский полк, стоявший 12 октября во время боя в резерве, в ночь на 13 октября был отправлен к Петравину и с утра начал переправляться через Вислу. Только 14 октября должны были прийти к Петравину с северной части оборонительного участка дивизии два батальона Орского полка; остальные два батальона того же полка еще не были смены с крайнего правого фланга участка на Висле.

14 октября противник произвел контратаку на фольварк Рай, находящийся на левом берегу. Атака продолжалась несколько часов и повторялась неоднократно. В ней участвовала австрийская бригада с приданной артиллерией. В составе пехоты противника был боснийский мусульманский полк, который бился отважно и с большой смелостью.

После переправы на левый берег двух батальонов Орского полка они были направлены к Раю, где находилась позиция 83-й пехотной дивизии, державшей оборону после форсирования Вислы. 15 октября контратаки австрийцев продолжились. Интересно, что начальник дивизии, объезжая тылы, обнаружил, что переправившиеся два батальона Орского полка так и не выступили к основным силам дивизии.

«Старшему командиру батальона я приказал собрать оба батальона и вести их по дороге за нами. Долго роты собирались, а когда тронулись, стали отставать: пришлось часто посылать по дороге в тыл офицера проверить – идут ли все роты. Иногда некоторые роты умышленно переходили через глубокие канавы у дороги и отходили в сторону от пути. Тогда я останавливал батальоны и разыскивал свернувшие с дороги роты. <...> Приходилось наблюдать интересное психическое явление. На остановках я подходил к ротам и успокаивал людей при свисте пуль. Когда я брал очень рослых и сильных солдат за плечи, чтобы успокоить их, они начинали шататься, а затем сразу приседали, как маленькие безвольные дети»¹⁴. Гильчевский замечает, что расстояние в три версты роты орцев проходили более трех часов. Приблизившись к месту ночного боя и услышав перестрелку, он приказал солдатам Орского полка бежать в атаку, что они в конце концов выполнили. Ночной штурм был отбит.

Подводя итог, Гильчевский, старавшийся анализировать действия дивизии, отмечает, что «в этом бою первое место вновь занял Обоянский полк, второе – Златоустовский, третье – Бузулукский, командир которого заявился перед боем большим и полком не командовал, и, наконец, последнее – Орский полк, командир которого с двумя батальонами не прибыл 14 октября, уклонившись под предлогом якобы сдачи своего оборонительного участка на Висле. Словом, те полки, которые оказались доблестными в первом бою, и на Висле в крайне опасной операции самоотверженно исполнили возложенную на них задачу»¹⁵.

В итоге, несмотря на нестойкость некоторых полков, 83-я пехотная дивизия, исключительно благодаря личной храбрости и настойчивости своего начальника, успешно форсировала Вислу, 16 октября началась постройка моста через реку. Задача, поставленная командованием армии, была выполнена.

Таким образом, слабая дисциплина офицеров, и в первую очередь командиров полков, вела к тому, что боеспособность некоторых второочередных дивизий на втором месяце ведения боевых действий

не росла. Это необходимо учитывать, давая характеристику второочередным дивизиям российской императорской армии в сражениях октября – ноября 1914 г. Не все они сразу подтянулись до уровня кадровых соединений. Командование вместо того, чтобы избавляться от слабых офицеров, имея большой резерв подготовленных кадров, оставляло их в строю, подавая отрицательный пример для младших офицеров и нижних чинов.

Эта особенность, в отношении негодного командира 331-го пехотного Орского полка – полковника Виктора Андреевича Москули, в дальнейшем только подтвердилась. Опыт командования он имел – в 1910 г. был подполковником 205-го пехотного резервного Измаильского полка 52-й пехотной резервной бригады (г. Одесса), в 1914 г. летом временно командовал 191-й пехотным Ларго-Кагульским полком (г. Оренбург)¹⁶. Военного опыта он не имел. Работать со своими подчиненными, объяснять им особенность военного дела не собирался. Возвращаясь к письмам прапорщика Морозова, отметим, что в Оренбурге при формировании «командир полка сказал нам, всем офицерам, что он надеется привезти нас всех целыми и невредимыми»¹⁷. А в письме от 21 августа, уже после прибытия на фронт, он передает слова начальника дивизии, просившего офицеров, чтобы они «серьезно относились к своим обязанностям»¹⁸.

После 83-й дивизии, весной 1915 г. в Галиции, будучи командиром уже 237-го пехотного Грайворонского полка второочередной 60-й пехотной дивизии, Москули, проявив преступную беспечность, не смог организовать оборону высоты 992 и попал в плен вместе с 9 офицерами и 1500 солдат¹⁹. Известно, что пленение застало его во время чаепития... По мнению А.А. Керсновского, противник одержал успех потому, что обещал не стрелять на время Пасхи и вероломно нарушил обещание²⁰. Но это никак не освобождает командира полка от организации элементарного наблюдения за противником и готовности отразить возможные атаки на свои позиции.

Возможно, проблема была не в командире, а в нижних чинах? Ответ на этот вопрос дает нам описание в «Записках кавалериста» Н.С. Гумилева контратаки русской пехоты. 6 июля 1915 г. спешенный уланский полк, в котором служил поэт, остался в меньшинстве против австрийцев. Неожиданно на помощь пришла русская пехота: «Оборачиваясь, я позади себя сквозь сетку мелкого дождя и наступающие сумерки заметил что-то странное, как будто низко по земле

стелилась туча. Или это был кустарник, но тогда почему же он оказывался все ближе и ближе? Я поделился своим открытием с соседями. Они тоже недоумевали. Наконец один дальнзоркий крикнул: «Это наша пехота идет!» – и даже вскочил от радостного волнения. Вскочили и мы, то сомневаясь, то веря и совсем забыв про пули.

Вскоре сомненьям не было места. Нас захлестнула толпа невысоких коренастых бородачей, и мы услышали ободряющие слова: «Что, братики, или туго пришлось? Ничего, сейчас все устроим!» Они бежали мерным шагом (так пробежали десять верст) и нисколько не запыхались, на бегу свертывали сигарки, делились хлебом, болтали. Чувствовалось, что ходьба для них естественное состояние. Как я их любил в тот миг, как восхищался их грозной мощью.

Вот уж они скрылись во ржи, и я услышал чей-то звонкий голос, кричавший: «Мирон, ты фланг-то загибай австрийцам!» – «Ладно, загнем», – был ответ. И сейчас же грянула пальба пятисот винтовок. Они увидели врага.

Мы послали за коноводами и собрались уходить, но я был назначен быть для связи с пехотой. Когда я приближался к их цепи, я услышал громовое «ура». Но оно как-то сразу оборвалось, и раздались отдельные крики: «Лови, держи! Ай, уйдет!» – совсем как при уличном скандале. Неведомый мне Мирон оказался на высоте положения. Половина нашей пехоты под прикрытием огня остальных зашла австрийцам во фланг и отрезала полтора их батальона. Те сотнями бросали оружие и покорно шли в указанное им место, к группе старых дубов. Всего в этот вечер было захвачено восемьсот человек и кроме того возвращены утерянные вначале позиции.

Вечером, после уборки лошадей, мы сошлись с вернувшимися пехотинцами. «Спасибо, братцы, – говорили мы, – без вас бы нам была крышка!» – «Не на чем, – отвечали они, – как вы до нас-то держались? Ишь ведь их сколько было! Счастье ваше, что не немцы, а австрийцы»²¹.

Описанная в данном отрывке русская пехота, подошедшая на помощь уланам – батальоны 331-го пехотного Орского полка 83-й пехотной дивизии, взявшие в этом бою в плен более 800 вражеских солдат и 20 офицеров. Менее чем через год полк, сменивший командира, получивший опыт ведения боевых действий, воевал уже по-другому.

- ¹ Гильчевский К.Л. Боевые действия второочередных дивизий в мировую войну. М.; Л., 1928.
- ² РГВИА. Ф. 2940. 331-й пехотный Орский полк. Оп. 1. Д. 1.
- ³ Веверн Б.В. 6-я батарея. 1914–1917 гг. Париж, 1938. С. 17, 19.
- ⁴ Симанский П.Н. Мобилизация русских войск 1914 года и ее недостатки // Война и революция. 1926.
- ⁵ Гильчевский К.Л. Указ. соч. С. 7.
- ⁶ Электронный ресурс. Письма по дороге на фронт. 29.07.1914–25.08.1914. <http://kuptsovol.livejournal.com>. Дата обращения: 09.02.2014.
- ⁷ Гильчевский К.Л. Указ. соч. С. 26.
- ⁸ Там же. С. 14.
- ⁹ Там же. С. 21.
- ¹⁰ Там же. С. 23.
- ¹¹ РГВИА. Ф. 2940. Оп. 1. Д. 1. Л. 239–240.
- ¹² Там же. Л. 345.
- ¹³ Гильчевский К.Л. Указ. соч. С. 34.
- ¹⁴ Там же. С. 38.
- ¹⁵ Там же. С. 39.
- ¹⁶ Общий список офицерским чинам русской императорской армии. СПб., 1910. С. 486.
- ¹⁷ Электронный ресурс. Письма по дороге на фронт. 29.07.1914–25.08.1914. <http://kuptsovol.livejournal.com>. Дата обращения: 09.02.2014.
- ¹⁸ Электронный ресурс. Письма по дороге на фронт. 29.07.1914–25.08.1914. <http://kuptsovol.livejournal.com>. Дата обращения: 09.02.2014.
- ¹⁹ Каширин В.Б. Взятие горы Маковка. Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010. С. 73–75.
- ²⁰ Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994. Т. 3. С. 269.
- ²¹ Гумилев Н.С. Записки кавалериста. Главы XII–XIII. Электронный ресурс. <http://www.gumilev.ru>. Дата обращения: 09.02.2014.

А.А. Rogozhin (Орел)

Д.Б. ОГИЛВИ И ЕГО НАЕМ НА РУССКУЮ СЛУЖБУ (1702–1704 ГОДЫ)

НЕУДАЧНО начавшаяся для России Великая Северная война 1700–1721 гг. поставила перед Петром I со всей остротой вопрос о качестве генералитета русской армии. Как бы мы ни относились к дарованиям генералов, оказавшихся в шведском плену после «Нарвской конфузии» 1700 г., факт остается фактом – потери нужно было срочно восполнять. Русское правительство решило обратиться к уже проверенной годами практике найма иностранных офицеров в Европе, придавая особое значение переговорам о поступлении на русскую службу с опытными генералами европейских армий. Одним из таких военачальников был фельдмаршал-лейтенант австрийской армии шотландец Джордж Бенедикт Огилви. Переговоры с ним были чрезвычайно тяжелы, велись почти два года, и в них были задействованы лица в диапазоне от И.Р. фон Паткуля до императора Священной римской империи Леопольда I, от генерал-поручика Г.Г. фон Розена до царя Петра I. Вопрос о переговорах с Д.Б. Огилви, казалось бы, имеет частное значение, однако на его основе можно реконструировать сам процесс найма на русскую службу известных военачальников, те сложности, которыми сопровождался этот аспект деятельности посланников русского правительства в Европе, и те условия, что влияли на успешность или, напротив, провал в сложном деле «ангажемента» генералитета европейских армий.

Лифляндец И.Р. фон Паткуль, весной 1702 г. прибыв в Москву, писал в своих «статьях» и «промемориях» о необходимости найма в Европе опытных военачальников, которые должны были повести русскую армию к победам¹. Русское правительство было согласно с И.Р. фон Паткулем. 14 апреля с. с. 1702 г. ему вместе с полномочной

инструкцией был выдан «плакат»² с призывом иностранцев на русскую службу, и И.Р. фон Паткуль отправился в свое путешествие на Запад. В Европе он развернул бурную деятельность, в том числе и ту, что касалась найма иностранных офицеров и генералов, неустанно проводя переговоры с интересующими его людьми. И.Р. фон Паткуля заинтересовали несколько военачальников австрийской и саксонской службы, в особенности генерал-майор саксонской армии Я.Г. фон Флемминг. Генерал-майору еще раньше было отправлено письмо с приглашением в Россию, и он был согласен воевать в русских войсках, «согласен вступить в службу его ц.в., только не вовсе», обещая привезти с собой несколько полковников и набрать два-три полка солдат³. Но рассчитывать на саксонского генерала уже в 1702 г. не стоило, потому что Я.Г. фон Флемминг надумал жениться, а все брачные дела решил завершить до отъезда в Россию⁴. Вскоре и сам И.Р. фон Паткуль отказался от идеи нанять его, в письме Ф.А. Головину таинственно пообещав раскрыть мотивы своего решения позже⁵. Из остальных кандидатур, которых он предлагал русскому правительству⁶, И.Р. фон Паткулю удалось уговорить лишь генерал-майора Г.Г. фон Розена, да и то только в следующем 1703 г.⁷ И.Р. фон Паткулю нужно было радикальное решение, поворот к новой кандидатуре, в том числе и для того, чтобы убедить русское правительство в своей неоспоримой пользе. Такое решение было им найдено, и осенью 1702 г. он окончательно сосредоточился на найме Д.Б. Огилви.

Джордж Бенедикт Огилви, или фон Огилви, как он сам предпочитал подписываться, представитель старинного шотландского рода, давно служил в «цесарской» армии, был в походе на Рейне и воевал в Венгрии против турок⁸. И.Р. фон Паткуль аттестовал Д.Б. Огилви как человека «великих достоинств», высокоуважаемого, одного из «отличнейших императорских генералов от инфантерии»⁹. К началу сентября 1702 г. И.Р. фон Паткуль уже обратился к императору с просьбой отпустить Д.Б. Огилви и, действуя через вице-канцлера графа Кауница, надеялся на удачный исход¹⁰. В октябре 1702 г. лифляндец писал Ф.А. Головину из Вены о том, что Д.Б. Огилви получил чин фельдмаршал-лейтенанта от императора Священной Римской империи¹¹ и назначение в армию «цесаря» в Германии, но он успел заключить с Д.Б. Огилви договор о поступлении на три года на русскую службу, причем имперский военачальник «знает язык так, что его царскому величеству не нужно будет переводчика для разговора

с ним», что было немаловажно¹² (Д.Б. Огилви говорил по-чешски). Через неделю или около того, в начале ноября 1702 г., было получено разрешение императора на договор с Д.Б. Огилви, и теперь он мог отправиться в Москву¹³. Император Леопольд I лишь поставил условием сохранять договор о найме в тайне, опасаясь протестов со стороны Англии и Голландии, поддержавших бы Швецию в этом вопросе¹⁴. Сама Швеция также вряд ли была бы обрадована таким решением «цесаря», и действительно, когда об этом договоре через некоторое время все же стало известно, шведский посланник в Вене высказывал свое крайнее недовольство¹⁵.

Однако договор, о котором говорил И.Р. фон Паткуль в письме Ф.А. Головину в конце октября 1702 г., судя по всему, вскоре нужно было подписывать заново на других условиях. Во всяком случае, в «памяти», отправленной из Посольского приказа в приказ Военных дел, указывается, что договор с Д.Б. Огилви был подписан 14 ноября н. с. (?) 1702 г. и по этому договору шотландцу в России причитался дом, жалованье в 1000 ефимков, а также при назначении в поход каждый день «на 100 человек хлебных и на 70 лошадей конских кормов»¹⁶. О более раннем варианте договора не говорится ни слова. Можно, конечно, предположить, что И.Р. фон Паткуль неверно информировал Ф.А. Головина, но остается непонятным, зачем бы он мог это делать и подвергать себя опасности потерять расположение русского правительства за свою ложь. Сложно считать договор, подписанный до 28 октября 1702 г., предварительным – о такой практике в отношениях между российскими представителями в Европе и иностранными генералами ничего не известно, да и едва ли она существовала. Остается лишь один вариант. После того, как Д.Б. Огилви стало известно о пожаловании ему чина фельдмаршал-лейтенанта австрийской армии, он мог потребовать подписания другого договора о найме, на улучшенных условиях.

Даже если предложенное нами построение верно, новый договор не смог развеять все сомнения военачальника. К тому же, по словам шотландца, договор о найме на русскую службу от ноября 1702 г. был отправлен в Москву в несколько иных выражениях, нежели сохранились в том варианте, под которым он оставил свою подпись. Почему случился такой казус, непонятно. И.Р. фон Паткуль позднее оправдывался, что в последнее свое прибытие в Москву он «в канцелярию капитуляции господину первому министру подал и ничего в том не пренебрег, что мне принадлежало, но иное учреждение в сем

деле чинити не мое дело было, потому что по отданной капитуляции мне до того никакого дела не было, и я ничего не чинил, что далее в том деле учинено будет»¹⁷. Можно, конечно, предположить, что некоторые договоренности между Д.Б. Огилви и И.Р. фон Паткулем были устными, но тогда непонятно, что же подписывал шотландец и почему обнаружил противоречие между договором и своим представлением о нем так поздно. В любом случае, Д.Б. Огилви запротестовал против такого своеволия, предложив добавить к уже существующему договору еще три пункта. В марте 1703 г. русский посланник в Вене князь П.А. Голицын, который перехватил инициативу найма в свои руки, решительно и «для поспешения» добавил эти три пункта к договору. В этих пунктах Д.Б. Огилви было обещано, что в России он будет служить в армии под командованием лишь самого царя или «первого его царского величества войскового начальника и управителя московского народу», ему будет выплачено сразу же в Вене его месячное жалованье, а началом службы будет считаться дата подписания договора¹⁸. Однако и на этот раз шотландец не спешил в далекую Россию.

Задержка Д.Б. Огилви была связана, в первую очередь, с неисполнением русской стороной, как он считал, отдельных условий договора уже сейчас, что не могло его не настораживать. Отдельно стоит заметить, что 2/13 сентября 1703 г. Д.Б. Огилви был наконец-то официально пожалован чин фельдмаршал-лейтенанта австрийской армии¹⁹, что, возможно, заставило его пересмотреть свои планы. Недаром свое письмо, где он жалуется на неисполнение условий договора, он отправил в Санкт-Петербург Ф.А. Головину спустя два дня после этого пожалования, 4/15 сентября²⁰. Свое неудовольствие договором шотландец выказывал и И.Р. фон Паткулю. И.Р. фон Паткуль к своему письму Петру I от 18/29 сентября 1703 г. приложил письмо Д.Б. Огилви, адресованное ему как полномочному представителю России. В этом письме шотландец жаловался на неисполнение договора, причем приводил определенный список нарушений²¹. И.Р. фон Паткуль не сказал, когда написано было это письмо, но учитывая, что он был в это время в Варшаве²², а Д.Б. Огилви в Вене, письмо вполне могло добраться за две недели и, исходя из этого, быть написанным Д.Б. Огилви сразу после официального пожалования новым чином. Можно предположить, что ссылка на неисполнение условий была отговоркой, спасавшей репутацию шотландца, жалевшего о принятом ранее решении. В итоге, по словам И.Р. фон Паткуля, к

сентябрю 1703 г. на отъезд шотландца в Россию «нет еще никакой надежды»²³.

Переводя рассуждение о недовольстве шотландца на поле конкретики, нужно выделить основные его претензии к русской стороне. Д.Б. Огилви был недоволен тем, что ему не выплатили в Вене денег, затраченных шотландцем на наем за собственный счет для русской службы иностранных офицеров, и до сих пор к нему не было письма со стороны кого-либо из царских министров с гарантиями и выражением заинтересованности²⁴. Вдобавок, не было организовано, как подобает, увольнение со службы «цесарю». Разрешение было получено через государственного вице-канцлера, а не из имперского «воинского коллегия», что было нарушением порядка. По словам Д.Б. Огилви, это было равносильно тому, что он «подлинного соизволения не получил»²⁵. Это могло действительно быть серьезным препятствием для имперских военачальников. Служба у «цесаря» ценилась, и вызвать неудовольствие императора отъездом вне установленного порядка было большим риском для собственного будущего, ведь едва ли иностранные военачальники рассчитывали надолго задержаться в России, рано или поздно возвращение было неизбежным. В это же время, что продолжались унылые выяснения отношений с Д.Б. Огилви, русское правительство вело переговоры с фельдмаршал-лейтенантом австрийской армии венецианцем А.М.К. ди Сан Фелице, о котором русский посланник в Вене князь П.А. Голицын писал, что он «ученый, искусный, на море великий практик, не хуже Акилфия (Д.Б. Огилви. – *А. Р.*), а во многом и лучше»²⁶. В феврале 1703 г. князь П.А. Голицын даже подписал с ним договор о найме на русскую службу²⁷. Однако впоследствии император так и не согласился отпустить А.М.К. ди Сан Фелице со своей службы, так что венецианец из-за своего желания «мало не потерял милость его цесарского величества»²⁸. Наем расстроился, и хотя сложности с «отпуском» с австрийской службы были не единственной причиной, во многом из-за этого А.М.К. ди Сан Фелице в Россию не попал. Однако в деле Д.Б. Огилви И.Р. фон Паткуль, действуя через вице-канцлера графа Кауница, еще раньше добился не только согласия императора Леопольда I на отпуск шотландца, но и гарантию сохранения его чина в австрийской армии и «комендантской команды», когда он решит вернуться²⁹. Проведение этого решения через военное ведомство Священной Римской империи, безусловно, было важно, но едва ли нарушение данного регламента, поскольку согласие императора было дано, могло стать

достаточной причиной, чтобы расстроить весь наем. Если не считать эту часть претензий Д.Б. Огилви отговоркой, оправдывавшей его неторопливость в отправлении на русскую службу, то следует говорить об осторожности шотландца. Он не рассчитывал провести остаток жизни в России, напротив, желал, судя по всему, в дальнейшем вернуться в австрийскую армию и поэтому хотел исключить все возможные нарушения порядка отпуска, чтобы в будущем без лишних проволочек вернуть себе честно выслуженный чин «цесарского» фельдмаршал-лейтенанта и соответствующее денежное жалованье.

И.Р. фон Паткуль поспешил переложить ответственность за все недоразумения на русского посланника в Вене кн. П.А. Голицына. Он заявлял, что проделал большую часть работы, связанной с добытием «отпуска» шотландца с австрийской службы, остались лишь мелочи, с которыми, как он надеялся, кн. П.А. Голицын справится. Но, видимо, «он zelo в худом почтении при цесарском дворе, что не мог такого малого дела после меня домошися, понеже я главное дело уже счастливо ко окончанию привел»³⁰. Причитающиеся Д.Б. Огилви деньги князь, как предполагал И.Р. фон Паткуль, потратил на свои нужды³¹. Однако следует учитывать, что к кн. П.А. Голицыну И.Р. фон Паткуль испытывал стойкую неприязнь и вполне мог использовать промедление Д.Б. Огилви для того, чтобы «очернить» своего соперника по дипломатической деятельности. Сам же Д.Б. Огилви в письме в строящийся Санкт-Петербург не обвинял кн. П.А. Голицына, напротив, направив в Москву Ф.А. Головину просьбу выдать денег на наем опытных иностранных офицеров, шотландец замечал, что князь сам сидит в Вене без денег, а при переводе денег из Москвы они бы вдвоем смогли нанять за короткое время от 200 до 300 офицеров³². Конечно, Д.Б. Огилви изрядно фантазировал, когда просил перевести на это дело в Вену от 20 до 30 тыс. ефимков³³, едва ли русское правительство могло доверить ему такую сумму, даже при условии надзора со стороны кн. П.А. Голицына. Заметим, однако, и то значение, которое придавали найму шотландца Петр I и, соответственно, его ближайшие сотрудники. Ф.А. Головин, несмотря на то, что письмо И.Р. фон Паткуля начиналось с новостей европейской политики и лишь в завершение касалось «цесарского» военачальника, свое ответное послание начал именно с дела Д.Б. Огилви, лишь затем обратившись к дипломатии³⁴.

Сетования Д.Б. Огилви на неисполнение договора были рассмотрены Ф.А. Головиным, который достаточно доброжелательно, хотя и

сдержанно, разъяснил известному военачальнику позицию русского правительства по этому вопросу. 21 октября 1703 г. Ф.А. Головин отправил из Санкт-Петербурга в сердце Европы письмо Д.Б. Огилви, в котором отклонил почти все претензии и предложения шотландца. Ф.А. Головин писал, что договор начинает действовать по прибытию иностранца в Москву, соответственно и жаловаться на его неисполнение русской стороной странно. По поводу найма иностранных офицеров и денег на эту деятельность Ф.А. Головин резонно замечал, что это частная инициатива самого Д.Б. Огилви, так как этого пункта не только не было в договоре шотландца, но даже на словах И.Р. фон Паткуль никогда не просил его об этом. Переправить требуемые шотландцем деньги в Вену также не так просто, отсюда и задержки с финансированием даже русского посланника в Вене, не говоря уже о «проектах» Д.Б. Огилви. По сути, из просьб шотландца была исполнена лишь одна. Д.Б. Огилви просил грамоту с подписью царя, гарантировавшую исполнение договора в России, и, «ради исполнения желания вашего и лутчаго обнадеживания», Петр I действительно приказал отправить такой документ в Вену. Кроме того, Ф.А. Головин предупреждал шотландца, что уже написано отдельное письмо «цесарю» с просьбой об отпуске его с австрийской службы³⁵. Действительно, в октябре 1703 г. русское правительство обратилось к императору Священной Римской империи Леопольду I, на службе которого был шотландский военачальник, с просьбой поторопить Д.Б. Огилви, «немедленно в службу нашу итить повелеть и склонить и, ради лутчаго его к тому побуждения, прежнее свое соизволение о содержании его у вашего цесарского величества команды из своего надворного верховного воинского коллегия [чего он желает] на писме дать повелеть»³⁶.

Пока это письмо путешествовало по Европе, И.Р. фон Паткуль задействовал свои венские связи, и его «добрые приятели» все же уговорили Д.Б. Огилви принять русское предложение³⁷. 19 ноября 1703 г. кн. П.А. Голицын подписал с Д.Б. Огилви новый вариант договора. По этому договору шотландец должен был служить в России три года, при условии предоставления командования над отдельным корпусом, возможности распоряжаться по службе без преград со стороны русского генерал-фельдмаршала и права в мирное время зимой возвращаться в Австрию³⁸. В приведенной Н.Г. Устряловым выписке о принятии на русскую службу Д.Б. Огилви сказано, что он был «приговорен» на службу И.Р. фон Паткулем и кн. П.А. Голицыным, но,

вероятно, лифляндец в подписании договора не участвовал. Письмо Ф.А. Головину от 16 ноября³⁹ И.Р. фон Паткуль отправил из Яворова и не мог успеть добраться за три дня до Вены. После этого в декабре 1703 г. Д.Б. Огилви получил из рук кн. П.А. Голицына письмо Ф.А. Головина с царской грамотой, что совсем успокоило его. Он тут же написал в Санкт-Петербург, что как только кн. П.А. Голицын добьется у императора его отпуска, он отправится в Россию с австрийским послом или же, если тот задержится в Вене, отважно двинется инкогнито через Польшу к границам России. Естественно, Д.Б. Огилви рассчитывал, что русский посланник в Вене выделит на все это деньги⁴⁰. Своей идеи найма офицеров для русской армии Д.Б. Огилви не оставил, обещая и с собой привезти, и договориться о приезде некоторых из них позднее, только требовалось для этого 40–50 тыс. гульденов⁴¹, что, надо полагать, изрядно подпортило настроение читавшему это письмо Ф.А. Головину.

Но даже после этого русское правительство опасалось, что шотландец может передумать, тем более, что Д.Б. Огилви предусмотрительно подготовил оправдание в виде возможного нежелания императора Леопольда I отпустить его со службы. Генерал-поручику Г.Г. фон Розену, незадолго до этого принятому на русскую службу и отправленному в декабре 1703 г. в Вену для найма иностранных офицеров, поручалось «с принятым уже в службу нашу генералом-фельдмаршалком-лейтенантом фон Огилвием соглашались и его нашею царского величества милостию обнадежити и к немедленному отъезду в нашу службу склонить»⁴². Возможно, Г.Г. фон Розен и склонял Д.Б. Огилви к приезду в Россию, но попутно успел поссориться с ним, узнав о настоящих интересах шотландца на русской службе. В рукописи, озаглавленной «Редко слышаемые поступки генерала фельдмаршала господина фон Огильвия в явленной своей услуге при головных Его Царского Величества войска»⁴³, составленной в мае–сентябре 1706 г. в окружении А.Д. Меншикова, возможно даже по его велению, среди прочих порочащих Д.Б. Огилви известий сохранилось и описание ссоры между ним и генерал-поручиком Г.Г. фон Розеном. Ссора случилась в Вене, судя по всему, в начале 1704 г., когда Д.Б. Огилви на торжественном обеде, в присутствии знатных и уважаемых персон и генералов австрийской армии, заявил, что «он к Москве токмо многих ради денег идет, а чтоб ему большей чести и славы нажить, того и в намерении не имеет»⁴⁴. Г.Г. фон Розен выразил пламенный протест, заметив «сие зело легкое намерение

такого знатного Генерала, и буде совершенно иного помышления к услуге Его Царскаго Величества не имеет, коему и Фельдмарш(ал) не нужен, ибо всякий и простой человек, без труда то, что он намеревается, чинить может»⁴⁵. Это, судя по самолюбивому и высокомерному характеру Д.Б. Огилви, тут же превратило генерал-поручика в его смертельного врага.

Настойчивость И.Р. фон Паткуля, кн. П.А. Голицына и Ф.А. Головина была вознаграждена весной 1704 г. Все задействованные в найме Д.Б. Огилви смогли перевести дух, когда в мае 1704 г. долгожданный шотландский военачальник добрался все-таки до Москвы. Наверное, Петр I дважды бы подумал, стоило ли так стараться в деле найма шотландца, если бы знал, во что превратятся отношения в среде генералитета русской армии после назначения заносчивого и тщеславного, хотя, бесспорно, опытного и знающего Д.Б. Огилви. К сожалению, иностранный военачальник так и не стал «своим» в генералитете русской армии, намеренно дистанцировавшись от тесного общения с подавляющим большинством генералов и полковников. Когда же под Гродно в 1705–1706 гг. выяснилось, что главное столкновение, которого стоило опасаться Петру, это отнюдь не столкновение русских солдат со шведами, а его собственных военачальников, Д.Б. Огилви и А.Д. Меншикова, стало понятным, что дни шотландца в России сочтены. Впрочем, его история послужила нам основой для изучения процесса найма иностранных генералов в Европе. В ней ярче всего проявились те сложности, с которыми ежедневно сталкивались российские агенты за границей, пытаясь найти для русской армии достойных командиров. По большому счету, такой наем был сродни приобретению «кота в мешке», когда не только не было гарантий, что после подписания договора иностранный генерал действительно поедет к Москве, но и неизвестно было, как он сумеет адаптироваться в новой для него среде, в среде конкурентной, где не прощают ошибок, а «каждый солдат», точнее, полковник, мечтает быть генералом и готов ради этого убрать со своего пути конкурента любым способом. Тянувшееся почти два года «дело Огилви» демонстрирует нам, что порой за скупыми строчками «распросных речей» добравшихся в Москву иностранных офицеров прячутся колоссальные усилия русской дипломатии в Европе, килограммы исписанной бумаги и литры истраченных чернил.

- ¹ Статьи, поданные Паткулем, по приезде в Москву, 27 марта 1702 года // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. II. Приложения. II. № 123. СПб., 1863. С. 235; Две промемории, представленные Паткулем Царю, 29 марта 1702 года в Москве // Там же. № 124–125. С. 237.
- ² РГВИА. Ф. 495. Материалы о найме иностранцев на русскую службу. 1630–1787 гг. № 106. Л. 4, 10.
- ³ Князь Григорий Долгорукий Ф.А. Головину, 23 февраля 1702 года из Варшавы // Устрялов Н.Г. Указ. соч. № 118. С. 232–233.
- ⁴ Князь Григорий Долгорукий Ф.А. Головину, 7 марта 1702 года из Варшавы // Там же. № 120. С. 233.
- ⁵ Паткуль Ф.А. Головину, 2 сентября 1702 из Вены // Там же. № 149. С. 253.
- ⁶ Две промемории, представленные Паткулем Царю, 29 марта 1702 года в Москве // Там же. № 124–125. С. 236–237.
- ⁷ Письма и другие документы начальника Розряда и судьи Военного Приказа боярина Тихона Никитича Стрешнева. Приложение XXXVI. № 26 // Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху великого Петра, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып. I. 1698–1706 гг. Кн. III. СПб., 1912. С. 325.
- ⁸ Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. I. СПб., 1840. С. 61.
- ⁹ Паткуль Ф.А. Головину, 2 сентября 1702 из Вены // Устрялов Н.Г. Указ. соч. № 149. С. 253.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Официально чин фельдмаршал-лейтенанта австрийской армии был пожалован Д.Б. Огилви 13 сентября 1703 г. Schmidt-Brentano A. Kaiserliche und k.k. Generale (1618–1815). Österreichisches Staatsarchiv/ Schmidt-Brentano A., 2006. P. 70. Благодарю В.С. Великанова за указание на эту работу.
- ¹² Паткуль Ф.А. Головину, 28 октября 1702 года из Вены // Устрялов Н.Г. Указ. соч. № 157. С. 256.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Марченко [М.К.] Генерал-фельдмаршал-лейтенант барон Огильвий. Два года деятельности его в рядах русской армии (1704–1706 гг.) (материалы к его биографии по документам Меншиковского архива академии наук) // Военный сборник. Т. CCLV. Кн. 9. СПб., 1900. С. 12.
- ¹⁶ Память Посольского приказа в приказ Военных дел // Устрялов Н.Г. Указ. соч. № 160. С. 257.
- ¹⁷ Примечания к № 598 // ПБПВ. Т. II. (1702–1703). СПб., 1889. С. 682.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 32. Сношения России с Австрией и Германской империей. Оп. 1. 1703 г. № 13. Л. 24–24 об.
- ¹⁹ Schmidt-Brentano A. Kaiserliche und k.k. Generale (1618–1815). P. 70.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 32. Сношения России с Австрией и Германской империей. Оп. 1. 1703 г. № 13. Л. 4 об.
- ²¹ Примечания к № 598 // Письма и бумаги императора Петра Великого (далее: ПБПВ). Т. II. (1702–1703). СПб., 1889. С. 682.
- ²² Там же. С. 684.
- ²³ Там же. С. 682.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 32. Сношения России с Австрией и Германской империей. Оп. 1. 1703 г. № 13. Л. 1 об.–2.

- ²⁵ Там же. Л. 2.
- ²⁶ Князь Петр Голицын Ф.А. Головину, 6 февраля 1703 из Вены // Устрялов Н.Г. Указ. соч. № 172. С. 270.
- ²⁷ РГВИА. Ф. 495. Материалы о найме иностранцев на русскую службу. 1630–1787 гг. № 81. Л. 2–4.
- ²⁸ Там же. Л. 4.
- ²⁹ К Римскому императору Леопольду (1703 октября 22) // ПБПВ. Т. II. (1702–1703). СПб., 1889. № 601. С. 265.
- ³⁰ Примечания к № 598 // ПБПВ. Т. II. (1702–1703). СПб., 1889. С. 683.
- ³¹ Там же. С. 683.
- ³² РГАДА. Ф. 32. Сношения России с Австрией и Германской империей. Оп. 1. 1703 г. № 13. Л. 8–8 об.
- ³³ Там же. Л. 7 об.
- ³⁴ Примечания к № 598. С. 684–688.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 32. Сношения России с Австрией и Германской империей. Оп. 1. 1703 г. № 13. Л. 13–18.
- ³⁶ К Римскому императору Леопольду (1703 октября 22). С. 265–266.
- ³⁷ Паткуль Ф.А. Головину, 5/16 ноября 1703 года из Яворова // Устрялов Н.Г. Указ. соч. № 222. С. 293.
- ³⁸ Выписка о принятии в Русскую службу фельдмаршала Огилви // Устрялов Н.Г. Указ. соч. № 224. С. 295.
- ³⁹ Даты в выписке были по новому стилю, так как приводились по самому договору
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 32. Сношения России с Австрией и Германской империей. Оп. 1. 1703 г. № 13. Л. 21.
- ⁴¹ Там же. Л. 22 об. 23.
- ⁴² Примечания к № 610 // ПБПВ. Т. II. (1702–1703). СПб., 1889. С. 697.
- ⁴³ Эта рукопись была найдена М.К. Марченко в бумагах архива кн. А.Д. Меншикова и опубликована в его работе. – Марченко [М.К.] Генерал-фельдмаршал-лейтенант барон Огильвий. Два года деятельности его в рядах русской армии (1704–1706 гг.) (материалы к его биографии по документам Меншиковского архива академии наук) // Военный сборник. Т. ССLV. Кн. 12. СПб., 1900. С. 261–266.
- ⁴⁴ Марченко [М.К.] Генерал-фельдмаршал-лейтенант барон Огильвий. С. 262.
- ⁴⁵ Там же.

Е.А. Родионов (Санкт-Петербург)

ОРУЖИЕ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГЮНТЕРА I ШВАРЦБУРГ-ЗОНДЕРСХАУЗЕНСКОГО В СОБРАНИИ ГАТЧИНСКОГО ДВОРЦА-МУЗЕЯ

ИЗУЧЕНИЕ истории формирования оружейных собраний в России зачастую связано со значительными трудностями, обусловленными нехваткой достоверных источников, что характерно для эпохи до XIX в. Часто помимо инвентарных описей, фиксирующих состав коллекции на определенный временной период, исследователь не располагает документами, которые проясняли бы, когда именно и где тот или иной предмет был приобретен, либо таковых документов крайне мало.

Примером подобной ситуации может служить коллекция оружия Гатчинского дворца-музея. Из сопоставления различных сохранившихся до нашего времени описей следует, что на 1793 г. в ее составе было около 680 единиц длинноствольного оружия и 225 пистолетов, и в дальнейшем она почти не пополнялась¹. Также по ряду косвенных данных можно с большой долей уверенности определить, при котором из первых двух владельцев Гатчинского дворца – графе Орлове² или великом князе Павле Петровиче³ – поступил каждый экспонат⁴. И только о семи штуцерах и ружьях было известно, что они в 1777 г. взяты графом Орловым из бывшей ораниенбаумской Рюсткамеры⁵, а еще 14 ружей и пистолетов, судя по вензелям и гербам на них, могли быть изготовлены специально для графа Орлова, великого князя Павла Петровича и его супруги великой княгини Марии Федоровны⁶. Происхождение остального оружия оставалось неизвестным.

Вместе с тем, на многих ружьях и пистолетах из Гатчинской коллекции (причем почти всегда – иностранного производства) сохранились «до-гатчинские» инвентарные номера, свидетельствующие об их принадлежности к другим оружейным собраниям и дающие

теоретическую возможность идентифицировать эти первоначальные собрания. Всего таких номеров более 500, и они достаточно разнообразны – как правило, они нанесены на металлические детали, чаще всего на спусковые скобы, но в некоторых случаях встречаются и на затыльниках прикладов или на хвостовиках казенников стволов. Они бывают как штампованные, так и гравированные, причем среди последних можно выделить как минимум шесть индивидуальных почерков. Встречаются и выдавленные или вырезанные номера на прикладах ружей, и их тоже можно разделить, по крайней мере, на три разных варианта. Именно изучение номеров, выдавленных на ружейных прикладах, совсем недавно позволило определить одно из первоначальных европейских оружейных собраний, ставших источником коллекции графа Орлова. Это стало возможным благодаря сотрудничеству с коллегами из Государственных художественных собраний Дрездена (Staatliche Kunstsammlungen Dresden) Бернхардом Роозенсом (Bernhard Roosens), предоставившим копию описи арсенала князя Гюнтера I Шварцбург-Зондерсхаузенского, и Анн Гириц (Anne Gieritz), которая помогла сличить с ней оружие из гатчинской коллекции, за что автор выражает им свою сердечную благодарность.

Теперь уместно остановиться на фигуре самого Гюнтера I Шварцбург-Зондерсхаузенского (1678–1740) (рис. 1). Владение Шварцбург-Зондерсхаузен весьма небольшое, и состоит из двух областей в центральной и северной части Тюрингии общей площадью менее

Рис. 1. Князь Гюнтер I Шварцбург-Зондерсхаузенский (1678–1740)

900 кв. км, до 1697 г. графство, а после – имперское княжество, в связи с чем Гюнтер может именоваться в источниках и Гюнтером I как имперский князь, и Гюнтером XLIII как граф. Его жизненный путь можно охарактеризовать как вполне типичный для просвещенного европейского аристократа той эпохи и, в общем, особо не примечательный. Старший сын графа Христиана-Вильгельма Шварцбург-Зондерсхаузенского (с 1697 г. – князя), он получил соответствующее своему статусу образование: изучал ла-

тынь и французский язык, историю, политику, право, историю церкви, теологию, математику, «рыцарские искусства» – фехтование и вольтижировку. В 1699 г. посетил Францию, бывал также в Англии, Голландии и Италии. В 1712 г. Гюнтер женился на Елизавете-Альбертине, дочери князя Карла-Фридриха Ангальт-Бернбургского, а с 1720 г. был фактическим правителем собственного княжества еще при жизни отца. Что касается внешней политики, то Гюнтер, не будучи в силах вести ее самостоятельно, поддерживал хорошие отношения с Саксонией, в 1728 г. был удостоен польско-саксонского ордена Белого Орла, а в 1730 г. принял участие в знаменитых «Цайтхайнских лагерях» – крупнейшем смотре и учениях саксонской армии того времени. Но основное внимание он уделял развитию собственного княжества, перестроил резиденцию в Зондерсхаузене, пополнял коллекцию книг и монет и в целом оставил о себе добрую память, насколько можно судить из весьма немногочисленных свидетельств о его жизни.

Для нас же особенно важен тот факт, что одним из главных увлечений Гюнтера I Шварцбург-Зондерсхаузенского была охота, и он собирал свою коллекцию огнестрельного оружия. Верный принципам меркантилизма, он старался закупать продукцию местных мастеров, и многие его ружья были изготовлены в тюрингских центрах оружейного производства Зуль и Целла-Мелис⁷. Большая часть остального оружия из коллекции Гюнтера I также немецкого происхождения, отдельные экземпляры произведены в Англии, Франции, Голландии, Австрии, Богемии, Силезии, Италии, Швеции и Дании. Все они изготовлены при жизни своего владельца, в 1680–1730-е гг. Характерной особенностью коллекции является наличие в ней заметного количества ружей (как минимум восьми) с искривленными шейками прикладов, чтобы стрелок мог, прикладываясь к правому плечу, целиться левым глазом, что для Гюнтера I было важным, поскольку он имел проблемы с правым глазом⁸. Всего инвентарная опись его коллекции за 1738–1740 гг. перечисляет более 260 единиц длинноствольного оружия и около 100 пистолетов⁹.

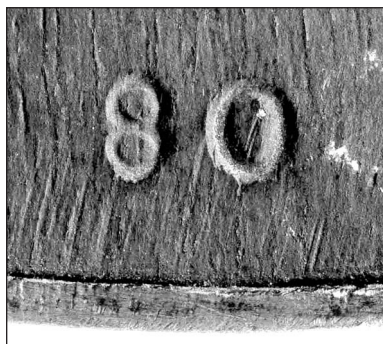
После того, как 28 ноября 1740 г. Гюнтер I Шварцбург-Зондерсхаузенский скончался, его коллекция оружия была передана по завещанию саксонскому курфюрсту Августу III. О причинах такого выбора доподлинно неизвестно. Возможно, свою роль сыграло то обстоятельство, что брак Гюнтера I был бездетным и наследовал княжество его кровный брат Генрих XXXV (сын графа Христиана-Вильгельма

и принцессы Христианы-Вильгельмины Саксен-Веймарской), отношения с которым у Гюнтера, по-видимому, были сложными.

Здесь важно отметить, что доподлинно не известно, в полном ли составе оружейная коллекция князя Шварцбург-Зондерсхаузенского была перевезена в Дрезден. С одной стороны, в актах, касающихся завещания Гюнтера I, говорится только о собрании оружия в целом (Gewehr-Cammer)¹⁰, но при этом в описи его наследства, поступившего в дрезденскую Рюсткамеру за 1741 г., перечисляются лишь 130 ружей, то есть меньше половины первоначального количества¹¹. Что случилось с остальными ружьями и пистолетами, остается загадкой, хотя, скорее всего, они тоже были перевезены в Дрезден, но не были приняты в курфюршескую коллекцию и нашли себе другого владельца (о косвенном подтверждении этой версии см. ниже).

Как бы то ни было, в 1741 г. собрание оружия князя Шварцбург-Зондерсхаузенского оказалось в Дрездене и в дальнейшем разделило судьбу коллекции саксонских курфюрстов, постепенно по разным причинам сокращаясь в размере. Некоторые из утрат отражены в дополнениях к одной из инвентарных описей оружия Гюнтера I. Так, 22 января 1754 г. четыре штуцера были подарены графу Иоганну Христиану фон Хеннике (1681–1752), в 1832 г. были проданы сразу 36 ружей и штуцеров, а в 1919 г. – еще 2, через Рудольфа Лепке. Все же на настоящее время в дрезденской Рюсткамере насчитывается 86 ружей и штуцеров из коллекции Гюнтера I¹².

Рис. 2. Номер коллекции Гюнтера I Шварцбург-Зондерсхаузенского на прикладе ружья инв. № ГДМ-378-IX

Инвентарные номера на оружии из коллекции Гюнтера I Шварцбург-Зондерсхаузенского выдавлены штампом на нижней стороне приклада у самого затыльника, высота цифр 3 мм (рис. 2). Обнаружив такие номера на некоторых предметах из оружейного собрания Гатчинского дворца-музея, оставалось только сверить их с информацией в описи, которой, в большинстве случаев, оказывалось вполне достаточно для уверенной идентификации¹³. Результаты этой сверки приведены в нижеследующей таблице.

Номер, выданный на нижней стороне приклада	Краткое описание предмета	Инвентарный номер Гатчинского дворца-музея
18	Ружье с кремневым замком, ствол железный, вороненый, на стволе вензель GG, на замке надпись Finet, на щитке на шейке приклада вензель GG, прибор железный	ГДМ-713-IX
20	Ружье с кремневым замком, ствол дамасской стали, надпись на замке IO STOCKL IN NEVSTAT, прибор латунный	ГДМ-664-IX
21	Ружье с кремневым замком, ствол дамасской стали, прибор латунный	ГДМ-875-IX
23	Ружье с кремневым замком, прибор латунный	ГДМ-747-IX
23	Ружье с кремневым замком, ствол дамасской стали, прибор латунный	ГДМ-574-IX
24	Винтовка с кремневым замком, ствол турецкий, нарезной, дамасской стали, прибор латунный	ГДМ-701-IX
28	Ружье с кремневым замком, ствол дамасской стали, шейка приклада изогнута, на затыльнике приклада надпись С. WEIS, на стволе и шейке приклада вензеля G	ГДМ-438-IX
30	Ружье с кремневым замком, ствол дамасской стали, на стволе вензель G и герб Шварцбург-Зондерсхаузена, на замке надпись S HAUSCHKA 1734, на шейке приклада щиток с вензелем LR, шейка приклада изогнута	ГДМ-556-IX
34	Ружье с кремневым замком и турецким стволом, надпись на замке KAISER, прибор латунный	ГДМ-541-IX
42	Ружье с кремневым замком, на стволе надпись LAZARINO COMINAZZO, на замке надпись IAQUES MUNIER, прибор железный	ГДМ-876-IX
47	Ружье с кремневым замком, на стволе надпись S Mutti, прибор латунный	ГДМ-951-IX

Оружие из коллекции Гюнтера I Шварцбург-Зондерсхаузенского

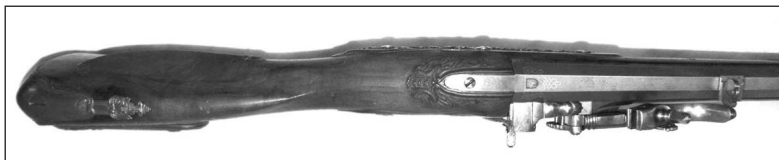
66	Ружье с кремневым замком, на стволе и замке надписи OGER LEBLAN, замочная доска и прибор латунные	ГДМ-458-IX
69	Ружье с кремневым замком, на стволе гравированная надпись F I L Z H H Ao 1711, прибор железный	ГДМ-486-IX
80	Ружье с кремневым замком, ствол железный, вороненый, на стволе вензель FE, на замке надпись Finet, на щитке на шейке приклада вензель GG	ГДМ-378-IX
95	Ружье с кремневым замком, на стволе и шейке приклада вензель GG, на стволе надпись C.WEIS A ZEL, прибор латунный	ГДМ-343-IX
132	Штуцер с колесным замком, ствол дамасской стали, на замке надпись S HAUSCHKA 1734, на стволе вензель G, на шейке приклада вензель LR, шейка приклада изогнута, прибор латунный	ГДМ-550-IX
135	Штуцер с кремневым замком, ствол дамасской стали, шейка приклада изогнута, прибор латунный	ГДМ-826-IX
169	Штуцер с кремневым замком, ствол восьмигранный, прибор латунный	ГДМ-525-IX
258	Штуцер с колесным замком, на замке надпись TANNER A SONDRERSHAUSEN 1735, на замочной личинке вензель G, шейка приклада изогнута	ГДМ-546-IX

Рис. 3. Ружье инв. № ГДМ-438-IX

Рис. 4. Вензель Гюнтера I на стволе ружья инв. № ГДМ-438-IX

Рис. 5. Штуцер инв. № ГДМ-546-IX

В рамках данной статьи нет смысла подробно останавливаться на каждом ружье, но некоторые предметы из приведенного списка обращают на себя особое внимание. Прежде всего, хочется выделить штуцеры с изогнутыми шейками прикладов инв. № ГДМ-546-IX (рис. 5), ГДМ-826-IX, ГДМ-550-IX. Это три из четырех штуцеров, подаренных в 1752 г. графу фон Хеннике, вероятно, с ведома лично курфюрста Августа III (номера коллекции Гюнтера I № 132, 135, 258). Один штуцер из их числа (инв. № ГДМ-550-IX, номер коллекции Гюнтера I № 132) и ружье, также с изогнутой ложей для стрелка-левши (инв. № ГДМ-556-IX, номер коллекции Гюнтера I № 30 (рис. 6, 7)), имеют на шейках прикладов вензеля с литерами «LR» (рис. 8), указывающие на то, что изначально они принадлежали герцогу Людвигу-Рудольфу

Рис. 6. Ружье инв. № ГДМ-556-IX

**Рис. 7. Герб и вензель
Гюнтера I
на стволе ружья
инв. № ГДМ-556-IX**

**Рис. 8. Вензель
герцога Людвиг-
Рудольфа Брауншвейг-
Вольфенбюттельского
на ружье
инв. № ГДМ-556-IX**

Брауншвейг-Вольфенбюттельскому (1671–1735), который, вероятно, и подарил их Гюнтеру I Шварцбург-Зондерсхаузенскому. Также примечательно ружье (инв. № ГДМ-486-IX, номер коллекции Гюнтера I № 69) отмеченное в описи коллекции Гюнтера I как подаренное принцем Гессен-Гомбургским, и вполне вероятно, что принц сам принимал участие в его изготовлении, учитывая в целом весьма среднее качество ружья и отсутствие на нем декора.

Следует признать, что результаты проведенного исследования пока нельзя считать окончательными и, помимо установленных фактов, открылись и определенные противоречия. Например, ружье работы французского мастера Фине инв. № ГДМ-713-IX имеет на прикладе выдавленный номер 18, по очертаниям и размеру цифр такой же, как и номера на других ружьях из коллекции Гюнтера I, но само ружье совершенно не соответствует тому, которое описывается в инвентаре под № 18 или № 81 (если предположить, что имела место ошибка при нанесении номера). При этом данное ружье дважды украшено вензелями из литер G, которые обычно идентифицируются как вензеля Гюнтера I Шварцбург-Зондерсхаузенского (рис. 9, 10), и, несомненно, является парным к ружью № ГДМ-378-IX, которое имеет выдавленный на прикладе номер 80 и полностью соответствует описи 1738–1740 г.¹⁴

Рис. 9. Вензель на стволе ружья инв. № ГДМ-713-IX

Рис. 10. Вензель Гюнтера I на ружье инв. № ГДМ-343-IX

Т. е. это ружье по всем признакам должно происходить из коллекции Гюнтера, но содержание описи это не подтверждает. Также выявлено два ружья с выдавленными на прикладе одинаковыми номерами 23 (инв. № ГДМ-747-IX, ГДМ-574-IX), каждое из которых примерно соответствует описи 1738–1740 гг.¹⁵.

Является ли это ошибкой тех, кто составлял опись коллекции Гюнтера либо наносил номера на оружие, или здесь имеет место какое-то совпадение, пока выяснить не удастся. Кроме того, известно, что не во всех случаях на оружии из коллекции Гюнтера I были выдавлены номера на прикладах, и некоторые гатчинские ружья, не имеющие таких номеров, соответствуют описанию исчезнувших «гюнтеровских» ружей и теоретически могут таковыми являться, но именно отсутствие на них номеров не дает права что-либо утверждать на этот счет. Такая же ситуация с «гюнтеровскими» пистолетами, на ложах которых номера вообще не выдавливались, так что идентифицировать их вряд ли возможно в принципе. Пока же можно констатировать, что, по крайней мере, 19 ружей и штуцеров в собрании оружия Гатчинского дворца-музея происходят из коллекции князя Гюнтера I Шварцбург-Зондерсхаузенского; из них три штуцера с 1741 г. находились в Дрездене и в 1752 г. были подарены графу фон Хеннике, занимавшему важные должности при дворе саксонского курфюрста, а шестнадцать остальных – те самые, которые числятся в описи 1738–1740 гг., но отсутствуют в описи 1741 г. По всей видимости, тот факт, что обе эти группы ружей в конечном итоге оказались в Гатчине, свидетельствует в пользу того, что и «пропавшее» после 1740 г. оружие Гюнтера I находилось в Дрездене, но не в составе арсенала курфюрста Августа III.

Время поступления части коллекции Гюнтера I из Дрездена в Гатчину можно ограничить датой смерти графа Г.Г. Орлова (1783), а о том, каким образом это произошло, достоверной информации пока нет, и на этот счет остается лишь строить догадки. Не исключено, что ее перемещение в Россию связано с личностью графа Генриха Брюля, премьер-министра Саксонии времен правления курфюрста и короля Польши Августа III (1733–1763). Брюль различными интригами добился исключительного влияния при курфюршеском дворе и долгое время фактически руководил государством, особое внимание уделяя его финансам, значительную часть которых он присваивал. Как и сам курфюрст, Брюль тратил огромные средства на приобретение всевозможных произведений искусства: живописи, гравюр, фарфора, а также и оружия, хотя сам охотиться не любил. Итог был вполне закономерен: когда Саксония вступила в Семилетнюю войну на стороне антипрусской коалиции, ее небольшая и плохо обученная армия очень скоро капитулировала перед солдатами Фридриха II. Дрезден был захвачен пруссаками, а Август III и граф Брюль бежали

в нейтральную Польшу (королем которой также являлся саксонский курфюрст), и оба умерли почти одновременно с окончанием войны, в 1763 г. Некогда процветавшая Саксония была разорена, и имущество бывшего премьер-министра было частично распродано. В выигрыше от этого оказалась Россия, потому что богатейшие коллекции живописи, гравюр и рисунков графа Брюля были куплены императрицей Екатериной II в 1769 г. и легли в основу собрания Государственного Эрмитажа¹⁶. Принадлежавшее Брюлю оружие «ушло» из Дрездена примерно тогда же, причем какие-либо подробности исчезновения этой коллекции остаются пока неизвестными. Однако можно предположить, что и она тоже последовала в Россию вместе с живописью и гравюрами, а здесь уже ее мог полностью или, что кажется более вероятным, частично тем или иным способом присвоить граф Григорий Григорьевич Орлов. Косвенным доказательством этого могут служить десять ружей и пистолетов из Гатчинского собрания оружия с личными гербами графа Брюля¹⁷. Возможно, рассмотренные выше ружья из коллекции Гюнтера I Шварцбург-Зондерсхаузенского попали в Гатчину в числе другого оружия графа Брюля, которому оно могло быть подарено благоволившим ему Августом III сразу после поступления коллекции в Дрезден и графом Иоганном Себастьяном фон Хеннике либо его наследниками. Повторимся, изложенная в данном абзаце последовательность событий является пока лишь гипотезой, которую еще предстоит проверить, однако уже является несомненной связью между коллекциями оружия из Шварцбург-Зондерсхаузена, Дрездена и Гатчины.

¹ Родионов Е.А. Коллекция оружия Гатчинского дворца. Т. 1. СПб., 2012. С. 7–28.

² Граф Григорий Григорьевич Орлов (1730–1783), фаворит императрицы Екатерины II, первый владетель Гатчинского дворца.

³ Великий князь Павел Петрович, впоследствии император Павел I (1754–1801), следующий после Г.Г. Орлова владетель Гатчинского дворца.

⁴ Родионов Е.А. Указ. соч. С. 37–38.

⁵ Инв. № ГДМ-917-IX, ГДМ-863-IX, ГДМ-429-IX, ГДМ-435-IX, ГДМ-540-IX, ГДМ-864, ГДМ-956-IX; РГИА. Ф. 478. Оп. 2. Д. 3. Л. 41 об. Подробнее о штуцерах из Рюсткамеры см.: Ефимов Ю.Г. Ораниенбаумская Рюсткамера и предметы из нее, находящиеся в Гатчинском дворце // Забытый император. Материалы научной конференции 11 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 18–27.

⁶ № ГДМ-1062-IX, ГДМ-1059-IX, ВХ-1267, ГДМ-1037-IX, ГДМ-1038-IX, ГДМ-1063-IX, ГДМ-1066-IX, ВХ-1274, ГДМ-1064-IX, ГДМ-1070-IX, ВХ-1275, ГДМ-595-IX, ГДМ-1042-IX, ГДМ-905-IX.

⁷ Schaal Dieter. Fürst Günther I und die Schwarzburg-Sondershausener Verlassenschaft von 1741 : ein Beitrag zur Sammlungsgeschichte der Gewehrgalerie / Jahrbuch der Staatlichen Kunstsammlungen Dresden, 23(1992), S. 37. Дитер Шааль называет цифру в 54 ружья,

изготовленных в Зуле и Целла-Мелисе, но при этом он располагал информацией только о 130 ружьях, перечисленных в Описи 1741 г., содержание которой он также приводит (там же, S. 45–49). Несомненно, число ружей тюрингского происхождения в коллекции Гюнтера I было большим.

⁸ Там же. S. 37.

⁹ Thüringisches Staatsarchiv Rudoldstadt, Bestand Hofmarschallamt Sondershausen Nr. 2142, Waffensammlung des Fürsten Günther I. 1738–1740. Точное количество предметов, перечисленных в этой описи, выявить затруднительно, поскольку в некоторых случаях инвентарные номера в ней не сопровождаются никаким описанием, так что не ясно, соответствуют ли такие «пустые» номера реальным вещам.

¹⁰ Schaal Dieter. Fürst Günther I... S. 37.

¹¹ Ibid. S. 44–48.

¹² Ibid. S. 45–48.

¹³ В большинстве случаев в Описи оружия Гюнтера I Шварцбург-Зондерсхаузенского 1738–1740 гг. приводится информация о стволе (нарезной или гладкий, отдельно отмечается, если он сделан из дамасской стали или турецкого производства), надписи на замке и ствола, материал прибора, иногда дополнительные сведения, например, о бывшем владельце.

¹⁴ Thüringisches Staatsarchiv Rudoldstadt. S. 10.

¹⁵ Ibid. S. 6.

¹⁶ Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1761–1917). Л., 1986. С. 65–67.

¹⁷ Инв. № ГДМ-962-IX, ГДМ-942-IX, ГДМ-825-IX, ГДМ-663-IX, ГДМ-638-IX, ГДМ-584-IX, ГДМ-516-IX, ГДМ-399-IX, ГДМ-192-IX, ГДМ-193-IX.

Л.П. Рудакова (Санкт-Петербург)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ДМИТРИЯ ПЕТРОВИЧА СТРУКОВА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

ВОЕННЫЙ историк генерал-майор Дмитрий Петрович Струков, возглавлявший Артиллерийский исторический музей с 1903 по 1917 гг., в деле развития научного интереса к уникальным памятникам следовал традициям своего наставника Н.Е. Бранденбурга.

Прослужив в Артиллерийском музее под началом Николая Ефимовича более 15 лет, Дмитрий Петрович стал достойным его преемником и внес существенный вклад в собирание, описание и сохранность музейных коллекций.

Дмитрий Петрович родился 4 апреля 1864 г. в семье потомственных дворян Тульской губернии. Его дед, Никифор Григорьевич Струков, происходил из семьи священнослужителей села Спасского Богородицкого уезда Тульской губернии. В 1802 г. Никифор Григорьевич начал военную карьеру с определения на службу рядовым. Первый боевой опыт Никифор Струков получил в битвах с французами в 1806 г. Участвовал в Отечественной войне 1812 г. Особо отличился в сражениях под Бородином, Малоярославцем и Красным. Награжден знаком отличия ордена св. Георгия и серебряной медалью «В память Отечественной войны 1812 г.».

Отец Дмитрия Петровича, Петр Никифорович, продолжил военную династию. Окончив в 1851 г. 1-й Московский кадетский корпус по первому разряду, служил в 14-й артиллерийской бригаде. В период Восточной войны (1853–1856) Петр Никифорович принимал участие в осаде крепости Силистрия. За отличие в военных действиях ему было объявлено Высочайшее монаршее благословение. По завершении военной кампании был награжден бронзовой медалью на Андреевской ленте «В память войны 1853–1856 гг.».

В 1862 г., в чине капитана вышел в отставку¹. Был женат² на Марии Евфимовне, дочери протоиерея Евфимия Андреевича Остромысленского, известного духовного деятеля, писателя и педагога³. В 1874 г. овдовел, оставшись с двумя дочерьми и малолетним сыном Дмитрием⁴.

Большое влияние на духовно-нравственное воспитание Дмитрия Струкова, рано лишившегося матери, оказали два его столь выдающихся деда. Они развили в нем любознательность, привили интерес к отечественной старине и воспитали чуткое отношение к людям. Недаром Н.Е. Бранденбург на протяжении пятнадцати лет переписки со Струковым неизменно начинал письма словами: «Добрейший Димитрий Петрович»⁵.

Начальное образование Дмитрий Струков получил в Орловской Бахтина военной гимназии⁶. Как один из лучших ее выпускников, продолжил образование в Александровском военном училище.

3-е Александровское училище на тот период было одним из лучших в России по организации учебного процесса. Для чтения лекций по общеобразовательным предметам приглашались видные ученые, преимущественно из профессорско-преподавательского состава Московского университета. Знаменитые историки, такие как С.М. Соловьев, В.И. Герье и В.О. Ключевский, читали лекции в этом учебном заведении⁷.

Годы учебы Дмитрия Струкова в Александровском училище совпали с периодом преподавания там В.О. Ключевского, лекции которого пользовались необычайной популярностью. Они вызывали у слушателей не только интерес к отечественной истории, но и призывали к размышлению о роли и значении России в мировом историческом процессе⁸.

По окончании военного училища по первому разряду⁹ в 1884 г. поручик Д.П. Струков получил назначение в 10-ю артиллерийскую бригаду¹⁰, но вскоре был переведен в 5-ю бригаду, расквартированную в г. Нежине Черниговской губернии.

Увлечение русской стариной, прививавшееся Дмитрию Петровичу с детства и усилившееся под влиянием лекций профессора Ключевского, не прекратилось и в период служения отечеству.

Первая попытка литературного творчества молодого офицера «Воспоминание о дне 1-го сентября 1812 года» было приурочено к 75-летию юбилею Отечественной войны. Возможно, работа была написана под влиянием рассказов участника памятных событий Никифора Григорьевича Струкова.

Интерес к историческим памятникам и желание поближе познакомиться с коллекциями Артиллерийского музея побудили подпоручика Струкова, едва закончившего училище, обратиться с рядом вопросов к известному ученому Н.Е. Бранденбургу, заведовавшему музеем. Вскоре между ними завязалась переписка. Николай Ефимович сразу обратил внимание на молодого и любознательного офицера. В письме к Струкову от 12 декабря 1887 г. он писал: «Прочитав Ваше письмо, я с удовольствием увидел из него, что история русской артиллерии может находить себе работников»¹¹.

Бранденбургу, судя по переписке, импонировали увлеченность, трудолюбие и исполнительность молодого подпоручика, и он обратился с ходатайством в ГАУ¹² о назначении Д.П. Струкова помощником заведующего Артиллерийским музеем. Благодаря усилиям Бранденбурга в июле 1888 г. Струков был переведен в Артиллерийский музей¹³.

На новом месте Дмитрий Петрович по поручению Бранденбурга занялся исследованием архивных документов музея. В 1889 г. вышел его первый научный труд «Архивы русской артиллерии – 1700–1718 годы», приуроченный к 500-летию юбилею отечественной артиллерии.

Работа поручика Струкова, получив заслуженное одобрение известных ученых, способствовала его дальнейшему становлению как автора целого ряда военно-исторических трудов. Начиная с 1889 г. в журналах «Русская старина» регулярно появлялись публикации документов военно-исторического характера из архива Артиллерийского музея с комментариями Дмитрия Петровича. Его статьи печатались в «Артиллерийском журнале» и «Военном сборнике». Сотрудничал он и с издателями «Русского биографического словаря», опубликовав за несколько лет свыше восьмидесяти биографий известных и малоизвестных представителей русского офицерского корпуса, отличившихся на воинской службе. В этих работах впервые было введено в научный оборот много новых материалов из архива Артиллерийского музея.

Наряду с изучением документального фонда и написанием трудов Дмитрий Петрович уделял немало времени и выставочной деятельности, которая была достойно оценена как специалистами, так и широкой общественностью. В Артиллерийском историческом музее в начале XX в. были открыты новые отделы: китайский, японский и модельный. Коллекции предметов этих отделов впервые были

описаны Дмитрием Петровичем и вошли в Путеводитель по Артиллерийскому историческому музею¹⁴.

За глубокие знания военной истории и мастерское владение построением экспозиции, которое позволяло блестяще воплощать все замыслы, Струков неоднократно привлекался к участию в создании различных юбилейных выставок¹⁵.

В 1912 г. в Ново-Михайловском дворце состоялось открытие музея, посвященного жизни и деятельности генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича. Устройством музея, по желанию семьи, занимался Дмитрий Петрович. В четырех просторных залах первого этажа дворца было выставлено свыше пяти тысяч редких и весьма ценных предметов, отражающих не только служебную деятельность великого князя на посту генерал-фельдцейхмейстера и наместника Кавказа, но и раскрывающих историю взаимоотношений России и Кавказа более чем за полувековой период. Дмитрий Петрович, заведовавший музеем, систематически проводил экскурсии по его залам, не прекращавшиеся и в период Первой мировой войны.

К юбилею освобождения Германии от власти Наполеона в Бреславле, в парке Шейтнигерт, 16 апреля 1913 г. открылась международная выставка, посвященная этому важному событию. Устроители выставки приурочили ее открытие к столетию со дня смерти выдающегося русского полководца генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова. На открытии присутствовал император Вильгельм II с членами семьи¹⁶.

Выставка имела огромный резонанс в Европе и пользовалась неслыханным успехом у посетителей. Побывавший в Бреславле генерал-майор М.И. Кияновский писал: «Более 20 миллионов немцев, посетивших выставку, ушли, пропитанные любовью к своим вождям, героям и родине»¹⁷.

Оформлением русского отдела выставки занимался генерал-майор Струков¹⁸. Отечественная война 1812 г. и участие России в освобождении Германии отображались большим количеством особо ценных памятников из собрания Оружейной Палаты, Эрмитажа, Исторического, Румянцевского, Артиллерийского, Интендантского и полковых музеев, а также частных собраний и выставки, посвященной 1812 году, с успехом прошедшей в Москве в 1912 г. Прекрасно сохранившиеся красочные мундиры русских войск 1812–1813 гг. на добротных манекенах вызывали в зале русской славы особый интерес у

широкой публики, так как в Германии к 1913 г. воинской формы того периода уже не существовало¹⁹.

По завершении выставки в Бреславле экспозицию русского отдела предполагалось представить в Москве в 1914 г., но этим планам не суждено было свершиться.

Выставки, создаваемые Струковым, не только громко и всенародно напоминали о славном историческом прошлом России, но и широко популяризировали русское военное искусство, демонстрировали мужество, отвагу и самопожертвование офицеров и нижних чинов русской армии и флота.

В 1914 год Россия вступила с новыми планами. Весной началась подготовка к созданию Всероссийской промышленной выставки. С момента последней выставки, проходившей в 1896 г. в Нижнем Новгороде, империя шагнула далеко вперед в своем промышленном развитии. Новую выставку предполагалось открыть в Москве в 1917 г. и приурочить ее к дате заключения нового торгового договора с Германией. Для России было чрезвычайно важно, чтобы этому договору предшествовала демонстрация общего подъема экономического развития страны.

Военное ведомство планировало организовать на выставке свой отдел, где были бы представлены новые достижения в развитии артиллерии, оружьем и пороховом деле с демонстрацией станков и механизмов, усовершенствованных на заводах артиллерийского ведомства, а также были бы показаны работы видных ученых по разным направлениям артиллерийской науки. Для решения этих вопросов 1 мая 1914 г. при ГАУ была образована комиссия под председательством генерала Струкова. Но война с Германией сделала несостоятельными эти планы²⁰.

Начало Первой мировой войны и участие в ней России вызвало большой отток офицеров и нижних чинов военного ведомства в действующую армию. Коснулось это и сотрудников Артиллерийского исторического музея.

С первых дней войны помощник начальника музея полковник Н.М. Печенкин и нижние чины, служившие в охране исторических памятников, были призваны в действующую армию.

В связи с сокращением штата сотрудников музея ГАУ вынуждено было дать распоряжение о закрытии музейной экспозиции для всеобщего обозрения. Экскурсии проводились только для военнослужащих, отправлявшихся на фронт²¹.

Деятельность Струкова в период Первой мировой войны была обширна и разнообразна. С первых дней войны он был назначен в распоряжение военного министра²² и, помимо заведывания Артиллерийским историческим музеем, состоял хранителем музея имени великого князя Михаила Николаевича. Кроме того, продолжал редактировать научно-популярный иллюстрированный журнал «Пожарное дело», где издавалась масса материала о новых разработках оборудования, которое существенно помогало при тушении пожаров.

В августе 1914 г. Дмитрий Петрович был назначен на должность председателя Петроградской военной цензурной комиссии. Согласно положению о военной цензуре круг обязанностей членов комиссии был довольно широк²³. Струкову, находясь на этом посту, приходилось работать с большим напряжением. Он часто выезжал с инспекцией в различные города северо-западной части России и решал вопросы, связанные с введением единообразия в деятельность военных цензоров²⁴. Руководил Струков и петроградскими цензорами, которые просматривали не только письма, но и предложенные к изданию рукописи. Цензоры следили за тем, чтобы автор не делал в тексте никаких изменений, дававших формальный повод к притеснению неугодных лиц, редакций и типографий. Отсутствие необходимого числа цензоров по проверке писем с фронта тормозило работу и приводило к тому, что «цензура корреспонденций проводилась совершенно вопреки закону и потонула в миллионах писем»²⁵.

Несмотря на меры, принятые цензурой, много сведений с полей боевых действий становились достоянием общественности из писем, рассказов раненых и другими путями, а любая неосмотрительность в этом отношении грозила лишними жертвами. Возглавляя военно-цензурную комиссию, Дмитрий Петрович, совместно с представителями Главного управления Генерального штаба, разработал ряд мер по сохранению в тайне информации о расположении и действиях наших войск, которые были официально приняты только в 1916 г.²⁶

Все недочеты в работе военно-цензурной комиссии, связанные с нехваткой квалифицированных кадров, полковник Н.С. Батюшин, возглавлявший разведывательное управление Северного фронта, приписал генералу Струкову²⁷. Негативная характеристика Струкова, данная Батюшиным, привела к тому, что генерал от кавалерии П.А. Плеве, командовавший Северным фронтом, отстранил Дмитрия Петровича от обязанностей председателя Петроградской военно-цензурной комиссии, возложив их в январе 1916 г. на его заместителя

генерал-майора М.А. Адабаша. Плеве мотивировал это тем, что за восемнадцать месяцев войны Петроградская военно-цензурная комиссия пришла «совершенно неудовлетворительное состояние: работа проводилась спустя рукава, цензор за корреспонденцией почти отсутствовал, линия датского кабеля, принадлежавшая Северной телеграфной компании, была без надлежащего надзора, часто прерывалась, так как ею пользовались немецкие агенты»²⁸.

Не совсем обоснованные претензии к деятельности Струкова на посту председателя военно-цензурной комиссии сказались на состоянии его здоровья, но тем не менее он продолжал с удвоенной энергией заниматься возложенными на него разнообразными обязанностями.

В период войны внимание всех слоев русского общества было всецело сосредоточено на событиях, происходивших на театре военных действий. Для поднятия патриотического духа народа было крайне важно устроить выставку победы русского оружия. С этой целью 30 ноября 1914 г. был учрежден Особый комитет под председательством генерал-майора Д.П. Струкова. Оформление Михайловского манежа²⁹, в котором предполагалось открыть выставку боевых трофеев, было поручено известному художнику Н.С. Самокишу³⁰. На выставке планировалось представить для обозрения не только трофеи войны, с демонстрацией главных сражений к лету 1915 г., но и фотографии, письма и личные вещи доблестных героев. К открытию выставки было запланировано издание «Книги героев» с портретами отличившихся генералов и офицеров, награжденных золотым Георгиевским оружием, а также описанием их боевых подвигов³¹. Вход на выставку предусматривалось сделать платным, а полученные средства перечислять в госпитали на лечение раненых.

Первые трофеи стали прибывать в столицу зимой–весной 1914–1915 гг. В Петроградский артиллерийский склад и склад огнестрельных припасов поступило большое количество артиллерийских орудий, огнестрельного и холодного оружия, знамен и формы одежды противника, предназначенных для экспонирования³².

Но выставка боевых трофеев, над которой работал Особый комитет под председательством Струкова, не состоялась. 24 июня 1915 г. в манеже Главного Адмиралтейства была торжественно открыта выставка «Война и наши трофеи», устроенная членами императорского Общества ревнителей истории под председательством герцога

Г.Н. Лейхтенбергского³³. Широкой публике она была интересна и поучительна. Обилие оружия противника, захваченного в боях, наглядно свидетельствовало о беспримерных подвигах русских войск³⁴. На выставке были представлены и трофеи из Артиллерийского исторического музея: три германских значка, один пулемет и одно венгерское знамя, поступившие в фонды в конце 1914 и начале 1915 гг.³⁵. Устроители выставки издали красочный каталог, оформленный видными художниками: В.В. Мазуровским, Л.Е. Дмитриевым-Кавказским и М.В. Рундалцевым.

Открытие новой выставки боевых трофеев, устроенной на одной из барж Особым комитетом под председательством генерал-майора Струкова, состоялось 3 июля 1916 г. Выставка должна была пройти через Мариинскую водную систему, соединяющую Волгу с Балтийским морем, до Астрахани. В пути предполагалось сделать сорок остановок в крупных центрах России, где предусматривалось чтение военно-патриотических лекций с демонстрацией кинематографических сеансов. Плавучую выставку обслуживала инвалидная команда Георгиевских кавалеров, возвратившихся с полей сражений³⁶. В начале мая 1917 г. выставка находилась в г. Бузулуке, Самарской губернии, а в конце месяца вернулась в Петроград³⁷.

Первая мировая война, наложившая особый отпечаток на деятельность Артиллерийского исторического музея, не приостановила одну из его жизненно необходимых функций – пополнение собрания новыми памятниками.

Путем закупок и дарения от различных организаций и частных лиц, а также в качестве трофеев, с октября 1914 г. по август 1917 г. фонды музея пополнялись большим количеством экспонатов военно-исторического характера отечественного и иностранного производства: артиллерийскими стволами, огнестрельным и холодным оружием, знаменами, орденами и медалями, предметами военного костюма.

Осенью 1914 г. в магазине известного антиквара В.М. Крылова Д.П. Струковым было приобретено одиннадцать старинных предметов. Среди них находились: кубок оловянный, периода царствования императора Петра I, кремневый пистолет, изготовленный в 1813 г. на Тульском оружейном заводе, сабля с рисунком на клинке и богато отделанный ятаган с надписью на клинковой части³⁸.

От императорской Археологической комиссии в дар музею были принесены предметы, обнаруженные в ходе раскопа скелета в колонии

Загорженек Калишского уезда Царства Польского: сабля, палаш, топор, шпора и две польские монеты 1550 г.³⁹

По распоряжению ГАУ в течение 1914–1915 гг. из различных складов артиллерийского ведомства в музей были доставлены старинные орудия иностранного производства. Из Александропольского – 13 турецких медных пушек, гаубиц и мортир XVIII–XIX вв. с четкими надписями, украшенных литыми гербами и арматурой⁴⁰; из Московского – 2 польские пушки, отлитые в 1784 и 1791 гг.⁴¹

С декабря 1914 г. в фонды музея начинают поступать раритеты Великой войны. Первым трофеем стало австро-венгерское знамя⁴². В апреле 1915 г. из Петроградского склада в музей были переданы три значка германских союзов⁴³.

В 1915 г., после упорных и кровопролитных боев за крепость Перемышль, полковник Н.М. Печенкин с воодушевлением писал генералу Струкову о саблях и шпагах пленных австрийских офицеров и генералов: «Это оружие очень интересное, а, главное, оно «перемышльское», и его необходимо передать в музей»⁴⁴. В августе 1915 г. из Варшавского артиллерийского склада, располагавшегося в Бресте, были доставлены две бронзовые 6-дм. мортиры – трофеи мощной австрийской крепости Перемышль⁴⁵.

По окончании работы выставки «Война и наши трофеи» в сентябре 1915 г. герцог Г.Н. Лейхтенбергский передал на хранение в АИМ 14 германских и австрийских знамен, флагов и значков, захваченных русскими полками в период боев 1914–1915 гг.⁴⁶ В октябре 1915 г. в музей доставили венгерский флаг, икону Св. Варвары на шелковой ткани и большое количество карт и планов различных частей территории Галиции⁴⁷.

По решению главнокомандующего армиями Западного фронта генерала М.В. Алексева 23 декабря 1915 г. в музей поступил крепостной флаг Гродненской крепости,⁴⁸ штандарты Новогеоргиевской и Варшавской крепостей⁴⁹. Штандарты были доставлены в штаб главнокомандующего фронтом военными летчиками поручиком Б.С. Мрачковским⁵⁰ и подпоручиком К.К. Вакуловским⁵¹ из Новогеоргиевской крепости перед ее непосредственной сдачей неприятелю 19 августа 1915 г. Пролетев над вражеской территорией более 200 км, летчики приземлились в Белостоке. Несмотря на исключительно трудные условия полета, когда из-за тумана и плохой видимости пришлось лететь на достаточно низкой высоте с риском быть сбитыми противником, пилотам удалось посадить самолет. Кроме штандартов отважные

авиаторы сдали 10 Георгиевских крестов 1-й степени с указанием их номеров, 27 Георгиевских крестов 2-й степени и 20 Георгиевских медалей 1-й и 2-й степеней⁵². За этот полет Мрачковский и Вакуловский были награждены орденами Св. Георгия и Георгиевским оружием⁵³.

Трофеи войны продолжали поступать и в 1916 г. В январе прибыли войсковые регалии из крепостей: Брест-Литовской – штандарт, флаг и ключи от ворот⁵⁴; Варшавской – Кайзер-флаг⁵⁵; Ивангородской – штандарт и ключи⁵⁶.

В период наступательных действий русской армии на Кавказе в 1916 г. и взятия крепости Эрзрум в музей было передано 9 турецких знамен, захваченных чинами л.-гв. Преображенского полка⁵⁷, а от офицеров 23-го армейского корпуса был доставлен весьма интересный трофей – крепостное ружье XVIII в., богато украшенное чеканкою⁵⁸.

В 1916 г. музейное собрание пополнилось различным огнестрельным оружием. Наблюдая за работой Особой комиссии под председательством генерал-майора Нестерова, занимавшейся разбором грандиозного собрания ручного огнестрельного оружия всевозможных систем, конфискованного у населения Прибалтийского края и предназначенного к продаже частным лицам⁵⁹, Дмитрий Петрович отобрал 55 экземпляров оружия, наиболее ценного с исторической и технической точек зрения. В архивных делах имеется описание оружия, поступившего в музей из реквизита в Прибалтике⁶⁰.

В декабре 1916 г. от бухарского эмира Сейид Алим-хана в дар музею поступило 10 старинных бронзовых пушек, богато украшенных литым орнаментом и историческими надписями⁶¹.

Несмотря на тяготы и лишения военного времени, в 1916 г., благодаря Д.П. Струкову, в музее продолжались работы по реставрации знамен. В течение года было реставрировано 15 старых знамен 45-го пехотного Азовского имени его императорского величества полка. На их реставрацию великим князем Борисом Сергеевичем было выделено 200 руб.⁶²

В январе 1917 г. Н.М. Печенкин сообщил Д.П. Струкову, что по распоряжению ГАУ на хранение в музей должны доставить муляжи двух знаменитых лошадей, изготовленных по эскизам известного скульптора барона П.К. Клодта. Эти кони длительный период времени украшали вестибюль Дома ГАУ. Но на письме Печенкина имеется помета Струкова: «ничего не сделано»⁶³.

В феврале 1917 г. в музей прибыло из Казанского артиллерийского склада собрание старинных монет с описанием их достоинства⁶⁴.

В мае в музейные фонды был передан ряд раритетов Отечественной войны 1812 г. из собрания редких памятников Аничкова арсенала: мундир французского маршала Жан-Батиста-Жуля Бернадота, личные вещи Мишеля Нея и Тимолеона д'Эпина де Сен-Люка, а также исторические памятники, найденные на Бородинском поле⁶⁵. В июне князь Н.М. Голицын ходатайствовал о передаче коллекций оружия из арсеналов Аничкова и Гатчинского дворцов в Артиллерийский музей⁶⁶.

Весной и летом 1917 г. в дар музею были переданы два древних каменных ядра, найденных А.В. Журавским в Печерском уезде Архангельской губернии⁶⁷, и образцы металлической проволоки, снятой с позиций противника в период операции 7-й армии в 1916 г. и предоставленной главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта генералом от инфантерии М.В. Алексеевым⁶⁸.

В июле 1917 г. поступило оружие и патроны из коллекции цесаревича Алексея, хранившейся в Курском артиллерийском складе⁶⁹.

В феврале 1917 г. нижними чинами артиллерийской батареи, охранявшей побережье Финского залива, было обнаружено 12 старинных бронзовых турецких орудий, находившихся в имении Забалканское Ямбургского уезда. Пушки были пожалованы первому владельцу имения генерал-фельдмаршалу графу И.И. Дибичу-Забалканскому за отличие в русско-турецкой компании 1828–1829 гг. Часть орудий из имения генерал-фельдмаршала была доставлена в фонды музея летом 1917 г. Сохранился рапорт Д.П. Струкова в ГАУ о получении двух бронзовых турецких пушек из коллекции Дибича-Забалканского⁷⁰.

Большое количество оружия, знамен, снаряжения и формы одежды противника, поступивших в музейные фонды весной и летом 1917 г., было совершенно не описано, а в накладных значился лишь общий вес. Например, 150 пудов трофейного имущества поступило 13 апреля 1917 г.⁷¹

В связи с осложнившейся обстановкой на фронтах к лету 1917 г., Струков начинает принимать на хранение коллекции исторических памятников из музеев гвардейских частей. Например, было принято вместе с описью три ящика предметов из музея л.-гв. 1-й артиллерийской бригады⁷² и воинские регалии, пожалованные 5-й роте Брест-Литовской крепостной артиллерии в честь ее столетнего юбилея⁷³.

Стремительное наступление немецких войск в Прибалтике летом 1917 г. заставило Временное правительство издать постановление

о вывозе музейных ценностей из столицы. В это сложное время Д.П. Струков получил приказание от начальника ГАУ в срочном порядке подготовить музейное собрание к эвакуации. 28 августа 1917 г. генерал-майор Струков пишет начальнику ГАУ свой последний рапорт о принятии мер к вывозу исторических памятников: «Получив предписание Вашего превосходительства немедленно приступить к эвакуации музея, я неотложно принял меры к организации необходимых для того мер в пределах имеющихся в моем распоряжении средств. Я в полном отчаянии, при наличии лишь 6 человек, служащих в музее, завершить означенную эвакуацию в десятидневный срок не представляется возможным»⁷⁴. На следующий день у Дмитрия Петровича, очень ответственно подходившего к поставленным задачам, случился апоплексический удар. От этой тяжелой болезни он уже не оправился. Скончался Д.П. Струков 25 апреля 1920 г. и похоронен на кладбище Александро-Невской лавры⁷⁵.

Эвакуацией музейных ценностей в Ярославль в сентябре 1917 г. занимался Н.М. Печенкин, призванный из действующей армии⁷⁶.

Важно отметить, что в дополнение к основным обязанностям Д.П. Струков трудился в различных общественных организациях. Первая мировая война, давшая громадное количество инвалидов, вызвала к жизни множество различных благотворительных учреждений, оказывающих материальную помощь героям войны. В числе этих благотворительных учреждений действовал и Георгиевский комитет, учрежденный 16 января 1916 г. под председательством великого князя Михаила Александровича. Почетным председателем комитета состоял император Николай II. Основной целью Георгиевского комитета было признание защитников царя и отечества, проявивших воинскую доблесть и самоотверженность. Помимо оказания материальной помощи нуждающимся, он занимался устройством лечебниц, богаделен и работных домов для георгиевских кавалеров, а также улучшением их быта⁷⁷. Благодаря организации концертов и театральных спектаклей на военно-патриотические темы, комитет способствовал воспитанию в подрастающем поколении культа воинской доблести, являющейся основой победы. Также его члены решали вопрос об издании альбома с портретами георгиевских кавалеров⁷⁸. Генерал-майор Струков принимал активное участие в деятельности этой общественной организации. В день святого великомученика Георгия 26 ноября 1916 г. Дмитрий Петрович совместно с другими

членами организовал чествование георгиевских кавалеров армии и флота. Во всех городах империи состоялись кружечные сборы в пользу семей павших героев⁷⁹. Состоял Струков и в Особой комиссии по преобразованию Георгиевского комитета⁸⁰. Сохранилась докладная записка Дмитрия Петровича с предложениями о преобразовании Георгиевского комитета, одобренная великим князем Михаилом Александровичем⁸¹.

В период Первой мировой войны к генералу Струкову обращались за помощью и содействием по различным вопросам большое количество просителей. В их число входили и широко известные деятели отечественной культуры и искусства, такие как Максим Горький, Федор Шаляпин, Леонид Соболев и многие другие⁸². Дмитрий Петрович, по мере сил, всегда находил возможность оказать им всяческое содействие и поддержку.

Подводя итог разносторонней деятельности генерал-майора Д.П. Струкова в период Первой мировой войны, следует отметить, что все его труды и заботы были направлены на поддержание в российском обществе уважения к боевым доблестям русской армии и воспитание народа в духе патриотизма, способного противостоять идеям, разрушающим государственность.

---

¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 7473. Л. 22.

² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 25. Оп. 100. Д. 119. Л. 384.

³ Протоиерей Е.А. Остромысленский (1803–1887) родился в Орловской губернии. Образование получил в Киевской духовной академии. По окончании академии в 1829 г. получил место профессора в Орловской духовной семинарии и был возведен в сан протоиерея с назначением настоятелем городского кафедрального собора и законоучителем в Орловский Бахтина кадетский корпус и мужскую гимназию. Оставил после себя немало сочинений, посвященных духовному образованию юношей: «Слово к воспитанникам гимназий о свойствах истинной мудрости», «О средствах к воспитанию детей духовного и крестьянского звания», «Об образовании сельского простонародия». Среди изданных трудов Евфимия Андреевича ряд работ посвящен православным духовным наставникам: «Архимандрит Макарий, Алтайский миссионер», «Воспоминание о высокопреосвященном Филарете, митрополите киевском и галицийском». Его обширный труд «Молоканская секта», частично опубликованный, вызвал интерес у историков и священнослужителей, но остался незавершенным. (Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXV. СПб., 1897. С. 366.)

⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 7473. Л. 22.

⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 31. Оп. 1. Д. 26. Л. 29.

⁶ Там же. Д. 71. Л. 1.

⁷ Александровское училище. Военная энциклопедия. Т-во И.Д. Сытина. СПб., 1911. Т. I. С. 258.

⁸ Уткин Б.П. Ключевский В.О. Военная энциклопедия. М., 1999. Т. 4. С. 75.

⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 25. Оп. 98. Д. 2118. Л. 23 об.

- ¹⁰ Там же. Оп. 102. Д. 94. Л. 155.
- ¹¹ Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.
- ¹² Там же. Ф. 25. Оп. 102. Д. 74. Л. 213 об.
- ¹³ Там же. Оп. 98/3. Д. 253. Л. 33 об.
- ¹⁴ Струков Д.П. Путеводитель по Артиллерийскому Историческому музею. СПб., 1912.
- ¹⁵ Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1912. № 5. С. 142.
- ¹⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 31. Оп. 1. Д. 81. Л. 15.
- ¹⁷ Кияновский М. Юбилейная выставка 1813 года в Бреславле. Журнал ИРВИО. 1914. № 6–7. С. 408.
- ¹⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 11. Оп. 1. Д. 94. Л. 322.
- ¹⁹ Там же. Ф. 22. Оп. 92. Д. 87. Л. 316.
- ²⁰ Там же. Д. 92. Л. 1.
- ²¹ Там же. Д. 93. Л. 31.
- ²² Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 90. Л. 3.
- ²³ Там же. Л. 2.
- ²⁴ Там же. Л. 18.
- ²⁵ Лемке М.В. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915–2 июля 1916 гг.) Петроград, 1920. С. 442.
- ²⁶ Разведчик. № 1271 от 17 марта 1915. С. 171–172.
- ²⁷ Лемке М.В. 250 дней в царской ставке... С. 465.
- ²⁸ Там же. С. 468.
- ²⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. ½. Д. 816. Л. 68.
- ³⁰ Там же. Ф. 22. Оп. 92. Д. 91. Л. 20 об.
- ³¹ Там же. Л. 23, 47.
- ³² Там же. Л. 14.
- ³³ Трошин Д.Ю. Государева Ратная палата в Царском Селе – музей Великой войны 1914–1918 гг. Материалы секции «Сохранение, реставрация и экспонирование памятников военной истории» Всероссийской научно-практической конференции «Война и оружие». Новые исследования и материалы. 12–14 мая 2010 г. С. 121.
- ³⁴ Дмитриевский А. Выставка трофеев. Военный сборник № 11. 1915. С. 199–206.
- ³⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 93. Л. 107.
- ³⁶ Летопись войны. 1914–1916 гг. № 100. С. 1595.
- ³⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 31. Оп. 1. Д. 92. Л. 25, 26.
- ³⁸ Там же. Ф. 22. Оп. 111. Д. 7. Л. 161–162, 164–165.
- ³⁹ Там же. Оп. 92. Д. 93. Л. 73.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 111. Д. 7. Л. 162–163; Оп. 92. Д. 93. Л. 78, 101.
- ⁴¹ Там же. Оп. 92. Д. 93. Л. 59, 62.
- ⁴² Там же. Оп. 111. Д. 7. Л. 166.
- ⁴³ Там же. Оп. 92. Д. 93. Л. 47.
- ⁴⁴ Рудакова Л.П. Полковник Николай Михайлович Печенкин. Страницы биографии. Военная история России XIX–XX веков. Материалы V международной военно-исторической конференции. СПб., 2012. С. 198.
- ⁴⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 93. Д. 93. Л. 98.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 92. Д. 93. Л. 107; Оп. 111. Д. 7. Л. 166.
- ⁴⁷ Там же. Л. 119.
- ⁴⁸ Там же. Л. 148–149.
- ⁴⁹ Там же. Л. 146.
- ⁵⁰ Поручик Б.С. Мрачковский получил начальное образование в Петербурге, в реальном училище П.Г. Ольденбургского. Образование продолжил в Военно-топографическом

училище. В 1915 г., закончив военную школу летчиков-наблюдателей, находился в осажденной Новогеоргиевской крепости в качестве летчика-наблюдателя 35-го корпусного авиационного отряда.

⁵¹ Подпоручик Константин Константинович Вакуловский по окончании Николаевского военного училища летом 1914 г. был назначен адъютантом в линейную роту Новогеоргиевского крепостного гарнизона. В крепости был свой авиационный отряд, и Константин Вакуловский, посещая летные занятия, быстро освоил специальность летчика.

⁵² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 93. Л. 147.

⁵³ Нешкин М.С., Шабанов В.М. Авиаторы – кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов. Биографический справочник. М: «Российская политическая энциклопедия». (РОСПЭН), 2006. 360 с.

⁵⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 114. Л. 9.

⁵⁵ Там же. Л. 10.

⁵⁶ Там же. Л. 16.

⁵⁷ Там же. Л. 84, 89.

⁵⁸ Там же. Л. 108.

⁵⁹ Там же. Л. 125.

⁶⁰ Там же. Л. 135.

⁶¹ Там же. Л. 238, 289.

⁶² Там же. Л. 73.

⁶³ Там же. Д. 115. Л. 15.

⁶⁴ Там же. Л. 17.

⁶⁵ Там же. Л. 79.

⁶⁶ Там же. Л. 115–115 об.

⁶⁷ Там же. Л. 87.

⁶⁸ Там же. Л. 127.

⁶⁹ Там же. Л. 134.

⁷⁰ Там же. Л. 112, 149.

⁷¹ Там же. Л. 46.

⁷² Там же. Л. 46 об.

⁷³ Там же. Л. 129.

⁷⁴ Там же. Л. 151.

⁷⁵ ЦГАСПБ. Ф. 6143. Оп. 1. Д. 1156. Л. 13–13 об.

⁷⁶ Рудакова Л.П. Полковник Николай Михайлович Печенкин. С. 198.

⁷⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 114. Л. 219.

⁷⁸ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 249. Л. 4.

⁷⁹ Там же. Д. 247. Л. 11.

⁸⁰ Там же. Д. 249. Л. 8.

⁸¹ Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 92. Л. 5.

⁸² Там же. Д. 91. Л. 18.

1. Графический портрет генерал-майора Д.П. Струкова
Рисунок художника Е.Ю. Емельянова
ВИМАИВиВС. 1-й общенсторический фонд. Инв. № 2/4442

2. Общий вид выставки «Война и наши трофеи». Каталог выставки «Война и наши трофеи» Пг., 1915. С. 4.

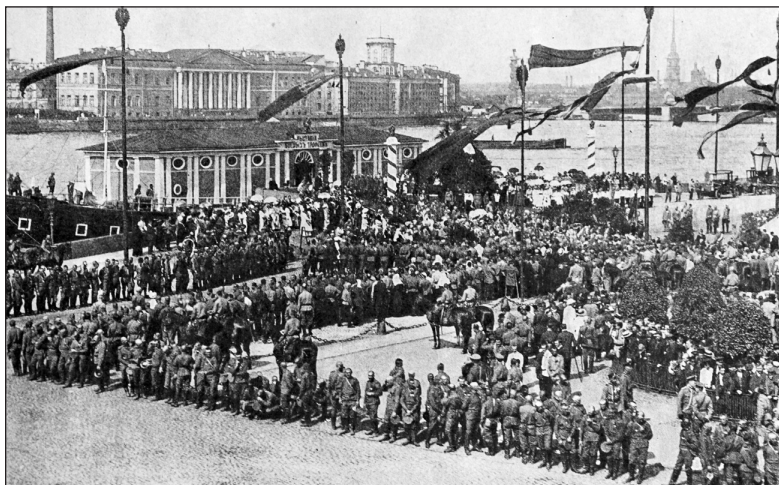

3. Б.С. Мрачковский и К.К. Вакуловский среди Георгиевских кавалеров.
[Электронный ресурс] viupetra.23dn.ru/publ/vakulovskij_k/13-1-0-1599.24.02.2014

4. Генерал Селиванов делает объяснения великой княгине Марии Павловне при открытии плавучей выставки боевых трофеев 3 июля 1916 г. Фото К. Буллы. Летопись войны 1914–1916 гг. № 100. Пг., 1916. С. 1594

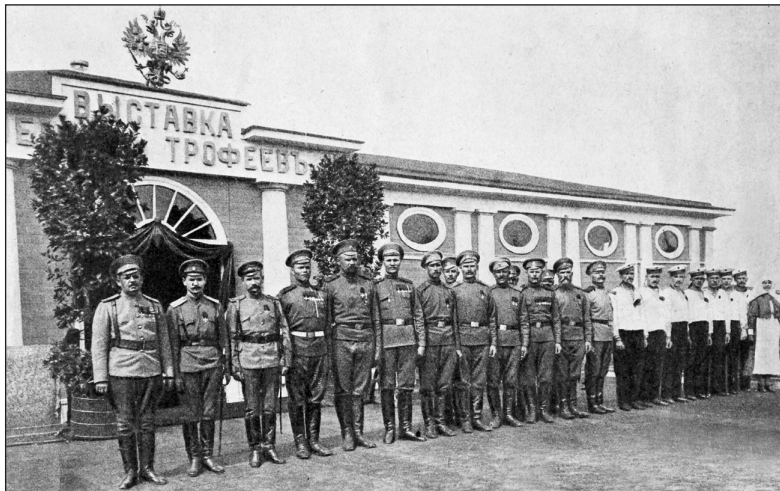
5. Открытие в Петрограде на Неве плавучей выставки боевых трофеев
3 июля 1916 года. Фото К. Буллы. Летопись войны
1914–1916 гг. № 100. Пг., 1916 . С. 1595

6. Главный вход
на выставку
боевых трофеев,
открывшуюся
3 июля 1916 г.
Фото
Я. Штейнберга.
Летопись войны
1914–1916 гг. № 100.
Пг., 1916. С. 1595

7. Председатель комитета
по устройству выставки
боевых трофеев
генерал-майор
Д.П. Струков
Фото К. Буллы. Летопись
войны 1914–1916 гг.
№ 100. Пг., 1916. С. 1596

8. Команда Георгиевских кавалеров, назначенных состоять при выставке боевых трофеев в пути.

Фото Я. Штейнберга.

Летопись войны 1914–1916 гг. № 100. Пг., 1916. С. 1596

9. Крестный ход на освещении выставки боевых трофеев 3 июля 1916 г.

Шпалерами выстроены Георгиевские кавалеры.

Фото Я. Штейнберга. Летопись войны 1914–1916 гг. № 100. Пг., 1916. С. 1597

**10. Бреславльская выставка, посвященная освобождению
Германии от власти Наполеона.**

Русский отдел. 1913 г.

Кияновский М. Юбилейная выставка 1813 г. в Бреславле.

Журнал ИРВИО. 1914. № 6–7. С. 408

С.А. Рябая (Ижевск)

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В РЕГИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)

19 ИЮЛЯ 1914 г. Россия вступила в кровопролитную и одну из самых масштабных войн в мировой истории XX в. Обеспечение постоянно растущих потребностей армии и фронта в оружии, продовольствии стало важнейшей задачей государства в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.).

Целью данной статьи является рассмотрение вклада Вятской губернии в дело обеспечения русской армии необходимым вооружением, боеприпасами, обмундированием и продовольствием в эти годы.

В условиях Первой мировой войны, после потери важнейших промышленных районов, оккупированных австро-венгерскими и немецкими войсками, экономическая база военного производства существенно сократилась, одновременно увеличилось значение восточных тыловых центров страны. Одним из таких крупных тыловых военно-экономических центров становится Уральский регион, где особенно выделяется производство вооружения и боеприпасов Ижевскими оружейным и сталелитейным заводами.

Оружейное производство на Ижевском заводе к началу Первой мировой войны имело длительную историю. Уже в начале XIX в. он стал кузницей российского оружия. Накануне войны на предприятии выпускались все разновидности винтовки системы С.И. Мосина: пехотная, драгунская, казачья, а также кавалерийские карабины, стальные кинжалы «Бебут», патронные обоймы, охотничьи ружья. Производство Ижевского сталелитейного завода было ориентировано главным образом на выпуск стали для изготовления винтовок, инструментальной стали и инструмента, стальной ленты для патронных обойм,

заготовок винтовочных стволов и ствольных коробок не только для Ижевского, но и для Тульского и Сестрорецкого оружейных заводов, и объем выпуска стал определяться потребностями этих заводов.

В докладной записке Военно-технического комитета Ижевских заводов члену Государственной думы С.А. Калинину в марте 1917 г. указывалось, что «ввиду обстоятельств военного времени Ижевские оружейный и сталелитейный заводы занимают среди других заводов, работающих на оборону, положение особой важности. Помимо непосредственной связи его с фронтом как поставщика целого ряда предметов вооружения для подвижных починочных мастерских (пружины, щиты и т. п.), помимо самостоятельной роли его как оружейного завода, изготавливающего ежедневно до 2 тыс. винтовок, – значение Ижевских заводов удесятывается вследствие той неразрывной, кровной связи их, какая существует между ними и целым рядом других учреждений артиллерийского ведомства»¹.

Ошибки военного руководства в планировании объемов мобилизационных запасов оружия и боеприпасов привели после первых четырех месяцев Первой мировой войны к кризису вооружения русской армии. Запас винтовок к началу войны исчислялся количеством 4,3 млн единиц. Но пришлось констатировать, что масштабы мобилизации новобранцев в первый год войны исчерпали его полностью, и к ноябрю 1914 г. потребность в винтовках возросла до 870 тыс.² Срочно нужны были винтовки, пушки, патроны, снаряды, гранаты. Задача по поднятию максимальной производительности заводов, поставленная Военным ведомством в начале Первой мировой войны, оказалась сорванной, поскольку приобретенное перед войной оборудование и имеющиеся производственные площади уже не могли обеспечить требуемого армией количества винтовок. Военное ведомство принимало энергичные меры по завершению реконструкции Ижевского оружейного и сталелитейного заводов, приобретению новых станков, расширению энергетической базы.

Серией государственных распоряжений во второй половине 1914 г. предприятиям, занятым в производстве предметов вооружения, был предоставлен ряд существенных льгот по размещению военных заказов. Так, согласно постановлению Совета министров от 4 сентября 1914 г. «О заготовлении в военное время необходимых для армии и флота предметов и материалов» предприятия, выполнявшие военные заказы, освобождались «от всякой перед заказчиками, кроме Военного и Морского ведомств, ответственности, в случае

невозможности исполнения в срок заказов, вызванной необходимостью удовлетворения потребностей этих ведомств»³. Главное артиллерийское управление предписанием от 30 сентября 1914 г. за № 50846 сообщало Ижевским заводам, что «во избежание задержки в исполнении казенных нарядов принимать лишь те частные заказы, которые отнюдь не могут повлиять на срочность исполнения казенных заказов». Если в 1913 г. завод исполнил частных заказов на сумму 821 898 руб. 24¾ коп., то в 1914 г. – только на 473 725 руб. 21¼ коп. валовой стоимости⁴.

Реорганизационные меры и дополнительные кредиты правительства в начале Первой мировой войны привели к увеличению объемов производства стрелкового оружия к концу 1914 г. в 3–4 раза (свыше 20 тыс. шт. винтовок в месяц)⁵. Выпуск изделий в 1914 г. на Ижевских заводах составил 157 тыс. черновых стволов для винтовок, 290 тыс. шрапнелей и 20 тыс. гранат, а также были исполнены наряды по изготовлению щитов к орудиям, зарядным ящикам и пулеметным станкам⁶. В 1914 г. Ижевским оружейным заводом было изготовлено продукции на сумму 8 511 828 руб.⁷

Обеспокоенное кризисом вооружения русской армии в конце 1914 г. руководство Главного артиллерийского управления провело подготовительную работу по расширению казенных оружейных заводов и увеличению производства винтовок. В начале 1915 г. ежемесячная потребность фронта в винтовках для восполнения убыли определялась в 200 000 шт. В октябре 1914 г. производство винтовок достигло 30 000 шт. в месяц, а в апреле 1915 г. – 40 000. В январе–феврале генерал А.А. Маниковский проводил инспекцию оружейных заводов и в своем рапорте от 6 февраля 1915 г. председателю Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части, написанном в Ижевске, настаивал на немедленном «без потери одного дня» проведении экстренных мероприятий по расширению завода, «иначе Ижевский завод, – писал он, – являющийся «маткой» для всех остальных заводов, не сдвинется сам с мертвой точки и по-прежнему будет тормозить и Тулу и Сестрорецк». К рапорту был приложен перечень экстренных мероприятий для Ижевских заводов, необходимых для изготовления 100 000 винтовок ежемесячно на всех заводах⁸.

Ввиду острой потребности русской армии в стрелковом оружии руководитель А.А. Маниковский и председатель Особой распределительной комиссии по артиллерийской части великий князь Сергей Михайлович обязали оружейные заводы еженедельно выдавать

сведения о количестве изготовленных стволов и винтовок в Главное артиллерийское управление и начальнику канцелярии Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части с тем, чтобы отслеживать динамику производства оружия. Примером могут служить сведения о количестве стволов и винтовок, изготовленных Ижевскими заводами в марте–июне 1915 г.⁹

К середине 1915 г. оружейные заводы России превзошли установленное им еще в 1913 г. задание по выпуску 525 тыс. винтовок в год. Всего за 1915 г. оружейники страны выпустили 739 446 винтовок, 131 842 револьвера. 4263 пулемета, 65 522 казачьих пики, отремонтировали 11 9208 винтовок¹⁰. Тогда же была поставлена новая задача: довести выпуск стрелкового оружия до 1 млн в год. Этот уровень к марту 1916 г. (100 тыс. в месяц) был достигнут. Несмотря на неблагоприятные условия, на Ижевском оружейном заводе выпускалось ежедневно до 2200 винтовок¹¹.

В январе 1916 г. Ижевский оружейный завод получил наряд Военного ведомства на изготовление 30 млн патронных обойм, в феврале – 1000 пулеметных станков и 2000 щитов к ним, 47 тыс. шт. кинжалов «Бэ-бут», в марте–апреле – еще на 20 тыс. кинжалов и 6 млн шт. патронов, в июле – 360 шт. щитов к трехдюймовым горным пушкам со сроком исполнения 3 месяца, в августе – 12 млн обойм¹².

Производство оружия достигло наивысшего уровня к январю 1917 г., когда за один месяц оружейными заводами России было выпущено 130 000 винтовок. В 1917 г. в Ижевске было изготовлено 506 тыс. винтовок. К 1917 г. Ижевский оружейный завод увеличил выпуск производства винтовок по сравнению с 1914 г. примерно в 6 раз.

Производительность Ижевских оружейного и сталелитейного заводов в годы Первой мировой войны показана в таблице 1.

При общем снижении выплавки стали в России за три года войны Ижевский сталелитейный завод увеличил объем выпуска стали. Так, удельный вес этого предприятия в общероссийской выплавке стали в 1914 г. составил 0,11, в то время как в 1916 г. – 0,30¹³.

В годы войны Ижевские заводы, кроме винтовок, производили ствольные заготовки для винтовок и пулеметов. Кроме того, за годы войны ими было выпущено свыше 100 000 пудов колючей проволоки.

Около половины всего стрелкового оружия, выпущенного в России в годы Первой мировой войны, – 48 % (по другим данным – 43 %) – было изготовлено на Ижевском оружейном заводе.

Наименование продукции	Выпущено изделий за период				
	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Всего за период 1914–1917 гг.
Новые винтовки (тыс. шт.)	82 121	312 928*	50 4871	505 863	140 5783
Исправленные винтовки (тыс. шт.)	97 897	65 936	9900	4200	177 033
Выплавка стали (пуд.)	268 000	431 000	610 000	-**	1 309 000

Источник: ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 14. Д. 315. Л. 109 об., Липина С.А. Модернизационные процессы в промышленности Удмуртии накануне и в годы Первой мировой войны (1910–1917 гг.). Ижевск, 2010. С. 63.

* Количество выпущенных новых винтовок Ижевским оружейным заводом в 1915 г. согласно данным, приведенным Л.Г. Бескровным в книге «Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала», составляло 306 529 шт.

** Данные о выпуске стали Ижевским сталелитейным заводом отсутствуют.

По остальным группам изделий удельный вес был еще выше, по винтовочным стволам он составил 52 %, по исправленным винтовкам – 61 %, по пулеметным стволам – 79 %. Всего за этот период ижевские оружейники выпустили полтора миллиона винтовок. По имеющимся в современных исследованиях данным, Ижевские оружейный и сталелитейный заводы также являлись единственными предприятиями в стране, на которых изготавливались патронные обоймы. В 1917 г. выпуск этой важной продукции составил 543 млн.¹⁴

Высокая производительность на Ижевских оружейном и сталелитейном заводах была достигнута посредством напряжения трудовых усилий рабочих и специалистов, увеличения рабочего дня (11–12 часов), увеличения числа занятых дней в месяце (до 27–28), привлечения административных ресурсов. Однако полностью удовлетворить заказы фронта в стрелковом оружии заводам не удалось.

Перед началом Первой мировой войны основной продукцией Воткинского железодельного завода были паровозы, суда, мостовые сооружения, рельсовые скрепления, мартеповская сталь, листовое и сортовое железо, сельскохозяйственные машины и орудия. В октябре 1915 г. усилиями Главного артиллерийского управления и Министерства торговли и промышленности было принято решение Военного ведомства о производстве

трехдюймовых гранат на Воткинском заводе с производительностью 40–50 тыс. штук в месяц. Для этого заводу был выделен кредит в размере 950 000 руб. на приобретение станков и расширение энергетической базы¹⁵. В конце 1915 – начале 1916 г. производство трехдюймовых гранат было освоено.

В 1915 г. Воткинским заводом выполнялись заказы Министерств путей сообщения, торговли и промышленности, Военного ведомства, а также частные заказы, которые составляли около 2 % от общего объема выпускаемых изделий¹⁶. Для Военного ведомства завод изготовлял трехдюймовые шрапнели, 5000 штук в месяц, корпуса 1/2-пудовых светящих ядер для артиллерийского ведомства, лафетные части к пушкам для Пермского пушечного завода, диафрагмы к шрапнелям для Златоустовского завода, фрезерные, сверлильные и другие металлообрабатывающие станки для казенных военных заводов Златоустовского горного округа и для Ижевского оружейного завода¹⁷. Завод выпустил 28 различных речных и специальных судов. В январе 1915 г. на Ижевский пруд были доставлены 2 парохода, изготовленные Воткинским заводом. Кроме того, завод произвел железнодорожных скреплений 418 829 пуд., мостовых конструкций 32 084 пуд.¹⁸ По длине построенных мостов в 1915 г. он вышел на первое место в России. Сельскохозяйственных орудий было изготовлено 38 872 пуд.

Война потребовала колоссальных объемов перевозок, особенно на железнодорожном транспорте. Россия испытывала большой недостаток паровозов и вагонов, поэтому Воткинский завод продолжал изготовление паровозов. В паровозном цехе широко стали использовать пневматический инструмент – пневмосверлилки и пневмомолотки, для повышения производительности. Для сверления паровозных рам был установлен двойной горизонтально-сверлильный станок, при этом повысилась точность и качество отверстий. Установка специальной печи для разогрева композиций при заливке подшипников скольжения позволила значительно ускорить и удешевить работы. Изготовление новых форм для отливки колец металлических сальников дало большую экономию материала, так как не требовало механической обработки.

Учитывая положительный опыт изготовления трехдюймовых снарядов и возможности Воткинского завода, после проведенных опросов Уральского заводского совещания, в середине 1916 г. предприятию

был выдан заказ на изготовление в 1916–1917 гг. 500 000 штук трехдюймовых шрапнелей¹⁹.

Во время Первой мировой войны, ставшей стимулирующим фактором для Воткинского железодельного завода, он был перепрофилирован и смог наладить выпуск остродефицитных в то время для русской армии трехдюймовых шрапнелей и внести заметный вклад в производство вооружения, а также смог оставить на прежнем уровне выпуск железнодорожных скреплений и мостов.

Война существенно повлияла на привычный ритм заводов Омутнинского горного округа. Ускорился процесс намеченной ранее модернизации цехового оборудования, изменился ассортимент выпускаемой продукции. Заводы округа (Омутнинский чугуноплавильный и железодельный, Песковский чугуноплавильный, Кирсинский и Пудемский железодельные) производили листовое, полосовое, кровельное, сортовое и фасонное железо, чугун в штыках и припасах, болванки, чугунное ваграночное литье, гвозди. Это были крупные предприятия Вятской губернии, оснащенные современными машинами и механизмами. Всего Акционерное общество Северных заводов располагало 28 501 822 десятинами земли, 50 действующими рудниками, 127 действующими шахтами и штольнями²⁰.

В 1914 г. годовой объем производства Северных заводов составлял 2 млн руб. По сведениям отчета вятского губернатора, в 1914 г. на заводах Омутнинского горного округа «по всем производствам за исключением листокатального, добычи руды, куренным работам и разного рода перевозкам работы производились нормально: ни сокращений, ни увеличений производительности их под влиянием войны – не последовало»²¹. Листокатальное производство Омутнинского завода сократило производство чернопдельного железа на 33 %, отделочного – на 48 %²².

Выпуск продукции заводами Омутнинского горного округа представлен в таблице 2.

Таблица 2

Производительность Северных заводов наследников
Н.П. Пастухова в 1914, 1916 г., в пуд.²³

Наименование заводов	Добыто руды		Выплавлено чугуна		Выделано железа		Приготовлено чугунных отливок		Изготовлено железных и медных изделий	
	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.
Омутнинский	753893	374974	424178	303501	462745	561864	10666	13940	4500	8497
Пудемский	-	-	-	-	103760	41375	-	-	-	1733
Песковский	1073870	633493	354737	143971	-	-	29595	1995	824	2180
Кирсинский	-	-	-	-	323915	401740	19360	8835	3374	4139
Итого	1827763	1008467	778915	447472	889420	1004979	59621	24770	8698	16549

У Акционерного общества Северных заводов имелись широкие и вполне реальные планы его дальнейшего развития, было спроектировано строительство подъездной железной дороги Яр – Кирсинский завод²⁴. 11 марта 1914 г. департамент Государственного совета выделил акционерам Омутнинского завода концессию на постройку железной дороги Яр – Кирсинский завод. Но война помешала реализации проекта.

---

¹ РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 112. Л. 117–117 об.

² Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне. 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика. В 2-х ч. Ч. 1: Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 – середина 1916 гг. СПб., 2001. С. 79.

³ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. Пг., 1915. С. 3582–3583.

⁴ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4565. Л. 1 об.

⁵ Там же. Л. 357–357 об.

⁶ Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917). Сб. документов / Под ред. Р.Ш. Ганелина. М., 2004. С. 489.

⁷ ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 958. Л. 48–49.

⁸ Липина (Рябая) С.А. Оружие для фронта: из истории Ижевских оружейного и сталелитейного заводов в годы Первой мировой войны // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. Т. 2. Гуманитарные и естественные науки. 2011. № 3 (17). С. 144.

⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 12. Оп. 47/1. Д. 8 (Т. 1). Л. 91, 138, 182, 234, 271, 321; Д. 8 (Т. 5). Л. 3, 44, 92, 142, 137, 190, 370, 380, 430, 431.

¹⁰ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937. С. 271.

¹¹ Родионов Н.А. История оружейного производства в Удмуртии (XIX–XXI вв.). Ижевск, 2009. С. 56.

¹² ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4572. Л. 13, 16, 17–17 об., 22–22 об., 26–6 об., 38–39 об., 74, 82–82 об., 97, 125, 133–133 об., 143, 166–166 об.

¹³ Бескровный Л.Г. Армия и флот в начале XX века. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 70.

¹⁴ Липина (Рябая) С.А. Указ. соч. С. 148.

¹⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 12. Оп. 87/2. Д. 8. Л. 159–159 об.

¹⁶ ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11148. Л. 2–2 об.

¹⁷ Там же. Л. 1–2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Д. 11229. Л. 10.

²⁰ Лигенко Н.П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX вв. Ижевск, 2001. С. 106.

²¹ Обзор Вятской губернии за 1914 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Вятского губернатора. Вятка, 1915. С. 33–34.

²² ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 958. Л. 54.

²³ Там же. Оп. 2. Д. 958. Л. 54.

²⁴ РГИА. Ф. 84. Оп. 1. Д. 89. Л. 22–22 об.

И.В. Рябухин (Санкт-Петербург)

Артиллерийские приборы первой мировой войны в коллекции ВИМАИВ и ВС

В КОЛЛЕКЦИЯХ музея сохранились артиллерийские приборы армий стран-участниц Первой мировой войны. Среди них: угломеры, прицелы орудийные, панорамы, квадранты, буссоли, бинокли, стереотрубы, зрительные трубы, дальномеры, приспособления для стрельбы из винтовки – германские, австрийские, японские, французские, английские и других стран.

Под артиллерийскими приборами вообще будем понимать все приборы, предназначенные для обеспечения выполнения артиллерийским орудием (подразделением) своей основной задачи – поражение цели противника. До производства первого выстрела из орудия стреляющий (командир) должен провести определенную работу по подготовке орудия к выстрелу, по подготовке исходных данных для стрельбы по цели, определить и ввести поправки в дальность до цели и направление на цель, навести орудие на цель, произвести выстрел и далее управлять огнем орудия.

Для выполнения каждой из этих перечисленных операций существуют определенные приборы и приспособления. Перечислим основные из них:

- приборы наблюдения;
- прицельные приспособления;
- приборы подготовки исходных данных для стрельбы;
- приборы управления огнем;
- приборы топографические;
- приборы метеорологические;
- приборы фотометрические;
- приборы звуковой разведки;

– приборы радиолокационной разведки;
и др.

Естественно считать, что каждый из названных видов приборов появился не на пустом месте; исторически им предшествовали пытливый ум и кропотливая работа ученых, изобретателей, умельцев.

К началу Первой мировой в мире уже отгремела не одна война, в том числе в Европе, Африке, Юго-Восточной и Центральной Азии, Америке и других регионах, каждая из них преподнесла свои уроки. Так, общим уроком для всех стран явился отказ от гладкоствольных видов оружия и переход к нарезным, широкое внедрение оптики, появление танков на поле боя, летательных аппаратов и средств борьбы с ними, постоянно совершенствовалась тактика боя.

К началу XX в. общеполитическая обстановка в Европе сложилась так, что начали образовываться группы стран, которые считали назревшим вопрос передела сфер влияния. Готовилась Первая мировая война.

Однако, невзирая на появление военных коалиций, экономическая составляющая во взаимоотношениях между странами часто оставалась приоритетной. Государства продолжали торговать между собой, ученые обменивались научными идеями, специалисты взаимно посещали предприятия и учреждения. Наглядно это можно наблюдать на примерах развития военного сотрудничества и экономики между основными странами – будущими участницами Первой мировой войны. Так, в начале XX в. Россия заключила межгосударственные договоры с Англией, Германией, Францией и другими государствами по широкому кругу вопросов, в том числе и в военной сфере. Активность России в области военно-технического сотрудничества с иностранными государствами привела к тому, что ее партнерами стали Германия, Франция, Великобритания, США, Австро-Венгрия, Болгария, Сербия, Черногория, Япония, Китай, Монголия. Еще один пример. В 1915 г. со стороны бельгийского правительства поступило предложение о командировании в Россию инженеров и рабочих с оружейных и оружейных заводов для содействия России по изготовлению припасов военного назначения. Предложение было принято и организована его реализация. Подобные шаги правительства по современным меркам не назовешь глубоко продуманными, однако они способствовали решению определенных проблем.

Благодаря такому активному обмену в различных областях научной информации, экономики, производства и др. на рубеже XIX и

XX вв. получили бурное развитие многие отрасли экономики, науки и военного дела. Так, на примере приборостроения: прицельные приспособления от диоптра «пришли» к дуговым прицелам с угломерами, а позже – с панорамой Герца; от квадрантов с отвесом – к квадрантам с нониусом. Если диоптр является простейшим устройством для визирования, состоящим из двух пластин, одна из которых имеет отверстие малого диаметра, а другая – щель с тонкой нитью, то дуговой прицел имеет сложное устройство, обеспечивающее придание стволу орудия требуемого положения в пространстве (в вертикальной плоскости и по горизонту). Обеспечение квадранта нониусной шкалой позволило повысить точность наведения орудия на порядок, так как нониусная шкала позволяет отсчитывать доли делений основной шкалы отсчета.

Как было уже упомянуто в начале статьи, в коллекции музея имеются прицелы и квадранты некоторых европейских стран (Германии, Англии, Франции, Италии и т. д.). Эти приборы имеют незначительные конструктивные различия, не меняющие метода и способа применения прибора и его основного функционального назначения.

Революционным шагом в развитии артиллерии явилось изобретение на рубеже XIX и XX вв. фирмой Герца орудийной панорамы, названной его именем. Этот прибор является визирным и угломерным, предназначенным для кругового обзора местности, наводки и отmarkания (фиксации определенного положения относительно выбранной точки) орудия. Взаимное расположение элементов оптической системы, их форма, размеры и относительное вращение рассчитаны на получение в неподвижном окуляре прямого изображения предметов, расположенных в любом направлении (круговой обзор). Этот прибор, соединивший в себе оптическую часть с механической, остался более, чем на 100 лет непревзойденным прицельным приспособлением. С его появлением появились другие схожие устройства наведения для пулеметов, бомбометов, минометов; возникли новый способ стрельбы – стрельба с закрытой огневой позиции, новые способы ведения огня, в том числе заградительный огонь, последовательное сосредоточение огня и др.

Одним из важнейших условий успешного выполнения орудием своей задачи является качество подготовки исходных данных для стрельбы. Для этого используются специальные артиллерийские приборы, способные определить характер и размеры цели, дальность до нее и направление на цель, а также поправки на температуру,

влажность, атмосферное давление, магнитное склонение и др. Практически все артиллерийские приборы имеют углоизмерительные устройства, т. е. устройства, позволяющие измерить горизонтальные и вертикальные углы в пространстве. С их помощью можно направить ствол орудия в требуемое направление. Основным углоизмерительным прибором в артиллерии является буссоль, позволяющая измерять углы между магнитным меридианом и заданным направлением, а также между любыми другими направлениями. В России буссоль была принята на вооружение в 1909 г. под названием «буссоль Михайловского»; последующие усовершенствования значительно улучшили ее технические характеристики.

Другим важным прибором для подготовки исходных данных является дальномер – прибор для определения расстояния до предмета (цели). В начале XIX в. дальномеры были простейшими – зеркальными, акустическими, механическими с обыкновенной шкалой, позволяющей определять дальность до предмета при условии, что размеры цели известны (рост человека, высота верстового столба и т. п.). Благодаря трудам известных ученых Сушье, Краузе, Буланже, Звадского, Мартюшевского, Прищепенко и др. перед Первой мировой войной воюющие армии имели горизонтальнобазные и вертикальнобазные дальномеры, удовлетворительно обслуживавшие береговые батареи и корабли. Важной характеристикой дальномера является величина базы прибора, а также принцип построения изображения предмета и измерения расстояния. Измерение расстояния основано на определении высоты равнобедренного треугольника по известной стороне (базе) и противолежащему острому углу. Одна из этих величин является постоянной, а другая переменной. В начале XX в. широкое распространение получили дальномеры системы Инверт, в оптической системе которых изображение предмета делилось пополам; изображения отстояли друг от друга на удалении, пропорциональном величине ошибки. Расстояние считалось определенным, если изображения половинок предмета были точно совмещены. В более поздних приборах принцип определения расстояний основывался на способности человека ощущать глубину изображения. В поле зрения таких дальномеров видны 4 марки, расположенные в виде неподвижного прямоугольника. Для определения расстояния необходимо было специальным маховичком поместить изображение предмета в центре прямоугольника. Точность выполнения этой операции определяла величину ошибки измерения дальности.

В конце XIX в. появились приборы, получившие название «командирские угломеры». Эти приборы функционально наиболее полно удовлетворяли запросам артиллеристов по управлению огнем, учитывали различные условия размещения боевого порядка, однако были не совсем удобны в обращении и в скором времени были заменены.

В годы Первой мировой войны появились командирские планшеты – вспомогательные приборы, предназначенные для размещения боевой карты или бумаги для подготовки данных для стрельбы.

В это же время разрабатывались счислители – приборы для подготовки исходных данных с элементами незначительной механизации процесса вычислений.

Совершенствовались «Таблицы стрельбы» для стрельбы с закрытых огневых позиций, совершенствовались правила стрельбы, шире внедрялась метеослужба и введение поправок на метеорологические условия стрельбы, вводилось понятие «пристрелка».

Таблицы стрельбы готовились (отстреливались) заранее на полигонах. Для таких стрельб создавались специальные условия (температура заряда, температура снаряда – нагрев или охлаждение до требуемой величины) для боеприпасов, подбирались специальные метеоусловия (скорость и направление ветра, температура и влажность воздуха), высота траектории полета снаряда. «Недостающие» условия определялись теоретическими способами (эмпирически, экстраполяцией и интерполяцией). Правила стрельбы также готовились заранее – во время разработки образца, но эта работа была основана на совсем иных принципах, в том числе математических, на основании опыта боевого применения, а также, выражаясь военным языком, «кровью» (когда допущенная ошибка, недоработка командира, невыполнение обязательного приема, правила приводили к гибели личного состава).

Отработка правил стрельбы берет свои корни с момента появления огневых средств, когда вопросы безопасности проведения стрельбы, достижения максимальной точности попадания в цель, а также обучение личного состава приемам выполнения различных способов и видов артиллерийского огня стали насущными (появились движущиеся цели; маневрирование цели по фронту и направлению – кавалерия, танки, корабли и т. п.; воздушные цели, для уничтожения которых потребовались специальные приемы и правила ведения огня по ним).

Самым распространенным видом артиллерийских приборов являются приборы наблюдения. Функцию наблюдения за полем боя можно выполнять с помощью любого оптического прибора, обладающего увеличением и светосилой. Под увеличением понимается отношение наблюдаемого в прибор изображения предмета к величине этого предмета при наблюдении его невооруженным глазом. Светосила – это степень освещенности изображения, наблюдаемого в прибор предмета, на сетчатке глаза. Такими свойствами обладают практически все артиллерийские оптические приборы, поэтому большинство приборов можно отнести к наблюдательным. Главным элементом наблюдательного прибора является зрительная труба. Как военный прибор она применяется в России с XVII в. Примерно в это же время зрительные трубы применялись в большинстве стран. На основе зрительных труб к началу Первой мировой войны были созданы бинокли, перископы, стереотрубы. Оптическая система зрительных труб вначале была линзовой (последняя изобретена Галилеем и потому такие приборы называют еще галилеевскими). С появлением призм линзы были вытеснены.

Итак, призмённые бинокли стали самым широко распространенным видом наблюдательных приборов в Первую мировую войну. Однако с помощью бинокля оказалось возможным не только рассматривать поле боя, но и корректировать стрельбу (управлять огнем орудия), пользуясь угломерной сеткой, размещенной в правой зрительной трубе.

Стереотруба по своему устройству сходна с устройством бинокля – имеет объективы, окуляры, призмённую оптическую систему и органы управления (уровни, механизмы наведения). Главной особенностью стереотрубы является ее перископичность – возможность вести наблюдение из-за укрытия. Кроме того, с применением дополнительной насадки значительно возрастает увеличение прибора – до 20 крат. Стереотруба как наблюдательный прибор нашла свое практическое применение в войсках в конце XIX в. Последовавшие Первая и Вторая мировые войны лишь подтвердили правильность конструкторской мысли в вопросе улучшения условий управления войсками.

Перископ также относится к приборам наблюдения, он проще по устройству, функционально может выполнять меньше задач, однако польза для войск от него неоспорима. Имея простейшую оптическую систему, перископ позволял вести наблюдения из-за укрытия, а приспособленный к совместному применению с винтовкой, успешно

обеспечивал уничтожение военнослужащих противника. Специально изготовленные перископы позволяли вести наблюдение за войсками противника как из глубоких укрытий, так и из лесистой местности и других естественных укрытий. Широкое применение в Первую мировую войну получили полевые перископы.

-
1. Нилус и Маркевич. Полный курс артиллерии. Кн. 2. СПб., 1910.
  2. Германские приборы наземной артиллерии. Оборонгиз, 1947.
  3. Ананьев. Курс прицельных приспособлений. Л., 1938.
  4. Приборы батареи, дивизиона наземной артиллерии. Воениздат, 1942.
  5. Катханов М.Н. История развития приборов русской артиллерии. М., 1955.

Л.Д. Сабуров (Москва)

ПОСЛЕДНИЕ ВОЙНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: РУССКО-ЯПОНСКАЯ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ

ПЕРЕД научными сотрудниками Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации (ЦМВС РФ) была поставлена задача до 18 мая 2014 г. открыть два новых зала по истории Русско-японской войны 1904–1905 гг. и Первой мировой войны 1914–1918 гг. В целях изучения этих двух последних войн Российской империи мы использовали следующие формы:

1. Заслушивание научных сообщений в ходе проведения дней научного информирования в сентябре–декабре 2013 г.:

– начальника отдела информационного обеспечения Российского государственного военно-исторического архива В.М. Шабанова на тему: «Характеристика фондов РГВИА, отражающих историю Русско-японской войны 1904–1905 гг.»;

– начальника отдела научно-справочного аппарата Российского государственного военно-исторического архива кандидата исторических наук О.В. Чистякова на тему: «Характеристика фондов РГВИА, отражающих историю Первой мировой войны 1914–1918 гг.»;

– доцента кафедры истории войн и военного искусства Военного университета МО РФ кандидата исторических наук Д.В. Сахончика на тему: «Развитие средств вооруженной борьбы: авиации, зенитной артиллерии, танков, минометов, химического оружия и способов их применения в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Сравнительные характеристики армий воюющих государств»;

– мое сообщение на тему: «Основные битвы и операции Первой мировой войны на русском театре военных действий. 1914–1918 гг.».

2. Работа в РГВИА с целью изучения и отбора подлинных документов по истории Русско-японской войны 1904–1905 гг. и Первой

мировой войны 1914–1918 гг. на экспозицию, прежде всего о героизме русских солдат и офицеров, военачальников, новых средствах вооруженной борьбы. Среди архивных документов выделяю следующие:

– Реляция командира 2-й полубатареи 4-й батареи 4-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады штабс-капитана Корниловича командиру той же бригады полковнику В.А. Ирману о действиях полубатареи 20–21 июня 1904 г. в районе горы Хуинсан. «Во время боя особенно отличились старший фейерверкер Иван Юшин и младший фейерверкер Казимир Томашевский, заменявшие офицеров, и четыре штатных наводчика, своим метким огнем способствовавшие поражению японской артиллерии»¹.

– Донесение начальника Квантунского укрепленного района генерал-лейтенанта А.М. Стесселя Николаю II об отражении четвертого штурма японскими войсками Порт-Артура. «Главные деятели по отбитию этого штурма – генералы Кондратенко, Никитин, Горбатовский; полковники Ирман и Третьяков; подполковники Науменко, Гандурин. Им и героям – офицерам, стрелкам, артиллеристам, морякам обязаны мы, что и на этот раз Артур удалось отстоять»².

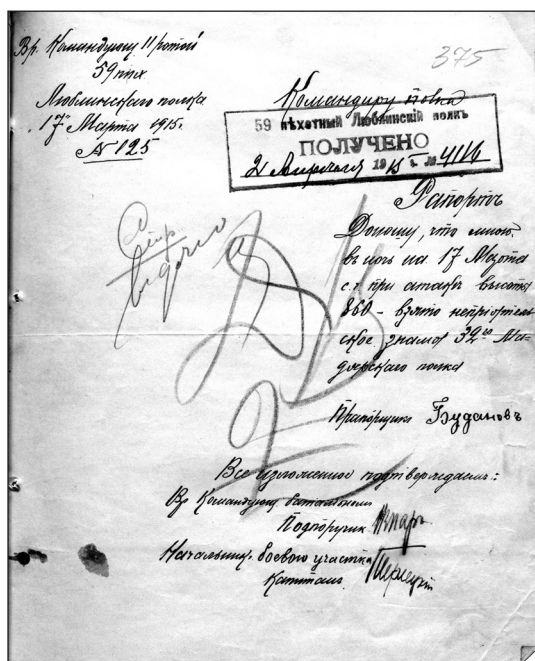

Рис. 1

– офицерам, стрелкам, артиллеристам, морякам обязаны мы, что и на этот раз Артур удалось отстоять»².

– Рапорт прапорщика 59-го пехотного полка Буданова командиру 11-й роты. «Донесу, что мной 17 марта 1915 г. при атаке высоты 960 взято неприятельское знамя 32-го Мадьярского полка»³ (рис. 1).

– Приказ Верховного Главнокомандующего великого князя генерал-адъютанта

Николая Николаевича от 28 марта 1915 г. № 228 о награждении добровольца 212-го пехотного Романовского полка малолетнего Михаила Власова георгиевским крестом 4-й степени за то, что «пронес через неприятельское расположение с явной опасностью для жизни и доставил полученные ему сведения по назначению»⁴ (рис. 2).

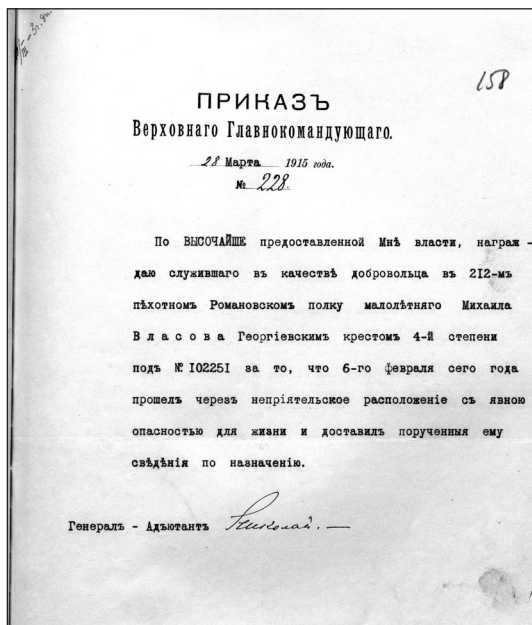

Рис. 2

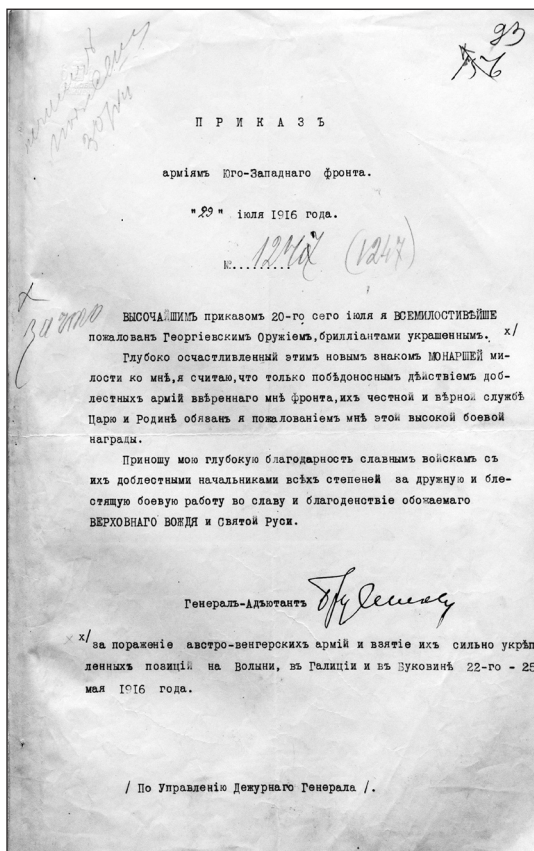
2-й степени. Однако Император Николай II не утвердил представления, и А. А. Брусилов, наряду с генералом А.И. Деникиным, 20 июля 1916 г. был награжден Георгиевским оружием с бриллиантами.

В своем приказе армиям Юго-Западного фронта от 29 июля 1916 г. № 1247 генерал-адъютант А. А. Брусилов отмечает: «Приношу мою глубокую благодарность славным войскам с их доблестными начальниками всех степеней за дружную и блестящую боевую работу во славу и благоденствие обожаемого Верховного вождя и Святой Руси»⁵ (рис. 3).

Союзники в связи с тяжелым положением своих войск на Итальянском театре военных действий обратились к России с просьбой ускорить наступление. В распоряжении командующего Юго-

– Приказ армиям Юго-Западного фронта от 29 июля 1916 г. № 1247 генерал-адъютанта Алексея Алексеевича Брусилова.

За успешное проведение Луцкой наступательной операции командующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусилов большинством голосов членов Георгиевской Думы при Ставке Верховного Главнокомандующего был представлен к награждению орденом Святого Георгия

Западным фронтом генерал-адъютанта А.А. Брусилова находились 4 армии: 7-я генерала Д.Г. Щербачева, 8-я генерала А.М. Каледина, 9-я генерала П.А. Лещицкого, 11-я генерала В.С. Сахарова. В войсках фронта насчитывалось 573 тыс. пехоты, 60 тыс. кавалерии, 1770 легких и 168 тяжелых орудий.

Противостояла им австро-германская группировка в составе 5 армий, общей численностью 448 тыс. пехоты и 27 тыс. кавалерии, 1300 легких и 545 тяжелых орудий. Оборона глубиной до 9 км состояла из двух, а местами из

Рис. 3

трех оборонительных полос, каждая из которых имела по две-три линии сплошных траншей.

Наступление началось 22 мая, на две недели раньше срока. Наибольшего успеха достигла 8-я армия, которая взяла Луцк⁶, разгромила 4-ю австро-венгерскую армию. 7-я армия овладела городом Язловец. 9-я армия разгромила 7-ю австро-венгерскую армию, а затем освободила всю Буковину. Успешные действия Юго-Западного фронта должны были поддержать войска Западного фронта. Но командующий Западным фронтом генерал-адъютант Энверт, ссылаясь на незавершенность сосредоточения, приказал перенести наступление.

Наступательная операция войск Юго-Западного фронта завершилась. Она продолжалась более ста дней. Несмотря на то, что первоначальный успех не был использован Ставкой для достижения решающего результата на всем фронте, операция имела крупное стратегическое значение. Австро-венгерская армия в Галиции и Буковине потерпела полное поражение. Ее общие потери составили 1,5 млн человек. Потери русских войск составили около 500 тыс. человек.

Чтобы ликвидировать прорыв, противник был вынужден перебросить на русский фронт 34 пехотных и кавалерийских дивизии. Это облегчило положение французов под Верденом и итальянцев в Трентино. Английский историк Л. Гарт писал: «Россия пожертвовала собой ради своих союзников, и несправедливо забывать, что союзники за это являются неоплатными должниками России». Непосредственным результатом боевых действий Юго-Западного фронта стал отказ Румынии от нейтралитета и присоединение ее к Антанте.

– Первые четыре рукописных приказа генерал-адъютанта Николая Иудовича Иванова, который Первую мировую войну встретил в должности командующего войсками Киевского военного округа:

Приказ армиям Юго-Западного фронта от 21 июля 1914 г. № 2. «Согласно повелению Верховного Главнокомандующего я вступаю в командование войсками армий Юго-Западного фронта. Основание: телеграмма начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 20 июля 1914 г. № 2255»⁷.

Приказ армиям Юго-Западного фронта от 21 июля 1914 г. № 3. «Назначить генерал-лейтенанта Алексева начальником штаба Главнокомандующего войсками армий Юго-Западного фронта»⁸.

Приказ армиям Юго-Западного фронта от 21 июля 1914 г. № 4. «Назначаются: генерал от инфантерии Рузский командующим 3-й армией Юго-Западного фронта; генерал от кавалерии Брусилов командующим 8-й армией Юго-Западного фронта. Обоим немедленно вступить в командование вверенными им армиями. Основание: статья 27 Положения о полевом управлении войск в военное время»⁹ (рис. 4).

Приказ армиям Юго-Западного фронта от 2 июля 1914 г. «Дивизионы 4-й тяжелой артиллерийской бригады назначаются: 1-й в III-ю армию, 2-й в VIII-ю армию»¹⁰.

В августе–сентябре 1914 г. русские войска под командованием Н.И. Иванова одержали крупную победу в Галицийской битве, противник в лице австро-венгерской армии потерял 400 тыс. человек,

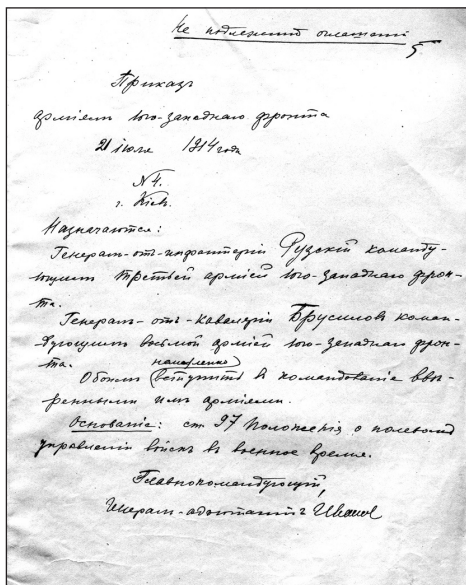

Рис. 4

в том числе 100 тыс. пленными, потери же русских войск составили 230 тыс. человек¹¹.

Русские войска заняли всю Галицию. За успехи фронта Н.И. Иванов награжден орденом Святого Георгия 2-й степени и орденом Святого Владимира 1-й степени с мечами.

– Наиболее точно отражает состояние дел с обеспечением аэропланами документ № 16998, подписанный Заведующим авиацией и воздухоплаванием Действующей армии великим князем генерал-адъютантом Александром Михайловичем Романовым 12 августа 1916 г., где он отмечает недостаток поставок авиационных средств в войска, дает общую сводку заказов с русских и зарубежных заводов за два года войны, испрашивает срочную доставку аппаратов и моторов из Франции¹² (рис. 5).

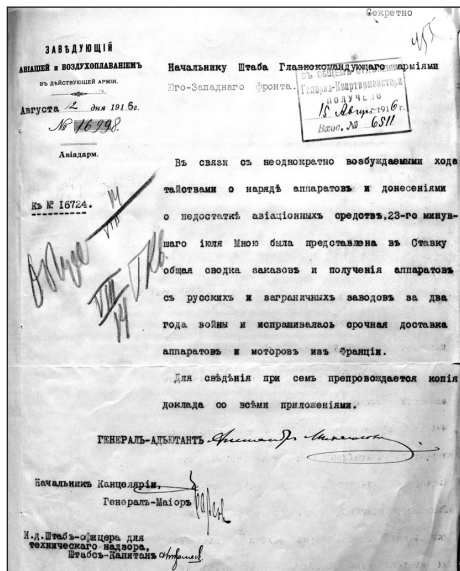

Рис. 5

В архивных документах имеются донесения о боевых действиях русских летчиков. Так, в телеграмме 11-го авиадивизиона в вышестоящий штаб докладывается: «Неприятельский аэроплан системы

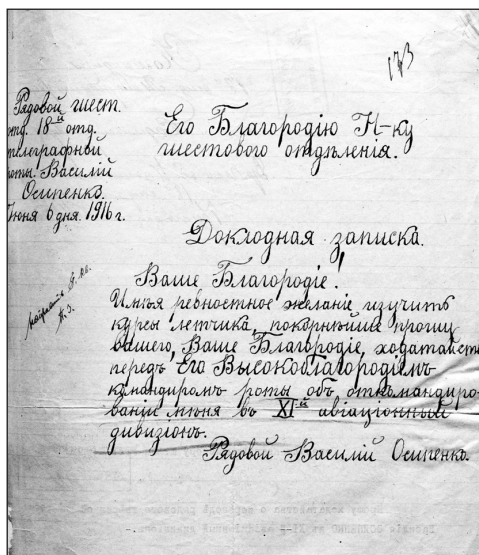

Рис. 6

Высокоблагородием командиром роты об откомандировании меня в XI-й авиационный дивизион¹⁴» (рис. 6).

– Трагические моменты в истории Первой мировой войны. Боевые документы командующего 2-й армией Северо-Западного фронта генерала от кавалерии Самсонова Александра Васильевич, подписанные им в начальный период Восточно-Прусской операции (17 августа – 14 сентября 1914 г.):

Директива войскам 2-й армии от 7 августа №2¹⁵; радиограмма командирам 1-го и 15-го корпусов от 9 августа 1914 г. «Немедленно донесите, что Вами достигнуто сегодня. Во время боя доносит возможно чаще о положении дел»¹⁶; телеграмма командиру 6-го корпуса от 11 августа 1914 г. № 6342 «6-му корпусу оставить заслон для прикрытия операции у Бишофсбурга¹⁷. (рис. 7).

Русское командование, не закончив сосредоточения войск, не обеспечив их тыл, приказало Северо-Западному фронту начать 17 августа наступление на Восточную Пруссию. 1-я русская армия под командованием генерала П.К. Ренненкампа наступала с востока, а 2-я армия под командованием генерала от кавалерии А.В. Самсонова с юга. Русские армии должны были разбить 8-ю германскую армию, которая была сосредоточена в Восточной Пруссии.

Авиатик атакован и сбит командиром 11-го авиационного дивизиона есаулом Ткачевым с наблюдателем подпоручиком Хризоскалео»¹³.

Такие подвиги звали в небо новые кадры. Об этом свидетельствует докладная записка рядового Василия Осипенко: «Его Благородие начальнику шестового отделения. Ваше Благородие. Имею ревностное желание изучить курсы летчика, покорнейше прошу Ваше Благородие ходатайствовать перед Его

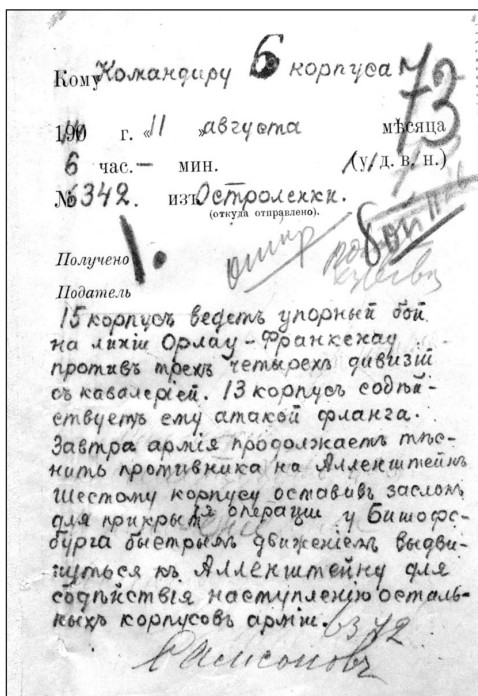

Рис. 7

Германские войска двинулись навстречу русским. Произошел ряд встречных сражений¹⁸. Первый бой, в котором был разбит 1-й германский корпус, разгорелся 19 августа у Сталупенена. 20 августа завязалось Гумбинен-Гольдапское сражение, в котором немцы потерпели поражение и вынуждены были отступить. Одновременно во фланг и тыл 8-й германской армии перешла в наступление 2-я русская армия. Германское командование приняло решение отвести свои войска за Нижнюю Вислу, оставив Восточную Пруссию. Чтобы сдержать наступление русских войск, германское командование непосредственно перед Марнским сражением сняло с рубежа реки Марна два корпуса и одну кавалерийскую дивизию и перебросило их в Восточную Пруссию. Таким образом, первоначальные успехи русских войск в Восточной Пруссии явились одной из главных причин разгрома немцев на Марне.

Однако командующий 1-й русской армией генерал П.К. Ренненкампф не стал преследовать бежавшие германские войска, в результате чего германское командование, убедившись в бездействии армии П.К. Ренненкампфа, направило 21 августа почти все свои силы против 2-й русской армии, которая понесла большие потери¹⁹.

Два ее корпуса были окружены, остальные войска отошли. После разгрома 2-й армии превосходящие силы германских войск к середине сентября вытеснили из Восточной Пруссии и 1-ю русскую армию.

3. Изучение литературы.

1920–1930-е годы отличает обилие публикаций мемуаров. События были еще очень свежи в памяти людей, а последствия войны самым непосредственным образом влияли на их повседневную жизнь. В центре внимания большинства авторов находились проблемы ответственности за начало войны и вопросы обобщения и пропаганды в войсках колоссального опыта боевых действий на суше, море и в воздухе.

Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2002. С. 288–307, 338–361, 534–559. Обширный труд известного военного историка посвящен описанию операций Первой мировой войны 1914–1918 гг. на Русском театре военных действий.

Д.В. Вержховский. В.Ф. Ляхов. Первая мировая война 1914–1818 гг. М.: Воениздат, 1964. 185 с. В книге в хронологической последовательности излагаются важнейшие операции и события военных кампаний как на сухопутных, так и на морских театрах военных действий. Показывается роль русского фронта в войне и его влияние на исход важнейших операций.

А.А. Маниковский. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М.; Л.: Госиздат, 1930, 2-е изд. С. 243–273. Итоги боевого снабжения русской армии, кризис в боевом снабжении русской армии, обнаружившийся в 1916 г. Причины неудовлетворительного боевого снабжения русской армии в мировую войну. Меры для обеспечения надежности боевого снабжения в будущем.

Журнал боевых действий 3-й гвардейской пехотной дивизии. 1914 г. Париж, 1938.

Журнал боевых действий 1-й гвардейской пехотной дивизии. 1914 г. Париж. С. 9–14.

Журнал боевых действий 2-й гвардейской пехотной дивизии. 1914 г. Париж.

Из истории русско-японской войны. 1904–1905 гг. Порт-Артур. Т. 1: Сборник документов / Под ред. В.П. Козлова; сост. И.В. Карпеев и др. М.: «Древлехранилище», 2008. 628 с. + илл. Сборник посвящен Русско-японской войне 1904–1905 гг. и одному из важнейших и ключевых ее событий – героической 11-месячной обороне российскими войсками крепости и военно-морской базы Порт-Артур. Документы раскрывают политику России на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв., результаты аренды у Китая части

Ляодунского полуострова с городами Порт-Артур и Дальний, ход обороны крепости, реакцию российского общества на сдачу Порт-Артура и неудачный для России исход войны с Японией.

В последние годы фонд и экспозиция пополнились уникальными экспонатами, переданными ЦМВС РФ российско-американским обществом «Родина», в число которых вошло холодное оружие офицеров Русской армии, участников Первой мировой и Гражданской войн, в том числе – образцы наградного Георгиевского оружия.

– Наградное Георгиевское оружие – шашка офицерская казачья образца 1904 г. генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина, которую его дочь Марина Деникина передала президенту Владимиру Владимировичу Путину в 2005 г.

– Френч генерала А.И. Деникина с погонями. Россия, 1918 г. Передан ЦМВС РФ российско-американским обществом «Родина».

Первый боевой опыт А.И. Деникин получил в Русско-японской войне. Начальник штаба Забайкальской казачьей дивизии, а затем – знаменитой Урало-Забайкальской дивизии генерала Мищенко, прославившейся дерзкими рейдами по тылам противника. В Цинхеченском сражении одна из сопок вошла в военную историю под названием «Деникинской». Награжден орденами Святого Станислава и Святой Анны с мечами.

В июне 1914 г. произведен в чин генерал-майора. С началом Первой мировой войны назначен генерал-квартирмейстером 8-й армии, но уже в сентябре, по собственному желанию, переведен на строевую должность – командиром 4-й стрелковой бригады (в августе 1915 г. развернутой в дивизию). За стойкость и боевые отличия бригада А.И. Деникина получила прозвание «Железной». В ноябре 1915 г. награжден Георгиевским оружием.

В мае со своей дивизией в составе 8-й армии принимал участие в Брусиловском (Луцком) прорыве 1916 г. Дивизия Деникина прорвала 6 линий неприятельских позиций, а 23 мая 1916 г. повторно взяла город Луцк, за что Деникину было вторично пожаловано Георгиевское оружие, усыпанное бриллиантами, с надписью: «За двукратное освобождение Луцка». За успешные операции и личный героизм был награжден орденом Святого Георгия 3-й и 4-й степеней. В 1916 г. произведен в чин генерал-лейтенанта и был назначен командовать 8-м корпусом на Румынском фронте²⁰ (рис. 8).

– Шашка драгунская офицерская генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича. В 1902 г. Н.Н. Юденич назначен командиром

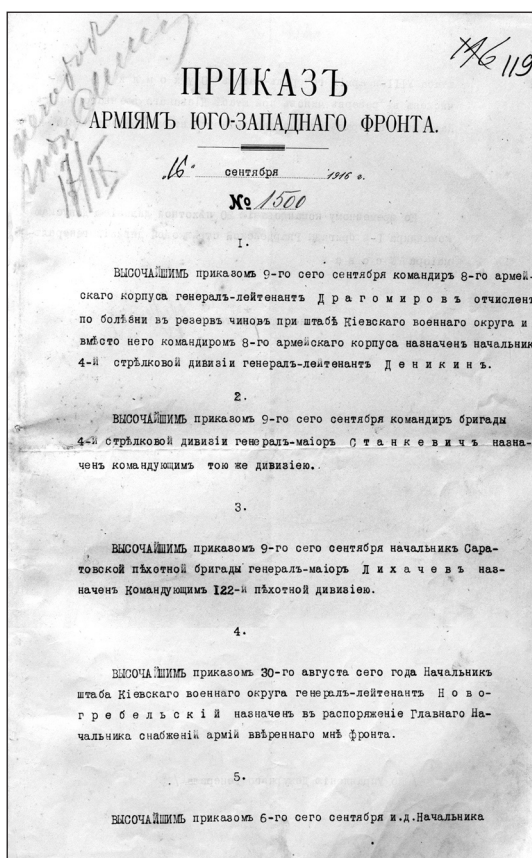

Рис. 8

сражении. В январе 1915 г. Н.Н. Юденич был произведен в чин генерала от инфантерии и назначен командующим Кавказской армией. В течение 1915 г. подразделения под его командованием вели бои в районе города Ван, который несколько раз переходил из рук в руки. 13–16 февраля 1916 г. Н.Н. Юденич выиграл крупное сражение под Эрзерумом, а 15 апреля того же года русские войска овладели городом Трапезундом. За это сражение (еще до его окончания) Н.Н. Юденич был награжден орденом Святого Георгия 2-й степени (после него этот орден такой степени в Российской империи больше никто не получал). К лету 1916 г. русские войска контролировали большую часть Западной Армении.

18-го стрелкового полка. Командовал этим полком во время Русско-японской войны. Принимал участие в сражении при Сандепу, где был ранен в руку, и Мукденском сражении, в котором был ранен в шею. Был награжден Золотым оружием «За храбрость» и произведен в генерал-майоры.

С начала Первой мировой войны Н.Н. Юденич стал начальником штаба Кавказской армии, ведшей бои с войсками Османской империи. На этом посту он наголову разбил турецкие войска под командованием Энвер-паши в Сарыкамышском

– Башлык, сумка полевая, планшет, накидка генерал-адъютанта Михаила Васильевича Алексева, русского военачальника периода Первой мировой войны, «общепризнанного крупнейшего военного авторитета» страны.

В Первую мировую войну, с 19 июля 1914 г. состоял начальником штаба армий Юго-Западного фронта, затем с 17 марта 1915 г. – главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта. 6 сентября 1914 г. награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и произведен в чин генерала от инфантерии. Весной 1915 г. именно М.В. Алексеев руководил чрезвычайно трудным отступлением русских армий на восток через Польшу и Литву под постоянным напором неприятеля – так называемым «Великим отступлением». С 4 августа 1915 г. – главнокомандующий армиями Западного фронта.

После того как император Николай II принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего, М.В. Алексеев 18 августа 1915 г. был назначен начальником штаба Ставки Верховного главнокомандующего. С 1916 г. — генерал-адъютант. М.В. Алексеев как начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего фактически руководил всеми военными операциями вплоть до Февральской революции.

– Башлык генерала от кавалерии Николая Николаевича Баратова. Участник Русско-японской войны. За боевые отличия награжден золотым оружием (1905). Начальник штаба Сводного кавалерийского корпуса (14.08.1905 – 17.03.1906). С 26 ноября 1912 г. начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии, с которой вступил в Первую мировую войну. С октября 1915 г. командующий отдельным экспедиционным корпусом в Персии (1-я Кавказская казачья и Кавказская кавалерийская дивизии; около 14 тысяч человек при 38 орудиях), имевшим задачей противодействие прогерманским силам в Персии (во главе с Георгом фон Кауницем) и соединение с английскими войсками. Погрузившись на транспортные суда в Баку, 17 октября 1915 г. генерал Н.Н. Баратов высадился в Энзели. 3 декабря 1915 г. русские заняли древнюю столицу Персии – Хамадан, образовав базу для дальнейшего продвижения вглубь Ирана. Германский эмиссар граф Кауниц погиб в одной из стычек. С занятием Кума и Керманшаха русские отрезали Иран от турецкой Месопотамии. Таким образом, русский экспедиционный корпус, выбив противника из Ирана, перевел страну под контроль держав стран Антанты. 28 апреля 1916 г. соединение переименовано в Кавказский кавалерийский корпус (с февраля 1917 г. 1-й Кавказский кавалерийский корпус).

С 24 марта 1917 г. главный начальник снабжений Кавказского фронта и главный начальник Кавказского военного округа. 25 мая 1917 г. назначен командиром 5-го Кавказского армейского корпуса, находившегося в составе Кавказской армии, но уже 7 июля 1917 г. был возвращен на пост командующего Кавказским кавалерийским корпусом в Персии. 8 сентября 1917 г. произведен в генералы от кавалерии.

– Шинель генерал-лейтенанта Алексея Владимирович Шварца (рис. 9). Во время русско-японской войны в чине капитана служил

Рис. 9

военным инженером в крепости Порт-Артур, являлся одним из самых активных участников инженерных работ, проектирования и строительства оборонительных сооружений. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени (1905).

С началом Первой мировой войны, в августе 1914 г. был назначен комендантом Ивангородской крепости, осенью 1914 г. успешно руководил ее обороной от германских и австро-венгерских войск (противник не смог взять крепость, а после контрнаступления русских войск был вынужден отступить), после чего А.В. Шварц был произведен в генерал-майоры и награжден Георгиевским оружием. В июле 1915 г. вновь успешно оборонял Ивангород от войск

противника, отразив двухнедельный штурм крепости. В связи с общим отступлением русской армии, получив соответствующий приказ, организованно эвакуировал гарнизон крепости и его имущество (в том числе орудия крепостной артиллерии), а затем организовал взрыв укреплений. При этом сам А.В. Шварц считал эвакуацию преждевременной, полагая необходимым продолжение обороны.

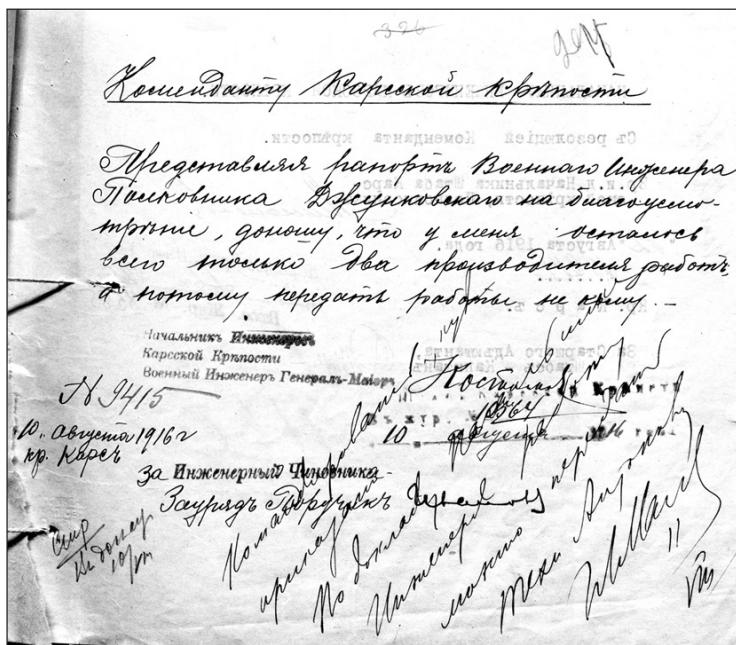

Рис. 10

С ноября 1915 г. комендант Карской крепости²¹ (рис. 10), с июля 1916 г. – начальник Трапезундского укрепрайона. Отличился в боях на Кавказском фронте во время наступления под командованием генерала Н.Н. Юденича.

После Февральской революции 1917 г. был назначен начальником Главного военно-технического управления (22 марта 1917 г.), а в августе того же года произведен в генерал-лейтенанты.

– Кортик офицерский (авиационный образца 1914 г.), который принадлежал участнику Первой мировой войны поручику Русской армии А.С. Олейникову.

– Фрагменты корпуса и трубки от паровых котлов крейсера «Варяг», обнаруженные и поднятые в двух милях от деревни Лэнделфут (Шотландия).

– Штандарт, лента на поворшине 56-го Черниговского драгунского полка, с которым он участвовал в боевых действиях в Маньчжурии в Русско-японской войне 1904–1905 гг.

– Одной из реликвий музейной коллекции является полковое знамя лейб-гвардии Финляндского полка образца 1900 г., врученное в

год столетия полка в 1906 г. Созданный в 1806 г. полк участвовал в боях против войск Наполеона – сражался на Бородинском поле; в битве у села Красное один из батальонов под командованием штабс-капитана Ушакова захватил среди трофеев жезл маршала Даву. Полк отличился под Лейпцигом, при взятии Парижа первым ворвался на Монмартрские высоты. С новым юбилейным знаменем он участвовал в Первой мировой войне. Офицеры полка пронесли знамя по фронтам Гражданской войны, а после разгрома войск генерала П.Н. Врангеля в конце 1920 г. вывезли его во Францию. В 1949 г. последний хранитель знамени В.Ушаков через МИД СССР передал его в музей.

– Знамена немецкие трофейные 1-го батальона 11-го легкого пехотного полка, 3-го батальона 38-го тяжелого пехотного полка, 4-го гусарского кавалерийского полка.

– В фонде знаков отличия хранятся Георгиевские кресты I, II, III, IV степеней Маршала Советского Союза С.М. Буденного. В 1904–1905 гг. он участвовал в Русско-японской войне в составе 46-го Донского казачьего полка. В 1906–1914 гг. служил в Приморском драгунском полку под Владивостоком. В 1908 г. окончил Петербургскую школу наездников при Высшей кавалерийской школе.

Участвовал в Первой мировой войне старшим унтер-офицером 18-го Северского драгунского полка на Западном и Кавказском фронтах, участник похода русского экспедиционного корпуса в Персию в 1916 г. Был награжден за храбрость четырьмя Георгиевскими крестами и четырьмя медалями.

– Коллекция фотофонда Центрального музея Вооруженных Сил насчитывает свыше 100 тысяч фотографий и альбомов с фотографиями. Временные рамки – конец XIX века и по настоящее время. В коллекции представлены фотодокументы Русско-японской войны 1904–1905 гг., Первой Мировой войны 1914–1918 гг. Среди них такие фотографии: Война 1914 г. Мобилизация по объявлению войны²², Восточная Пруссия, 1914 г., д. Штауден²³, Ночной бой в Галиции²⁴, У Знамени²⁵, Перевозка раненых 1-й Кавказской стрелковой бригады в 42-й передовой отряд Красного Креста, д. Ставрики, 1 августа 1915 г.²⁶, Командир полка принимает новое Знамя 220-го Скопинского полка от командира корпуса 14 мая 1916 г.²⁷, Раздача командиром корпуса Георгиевских крестов. 10 пехотная дивизия. 1916 г.²⁸

Первая мировая война – это тоже история нашего государства, и ее необходимо знать, чтобы понять, через что прошла страна, поколения, люди, чего стоило им преодолеть тяжелейшие исторические периоды.

---

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27957. Л. 196–197.

² Там же. Д. 27902. Л. 9.

³ Там же. Ф. 2673. Оп. 1. Д. 8. Л. 375.

⁴ Там же. Л. 813.

⁵ Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 42. Л. 119.

⁶ ГИМ. Ф. 2003. Оп. 1 Д. 544. Л. 535.

⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 5.

¹⁰ Там же. Л. 10.

¹¹ Д.В. Вержховский. В.Ф. Ляхов. Первая мировая война 1914–1818 гг. М.: Воениздат, 1964. С. 79.

¹² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2901. Л. 455.

¹³ Там же. Л. 306.

¹⁴ Там же. Л. 173.

¹⁵ Там же. Ф. 2110. Оп. 1. Д. 22. Л. 24.

¹⁶ Там же. Л. 56.

¹⁷ Там же. Л. 73.

¹⁸ Журнал боевых действий 3-й гвардейской пехотной дивизии. 1914 г. Париж, 1938. С. 5–15.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 556. Л. 4–6.

²⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 42. Л. 119.

²¹ Там же. Ф. 13134. Оп. 1. Д. 126. Л. 294.

²² Негативный фонд ЦМВС РФ. № 25905.

²³ Там же. № 20637.

²⁴ Там же. № 20663.

²⁵ Там же. № 17139.

²⁶ Там же. № 18966.

²⁷ Там же. № 16384.

²⁸ Там же. № 19924.

Д.А.Савченко (Новосибирск)

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА «ШПИОНСТВО» НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ОДНОЙ из мер обеспечения военной безопасности России в преддверии Первой мировой войны являлась борьба с разведывательной деятельностью иностранных государств (военным шпионажем или «шпионством» по терминологии того времени). Важным правовым средством такой борьбы была уголовная ответственность за шпионство.

Законодательство России начала XX в. расценивало сообщение иностранному государству, не находящемуся во враждебных отношениях с Россией, сведений о военной обороне государства и его вооруженных силах (шпионство) как особый вид государственной измены. Статья 111 Уголовного Уложения 1903 г. предусматривала каторгу (при отягчающих обстоятельствах – до 15 лет) за опубликование или сообщение правительству или агенту иностранного государства, не находящегося в войне с Россией, «плана, рисунка, документа, копии с оных или сведения, которые заведомо для виновного должны были, в видах внешней безопасности России, храниться в тайне от иностранного государства».

По буквальному толкованию указанной статьи для состава предусмотренного ею преступления было необходимо, чтобы сообщенные иностранному правительству или опубликованные сведения относились к **внешней безопасности** России и составляли **тайну** для иностранного государства, при этом их тайный характер был бы **заведомо** известен обвиняемому. При этом, по объяснению составителей уголовного уложения, то, что сделалось общеизвестным или было оглашено, «конечно, не может быть почитаемо тайным сведением».

В разъяснении по делу Х., обвинявшегося в передаче иностранным властям приказов по военному ведомству, которые имели, по заключению штаба Варшавского военного округа, весьма серьезное значение для иностранной тайной агентуры, Главный военный суд признал, что сообщение агентам иностранного государства вообще приказов по военному ведомству само по себе ненаказуемо. «Указание, что купленные подсудимым приказы имеют значение для иностранной агентуры и должны храниться в тайне от иностранного правительства, – говорилось в разъяснении Главного военного суда, – представляется неправильным, так как, наоборот, хранение каких-либо документов в тайне зависит от имеющихся в них сведений, т. е. от значения их для внешней безопасности России и, следовательно, от значения для иностранных государств, почему ч. 3, ст. 112 уголовного уложения и требует знания виновным именно того обстоятельства, что полученные им документы должны были, в видах внешней безопасности России, храниться в тайне от иностранных государств».

Административная (контрразведывательная) и судебная практика выявила недостатки действовавшего уголовного законодательства, которое перестало соответствовать изменившимся реалиям межгосударственных отношений в военной сфере. В начале XX в. военное шпионство получило значительное развитие и новые качественные характеристики. Оно стало организованным, систематическим и постоянным, охватывая собирание разнообразных сведений о состоянии вооруженных сил соседних государств. Однако если передаваемые шпионом сведения не соответствовали признакам, которые были указаны в ст. 111 уголовного уложения, российские суды оправдывали лиц, которые по предварительному соглашению с иностранными властями сообщали им информацию о российской армии и получали за это материальное вознаграждение.

Так, из установленных в Варшавском военном округе за 10 лет 150 лиц, занимавшихся шпионством, перед судом предстало лишь 33 чел., из них 4 были оправданы. Например, Л.Ф. был оправдан судом, несмотря на то, что были доказаны факты его «сношений с иностранным офицером, заведывавшим шпионством в России, получения им от означенного лица за труды денег, поездок за границу для изучения ремесла шпионства». На оправдательный приговор не повлияло даже признание самого подсудимого в том, что он передавал иностранному офицеру сведения о военных силах России (например, о передвижении войск).

Обнаружившаяся необходимость модернизации российского законодательства о государственной измене путем шпионства побудила министерство юстиции и военное министерство Российской империи в 1911 г. выступить с совместной инициативой его пересмотра. Для разработки нового закона была создана комиссия из представителей Министерства юстиции и Военного министерства. В частности, активную роль в ее работе сыграл помощник военного прокурора Варшавского военно-окружного суда А.С. Резанов. Комиссией были тщательно изучены законы о борьбе со шпионством, действующие в Германии, Франции, Италии и других государствах.

3 марта 1912 г. министр юстиции И.Г. Щегловитов и военный министр В.А. Сухомлинов представили соответствующий законопроект на рассмотрение Государственной думы. В пояснительной записке утверждалось, что действующее уголовное законодательство дает возможность бороться «не с самым шпионством, в современной его постановке, а лишь с исключительными его проявлениями – передачей и сообщением, правда, наиболее важных, но благодаря принимаемым мерам, и наиболее редко добываемых сведений о военной обороне государства. Обычная же деятельность шпионства – собирание и передача данных о военных силах России, на основании коих иностранные власти получают уже самостоятельно безусловно тайные сведения, относятся к области ненаказуемых действий. Равным образом ненаказуемым является умышленное соглашение с иностранными властями для добывания интересующих их сведений о военной мощи России, хотя, вступая в такое соглашение, проходя подготовительный курс шпионской работы, виновный, конечно, не может не сознавать, что такую деятельность он оказывает услуги иностранному государству и тем самым причиняет ущерб интересам России».

В комиссии по государственной обороне Государственной Думы проект закона подвергся дополнительному изучению и некоторой переработке, не внесшей, однако, в него существенных изменений. 6 июня 1912 г. Государственная дума приняла закон. 25 июня 1912 г. закон получил одобрение Государственного совета, а 5 июля был утвержден Николаем II.

Закон от 5 июля 1912 г. «об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства» касался четырех узаконений, действовавших в то время в России: а) Уголовного уложения; б) Уложения о наказаниях уголовных и исправительных; в) Устава

о наказаниях, налагаемых мировыми судьями; г) Устава уголовного судопроизводства. Изменение Уголовного уложения проявилось, в частности, в новой редакции статьи 111, а также в дополнении уложения статьями 111–1, 111–2, 111–3.

Содержание основных изменений Уложения заключалось в следующем. Ввиду изменившегося характера шпионства был расширен предмет преступления. Речь теперь шла о любых сведениях, имеющих значение для военных сил государства, в массовом и систематическом получении которых заинтересованы учреждения иностранных держав, заведующие военной разведкой в России.

При этом в пояснительной записке отмечалось: «Едва ли могут быть сомнения в том, что полное восприятие оглашать все сведения, так или иначе касающиеся внешней безопасности, военной обороны государства и сооружений, предназначенных для военной обороны страны, не только не возможно, но было бы и вредно для государственных интересов, так как повлекло бы за собою прекращение всякого обсуждения недостатков нашей военной организации и средств к их устранению не только в общей, но и в специальной печати. Однако... деятельность шпиона, заключающаяся в помощи или содействии иностранному правительству или его агенту по собиранию или систематизации рассматриваемого рода сведений, не может быть признана безразличною».

Новая редакция статьи 111 Уголовного уложения установила ответственность (заключение в исправительном доме) за любое «пособствование правительству или агенту иностранного государства в собирании сведений или предметов, касающихся внешней безопасности России или вооруженных ее сил или сооружений, предназначенных для военной обороны страны».

Статья 111–1 предусматривала более строгое наказание за **опубликование, сообщение или передачу другому лицу**, в интересах иностранного государства, без надлежащего уполномочия: «(1) должностных сохраняющихся в тайне сведений или предметов, касающихся внешней безопасности России или вооруженных ее сил или сооружений, предназначенных для военной обороны страны» (каторга на срок не свыше восьми лет); «(2) плана, чертежа, рисунка, либо иного изображения или описания российского **укрепленного места**, установленных района либо эспланады оною, военного судна либо иного **сооружения**, предназначенного для военной обороны страны, или документа, касающегося **мобилизации** и вообще распоряжений на случай войны» (срочная каторга).

В пояснительной записке говорилось, что «каре уголовного закона должно подпадать» сообщение сведений «не только иностранному правительству или его агентам, а и всякому лицу, не уполномоченному на ознакомление с ними». «Круг этих сведений должен быть очерчен в законе возможно шире, охватывая все области, касающиеся обороны государства и вооруженных его сил». При этом была отмечена необходимость «внести в определение этого преступного деяния ограничения, вызываемые самым понятием измены – как посягательства на международное существование государства». Поэтому опубликование, сообщение или передача указанных сведений и предметов всякому лицу были наказуемы лишь при условии, если это сделано «в интересах иностранного государства». При этом наказуемость сообщения сведений, «долженствовавших сохраняться в тайне», ставилась в зависимость не от прямого умысла (т. е. условия заведомости), а от наличности «**вообще вины умышленной**... с сознанием виновного, что он действует в интересах иностранного государства».

По ст. 111–2 наказывался заключением в исправительном доме на срок не свыше трех лет виновный «**во вступлении в соглашение** с правительством или агентом иностранного государства на совершение преступного деяния, указанного в статьях 111 или 111–1». Авторы законопроекта исходили из того, что лицо, вступающее в соглашение с иностранным правительством или его агентом о содействовании собиранию ими сведений военного характера, оказывает ему услугу, приносящую в конце концов столь же существенный вред России, как и «сообщение военных секретов и государственных тайн». Поэтому «уговор с правительством или агентом иностранного государства о сообщении им сведений, касающихся военных сил России, вне всякой зависимости от того, может ли или нет каждое из этих сведений, взятое само по себе, причинить ущерб внешней безопасности государства, тайное ли оно или общеизвестное, должен быть воспрещен законом под страхом наказания».

В соответствии со ст. 111–3 наказание за указанные в статьях 111, 111–1 или 111–2 деяния усиливалось, если сведения или предметы были вверены виновному «по службе, либо он имел возможность получить их или ознакомиться с ними, пользуясь своим служебным положением».

Внесение в уголовное законодательство об ответственности за шпионство изменений и дополнений способствовало укреплению

военной безопасности России в преддверии Первой мировой войны. С началом военных действий вступили в силу нормы о повышенной ответственности за деяния, предусмотренные статьями 111–111–3 Уголовного уложения.

В частности, предусмотренные статьей 111–1 уложения опубликование, сообщение или передача другому лицу в интересах иностранного государства изображения или описания российского укрепленного места, военного судна либо иного сооружения, предназначенного для военной обороны страны, или документа, касающегося распоряжений на случай войны, влекло теперь наказание в виде каторги **без срока**.

Кроме того, был утвержден «Перечень сведений и изображений, касающихся внешней безопасности России и ее военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространения коих в печати, в речах или докладах, произносимых в публичных собраниях, воспрещается на основании статьи 1 отдела 2 Закона от 5 июля 1912 г. и статьи 5 Высочайшего указа правительствующему Сенату от 20 июля 1914 г.». Для контроля над издаваемой в военное время печатной продукцией и просмотра корреспонденции в целях пресечения разглашения запрещенных сведений была организована военная цензура. Непредставление печатного издания в военно-цензурное управление, а также сообщение в докладе, публичном выступлении или печати не подлежащих оглашению сведений влекли за собой уголовную ответственность.

При этом ответственность за оказание помощи Германии, Австро-Венгрии и другим вражеским державам определялась самостоятельной правовой нормой. Статья 108 Уголовного уложения предусматривала за содействие или благоприятствование неприятелю в его военных или иных враждебных против России действиях, в том числе путем шпионства, наказание в виде смертной казни.

---

1. Резанов А. С. Закон 5 июля 1912 г. о государственной измене путем шпионства в мирное время. Варшава, 1912.

2. Трегубов С. Н. Шпионство и соприкасающиеся с ним преступные деяния по закону 5 июля 1912 года // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 2. Февраль. С. 37–58.

3. Чертопруд С. В. Законодательные акты по защите гостайны в Российской империи в начале XX века // Вопросы защиты информации. № 4 (35). 1996. С. 25–29.

4. Чертопруд С. В. Законодательные акты по защите гостайны в Российской империи в начале XX века: Анализ опыта их применения // Пять лет российскому Закону «О государственной тайне». СПб., 1998. С. 39–40.

С.В. Самгин (Тамбов)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ: ОПЫТ ФОРМАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ

ОБЪЕКТОМ исторического оружейведения является оружие во всем его многообразии. Однако до сегодняшнего времени нет его более или менее унифицированного и консенсусного определения. Проблема формализации этого понятия усугубляется определенным отставанием развития этой вспомогательной (специальной) исторической дисциплины от развития как исторической науки, так и других наук (правоведения, военной науки), также занимающихся изучением оружия, что заставляет специалистов пользоваться дефинициями, разработанными в рамках этих направлений научного знания. Однако будучи разработанными под другие задачи, они далеко не всегда соответствуют задачам, решаемым историками-оружиеведами. Одним из следствий этого является содержательная и терминологическая путаница, периодически возникающая в дискуссиях. Между тем, достаточно активное развитие российского исторического оружейведения настоятельно требует формирования консенсусного категориального аппарата, ключевым элементом которого должно стать определение его предмета.

Федеральным законом «Об оружии» вводится деление оружия на оружие, имеющее культурную ценность – «оружие, включенное в состав Музейного фонда Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 26 мая 1996 года № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» либо подпадающее в соответствии с решением уполномоченного Правительством Российской Федерации федерального органа исполнительной власти под действие Закона Российской Федерации от 15

апреля 1993 года № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей», в том числе старинное (антикварное) оружие» – и старинное (антикварное) оружие – «огнестрельное, метательное и пневматическое оружие, изготовленное до конца 1899 года (за исключением огнестрельного оружия, изготовленного для стрельбы патронами), а также холодное оружие, изготовленное до конца 1945 года»¹.

Попытка определения некоего временного рубежа, по достижении которого оружие переходит в категорию «антикварное (старинное)» характерна и для зарубежного законодательства. Так, в США это минимум 50 лет со дня текущей даты, во Франции – 1870 г., в Великобритании – 1919 г. При этом следует оговориться, что эти сроки установлены для огнестрельного оружия². Аналогичным образом этот вопрос решается и в рамках международного законодательства. Так, Конвенция ЮНЕСКО «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности», принятая в 1970 г., прямо относит к культурным ценностям «старинные предметы более чем 100-летней давности», однако в другой категории, объединяющей в том числе и ценности, касающиеся истории войн, конкретный возраст предмета не устанавливается.³

Понятия «антикварное» оружие и «оружие, имеющее культурную ценность» несут очевидные признаки влияния правоведения – в данном случае его административно-правового раздела. С точки зрения истории как науки отождествление понятий «антикварное» и «старинное» оружие и ограничение их содержания 1899-м или 1945-м годами, как и исключение в отдельную группу «огнестрельного оружия, изготовленного для стрельбы патронами», видится совершенно произвольным, а потому – некорректным. В связи с этим и использование этих понятий в историческом оружьеведении в качестве элементов категориального аппарата представляется хотя и возможным, но малоэффективным с научно-исторической точки зрения.

Неэффективным для задач исторического оружьеведения видится и подход, в рамках которого историческое оружие определяется как «оружие, связанное с выдающимися событиями истории или являющееся культурной ценностью как редкий памятник науки и техники, изготовленное после 1891 г. и до настоящего времени, в том числе найденное в ходе проведения поисковых работ в местах бывших военных действий и определенное как имеющее культурную ценность в результате историко-культурной, искусствоведческой экспертизы

Министерства культуры Российской Федерации», и вводится вместе с антикварным, мемориальным и авторским художественным в группу оружия, имеющего культурную ценность.⁴ С позиции исторического оружейведения как вспомогательной (специальной) исторической дисциплины оружие является историческим источником, отражающим исторический процесс и дающим возможность изучать прошлое человеческого общества.

И в этом контексте *основным понятием исторического оружейведения должно стать понятие «историческое оружие»*, в котором прилагательное «историческое», во-первых, уточняет ценность данного оружия для познания прошлого, во-вторых, отделяет предмет исторического оружейведения от предметов других наук, изучающих оружие, и в-третьих, способствует более комфортному изучению и классификации оружия в его динамике в рамках исторического процесса.

В поправках, предложенных депутатами ГД ФС РФ в Федеральный закон «Об оружии», под определение «историческое оружие» предлагается подвести «оружие и патроны, используемые в культурных, научных и образовательных целях»⁵. При этом к таковому предлагается относить «старинное (антикварное) оружие и старинные (антикварные) патроны, признанные имеющими культурную ценность»⁶, а его статус будет определяться «на основании заключений государственной экспертизы, проводимой органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере охраны культурного наследия, подтверждающей подлинность оружия, имеющего культурную ценность, и его соответствие историческому оружию»⁷. Начатое достаточно широко, это предложение было очевидно сужено в традиционно-правоведческом русле, что никаким образом не отвечает исследовательским целям, стоящим перед историческим оружейведением.

Гораздо более плодотворным с этой точки зрения представляется понятие «исторические ценности», которое Закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» связывает с историческими событиями в жизни народов, развитием общества и государства, историей науки и техники, а также с жизнью и деятельностью выдающихся личностей⁸. Т. е. в контексте задач исторического оружейведения *«историческим» может определяться любое оружие постольку, поскольку оно является исторической ценностью, т. е. связано с историческими событиями в жизни*

народов, развитием общества и государства, историей науки и техники, а также с жизнью и деятельностью выдающихся личностей.

Правоведческий подход отчетливо просматривается и в используемых сегодня дефинициях понятия «оружие». Базовым можно считать определение, которое трактует оружие как устройства, предметы и средства, конструктивно предназначенные для убийства либо обезвреживания людей и животных и/или выведения из строя техники и сооружений сторон, вольно либо невольно участвующих в каком-либо конфликте. Корни его легко обнаруживаются в криминалистике, представители которой считают, что смысл понятия «оружие», его предназначение состоят исключительно в поражении живой цели или разрушении неких объектов как при защите, так и при нападении⁹.

Такое сужение понятия «оружие» понятно – криминалистику оружие интересует прежде всего с точки зрения его криминальной составляющей: возможности нанесения физического ущерба. И ключевым элементом определения является «конструктивно предназначенные для поражения...». Т. е. предметы, лишённые специфических конструктивных признаков (камни, палки и т. п.), в качестве оружия не определяются. Следуя логике этого определения, не являются оружием серпы, цепы, лопаты и прочий инвентарь. И в ряде дефиниций это разделение четко обозначено. Так, например, Е.Н. Тихонов относил к холодному оружию «предметы, специально изготовленные для непосредственного причинения телесных повреждений, опасных для жизни в момент нанесения, с использованием мускульной силы человека, не имеющие прямого производственного или хозяйственно-бытового назначения и предназначенные для нападения или активной защиты, соответствующие этим целям по своей конструкции, размерам и материалу, а по способу (принципу) поражающего действия являющиеся колющими, рубящими, режущими, колюще-режущими, колюще-рубящими, режуще-рубящими, колюще-режуще-рубящими, ударно-раздробляющими или комбинированными орудиями».¹⁰

При этом для признания предмета оружием в рамках криминалистики достаточно установить наличие в нем наличия лишь конструктивного минимума элементов, которые функционально обеспечивают возможность его применения в соответствии с назначением, характерным для оружия. Например, для огнестрельного оружия

таким конструктивным минимумом является наличие в предмете ствола с запирающим и стреляющим механизмами, которые в системе обеспечивают возможность производства хотя бы одного выстрела¹¹. Криминалистический подход лег в основу и определения оружия, данного в Федеральном законе № 150-ФЗ от 13.12.1996 г. «Об оружии», который понимает под оружием «устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов»¹².

Для историков-оружиеведов криминалистический подход к дефиниции оружия выглядит недостаточно корректным уже потому, что почти целиком выпадает весь пласт защитного оружия, которое традиционно изучается в истории вместе с оружием для нападения. Эта тенденция достаточно устойчиво прослеживается уже с XIX в. – с момента зарождения исторического оружейведения как научной дисциплины. Так, П. фон Винклер в статье для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона определил в качестве оружия «орудия, изготовленные человеком для борьбы со своими врагами, людьми или зверями», внеся в содержание этого понятия и оружие «предохранительное или оборонительное»¹³. Этот же подход характерен и для Э. Ленца, объединившего в «оружие» как предметы защиты, так и нападения¹⁴, а в конце XX в. стал обычным музейным стандартом¹⁵.

Однако, как представляется, *специфика конструкции как один из основных признаков оружия*, принятый в криминалистике, вполне уместна в качестве одного из элементов дефиниции и для *исторического оружейведения*, способствуя отделению собственно оружия от самого разнообразного инвентаря производственного или хозяйственно-бытового назначения, в силу тех или иных причин выполнявшего функции оружия.

Акцент на «исторической» составляющей оружия заставляет определиться и с вопросом взаимосвязи подлинности оружия и его ценности как исторического источника. Здесь представляется аксиоматичным подход, согласно которому *только подлинное, т. е. современное историческому периоду оружие, в том числе ремонтное, если ремонт производился в период активного бытования, может восприниматься и изучаться как историческое*, тогда как фантазии, реставрации, копии и реплики вне зависимости от времени своего создания таковым быть не могут, несмотря даже на «самостоятельное источниковое значение подлога как источника, относящегося ко времени его изготовления»¹⁶.

Несколько слов следует сказать и о формирующейся тенденции разделения понятий «оружие» и «вооружение», под которыми понимаются предметы, предназначенные для нападения и защиты соответственно¹⁷. На заре развития исторического оружейведения понятия «оружие» и «вооружение» использовались фактически как синонимы, однако к началу XIX в. употребление термина «вооружение» вместо термина «оружие» приобрело более устойчивый характер. Современные же историки-оружиеведы, справедливо утверждая, что для эффективного изучения оружие должно рассматриваться как единый комплекс, предназначенный для нападения и обороны, часто определяют его как «комплекс вооружения», включающий средства ведения дистанционного, ближнего боя и защиты¹⁸, вытесняя таким образом понятие «оружие» понятием «вооружение».

Однако следует отметить, что термин «вооружение» имеет достаточно четкую трактовку в военной науке, определяясь как «комплекс различных видов оружия и средств, обеспечивающих его применение»¹⁹. В этом же направлении трактует его и российское законодательство, объединяя в словосочетание «вооружение и военная техника», под которым понимаются «комплексы различных видов оружия и средств обеспечения его боевого применения, в том числе средств доставки, системы наведения, пуска, управления, а также другие специальные технические средства, предназначенные для оснащения вооруженных сил, боеприпасы и их компоненты, запасные части, приборы и комплектующие изделия к приборам, учебное оружие (макеты, тренажеры и имитаторы различных видов вооружения и военной техники)»²⁰. Понятие же «оружие» в рамках военной науки сохранило трактовку П. фон Винклера: «оружие – устройства и средства, применяемые в вооруженной борьбе для поражения и уничтожения противника. Служит как для нападения, так и для защиты (обороны)»²¹. Эта же трактовка сохранена и в современных описаниях музейных коллекций.²² В этой связи *представляется целесообразным в рамках исторического оружейведения сохранить понятие «оружие» («оружейный комплекс»), в содержании которого комплексно объединяются средства нападения и защиты.*

Впрочем, можно утверждать, что среди современных историков-оружиеведов подмена «оружия» «вооружением» не носит принципиального характера: исследование «предметов вооружения» определяется как систематизация различных видов оружия, их типологическая классификация, сведение в единый комплекс боевых средств,

реконструкция структуры военной организации и военного искусства. А понятие «комплексы вооружения» используется параллельно с понятием «оружейный комплекс»²³. Это позволяет сделать вывод о том, что использование понятия «вооружение» вместо понятия «оружие» обуславливается все-таки (и пока еще) спецификой современного языка, а не какими-либо принципиальными соображениями.

Исходя из всего вышеизложенного, *историческое оружие можно определить как соответствующие определенному историческому периоду подлинные предметы и комплексы предметов, конструктивно предназначенные и использовавшиеся для нападения и/или защиты.*

Преимущества этого определения предмета исторического оружейведения как вспомогательной (специальной) исторической дисциплины, как представляется, связаны с акцентированием на характеристиках, позволяющих выделить, во-первых, именно оружие во всем объеме социальных орудий, во-вторых, оружие как единый оружейный комплекс нападения/защиты, в-третьих, оружие, современное изучаемому историческому периоду, и в-четвертых, исторический аспект оружия, изучаемый историческим оружейведением, что в целом и формирует содержание его предмета.

¹ Ст. 1 Федерального закона № 150-ФЗ от 13.12.1996 г. «Об оружии» (в редакции 01.09.2013) // Российская газета, № 241, 18.12.1996.

² Regime des materielles de guerre armes et munitions // Revue general d'etudes de la police francaise, 1973, N 440. P. 1–28; Закон о контроле над оружием. 1968. Свод законов США. Т. 18. Гл. 44.

³ Конвенция «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» (Париж, 1970 г.) // http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1024

⁴ Яловко Г.А. Правовые основы музеефикации оружия // Вопросы музеологии. № 1, 2012. С. 161–164. С. 162.

⁵ Проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об оружии» депутатов ГД ФС РФ А.А. Журавлева и С.А. Жигарева от 22.08.2013. С. 5.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Ст. 7. Закона РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // Российская газета, 15.05.1993.

⁹ Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 646.

¹⁰ Тихонов Е.Н. Криминалистическая экспертиза холодного оружия: Учебное пособие. 2-е изд., доп. и перераб. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1987. С. 41–42.

¹¹ Криминалистика: Учебник / Под ред. А.Г. Филиппова, А.А. Кузнецова. Омск, 1993. С. 60.

¹² Ст. 1 Федерального закона № 150-ФЗ от 13.12.1996 г. «Об оружии» (в редакции

01.09.2013) // Российская газета, № 241, 18.12.1996.

¹³ Винклер П., фон. Оружие. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXII. С. 214–219.

¹⁴ Ленц Э. Указатель отделения Средних веков и эпохи Возрождения. Ч. 1. Собрание оружия. СПб., 1908. С. 11–66.

¹⁵ См. например: Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. СПб.: ООО «ТПБ Атлант», 2002. С. 3.

¹⁶ Козлов В.П. Фальсификация исторических источников: источниковедческий, историографический, архивоведческий аспекты // Архивистика на рубеже веков: XX – XXI. Труды Историко-архивного института. Т. 35. М., 2000.

¹⁷ См. например: Norman V. Waffen und Rüstungen. F.(M). 1964; Blackmore H.L. Arms and Armour. London; New York, 1964; Asdown C.H. European Arms and Armour. 1967.

¹⁸ См. например: Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения Сяньби // <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2000/05/07.html>; Бобров Л.А. Новая реконструкция комплекса вооружения кыргызских воинов VI–XII вв. // http://zaimka.ru/kochevie/lion_vved_shtml

¹⁹ Советская военная энциклопедия: В 8 т. Т. 2. М., 1979. С. 342.

²⁰ Ст. 1. Федерального Закона Российской Федерации от 19 июля 1998 года № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» // Российская газета. 19 июля 1998 г.

²¹ Советская военная энциклопедия. Т. 6. С. 124.

²² См. например: Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие; Blanke Waffen. Weisbaden, 1974. 86 s.

²³ Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения Сяньби.

О.П. Сибилева (Санкт-Петербург)

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И ВОЙН

ИСТОРИЯ человечества – это история войн с редкими периодами преобладания мира и согласия. По подсчетам швейцарского ученого Х. Меррея, за последние две тысячи лет в мире произошло 15 тысяч войн и международных конфликтов.¹

В начале и первой половине прошлого века по нашей планете прокатились крупнейшие в истории человечества войны: Первая мировая (1914–1918) и Вторая мировая (1939–1945). Значительным ростом числа как международных, так и внутрисударственных конфликтов ознаменовались вторая половина XX столетия – начало XXI века.

Мыслители разных эпох пытались постичь сущность войны, но классическим стало определение К. фон Клаузевица: «Война – общественно-политическое явление, продолжение политики насильственными средствами».²

Эта базовая позиция в определении войны лежит в основе и современных исследований.³

Наиболее существенной отличительной особенностью войны является то, что она характеризует качественное состояние всего общества и связана с применением всех имеющихся средств борьбы (политических, экономических, идеологических, дипломатических) в интересах достижения военных целей. В зависимости от целей сторон и масштабных показателей (пространственный размах, привлекаемые силы и средства, напряженность вооруженной борьбы) войны могут быть мировыми, региональными и локальными⁴.

В содержании войны по различным основаниям выделяются ее типы⁵. Исходя из того, что основания для выделения типов войн

могут быть самыми различными, ряд исследователей⁶ предлагает в качестве основания для классификации войн выделить объект и средства поражения на уровне человека и общества и в соответствии с парадигмальной логикой развития научного знания все эти многообразные классификации свести в два рода – классические и неклассические типы войн.⁷

Война в классическом определении мыслится в непосредственном единстве с физическим вооруженным насилием, и классическая – это война с применением физического вооруженного насилия.⁸

С появлением водородной бомбы, как отметил в свое время Г.Б. Лиддел, понятия «тотальная война» как метод и «победа» как цель войны становятся устаревшими концепциями.⁹ Однако угроза самоуничтожения человечества в условиях атомной войны¹⁰ привела не к отказу от войны, а поставила вопрос о поиске новых форм и средств ее ведения вне угрозы всеобщего физического уничтожения человечества.¹¹

С одной стороны, атомное оружие отменяет тотальную войну, но только в том типе, в котором она посредством атомного оружия достигает своего предела.¹²

Ядерное оружие при его применении ставит под вопрос само физическое существование человечества, и вследствие этого тотальная классическая война становится бессмысленной. Однако данное обстоятельство не отменяет противоречий, которые порождают и лежат в основе войны, а лишь стимулирует поиск новых форм и способов ее ведения. И это – вторая сторона последствий появления атомного оружия, одним из которых стала разработка высокоточного оружия и оружия массового поражения на новых физических принципах.¹³

Атомное оружие стимулировало и такое направление в развитии форм и средств войны как стратегия непрямых действий,¹⁴ классическим представителем которой является китайский военный мыслитель Сунь-Цзы: «Лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь... Поэтому самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска. Самое худшее – осадить крепости».¹⁵ И именно эта стратегия, как считает ряд отечественных и зарубежных ученых, открывает перспективы новой тотальной войны – неклассической.¹⁶

К войнам нового типа, по оценке ряда исследователей,¹⁷ относятся, прежде всего, информационная,¹⁸ информационно-психологическая

войны,¹⁹ где объектом поражения являются сознание (как индивидуальное, так и общественное во всех своих формах: историческое, национальное, классовое, оборонное, профессиональное и т. п.) и система управления.

К. Клаузевиц полагал, что по мере развития человечества на смену инстинктивному грубому насилию будет приходиться насилие рационального характера.²⁰ Но на границе XX–XXI вв. «на коллективном уровне мы наблюдаем всплеск рационально не мотивированных конфликтов, вспышек насилия, бессмысленных бунтов и «выращенных в лаборатории» революций».²¹

М. ван Кревельд в своих работах показал, что в XX в. наметилась тенденция отмирания государства. Вместе с этим, по его мнению, стала меняться и сущность войны: ее игроками стали негосударственные структуры: политические и иные организации, финансово-экономические и бизнес-корпорации, преступные организации и наркокартели, и вооруженные конфликты уже представляют собой не классическое столкновение на поле боя двух армий, а кровопролитные вспышки насилия.²²

Причем зачастую в них отсутствует как таковой единый управляющий центр (что является основным условием ведения классических войн), но это компенсируется наличием некоей концепции, объединяющей и регулирующей действия парамилитарных структур.²³

В последнее время эксперты и аналитики все чаще говорят о так называемых асимметричных войнах, типичный пример которой – противоборство между Израилем и базирующимся на территории Ливана квазигосударственным образованием «Хезболлах». Оно наглядно продемонстрировало, что современные вооруженные иррегулярные структуры постепенно становятся похожими на регулярные армии и что привычные методы боевых действий против них недостаточно эффективны.²⁴

Такая особенность неклассической войны, как ее иррегулярный характер, хорошо изложена в работах Е.Э. Месснера, С.В. Анчукова, К. Шмитта, в публикациях «Российского военного сборника».²⁵

Война становится сетевым явлением, а военные действия – разновидностью сетевых процессов. Регулярная армия, все виды разведок, технические открытия и высокие технологии, журналистика и дипломатия, экономические процессы и социальные трансформации, гражданское население и кадровые военные, регулярные части и отдельные слабо оформленные группы – все это интегрируется в

единую сеть, по которой циркулирует информация.²⁶ Центральной задачей ведения всех «сетевых войн» является проведение «операций базовых эффектов» («effects-based operations»), которые определяются как «совокупность действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны...».²⁷

И хотя Третья мировая война представляется маловероятной, по оценке ряда исследователей,²⁸ она уже давно идет в «холодном формате», в виде политического, экономического, идеологического, информационного и психологического противоборства, выливаясь в беспрецедентную гонку вооружений, рост военных расходов, а часто и в военные конфликты, в которых задействованы отдельные страны и коалиции государств, а также их армии и вооруженные формирования. Мир переживает не ослабление военной опасности, а ее эскалацию. Появились и были опробованы новые виды и формы силового противоборства, менее очевидные, но не менее опасные. Такие, как «балансирование на грани войны», «военное устрашение», «демонстрация флага», «дипломатия канонерок», «ядерный ультиматум», «принуждение к миру», «превентивный удар», «борьба с международным терроризмом»... Моральными и демократическими становятся вооруженные вмешательства в дела других государств под лозунгом продвижения свободы и демократии, выборочной ликвидации деспотических режимов.²⁹

Как отмечает В.В. Дятлов,³⁰ современные агрессоры предпочитают добиваться политических целей без существенных материальных и людских потерь (прежде всего, со своей стороны) посредством «ограниченной войны», ориентированной на принуждение соперника к реализации таких способов и форм противоборства, в которых они имеют явное преимущество, а также на рефлексивное навязывание противнику заведомо проигрышных решений.

Тем не менее, от того, что меняются субъекты войны в силу изменения субъектов политики, используемые силы и средства, виды, способы и формы вооруженной борьбы, а также от того, что, как правило, современные войны и вооруженные конфликты прикрыты маской риторики и объясняются защитой демократии и свободы, не меняется сам характер войны – продолжение политики, но насильственными средствами в борьбе за политическую и экономическую власть, в том числе за территории и энергетические ресурсы, за обеспечение тем, кто ее ведет, возможности всестороннего управления в

XXI в. всеми действующими силами человечества с помощью технологий управляемого хаоса и стратегической нестабильности.

Следует особо отметить, что юридическим признаком любой войны является ее объявление, а взаимоотношения государств с момента объявления между ними войны или фактического начала военных действий до их окончания (мир, капитуляция) являются состоянием войны.³¹ С момента объявления федеральным законом состояния войны или фактического начала военных действий наступает военное время – период фактического нахождения государства в состоянии войны с другим государством или группой государств, которое истекает с момента объявления о прекращении военных действий, а в случае их продолжения после объявленного срока – не ранее их фактического прекращения.³² До сих пор считается, что необъявленная война – это не война в юридическом смысле этого слова.³³

Начиная с 50-х гг. XX в. в международных документах и юридической литературе термин «война» практически вытеснен термином «вооруженный конфликт».³⁴ При этом данные термины не идентичны: каждая война одновременно является и вооруженным конфликтом, но не каждый вооруженный конфликт можно назвать войной, так как по обычному праву к войнам принято относить крупномасштабные вооруженные столкновения двух и более государств.

По мнению Д. Шиндлера, замена терминологии объясняется тем обстоятельством, что объявление войны влекло за собой вполне определенные правовые последствия, в том числе международно-правовую ответственность за развязывание агрессивных войн, которую вооруженная борьба без объявления войны за собой не влекла.³⁵

Исследование реальных военных событий, попыток их научной классификации, предпринимавшихся в различное время в нашей стране и за рубежом,³⁶ показывает правильность подхода к градации вооруженной борьбы профессора С.В. Маликова, в соответствии с которым всякое вооруженное столкновение конфликтующих сторон, независимо от степени их вовлеченности в данное столкновение и носит ли оно политический, религиозный или этнический характер, есть вооруженный конфликт³⁷. Именно в таком значении трактуется понятие вооруженного конфликта и в международно-правовых актах (Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним 1977 г.).

В национальном законодательстве нашей страны характерные черты³⁸ и особенности³⁹ современных вооруженных конфликтов

нормативно наиболее полно закреплены в Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 года № 146⁴⁰.

Основной формой ведения войн и военных конфликтов является вооруженная борьба, представляющая собой совокупность военных (боевых)⁴¹ действий различного масштаба, проводимых в условиях боевой обстановки на земле, в воздухе, на воде, под водой и в космосе для достижения политических и стратегических целей.⁴²

При рассмотрении пространственных пределов вооруженной борьбы на сухопутной, воздушной и морской территории западные исследователи, как правило, применяют термины «театр войны», «район войны» и «зона боевых действий».⁴³ Отечественные военные юристы используют в этих целях термины «театр войны», «театр военных действий (ТВД)», «район вооруженного конфликта», «район военных действий» и «район боевых действий».⁴⁴

С понятием «военные действия» тесно связано обусловленное им понятие «стратегическая обстановка», а с понятием «боевые действия» – понятие «боевая обстановка», которое, будучи разработанным для боевых действий и являясь понятием теории военного искусства,⁴⁵ с точки зрения науки уголовного права (с учетом сложившейся практики словоупотребления и правоприменения) выступает квалифицирующим или необходимым признаком составов воинских преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РСФСР 1961 г., в том числе, ст. 266 «Мародерство», ст. 267 «Насилие над населением в районе военных действий» и ст. 269 «Незаконное ношение знаков Красного Креста и Красного Полумесяца».⁴⁶

Вместе с тем, в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) отсутствуют нормы УК РСФСР, закрепляющие ответственность физических лиц за мародерство, насилие над населением в районе военных действий, а также за незаконное ношение знаков Красного Креста и Красного Полумесяца и злоупотребление ими.

Кроме того, особенностью УК РФ является то обстоятельство, что в Разделе XI «Преступления против военной службы» больше нет статей, в которых предусматривалась бы ответственность за преступления против военной службы, совершаемые в военное время или в боевой обстановке. Такая ответственность, согласно ч. 3 ст. 331 УК РФ, должна быть установлена будущим законодательством военного времени.

¹ См.: Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века / Под ред. В.А. Золотарева М., 2000. С. 16. Данные приведены Отделением исследований мира и конфликтов Университета Упсалы.

² См.: Клаузевиц К. О войне. СПб.: Изд-во Terra Fantastica, 2003. С. 20.

³ Так, «Советская военная энциклопедия» дает следующее определение войне: «Война – это социально-политическое явление, представляющее собой одну из форм разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и других проблем, возникающих между государствами, нациями, классами, социальными группами, средствами вооруженного насилия». Советская военная энциклопедия: В 8 т. М., 1989. Т. 2. С. 236.

⁴ В Военной доктрине Российской Федерации используются следующие понятия: *крупномасштабная война* – война между коалициями государств или крупнейшими государствами мирового сообщества, в которой стороны будут преследовать радикальные военно-политические цели. Крупномасштабная война может стать результатом эскалации вооруженного конфликта, локальной или региональной войны с вовлечением значительного количества государств разных регионов мира. Она потребует мобилизации всех имеющихся материальных ресурсов и духовных сил государств-участников;

региональная война – война с участием двух и более государств одного региона, ведущаяся национальными или коалиционными вооруженными силами с применением как обычных, так и ядерных средств поражения, на территории региона с прилегающими к нему акваториями и в воздушном (космическом) пространстве над ним, в ходе которой стороны будут преследовать важные военно-политические цели;

локальная война – война между двумя и более государствами, преследующая ограниченные военно-политические цели, в которой военные действия ведутся в границах противоборствующих государств и которая затрагивает преимущественно интересы только этих государств (территориальные, экономические, политические и другие). См.: Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 года № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

⁵ Историческими типами войны являются: рабовладельческие, феодальные, капиталистические и др. Войны бывают справедливыми и несправедливыми; освободительными и захватческими. По времени протекания войны бывают кратковременными и продолжительными, по масштабам – локальными, региональными, мировыми, по физическим средам, в которых война протекает, выделяются войны сухопутные, морские, воздушно-космические. См., например: Rogozin D.O. Война и мир в терминах и определениях. М.: Изд-во «ПоРог», 2004.

⁶ Тюшкевич С.А., например, отмечает, что война – сложное общественно-политическое явление, особое состояние общества и государства, особая, насильственная форма взаимоотношений государств и народов и особая, специфическая форма разрешения противоречий и спорных вопросов между ними и т. д. // Тюшкевич С.А. Законы войны: сущность, механизм действия, факторы использования. М.: Книга и бизнес, 2002. С. 13.

⁷ См., например: Курочко М. Неклассические войны современной эпохи: к постановке проблемы // Бюллетень «Проблемы безопасности» № 3 Научно-исследовательского центра «Наука – XXI». М., 2008.

⁸ В качестве наглядного образца войны К. Клаузевиц использует схватку двух борцов, каждый из которых стремится при помощи *физического* насилия принудить друго-

го выполнить его волю. По оценке К. Клаузевица, «война является актом насилия, и применению его нет предела; каждый из борющихся предписывает закон другому; происходит соревнование, которое теоретически должно было бы довести обоих противников до крайностей». См.: Клаузевиц К. О войне. С. 23.

⁹ Лиддел Г.Б. Стратегия непрямых действий. СПб.: Мидгард, 2008. С. 10.

¹⁰ Как следствие этого, достаточно широкое распространение получила точка зрения, что «в настоящее время военно-технический потенциал сил сдерживания достиг такого уровня, что в сочетании с должной политической ответственностью государств позволяет надеяться на недопущение крупномасштабной войны, которая стала бы катастрофой глобального масштаба». См.: Быченков М.В. Война // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2000. Т. 1. С. 426.

¹¹ Впрочем, не произошло и отказа от атомного оружия. Очевидно стремление многих стран его получить.

¹² Этапам развития данного типа войн посвящено исследование Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М., Вече, 2002.

¹³ Белоус В.С. Войны станут невидимыми // Независимое военное обозрение. 2006 г. 9 августа.

¹⁴ По оценке Г.Б. Лиддела, «доведя разрушительность до крайности «самоубийства», атомное оружие стимулирует и ускоряет возвращение к *использованию непрямых действий*, являющихся сущностью стратегии, так как в этом случае война ведется разумно в отличие от грубого применения силы» См.: Лиддел Г.Б. Стратегия непрямых действий. С. 12.

¹⁵ Сунь-Цзы. Искусство стратегии. СПб.: Мидгард, 2007. С. 82.

¹⁶ Под неклассической войной понимаются войны, в которых объектом поражения служит, прежде всего, сознание индивида и общества во всех своих формах и структурах, с использованием преимущественно нефизического насилия и соответствующих типов оружия, и ведущиеся иррегулярным непрямым способом во всех сферах жизнедеятельности общества. Таким образом, неклассическая война отличается от классической следующими признаками: объектом поражения (сознание, а не тело); использованием нефизического насилия; иррегулярным, непрямым характером. См., например: Курочко М. Неклассические войны современной эпохи: к постановке проблемы.

¹⁷ См., например: Газетов В., Ветров М. Невидимый фронт вооруженной борьбы. Информационные операции в оборонительных и наступательных доктринах Канады // Независимое военное обозрение. 2013 г. 22–28 ноября; Кибервойска готовят к боям // Там же. 2013 г. 11–17 октября.

¹⁸ Впервые о возможности войны в информационной сфере заговорили в середине 90-х гг. XX в. В конце 1996 г. на одном из симпозиумов представитель МО США Роберт Банкер представил доклад, посвященный новой военной доктрине вооруженных сил США XXI столетия (концепции «Force XXI»). Ключевым моментом в ней является разделение всего театра военных действий на две составляющих – традиционное пространство и киберпространство, причем последнее имеет более важное значение. Как считают американские военные специалисты, на повестку дня поставлен вопрос о переносе акцента в вооруженном противоборстве с традиционных его форм ведения (огонь, удар, маневр) в информационно-интеллектуальную и информационно-техническую сферы, т. е. туда, где подготавливаются, принимаются и реализуются военные и политические решения. Будущая война может быть спровоцирована в информационной сфере, которая будет охватывать политическую, экономическую, техническую и военную области. См.: Горбачев Ю.Е., Тюрин В.М. К вопросу о «войне в четвертой сфере» // Независимое военное обозрение. 2001 г. 20 апреля.

¹⁹ Сам термин «информационно-психологическая война» был перенесен на российскую почву из словаря военных кругов США. Дословный перевод этого термина («information and psychological warfare») с родного для него языка – английского – может звучать и как «информационное противоборство», и как «информационная, психологическая война», в зависимости от контекста конкретного официального документа или научной публикации. Многозначность перевода данного термина на русский язык почему-то стала причиной разделения современных российских ученых на два соперничающих лагеря: на сторонников «информационного противоборства» и сторонников «информационной войны», несмотря на то, что на языке оригинала это, по существу, одно и то же. См.: Манойло А.В., Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта. Киев: Материалы V Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и безопасность» Вып. № 8. 2005. С. 73–80.

²⁰ См.: Клаузевиц К. О войне. С. 23.

²¹ Кара-Мурза С.Г. Оранжевая мина. М.: Алгоритм, 2008. С. 32.

²² См.: Кревельд М. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006; Он же. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

²³ Наиболее ярко подобное явление проявилось в 1979–1989 гг. в Афганистане, когда десятки полевых командиров, принадлежавших к различным политическим партиям (нередко враждовавшим между собой), фактически вели, в общем-то, согласованные действия против общего врага. Это же имело место в чеченском, сомалийском и многих иных конфликтах, а сейчас происходит в Ираке.

²⁴ Даже члены израильского правительства и депутаты кнессета пришли к неутешительному выводу, что Тель-Авив не добился поставленных целей. Между тем мощь ЦАХАЛ и формирований «Хезболлах» несоизмеримы. См.: Манахинский А.Я. Когда слабый побеждает сильного. Асимметричные войны – одна из реалий современности // Независимое военное обозрение. 2006 г. 22 декабря.

²⁵ См.: Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна; Анчуков С.В. Тайны мятеж-войны: Россия на рубеже столетий // www.probib.narod.ru/social/anchukov/index.htm; Шмитт К. Теория партизана. М.: Праксис, 2007.; Он же. Номос Земли в праве народов *jus publicum eunoraem*. СПб.: В. Даль, 2008; Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М.: Военный университет; Русский путь, 2005.; Грозное оружие: Малая война, партизанство и другие виды асимметричного воевания в свете наследия русских военных мыслителей. М.; 2007.

²⁶ Дугин А.Г. отмечает: «Теория сетцентричных войн представляет собой модель военной стратегии в условиях постмодерна. Как модели новой экономики, основанные на информации и высоких технологиях, сегодня доказывают свое превосходство над традиционными капиталистическими и социалистическими моделями промышленности эпохи, так и сетцентричные войны претендуют на качественное превосходство над прежними стратегическими концепциями индустриальной эпохи (модерна). Теория сетцентричных войн представляет собой перенос основных моментов постмодернистского подхода на сферу военной науки». Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй: Очерки геополитики XXI века. СПб.: Амфора; ТИД Амфора, 2007. С. 323.

²⁷ Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. С. 324, 325. См. также: Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. СПб.: Алетей, 2008; Кургинян С.Э. Ода страху. О праве оперировать понятием «оргоружие» // Оргоружие: о том, что хаос может быть рукотворным М., 2007. С. 5.

²⁸ См., например: Литовкин В. Полководцы готовятся к завтрашней войне // Независимое военное обозрение. 2009 г. 23 января.

²⁹ Так, анализ процессов подготовки военных акций конца XX – начала XXI вв. позволяет выявить устоявшийся алгоритм действий военно-политического руководства США и их союзников по формированию благоприятной обстановки для достижения своих целей. Как правило, наблюдалась следующая последовательность мероприятий: выбор и объявление одной из стран в качестве «изгоя» с предоставлением «неопровержимых» доказательств наличия угрозы для США или других государств со стороны этой страны; развертывание мощной информационно-психологической кампании в целях формирования соответствующего общественного мнения и обеспечения поддержки со стороны американской общественности и всего мирового сообщества; введение и применение экономических санкций; применение военной силы. См.: А.В.Усиков, Г.А. Бурутин, В.А. Гаврилов, С.Л. Ташлыков. Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. Вторая половина XX – начало XXI века. Под общей редакцией генерал-полковника А.С. Рукшина. М.: Военное издательство, 2008. 765 с.

³⁰ Дятлов В.В. Проблемные аспекты военной конфликтологии. Ракетные войска и артиллерия в военных конфликтах // Военная Мысль. 2013. № 8. С. 46.

³¹ Советская военная энциклопедия. Т. 7. С. 454.

³² Там же. Т. 2. С. 210.

³³ См. статью I Конвенции III об открытии военных действий (Гагская конвенция III), от 18 октября 1907 г.

³⁴ В Военной доктрине Российской Федерации в числе иных основных понятий используются понятия: г) военный конфликт – форма разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы (понятие охватывает все виды вооруженного противоборства, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты); д) вооруженный конфликт – вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт). См.: Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 года № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

³⁵ См.: Schindler D. Die Anwendung der Genfer Rotkreuzabkommen seit 1949. Zurich, 1968. S. 75–20.

³⁶ В юридической литературе неоднократно предпринимались попытки объединить все вооруженные конфликты в соответствующие группы. Имеющаяся несогласованность в этом вопросе ведет, с одной стороны, к возникновению различных трактовок одних и тех же явлений, а с другой стороны, к обозначению равнозначными терминами качественно различных феноменов, что затрудняет их правовую квалификацию и осложняет правоприменительную практику. См.: Гассер Х.-П. Международное гуманитарное право. М., 1995. С. 98.

³⁷ См.: Маликов С.В. Расследование преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта. С. 20–25.

³⁸ В соответствии с п. 12 Военной доктрины Российской Федерации, современным военным конфликтам присущи следующие характерные черты:

- а) комплексное применение военной силы и сил и средств невоенного характера;
- б) массированное применение систем вооружения и военной техники, основанных на новых физических принципах и сопоставимых по эффективности с ядерным оружием;

- в) расширение масштабов применения войск (сил) и средств, действующих в воздушно-космическом пространстве;
- г) усиление роли информационного противоборства;
- д) сокращение временных параметров подготовки к ведению военных действий;
- е) повышение оперативности управления в результате перехода от строго вертикальной системы управления к глобальным сетевым автоматизированным системам управления войсками (силами) и оружием;
- ж) создание на территориях противоборствующих сторон постоянно действующей зоны военных действий.

³⁹ Согласно п. 13 Военной доктрины Российской Федерации особенностями современных военных конфликтов являются:

- а) непредсказуемость их возникновения;
- б) наличие широкого спектра военно-политических, экономических, стратегических и иных целей;
- в) возрастание роли современных высокоэффективных систем оружия, а также перераспределение роли различных сфер вооруженной борьбы;
- г) заблаговременное проведение мероприятий информационного противоборства для достижения политических целей без применения военной силы, а в последующем – в интересах формирования благоприятной реакции мирового сообщества на применение военной силы.

При этом, как следует из п. 14 данного документа, военные конфликты будут отличаться скоротечностью, избирательностью и высокой степенью поражения объектов, быстрой маневр войсками (силами) и огнем, применением различных мобильных группировок войск (сил), а овладение стратегической инициативой, сохранение устойчивого государственного и военного управления, обеспечение превосходства на земле, море и в воздушно-космическом пространстве станут решающими факторами достижения поставленных целей.

⁴⁰ См.: Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 года № 146 «О военной доктрине Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

⁴¹ Основное отличие понятия «военные действия» от понятия «боевые действия» заключается в том, что военные действия ведутся на стратегическом уровне определенными группировками (фронтами) действующей армии и флота во время войны в форме стратегических военных операций: по стратегическому развертыванию вооруженных сил; по отражению воздушно-космического нападения противника; воздушной с применением обычного оружия; наступательной (оборонительной) на театре военных действий; на океанских театрах войны (театрах военных действий); стратегических ядерных сил, а боевые действия ведутся на оперативном, оперативно-тактическом и тактическом уровнях - частями, соединениями и объединениями в форме боев, ударов, сражений, армейских (корпусных) операций. Таким образом, понятие «боевые действия» входит в качестве составной части в понятие «военные действия» как одна из форм ведения военных действий. См. подробнее: Военный энциклопедический словарь: В 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 127; Словарь основных военных терминов / Под ред. С.Н. Красильникова. М., 1965. С. 30, 47; Советская военная энциклопедия. Т. 1. С. 539, Т. 2. С. 260; Советская военная стратегия / Под ред. И.Е. Шаврова. М., 1976. С. 13; Советская военная наука: Военно-теоретический труд Военной академии Генерального штаба. М., 1990. С. 47–48.

⁴² Советская военная энциклопедия. Т. 2. С. 451.

⁴³ При этом зарубежные военные юристы под *районом войны* понимают ту часть зем-

ного шара, на которой воюющие стороны могут готовить и осуществлять враждебные действия друг против друга, а под *театром войны* – те части суши, моря и воздушного пространства, в которых фактически происходят военные действия. Под *зоной боевых действий* западными специалистами понимается передовая часть территории военных действий, на которой развертываются или могут быть развернуты боевые действия сухопутных войск. См., например: Оппенгейм Л. Международное право. М., 1949. Т. 2. С. 254; Словарь основных военных терминов. С. 87.

⁴⁴ Под театром войны российские исследователи понимают сухопутную, водную и воздушную территорию воюющих государств, а также воды Мирового океана за пределами территориальных вод прибрежных государств и воздушное пространство над ними, в пределах которых воюющие государства ведут или потенциально могут вести военные действия. Под *театром военных действий* в отечественной научной литературе понимается территория, на которой вооруженные силы противоборствующих сторон фактически ведут боевые действия. Под *районом вооруженного конфликта* понимается любая территория, на которой происходят вооруженные столкновения конфликтующих сторон. Районы вооруженного конфликта, в свою очередь, подразделяются на *районы военных действий* и *районы боевых действий*, в зависимости от масштабов вооруженной борьбы противоборствующих сторон, т. е. под *районом военных действий* понимается часть территории (акватории) ТВД с воздушным пространством над ней, на которой определенные группировки (фронты) действующей армии и флота во время войны ведут военные действия в форме стратегических военных операций на ТВД, а под *районом боевых действий* – местность, а также воздушное пространство над ней, на которой части, соединения и объединения ведут боевые действия в период военного конфликта. См., например: Калугин В.Ю., Павлова Л.В., Фисенко И.В. Международное гуманитарное право. Минск, 1999. С. 82; Алешин В.В. Актуальные проблемы современного международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов. М., 2001. С. 78; Маликов С.В. Расследование преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта. С. 25.

⁴⁵ Теория военного искусства рассматривает понятие «боевая обстановка» как совокупность факторов и условий, складывающихся в районе ведения боевых действий в определенное время и влияющих на подготовку и выполнение подразделениями, частями и соединениями боевой задачи, ограничивая при этом временные рамки боевой обстановки сроками получения боевой задачи на ведение боевых действий подразделениями, частями, соединениями и выполнения ими боевой задачи. См., например: Словарь основных военных терминов. С. 27; Советская военная энциклопедия. Т. 7. С. 551.

⁴⁶ См.: Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века // Под ред. В.А. Золотарева М., 2000. С. 16. Данные приведены Отделением исследований мира и конфликтов Университета Упсалы.

Н.Р. Славнитский (Санкт-Петербург)

СИСТЕМА ОБОРОНЫ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ МЕЖДУ СЕВЕРНОЙ И СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНАМИ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРЕПОСТЕЙ В МИРНОЕ ВРЕМЯ

ПОСЛЕ завершения Северной войны наиболее мощными укреплениями располагали Санкт-Петербург, Кронштадт, Нарва и Рига. Эти крепости были в наибольшем количестве оснащены артиллерией и оставались основными узлами системы обороны Северо-Запада России в мирное время. Кроме них в эту систему входили укрепления Пскова, Шлиссельбурга, Ревеля, Пернова, Выборга и Кексгольма. И неизбежно вставал вопрос, как содержать фортификационные укрепления в мирное время.

В первую очередь, конечно, их было необходимо продолжать приводить в порядок. 5 декабря 1722 г. была учреждена должность генерал-директора над фортификациями, им стал генерал-майор А. Де Кулон¹. А в 1724 г. был разработан «Аншалът крепостей». Упоминание об этом «аншалъте» содержится в протоколах Верховного тайного совета за 1727 г.², где сообщалось, что «в копии, присланной из Правительствующаго Сената в артиллерию декабря 9 дня 1724 г. с разсуждения его императорского величества о фартециях и цитаделях, написано следующее:

1) Фартеции регулярные и готовые (С-Питербурх, Кексгольм, Нарва и Иван город, Рига, Динамент, Пернов).

2) Фартеции и цитадели, которые делаютца и делать надобно (Шлютельбурх, Смоленск, Выборх, который гораздо крепить надлежит).

Кронштат фартеция зело великая, в которой з 2000 пушек надобно, на содержание оной артиллерии и служители невеликого кошту требует, ибо канониров одной компании доволно, понеже когда флот в море никакого опасения нет, а когда дома то не одна тысяча добрых

канониров из флота употребить мочно, також станки пушечные из адмиралтейства содержать могут, толко вышереченную компанию определить должно.

Ревель содержать, так как ныне есть, а между тем подумать, когда Рогорвик офортофикуется, нужна ли оная будет. Ныне же оная, за фартецию почестся не может, а ежели доделывать так, как зачата и три болверка зделаны, то ни в 20 лет не отделать, понеже шведы один болверок 17 лет делали; к тому ж ежели оные бастионы прямо людми осадить, то более 10 000 гарнизона надобно и несколко тысяч пушек.

Да декабря того ж 724 г. его императорское величество, будучи в доме генерала-фельдцейхмейстера кавалера и президента господина графа Брюса, между протчими ж разговорами изволил упоминать о сочинении артиллерийских анштаптов, чтоб во оных или в особливых ведомостях по намерению его величества для положения артиллерии и крепостей и протчаго ж учинить расположение такое: на содержание артиллерии всякими припасами и амунициею и на строение и починку крепостей, також и на жалованье служителям и на протчие ж расходы коликая принадлежит быть годовая денежная сумма с росписанием подробно, в том числе станки и роспуски с принадлежности батарей, мосты и протчее, что во сколко лет содержать или переменить надлежит, потому бы на содержание же их и сумму положить, и учиня бы оное, доложить его величеству...

Каждую фартецию положить в таком основании, якобы уже оная во всем отделана или вновь таковую ж зделать (и на нее толикое иждивление положить, колико потребно быти имеет в совершенном окончании оной), росписав каждое строение сто во сколко лет содержатьца может и сколко в котором строении имеет быть каких материалов и припасов, порознь с ценою и с работою единовременною суммою и ис того на содержание и починку и на протчие расходы в каждый год».

То есть в этот период была упорядочена сложившаяся система обороны, намечены дальнейшие работы по ее усилению. Вместе с тем в крепостях производились и некоторые ремонтные работы.

В первую очередь внимание было приковано к перестройке Санкт-Петербургской крепости. В журнале Верховного тайного совета 25 сентября 1727 г. записано: «его императорское величество указал: Санкт-Петербургской крепости не доделанные болварки будущим летом доделывать»³. Императорским указом 7 февраля 1728 г.

подтверждалось: «Санктпетербургскую крепость отстроить, а особливо поспешать болварками, а именно по представлению нашего генерала и над фортификациями обер-директора фон Миниха и Канцелярий от строений болварок, что называется Зотов, чтоб совсем будущим летом привести в отделку, а других болварков делать фундаменты, и летом сколько возможно подымать камнем и кирпичом, також и на сделанных болварках, что надлежит исправить»⁴.

«Представление» Б.Х. Миниха сохранилось среди материалов Приказа артиллерии. Этот документ, как и указ императора, свидетельствуют о том, что именно обер-директору над фортификациями, скорее всего, принадлежала инициатива ускорения темпов перестройки крепости.

Осмотрев крепость 4 ноября⁵, Б.Х. Миних в конце того же месяца составил «смету» и отправил ее в военную коллегия. Предусматривалось, что в 1728 г. следует в первую очередь заняться возведением бастиона Зотова, на что (по мнению Б.Х. Миниха) требовалось 62 817 руб. 25 коп. (из них на возведение фундамента – 27 187 руб.), но если вместо работников использовать солдат – 57 925 руб. 25 коп.⁶ Всего же работы по перестройке крепости (предполагалось также заняться внутренней отделкой Трубецкого, Государева и Нарышкина бастионов и установкой барельефа и статуй на Петровские ворота) должны были обойтись в 78 770 руб. 41 коп., но при использовании солдат вместо работников было достаточно 69 368 руб. 41 коп.⁷ Здесь хотелось бы особо отметить, что именно Б.Х. Миниху принадлежала идея привлечения гарнизонных солдат к строительным работам (надо сказать, что он практиковал это еще при постройке Ладожского канала).

Практически сразу после составления «сметы» начались подготовительные мероприятия по возведению Зотова бастиона. Строительные материалы на Заячий остров было решено доставлять водным путем, и для этого усилиями солдат гарнизона возле бастиона была сделана пристань (в конце мая еще одна такая же пристань была сооружена возле Трубецкого бастиона)⁸. Перевозку камней, кирпичей и прочих строительных материалов непосредственно к бастиону также осуществляли солдаты гарнизона под руководством офицеров. То есть военнотруженики активно привлекались для выполнения черновой работы, где не требовалась квалификация.

В мае состоялась торжественная закладка каменного бастиона (напомним, что он частично был перестроен уже в 1707–1708 гг.),

а после этого к работе приступили каменщики (нанятые подрядом): в конце мая они начали строительство каменного фундамента, а в июле уже была возведена эскарповая стена бастиона⁹. К 25 сентября «каменщики волные болверк Зотов каменным строением стены обоних фасов наличные и нутренние... и фланк с казаматами окончили»¹⁰ (то есть вчерне бастион был готов). Однако его окончательная отделка несколько затянулась.

Помимо этого в марте 1728 г. начались строительные работы в бастионе Меншикова (в тот период приступили к разборке той части земляного бастиона, которая не была перестроена в 1706 г.), а в сентябре продолжили внутреннюю отделку в Петропавловском соборе¹¹.

В следующем году началось возведение «подзорных» каменных будок для часовых на эскарповых (наружных) стенах бастионов. Автором проекта этих будок являлся Б.Х. Миних, и они были готовы к 1731 г. Эти будки были пятигранными и имели по четыре прямоугольных окна и одному входу. Высота каждой будки составляла 2,2 метра. Их фигурные пирамидальные крыши завершались деревянными «бомбами», а кровля была сделана из двойной английской жести. Всего в XVIII в. насчитывалось 13 угловых будок: на Государевом и Нарышкином бастионах – по три, на Трубецком, Зотовом и Меншиковом – по две и на бастионе Головкина – одна¹².

7 мая 1729 г., в годовщину вступления на престол Петра II, был торжественно заложен камень в «новый болверк»¹³. Так возобновилось строительство каменного бастиона Меншикова, который в тот же день был переименован и до начала 1920-х гг. носил название «бастион Петра II».

Мы не будем подробно описывать ход перестройки Меншикова бастиона – работы здесь велись точно таким же образом, как и на бастионе Зотова в предыдущем году, и к концу 1729 г. он был вчерне готов, после чего начались отделочные работы. В том же году была перестроена куртина, соединявшая бастион Зотова с бастионом Головкина, длиной в 71 сажень¹⁴ (в дальнейшем она стала называться Никольской куртеной, а ее отделка, то есть настилка полов и установка окон, была завершена летом 1732 г.¹⁵). По центру куртины в 1729 г. были поставлены ворота, также получившие название Никольские (оно связано с церковью св. Николая, находившейся недалеко от крепости – на месте Князь-Владимирского собора).

Летом следующего года началась перестройка в камне бастиона Головкина (весной деревоземляной бастион начали разбирать)¹⁶.

Этот бастион тоже был переименован (причем снова, как и в прошлом году, – в честь здравствующего носителя верховной власти – императрицы Анны Иоанновны). Однако здесь строительные работы сильно затянулись – к концу года даже не был до конца разобран земляной бастион¹⁷. Кроме того, нельзя забывать, что этот участок обороны крепости был усилен кавальером и являлся самым мощным фортификационным сооружением Санкт-Петербургской крепости. Этим и объясняется то, что работы по возведению данного бастиона затянулись и были продолжены в следующем году. Кавальер также был перестроен, причем земляной разобрали только в 1731 г.¹⁸

Последним перестроенным в камне фортификационным сооружением крепости стала куртина, соединявшая бастионы Екатерины и Трубецкого и получившая наименование Невская.

Кроме того, в декабре того же года солдаты гарнизона приступили к набивке свай для Иоанновского рavelина и перевозке к нему бревен от Трубецкого бастиона¹⁹. Так началось строительство дополнительных укреплений – рavelинов. Этот рavelин получил название Иоанновского, в честь отца императрицы – Ивана Алексеевича (брата Петра I). Еще два рavelина – перед Никольской и Кронверкской куртинами (в северной части Заячьего острова) – так и не были построены.

Помимо названных сооружений, в 1731–1733 гг. на шпиге бастиона Екатерины по рисунку Б.Х. Миниха и под руководством Д. Трезини и Х. ван Болеса была построена Флажная башня. На флагштоке крепился императорский вензель и поднимался крепостной флаг, а в праздничные дни и во время посещения императором крепости – императорский штандарт. С постройкой этого павильона Б.Х. Миних очень торопился – он хотел, чтобы наружная отделка непременно была готова к годовщине коронации императрицы Анны Иоанновны – 28 апреля 1732 г., чтобы на нем в этот день можно было поднять штандарт²⁰. Однако отделать павильон к этому времени не удалось, и завершены работы были лишь в следующем году.

Кроме того, внутри крепости в 1733 г. по обеим сторонам канала были построены каменные провиантские магазины²¹. В том же году возле Кронверкской куртины был возведен каменный пороховой погребок²². А наиболее серьезной работой на 1733 год стало возведение нового рavelина, названного Алексеевским в честь деда императрицы – царя Алексея Михайловича (отца Петра Великого).

Однако строительство рavelинов растянулось практически на целое десятилетие. Дело в том, что в 1733 г. началась война за польское наследство, и Б.Х. Миних, произведенный в чин генерал-фельдмаршала, отправился в действующую армию; а вскоре после успешного завершения этой войны началась война с Турцией, поэтому он уже не мог уделять должного внимания строительству Санкт-Петербургской крепости. А в 1734 г. скончался Д. Трезини – главный распорядитель всех работ в столице российской империи (в том числе и в крепости). Вместо него был назначен полковник Х. Де Марин, и работы застопорились. В последующие годы, судя по всему, шла неспешная вялотекущая работа по возведению рavelинов и отделке, а также занимались возведением аппарелей для подъема артиллерийских орудий и боеприпасов на бастионы. В мае 1738 г. «достраивали» Иоанновские ворота²³.

Лишь в 1740 г., после окончания русско-турецкой войны и возвращения Б.Х. Миниха в Санкт-Петербург (а также в преддверии войны со Швецией, вследствие чего по инициативе генерал-фельдмаршала, продолжавшего оставаться обер-директором над фортификациями, были составлены планы всех крепостей Северо-Запада России и намечены ремонтные работы в них) все строительные работы в крепости были завершены (для «исправления фортификационных работ» в Санкт-Петербургской и Кронштадтской крепостях летом требовалось 16 миллионов штук кирпичей²⁴). Над аркой Иоанновских ворот была выбита дата с указанием времени завершения всех работ по сооружению каменной крепости – «1740 года».

В этот же период помещения крепости использовались не только в оборонительных целях. Точнее, ввиду того, что никакой опасности для крепости не было, ее помещения стали использовать не только по прямому назначению. Из протоколов Верховного тайного совета видно, что в 1727 г. в крепости находились в заключении колодники²⁵. Заметим, что такое практиковалось и в годы Северной войны, однако после ее завершения казематы крепости уже чаще стали использовать для содержания заключенных – как политических, так и уголовных.

Кроме того, в крепости некоторое время хранились вещи и дела бывшего генерал-полицмейстера столицы А.И. Девиера, который после воцарения императрицы Екатерины I оказался в ссылке (в сентябре 1727 г. они были переданы «для сохранения» в архив иностранной коллегии канцелярии советнику Петру Курбатову)²⁶.

В сентябре 1732 г. в Журнале Кабинета министров отмечалось: «Приказано послать к Санкт-Петербургскому обер-коменданту, чтоб велел в Петербургской крепости очистить верхнюю казарму, и потом, взяв вышеозначенные, привезенные из Москвы книги «Камень верь», в 19 сундуках, перевезть в город и поставить в той отведенной казарме, – которые перевезены и в той казарме поставлены, за чем по приказу их же гг. министров ездил из Кабинета секретарь, и запечатав ту казарму, отдал под гарнизонный караул майору Колдарову сего ж числа»²⁷.

В Шлиссельбурге в эти годы тоже занимались работами по исправлению крепостных стен, причем и здесь основная нагрузка легла на плечи гарнизонных солдат. В частности, в августе 1720 г. в донесении коменданта крепости Бухолца отмечалось, что «в шлютельбургском де гарнизонном батальоне в работах имеет немалую нужду понеже надобно в добавку кузнецов 4 и слесарей 4, итого 8 человек»²⁸ (и лишь в декабре того же года последовало распоряжение военной коллегии об отправке необходимых людей в Шлиссельбург²⁹).

Уже в конце Северной войны эта крепость начала разрушаться. В августе 1720 г. отмечалось, что «около крепости бастионы все осыпались и подрубьы сгнили и обвалились и пушкам стоять на них невозможно, опасно, чтоб пушки в воду не повалились, того ради оные надлежит починить, также по всей городской каменной стене и на башнях кровли все погнили и обвалились, надобно оные крепости зделать новые и для того надлежит послать туды инженера, который бы помянутую крепость всю осмотрел и учинил подлинную опись, какой починки она требует и что к той починке каких материалов требует»³⁰. В этом донесении бросается в глаза и то, что в крепости не было никаких инженеров, поскольку для осмотра укреплений необходимо было прислать таковых из Санкт-Петербурга.

Однако в Приказе артиллерии в декабре того же года сообщили, что «из инженеров послать некого, понеже которые в артиллерии ведомы и те разосланы се по разным местам, а ныне де в Санкт-Питербурхе обретаются и живут без дела полковники Люберас с братьем, которые ведомы в военной коллегии и возможно бы из них кому для того туда съездить...»³¹. Что на это ответили из военной коллегии, неизвестно, но, скорее всего, в Шлиссельбурге так никто и не отправился.

Прапорщик И. Гурик, осматривавший шлиссельбургские укрепления в декабре 1726 г., отмечал, что фундаменты бастионов Головкина

и Зотова подмыло водой, а у бастионов Меншикова и Нарышкина сгнили обруббы, и все эти бастионы нуждаются в починке³². Однако никаких серьезных работ по их починке тогда не было начато.

В 1730-е и 1740-е гг., насколько можно судить по сохранившимся документальным материалам, Шлиссельбургской крепости не придавали особого значения и использовали ее, главным образом, как место тюремного заключения. В частности, в январе 1732 г. там содержался князь Василий Долгоруков³³. В тот же период было принято решение об упразднении в Шлиссельбурге должности коменданта, и в апреле 1732 г. бригадир Буженинов был отправлен в отставку³⁴.

Хотя нельзя сказать, что Шлиссельбург был совсем заброшен, наоборот, – в тот период шла застройка внутреннего пространства крепости, кроме того, еще в конце царствования Петра I началось возведение Ладожского канала. В 1717 г. началось строительство казарм для гарнизона (по проекту И.Г. Устинова), и к осени 1719 г. была готова первая очередь. В дальнейшем на острове находился Д. Трезини, который разработал планировку архитектурного комплекса, в том числе – дворец для Петра I. Однако сами работы шли медленно и вяло, к тому же архитектор занимался также строительством непосредственно в столице, а в конце 1720-х гг. практически полностью переключился на перестройку Санкт-Петербургской крепости в камне.

В 1738 г. был составлен проект возведения каменного фундамента под земляными бастионами – они уже разваливались. В 1740 г. Б.Х. Миних утвердил этот план, однако реализовать его не удалось – помешало очередное наводнение, а затем череда дворцовых переворотов, в результате которых Б.Х. Миних оказался в ссылке, а фортификационные работы на время были приостановлены. Вернулись к нему лишь в 1750-е гг, когда этим занялся инженер-генерал А.П. Ганнибал (завершены они были к 1758 г.).

Кронштадту после окончания Северной войны, наоборот, уделяли самое серьезное внимание. В октябре 1723 г. состоялась торжественная закладка Центральной крепости в присутствии самого царя (именно это укрепление в дальнейшем во всех официальных документах стало называться Кронштадтом)³⁵.

В 1724 г. район Котлин – Кроншлот защищало уже 388 орудий, в том числе 358 пушек, 19 мортир и 11 гаубиц³⁶. Это говорит о том, что русское командование уделяло данному пункту самое пристальное внимание.

В целом оборона Кронштадта в конце царствования Петра, по мнению А.В. Шелова³⁷, основывалась:

- 1) на сильном пушечном огне с форта Кроншлот и с батарей, расположенных на молах гаваней и на берегу острова;
- 2) на линии укреплений и батарей, размещение которых предоставлялось усмотрению начальствующих лиц;
- 3) на содействии кораблей, стоявших между Кроншлотом и Котлином и увеличивавших силу огня, направленного на рейд;
- 4) на содействии галер, которые должны были препятствовать приближению брандеров или обходному движению мелких судов;
- 5) на употреблении бонов и рогаток в качестве предохранительного средства от зажигания деревянных оборонительных построек.

Выборгские укрепления по-прежнему нуждались в починке. В частности, в распоряжении Верховного Тайного совета выборгскому коменданту генерал-майору Шувалову указывалось: «Крепость починивать и приводить, как скоро возможно, в доброе состояние, а на покупку материалов и других припасов деньги держать из выборгских доходов»³⁸.

В 1729 г. Б.Х. Миних отправился из Санкт-Петербурга «для осмотра и приведения в порядок укреплений Выборга и Кексгольма, чтобы защитить их от всякой опасности со стороны Швеции»³⁹. И в результате этого обследования было принято решение о строительстве новых укреплений – Анненских, возведенных в 1730-е гг. по проекту А. Де Кулона.

Псковские средневековые укрепления, усиленные деревоземляными бастионами, к концу царствования Петра перестали играть серьезное значение в системе обороны северо-западных границ России.

В Нарве и Ивангороде в конце царствования Петра имелось 419 пушек, 28 мортир и 5 гаубиц⁴⁰, и за период 1713–1725 гг. артиллерия Нарвы и Ивангорода была усилена. Гарнизон состоял из 1 полка (1367 человек) и 43 артиллерийских служителей.

В Риге тогда же находилось 313 пушек (60 пушек 24-фунтового и 18-фунтового калибров, 87 12-фунтовых, 80 пушек калибром от 10 до 4 фунтов и 76 легких 3-фунтовых), 52 мортиры и 4 гаубицы; в Петершанце имелось 30 пушек и 3 гаубицы⁴¹.

Однако фортификационные укрепления Риги нуждались в починке. В частности, в инструкции, данной А.И. Репнину 18 марта 1725 г., отмечалось: «осмотреть фортификацию рижскую

и цитадель, и где попортилось, в тех местах велеть починить; Питер-шанц надлежит снести, а вместо того сделать транжамент на остроу»⁴². Работы эти, правда, не были выполнены в полном объеме, а в 1734 г. рижская крепость тоже использовалась в качестве места для содержания узников – в ней находились пленники, захваченные в ходе войны за польское наследство⁴³.

Артиллерийское вооружение Ревеля к концу царствования Петра возросло до 916 пушек. Кроме того, на гаванях имелись батареи, вооруженные 289 пушками. Таким образом, в Ревеле имелось 1257 орудий, и по артиллерийскому вооружению он уступал только Санкт-Петербургу. Гарнизон крепости состоял из 4 полков.

Тем не менее, Петр I не слишком рассчитывал на ревельские укрепления, отметив в конце 1724 г.: «Ревель содержать, так как ныне есть... ныне же она за фартецию почестся не может...»⁴⁴ (полностью текст этой записки мы приводили выше). Кроме того, в сентябре 1724 г. ревельские укрепления (в первую очередь гавань, а также цитадель и батареи) очень сильно пострадали от разразившегося шторма, а одну пушку 24-фунтового калибра смыло в море⁴⁵.

Дальнейшая систематизация укреплений Северо-Запада России была связана с деятельностью уже упоминавшегося Б.Х. Миниха, который в 1729 г. представил Сенату на рассмотрение и утверждение новый штат крепостей. В нем 82 крепости были разделены на 7 департаментов.

Крепости первого департамента должны были защищать Ингерманландскую и Корельскую провинции. К прежним крепостям: Санкт-Петербургской, Кронштадтской, Выборгской, Кексгольмской, Шлиссельбургской и Нарвской с Ивангородом прибавлены: «Копорье для удержания во время войны неприятельских и для наших партий, и ради содержания коммуникации легкую фортецию... Ладога ради прикрытия коммуникации из России провиантом, материалами и амунициею, и с прочим в Санкт-Петербург и Кронштадт; Новгород для содержания генерального магазина; Ямбург во время войны для удержания неприятельских и для защищения наших партий (и некоторые менее значительные укрепления)»⁴⁶.

Отметим, что Копорская крепость в 1730-е гг. некоторое время тоже использовалась для содержания пленных – в ней находились пленные французы, принимавшие участие в войне за польское наследство (позже они были переведены в Нарву, а затем отпущены).

Крепости второго департамента предназначались для защиты западной приморской границы. К прежним крепостям – Ревелю с тремя шанцами и Наргеном, Рогервику, Пернову, Риге с Динаминдом были присоединены: Питершанц для закрытия моста через реку и коммуникации к городу Риге; Дерпт с шанцами на озере Пейпус («для плацдарма и ради содержания генерального магазина, для того, что оный состоит между другими главными Ревельской, Ригскою, Нарвскою и Ивангородскою крепостями в середине; она же может озером Пейпусом иметь сообщение со внутренностью России»)⁴⁷.

Кроме того, в 1732 г. была предпринята попытка более равномерного упорядочения финансирования фортификационного строительства. Сначала Б.Х. Миних добился того, что Санкт-Петербургская и Шлиссельбургская крепости были переданы из ведения Канцелярии о строении Санкт-Петербурга в Канцелярию артиллерии и фортификации⁴⁸. Мотивировалось это тем, что «Канцелярия от строений отягчена многими делами», на деле же Б.Х. Миних, скорее всего, хотел сосредоточить хозяйственную и строительную деятельность во всех крепостях в одних руках. В принципе, никаких серьезных изменений в связи с этим не произошло (работами по-прежнему занимался Д. Трезини), если не считать того, что средства на строительные работы теперь отпускали в фортификационную контору. Но и это было не принципиальным.

А 29 марта 1732 г. он распорядился, в связи с тем, что императорским указом «строение всех крепостей распорядить мне в каждом году по препорции на столько сколько положенная на строение крепостей сумма 70 000 рублей вынести может того ради Канцелярии Главной артиллерии и фортификации осигнование на нынешний 732 г. на строение крепостей 70 000 рублей також и остаточные на построение прошлых лет расположить на строение всех крепостей по препорции их сколко на ту сумму в нынешнем году фортификационных работ исправить возможно и учиня то распределение объявить мне для конфирмации немедленно»⁴⁹.

Таким образом, система обороны Северо-Запада России после окончания Северной войны продолжала совершенствоваться. В первую очередь, это выразилось в усилении ее основного ядра – Санкт-Петербургской крепости, которую продолжали перестраивать. Помимо этого ремонтные работы проводились и в других крепостях, а в Выборге и вовсе были возведены новые дополнительные укрепления. Не менее важной стала и работа по систематизации (и создание

так называемого «аншальта крепостей»), начатая Петром I и продолженная Б.Х. Минихом. В то же время, крепости стали использоваться и не по прямому назначению – в них все чаще стали выделять тюремные помещения как для содержания политических узников, так и для уголовных преступников.

---

¹ Сб. Русского исторического общества (далее – Сб. РИО). Т. 63. СПб., 1888. С. 170.

² Там же. С. 169.

³ Сб. РИО. Т. 69. СПб., 1889. № 228. С. 355.

⁴ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Изд. 1-е. Т. 8. № 5237. СПб., 1830. С. 12.

⁵ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – Архив ВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. 3. Д. 185. Л. 95 об.

⁶ Там же. Л. 119.

⁷ Там же. Л. 120.

⁸ Там же. Д. 98. Л. 148, 214.

⁹ Там же. Л. 214, 227.

¹⁰ Там же. Л. 269.

¹¹ Там же. Д. 98. Л. 48, 51, 84–86, 102, 144, 184, 202, 206, 212.

¹² Степанов С.Д. Санкт-Петербургская (Петропавловская) крепость. СПб., 2000. С. 99–100.

¹³ Санктпетербургские ведомости. 1729 г. 10 мая. № 37. С. 148.

¹⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 80. Л. 158; Д. 81. Л. 220.

¹⁵ Там же. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 375–377.

¹⁶ Там же. Д. 70. Л. 157 об.

¹⁷ Там же. Д. 80. Л. 422–423.

¹⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 80. Л. 425–426.

¹⁹ Там же. Д. 81. Л. 139–140.

²⁰ Письмо Б.Х. Миниха Д. Трезини 27 марта 1732 г. // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 87. Л. 99 об.

²¹ Летопись Петропавловской крепости. С. 52–53.

²² Там же. С. 53.

²³ Санктпетербургские ведомости. 1738. № 39. 15 мая. С. 312; № 40. 18 мая. С. 320; № 41. 22 мая. С. 328.

²⁴ Там же. 1740 г. № 17. 26 февраля. С. 136; № 18. 29 февраля. С. 145; № 19. 4 марта. С. 153.

²⁵ Сб. РИО. Т. 69. С. 282, 287–288.

²⁶ Там же. С. 291.

²⁷ Журнал Кабинета Министров 9 сентября 1732 г. // Сб. РИО. Т. 104. СПб., 1898. С. 389.

²⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 8. Л. 225.

²⁹ Там же. Л. 286.

³⁰ Там же. Л. 225.

³¹ Там же. Л. 286–287.

³² Там же. Оп. 3. Д. 98. Л. 56–57.

³³ Сб. РИО. Т. 104. СПб., 1898. С. 143–144.

³⁴ Там же. С. 236–237.

³⁵ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт, 1904. С. 85.

- ³⁶ Там же. Приложение № 8.
- ³⁷ Там же. С. 77.
- ³⁸ Сб. РИО. Т. 69. СПб., 1889. № 505. С. 867.
- ³⁹ Там же. Т. 66. СПб., 1889. С. 64.
- ⁴⁰ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. С. 65–66.
- ⁴¹ Там же. С. 76–77.
- ⁴² Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 2. Рига, 1879. С. 522.
- ⁴³ Сб. РИО. Т. 108. Юрьев, 1900. С. 403, 480.
- ⁴⁴ Там же. Т. 63. СПб., 1888. С. 168.
- ⁴⁵ Рапорт В.В. фон Дельдина Ф.М. Апраксину 18 сентября 1724 г. // Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 233. Оп. 1. Д. 230. Л. 6–7.
- ⁴⁶ Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 3. Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1865. С. 9–11.
- ⁴⁷ Там же. С. 11–13.
- ⁴⁸ Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. СПб., 1830. Т. 8. № 5969. С. 635.
- ⁴⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 87. Л. 105.

А.А. Смирнов (Москва)

**МАТЕРИАЛЫ, СОБРАННЫЕ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРОМ
В.В. ЧЕРНАВИНЫМ, КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БОЕВОЙ ВЫУЧКИ РУССКОЙ
ПЕХОТЫ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

ИЗУЧЕНИЕ хода боевых действий на Русском фронте Первой мировой войны (если только мы хотим перейти здесь с описательного на аналитический уровень) не должно идти в отрыве от изучения важнейшего из влияющих на этот ход факторов – боевой выучки войск. Между тем применительно к началу войны и к главному роду войск русской армии (пехоте) все наработки вплоть до последнего времени сводились к более или менее сжатым характеристикам, данным еще в 1920–1930-е гг. В.М. Драгомировым, А.М. Зайончковским и А.А. Керсновским¹. Только в 2013 г. вышли наши работы, в которых мы попытались более подробно исследовать уровень боевой выучки, достигнутый к августу 1914 г. русской пехотой².

Немалые возможности для дальнейшего изучения этого вопроса предоставляют материалы, собранные в 1923–1938 гг. сотрудником Русского заграничного исторического архива в Праге, Генерального штаба генерал-майором В.В. Чернавиным (в 1945 г. они были вывезены в СССР и хранятся сейчас в фонде В.В. Чернавина в ГА РФ). Собирая источники по истории Первой мировой, он целенаправленно опросил несколько десятков ее участников, оказавшихся после Гражданской войны в эмиграции. Одни из них представили информацию в письменном виде, другие сообщали ее устно, в самой разнообразной обстановке: по окончании публичной лекции, на русской выставке-базаре в Праге (опрошенный там 27 ноября 1927 г. полковник М.М. Липинский «продавал разные художественные изделия из дерева», и «расспрос велся в моменты, когда не было покупателей»³) и т. п. Из присланных генералу писем часть сохранилась в оригинале,

от другой остались подробнейшие, с цитатами, конспекты, составленные Чернавиным. Сличение конспекта с оригиналом письма в тех случаях, когда последний сохранился, свидетельствует о предельно полном и корректном, максимально близко к оригинальному тексту, изложении содержания писем. Несомненно, столь же корректно записывалась и информация, полученная в устной беседе.

Особая ценность этих источников для решения указанной нами выше исследовательской задачи определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, благодаря инициированию их создания историком их уже нельзя считать обычными воспоминаниями (вроде тех, что печатались в 20 – 70-е гг. в эмигрантских изданиях «Военная быль», «Часовой», «Вестник союза офицеров участников войны» и др.), т. е. классическими источниками личного происхождения с присущей им повышенной степенью субъективности. Отбирая обнародуемую информацию, респонденты Чернавина руководствовались не только собственными соображениями, но и программой, предложенной им Чернавиным, т. е. сотрудником сначала общественного, а затем государственного (в 1928 г. пражский Земгор передал Русский заграничный исторический архив чехословацкому МИД) учреждения. Этот оттенок официальности явно должен был заставить русских офицеров и генералов отнестись к сообщаемой ими информации с большей, чем при написании обычных воспоминаний, ответственностью.

Во-вторых, в связи с тем, что Чернавин прямо (вплоть до рассылки анкет) ориентировал своих респондентов на освещение конкретных вопросов (и в том числе касающихся боевой выучки), эти источники отличаются повышенной концентрацией интересующей нас информации и содержат больше элементов ее анализа – приближаясь здесь к служебным аналитическим запискам. (Конечно, в отличие от авторов последних, респонденты Чернавина не могли опираться при анализе на столь же широкий круг источников.)

Можно ли считать сведения, сообщенные респондентами Чернавина, показательными для всей русской армии? Поскольку подбор респондентов производился по принципу их доступности для почтовой связи или устной беседы (т. е. принципу, не имеющему отношения к военному делу), создавшуюся в результате выборку сведений можно считать случайной – и, значит, вполне репрезентативной. В пользу такого вывода говорит и тот факт, что сведения «чернавинской» выборки в целом подтверждаются сведениями другой случайной

выборки источников по нашей проблеме – проанализированной нами⁴ подборки из нескольких десятков опубликованных воспоминаний и из сведений делопроизводственных источников, введенных в научный оборот в нескольких же десятках военно-исторических работ.

Материалы, собранные Чернавиным, позволяют уточнить и расширить наши представления об уровне боевой выучки русской пехоты накануне августа 1914 г. Прежде всего обращает на себя внимание высокая оценка респондентами Чернавина выучки выступившего на войну строевого офицерства пехоты – совпадающая как с выводами наших работ, так и с оценками, которые дали А.А. Брусилов («Состав кадровых офицеров армии был недурен и знал свое дело достаточно хорошо, что и доказал на деле») и видный историк Первой мировой А.А. Строков (к 1914 г. армия располагала «весьма боеспособным и неплохо обученным» офицерским составом)⁵. Из 13 офицеров и генералов, откликнувшихся в 1928–1929 гг. на просьбу Чернавина охарактеризовать согласно предложенной анкете русское пехотное офицерство кануна августа 1914-го, 6 дали и итоговую оценку – и во всех 6 случаях она оказалась весьма высокой. В пехоте VIII-го армейского корпуса, отметил служивший в нем Генерального штаба полковник М.А. Ковалев, офицерский состав «был на должной высоте, я бы сказал, был прекрасный состав офицеров». То же заявили Генерального штаба полковники А.К. Фартушный (в 7-й Сибирской стрелковой дивизии «весь офицерский состав» «был вполне на высоте своего призвания») и К.Л. Капнин («Ничего не идеализирую, но надо быть справедливым»: офицерский состав пехоты «был, в общем, очень хороший»), а также говорившие лишь о своих частях генерал-майор Б.В. Геруа (в 123-м пехотном Козловском полку «состав офицеров, за редкими исключениями, был очень хороший»), генерал-майор Е.А. Сальков (в 148-м пехотном Каспийском полку был «великолепный состав офицеров») и полковник И.М. Шастин (кадровые офицеры 5-го Сибирского стрелкового полка «вполне соответствовали своему назначению»). То же писал в 1932 г. Чернавину и генерал-майор М.Н. Скалон: в 122-м пехотном Тамбовском и 36-м пехотном Орловском полках, где он служил в августе 1914-го, кадровый офицерский состав был «отличный»⁶.

Не объясняется ли подобное единодушие стремлением «защитить честь мундира»? Вряд ли, так как достаточно высокая квалификация русского пехотного офицерства проступает и на тех страницах

собранных или законспектированных Чернавным писем, на которых никаких оценок не дается. Подробное описание респондентами Чернавина работы пехотных офицеров (как своей, так и других лиц) в августе 1914-го выявляет, в частности, прочное знание ими уставных тактических норм. Так, командиры полков на марше постоянно высылают вперед разведку и организуют походное охранение (исключение встречается лишь одно: перед первыми боями 2-го Кавказского стрелкового полка в сентябре 1914 г. в районе Копциво полковник П.А. Томилов разведкой пренебрег). Перед боем разведка организуется и ими, и командирами батальонов, и командирами рот; задачи ей ставятся не «вообще» (вести разведку в таком-то направлении), а конкретные, призванные помочь решению полученной боевой задачи (выяснить расположение противника, установить, заняты или нет им конкретные населенные пункты и т. п.). В бою принимаются меры к охране флангов (единственное исключение – части 3-й гренадерской дивизии в Томашовском сражении), к установлению связи с соседями справа и слева. Столь же прочно была усвоена и техника управления частями и подразделениями. В тех случаях, когда респонденты Чернавина касаются этого вопроса, из их сообщений видна твердая ориентация командиров полков (и в том числе упомянутого выше П.А. Томилова) и батальонов на полевой телефон как на основной вид связи с подразделениями, штабом дивизии и приданной или поддерживающей артиллерией.

Картину твердого усвоения уставных тактических норм и прочного владения техникой управления войсками наглядно рисуют наиболее подробные из имеющихся в материалах Чернавина описаний боя пехотных подразделений – написанные в 1929 г. по хорошо сохранившимся в памяти следам утраченного в 1918-м дневника воспоминания генерал-майора М.П. Башкова о двух первых боях 46-го пехотного Днепровского полка. Перед боем 10 (23) августа 1914 г. у села Острув (под Тарнополем, при завязке Галицийской битвы) перед походной колонной полка движутся пешая и конная разведки. Поступающие от них донесения вполне выясняют для командира полка как особенности впереди лежащей местности, так и расположение австрийских позиций. Остановив полк, он ставит задачи командирам батальонов, а те доводят их до командиров рот, ставят задачи ротам и определяют порядок поддержания связи с соседними батальонами. Ротные объясняют задачу ротам, определяют построение боевого порядка роты и, с учетом обстановки, порядок наступления

(для наступавших под ружейным огнем взводов 1-й роты капитана Башкова – переползанием по одному от одной стрелковой позиции до другой с окапыванием на ней при движении по открытому полю и перебежками по одному при движении по роще). По выполнении поставленной полку задачи командиры рот отдают приказ окопаться на достигнутом рубеже и выставить сторожевое охранение.

Перед боем 16 (29) августа у Фирлеюва (в сражении на Гнилой Липе) полковой командир ставит батальонным задачи наиболее эффективным способом – на местности (а не по карте) и распределяет между батальонами средства огневой поддержки (пулеметы). Задачи ротным батальонные тоже ставят на местности, выдвигаясь с ними вперед для проведения рекогносцировки. Принявший 1-й батальон капитан Башков подводит его к исходному рубежу «с мерами охранения». Далее командный состав организует управление огнем и движением (наступление подготавливается ружейным огнем и ведется перебежками повзводно; подразделения, остающиеся на месте, прикрывают перебегающих огнем).

Правда, обращают на себя внимание довольно частые случаи стремления командиров полков к безостановочному (без залегания, окапывания и перебежек) наступлению под огнем противника. Но если в бою 15-й пехотной дивизии 18 (31) августа близ Подгайцев (в сражении на Гнилой Липе) это и могло идти от отмеченного ветераном 15-й полковником Е.Э. Месснером «неотдания себе ясного отчета о характере современного боя»⁷, то в других случаях могло объясняться слабым огнем противника (бой 34-й пехотной дивизии 16 (29) августа под Янчином, в ходе того же сражения) или стремлением уменьшить потери таким предусмотренным наставлениями способом, как быстрота наступления (бой 44-го пехотного Камчатского полка 13 (26) августа у Красне, в сражении на Золотой Липе, и бой 176-го пехотного Переволоченского 17 (30) августа близ Каменки-Струмиловой).

Особо отметим стремление пехотных офицеров тесно взаимодействовать с артиллерией. В бою 33-й пехотной дивизии 13 (26) августа у Буска, в сражении на Золотой Липе, командиры сразу двух полков – 131-го пехотного Тираспольского и 132-го пехотного Бендерского – стремятся даже организовать артиллерийскую подготовку пехотной атаки (Полевой устав 1912 г. предусматривал лишь ее артиллерийскую поддержку). Организация взаимодействия с артиллерией была тогда обязанностью командира полка, но в матери-

алах Чернавина мы находим и случаи, когда поддержки огнем у артиллеристов просили (и притом в первом же бою) и командиры батальонов, а может быть, и рот (133-й пехотный Симферопольский полк под Янчином; лейб-гвардии Семеновский в бою 20 августа (2 сентября) у Владиславова в конце Люблин-Холмской операции). В последнем случае к командиру батареи (приданной, кстати, не Семеновскому, а другому полку!) прибыли сразу два офицера; следовательно, их могли прислать как батальонные, так и ротные (командир полка направил бы одного). По-видимому, именно ротные организовали практиковавшееся в начале войны в 99-м пехотном Ивангородском полку при отсутствии артиллерийских наблюдателей корректирование артиллерийского огня самой пехотой (при помощи флажков).

Упоминания же респондентов Чернавина о том, что «не было связи, не было управления» (генерал-майор А.Ф. Макалинский о боях XXV-го армейского корпуса 13–14 (26–27) августа под Замостьем в начале Томашовского сражения), о том, что «разведка отсутствовала» (полковник Б.В. Мельников о действиях 7-й пехотной дивизии в том же сражении, полковник А.В. Бржезицкий о первых боях 1-й Кавказской стрелковой бригады в сентябре под Копциво)⁸, относятся исключительно к командирам и штабам соединений.

Очень важны оценки квалификации различных категорий пехотного офицерства. Большую их часть дали те, кто в 1928–1929 гг. участвовал по просьбе Чернавина в обсуждении рукописи генерала от артиллерии В.Е. Флуга «В защиту нашего командного состава» (где отмечалось, что инициативность и другие «активные воинские качества» чаще встречались у младших офицеров, реже – у ротных командиров и лишь «в виде исключения – между батальонными», состав которых в армейской пехоте «говоря вообще, был безусловно неудовлетворителен»⁹).

В отношении младших офицеров рот и команд и командиров полков оценки единодушны и выражены М.А. Ковалевым: эти две категории «были на должной высоте»¹⁰. Подпоручиков и поручиков производства 1910–1913 гг. штабс-капитан К.С. Попов назвал даже «первоклассным однородным военным элементом». Правда, он сам был одним из них, но в пользу его правоты говорят два замечания полковника З.Е. Яковлева, выступившего на войну уже старым ротным командиром 44-го пехотного Камчатского полка. Два только что выпущенных из училища подпоручика его 10-й роты оказались

«вполне на своих местах» и «с первого же боя» действовали так, как требовала боевая обстановка¹¹.

Что до полковых командиров, то в материалах респондентов Чернавина мы сумели обнаружить оценки командирской квалификации 25 выступивших в поход 1914 г. командиров полков 10 дивизий (1-й гвардейской пехотной, 3-й гренадерской, 6-й, 9-й, 15-й, 21-й, 34-й, 44-й и 52-й пехотных и 7-й Сибирской стрелковой). Из них 19 (76 %) охарактеризованы как хорошие, отличные или выдающиеся, 2 (8 %) – как удовлетворительные и лишь 4 (16 %) – как неудовлетворительные¹².

Большим оказался разброс мнений относительно квалификации ротных командиров. Десяток обнаруженных нами оценок и замечаний примерно поровну делится между «хорошо/отлично» и «удовлетворительно». При этом к отличным/хорошим оценкам мы отнесли и выраженные словами «вполне были на месте» (А.К. Фартушный о ротных 7-й Сибирской стрелковой дивизии); «в боевом отношении, безусловно, были на высоте» (М.П. Башков о ротных к началу войны); «многие старшие начальники <...> как один давали о них самые лучшие отзывы» (И.М. Шастин о ротных за всю войну). А к удовлетворительным – и выраженные формулировками «слабее», чем «на должной высоте» (М.А. Ковалев о ротных за всю войну); «начиная с ротных командиров и выше состав был устарелый <...> по образованию и взглядам» (К.С. Попов о всей войне); «неудовлетворительными оказались около 40 % капитанов и штабс-капитанов» (полковник М.М. Липинский о 5-м гренадерском Киевском полку в августе 1914 г.). А также статистику полковника А.М. Бروفельдта 1-го относительно ротных командиров лейб-гвардии Измайловского полка в 1914 г.: 6 (т. е. 37,5 % – А. С.) выдающихся и хороших на 10 (т. е. 62,5 % – А. С.) неудовлетворительных¹³.

Выступившие же на войну командиры батальонов удостоились самых разных (в том числе и прямо противоположных) оценок. Приведенный выше отзыв И.М. Шастина о ротных относился и к батальонным; с ним солидарны оценки М.Н. Скалона (в 122-м пехотном Тамбовском и 36-м пехотном Орловском полках в августе 1914 г. состав батальонных был «отличный»), А.К. Фартушного (в 26-м Сибирском стрелковом батальонные тогда «были выдающихся достоинств и во всяком случае вполне на своем месте»), генерал-лейтенанта В.В. Артемьева (коренные штаб-офицеры полков 52-й пехотной дивизии к началу войны были хороши) и подполковника 22-й артиллерийской

бригады С.Д. Гегелашвили (командиры батальонов в войну отличались «большой инициативой»)¹⁴. Однако почти вдвое больше отзывов, рисующих состав выступивших в поход 1914-го батальонных удовлетворительным или даже плохим. «Батальонные командиры действительно наполовину были плохи», – соглашался с В.Е. Флугом командовавший в 1914 г. 43-й пехотной дивизией генерал от инфантерии В.А. Слюсаренко; с такой оценкой согласуются и впечатления А.М. Брофельдта 1-го, М.М. Липинского и подпоручика В.С. Сынпяна (в лейб-гвардии Измайловском и 5-м гренадерском Киевском полках 50 % выступивших на войну батальонных оказались «неудовлетворительными», а в 22-м пехотном Нижегородском – один (25 %) «очень слабым», а трое (75 %) лишь «удовлетворительными»). Приведенные выше отзывы М.А. Ковалева и К.С. Попова относились и к батальонным; артиллерист генерал-майор Д.В. Альтфатер, хоть и считал, что оценку, данную им Флугом, надо несколько повысить, дальше писал то же, что и Флуг: «Батальонные командиры – плохи». Встреченный В.В. Артемьевым 3 (16) октября 1914 г. под Ивангородом подполковник, принявший командование 10-м пехотным Новоингерманландским полком (явно бывший батальонный. – А. С.), «производил впечатление человека, совершенно к командованию не годного». (М.П. Башков вообще написал, что вышедшие на войну батальонные «оказались ниже всякой критики», но в качестве аргумента указал на их стремление побыстрее убраться в тыл, а не на их командирскую квалификацию, которая в его же воспоминаниях предстает хорошей.)¹⁵

При анализе приведенных выше отзывов о командирах рот надо учесть, что критиковавший их «устарелость» К.С. Попов ротным своего 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка, в своих вышедших еще в 1925 г. мемуарах, дал совсем иную оценку: «Состав ротных командиров в большинстве был прекрасный»¹⁶. А у ротных 5-го гренадерского Киевского (как и всех стоявших в Москве частей) «интерес к военному делу» «был значительно менее выражен, чем, напр[имер], в виленских полках» (автор этого отзыва – кстати, не единственного в своем роде – М.М. Липинский, учась в 1911–1913 гг. в Виленском военном училище, офицеров Виленского военного округа, будущих победителей германцев под Гумбинненом, знал не понаслышке). Отсюда и более низкий, чем в других округах, уровень командирской квалификации. С учетом этих обстоятельств следует признать, что выучка командиров рот к августу 1914-го была скорее

хорошей, чем удовлетворительной – и что, следовательно, сведения выборки, образованной материалами Чернавина, в целом подтверждают сведения той выборки источников, которая была проанализирована в наших предыдущих работах¹⁷.

Что же до разнообразия оценок квалификации командиров батальонов, то часть положительных отзывов должна быть поставлена под сомнение. Яро защищавший репутацию батальонных И.М. Шастин и автор отличного же отзыва о них М.Н. Скалон сами выступили на войну, командуя батальонами (первый – в 5-м Сибирском стрелковом полку, а второй – в 122-м пехотном Тамбовском). 1 из 4 батальонных принятого затем Скалоном 36-го пехотного Орловского полка командовать батальоном в бою все же умел плохо. А хороший состав батальонных в 26-м Сибирском стрелковом сложился лишь перед самым началом войны – когда 3 из 4 занимавших эти должности подполковников сменили капитаны (т. е. вчерашние ротные). Из прежних же один был «чрезвычайно слабым в военной подготовке»¹⁸, другой тоже вряд ли блистал командирскими качествами: его уволили по достижении предельного возраста. Т. е. перед нами снова указание на хорошую выучку тех, кто командовал к августу 1914-го ротами, и на отнюдь не хорошую – тех, кто командовал батальонами. С учетом и количественного перевеса удовлетворительных/плохих оценок следует считать, что в целом квалификация батальонных командиров к августу 1914-го была не более чем удовлетворительной. Т. е. оценку В.Е. Флуга (подтверждаемую и источниками, проанализированными нами в предыдущих работах¹⁹) надо лишь немного скорректировать в сторону повышения – так, как это сделал сам В.В. Чернавин. Выписав слова Флуга о том, что состав батальонных в армейской пехоте был «безусловно неудовлетворителен», он поместил: «Далеко не безусловно!»²⁰

В подобном мнении нас укрепляют приводимые респондентами Чернавина сведения об степени инициативности пехотных офицеров образца августа 1914 г. Инициативность в XX в. стала фактически интегральным показателем тактической выучки командира. Ведь проявление инициативы предполагает умение и быстро оценить вновь сложившуюся обстановку, и быстро найти (опираясь на знание тактики и военной истории) адекватное ей решение, и быстро же воплотить это решение в жизнь (отдав четкий приказ, распоряжение или команду). В то же время XX век сделал проявление командирами инициативы в бою чрезвычайно востребованным. Ведь он насытил

войска техникой – что привело к сильному расчленению боевых порядков, распаду боя на множество взаимосвязанных, но все же отдельных эпизодов и к быстрым изменениям обстановки в бою.

Правда, мы видели, что артиллерист С.Д. Гегелашвили отмечал высокую инициативность и у командиров батальонов, приводя в пример бои 14 (27) августа 1914 г. под Уздау, в ходе Танненбергского сражения, где офицеры разных полков 22-й пехотной дивизии «без всякого руководства свыше» формировали из отходивших сводные батальоны для прикрытия артиллерии²¹. Но И.М. Шастин – прямо задавшийся целью «реабилитировать «очерненных» В.Е. Флугом батальонных! – лишь подтвердил (сам того не замечая), что Флуг был прав. «Я говорил об этом, – писал 25 января 1929 г. Чернавину этот батальонный 1914 года, – с некоторыми бывшими командирами б[атальо]нов, и все они в один голос говорят, что они знают, а также знаю и я, что много было желающих к[омандиро]в б[атальоно]в проявить инициативу, но старшее начальство не позволяло и в корне эту инициативу душило, а если и позволялось, то только на ответственность инициатора». Так «кто же из б[атальонных] к[омандиров] возьмет на себя проявление инициативы, не рискуя своей безпорочной многолетней службой?»²² Трудно более четко расписаться в непонимании того, что такое инициативность! Конкретных фактов в опровержение Флуга Шастин тоже привести не смог – ограничившись риторикой в стиле «этого не может быть, потому что не может быть никогда». Смещение инициативности с умением разбираться в обстановке допускал и З.Е. Яковлев, писавший 1 мая 1929 г. Чернавину, что «90 % кадровых офицеров всегда проявляли на войне, если нужно было, инициативу. 10 % офицеров не то, чтобы не могли и не умели проявить инициативу, а просто боялись ответственности, так как всякая неудачная инициатива грозила судом или смещением с должности»²³. И в любом случае из слов этого бывшего ротного 1914 года отнюдь не вытекает, что в 90 % инициативных входили и батальонные и что эти последние (составлявшие 5–9 % офицеров уходившего на войну пехотного полка²⁴) не могли войти в 10 % безынициативных.

Тезису Флуга о меньшей по сравнению с ротными инициативностью батальонных не противоречит и письмо В.А. Слюсаренко от 18 декабря 1928 г., в котором соседствовали тезисы о том, что накануне войны офицерство обладало инициативой «в достаточной мере»²⁵, и о том, что командиры батальонов на 50 % были плохи. Не противоречит

ему и сообщении А.К. Фартушного об инициативности или «активности», присущей к началу войны соответственно 50 % и 50 % батальонных 26-го Сибирского стрелкового полка. Ведь лишь один из них – подполковник князь В.А. Химшиев (активный «настолько, что к[оманди]ру полка приходилось его порыв сдерживать») – занимал эту должность достаточно давно, а остальные трое, как мы видели, только что перестали командовать ротой²⁶. Да «активность» может быть и неразумной. Словом, сведения респондентов Чернавина об инициативности кадровых офицеров образца августа 1914 г. вполне сочетаются с тезисом о хорошей в целом квалификации командиров рот и не более, чем удовлетворительной – командиров батальонов. При хорошем знании тактики и техники управления войсками батальонным не хватало волевых качеств и инициативности. А сравнительно многочисленные хорошие отзывы о них надо объяснить заменой в последние недели перед войной части «устарелых» батальонных (о которых писал В.Е. Флуг) вчерашними ротными.

Отзывов о выучке унтер-офицеров меньше, но все они высокие. Прапорщик М.Л. Грицок подчеркнул, что отделения и взводы в начале войны действовали «очень хорошо» именно «благодаря превосходному составу начальников из н[ижних] чинов». Правда, тогда Грицок сам был одним из них (фельдфебелем 127-го пехотного Путивльского полка), но о том же писали и батальонные командиры 1914-го И.М. Шастин (в 5-м Сибирском стрелковом полку каждый унтер-офицер «знал свое дело и действовал как нельзя лучше»), и Е.А. Сальков (унтер-офицерский состав 148-го пехотного Каспийского полка – «очень хороший»). «Вполне соответственными», по З.Е. Яковлеву, были и унтер-офицеры 44-го пехотного Камчатского; Е.Э. Месснер отмечал командирские навыки «унтеров» 15-й пехотной дивизии²⁷. А в 5-м Финляндском стрелковом они даже «свободно» демонстрировали «проявл[ение] инициативы»²⁸. Полковник С.С. Дмитриев писал, правда, что в первом бою его 50-го пехотного Белостокского полка (у Бжуховице 16 (29) августа, в сражении на Гнилой Липе) унтер-офицеры забывали управлять огнем при наступлении перебежками. Однако из воспоминаний М.П. Башкова (см. выше), а также генерал-майора Ф.П. Рерберга (о первом бое 2-й бригады 9-й пехотной дивизии 13 (26) августа у Поморжан, в сражении на Золотой Липе) и М.М. Липинского (о кадровых унтер-офицерах 18-го стрелкового полка) видно, что этот просчет явно был локальным.

Картину выучки одиночного бойца и подразделений русской пехоты образца августа 1914 г. респонденты Чернавина рисуют абсолютно одинаковую – отличную. Об отличной выучке одиночного бойца говорит уже его прекрасное владение собой в первом бою – идущее от уверенности в своих возможностях. Подпустив 27 августа (9 сентября) под Бялой немцев на 1400 м, писал генерал-лейтенант Н.Н. Шиллинг, роты 5-го Финляндского стрелкового полка начали давать «такие залпы, как будто это было ученье, а не война; залпы спокойные, с выдержкой...». Взвод подпоручика А.К. Жонсона из 13-го пехотного Белозерского полка в своем первом бою 13 (26) августа под Бишофсбургом (в Танненбергском сражении) наступал под шрапнельным огнем, но, записал потом в дневнике Жонсон, «у солдат лица веселые, улыбающиеся; трусливых лиц не видно». «Стали посвистывать пули, – вспоминал о первом бое 46-го пехотного Днепровского М.П. Башков, – но мы все время чувствовали себя точь-в-точь как на маневрах, солдаты шутили, острили...». То же наблюдал в первых боях 34-й пехотной дивизии (под Тарнополем 10 (23) августа и Янчином 16 (29) августа) и артиллерист подпоручик М.С. Де-Лазари: «Солдаты шли весело и подтянуто, точно на параде, широким легким шагом»; «цепи шли великолепно, спокойным, ровным шагом, не обращая ни малейшего внимания на огонь и на потери». И это понятно: каждый хорошо освоил технику наступления перебежками и применения к местности; в случае необходимости цепи быстро превращаются в «жиденькие цепочки, скрытно и ловко пробирающиеся вперед», перебегая по одному от копны к копне²⁹. «Применение к местности у нас очень хорошее», – писал и З.Е. Яковлев; перебежки камчатцы (в отличие от австрийцев) совершали только бегом и в первом же бою после перебежек окапывались³⁰.

Соответственно, тактическую выучку подразделений характеризовала прежде всего прекрасная сколоченность – и, как следствие, быстрота построения и четкость боевых порядков. Респонденты Чернавина постоянно вспоминают о быстром и четком развертывании походных колонн в боевой порядок и идеальном – как на учениях – равнении цепей наступавшей в августе 1914 г. русской пехоты. В известном эпизоде Галицийской битвы – бою 26 августа (8 сентября) под Тарнавкой – одновременно вышедшие из леса «длинной стройной линией» цепи 208-го пехотного Лорийского полка произвели такое впечатление на немцев, что «они начали сдаваться»³¹.

Столь же отличной предстает в письмах В.В. Чернавину ее огневая выучка. Оценки ее исключительно высокие. Под Фирлеювом 16 (29) августа роты 46-го пехотного Днепроовского полка даже с дистанций 1400–1700 м накрыли окопы тирольских стрелков таким метким огнем, что подавили ответный огонь и вывели из строя многих австрийцев. Пленный командир роты сказал капитану М.П. Башкову, что его люди «считаются лучшими стрелками во всей австрийской армии, но, говорит, что ваши стрелки не уступают нам по стрельбе...»³². Как признался 27 декабря 1924 г. Чернавину участник Томашовского сражения майор чехословацкой армии Новозамский, «в действиях русской пехоты XIX арм[ейского] корпуса обращало на себя внимание» не только «идеальное применение к местности», но и «уничтожающий», «необычайно меткий и сильный» ружейный огонь³³.

Таким образом, материалы В.В. Чернавина подтверждают сделанный нами ранее вывод о хорошей боевой выучке русской пехоты кануна августа 1914 года³⁴ и существенно облегчают понимание причин многочисленных тактических побед, одержанных ею в начале Первой мировой войны.

¹ Драгомиров В. Подготовка русской армии к Великой войне // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Кн. V. Белград, 1924; Кн. VI. Белград, 1925; Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. М., 1938; Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3. М., 1994.

² Смирнов А.А. И.Н. Гребенкин. Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. Рязань, 2010. [Рецензия] // Русский Сборник. Исследования по истории России. Т. XIII. М., 2012. С. 422–475; Он же. Боевая выучка Красной армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 – первая половина 1937 года). Т. 2. М., 2013. С. 340–405.

³ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 45. Л. 22 об.

⁴ Смирнов А.А. И.Н. Гребенкин. Русский офицер в годы мировой войны и революции... С. 423–475; Он же. Боевая выучка Красной армии накануне репрессий 1937 – 1938 гг. С. 340–405.

⁵ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.; Л., 1929. С. 64; Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974. С. 167.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 35. Л. 7, 12 об., 15 об., 22, 36, 59; Д. 45. Л. 14.

⁷ Там же. Д. 70. Л. 1 об.

⁸ Там же. Д. 41. Л. 47, 61 об.; Д. 29. Л. 3 об., 19 об.

⁹ Там же. Д. 35. Л. 2. Этот отрывок был опубликован в 1937 г. и, повторно, в 2000-м (Флуг В. Высший командный состав // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. М., 2000. С. 273).

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 35. Л. 12 об.

¹¹ Там же. Л. 34; Д. 41. Л. 83, 84.

¹² См.: Там же. Д. 21. Л. 107; Д. 35. Л. 14 об.; Д. 41. Л. 46; Д. 42. Л. 13; Д. 43. Л. 4 об.;

Д. 45. Л. 14; Д. 61. Л. 3, 4, 17; Д. 65. Л. 1; Д. 70. Л. 1 об.

¹³ Там же. Д. 35. Л. 12 об., 15, 26 об.–27, 30 и об., 31, 34, 37 об.–38; Д. 41. Л. 45; Д. 42. Л. 13; Д. 45. Л. 14.

¹⁴ Там же. Д. 35. Л. 15, 19, 26 об.–27; Д. 45. Л. 14; Д. 61. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 35. Л. 12, 21, 30 и об., 31, 34, 38; Д. 41. Л. 45; Д. 42. Л. 13; Д. 61. Л. 16.

¹⁶ Попов К.С. Воспоминания кавказского гренадера. 1914–1920. М., 2007. С. 8.

¹⁷ Смирнов А.А. И.Н. Гребенкин. Русский офицер в годы мировой войны и революции... С. 441–442; Он же. Боевая выучка Красной армии накануне репрессий 1937–1938 гг. С. 358.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 35. Л. 15.

¹⁹ Смирнов А.А. И.Н. Гребенкин. Русский офицер в годы мировой войны и революции... С. 443; Он же. Боевая выучка Красной армии накануне репрессий 1937–1938 гг. С. 360.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 35. Л. 3.

²¹ Там же. Л. 19 и об.

²² Там же. Л. 24 об., 25.

²³ Там же. Л. 18.

²⁴ Например, в лейб-гвардии Измайловском полку – 5,2 % (4 из 77 офицеров; Там же. Л. 32), а в 1-м пехотном Невском – 8,7 % (4 из 46 офицеров; Бенningсен Г.П. 1-й пехотный Невский полк в Восточной Пруссии в 1914 г. // Военная быль. 1959. № 38. С. 7).

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 35. Л. 20 об., 21.

²⁶ Там же. Л. 14 об.–15.

²⁷ Там же. Д. 41. Л. 83; Д. 45. Л. 23; Д. 35. Л. 22, 58 об.; Д. 70. Л. 1.

²⁸ Там же. Д. 21. Л. 111.

²⁹ Там же. Д. 36. Л. 18 об.; Д. 42. Л. 8 об.; Д. 43. Л. 5 об., 5а, 8; Д. 47. Л. 13.

³⁰ Там же. Д. 41. Л. 84.

³¹ Там же. Д. 61. Л. 9–10.

³² Там же. Д. 36. Л. 23 и об.

³³ Там же. Д. 32. Л. 4 и об.

³⁴ Смирнов А.А. И.Н. Гребенкин. Русский офицер в годы мировой войны и революции... С. 475; Он же. Боевая выучка Красной армии накануне репрессий 1937–1938 гг. С. 386, 403.

Л.И. Смирнова (Москва)

ИЗ ПОЛЕВЫХ КНИЖЕК ШТАБС-КАПИТАНА ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ФИНЛЯНДСКОГО ПОЛКА ЮРИЯ АРГАМАКОВА

ОБРАЩАЯСЬ к эпистолярным материалам времени Первой мировой войны, наряду с такими значимыми документальными источниками как письма, дневники, воспоминаниями ее участников хочется отметить полевые книжки офицеров русской армии. Они дают представление не только о ходе локальных военных действий, армейском быте, но и раскрывают в определенной степени характер и взгляды их владельцев.

Так, на наш взгляд интерес представляют хранящиеся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) полевые книжки кадрового офицера, штабс-капитана Юрия Николаевича Аргамакова за 1912–1915 гг.

Род Аргамаковых известен с XVII в. Воевода Борис Лаврентьевич Аргамаков участвовал в боях с крымскими татарами 1677 г. В войнах с Наполеоном 1812–1815 гг. мы находим сразу двух генералов Аргамаковых – Ивана Андреевича (1775–1820) и Ивана Васильевича (1763–1834). Оба они отличились в 1812 г. в боях против австро-саксонских войск на территории современных государств Белоруссии, Литвы и Польши.

Отец Ю.Н. Аргамакова участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. офицером лейб-гвардии Павловского полка, а затем был переведен в лейб-гвардии Финляндский полк в чине полковника.

Штабс-капитан Юрий Николаевич Аргамаков (1885–1915) накануне Первой мировой войны преподавал в школе сверхсрочных унтер-офицеров лейб-гвардии Финляндского полка арифметику, русский язык, историю, военную топографию и географию¹.

1 октября 1913 г. полковник В.В. Жерве поручил Аргамакову прочесть лекцию для нижних чинов к столетию Лейпцигской битвы, в которой лейб-гвардии Финляндский полк покрыл себя славой ценой огромных потерь².

По мобилизационному расписанию приказом командира полка генерал-майора В.А. Козлова 28 апреля 1912 г. Аргамаков получил назначение командовать этапной полуротой лейб-гвардии Финляндского полка³. В этой должности он и начал войну, хотя, как опытный кадровый офицер, естественно, рвался на передовую. Необходимость выполнять комендантские, хозяйственные функции Аргамакова чрезвычайно тяготила.

Причина, по которой он получил отказ в просьбе о переводе в действующую армию, была вполне понятной: годом ранее он перенес тяжелую операцию.

В первый же день войны Аргамаков получил приказ от командира этапного батальона капитана А.П. Дитерихса о срочном выступлении его этапной роты⁴.

Однако уже 27 сентября Аргамаков обратился к новому командиру полка В.В. Теплому с рапортом, в котором просил о возвращении его в полк. Не получив желаемого ответа, вскоре он повторил свою просьбу: «Мне передавали, что некоторые товарищи считают, что мое здоровье не выдержит ночевок в окопах. Относительно этого могу сказать, в настоящее время здоровье мое очень сильно укрепилось, доказательством чего может служить то, что при переходе из Люблина сюда я одну ночь ночевал под открытым небом в дождь, а другую – в открытом сарае, и это нисколько не отразилось на здоровье...»⁵.

В очередном рапорте от 9 октября 1914 г. генерал-майору Теплову⁶ он пишет, что нашел себе требуемую замену в лице подпоручика Г.Г. Елисеева, «который, как по возрасту (на действительной службе был 4 года, 14 лет в запасе), так и по роду деятельности до призыва по мобилизации (лесное хозяйство, где он довольствовался часто более 1000 человек, а потом в должности директора-распорядителя банка лесопромышленников), а в особенности благодаря самостоятельному и энергичному характеру, вполне подходит для должности командира этапной роты и коменданта этапа». Аргамаков подчеркивал: «второй раз за время войны я кормлю роту на свои деньги. Так, в настоящее время мною истрачено своих денег более 100 р., а когда получу казенные – неизвестно. Это не говоря про то, что ни один интендантский склад за последнее время нам ничего не отпускает.

Реквизиция же у местного населения часто чуть ли не последнего продовольствия чрезмерно тяготит меня. Приходится играть такую роль, какую не мог себе представить»⁷.

Не надеясь на собственного командира, Аргамаков уже 11 октября обратился в штаб 9-й армии к полковнику А.Н. Мачигину с просьбой о переводе в действующую армию: «Мой младший офицер подпоручик Елисеев в сто раз больше меня подходит для этапной службы, так как я кроме строя ничего не знаю»⁸.

12 октября неугомонный Аргамаков вновь обращается к командиру полка: «Сегодня я подал рапорт об откомандировании меня в полк». В этом же письме содержалось поздравление генералу Теплову с успехом «в ночном деле у Грудека и взятии полком двух пулеметов», а также сожаление «о потерях, понесенных полком в этом бою»⁹.

Находясь в местечке Хмельник, Аргамаков предпринимает все возможные меры для доставки «подвод для военных надобностей», часть из них обязательно с соломой для перевозки раненых, а также крестьянских фурманок, при этом в значительном количестве¹⁰.

В конце октября – начале ноября 1914 г. Аргамаков докладывал командиру батальона о препровождении из Хмельника свыше 300 пленных австрийцев, в том числе 23 больных и раненых нижних чинов. Естественно, что подвод для них крайне не доставало¹¹.

Занимался Юрий Николаевич и другими делами – поисками помещений для размещения 200 военнослужащих, обеспечением хлебопекарни для 2-го военно-подвижного госпиталя 1-й гвардейской дивизии; препровождением транспорта с оружием: «464 русские винтовки, 49 австрийских и 199 лопат, 13 снарядов 89 мм, 2 гаубичных бомб, 71 ящика патронов и 358 пудов патронов без укупорки...»¹².

Вот еще один документ, в котором гвардейский офицер буквально умоляет о помощи заведующего одного из полевых госпиталей:

«1914 г. 1 ноября.

Прошу, если есть возможность, хотя бы малейшая, уступить часть вашего хлеба начальнику хозяйственной части 70-го запасного батальона, люди которого несколько дней не получали хлеба. Я отдал им весь запас – 60 пудов. Отсутствие хлеба грозит вызвать бунт. Всего им надо не менее 100 пудов, чтобы выдать по 1 фунту»¹³.

4 ноября Аргамаков обратился к главному врачу 139-го госпиталя с просьбой, «чтобы подводы, на которых доставляются к Вам из Хмельника раненые и больные, возвращались из Бодзентыня обратно,

заменяясь там новыми. Это необходимо потому, что запас подвод в окрестностях Хмельника иссякает, и эвакуация грозит прерваться за отсутствием перевязочных средств. До настоящего времени ни одна повозка, посланная с ранеными и больными, с 26 октября не возвратилась»¹⁴.

8 ноября 1914 г. капитан Дитерихс предписал штабс-капитану Аргамакову: «Немедленно закрывайте этап и выступайте на пополнение резерва на головной этап в г. Мехов.»¹⁵

Лишь 27 ноября 1914 г., уже со ст. Мехов, штабс-капитан Аргамаков отправил командиру этапного батальона Дитерихсу долгожданный рапорт, что он «отправился к месту своего служения в л.-гв. Финляндский полк»¹⁶, получив назначение командовать 12-й ротой.

Рапорт Аргамакова командиру 3-го батальона от 3 декабря 1914 г.:

«Доношу, что 12 рота расположилась правее дороги из д. Гебултов, на высоте двух отдельных елей. Застава выставлена на дороге, по которой пришла бригада. Кроме того, вправо выслан дозор для осмотра местности между занимаемой дорогой и деревней. Ему поручено выяснить также, нет ли какой-нибудь дороги, не указанной на карте. От заставы выставлены 2 полевых караула, наблюдающие ущелье дороги и местность по сторонам»¹⁷.

9 декабря Аргамаков принял командование 2-й ротой и 14 декабря отдал приказ подпрапорщику Тимошуку перед выступлением на театр боевых действий на Запад, вглубь Царства Польского, где шли бои:

«1) Перед выступлением, а еще лучше теперь же, приказать назначить от 1-го взвода 20 нижних чинов, с взводным, которые будут нагружать и разгружать обоз на ж. д. По приходе на ст. Кельцы мною будет указано, что и где делать. Для разгрузки на ст. Седлеце обязательно должны быть те же люди...

2) При движении поезда соблюдать следующий порядок:

На остановках, до приказа дежурного офицера или сигнала, *ни в коем случае не выходить никому из вагонов...*

Из района станционных построек не выходить.

Сырую воду не пить. Телеграммой на станции вперед будет заказываться кипяток.

Яблоки, квас и пр. покупать воспрещается.

Завтра (или ночью) я веду батальон, а на станции наблюдаю за погрузкой. Поэтому распоряжений повторять не буду»¹⁸.

Тому же Тимошуку 28 декабря 1914 г. он приказал «осмотреть все состоящее на нижних чинах снаряжение, обмундирование обыкновенное и теплое, до набрюшников включительно, и носильное белье, и составить ведомость количеству всех недостающих предметов... Завтра утром мы переходим в другую деревню, верстах в 15 отсюда, ближе к Радому. Час выступления будет сообщен позже, когда из полковой канцелярии сообщат название деревни... Если завтра придут молодые солдаты, то надо осмотреть и их»¹⁹.

25 января 1915 г. германское командование, будучи не в состоянии наступать одновременно на западе и на востоке, решило направить главный удар против русской армии, наступая одновременно в Восточной Пруссии и в Галиции. Началась так называемая зимняя операция в Мазурских болотах. В этом районе увязли значительные силы русской гвардии, в их числе оказался и Финляндский полк.

Полк вступил в бой у господского двора Едвабно, в 120 км севернее Варшавы. Приведем отдельные рапорты и приказы Аргамакова. «Командиру 1-го батальона л.-гв. Финляндского полка.

1915 г. 7 февраля. Господский двор Едвабно

Прошу пропустить беспрепятственно предьявителей записки семье Марцинковского и г-жу Лануа, уезжающих из фольварка Едвабно по моему совету, ввиду возможности артиллерийского обстрела 8 февраля... Считаю долгом добавить, что семья г. Марцинковского оказала полное гостеприимство нашим офицерам...»²⁰

«Командиру л.-гв. Павловского полка

1915 г. 8 февраля. 9 ч. 50 мин. Господский двор Едвабно

По приказанию командира 1-го батальона л.-гв. Финляндского полка доношу: д. Едвабно занята двумя батальонами л.-гв. Гренадерского полка, к которым присоединились 1-й и 3-й батальоны л.-гв. Финляндского полка.

Немцы еще удерживаются в ограде кладбища, что севернее Едвабно, а также против западной опушки д. Едвабно. Опросом пленных выяснилось, что здесь находился 34 резервный полк 2-го резервного корпуса. Утром, совместно с л.-гв. Гренадерским полком, предполагается атака кладбища, о чем генерал-майор Теплов приказал сообщить для совместных действий»²¹.

«Командиру 1-го батальона... 2-й батальон Павловского полка занимает опушку леса, мимо которого вчера мы шли фронтом на запад. К северу от него – остальные батальоны. С наступлением темноты предполагается произвести фронтальную атаку (по

сведениям от командира 6-й роты), так как вчерашний обход не удался.

У меня в роте 2 убиты, 2 ранены и 2 контужены – все шрапнелью. Ружейный огонь противника по нас слаб. Часто посылают очереди шрапнелей – и, вероятно, из мортир...»²².

Вечером того же дня капитан Пыжев отправил срочное предписание Аргамакову: «Завтра 9 февраля в 6 ч. утра будет атака кладбища. Ротами занять исходное положение в 5 ч. ночи... 2-й роте скрытно перейти в д. Едвабно и стать у перекрестка, где ночью были сосредоточены роты и стояли пулеметы. Роте стать не на самом перекрестке, а скрываясь домами. Один взвод оставить в вырытых сегодня ночью окопах, что правее каменной ограды церковного двора. Этому взводу продвигаться, окапываясь все время заступами... обратить внимание на старые германские окопы, тянущиеся по гребню, куда послать сильный дозор. Роте захватить с собою оба пулемета. Сегодня же пополнить патроны. Одну двуколку прислать теперь же к 4-й роте. При движении к деревне обратить внимание на полную тишину и пригонку котелков.

Капитан Пыжев²³».

«Командиру 1-го батальона. 1915 г. 9 февраля. 2 ч. 30 мин.

«Ночью павловцы отбивали атаку немцев. На моем участке были замечены только отдельные люди. С началом пожара, убедившись, что атаки на нас нет, прекратил огонь. Сегодня день прошел спокойнее вчерашнего. Несколько усилился ружейный обстрел. В сарае 1 убит пулей (в голову), 1 легко ранен. Правее белого дома, у кладбища замечен пулеметный огонь, так же как и на правой окраине дальнего леса...»²⁴.

На следующий день Аргамаков отдал приказ командиру 4-го взвода 14-й роты: «Одно отделение, побойчее, пошли лощинками осмотреть старый германский окоп, что тянется за дорогой к лесу. Окоп на бугорке. Там, видимо, сидят несколько немецких разведчиков. Надо бы их подстрелить и затем засадить в окоп дозор, который не давал бы немцам забраться туда. Остальных веди сюда»²⁵.

Рапорт Аргамакова командиру 3-го батальона.

«1915 г. 10 февраля. 2 часа 30 мин. дня. Господский двор Едвабно.

Наше наступление отложено. Из 1-го отделения Его Величества роты, начавшего выходить первым, вернулось 2 человека. Остальные убиты или ранены. Опыт не продолжали. Опять не было должной

артиллерийской подготовки. Сейчас мортиры работают недурно... Гренадеры при попытке к наступлению сильно потеряли...»²⁶

О физическом состоянии финляндцев, которые находились на снегу, под прицелом противника, и к тому же не получая пищи, свидетельствует следующий рапорт Аргамакова:

«Командующему полком.

1915 г. 10 февраля 5 час. Д. Куче Малы.

Доношу, что 2-я рота прибыла в д. Куче Малы, в полковой резерв. 2 пулемета направлены в 14-ю роту Его Величества и 4-я рота (резерв бригадного командования) находится в д. Маковке. 3-я рота с 2 пулеметами включена в участок капитана Януша²⁷. Батальон после 4 суток боя всю ночь и весь день передвигался с места на место. Люди еще не кормлены. 2-я рота имеет 155 штыков»²⁸.

16 февраля 1915 г. Аргамаков хлопотал «об утверждении в должности фельдфебеля 2-й роты фельдфебеля-подпрапорщика Игнатия Тимошука; о награждении Георгиевскими медалями 3-й степени младших унтер-офицеров Василия Мамайкова и Емельяна Баранова, которые «в боях у пос. Едвабно 8, 9, 10 и 11 февраля 1915 г. отличной храбростью и мужеством способствовали отбитию неприятельских атак на 1-й батальон» и 4-й степени фельдфебеля И. Тимошука, ефрейтора Григория Байкова и рядовых Михаила Сидорука, Михаила Гагунского, Ларина, Дмитрия Веприцкого и Ивана Филиппова, которые в боях при Едвабно «под сильным неприятельским ружейным и артиллерийским огнем передавали приказания от батальонного командира». Особо отметил он старшего унтер-офицера Ивана Капустина, который «в бою у пос. Едвабно 9 февраля 1915 г., по выбытии из строя полуротного командира и взводного командира, вступил в командование взводом и вывел его из опасного положения»²⁹.

Все это время – менее полугода – Ю.Н. Аргамаков получал письма из дома, от офицеров и нижних чинов.

«Дорогой Юрий Николаевич!

Докторами предписано мне эвакуироваться. Я привез немного папирос, предназначенных для раздачи нижним чинам нашей роты. Прошу тебя не отказать в любезности взять на себя труд раздать папиросы. Меня страшно гнетет мое глупое положение, я просто не знаю, что мне предпринять. Дай Бог тебе всякого благополучия. Штабс-капитан Садовский³⁰».

Петроград, 4 сентября 1914 г.

Уважаемый барин!

На днях я получила от мужа письмо, в котором он пишет, что Вы здоровы и назначены командиром 2-го батальона. Это известие меня очень обрадовало, и я спешу поздравить Вас с благополучным исходом боя. Шлет Вам поклон и Нюша. Дай Бог, чтобы Вы благополучно вернулись к нам, и мы увидели Вас живым и здоровым. Все здесь говорили, что Вы ранены... хотели поскорей выразить свою радость, так как узнали, что Вы живы. Сейчас у меня к Вам большая просьба: если что-нибудь случится с моим мужем (будет убит), то будьте добры, меня уведомить, так как, долгое время не получая писем, я очень волнуюсь, плачу, не могу спать, есть и даже ходить. Очень рада, что Вы нас не забываете, и мы, в свою очередь, поминаем Вас в своих молитвах каждое воскресенье.

Барин! Пожалуйста, передайте поклон господам: Заушкевичу³¹, Ушакову³², Пыжеву и Кормилеву³³.

Желаем Вам всего доброго и скорейшего возвращения.

Уважающие и любящие Вас Александра и Нюша Троцюк»³⁴.

Спустя почти два месяца Ю.Н. Аргамаков получил письмо и Ф. Троцюка:

«Ваше Высокоблагородие.

В настоящее время я нахожусь в полковом усиленном лазарете, моя рука в плохом состоянии. Ко мне приходили подпоручик Трояновский: у них тоже пальцы плохо работают.

Штабс-капитана Садовского 2-го³⁵ похоронили на Смоленском кладбище, подпоручик Юрьев еще не похоронен: он в гробе в полковой церкви еще, это от того, что мать не приехала с г. Самары и ее ожидают. Много возложено венков, на похоронах штабс-капитана Садовского много было г. офицеров. И уже недавно узнал, что и поручик Троцкий-Сентютович³⁶ тяжело ранен в живот, и находится в г. Ивангороде.

Как слышно-то, противник хотел зимовать около Скверниц, но этого ему не удалось, он спешно отходит на свою территорию. Желаю Вам успеха и победу над врагом и невредимым вернуться в город Петроград.

Нюша Вам кланяется и за Вашу драгоценную жизнь молит Бога.

Ф.Троцюк»³⁷.

«15.IX.914.

Милый Юрик, поздравляю тебя с дальнейшим движением, а то вполне понимаю, как покормить солдат. У меня пока идет все похорошему, только огорчает, что от Коли все нет писем, а папа узнал

от Марии Георгиевны, что он ей пишет. Теперь я ему еще написала и сообщила твой адрес на Действующую армию. Целую тебя крепко-крепко.

Твоя няня»³⁸.

Наконец, приведем фрагменты двух писем от Г.Г. Елисеева, недурно устроившегося в должности командующего этапной полуротой, с которой так настойчиво стремился проститься Аргамаков:

23 октября 1914 г. «Не знаю, как Вы, а я насчет довольствия устроился недурно, во всяком случае, хлебом и мясом обеспечен. Хлеб получил из гвардейских хлебопекарен, скот от проходящих гуртов... У меня каждый день проходят раненые в большом количестве, но так как медицинских средств очень мало, то я не имею возможности долго их задерживать».

8 ноября Елисеев писал, что «ежедневно прогоняют партии пленных, исчисляемых сотнями; день, когда их ночует человек 300–400, кажется легким. Пищу начинаем варить с вечера, а обед начинается с 7 утра и продолжается до 11–12 ч.»³⁹.

И – последняя запись: «Штабс-капитан Юрий Николаевич Аргамаков был смертельно ранен шрапнелью в живот 17 февраля в 8 ч. утра и скончался в тот же день в 10 ч. веч., в день и час своего рождения.

Погребен в братской могиле полка на Смоленском кладбище в Петрограде.

Капитан Николай Аргамаков»⁴⁰.

Ю.Н. Аргамакову исполнилось ровно 30 лет!

На обороте последней полевой книжки – следы запекшейся крови...

Из записных книжек Ю.Н. Аргамакова явствует, что это был скромный офицер, честно и добросовестно исполнивший свой воинский долг, который, как мог, всеми силами старался беречь солдат и пользовался у них, насколько нам представляется, симпатией.

Несколько иной была психология другого штабс-капитана того же полка Александра Николаевича Моллера, адъютанта лейб-гвардии Финляндского полка. Вот как, например, он описывает бой под Ивангородом в октябре 1915 г., закончившийся полным разгромом 1-й австрийской и 9-й немецкой армий:

«Слава Богу, что все так отлично закончилось. Ужасно жаль только потерь, понесенных батальоном... Нижних чинов выбыло до 700 человек или немного больше. Но для такого боя, а особенно по

достигнутым результатам, такие потери, как они ни тяжелы, нельзя считать большими... Общая обстановка во всех местах самая благоприятная: всюду наступаем, бьем, берем в плен и гоним всюду. Все же без грандиозного боя не обойтись: даст Бог, это будет последний и решающий»⁴¹.

В 1916 г. А.Н. Моллер был произведен в полковники.

Материалы об офицерах – участниках Первой мировой войны ждут своих исследователей. Особенно следует отметить фонд бывшего Военно-исторического музея, где хранятся приказы по полкам, рапорты о ходе боевых действий, ведомости о числе убитых, раненых, без вести пропавших и больных, о снаряжении и обмундировании, карты и кроки позиций, наградные листы, удостоверения и другие личные документы, большое количество фотографий и, наконец, трофейные материалы.

---

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Ед. хр. 275. Л. 69.

² Там же. Л. 72.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Ед. хр. 281. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 31–32.

⁶ Теплов Владимир Владимирович. В 1912 г. – полковник, командир 89-го пехотного полка. В 1914 г. – генерал-майор, командир л.-гв. Финляндского полка. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за мужественное руководство «блестящими действиями полка» в боях под Ивангородом 10 октября 1914 г.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Ед. хр. 281. Л. 34.

⁸ Там же. Л. 36, 36 об.

⁹ Там же. Ед. хр. 280. Л. 3, 3 об.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 279. Л. 4–9 об., 19–22, 24, 37.

¹¹ Там же. Л. 44, 45, 96, 97; Ед. хр. 280. Л. 39, 40.

¹² Там же. Ед. хр. 280. Л. 13–14, 16, 17, 39, 40.

¹³ Там же. Л. 34.

¹⁴ Там же. Л. 41–41 об.

¹⁵ Там же. Ед. хр. 281. Л. 61.

¹⁶ Там же. Ед. хр. 280. Л. 6.

¹⁷ Там же. Л. 10.

¹⁸ Там же. Л. 14 – 14 об.

¹⁹ Там же. Л. 15.

²⁰ Там же. Л. 22.

²¹ Там же. Л. 23.

²² Там же. Л. 25.

²³ Там же. Ед. хр. 281. Л. 68, 70–71. Пыжев Сергей Владимирович, в 1914 г. – капитан л.-гв. Финляндского полка. Ранен 19 февраля 1915 г. Произведен в полковники 19 июля 1916 г. Убит 3 сентября 1916 г.

²⁴ Там же. Ед. хр. 280. Л. 27–27 об.

²⁵ Там же. Л. 29.

²⁶ Там же. Л. 30.

²⁷ Януш Анатолий Вячеславович, капитан. Контужен 19 февраля 1915 г., остался в строю.

²⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Ед. хр. 280. Л. 32.

²⁹ Там же. Л. 33–34.

³⁰ Там же. Л. 77. Садовский Владимир Стахиевич, штабс-капитан.

³¹ Подпоручик Заушкевич Петр Петрович умер от ран в феврале 1915 г.

³² Подпоручик Ушаков Борис Федорович был контужен 25 августа 1914 г., вернулся в строй, вновь контужен 18 февраля 1915 г.

³³ Кормилев Николай Николаевич, в 1914 г. капитан. С 22 марта 1915 г. полковник. Ранен 29 июля 1915 г.

³⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Ед. хр. 281. Л. 88.

³⁵ Садовский Иван Стахиевич, штабс-капитан. Убит 10 октября 1914 г.

³⁶ Троцкий-Сентютович Сергей Сергеевич, в 1914 г. поручик. Ранен 10 октября 1914 г.

³⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Ед. хр. 281. Л. 84 – 84 об.

³⁸ Там же. Л. 86.

³⁹ Там же. Л. 80, 81.

⁴⁰ Там же. Ед. хр. 280. Л. 35. Возможно, имеется в виду Николай Николаевич Аргамаков, к октябрю 1917 г. генерал-майор артиллерии, впоследствии служивший в РККА.

⁴¹ Там же. Ед. хр. 201. Л. 86 об. – 87.

И.П. Суханов (Санкт-Петербург)

ШВЕДСКИЙ МЕЧ 1657 Г. В ФОНДАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ВОЕННО-МОРСКОГО МУЗЕЯ

В ЦЕНТРАЛЬНОМ военно-морском музее хранится шведский меч, поступивший в его фонды 19 января 1825 г. из Гидрографического депо Главного штаба Русского флота. Музейные специалисты оружейного фонда произвели техническое описание меча, но полностью научно идентифицировать его им так и не удалось.

Рассмотрим его технические характеристики. Клинок (длина 70 см, ширина 6 см) прямой с одной долой (протяженностью 16 см и шириной 2 см), двусторонней заточки, боевой конец без заострения. На правой стороне клинка выбита надпись «ME FECIT WIRA» («Я сделан в Виира») и клеймо в виде трех профилей человеческой головы с коронами.

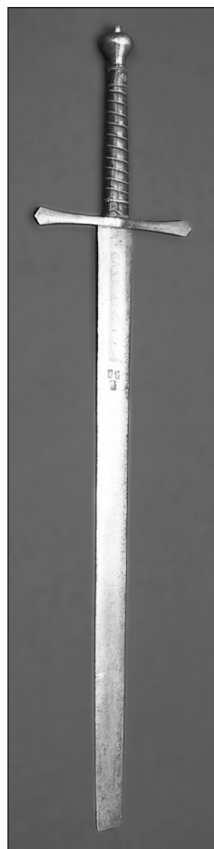
Тройное изображение «головы короля» напоминает клеймо известного немецкого мастера Иоганнеса (Иоганна) Вундеса, работавшего между 1560 и 1620 гг. Это клеймо сохранилось на притолоке его дома в Золингене, вместе с инициалами «I. W.», девизом и двустисьем: «Го-

Рис. 1. Шведский меч 1657 г.

Из фондов Центрального военно-морского музея.

Материалы: сталь, железо, дерево, яловая кожа.

ЦВММ. Инв. № 8544

лова короля – мой герб, в котором мне столь много завидовали». Клинки работы Вундеса пользовались большим спросом в Европе, и его клеймо часто подделывали. В качестве примера можно привести меч из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Это меч в полторы руки с характерным клеймом Иоганна Вундеса (Младшего), выбитым трижды на середине лезвия с двух сторон. Рядом выбито имя «CLEMENS KINT». Мастер Клеменс Кинт был представителем известной фамилии оружейников из Золингена и работал около 1615 г. Со временем мастерская Вундесов не выдержала конкуренции, и в 1774 г. Петер Вундес III продал право на использование клейма Петеру Вейерсбергу.

Деревянная рукоять обтянута черной кожей и двенадцатью витками крученой проволоки. Головка рукояти железная с утолщенным ободком. Крыж с плоскими гранями и заостренными оконечностями. Клейма и дата изготовления: «ANNO 1657», «ME FECIT WIIRA», указывают на то, что скорее всего меч действительно сделан на мануфактуре в Вире (швед. *Vira*) – имении в Швеции, располагающимся в Стокгольмском лене на берегу реки Вираон между озерами Вирен и Лушен. В 1635 г. рикс-адмирал Клас Флеминг с помощью валлонов основал здесь железоделательную мануфактуру, которая в том же году получила привилегию на монопольное производство шпага, багинетов и палашей для короны. Привилегия впоследствии возобновлялась в 1646, 1649, 1664, 1700 и 1720 гг. В период с 1668 по 1718 г. в Вире было изготовлено 277 тыс. шпага и 15 тыс. прочих клинков. Постепенно изготовление оружия было вытеснено производством инструментов из железа: кос, топоров, ножей, – а в 1842 г. и вовсе прекратилось.

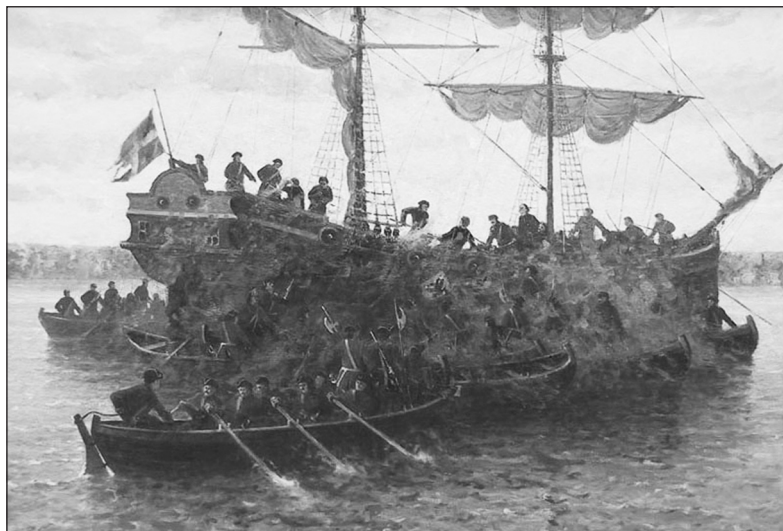
Рис. 2. Шведский меч с клеймами и надписью на клинке. Из фондов Центрального военно-морского музея

Для повышения ценности клинка, предназначавшегося, как следует из нижеприведенного заключения шведских специалистов, для церемониальных целей высшими флотскими офицерами, производитель «украсил» свое изделие контрафактными клеймами золингенского мастера.

С тех пор прошло почти два столетия. Последующий поиск материалов и их исследования стали приносить интересные и важные добавления к истории меча.

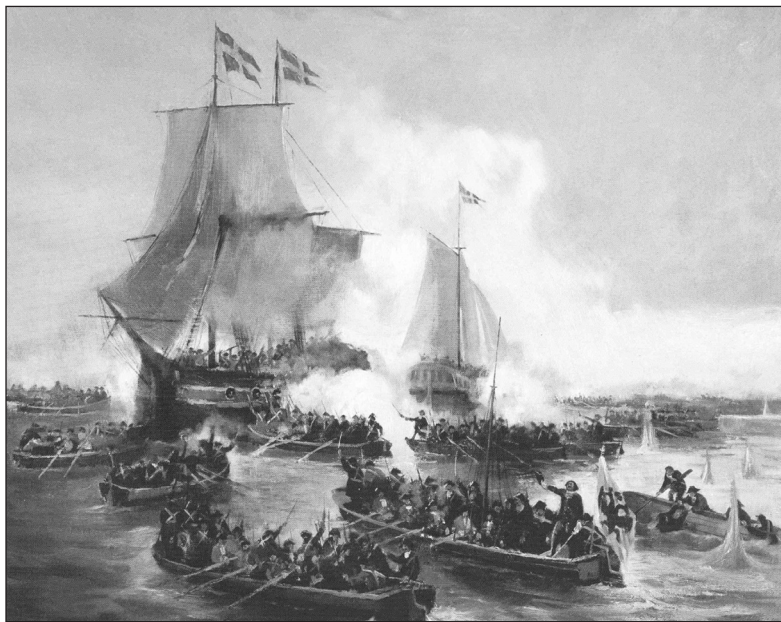
Меч предположительно относится к так называемым «адмиральским» мечам, находившимся на кораблях шведского флота. Выяснилось, что он был взят в качестве трофея на шведской шняве «Астрильд» в 1703 г. в устье реки Нева при личном участии Петра I. Этот меч стал весьма ценным старинным трофеем, поступившим в оружейный фонд Морского музея. Обратимся к истории.

Уже в начале Северной войны русские войска провели ряд успешных операций по овладению ключевыми крепостями Нотебург и Ниеншанц. Пытаясь сохранить свой последний бастион на пути продвижения русских к Балтийскому морю, шведы выслали в помощь осажденному гарнизону крепости Ниеншанц эскадру в составе

Рис. 3. Абордаж шведского судна «Астрильда» войсками роты Преображенского полка. Худ. Е.И. Чупрун. Из фондов Центрального военно-морского музея

9 кораблей под командованием вице-адмирала Нуммерса. 5 мая 1703 г. корабли шведской эскадры подошли к устью Невы. 10-пушечный бот «Гедан» и восьмипушечная шнява «Астрильд» вошли в устье Невы и отдали якоря. Шведы не знали, что накануне крепость уже была взята русскими войсками.

Рис. 4. Абортаж русскими бойцами шведских судов «Астрильд» и «Гедан» на р. Неве 7 мая 1703 г. Худ. А.П. Боголюбов. 1870-е гг. Из фондов Центрального военно-морского музея

Для захвата этих кораблей генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев отправил на 30 лодках две роты гвардейцев. Роту преобразенцев на 13 лодках возглавил бомбардирский капитан Петр Михайлов (Петр I), а командование ротой семеновцев на 17 лодках было доверено бомбардир-поручику А.Д. Меншикову.

Ранним дождливым утром 7 мая 1703 г. лодки с гвардейцами Преображенского и Семеновского полков двинулись по Неве к вражеским кораблям. Однако вскоре они были обнаружены шведами. На шведских кораблях прозвучали сигналы боевой тревоги. Пушечные

выстрелы, свист картечи, разрывы гранат и оружейная стрельба – все слилось в смертоносный гул.

С каждым гребком весел сокращалось расстояние гвардейцев до вражеских кораблей. Последнее усилие – и лодки у высоких бортов шведских кораблей. Одним из первых на палубу «Астрильда» взобрался бомбардир-капитан Петр Михайлов. Его высокая фигура с поднятой шпагой в руке была хорошо видна с лодок. Как говорили впоследствии очевидцы, «царь сражался с неприятелем отчаянно, не щадя своей монаршей милости». Кровопролитная борьба завершилась полной победой. Почти одновременно на обоих кораблях были спущены национальные кормовые флаги побежденных и подняты стяги победителей. Свершилось небывалое – с лодок, не имеющих какого-либо артиллерийского вооружения, были захвачены в абордажном бою два военных корабля, вооруженные восемнадцатью пушками.

В кровопролитном абордажном бою шведы (из 77 человек) потеряли обоих командиров кораблей, одного штурмана и 55 нижних чинов. Взято в плен 19 человек. Потеряв два корабля, эскадра адмирала Нуммерса вынуждена была оставить невские берега и возвратиться в Швецию. Путь России к Балтийскому морю был свободен. Так завершился первый абордажный бой русских, вышедших к берегам Балтийского моря. Боевую деятельность капитана от бомбардиров Петра Михайлова и поручика Александра Меншикова отметили, «наградив их орденом Св. Андрея Первозванного. Эти награды вручал награжденным первый кавалер этого российского ордена Ф.А. Головин.

Многочисленные, но безуспешные попытки выявить достоверность меча завершились в 2000 г. большой удачей. Профессор П.А. Кротов (С.-Петербургский государственный университет) обнаружил документ (V-2343) в филиале библиотеки Российской академии наук, из которого стало известно, что командир десятипушечного бота «Гедан» (Щука) «первый поручик Килиан Вилгельмс (раненый в бою при абордаже) завершил свою жизнь 8 мая 1703 г.» По рассказу самого Петра I, он «получил меч, ранее принадлежавший Вилгельмсу, и решил сохранить его как память о столь отважном воине».

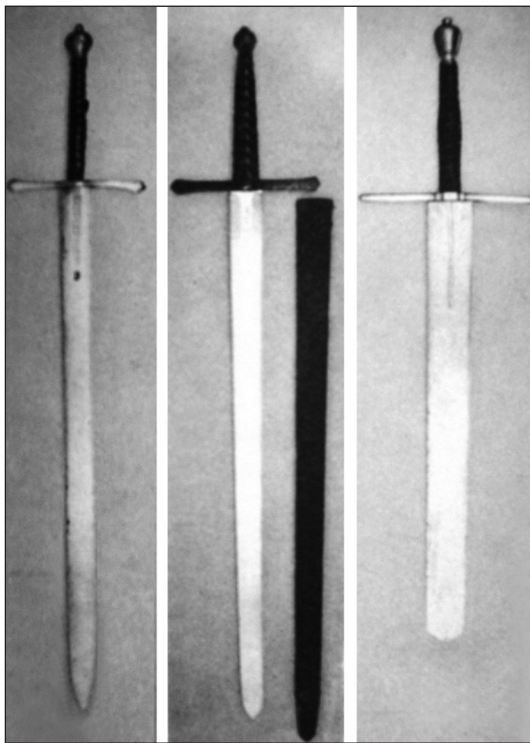
Кроме того, через дипломатические каналы (Бюро военных атташе посольства Швеции в Москве) поступили ответы на запрос ЦВММ и последовавшую затем ноту (№ 9196 80/00 от 2 марта 2000 г.) в адрес Генерального инспектора ВМС Швеции контр-адмирала Линда

Торсена (копия капитану 1-го ранга Суне Бирке в Государственные оборонительно-исторические музеи). Из этих источников стало известно, что большие (ударные) мечи в Швеции периода XVI–XVII вв. были символами власти в вооруженных силах, как на суше, так и на море. В сухопутных войсках ими перестали пользоваться после Тридцатилетней войны (1618–1648), тогда как на флоте их использовали до середины XVIII в.

Специалисты Военно-морских сил Швеции полагают, что в XVII–XVIII вв.

ударные мечи использовались как «должностные атрибуты» командиров военных судов. По документам XVIII в. каждый корабль, вооруженный 70 и более пушками, имел два ударных меча (у командира и старшего офицера), а судно с вооружением от 20 до 69 пушек – один. В 1738 г. было принято решение наделять мечами галеры, яхты и прочие малые суда. В настоящее время архивными документами подтверждено существование трех серий ударных мечей – 1657, 1738 и 1744 гг. В музейных коллекциях Швеции сохранены 9 мечей 1657 г., 19 – 1738 г. и 7 мечей 1744 г. Возможно, что подобные мечи сохранились и в частных коллекциях.

Рис. 5. Три разновидности ритуальных шведских мечей XVII–XVIII вв. Из фондов Центрального военно-морского музея

Д.Н. Счастливая (Санкт-Петербург)

**КОЛЬТ ПАТЕРСОН.
СТРЕМИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
ЛЕГЕНДАРНОГО РЕВОЛЬВЕРА**

ПО МНЕНИЮ многих ученых и знатоков оружейного дела, история огнестрельного оружия США, вероятнее всего, начинается с Даниэля Буна (1734–1820) и напрямую связана со временем войны за Независимость. Бун был американским поселенцем, борцом с индейцами и, конечно же, англичанином. Его длинноствольные кремневые ружья и, в частности, его личная винтовка по прозвищу «кентукки» стали прекрасным средством защиты против английских «мундиров» и не раз спасали солдат в противоборстве с коренным населением Америки¹.

Насколько бы хороши ни были кремневые ружья, они все же представлялись достаточно громоздкими и не слишком удобными для перезарядки. В конечном счете на Западе встала проблема усовершенствования огнестрельного оружия. Оно должно было стать не только легче, но и иметь большую скорострельность и огневую мощь. Именно поэтому очень скоро на смену кремневым ружьям приходят ударно-капсюльные револьверы.

Появившись в самом начале XIX в., капсюльные механизмы быстро завоевали сердца и признание мужского населения США. Само «применение ударного состава для воспламенения заряда было запатентовано в 1807 г.»² англичанином Александром-Джоном Форсайтом и быстро вошло в промышленный оборот. Несмотря на все предыдущие открытия в области мирового вооружения, именно идея капсюльного воспламенения непосредственно стала тем высоким порогом, который переступил человек в сфере усовершенствования огнестрельного оружия. И очень многие согласятся, что самым легендарным представителем новой эры стал револьвер-кольт Патерсон выпуска 1836 г.

Теорий по поводу его происхождения несколько. Первая гласит, что револьвер создал Самюэль Кольт, при этом не будучи великим конструктором. По другой теории проектировщиком револьвера был Джон Пирс, подручный Кольта, продавший ему чертежи за несущественное вознаграждение³. Согласно третьей версии развития событий схему револьвера в 1830-х гг. создал некий Чарльз Ширк. Он соединил барабанное ружье Э.Х. Коллера с идеями Мариетта⁴. В любом случае, кем бы ни был конструктор револьвера, сам механизм ввел в оборот именно Самюэль Кольт (1814–1862).

22 октября 1833 г. он получил патент на производство револьвера от Англии, далее, в феврале и апреле следующего года – от США и Франции соответственно⁵. Однако это было лишь первым шагом к строительству будущей империи. Кольту было необходимо заручиться поддержкой людей, имеющих деньги и вес в обществе. Это было не так легко, но недаром многие считают, что в то время молодому человеку сопутствовала невероятная удача – он находит акционеров для своей компании практически сразу.

5 марта 1836 г. в Патерсоне, штат Нью-Джерси открывается завод «Patent Arms Manufacturing Company». Однако, несмотря на дату, завод лишь в декабре выпустил первую модель револьвера – Number 1 Revolving Rifle (200 экземпляров). Далее, в январе 1837 г. на свет появляется Number 1 Pocket Pistol (500 экземпляров), после чего мануфактура Кольта выпускает еще 200 таких же револьверов, но уже второй серии⁶. Количество производимых пистолетов увеличилось, модели постепенно совершенствовались. Все они имели общий знаменатель – носили название Патерсон и считались одним револьвером.

Эти револьверы на первых порах стали невероятно популярны. Однако одна из моделей превзошла остальные – это знаменитый Number 5 Holster Pistol, уже «при жизни» называемый Texas Holster Pistol. Его производили в период с 1838 по 1840 гг.⁷

Чаще всего револьверы линейки Патерсон были 28, 31, 34 или 36 калибров. Длина ствола от 3 до 12 дюймов. Обычно пяти- или шестизарядные барабаны. У всех складные триггеры и отсоединяемые стволы⁸. Масса в незаряженном состоянии – 1200 г. Стальная конструкция, деревянная рукоятка. Капсюльная система воспламенения.

Данный револьвер поистине можно считать легендарным не только из-за того, что он был настоящим прорывом в разработке вооружения, но и потому, что его характеристики значительно превосходили

все предыдущие версии. В особенности это касается так называемых «бундэльревольверов», которые заряжались с дула. Патерсон же в сравнении с ними был намного удобнее, так как заряжался со стороны барабана. Новый револьвер был легким, маневренным, имел намного более точный прицел и более мощную пробивную способность⁹.

Револьверы серии Патерсон важны для истории, главным образом, с точки зрения присутствия их в вооруженных конфликтах того времени. Совсем скоро после открытия завода Кольту поступил заказ на 180 револьверов и дробовиков от штата Техас, жители которого яростно боролись против мексиканской власти на их территориях, а также против остального местного населения – команчей. Так как техасцы пока не могли превзойти противников в численности, им требовался фактор, который позволил бы перевесить силы на их сторону. Именно этим фактором и стали приобретенные ими у «Patent Arms Manufacturing Co» револьверы серии Патерсон. Их многозарядное устройство во много крат увеличивало преимущества американских солдат по сравнению с однозарядными мушкетами мексиканцев.

Также револьверы непосредственно способствовали расширению территории страны. В те времена существовал «мистический барьер»¹⁰ на пути эмиграции и торговли – так называемая Великая американская пустыня. Даже несмотря на активную деятельность охотников и исследователей земель, эти границы не расширялись. Необходимо было найти что-то, что помогло бы завоевать это пространство. В данной ситуации на выручку пришел кольт Патерсон, в то время самый современный и результативный револьвер.

Также он прошел «крещение огнем» в Семинольской войне во Флориде¹¹. Именно способность Патерсона стрелять минимум пять раз без перезарядки дала возможность американцам одержать победу в данном конфликте. Они просто лишили семинолов их преимущества – своеобразного «окна» после первого выстрела, во время которого и производилось нападение на американские войска.

Естественно, револьверы давали осечки, и достаточно часто. Какой бы современной и продуманной ни была их конструкция – Патерсон был только началом. Поэтому некоторые промахи не удивительны. Вероятнее всего, одним из главных минусов было то, что револьвер требовалось перезаряжать в несколько этапов.

Во-первых, необходимо было поставить курок на полузавод, что приводило к снятию блокировки вращения барабана.

Во-вторых, нужно было нажать защелку ствола и вращать ее из стороны в сторону, пока выточка не совпадет со штифтом.

В-третьих, снимался барабан и ствол. Эти части откладывались в сторону, и, вероятно, именно этот небольшой нюанс и стал тем самым ключевым фактором, обеспечившим Патерсону крах. Ведь крайне неудобно было осуществлять практически полную разборку револьвера в бою, и уж тем более сидя при этом на лошади.

Далее, на четвертом этапе, было необходимо наполнить каморы барабана порохом, но при этом оставить место для пули.

На следующем этапе требовалось специальным инструментом запрессовать эти пули.

И, наконец, последним, шестым шагом была установка ствола и барабана на прежнее место. Нужно было вновь поставить курок на полузавод, а на казенники камор установить капсули с помощью еще одного специального приспособления.

Таким образом, чтобы перезарядить всего один револьвер, требовалось не только время, но и место, дабы не потерять какие-нибудь части механизма. Чтобы делать это в седле, требовалась явная сноровка. Именно поэтому во время военных действий солдаты просто меняли опустевшие на уже подготовленные барабаны, чтобы не продлевать весь процесс перезарядки в бою. Это сильно сэкономило время и, как следствие, имело прямое отношение к одерживанию побед.

Иногда передние части револьвера смазывали пчелиным воском или салом. Это делалось для того, чтобы пуля случайно не выкатилась или чтобы искра от ее скольжения при выстреле не подожгла порох в соседней каморе и не пострадал сам стрелок¹².

В 1839 г. револьвер прошел модернизацию. Процесс перезарядки стал более простым, и сам механизм стал давать меньше осечек. Суть нововведения заключалось в добавлении рычага для прессовки пуль в барабан¹³. Использование револьвера в сражениях стало более удобным. К тому же теперь можно было не сходить с лошади: ведь, чтобы перезарядить барабан, не требовалось снимать его с самого револьвера.

Кольт Патерсон использовался в основном техасскими рейнджерами, военно-морским флотом Техаса, и лишь незначительная часть была закуплена армией США.

Револьвер без сомнения был хорош, но его недостатки, к сожалению, перевешивали достоинства. Кроме того, что он производил

многочисленные осечки, это был еще и достаточно дорогостоящий механизм. И это, возможно, не имело бы значения, если бы Патерсон работал «без ошибок».

Однако не только неудобство использования (поначалу) и высокая цена на сам револьвер и его составляющие стали теми причинами, которые позволили «Patent Arms Manufacturing Co» рухнуть. Это были лишь внешние факторы, которые вполне можно было бы модернизировать. Раскол произошел также и внутри самой компании.

К сожалению, на тот момент спрос на огнестрельное оружие резко упал. Кроме того, что все и так были вооружены, в Соединенных Штатах расцветали финансовый кризис, депрессия среди населения – все это совпало со временем производства Патерсонов. Если поначалу правительственные заказы, что поступали «Patent Arms Manufacturing Co» выполнялись и оплачивались, то теперь оплата поступала либо позже, либо не поступала вовсе. Против правительства идти было не резонно, поэтому Кольт обратил свое внимание на акционеров и руководителей.

В 1841 г. он выдвигает обвинение секретарю и менеджеру компании в том, что «Patent Arms Manufacturing Co» не выплатила ему авторские отчисления. Был начат судебный процесс, по итогам которого в 1842 г. компания объявила себя банкротом и была полностью ликвидирована в 1843 г.¹⁴

Став в 1836 г. самым многообещающим и молодым магнатом Америки, тем более в столь важной сфере развития страны, как вооружение, Кольт, спустя всего несколько лет, остается ни с чем.

На самом деле Самюэль Кольт вряд ли задумывался над тем, что производит огнестрельное оружие, которое забирает человеческие жизни, куда более правдоподобным было бы считать, что он просто исполнял правительственные заказы. Однако это касается скорее традиционной точки зрения, что Кольт был все же конструктором. Если не брать это во внимание и предположить, что сам Кольт был всего лишь автором идей, тем, кто продвигал и, возможно, модернизировал товар, то наверняка он понимал, что за этим следует.

Именно поэтому после ликвидации «Patent Arms Manufacturing Co» в Патерсоне, штат Нью-Джерси Самюэль Кольт замахивается на новые вершины – в будущем его компания стала первой, кто запатентовал подводные мины, знаменитый патронный револьвер Colt SAA (Single Action Army) по прозвищу «Миротворец», автомат Tommy gun; не менее легендарный Colt 1191 и др. Только за время

жизни Кольта на свет появилось более 400 000 единиц оружия. На настоящий момент эта цифра дошла до отметки более чем 30 000 000 единиц.

Рвение, с которым Самюэль Кольт шел вперед, развивался и старался модернизировать не только оружие, но и самого себя, объясняет, почему его империя до сих пор жива.

В свое время кольт Патерсон был настолько распространен среди населения, что интерес к нему сохранился и по сей день. Кроме того, что и современные модели фирмы Colt пользуются невероятной популярностью, многие даже копируют старинные образцы. А точнее, делают их точные «реплики»¹⁵. Они высоко оцениваются антикварными оружейными домами.

18 сентября 2011 г. в Далласе, штат Техас проходил аукцион, на котором один из револьверов Colt Paterson 1836 года (Holster Model No. 5) в полном комплекте ушел за 977 500\$. Данная цифра является рекордной среди продаж розничного оружия в США. К слову, его собрат Colt Navy 1861 года ушел за 805 000\$¹⁶.

Значение кольта Патерсон по прозвищу Техас невозможно переоценить. Его создание и практика эксплуатации стала бесспорным плацдармом для нового витка в изучении оружейного дела. Многие разработчики оружия, видя успех этого револьвера, начинают активно проектировать новые модели пистолетов, дробовиков, и не только. Да и сам Самюэль Кольт с данного экземпляра лишь начал свое шествие на Олимп.

---

¹ Чейпел Ч. Огнестрельное оружие Дикого запада / Пер. с англ. А.С. Цыпленкова. М., 2010. С. 5.

² Жук А.Б. Стрелковое оружие. Револьверы, пистолеты, винтовки, пистолеты-пулеметы, автоматы. М., 1992. С. 8.

³ Там же. С. 9.

⁴ Револьвер Colt (Кольт) // Легендарное огнестрельное оружие. URL: <http://www.legendary-arms.ru/revolvers/colt.html> (дата обращения: 04.02.2014).

⁵ Блэр К. Пистолеты мира / Пер. с англ. А.С. Цыпленкова. М., 2007. С. 74.

⁶ Herbert G. Houze. Samuel Colt: Arms, Art, and Invention. Wadsworth Atheneum Museum of Art, Hartford. 2006. P. 54.

⁷ Там же. P. 63.

⁸ Блэр К. Пистолеты мира... С. 74–75.

⁹ Жук А.Б. Стрелковое оружие... С. 9.

¹⁰ Чейпел Ч. Огнестрельное оружие Дикого запада... С. 5.

¹¹ Там же. С. 178–179.

¹² Капсюльный револьвер Кольт Патерсон (Colt Paterson) // History Pistols. История пистолетов и револьверов. URL: <http://historypistols.ru/blog/kapsyulnye-pistolety-i-revolvery/kapsyulnyj-revolver-kolt-paterson-colt-paterson> (дата обращения: 08.02.2014).

¹³ Эволюция револьвера // Информационное агентство «Оружие России». URL: <http://www.arms-expo.ru/055056049055.html> (дата обращения: 08.02.2014).

¹⁴ Блэр К. Пистолеты мира... С. 74.

¹⁵ Жук А.Б. Стрелковое оружие... С. 9.

¹⁶ Daily Bulletin. URL: <http://bulletin accurateshooter.com/2011/10/1836-colt-revolver-sells-for-record-977500-price-at-auction> (дата обращения: 04.02.2014).

Д.В. Тоичкин (Киев, Украина)

ДВЕ САБЛИ БАЛКАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ XVIII ВЕКА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ПОЛТАВСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

ВПОСЛЕДНЕЕ время в исследованиях в области истории холодного оружия украинского казачества значительное внимание уделяется сабле. Эта разновидность клинкового оружия, окончательно утвердившаяся на землях Речи Посполитой в XVI в., использовалась не только как средство вооруженной борьбы, но и как признак определенного социального статуса. Сабля была частью военного и выходного костюма, символом родового и собственного достоинства, маркером значительного материального состояния, наконец, предметом роскоши и выгодной денежной инвестиции. Придя на смену мечу, именно сабля, неоднократно воспетая в народных песнях и поэзии, на протяжении нескольких столетий оставалась любимым «рыцарским» оружием защитников родной земли и православной веры.

В этой связи особое значение приобретает прояснение вопроса, какие же разновидности сабли были наиболее популярны в среде казачьей старшины. В научной историографии данная проблематика начала подниматься еще в первой половине XX в. Однако только новейшие исследования дают возможность хотя бы частично разрешить данную проблему¹. Основная сложность заключается в отсутствии надежных критериев выделения собственно казачьих старшинских сабель. Ведь в отличие от произведений других отраслей декоративно-прикладного искусства украинская сабля не демонстрирует ни ярких национальных художественных традиций, ни самобытных ювелирных или кузнечных технологий. Поставленное историческими реалиями в область западных и восточных влияний, украинское клинковое оружие Нового времени осталось отлично замаскированным

восточноевропейским «средняком», приправленным изрядной порцией восточного колорита. Таким образом, для выделения казачьих предметов, к которым приложили руку украинские мастера, необходимо рассматривать целый комплекс характеристик. Тут изображения геральдических фигур и клинковая эпитафия, символика и орнаментика, ремесленные техники, наконец, морфологические характеристики.

Пожалуй, одним из наиболее надежных признаков следует считать клинковую эпитафию. До наших дней сохранились считанные единицы предметов с надписями, свидетельствующими о принадлежности оружия украинским шляхтичам. Один такой экспонат хранится в экспозиции Полтавского областного краеведческого музея (г. Полтава, Украина). Речь идет о наградной сабле старшины Гадяцкого полка П.Ф. Неженца, пожалованной ему императрицей Елизаветой Петровной (годы правления 1741–1761).

Уже в 1736 г. Павел Федорович Неженец (родился в 1723) был известным селитряным заводчиком. В 1745 г. он также начал военную карьеру. В 1748 г. императрица оценила заслуги П. Неженца в развитии селитроварной промышленности, пожаловав ему ценный подарок – наградную саблю с золотой насечкой. В наградной практике того времени поднесение сабли за гражданские заслуги было довольно-таки редким случаем. После этого пошла в гору и военная карьера Неженца – в 1749 г. видим его в чине полкового комиссара, в 1758 г. он – военный товарищ Гадяцкого полка, позднее – абшитованный бунчуковый товарищ (1788–1790)².

Представленный образец наградного оружия является одним из древнейших приобретений Полтавского музея, попав в него в 1906 г. в составе коллекции древностей мецената, издателя и общественного деятеля К.М. Скаржинской (1854–1932). Хотя изображение и описание этого предмета несколько раз публиковали в различных изданиях³, до сих пор он остается практически не изученным (рис. 1).

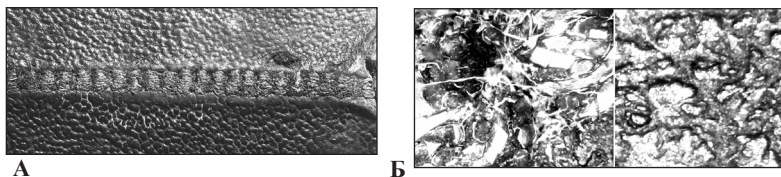
Рис. 1. Наградная сабля старшины Гадяцкого полка П.Ф. Неженца

Карabela, Османская империя (Балканы – Призрен?) – изделие, Российская империя – насечка, конец XVII в. – середина XVIII в. Полтавский областной краеведческий музей, инв. № 36-82.

Материалы: сталь, золото 585° и 999° (позолота), ювелирное серебро, серебряная нить, слоновая кость, дерево, кожа (хоз).

Техники: ковка, литье, чеканка, гравировка, рифление, насечки, золочение.

Кожа на ножнах скреплена толстым швом со смешанной серебряной нитью. Центры производства таких нитей находились на территории Османской империи, в частности, в Стамбуле. Для их изготовления на двойную шелковую нить наносили серебро, после чего волочили ее между двумя полированными валиками⁴. Существуют также сведения о производстве таких нитей на Украине⁵ (рис. 2).

Рис. 2. Серебряные нити шва на ножнах:
А) фрагмент; Б) с увеличением под микроскопом

Параметры оружия. Общая длина ~ 990 мм, длина клинка ~900, ширина клинка у пяты 34 мм.

Поскольку клинок обломан в нижней части, установить общую длину можно лишь приблизительно. Приняв во внимание размеры и кривизну ножен, отметим, что сабля имела значительную кривизну и вес, в целом ее параметры типичны для кавалерийского оружия первой половины XVIII в.

Эфес открытого типа. Серебряная гарда в виде крестовины с перекрестием состоит из двух симметричных частей. Она покрыта гравированным орнаментом и слоем позолоты. Короткие широкие кильоны приплюснуты и расширены к концам, где скреплены заклепками. Накладные щечки рукояти из слоновой кости скреплены тремя латунными заклепками с серебряными позолоченными фигурными головками в виде соляных розеток. Между щечками расположена серебряная позолоченная гиверса. Навершие, являющееся продолжением щечек, выполнено в виде стилизованной головы орла. Рукоять расширяется книзу.

Ножны деревянные, обтянуты черной кожей (хозом). Металлическая оправа выполнена из высокопробного позолоченного серебра, состоит из устья, обоймицы и наконечника, покрытых чеканным орнаментом (рис. 3).

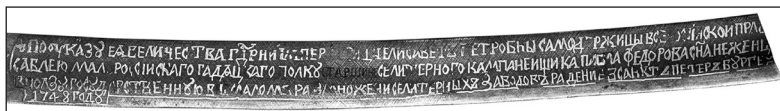

Рис. 3. Надпись на внешней стороне клинка

На внешней стороне клинка золотой насечкой в 4 ряда размещена надпись, которую можно интерпретировать следующим образом:

«По указу ее Величества Государыни Императрицы Елизаветы Петровны Самодержицы Всероссийской пра... / саблю малороссийского гадяцкого полку старшине селитерного кампанейщика Павла Федорова сына Неженц... / В пользу государственную в немалом размножении селитерных заводов радение в Санкт-Петербурге / 1748 году».

Перед надписью при пяте размещена орнаментальная композиция и двухглавый орел в обрамлении перекрещенных ветвей (рис. 4).

Отдельно следует сказать об орнаментике, использованной в деко ре сабли.

Рис. 4. Эфес наградной сабли П. Ф. Неженца

Орнаменты демонстрируют преимущественно геометрические мотивы – жгуты, ветви, варианты традиционных спиралей, или так называемых «бараньих рогов». Гарда и металлическая оправа ножен покрыты растительно-геометрическим орнаментом, выполненным в техниках чеканки и гравировки на разработанном рифлении фоне. Наиболее выразительной особенностью орнаментальной композиции является ее центрально-симметричное построение. В центре композиции гарды размещена восьмилепестковая розетка в окружении акантовых листьев. Центральный элемент помещен в крупный сегмент, состоящий из сегментированных арок и

фигур в стиле китайских «облачков-чи», образующих ярусные пирамиды с округлым верхом. И все же основным мотивом всей композиции являются уже упомянутые спиральные закрученные «бараньи рога», стилизованные под арабесковые дву- и трилистники. Больше всего их появляется в оформлении ножен, где спирали приобретают разнообразные формы. Видим тут и новые элементы – шестилепестковые розетки, стилизованные раковины и узлы, причем на устье раковина не только является центральным элементом композиции, но и играет роль традиционного в османском оружейном деле медальона, которым обычно заканчивается паз для нижнего шипа перекрестья. Сама композиция имеет более геометрический характер, четкая симметрия приобретает своеобразную иерархию: каждый элемент занимает точно отведенное ему место.

Все это построение, большое количество геометрических спиральных элементов, способ изображения раковины и прочее характерны в первую очередь для стиля Людовика XIV (так называемого «классицизирующего барокко») второй половины XVII в. Искусствоведы предполагают, что орнамент все же следует датировать концом XVII в., даже началом XVIII в.⁶ (рис. 5).

Атрибуция образца как балканского изделия основана на характере орнаментики и морфологии навершия. Для карабел, изготовленных в ремесленных центрах Балканского полуострова, обычно характерно волнистое навершие в виде своеобразного гребня. Именно такой видим на рассматриваемой сабле. Еще более красноречивой является отделка оправы. Хотя особенности орнаментального оформ-

А

Б

Рис. 5. Орнаментальная композиция на ножнах:

А) устье и обоймица; Б) наконечник

ления вызывают ассоциации как с центрально- и западнокавказским, так и балканским стилями, собственно данная разновидность встречается нечасто. Подобные композиции – с удлиненными стилизованными волютами, спиралями, узлами, ветвями, согнутыми

под прямым углом, и т. д. встречаются в оформлении оружия, изготовленного в г. Призрене (Сербия) в XVIII в.

Оружейные центры Призрена известны производством высококачественного огнестрельного оружия и сабель из узорчатой стали еще с XVII в. Особенно знамениты были так называемые призренские «златки» (дорого отделанные пистолеты), которые во второй половине XVIII в. продавались по всей Османской империи⁷. На одном из таких пистолетов можем видеть декоративные мотивы, аналогичные сабле Павла Неженца⁸. Таким образом, оформление сабли могло быть выполнено на несколько десятилетий позже начала XVIII в., недаром специалисты подчеркивают консервативность балканских мастеров, которые могли придерживаться принятой когда-то декоративной схемы почти столетие⁹. Именно поэтому не можем датировать изделие точнее конца XVII – середины XVIII вв. (до 1748 г., когда была выполнена насечка на клинке) (рис. 6).

Рис. 6. Фрагмент отделки пистолета, принадлежавшего сербскому воеводе Луке Лазаревичу (г. ж. 1774–1852), руководителю первого антитурецкого восстания 1804–1813 гг. Исторический музей Сербии, Белград, инв. № W43/2056

можно непосредственно верифицировать с помощью изобразительного источника.

К такому уникальному случаю относится еще один образец сабли из собрания Скаржинской, который с 1906 г. хранится в коллекции Полтавского областного краеведческого музея (рис. 7).

Сабля представляет из себя карabelу, датируется серединой XVIII в.

Полтавский областной краеведческий музей, инв. № 36-83 (ПКМ 3343).

Отметим, что рассмотренный нами случай – далеко не единственный, когда образец балканской сабли оказывался в руках украинской, в частности, полтавской шляхты.

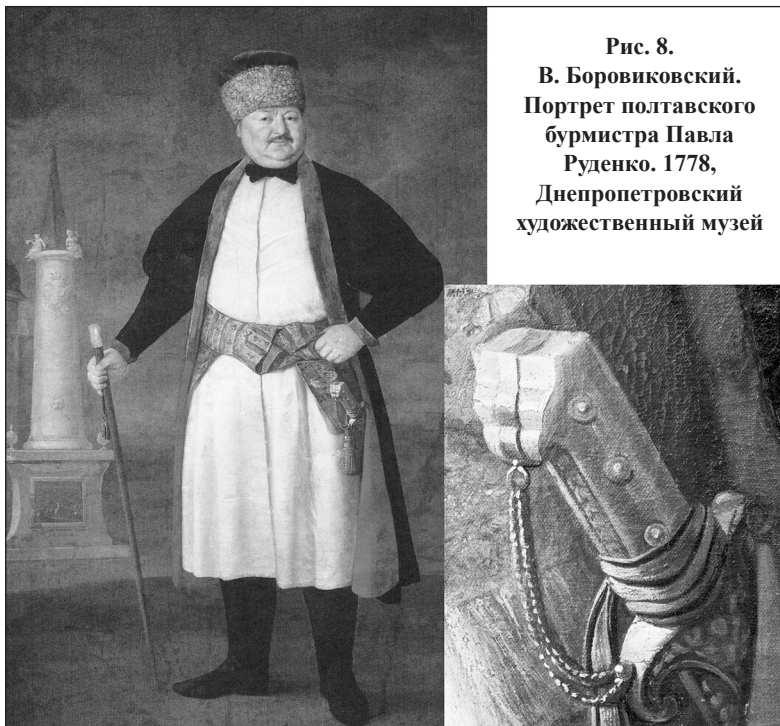
В исследовательской практике чрезвычайно редки случаи, когда морфологические характеристики и отдельные особенности исполнения образца, тем более его персональную принадлежность,

Рис. 7. Карabela из коллекции Полтавского областного краеведческого музея, инв. № 36-83 (ПКМ 3343)

Параметры оружия: общая длина – 810 мм; длина клинка – 690 мм; ширина клинка при пяте – 32 мм; вес – 730 г; вес в ножнах – 1050 г.

В процессе работы работники музея обнаружили, что эфес этой уникальной находки практически идентичен с изображенным на портрете полтавского бурмистра Павла Руденко, работы В. Боровиковского (1778). Сегодня это полотно хранится в Днепропетровском художественном музее (рис. 8).

Рис. 8.
В. Боровиковский.
Портрет полтавского
бурмистра Павла
Руденко. 1778,
Днепропетровский
художественный музей

Сабля балканского (возможно, стамбульского) происхождения XVIII в. изготовлена и оформлена под сильным европейским влиянием. Металлические части эфеса выполнены из ювелирного серебра и покрыты чрезвычайно тонким слоем позолоты. Гарда открытого типа в виде крестовины с перекрестьем, загнутые вниз кильоны завершаются завитками в форме волют. Накладные щечки выполнены из эффектного полупрозрачного оникса, скреплены на хвостовике тремя серебряными заклепками, украшенными соляными розетками.

Лишенный украшений сильно искривленный клинок также представляет определенный интерес, особенно в области оружейных технологий. Хотя его морфология наследует традиции XVII в., однако, судя по результатам ряда тестов, может быть продуктом более позднего времени, вероятно, середины либо конца XVIII в. Материалом полосы является рафинированная сварная сталь с низким уровнем очистки и высокой неравномерностью распределения микротвердости по телу клинка (22–68 HRC). Вместе с тем в конструкции установлено наварное лезвие с высокой микротвердостью, которая варьируется от 53–57 (в центре удара) до 70 HRC на острие и в центре тяжести. Наиболее высокие показатели связаны с опасностью выкрошивания лезвия. Высокая твердость при пяте привела к тому, что сабля сломалась у рукояти и полосу пришлось заново приваривать к хвостовику. В целом количество стабильно высоких показателей микротвердости этого клинка значительно превышает обычные для XVII в. значения.

Хотя орнаментика оправы и выполнена в европейском стиле позднего барокко с характерной формой волют, высокой рельефностью рисунка и схематическим изображением цветов, однако кое-где отмечаем начальные черты рококо, в частности, в форме роз на гарде. Таким образом, орнамент следует датировать от первой четверти XVIII в.

В общем стиле с эфесом выполнены деревянные ножны, покрытые кожей зеленого цвета с характерным продольным проволочным швом в турецком стиле. Металлическая оправа ножен состоит из серебряных, покрытых глубокой чеканкой, устья, обоймицы и наколочника.

В очередной раз сталкиваемся с универсальной оправой, выполненной в «ориентально-европейском» стиле, однако характер орнаментики и морфологии рукояти подтверждает предположение о монтажке

и оправе образца в одном из оружейных центров Балканского полуострова. Высококвалифицированная ювелирная работа и подгонка ониксовых щечек красноречиво свидетельствуют о греческой либо армянской работе (рис. 9).

Рис. 9. Карабела из коллекции Полтавского областного краеведческого музея, инв. № 36-83 (ПКМ 3343). Эфес и детали ножен

в это время в Восточной Европе и России. Тем не менее, именно рассмотренные образцы представляют собой раритетные экспонаты с установленными владельцами и хорошо исследованной историей, которые являются надежными источниками для изучения длинноклинкового оружия украинской казацкой старшины.

В заключение отметим, что балканские сабли являются лишь небольшой частью обширного массива казацкого оружия, куда входило, пожалуй, абсолютное большинство типов сабель, популярных

¹ См. например: Тоїчкін Д.В. Клиноква зброя козацької старшини XVI – першої половини XIX ст.: проблеми атрибуції та класифікації / Денис Тоїчкін. Інститут історії України НАН України. Київ: Інститут історії України НАНУ, 464 с.

² Кривошея В.В. Неурядова старшина Гетьманщини / Кривошея В. В., Кривошея І. І., Кривошея О. В.; НАНУ; Ін-т політ і етнонац. Досліджень ім. І. Ф. Кураса; Музей гетьманства. Київ: Стило, 2009. С. 264.

³ См. например: Пам'ятки козацької слави у зібранні Полтавського краєзн. музею: каталог виставки / [уклад. Мокляк В. О., Супруненко О. Б.]. Полтава: Полтавський краєзн. музей, 1991. С. 10; Україна — козацька держава: Ілюстр. історія укр. козацтва у 5175 фотосвітлинах / [авт.-упор. Володимир Недак]. Київ: Емма, 2005. С. 641.

⁴ История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1: История Османского государства и общества / [под ред. Э. Ихсаноглу. Исслед центр исламской истории, искусства и культуры. Пер. с турецк.]. М.: Вост. лит., 2006. С. 509–510.

⁵ Спаський І. Г. Дукачі і дукачі України / І. Г. Спаський. Київ: Наук. думка, 1970. С. 48.

⁶ Из персональной консультации с кандидатом искусствоведения Д. Е. Горбачовым.

⁷ Elgood R. The Arms of Greece and Her Balkan Neighbors in the Ottoman Era / Robert Elgood. New York: Thames & Hudson, 2009. P. 186–188.

⁸ Ibid. P. 219, 329.

⁹ Ibid. P. 236, 238.

О.Г. Ульянов (Москва)

ОРУЖЕЙНЫЕ МАСТЕРСКИЕ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ В XVI–XVII ВЕКАХ (ТРОИЦКИЕ ПИЩАЛИ В СОБРАНИИ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ)¹

В 2012 г., когда в России на государственном уровне отмечалось 400-летие победы народного ополчения и освобождения страны от иноземной оккупации, особого внимания удостоилась Троице-Сергиева лавра, героическая оборона которой (1608–1610) вошла в анналы российской истории. Отмечая заслуги защитников обители преподобного Сергия Радонежского, предстоятель Русской Православной Церкви патриарх Кирилл в своем первосвятительском слове в день памяти игумена земли Русской 8 октября 2012 г. подчеркнул, что «Лавра была сильна не силой своих крепостных стен и не силой оружия, **которого у нее практически не было**».² Как известно, по словам царя Ивана Грозного, прп. Сергей – «*заступник земли Русьстей*», и руководитель Второго народного ополчения князь Дмитрий Пожарский также называл прп. Сергия «*Русской земли заступником*».³

В то же время 4 ноября 2012 г., в День народного единства, патриарх Московский и всея Руси Кирилл в Успенском соборе Московского Кремля высказал иную точку зрения: «Другим примером явилась защита Троице-Сергиевой лавры – оплота веры и государственности. Ее защищали стрельцы, ополченцы, но, когда потребовалось, **иноки встали к пушкам, к орудиям**, взошли на стены, и враг не смог взять нашу национальную святыню».⁴ Такую смену оценок можно связать с новыми работами в области оружейведения, представленными на Всероссийской научной исторической конференции «Церковь и общество в России на переломных этапах истории», открывшейся 12 октября 2012 г. в стенах Московской духовной академии.⁵ Вместе с тем это

указывает на очевидную значимость и несомненную актуальность темы данной статьи.

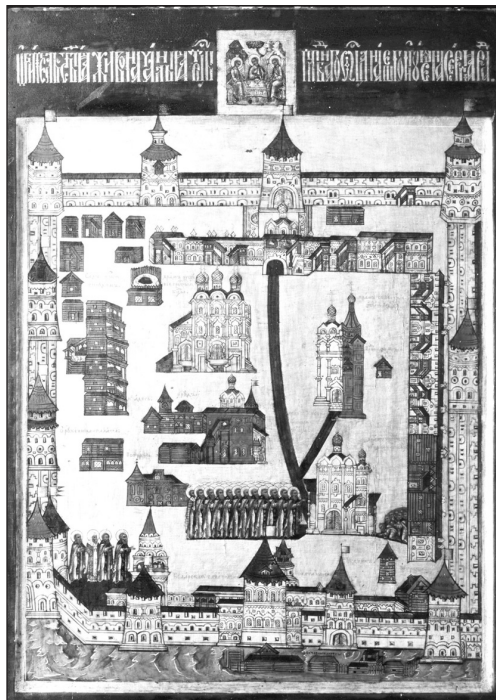

Рис. 1. Троице-Сергиев монастырь.
Икона. XIX в. 44,4 x 36,7

Оружейная палата Троице-Сергиева монастыря (рис. 1) представляет собой исключительное явление в древнерусской культуре, однако до сих пор всесторонне не исследованы ни ее возникновение, ни топография, ни функционирование. А ведь именно наличие мощного арсенала позволило обителю и ее героическим защитникам выдержать почти 16 месяцев осады – с 23 сентября 1608 г. по 12 января 1610 г., когда монастырь безуспешно пытались захватить польско-литовские отряды Сапеги и Лисовского.

Появление оружейных мастерских и казны в стенах Троице-Сергиева монастыря, как показывают новейшие исследования, приходится на годы Ливонской войны, когда дворцовое ведомство оружейничего приступило к задаче форсированного наращивания русского вооружения и укрепления обороноспособности Русского государства. При оружейничем А.И. Вяземском (1564–1570) ок. 1566 г. был устроен новый корпус Оружейной палаты в Московском Кремле.⁶ Кроме того, около 300 орудий были поставлены в 1565 г. с Московского пушечного двора в новую вологодскую крепость, куда царь Иван Грозный также отсылает из Москвы часть оружейной казны.⁷

В этот же период значительно изменил свой архитектурный облик и Троице-Сергиев монастырь. В 1540–1550 гг. в древней обители

были сооружены по почину Москвы мощные каменные стены с 4 воротами и 12 башнями общей длиной около 1,5 км, что придало монастырю вид мощной крепости. Крепостная стена имела тогда два боевых яруса. Первый ярус представлял собой открытую в сторону монастыря аркаду с низко посаженными орудийными бойницами по оси каждой из арок (так называемый подошвенный бой). Аркада поддерживала боевую площадку второго яруса, которая с напольной стороны ограничивалась парапетом с двумя рядами бойниц: навесными машикулями, служившими для поражения врага, подошедшего непосредственно к стенам, и узкими щелями стрельниц по верху стен; высота ограды составляла 5,5 – 6 м при толщине в 3,5 м.⁸

Башни были выше стен на один ярус и имели три боя: подошвенный, средний и верхний (рис. 2). К этим стенам были отодвинуты

1. БАШНИ						
Название башен	Форма плана	Размер в плане (в метрах)	Высота до карниза (в метрах)	Число ярусов	Кол-во бойниц	Число орудий по описи 1642 г.
1. Пятницкая угловая	Восьмигранная	Диагональ 21	22	6	77	9
2. Красная воротная	Прямоугольная	15,5 × 12	14	4	58	9
3. Сушильная	Прямоугольная	14 × 9	15	4	50	9
4. Житницкая (Уточья) угловая	Восьмигранная	Диагональ 18	22	6	77	15
5. Кузничная (Звонковая)	Прямоугольная	10 × 11	16	4	51	3
6. Соляная	Прямоугольная	12,5 × 9	Разобрана в середине XVII в.			4
7. Калничья воротная	Прямоугольная	Перестроена в 1651 и 1772 гг.				11
8. Платничная угловая	Восьмигранная	Диагональ 18	26	6	77	2
9. Келарская (без пристроек)	Прямоугольная	28 × 19	20	4	60	6
10. Пивная	Прямоугольная	19 × 16,5	26	7	181	10
11. Водяная	Восьмигранная	Диагональ 18	25	6	77	7
12. Луковая	Прямоугольная	10 × 11	19	4	50	5

2. КРЕПОСТНЫЕ СТЕНЫ		
Высота -- 10 — 14 м, толщина (ширина) — 6 м, Число ярусов — 3, Длина прясел 964 м, Количество бойниц (реконструкция) — 1071 шт. Внешний периметр стен с башнями — 964 + 406 = 1370 м.		

3. ВООРУЖЕНИЕ (ПО ДАННЫМ ОПИСИ 1642 г.)		
Тип оружия	На стенах и башнях	В запасе
Пищали	75	18
Тюфяки	2	1
Арганки	12	2
Пушки	1	—
Всего	90	21

Рис. 2. Оборонительное вооружение Троице-Сергиева монастыря (по данным Описи 1641 г.)

в 1557 г. северные и восточные кельи, о чем упоминается в «Кратком летописце Троице-Сергиевой Лавры».⁹ Западную линию монастырских построек занимали различные хозяйственные службы, где и было отведено место оружейным мастерским, судя по документам XVII в.

В 1561 г. келарь Андреян Аггилов «с братиею» специальным обращением дипломатично напомнили царю Ивану Грозному, что ему «для Бога и Пречистыа Богородица и великаго чудотворца Сергия и ученика его Никона чудотворца свою царьскую обитель подобает прославити, понеже сиа твоя царьскаа обитель твоей царьской главе слава и венец, и царьствию твоему красота и слава от вѣсток и до запад», сославшись на **пример Святой горы Афон**: «Лета 7069 Троицкой Сергиева монастыря келарь Андреян Аггилов написал челобитную к Боговенчанному царю государю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русии, а в челобитной пишет: ... **якоже в древнем Пречиста възлюбила на вѣстоце Святую гору** и телесне тамо походила своими святыми стопами, тако и ныне, и паче милосердием и милостию и изволением всемилостиваго Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Богородица услышав своего угодника молящася великаго в чудесех преподобнаго Сергия, и снуде духом не по земли от места на место плотию ходяща, но от страшнаго и трепетнаго и неисповедимаго престола Сына и Бога своего с святыми Его ученикы, прииде от небес на землю в Богоименитую и в свою великую обитель к своему угоднику великому Сергию и чудное обещание дарующе, еже неотступне ей пребыти от своего обители, и прославити свою обитель, и всех благых изобильствовати, якоже отци глаголют вторую сию Святую гору быти ... не и паче ли тебе, государю, для Бога и Пречистыа Богородица и великаго чудотворца Сергия и ученика его Никона чудотворца **свою царьскую обитель** подобает прославити, понеже сиа твоя царьскаа обитель твоей царьской главе слава и венец, и царьствию твоему красота и слава от вѣсток и до запад».¹⁰

Действительно, в 1553 г. француз Беллон указал, что «из 23 или 24 монастырей, которые есть на этой горе, нет ни одного, который не имел бы форта и не был бы укреплен стенами, чтобы в случае осады выдержать вражеское нападение и в случае нужды дать отпор морским корсарам». Врач Иоанн Комнин в своем проскинитарии, впервые опубликованном в 1701 г., также отметил, что «в Лавре Афанасия есть пушки великие и хорошие для защиты пристани.

*Ватопед в своих башнях держит великие и дивные пушки»*¹¹. По сказанию Барского, в Лавре Афанасия в 1744 г. на двух входных башнях «обретаются пушки малые и иное оружие огненное наподобие пушек..., яже и во всех Святогорских монастырях от создания ктиторского положены суть ради сопротивления находящих варвар».¹² В 1765 г. турецкие аги даже обвинили святогорцев в том, что они «имеют у себя пушки на случай войны, да арсеналы и готовых 3000 мужей вооруженных (калуеров)» (рис. 3).

В этой связи следует отметить прибытие на Русь с жалобами на притеснения от турецкого султана афонских иноков из Зографского монастыря и Карейского скита Митрофана и Прохора в 1539 г., а также в 1547 г. монахов Пантелеимонова монастыря Саввы, Сильвестра, Герасима и Романа, пребывание

Рис. 3. Арсенал Лавры Афанасия на Святой горе Афон (по данным на 1821 г.)

которых пришлось как раз на годы строительства новых оборонительных сооружений в Троице-Сергиевом монастыре. Вероятнее всего, именно Афон послужил «образцом» для превращения обители преподобного Сергия в неприступную крепость, что в значительной степени разрешает давнишнюю проблему появления «монастырей-крепостей», казалось бы, предосудительных с канонической точки зрения. Деятельное участие крупнейших русских монастырей в оружейном производстве под эгидой Москвы подтверждает грамота царя Ивана Грозного 1578 г. в Соловецкий монастырь о постройке укреплений и подготовке монастыря к обороне¹³ и в 1582 г. в Кирилло-Белозерский монастырь, которому надлежало собственными силами сделать «доброй емчуги» (селитры) для Пушечного приказа (с 1610 г. – Пушкарского), впервые упомянутого в источниках под 1577 г.¹⁴

К рубежу XVI–XVII вв. относятся первые прямые указания на военное использование монастырских оград. Согласно «Повести о честном житии царя и великого князя Феодора Иоанновича всея России», 4 июля 1591 г. во время отражения крымского хана, напавшего на Москву, *«весь же день той и ночь со всех стен градных из великих огнедыхающих пушек непрестанно стреляху и изо всех обителей, иже близ царствующего града Москвы, также непрестанно стреляюще и многих от поганых побивающе»*.¹⁵ Не случайно голландец Исаак Масса в своей истории московских войн 1601–1610 гг. охарактеризовал Троице-Сергиеву обитель как *«большой сильно укрепленный монастырь»* (*«Een groot sterk clooster»*)¹⁶.

Потребность в строжайшем учете и контроле за выдачей и накоплением оружейной казны определила функционирование стабильного дьяческого аппарата и управленческих структур. В крупных монастырях, обладавших собственным оружейным производством, существовала особая должность оружейного старца, который ведал всей оружейной казной. Его деятельность регламентировалась воинским Уставом, согласно которому именно оружничий составлял перечень оружия, вел записи о его выдаче и возврате, а также фиксировал изменения в сохранности. Так, в Кирилло-Белозерском монастыре должность оружейничего старца возникла как раз во время *«литовского разорения»*, причем до этого ему было *«приказано кузничное дело»*, судя по монастырской описи 1601 г. В 1602 г. была построена оружейная палата для хранения и производства оружия в Соловецком монастыре.¹⁷ Состав оружейной казны Соловецкого монастыря отражен в отводных книгах, которые составлялись при передаче оружия от одного оружничного старца к новому.¹⁸

С пополнением арсенала и **созданием особого помещения для его хранения** образовалась оружейная казна в Кирилло-Белозерском монастыре, порученная тому же старцу, который вскоре провел ее первую опись в 1621 г. В этой описи монастырской оружейной казны, одной из самых ранних на Руси среди уцелевших документов подобного характера, уже упоминаются самопалы и пищали *«московского дела»*. Столь же подробная опись с первым упоминанием монастырской *«оружейничей полатки»* в Кирилло-Белозерском монастыре была создана в 1635 г.¹⁹

Самая ранняя из дошедших до наших дней описей Троице-Сергиева монастыря была составлена в 1641 г. во исполнение указа царя Михаила Федоровича по случаю войны с крымскими татарами 1637 г.: *«Велено на*

Москве и в городах, у митрополитов, и у архиепископов, и в монастырях, ратную сбрую, латы, зерцала, пансыри, бехтерцы, шелома, шапки, мисюрки, шишаки, наручи, переписати..., а указал Государь ту ратную сбрую для воинского дела взяти на время».²⁰ Состав этой «ратной сбруи» приведен в черновом варианте перечневой росписи «царской Оружейной казны и разной ружьяди, находящихся в Оружейной палате» 1646 г., где отдельным пунктом выделена хранившаяся в Задней палате на Государевом дворе «рознь разной збруи», в числе которой описаны «девятнадцать шоломов, двенадцать шапок железных калмыцких, бахтерчишко ржавой с наколенками, перед латной, баторлычишко, пятеры наручи худые, двои наколенки, зарукавья пансырные, збираны с монастырей», и впоследствии «та вся сбруя отдана в Чюдов монастырь»²¹.

Перечневая Опись оружейной казны Троице-Сергиева монастыря не только дает наглядное представление о монастырском арсенале, но и проливает свет на работу троицких оружейников XVII в., фиксируя их инструментарий и инвентарь кузниц²². По данным Описи Троице-Сергиева монастыря 1641 г., в монастырской казне насчитывалось большое количество оружия, что свидетельствует о производственной мощности монастырских кузниц: «Оружейные казны ведает оружейный старец Исидор Нармацкой; в амбарах: 360 самопалов с замки свитскими, 7 пистолей съезжих с колесными замки, 17 стволов целых без ложки и без замков, 3 ствола рваных, 2 пицали железные скорострельные, полтретья ствола рваных затинных, 1 тюфяк железный невелик без станку, 1 тюфяк железный в станку, 12 пицалей затинных с жаграми, 12 пицалей затинных без ложки и без замков, 4 пицали затинных без ложки и без замков, 2 пицали полковых рваных железных, 77 замков свитских, 90 замков фитильных от мушкетов, 19 пицалей съезжих с колесными и свитскими замками, 65 луков целых, 4 лука ломаных, 7 луков черемисских, 111 лубьев саадачных с колчаны старых и новых да лубье с колчаном писано золотом, 100 стрел, 2 медведна белых, 9 медведнишек худых черных. В сундуке три сверла самопальных, 2 воронила, ворот шурупный, 33 трещотки».²³

Нужно отметить, что упоминание термина «фитильный замок» в Описи 1641 г. представляет собой редкий случай, так как чаще в источниках встречается термин «жагра», обозначавший важнейшую и ранее других возникшую деталь механизма фитильного воспламенения – круто изогнутый курок, в котором зажимался фитиль.

Характерно, что в данной Описи *«пищали с жаграми»* отделены от *«пищалей с замками»*, что присуще документации XVII в. Весьма показателен случай с вяземскими стрельцами, вооружение которых в 1638 г. пополнялось мушкетами с жаграми. По сообщению воеводы, стрельцы заявили, что *«они из таких мушкетов прежде сево у них с жаграми не бывало, а были де у них и ныне есть пищали старые с замки»*.²⁴

В Описи 1641 г. отдельный раздел составляет список имущества Кузнецкой палаты, находившейся за Смоленской церковью, рядом с **кельей оружейного старца**, который заведывал оружейной палатой: *«против болницы полата каменная, куют в ней кузнецы монастырское всякое железное дело»*. Всего в Описи 1641 г. указано 9 кузнецов: 5 монастырских и 4 оброчных, среди которых Васька, оброчный кузнец-самопальник (имел наковальню, молот, пару клещей), и Пронька самопальник, причем среди инвентаря 4 монастырских кузнецов упомянуто *«пятно топоровое»*, т. е. монастырское клеймо, которое сам мастер ставил на изготовленный им образец вооружения.²⁵

В 1624 г. была построена палата кирпичная *«у келарской близ казны болишие»* и тогда же – **кузница кирпичная**, причем в записи «Краткого летописца» упомянут и строивший ее мастер Елисей: *«Того же лета (1624) поставлена кузница кирпичная за братскою поварнею; мастеръ Елисей»*. Каменная кузница была размещена в монастыре напротив Больничных палат с шатровой церковью Зосимы и Савватия (разобрана в 1743 г.): *«против болницы палата каменная кують в ней кузнецы мнстрское всякое железное дело подле кузничной палаты поварня братьцкая каменная а в поварне семь котловъ меденых по сторон той братьцкой поварни поварни каменные же стряпоють в них в гдрвь приход у поварен же хлебная изба»*²⁶. Монастырские хлебня и поварня снабжались водой по каменной трубе, проведенной от Белого пруда из-за стены обители, причем колодцы имели специальные устройства для подъема воды и подачи ее в помещения по медным трубам²⁷. Благодаря этому была обеспечена бесперебойная подача воды, необходимая для технологических нужд оружейного производства. Например, в 1623 г. приглашенные иноземцы построили на Пушечном дворе *«кузнечную мельницу и учили железо ковать водою»*²⁸.

Самые ранние изображения Оружейной палаты Троице-Сергиева монастыря (рис. 4) относятся ко времени составления Описи 1641 г.,

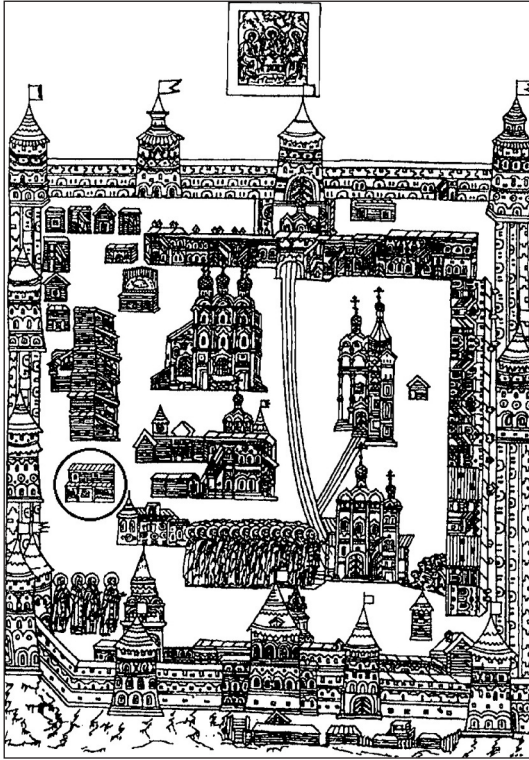

Рис. 4. Троице-Сергиев монастырь
(прорись иконы)

причем на иконах к северу от каменной поварни между церковью Смоленской иконы Божией Матери и Каличьей башней показано здание с одним входом и большим числом плотно посаженных друг к другу окон треугольной формы, которое снабжено надписью «**Оружейная палата**»: «Под церковию Соловецких чудотворцов полата каменная ... Подле той полаты онбар деревяной, в нем стоит **городовой наряд**: **пищали полоторные и полковые** и **тюфяки** и **иной мелкой наряд**».

О масштабах работ оружейных мастерских Троице-Сергиевого монастыря красноречиво свидетельствует восторженный отзыв Павла Алеппского, посетившего в 1655 г. монастырские арсеналы: «*Пушки без счета, ружья большие и малые без числа, оружие во множестве: луки, стрелы, мечи, пистолеты, колья, кольчуги и железные брони, **каких ни одной не найдешь в турецкой земле**... Как сказал нам келарь, в этом монастыре оружия и снарядов хватит более чем на 30 000 человек. Есть порох в бесчисленных бочках, есть также ядра и гольшии для железных пушек, цепи и пр.*».

Несмотря на историческое значение троицкой Оружейной палаты в 1742 г. был дан указ о сносе здания оружейных мастерских (рис. 5), который лишь в 1779 г. был приведен в исполнение. По указу графа П.И. Шувалова 26 декабря 1756 г. у Троице-Сергиевой лавры был

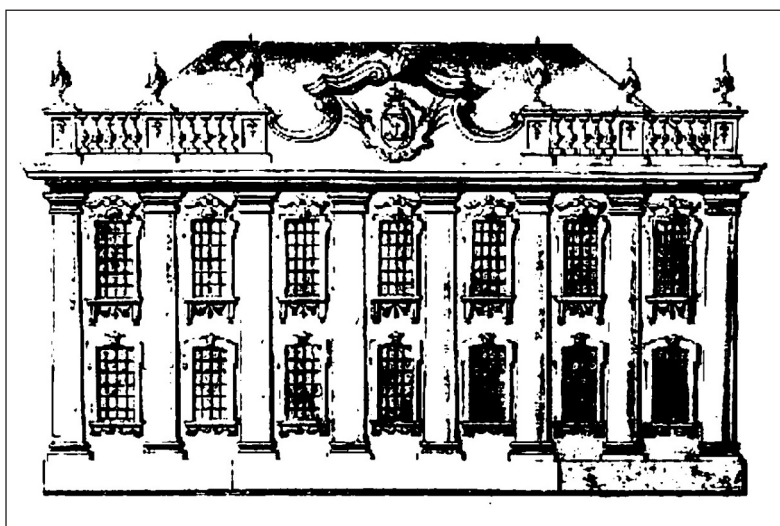

Рис. 5. Оружейная палата Троице-Сергиевой лавры до сноса 1779 г.
(Из альбома 1745 г.)

изъят почти весь монастырский арсенал и передан 7 января 1757 г. в артиллерийское ведомство, но остальная часть оружейной казны осталась неприкосновенной.

Согласно ведомости 1756 г., в Троице-Сергиевом монастыре в то время находилась внушительная оружейная казна, в составе которой помимо прочего оружия и предметов вооружения было 167 русских фузей, 187 малокалиберных ружей, 377 карабинов польской работы с кремнево-ударными замками и 60 карабинов с колесцовым замком, 320 пар польских пистолетов с медной оправой, 154 пары польских пистолетов с железной оправой и 86 пар подобных пистолетов меньшего размера, 68 польских сабель с медной оправой, 358 польских сабель с железными эфесами и с клинками высокого качества, украшенными насечкой и латинскими надписями²⁹. В описании лавры, составленном Миллером между 1770–1775 гг., приведены существенные подробности, что «в Оружейной палате хранятся старинные шлемы, колчуги, мечи чрезвычайной величины и тяжести; было также немалое число и огнестрельного мелкаго оружия, но оно все почти взято по указу в прошлом 1756-м году в Военную походную покойнаго генерала фельдцейхмейстера графа Петра Ивановича Шувалова канцелярию».

По именному повелению императора Николая I в 1830 г. из Троице-Сергиевой лавры было передано в Московскую Оружейную палату по ведомости оружие, которое осталось *«после защищения Лавры против Литвы»*.³⁰ В описи 1835 г. троицкие пищали (рис. 6) были описаны среди отдельных стволов, а не цельных ружей: *«Стволов разных форм пятьдесят восемь, к ним находится несколько совершенно изломанных лож, коим и числа по остаткам определить нельзя»*³¹. В описи Оружейной палаты 1886 г. впервые было высоко отмечено мемориальное значение троицких пищалей: *«Двадцать восемь ружей русского дела разных образцов, служивших при защите Троице-Сергиевой лавры. Ружья эти представляют образцы оружия, которыми славные защитники Троице-Сергиевой лавры отстаивали славу русского имени и целостность и независимость Отечества. Все они поломаны и разрознены. Остатки эти поступили в Палату в 1830 году апреля 20 из Троице-Сергиевой лавры, при отношении экспедиции кремлевского строения от 2 апреля того же года за № 836, в числе 58 ружей, вместе с 250 бердышами, семью панцырями и одним локотником»*.³²

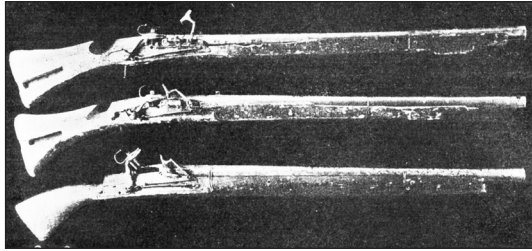

Рис. 6. Образцы затинных пищалей Троице-Сергиева монастыря

В числе ружей, поступивших в 1830 г. в Оружейную палату из арсенала Троице-Сергиевой лавры, Н.В. Гордеев обнаружил присланный из Москвы образцовый ствол работы московских самопальных мастеров.³³ На верхней средней грани в казенной части этого ствола (1151 ОП) имеется клеймо в виде двуглавого орла, без короны, с опущенными крыльями. Около 150 стволов из основного собрания Оружейной палаты помечены таким клеймом, означавшим государственное испытание ствола усиленным зарядом пороха. Клейма на стволах пищалей *«ТРО»*, *«СЕР»* и *«К»*, расшифрованные Н.В. Гордеевым как *«Троица»*, *«Сергий»* и *«Казна»*, убеждают, что это оружие действительно имело непосредственное отношение к Троице-Сергиеву монастырю (рис. 7). Для сравнения – среди документов приема

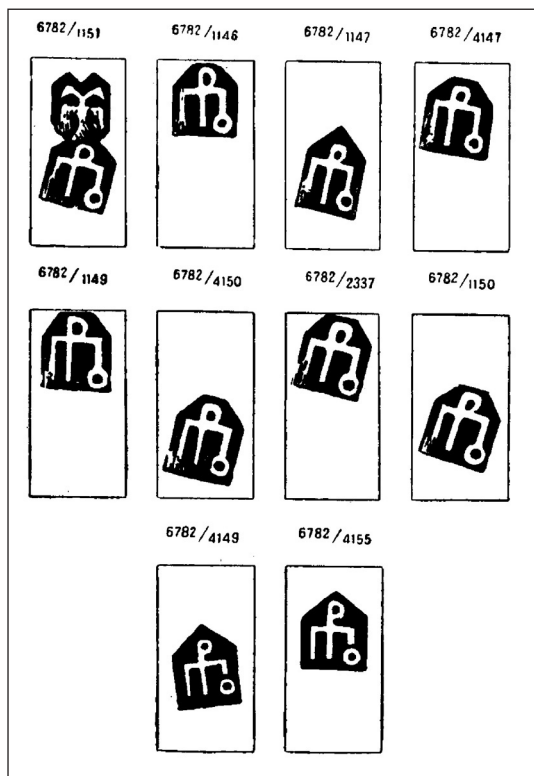

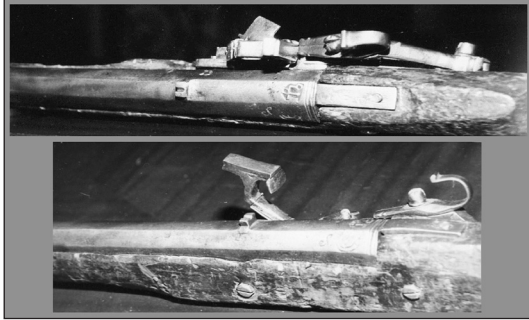
Рис. 7. Образцы клейм на стволах пищалей с начертанием названия монастыря «Троица»

По приему выкова ствола, его массивности (вес выше 3 кг при длине до 750 мм), калибру 16 мм и скупой отделке можно сделать вывод, что уцелевшие до наших дней стволы троицких пищалей были изготовлены во второй половине XVI в. В пользу этой датировки свидетельствуют и ближайшие аналоги, которые были обнаружены среди 8 стволов пищалей из Соловецкого монастыря, поступивших в 1877 г. в Артиллерийский музей³⁶. Наиболее ранний ствол пищали № АИМ 17/10, который датируется первой половиной XVI в., имеет следующие характеристики: вес ствола – 3980 г, длина – 761 мм, калибр – 18,6 мм. Ствол крепился в ложе с помощью вклепанных железных оковок в нижней части ствола, т. е. точно так же как соединяются стволы с ложами в **затинных** пищалях из коллекций ВИМАИВиВС и ГИМ.

оружия в Соловецком монастыре имеется упоминание о том, что в 1691 г. принято ружье с монастырским клеймом «СЛО» («соловецкий»)³⁴.

Замки Троице-Сергиевой лавры являются наиболее ранними русскими замками. На одном из замков с прямыми пружинами в верхней части замочной доски под курком выбито монастырское клеймо «СЕР» («Сергий»), аналогичное клеймам на стволах. Как полагала Л.К. Маковская, ранние варианты замка русского типа существовали уже в конце XVI в.³⁵

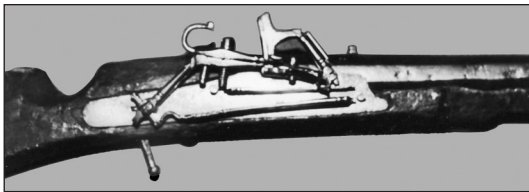
На **10 троицких стволах** из 28 в верхней грани ствола имеется чуть наклонное вправо клеймо «ТРО» («Троица»), причем именно возле троицкого клейма на одном из стволов поставлено клеймо с изображением двуглавого орла (рис. 8)³⁷. Наиболее древними можно

Рис. 8. Пищаль затинная. Троице-Сергиев монастырь. Вторая половина XVI в. Оружейная палата Московского Кремля. ОР-70

верхней грани ствола, в казенной части, выбито монастырское клеймо «СЕР» («Сергий»), которое в ряде случаев сочетается с клеймом «ТРО» («Троица Сергий») на 8 стволах (1147 ОП, 1149 ОП, 1150 ОП, 2337 ОП, 4147 ОП, 4149 ОП, 4150 ОП, 4155 ОП). На той же верхней средней грани имеется знак «К», т. е. монастырская казна, причем только два ствола имеют все три клейма.

Большинство стволов калибром 16 мм предназначалось для **фитильных мушкетов**, но позднее были переделаны для присадки кремневых замков путем снятия полки для затравочного пороха (рис. 9). Произошло это, скорее всего, во второй половине XVII в., так как в Описи 1641 г. еще упоминаются «12 **пищалей затинных с жаграми**, 12 **пищалей затинных без ложки** и **без замков**, 4 **пищали затинных без ложки** и **без замков**», т. е. всего **28 «затинных пищалей»**, указанных как «**ружья русского дела**» в более поздних описях

Рис. 9. Пищаль затинная. Оружейная палата Троице-Сергиева монастыря. Длина ствола – 820 мм. Общая длина – 1020 мм. Длина замочной доски – 230 мм

считать стволы с одним клеймом «ТРО» (1146 ОП, 1151 ОП). Все стволы с таким клеймом имеют специальную полку для пороха, приклепанную к стволу у запального отверстия, что характерно преимущественно для **фитильных мушкетов**. На 17 стволах из 28 на левой стороне

верхней грани ствола, в казенной части, выбито монастырское клеймо «СЕР» («Сергий»), которое в ряде случаев сочетается с клеймом «ТРО» («Троица Сергий») на 8 стволах (1147 ОП, 1149 ОП, 1150 ОП, 2337 ОП, 4147 ОП, 4149 ОП, 4150 ОП, 4155 ОП). На той же верхней средней грани имеется знак «К», т. е. монастырская казна, причем только два ствола имеют все три клейма.

Оружейной палаты после передачи из лавры. Об их боевом применении при обороне Троице-Сергиева монастыря свидетельствует Опись 1641 г., согласно которой на 12 монастырских башнях находилось 90 артиллерийских орудий, в числе которых упоминаются и «пищали затинные». Эти малокалиберные орудия, чуть больше ружья, предназначенные для настильной прицельной стрельбы большими свинцовыми пулями, позднее были известны как «крепостные ружья», а их название «затинные» («стенные» или «застенные») восходит к слову «затин» («стена», «стенка», «перегородка», «закрытие»), причем под стенами разумеются брустверы городских, или крепостных, стен, по-славянски называвшиеся забралами (греч. «*protachon*», лат. «*prorignaculum*»). Как определял «затинную пищаль» знаменитый историк Тагищев, «**по имяни всякую пищаль или фузею затинною назвать можно, обо затин разумеется заряд, сии же особно и змаговницы названы, немцы называют дупель, гакен, ружье железное кованое, стволы очень длинные, некоторые бывают винтовальные в ложах з замками или безо всего, ставятся на станках или железных вилах. Но ныне оных для трудности заряджання (поелику заряджались с казенного винта, вместо коего была железная плитка с чеками) не употребляют, токмо для древности в цейхгаузах, или оружейных домах, хранят**»³⁸.

В данном контексте важно подчеркнуть, что с конца XV в. под пищалью подразумевали и ручное, и артиллерийское оружие³⁹. В России часто использовался термин «затинная пищаль», а в Западной Европе – «гаковницы» (нем. *Hakenbuechse*) – дульнозарядные ружья XV–XVI вв. с крюками («гаками») под стволами, которые зацеплялись за крепостную стену с целью уменьшения отдачи при выстреле (рис. 10). Крюк, как правило, с отверстием, крепился с помощью обоймы либо приваривался к нижней образующей ствола. В XVI в. как на Руси, так и в Европе были широко распространены «гаковницы» с фитильными замками⁴⁰. При том креплении ствола в ложе с помощью вклепанных железных оковок, какой наблюдается у троицких пищалей, они принадлежат именно к типу «гаковниц».

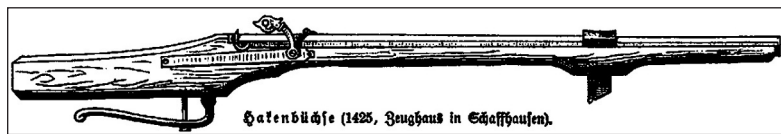

Рис. 10. Гаконница арсенала крепости Шафхаузен, 1425

В грозненскую эпоху «затинные пищали» составляли неотъемлемую часть «наряда», как, например, при взятии Казани дьяку Ивану Выродкову было приказано поставить башню у Царевых ворот и водрузить на нее «*полуторные пищали и затинные*», из которых велся прицельный огонь по улицам города.⁴¹ В ходе Ливонского похода разрядные книги неоднократно упоминают «*затинные пищали*» в составе городского «наряда»: «*А наряду в городе: 5 пищалей волконетов меденых, да пушечка полковая, да 2 пищали скорострельных, да 50 затинных*» (под 1578 г.), «*наряду на городе: 6 пищалей медных, 6 пищалей железных, да 4 пищали железных же скорострельных, да 88 пищалей затинных*» и т. д.⁴²

Во время 16-месячной осады Троице-Сергиева монастыря героическим защитникам обители удавалось метким огнем пушек и затинных пищалей отбивать раз за разом атаки польско-литовских захватчиков, как, например, в ночь на 14 октября 1608 г., когда «тушинцы» самоуверенно, с музыкой предприняли нападение на монастырь, или в ночь на 28 мая 1609 г., во время генерального штурма, когда все взрослое население крепости, способное держать в руках оружие (не более 500 человек), проявило высокий боевой дух: «*горожане же бились с ними со стен городских, также били из многих пушек и пищалей и, насколько могли, много побили литвы и русских изменников. И так милостью пребезначальной Троицы и по молитвам великих чудотворцев не дали им тогда близко к городу подойти и никакого вреда городу причинить*».⁴³

В значительной степени успех обороны Троице-Сергиева монастыря был связан с мощным арсеналом, накопленным к тому времени в обители, а также возможностью своевременной починки оружия в монастырской Оружейной палате. Нельзя не отметить, что данный исторический пример служит наилучшим доказательством непрерывной традиции устройства оружейных мастерских в детинцах древнерусских городов. Закономерно, что троицкие «*затинные пищали*» – поврежденные, без лож и без замков, но овеянные славой героев 1608–1610 гг. – были бережно сохранены, по данным Описи 1641 г., в Оружейной казне Троице-Сергиева монастыря, откуда поступили впоследствии на хранение в Оружейную палату Московского Кремля как «*образцы оружия, которыми славные защитники Троице-Сергиевой лавры отстаивали славу русского имени и целостность и независимость Отечества*».

¹ Отдельные положения данной работы были ранее освещены в ряде авторских публикаций: Ульянов О.Г. Оружейные мастерские Троице-Сергиевой лавры и их роль в героической обороне монастыря в годы смуты // Церковь и общество в России на переломных этапах истории: сборник тезисов Всероссийской научной исторической конференции Московской Духовной Академии. Сергиев Посад, 2012. С. 20–29; доклад на VIII Международной научной конференции «Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: материальные свидетельства духовной культуры» 3–5 октября 2012 г.

² Приводится по публикации на официальном сайте Московского Патриархата: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2514969.html>.

³ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). VI. СПб., 1853. С. 314; Акты, относящиеся до юридического быта древней России (под ред. Н.В. Калачова). Т. II. СПб., 1864. № 191. Col. 602.

⁴ Приводится по публикации на официальном сайте Московского Патриархата: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2568810.html>.

⁵ Приводится по публикации на официальном сайте Московского Патриархата: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2524751.html>.

⁶ О московской оружейной школе в этот период см.: Ульянов О.Г. Институт оружейничих и развитие московской оружейной школы в XVI веке // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы Международной научно-практической конференции. Ч. II. СПб., 2010. С. 351–366.

⁷ Возвращена обратно в Москву лишь в 1661 г. // РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. VII. Ед. хр. 7767.

⁸ «Городу в стене толщина полторы сажени, а инде и в две сажени; а вышина городу у Красные башни до зубцов две сажени, исподгорья от прудов у Луковой башни (с южной стороны крепости) по зубцы ж две сажени с полусаженью» (Оп. 1641 г.). Высота стен указана здесь только «до зубцов», да высот самих зубцов около 1,5 м. Сравнение размеров по данным Оп. 1641 г. с промерами в натуре позволяет установить абсолютную величину меры, которой пользовались ее составители – это «сажень без чети», равная 197 см.

⁹ ОР ГИМ. Син. 645; publ.: Летопись занятий Археографической комиссии за 1864 г. Вып. 3. СПб., 1865. С. 18–26; Горский А.В. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы Лавры. М., 1890. Ч. 2. С. 177–182.

¹⁰ Горский А.В. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы Лавры. С. 180.

¹¹ Κομνηνός Ἰωάννης, Προσκυνητάριον του Αγίου Όρους του Ἀθῶνος, ἐπιμέλεια Ἀντιφώνου Ἰβηρίτου, Συνάγωγον 1701 πρώτη ἐκδόση, Ἀθήνα 1984.

¹² Пешеходца Василия Григоровича-Барского-Плаки-Албова, уроженца киевского, мон. антиохийского, путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 г. Ч. 2. СПб., 1785; науч. изд.: Второе посещение Святой Афонской Горы Василием Григоровичем-Барским, им самим описанное, более подробное, с 32-мя собственноручными его рисунками и картою Афонской Горы. СПб., РИМА, 1887. С. 13.

¹³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. Т. 1. СПб., 1836. С. 367.

¹⁴ Акты Московского государства. Т. 1. М., 1890. С. 39.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 14. М. 1965. С. 13.

¹⁶ Isaac Masse de Harlem. Histoire des guerres de la Moscovie (1601–1610)... Publie pour la premiere fois d'apres le ms. hollandaise original de 1610, avec d'autres opuscules sur la Russie, et des annotations par M. le prince M. Obolensky et M. le Dr. A. van der Linde.

- Vixelles, 1866. Т. I. P. 210 (франц. пер. т. II, p. 225). Ср.: Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII века. М., 1937. С. 174.
- ¹⁷ Молчанов Козьма. Описание Архангельской губернии. СПб., 1813. С. 295.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 1201/1. Оп. 10. № 251. Л. 3; № 492. Л. 3; № 380. Л. 3–4.
- ¹⁹ Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря // МИА. № 77. М., 1958. С. 197.
- ²⁰ Русская историческая библиотека. Т. II. СПб., 1875. С. 672. № 168.
- ²¹ См. подробнее: Ульянов О.Г. Оружейная школа Москвы в первой половине XVII в. (по данным Описей 1639, 1646 и 1647 годов) // Война и оружие. Материалы Второй Международной научно-практической конференции. Ч. 2. СПб., 2011. С. 442–455.
- ²² Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII в. // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 15–16.
- ²³ Опись 1641 г. // СПГИХМЗ, ИНВ 289 ИХО; Копии: а) составлена в Троице-Сергиевой лавре, 2-я пол. XIX в. (рукопись – Загорский музей, № 187), б) составлена С. Н. Дурылиным, Ю.А. Олсуфьевым, М.Ю. Олсуфьевым, 1919–1923 гг. (рукопись – РГБ, ф. 173, II, № 225, М. 7397).
- ²⁴ Марголин С. Л. Вооружение стрелцкого войска // Труды ГИМ, XX. М., 1941. С. 97.
- ²⁵ См. подробнее: Ульянов О.Г. Оружейные мастерские Троице-Сергиевой лавры и их роль в героической обороне монастыря в годы смуты. С. 27.
- ²⁶ Опись 1641 г. Л. 520а.
- ²⁷ Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. М., 1898. Вып. IV. С. 35.
- ²⁸ Забелин И. Дополнения к Дворцовым разрядам. М., 1883. Кн. III. С. 161.
- ²⁹ Ведомость 1756 г. // РГАДА. Ф. 1204. Д. 10055.
- ³⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Ед. хр. 10095. Л. 41–41 об.
- ³¹ Музеи Московского Кремля. ОРПГФ. Ф. 1. Оп. 1 Ед. хр. 6. Опись Вещам Московской Оружейной палаты 1835 г. Огнестрельное оружие. С. 999. № 8148–8206.
- ³² Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. Огнестрельное оружие. М., 1886. С. 148. № 6782.
- ³³ Гордеев В.Н. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII в. С. 9.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 1201/1. Оп. 10. № 298. Л. 3.
- ³⁵ Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков. Определитель. М., 1992. С. 31, 103; рис. 43.
- ³⁶ Мышковский Е.В. Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV–XVI вв. // Советская археология. 1961, №1. С. 227, рис. 2/4, С. 231–233.
- ³⁷ См. подробнее: Ульянов О.Г. Институт оружейничих и развитие московской оружейной школы в XVI веке. С. 363.
- ³⁸ Татищев В.Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 286.
- ³⁹ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 90.
- ⁴⁰ Stanisław Kobielski. Polska broń: broń palna. Wrocław, 1975. С. 30.
- ⁴¹ Татищев В.Н. История Российская: В 3 т. Т. 3. М., 2005. С. 626.
- ⁴² Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. III. Ч. I. М., 1984. С. 14, 21.
- ⁴³ Сказание Авраамия Палицына // Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 415.

О.В. Филатов (Санкт-Петербург)

**ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ, ИМЕВШИХ ПЕРВОСТЕПЕННОЕ
ЗНАЧЕНИЕ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ
ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ ГОТОВНОСТИ № 1
ПО ВМФ СССР АДМИРАЛОМ ФЛОТА СССР
Н. Г. КУЗНЕЦОВЫМ В ИЮНЕ 1941 ГОДА**

АВТОР, обращаясь к данной теме, принимал во внимание, что положение, сложившееся перед началом Великой Отечественной войны в руководстве армии и флота в оценке получаемых сведений об истинных намерениях гитлеровской Германии, напрямую было связано с положением дел в стране. Оно, несомненно, имело отношение к процессу принятия военно-политического решения, которое, в свою очередь, непосредственно было связано с системными противоречиями «свойственной личной диктатуре переоценке собственной интерпретации обстановки и действиями исполнительных органов диктатуры ...».¹ Они, в свою очередь, привели к сложностям, связанным с принятием решений военачальниками, с учетом последствий, которые могут последовать за непринятием единственно правильного решения, и на них четко указал в своих воспоминаниях адмирал Советского Союза Н. Г. Кузнецов: «Есть события, не стирающиеся в памяти. И сейчас, четверть века спустя, я отчетливо помню трагический вечер и ночь на 22 июня 1941 года. Уже за два дня перед тем наши морские силы были приведены в повышенную боевую готовность. Мы сделали это, не получив официального предупреждения о возможности войны и разрешения применять оружие. Указания последовали лишь около полуночи, когда до начала боев оставалось несколько часов. К счастью, флоты находились уже наготове, и в ту роковую ночь мы не потеряли ни одного боевого корабля...»².

Обратимся к вопросу, из каких источников поступала информация накануне войны в адрес адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова. Остановимся лишь на нескольких наиболее важных из них. Так, в конце 1940 г. (ноябрь), поступают следующие данные:

1. «Наши представители – моряки – доносили из Германии, что их стали ограничивать в передвижении по стране, отказались показать те объекты, которые раньше сами предлагали осмотреть (военные моряки).

Баумбаха^а, еще более любезного, чем прежде, начали вдруг подозрительно интересоваться сведения о нашем флоте. Однажды он «поинтересовался» данными об условиях плавания по Северному морскому пути. Я приказал морякам впредь отказываться в удовлетворении подобного любопытства»³.

2. «Наш военно-морской атташе в Берлине М.А. Воронцов был приглашен к адмиралу Редеру^г, который пытался навязать ему ложные выводы о действиях немцев. Как ни старалось германское командование, оно не могло скрыть подготовку крупнейшего наступления на широком фронте – от Баренцева моря до Босфора. В сводках Генштаба и донесениях с флотов содержались тревожные вести»⁴.

3. В конце января 1941 г. Кузнецову доложили о разговоре с японским военно-морским атташе Ямагути^к, состоявшемся в Отделе внешних сношений Наркомата ВМФ. Он только что вернулся из Берлина, и, делясь своими впечатлениями, уверял, что немцы, сконцентрировав 200 тысяч человек в Румынии, продолжают сосредоточивать там свои силы, якобы для того, чтобы через Болгарию двинуться на Босфор, в Дарданеллы и дальше, в колониальные владения Англии, но почему-то оговорился:

– Не исключено столкновение между Берлином и Москвой.⁵

30 января адмирал Кузнецов проинформировал об этом разговоре Ворошилова.

4. 7 февраля он доложил Сталину и Молотову о том, что, по поступившим к нему сведениям, в болгарские порты Варна и Бургас прибыли немецкие военные специалисты, береговые орудия и зенитные пушки. Поток информации о подозрительном поведении фашистов все нарастал. Николай Герасимович анализировал данные, характеризующие повышение активности Гитлера в Румынии, Финляндии, Болгарии, Швеции, а также в районах, находившихся в непосредственной близости от советских морских границ. Обо всем этом он систематически докладывал Сталину. Данная информация обобщалась,

анализировалась, включалась в оперативные сводки Главного морского штаба и направлялась в Генеральный штаб.

5. В начале февраля 1941 г. Н. Г. Кузнецов доложил Молотову о том, что попытка послать советских моряков на обучение в Германию на один из кораблей, однотипных «Лютцову», не удалась. Ему доложили также, что военно-морской атташе Баумбах предложил прислать в СССР инструкторов для обучения личного состава на месте. Отказ в обучении советских моряков в Германии значил, что немцы хотят получить льготы, в том числе, на переброску самолета через территорию СССР во Владивосток для рейдера, оперирующего в Тихом океане. А также использовать Главный северный морской путь для проводки своих рейдеров в текущую навигацию на родину с Тихого океана и др. Фон Баумбах уже неоднократно зондировал почву через Отдел внешних сношений⁶.

6. В марте – апреле 1941 г. в акватории близ Либавы появились подводные лодки и новейший линкор немецкого флота «Бисмарк». Затем в районе Мемеля фашисты провели учение, в котором участвовали тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер», 3 эсминца и 5 подводных лодок. «Неизвестные» подводные лодки снова появлялись у Либавы и у острова Сескар — в восточной части Финского залива⁷.

7. В это же время военно-морской атташе в Берлине капитан 1 ранга М.А. Воронцов докладывал наркому о том, что русский эмигрант и бывший белогвардейский полковник Каульбарс в конфиденциальной беседе 6 мая 1941 г. сообщил, что гитлеровцы собираются использовать проживающих в Германии белогвардейских офицеров в войне против Советского Союза. Он – Каульбарс – противник этого, а потому и предупреждает советского дипломата⁸. Вскоре от Воронцова в Наркомат ВМФ поступило новое сообщение. Узнав, что Сталин первое сообщение не получил, Кузнецов направил ему записку⁹.

8. В начале мая помощник военно-морского атташе в Германии В. Смирнов доложил о том, что фашистское руководство, якобы, намерено развязать войну против СССР 14 мая¹⁰.

9. 27 мая Кузнецов доложил Сталину и Жданову о том, что в период с 19 по 25 мая у советского побережья обнаружены неизвестные подводные лодки; воздушная разведка трижды засекала в Финском заливе подводные лодки, одну – в районе Варде; дважды – в 105 милях от Севастополя; дважды – японскую подводку у берегов Камчатки¹¹.

10. Кузнецов пришел к выводу, что фашисты наблюдают за многими участками советского побережья. На это указывали не только пролеты их самолетов вблизи военно-морских баз на Балтике и на Севере, но и появление неизвестных подводных лодок у берегов Камчатки, Севастополя, островов Сескар, Уте, Даго, около полуострова Ханко и др.¹². 11 июня нарком ВМФ отправил донесение Сталину¹³.

11. 13 июня Кузнецов доложил Сталину о том, что немцы вывели свои суда из советских портов, и просил разрешения вернуть наши транспорты из немецких портов. Это обращение наркома ВМФ привело Сталина в крайнее раздражение. «Хозяин» выпроводил его вон...¹⁴.

12. При очередной встрече со Сталиным Кузнецов сообщил ему о новых данных разведки, о начавшихся больших учениях Черноморского флота и о прекращении немцами всех поставок для крейсера «Лютцов». Сталин никак не отреагировал. На него никак не повлияло и сообщение о том, «что, по указанию из Берлина, немецкое посольство должно подготовиться к эвакуации в течение семи дней и что 9 июня там начали сжигать документы», доложенное ему 11 июня. Весь состав немецкого посольства убыл из Москвы 20 июня 1941 г.

13. График захода германских судов в советские порты, приближался к нулю; Кузнецову сообщили о подозрительно поспешном намерении немецкого военно-морского атташе Баумбаха покинуть Россию. Он также был в курсе быстрого отъезда адмирала Фойга и его «спецов», переставших достраивать «Лютцов». Таковы были факты¹⁵. Слова о том, что «многочисленные данные о нарастании угрозы как бы разбивались, доходя до И. В. Сталина», написаны Кузнецовым не случайно: он руководствовался своими наблюдениями.

14. Здесь следует упомянуть о тех источниках, о которых стало известно спустя много лет после окончания войны и информацией которых наверняка мог пользоваться адмирал флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов. Это Герхард Кегель^б. «Шелленберг»^ж подошел к занимавшей всю стену кабинета Хильгера^с огромной карте Советского Союза... и показал на карте исходные позиции немецких армий и главные направления намечавшихся ударов. Эти удары, говорил он, последуют по всему фронту от Балтийского моря на севере до Черного моря на юге... Через три недели после нападения

в руках Германии окажутся Москва и Ленинград и, разумеется, вся Украина вместе с Киевом. Самое позднее через шесть недель после начала войны победоносные германские армии полностью разобьют Красную Армию и выйдут на линию «А». На мой вопрос, что следует понимать под линией «А», Шелленберг разъяснил, что речь идет о линии Архангельск – Астрахань, расположенной значительно восточнее линии Москва – Ленинград. Победоносные германские армии остановятся, лишь достигнув Урала, который будет в немецких руках самое позднее через три месяца после начала вторжения...»¹⁶.

15. Вторым таким источником является Герой Советского Союза Николай Иванович Кузнецов. Вот что пишет Теодор Гладков о нем. «Главным объектом внимания нашего отделения были посольства Германии и Словакии, их дипломатический и технический персонал, квартиры дипломатов и сотрудников, не имеющих рангов. Немецкое посольство располагалось на улице Станиславского (ныне снова Леонтьевский переулок), словацкая миссия на Малой Никитской, 18. Штат германского посольства достигал двухсот человек. У одного только военного атташе генерал-майора Эриха Кестринга^в было около двадцати сотрудников. Мы точно знали, что шпионажем занимались почти все...»¹⁷. В.С. Рясной^з не знал, что «соседи» – разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии – имели среди персонала германского посольства своего человека Им был заместитель заведующего отделом торговой политики советника Густава Хильгера – Герхард Кегель...»¹⁸. «...Теперь Кузнецов переключился на проникновение в посольство Германии. Снова вернемся к рассказу В.С. Рясного:

«Одной из наиболее интересующих нас фигур в составе германского посольства был военно-морской атташе Норберт Вильгельм фон Баумбах, активный разведчик, прекрасно владеющий русским языком. Он много ездил и ходил по Москве, яхсался с проститутками, имел агентуру, которую мы частично знали.

Баумбах один... жил на улице Воровского (ныне снова Поварская)... Перед отделением была поставлена задача забраться в его документы, чтобы полностью выявить агентурную сеть. Знали, что дома он держит сейф, но квартира никогда не пустует – когда Баумбах отсутствует, в ней занимается хозяйством горничная, происхождением из русских немок... Кузнецов познакомился с ней на нейтральной почве, завязал флирт, выяснил, когда точно по дням и часам Баумбах отсутствует. В подходящий день Кузнецов увел горничную в кинотеатр

«Баррикады»...мы же с мастером оперативно-технического отдела Пушкиным проникли в квартиру Баумбаха. Пушкин вскрыл сейф, вынул документы. Их пересняли и вернули на место, не оставив после себя никаких следов. Агентурная сеть гитлеровского разведчика была полностью выявлена, а затем и обезврежена. Самого Баумбаха мы потом сумели скомпрометировать на почве его чрезмерного увлечения женским полом – на квартире у Красных Ворот, где он развлекался с одной из своих, но и наших тоже знакомых. Прodelали это с помощью скрытых фотокамер. В интересах контрразведки Кузнецов сумел очаровать... жену личного камердинера посла Германии Ганса Флегеля¹⁸ Ирму. Потом, кстати, подобрались и к самому Флегелю. Он был страшным бабником, на этом подловили и его. Это тоже было значительное личное достижение Кузнецова. Потом Кузнецов добился прямо-таки невероятного: во время очередного кратковременного отъезда Шуленбурга в Германию он уговорил камердинера показать ему квартиру посла в Чистом переулке (теперь в этом особняке резиденция патриарха) и составил точный план расположения комнат и подробнейшее описание кабинета. Не забыл даже указать, что на столе Шуленбурга³ стояли в рамках две фотографии: министра иностранных дел Германии фон Риббентропа и... берлинской любовницы, русской по происхождению... От Флегеля мы узнали немало важного... Военный атташе посольства генерал Эрих Кестринг жил в особняке с наружной охраной в Хлебном переулке, 28. Он прекрасно владел русским языком, говорил без акцента. Проникнуть в его жилище обычным, накатанным способом было невозможно. Между тем обстановка на границе сгущалась, мы все понимали, что война на носу (середина апреля–мая 1941 года), она и разразилась через два месяца)... С торца дома прорыли подземный ход в подвал особняка, отсюда проникли в кабинет атташе, вскрыли сейф, пересняли важные документы, наставили повсюду «жучков» и успешно замели, как говорится, все следы своего визита. От того же Флегеля и его жены мы узнали и о том, что уже в марте в подвале стали сжигать документы, а семьи дипломатов потихоньку, под невинными предложениями отправлять на родину...»¹⁹.

16. 17 или 18 июня (1941) командир 43-й истребительной авиационной дивизии Г. Н. Захаров пролетел на У-2 над западной границей около 400 километров. «Приграничные районы западнее государственной границы были забиты войсками, – вспоминал летчик. – Количество войск, зафиксированное нами на глазок, вприглядку, не оставляло

мне никаких иных вариантов для размышлений, кроме одного единственного: близится война»²⁰.

17. «19 июня около 23 часов стало известно, что на полуострове Ханко, на одном из участков государственной границы, замечены скрытные подходы небольших групп немецких солдат. Там же в проволочном заграждении обнаружили специальный проход для пехоты. Нарком также приказал при появлении немецких самолетов открывать по ним огонь береговой и корабельной зенитной артиллерии, а истребительной авиации подниматься в воздух. Правда, вскоре последовало новое распоряжение высшего командования – открывать огонь по немецким самолетам только в пределах старой государственной границы и района военно-морской базы Ханко»²¹. «... В 20.00 пришел М.А. Воронцов, только что прибывший из Берлина. В тот вечер Михаил Александрович минут пятьдесят рассказывал мне о том, что делается в Германии. Повторил: нападения надо ждать с часу на час.

– Так что же все это означает? – спросил я его в упор.

– Это война! – ответил он без колебаний.

Как нам стало известно, немецкий военно-морской атташе фон Баумбах обратился к своему начальству за разрешением выехать в командировку на родину. Все это нельзя было считать случайным стечением обстоятельств. Я видел И.В. Сталина 13 или 14 июня. То была наша последняя встреча перед войной. Доложил ему свежие разведывательные данные, полученные с флотов, сказал о большом учении на Черном море, о том, что немцы фактически прекратили поставки для крейсера «Лютцов». Никаких вопросов о готовности флотов с его стороны не последовало...»²².

Российскому читателю лишь после войны стали известны имена тех разведчиков, которые по известным причинам не могли быть названы до этого. Среди плеяды теперь известных всему миру героев невидимого фронта здесь следует упомянуть имена двух, сведения которых, и это совершенно ясно, попали на стол адмиралу флота Советского Союза Н. Г. Кузнецову – это Герхард Кегель и Николай Иванович Кузнецов. Эти два человека являлись представителями двух ветвей советской разведки. Кегель Герхард был из РУ РККА, а Николай Иванович Кузнецов из разведки НКГБ СССР. Несомненно, главком ВМФ СССР доверял информации, добытой ими, и правильно ее использовал при объявлении боеготовности № 1.

Итак, из вышеназванного мы видим, что сведения, полученные адмиралом флота Советского Союза Н.Г. Кузнецовым в 1940 и 1941 гг., в основном исходили от РУ РККА:

За 1940 г. – в конце 1940 г. (ноябрь).

А в 1941 г. основной массив сведений о военных приготовлениях немецкой стороны был получен им от ГРУ, а также и от разведки НКВД:

От РУ РККА в конце (30) января; 7 февраля; в марте–апреле; 6 мая; в начале мая 1941 г. помощник военно-морского атташе в Германии Воронцова В. Смирнов доложил о том, что фашистское руководство, якобы, намерено развязать войну против СССР 14 мая; 27 мая; 11 июня; 13 июня; 17 или 18 июня; 19 июня.

От разведки НКВД – в начале февраля.

А теперь обратимся, к статье профессора Академии военных наук Л.А. Безыменского под названием «Советская разведка перед войной», в которой он пишет о полученных данных от разведорганов СССР в этот же период времени.

«Практика обеих ветвей разведки подтвердила, что они достаточно быстро ощутили переход немецкого руководства к подготовке будущей войны с СССР. По линии ГРУ уже в 1940 г. такие доклады поступали 20 января, 8 апреля, 28 июня, 4, 27, 29 сентября, причем не только из Берлина, но из Бухареста, Парижа, Белграда. Если директива «Барбаросса» была подписана 18 декабря 1940 г., то этот факт был сообщен военной резидентурой («Альта») 29 декабря 1940 г. Такие же данные о немецких намерениях в течение 1940 г. поступали и из источников НКВД. Архивы 1-го управления регистрировали сообщения подобного рода 9, 12, 14 июля, 5, 9, 24 августа, в начале сентября, 6 ноября 1940 г. В 1941 г. они буквально доминировали в разведывательной документации. При всем различии оперативной подчиненности с нарастанием военной опасности содержание работы всех советских резидентур приобретало все большую общность. В информации, поступавшей от НКВД – и особенно в информации управления пограничных войск, стали преобладать сведения о передвижении немецких войск. В свою очередь, информация ГРУ содержала и политические данные, например, поступающие из МИД Германии через источник «Ариец» (Р. Шелия)»²³.

«Регулярная информация на эту тему собиралась и командованием пограничных войск, взаимодействовавших с регулярными частями округов. Такую же собственную оценку произвело и

командование ВМФ (Н. Кузнецов), своевременно принявшее решение о боевой готовности...²⁴

Вышеприведенные данные говорят нам о сложности обстановки, в которой адмиралу Н.Г. Кузнецову приходилось принимать судьбоносное решение.

Как можно прочесть в книге А. Некрича «1941, 22 июня», советское правительство получило из различных источников 84 предупреждения о готовящемся нападении²⁵.

Надо отметить, что перед войной разведки работали по своим направлениям.

«В предвоенный период советская разведка состояла из двух структур: военной разведки – с июля 1940 года Разведуправления Генштаба РККА и политической или ИНО (иностранного отдела), с июля 1939 по февраль 1941 года – 5-го отдела ГУГБ, а с февраля ИНО именовался 1-м управлением НКГБ СССР... В течение 30-х годов обе разведслужбы смогли создать за рубежом эффективные сети, обеспечивавшие регулярный информационный поток. Так, военная разведка свою легальную сеть имела в виде военных атташе в составе посольств (тогда они именовались полпредствами). Их численность зависела от общей численности полпредств, в крупных странах имелись наряду с военными также военноморской и военно-воздушный атташе. Они вели «официальную» военную разведку, т. е. сбор данных о вооруженных силах изучаемого государства. Одновременно работники РУ в качестве легальных представителей направлялись под «крыши» тех или иных советских недипломатических учреждений («Интурист», ВОКС и т. д.). Третьей составной частью аппарата военной разведки были нелегальные резидентуры. Как правило, они возглавлялись советскими офицерами, проживавшими под чужими именами и с иностранными паспортами. В эпоху Берзина были созданы обширные сети, замаскированные под коммерческие предприятия. Такой сетью были резидентуры Л. Треппера во Франции, А. Гуревича – в Бельгии, Ш. Радо в Швейцарии. Формы прикрытия гибко варьировались в зависимости от индивидуальных качеств и возможностей разведчика (яркий пример – Р. Зорге в Японии). Связь с Центром осуществлялась по радио; однако ввиду несовершенства тогдашней аппаратуры использовались и курьеры. Так, на связь с Радо посылались курьеры из Москвы (М. Мильштейн) и из Бельгии (А. Гуревич).

В разведке ОПТУ – НКВД НКГБ внешний аппарат выглядел несколько иначе, ибо руководитель легальной резидентуры не имел официального поста, а был закамouflирован под дипломата (секретаря или советника посольства), располагавшего несколькими сотрудниками, чаще всего работавшими в консульском отделе. Последние осуществляли как вербовку, так и руководство уже существующей агентурой. Нелегальная сеть также была двух родов: под чужими именами направлялись сотрудники НКВД – НКГБ (нелегальные резиденты), создававшие свои агентурные сети и имевшие связь с Москвой через легальные резидентуры. Так, в Германии в 30-е годы были созданы две нелегальные резидентуры, одну из которых возглавлял талантливый советский разведчик В. Зарубин. Одновременно в составе этих сетей функционировали и те граждане иностранных государств, которые являлись источниками. К 1941 году во внешних сетях ИНО было несколько десятков резидентур»²⁶.

Итак, источники, довоенные и, ставшие известными после войны, из которых адмирал флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов в течение 1940 и 1941 гг. черпал информацию и о которых сегодня можно говорить, следует подразделить на несколько групп:

1. общеизвестные: достоверные данные военной разведки, военно-морских атташе;
2. общеизвестные: показания перебежчиков;
3. данные наблюдений ВМФ;
4. данные, полученные из пограничных округов;
5. данные разведчиков-нелегалов, ставшие известными сравнительно недавно;
6. внешние признаки: положение дел в немецком посольстве в Москве.

В заключение можно сделать следующие выводы: источники, о которых говорится в статье, находились в разрозненном состоянии в мемуарах, архивах, журнальных статьях, и задача автора состояла в том, чтобы собрать их и проанализировать, и дать им оценку, и показать, какие из них имели первостепенное значение при принятии адмиралом Н.Г. Кузнецовым решения о введении боеготовности № 1.

Подходить однозначно к его действиям при принятии решений перед войной нельзя, поскольку надо учитывать и его дипломатический опыт. Необходимо сказать, что адмирал флота Н.Г. Кузнецов проявил себя как великолепный организатор.

В период гражданской войны в Испании, с 1936 по 1937 гг., он обеспечивал военные поставки в Испанию, оказывал помощь командованию испанским флотом, где в боевых условиях приобрел бесценный опыт, а в годы Великой Отечественной войны применил его на практике, когда уже был наркомом ВМФ СССР.

Перед войной нарком ВМФ участвовал в переговорах с Англией и Францией по созданию коалиции по противодействию агрессору в Европе.

Как военный человек, адмирал Кузнецов, имевший опыт командования крупными соединениями в условиях войны и получавший соответствующую информацию от разведки, мог просчитывать действия противной стороны на перспективу. Перед самым началом войны адмирал Н.Г. Кузнецов получил информацию о данных на агентуру немецкого военно-морского атташе Норберта фон Баумбаха в СССР, которая была своевременно обезврежена также и с участием военных моряков.

Известно, что адмирал Кузнецов сумел убедить руководство страны о целесообразности вывода из Таллинской военно-морской базы линкоров «Марат» и «Октябрьская революция» в Ленинград, что в дальнейшем сыграло большую роль в обороне города.

Опираясь на данные от военно-морских атташе и разведывательных органов о действиях военно-морских атташе Германии, военного атташе Чехословакии, Румынии и других стран, адмирал Н.Г. Кузнецов мог точно судить о положении на международной арене и докладывал об этом Правительству СССР.

Очевидность приготовлений по ту сторону государственной границы немецких войск в последние недели мая–июня 1941 г., как-то: снятие чехов с пушек и отсутствие маскировки на танках, проделывание проходов в проволочных заграждениях для пехоты на полуострове Ханко, наблюдения советской воздушной разведки вдоль границы на протяжении 400 км, данные разведки погранвойск и наблюдателей ВМФ и другие сведения о приготовлении немецких войск и ВМС к атаке, – привели адмирала Н.Г. Кузнецова к окончательному принятию решения о введении боеготовности № 1 для отражения нападения врага.

Опираясь на вновь обретенные данные, с позиции сегодняшнего дня мы можем с уверенностью сказать, что он в своих решениях смог подняться выше, чем многие руководители его ранга и страны, ведь его предвидения оправдались.

Биографическая справка:

а). Баумбах Норберт Ортвин Август Вильгельм фон (Norbert Ortwin August Wilhelm von Baumbach; 1900–1971) – немецкий офицер, дипломат; капитан Цур зее. С января 1937 по июнь 1941 г. военно-морской атташе при германском посольстве в Москве.

б). Кегель Герхард (нем. Gerhard Kegel; 16 ноября 1907, Проишиш-Херби, Верхняя Силезия – 16 ноября 1989, Берлин) – советский разведчик, член «Красной капеллы», сотрудник МИД Германии в годы Второй мировой войны. В 1935–1939 гг. секретарь посольства Германии в Варшаве, а в 1940–1941 г. работал в посольстве Германии в Москве в торговом отделе. Агент Разведупра Генштаба РККА, в документах проходил как агент Курт. Награжден советским орденом Красного знамени (1969) и орденом Дружбы народов. Кавалер ордена Карла Маркса (ГДР).

в). Кестринг Эрнст-Август (нем. Ernst-August Köstring; 20 июня 1876, Серебряные Пруды – 20 ноября 1953, Бильхоф, Бавария) – немецкий дипломат и военачальник, генерал от кавалерии.

Сын издателя и управляющего имением Серебряные Пруды графа Шереметева. Образование получил в России. Участник Первой мировой войны, находился по большей части на штабных должностях. Осенью 1916 г. был тяжело ранен. После выздоровления с декабря 1917 г. был сотрудником германской военной миссии в Османской империи. С января 1918 г. – первый адъютант начальника генерального штаба турецкой армии генерала Ханса фон Зекта.

Полковник (1 апреля 1930 года). Свободно владел русским языком.

В 1931–1933 гг. военный атташе Германии в Москве. В марте 1933 г. был отправлен в отставку в чине генерал-майора. В августе 1935 г. возвращен на службу. В 1935–1941 гг. – вновь военный атташе Германии в Москве, одновременно до 1940 г. – в Литве. За время службы в СССР был произведен в генерал-лейтенанты (1 августа 1937 г.) и в генералы от кавалерии (1 октября 1940 г.). В июне 1941 – сентябре 1942 г. находился в резерве.

Выступал за привлечение граждан России в борьбе с большевизмом. Использовался в качестве эксперта по русским вопросам. С сентября 1942 г. – уполномоченный по вопросам Кавказа при группе армии «А». Отвечал за формирование «туземных» воинских частей. С июня 1943 г. – инспектор соединений народов Северного Кавказа. С 1 января 1944 г. – генерал добровольческих соединений при ОКВ.

4 мая 1945 г. был взят в плен американскими войсками. В 1947 г. выпущен на свободу. Предусматривался в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе, но СССР высказался против его использования.

г). Редер Эрих – гросс-адмирал, бывший главнокомандующий военно-морскими силами Германии (1935–1943 гг.), адмирал-инспектор военно-морского флота.

д). Рясной Василий Степанович (1904, Самарканд – 12 декабря 1995, Москва) – один из советских руководителей подразделений НКВД и НКГБ. В феврале 1937 г. В.С. Рясной был отозван в распоряжение ЦК ВКП(б) и по партийному набору направлен на работу в НКВД СССР. С 1937 г. в 3-м отделе (бывший КРО) ГУГБ НКВД СССР: стажер, оперуполномоченный, помощник начальника, заместитель начальника отделения. С октября 1939 г. – начальник 14-го отделения, с июля 1940 г. – заместитель начальника, а с января 1941 г. – начальник 1-го отделения. С марта 1941 г. В.С. Рясной – начальник 1-го отделения 1-го отдела 2-го управления НКГБ СССР. Он отвечал за оперобслуживание германских представительств в Москве, а после начала Великой Отечественной войны – за интернирование германских дипломатов.

е). Хильгер Густав родился в 1886 г. в Москве в семье немецкого фабриканта и с детства свободно владел русским языком. В 1910 г. он окончил инженерное отделение Дармштадского университета.

Став карьерным дипломатом, он с 1918 и до июня 1941 г. был сначала сотрудником, а затем советником посольства Германии в СССР. Как и его шеф, посол граф Вернер фон дер Шуленбург, он не был активным и убежденным нацистом и являлся сторонником мирных добрососедских отношений Германии с Советским Союзом. Во время войны служил в министерстве иностранных дел; в 1948–1951 гг. жил в США, а в 1953–1956 гг. был советником аденауэровского правительства ФРГ по «восточным вопросам».

В соавторстве с историком Альфредом Мейером он написал книгу воспоминаний о своей работе в германском посольстве в Москве: «Россия и Германия. Союзники или враги?» Сегодня нельзя проверить, насколько объективны его записки: большинства сотрудников посольства уже нет в живых. Хильгер много пишет о встречах со Сталиным, Молотовым и другими высокопоставленными советскими чиновниками, в которых участвовал только он и германские послы, в частности граф Шуленбург. Из всего списка этих лиц только Густав Хильгер оставил мемуары о тех встречах.

ж). Шелленберг Вальтер – сотрудник «Амт-IV» в РСХА, тогда имел чин всего лишь оберштурмбанфюрера СС. Но в день нападения Германии на Советский Союз он станет шефом «Амт-IV» в РСХА, то есть внешней разведки всемогущей эсэсовской службы безопасности – сокращенно СД. Войну Шелленберг закончит и пойдет под суд уже бригаденфюрером СС.

з). Шуленбург Вернер фон дер – Фридрих-Вернер Эрдманн Маттиас Иоганн Бернхард Эрих граф фон дер Шуленбург (нем. Friedrich-Werner Erdmann Matthias Johann Bernhard Erich Graf von der Schulenburg; 20 ноября 1875, Кемберг – 10 ноября 1944, Берлин) – немецкий дипломат, посол Германии в СССР (1934–1941). Участник заговора 20 июля против Адольфа Гитлера.

и). Флегель Ганс – личный камердинер посла Германии графа Шуленбурга.

к). Ямагути (Yamaguchi) Тамон (17.8.1892 – 5.6.1942), японский военно-морской деятель, вице-адмирал (посмертно, 5.6.1942). Окончил военно-морское училище (1912) и военно-морскую академию. Службу начал 17.7.1912 г. мичманом на крейсере «Сойя». Служил на различных надводных кораблях, с 1919 г. – на штабных должностях. В февр. 1921 – марте 1923 г. находился в командировке в США, в 1929–1930 гг. входил в состав японской делегации на Лондонской конференции. С 15.11.1932 г. инструктор Военно-морской академии. 1.6.1934 г. назначен военно-морским атташе в Вашингтоне. По возвращении 1.12.1936 г. получил в командование легкий крейсер «Исудзу». Руководил подготовкой ударного соединения флота и разработкой плана атаки на флот США в Перл-Харборе. Участник нападения японского флота на Перл-Харбор и др. Считался одним из наиболее перспективных японских флотоводцев и наиболее вероятным преемником адмирала Ямамото. Во время сражения у атолла Мидуэй 5.6.1942 г. его флагман – авианосец «Хирю» – был потоплен, Ямамото отказался покинуть корабль и вместе с командиром корабля Каку Томео ушел под воду с «Хирю».

¹ Безыменский Л.А. Советская разведка перед войной // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 89.

² Кузнецов Н.Г. Накануне. Военные мемуары. Воениздат, 1969. С. 2.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 301.

⁵ Там же. С. 315.

⁶ Гладков Т. Легенда советской разведки. М.: Вече, 2001. С. 82, 83, 91–94.

- ⁷ Боевая летопись Военно-Морского Флота. 1917–1941. М.: Воениздат, 1992. С. 672. Ссылка на Центральный военно-морской архив. Ф. 79. Д. 39785. Л. 419–428.
- ⁸ Морской сборник. 1985. № 12. С. 51.
- ⁹ Военно-исторический журнал. № 2. 1992. С. 6, 39–40.
- ¹⁰ Морской сборник. 1985. № 12. С. 6, 51 .
- ¹¹ Боевая летопись Военно-Морского Флота. 1917–1941. С. 672.
- ¹² Басов А. В. Флот в Великой Отечественной войне. 1941–1945. М., 1980. С. 3.
- ¹³ Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 40–42.
- ¹⁴ Кузнецов Н.Г. Крутые повороты. Из записок адмирала / Составитель Р.В. Кузнецова. М.: Молодая гвардия, 1995. С. 214.
- ¹⁵ Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 324.
- ¹⁶ Кегель Герхард. В бурях нашего века. Записки разведчика-антифашиста / Пер. В.П. Гренков. М.: Политиздат. 1987. С. 181–187.
- ¹⁷ Гладков Т. Легенда советской разведки. С. 82, 83, 91–94.
- ¹⁸ Там же. С. 83–91.
- ¹⁹ Там же. С. 82, 83, 91–94.
- ²⁰ Захаров Г. Н. Я – истребитель. М.: Воениздат, 1985. С. 99.
- ²¹ Трибуц В.Ф. Балтийцы вступают в бой. Калининград: Калининградское кн. изд-во. 1972. С. 29, 30.
- ²² Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 323, 324, 327.
- ²³ Безыменский Л.А. Советская разведка перед войной. С. 83.
- ²⁴ Там же. С. 86.
- ²⁵ Некрич А. 1941, 22 июня. М., 1995. С. 170–171.
- ²⁶ Безыменский Л.А. Советская разведка перед войной. С. 79, 80.

М. Франз (Познань, Польша)

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЙНА В СИРИЙСКО-ЛИВАНСКИХ ВОДАХ В 1940 ГОДУ

ФРАНКО-ГЕРМАНСКОЕ соглашение о перемирии было подписано 22 июня 1940 г., двумя днями позже аналогичный документ был подписан между Францией и Италией¹. Данное соглашение о прекращении военных действий положило конец первому непродолжительному этапу участия Франции во Второй мировой войне. Если на континентальном фронте перемирие принесло успокоение, то в Средиземном море ситуация вдруг резко обострилась.

Решения, которые были приняты французами, являлись нарушением не только союзнических соглашений с британцами, но и проявлением стремления к самосохранению, не принимая во внимание никаких других обстоятельств. Для адмирала Жана Дарлана прежний союзник очень скоро утратил всякое значение. *Мы думаем как французы и поступаем как французы*,² – это слова французского адмирала, которые выражают сущность его личного отношения к британцам. Никогда прежде он не отличался особой расположенностью к британским партнерам, а теперь он мог этого не скрывать, и это несмотря на то, что в то время он был исключительно важным, самостоятельным политиком и представителем французской власти. В правительстве Виши никто, за исключением премьера, но не в такой степени, не обладал таким авторитетом, как адмирал Ж. Дарлан³, благодаря именно тому, что могущественный французский флот продолжал оставаться под его командованием⁴.

В то время французский флот базировался не только в портах на юге Франции, но и на североафриканских колониальных базах.

Из этой группы Мерс-эль-Кебир была главной военно-морской базой, на которой находились 4 линейных корабля и 6 эскадренных

миноносцев. Кроме того, в Алжире на якорях стояли тяжелые крейсера «Альжери», «Дюпле», «Фош» и «Кольбер», которые ранее базировались в Тулоне,⁵ и 3 легких, не считая мелких единиц⁶.

Для британцев главным становился вопрос о дальнейшей судьбе французского флота. Никто не надеялся на то, что флот не признает акта капитуляции своего правительства перед Германией и Италией и решит продолжить борьбу на стороне Королевского военно-морского флота, но и дальнейшее его содержание, особенно на южно-французских и северо-итальянских базах, также не представлялось возможным. Британцы исходили из того, что рано или поздно флот все равно окажется в немецких руках и тем самым усилит позиции главного противника Великобритании в этой войне⁷. Позже в своих воспоминаниях премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль писал: *«Присоединение французского флота к германскому и итальянскому флотам, учитывая страшнейшую угрозу со стороны Японии, вырисовывающуюся на горизонте, грозило Англии смертельной опасностью и серьезно затрагивало безопасность Соединенных Штатов. В статье 8 соглашения о перемирии оговаривалось, что французский флот, за исключением той его части, которая была оставлена на свободе для охраны французских колониальных интересов, «будет сосредоточен в определенных портах и там демобилизован и разоружен под германским или итальянским контролем.»*⁸ Все это означало только одно: Великобритания приложит все усилия, чтобы предотвратить реализацию такого сценария, даже ценой объявления войны своему недавнему союзнику. В частности, речь идет о поведении французской стороны, которое сложно назвать однозначным, как этого хотел главнокомандующий адмирал Ж. Дарлан⁹. Его приказ № 5143-5144-5145 от 24 июня 1940 г. требовал от французских кораблей оставаться под французским флагом и вернуться в порты приписки или уйти в колониальные порты¹⁰. Однако У. Черчилль решил, что существует слишком большой риск попадания кораблей французского флота под контроль Германии и Италии, в результате чего отдал приказ осуществить операцию «Катапульта»¹¹, т. е. осуществить захват с целью нейтрализации соединений ВМФ Франции. В итоге база Мерс-эль-Кебир дважды подверглась нападению (3 и 6 июля 1940 г.¹²). Кроме того, 8 июля британская эскадра совершила нападение на базу в Дакаре, в британских портах были захвачены французские корабли, а также было подписано соглашение в Александрии. Впрочем, операция «Катапульта» оставила англо-французский конфликт неразрешенным.

После драматических июльских событий 1940 г. главное соединение кораблей французского флота сосредоточилось в районе Средиземного моря в Тулоне¹³. В направлении именно этого соединения следовали корабли из североафриканских баз. В течение последующих недель в том же направлении следовали и отремонтированные корабли, которые были повреждены в Мерс-эль-Кебир. Единственным серьезным соединением оставалась выделенная эскадра, которая была сосредоточена в портах французских ближневосточных колоний, в частности, в портах Сирии и Ливана. В этих портах находились два больших эсминца: «Гепар» и «Вальми»¹⁴, входящие в состав 3-го дивизиона эсминцев под командованием капитана 1 ранга Раймона Э. Жерве де Лафона¹⁵, три подводные лодки: «Кайман», «Суфлер»¹⁶, «Марсуен»¹⁷, входящие в состав 9-го дивизиона подводных лодок, 5 тральщиков: «Джебель Саннин», «Авосетт», «Массалия», «Жан Мик», «Ле Сид», входящие в состав 52-й флотилии тральщиков¹⁸, эскортный корабль «Элан», танкер «Адур» и несколько небольших вспомогательных единиц¹⁹. Данная флотилия находилась под командованием контр-адмирала Пьера Гутона, база которого располагалась в Бейруте. Незначительную поддержку флотилии оказывала береговая артиллерия, состоящая из одной батареи береговых орудий калибром 155 мм, одной батареи 105 мм, трех батарей 75 мм и авиации, насчитывающей 122 самолета, в том числе 23 современных истребителя Девуатин Д520²⁰. Британцы прекрасно знали о существовании этих сил, но с самого начала, т. е. после капитуляции Франции перед Германией и Италией, не предпринимали никаких агрессивных действий, невзирая даже на то, что обе колонии немедленно признали власть нового правительства маршала Ф. Петена в Виши. В декабре 1940 г. Высоким комиссаром Виши в Сирии был назначен генерал Анри-Фердинанд Дентц²¹. Он был абсолютно убежден в необходимости исполнения распоряжений своего правительства, но при этом он не видел преград для сотрудничества с Германией или Италией²². Для германо-итальянской стороны в свете продолжающейся войны в Северной Африке ближневосточные территории имели огромное значение. Особое значение придавалось французским аэродромам, которые позволили бы немцам не только беспрепятственно орудовать в данном районе, но и оказывать поддержку с воздуха антибританскому восстанию Рашида Али в Иране. В то же время французская сторона выразила согласие на использование немцами сети железных дорог на территории Сирии. Судя по

всему, в Виши предвидели гневную реакцию британцев, потому что с разрешения немцев началось укрепление позиций ближневосточных сил, а через Италию перебрасывались в Сирию современные истребители²³.

Британцы были очень обеспокоены ситуацией на Ближнем Востоке. С одной стороны, в Северной Африке продолжались столкновения, которые создавали угрозу для Египта и стратегически важного Суэцкого канала, с другой стороны, в начале мая 1941 г. в Иране к власти пришло новое правительство с отчетливой пронемецкой ориентацией, а с третьей стороны, Сирия и Ливан находились под контролем французских сил, которые, в свою очередь, находились в прямом подчинении правительства в Виши. Более того, французы были враждебно настроены к британцам и в течение последних недель продолжали укреплять свои позиции²⁴. Новое правительство в Иране могло теперь расторгнуть прежние соглашения с Великобританией и тем самым не только отрезать ее от поставок нефти, но и заставить покинуть военные базы, расположенные на территории данного государства²⁵. Обе угрозы были достаточным поводом, чтобы объявить войну правительству Ирана и предпринять военные действия против него²⁶. В ответ на это событие на сирийские аэродромы начали приземляться немецкие самолеты, окрашенные в цвета иранского флага, чтобы таким образом оказать помощь правительству Али²⁷. Не стоит забывать, что Германия к тому времени завершала греческую кампанию, а это означало, что ее армия находилась в непосредственной близости²⁸. С легкостью можно было себе представить не только перебрасывание в Сирию очередных партий немецких или итальянских самолетов, но и регулярных подразделений войск. Риск становился слишком большим. Впоследствии в своих воспоминаниях У. Черчилль писал: *«Хозяйничанье немцев в Сирии поставило бы под угрозу непрерывных воздушных налетов Египет, жизненно важную зону Суэцкого канала и абаданские нефтепромыслы. Наши сухопутные коммуникации между Палестиной и Ираком оказались бы в опасности. Это могло бы повлечь за собой политические последствия в Египте, а наши дипломатические позиции в Турции и на всем Среднем Востоке были бы серьезно ослаблены»*²⁹. Поэтому не стоит удивляться тому, что начались приготовления к сухопутной операции, целью которой был захват ливийско-сирийских территорий, при этом Великобритания продолжала вести боевые действия в Иране, удерживала итальянские войска в Северной Африке, начала

эвакуацию британских войск из Греции, укрепляла Крит и пыталась спасти Мальту, положение которой становилось все более и более затруднительным³⁰.

14 мая главнокомандующие штабов в Лондоне приняли решение о вооруженном вторжении на территорию Сирии и Ливана, поручая данную операцию главнокомандующему британскими войсками на этой территории Арчибальду Персифалю Уэйвеллу³¹. Согласно оперативному плану Уэйвелла, основная часть военных действий должна была быть осуществлена сухопутными войсками при поддержке авиации³². Однако и для военно-морского флота в данной операции были предусмотрены соответствующие задачи, тем более что на территориях, находящихся в подчинении правительства Виши, базировались военные корабли, на что было указано ранее.

В конечном счете приготовления к морской части операции по захвату Сирии и Ливана были начаты 3 июня и велись в штабе адмирала Э. Каннингема на борту линкора «Уорспайт». В скором времени британское командование отдало себе отчет в том, что, в свете огромного количества прочих заданий, Королевский флот может направить в сторону сирийско-ливанского побережья лишь легкие силы под командованием вице-адмирала Эдварда Л.С. Кинга, состоящие из 3 легких крейсеров: «Аякс», «Феб», «Кавентри» и 8 эсминцев: «Хиро», «Хотспур», «Айлекс», «Айсис», «Джекэл», «Янус», «Кандагар», «Кимберли», которые должны были не только завоевать господство в этих водах, нейтрализуя французские корабли, если те решат выйти в море, но и обеспечить прикрытие десантных соединений, которые должны были высадить на сирийском побережье отряды специального назначения. Военные действия начались 8 июня, но уже двумя днями ранее десантный корабль «Гленджайл» с батальоном десантников на борту вышел из Порт-Саида под прикрытием эсминцев Хотспур» и «Айсис»³³. Десантники должны были высадиться в 5 километрах к северу от Тира, чтобы захватить стратегически важный мост Касмие. Операция была важна с точки зрения хода боевых действий, поэтому в качестве дальнего прикрытия было решено вывести в море также остатки сил вице-адмирала Кинга. Корабли вышли в море 7 июня³⁴. До начала сражений 8 июня никто не беспокоил британские корабли, хотя они оставались в море и были готовы оказать огневую артиллерийскую поддержку надвигающимся британским силам и «Свободным французам»³⁵. В это время над британскими кораблями появились французские самолеты. С одной

стороны, к счастью, это были французские истребители Девуатин Д520, которые не могли причинить слишком серьезного вреда единицам Королевского флота, с другой стороны, британская эскадра обладала своей противовоздушной обороной в виде 6 истребителей Фэйри «Фулмар» из 803-й эскадрильи ФАА³⁶. В результате одна из французских машин была сбита³⁷. Во время налета корабли не понесли никаких потерь. В этот день борьба на море сосредоточилась только на нем, но последующие сражения фулмаров с французскими истребителями привели к фактическому уничтожению слабого британского палубного дивизиона³⁸.

Британская атака на Сирию и Ливан вызвала также реакцию французского флота. Предугадать ход дальнейших событий было не сложно: в море отправился отряд подводных лодок, которые в тех условиях были самым опасным оружием в арсенале правительства Виши. 9 июня французская субмарина «Кайман» атаковала один из британских крейсеров³⁹. Атака завершилась неудачей: ни одна из четырех выпущенных торпед не попала в цель, а сама французская подлодка получила легкие повреждения от разрыва глубинных бомб, примененных двумя британскими эсминцами. На рассвете того же дня другая французская подлодка «Суфлер» атаковала «Феб», но также безуспешно⁴⁰. Активность французских подводных лодок начала беспокоить британское командование. Правда, атаки не увенчались успехом, а подготовка французских экипажей оставляла желать лучшего, тем не менее, стало понятно, что в эти воды было отправлено слишком малое количество легких единиц, чтобы эффективно противодействовать подводным лодкам противника. Кроме того, 9 июня произошел авианалет 6 французских бомбардировщиков Мартин 167Ф и 4 Блох МБ200 под прикрытием 6 истребителей Д520. На этот раз прикрытием экипажа Королевского флота осуществляли 3 истребителя Харрикейн 80-го дивизиона⁴¹. Боевое задание летчики выполнили превосходно – ни одна бомба не попала в британские корабли.

В тот же день, 9 июня 1940 г., была проведена десантная операция, в которой в очередной раз участие принял десантный корабль «Гленджайл» под прикрытием эсминцев «Хиро» и «Айлекс», которые ночью вышли из Порт-Саида и направились к устью реки Литани⁴². Высадка британских сил прошла без помех, без попыток противодействия со стороны французов. Британский отряд дальнего прикрытия состоял из легкого крейсера «Кавентри» под прикрытием

двух следующих эсминцев «Хотспур» и «Айсис». После высадки десанта специального назначения боевой отряд британских кораблей оставался в районе побережья, чтобы в случае необходимости обеспечить сухопутным силам огневую поддержку. Это было правильное решение. Не потому, что сухопутные войска столкнулись с какими-то проблемами, а потому, что из порта в Бейруте вышли французские эсминцы «Гепар» и «Вальми», которые, проходя вдоль побережья, производили обстрел британских отрядов артиллерии. Ввиду ограниченного количества амуниции, которую не было возможности пополнить, обстрел не был интенсивным и продолжался недолго. Корабли выпустили с дистанции 30–42 кабельтова снаряды 138 мм, но эта стрельба оказалась безуспешной.

Появление французского отряда вызвало мгновенную реакцию британцев⁴³. В 9.25 утра британские эсминцы «Хотспур», «Айсис» и «Джекэл» были направлены в район, лежащий в 4 морских милях от побережья, чтобы производить подводное патрулирование, а эсминец «Янус» должен был оставаться ближе к берегу, чтобы в случае необходимости оказать поддержку сухопутным войскам. Остальная часть соединения – ввиду необнаружения французских эсминцев – была отправлена в Хайфу, чтобы пополнить запасы топлива. Тем временем около 10.20 французские эсминцы вновь приблизились к району Сайда и тотчас же открыли огонь по одиноко маневрирующему эсминцу «Янус». Бой продолжался около часа. В британский корабль попало пять снарядов, повлекших серьезные повреждения и лишивших его хода⁴⁴. Во время столкновения в сторону побережья отправилась остальная тройка британских эсминцев и тем самым, несмотря на шквальный огонь французских эсминцев и очередные торпедные атаки, спасла от гибели поврежденное судно. В 11.46 французские корабли прекратили стрельбу и поспешно направились в Бейрут. Причиной тому было, с одной стороны, приближение в район сражения британских крейсеров и, прежде всего, крайне ограниченное количество снарядов для 138-мм орудий на борту французских судов. «Гепар» произвел 383 выстрела такими снарядами, а «Вальми» – 267, т. е. запасы снарядов были уже на исходе⁴⁵.

После боя поврежденный эсминец «Янус» был взят на буксир судном «Кимберли» и под прикрытием остальных британских кораблей отбуксирован на базу.

Вооруженное столкновение французских эсминцев с британскими кораблями не решило вопрос господства в зоне сражения.

Операцию французских кораблей, в результате которой был поврежден британский эсминец, можно расценить как тактический успех, тем не менее, они не удержали за собой поле боя; кроме всего, израсходовав значительную часть боеприпасов, они серьезно ограничили свою боеспособность.

Британские корабли по-прежнему продолжали активно орудовать у берегов Сирии и Ливии. Вечером 9 июня крейсер «Феб» обстрелял на берегу позиции, как ему казалось, французских сил. К сожалению, к тому времени данные позиции были уже заняты войсками антигитлеровской коалиции, что привело к лишним потерям. Утром 10 июня, на этот раз к счастью для коалиции, французские позиции были обстреляны британскими эсминцами «Кандагар» и «Кимберли». В этот же день соединение вице-адмирала Кинга было пополнено эсминцами «Ягуар», «Гриффин», «Деффендер» и «Стюарт», а 12 июня в состав соединения вошли также легкий крейсер «Линдер» и два эсминца: «Джервис» и «Хэсти»⁴⁶.

С каждым днем над районом сражений росла также активность британской морской авиации. 13 июня базирующиеся на Кипре палубные торпедоносцы Фэйри Суордфиш в расположенном в 8 морских милях от Бейрута порту Жунех торпедировали и потопили французское судно. На следующий день британские эсминцы вновь вышли в море. На этот раз это были «Джервис» и «Гриффин». Они получили задание оказывать артиллерийскую поддержку войскам коалиции, сражающимся с войсками Виши у реки Захарани. В этот же день британские корабли, в частности, легкие крейсера «Кавентри» и «Линдер», вновь встретились с двумя французскими эсминцами. Однако столкновения не произошло, так как французские корабли, пользуясь своей скоростью, сумели уклониться от предстоящей схватки и ушли на полной скорости на север.

15 июня, во время бомбардировки города и порта Сидона, в результате воздушной атаки повреждения получили два британских эсминца: «Айсис» и «Айлекс»⁴⁷. Но уже на следующий день британская авиация нанесла торпедный удар по французскому эсминцу «Шевалье Поль», который в результате полученных повреждений был потоплен в 50 морских милях от сирийского побережья⁴⁸. В данной операции не последнюю роль сыграли самолеты Суордфиш, базирующиеся на территории Кипра. Загруженные до отказа боеприпасами разного калибра эсминцы «Шевалье Поль» и «Вокелен» вышли из Тулона. Их отсутствие было явно ощутимо на территории

Сирии и Ливана. У французских войск не было возможности пополнить боеприпасы. Итак, корабли направились в Средиземное море, чтобы предпринять попытку прорыва британской блокады, установленной в районе сражений на Ближнем Востоке⁴⁹. Экипаж потопленного судна был спасен прибывшими из Бейрута французскими кораблями, прикрывавшими одновременно вход «Вокелена» в порт. К сожалению, на следующий день британская авиация серьезно повредила также и этот французский эсминец. Таким образом, не считая нескольких пополнений боеприпасов, в данном районе французским военно-морским силам поддержка не была оказана⁵⁰.

Это была далеко не единственная операция такого рода. Похожие действия предпринимались, прибегая к помощи торговых судов, в том числе французских «Теофиль Готье», «Оэд Икем», бывших британских, конфискованных немцами, «Бродвал», «Лесбиян» и «Пегас», которым 8 и 12 июня под прикрытием французских эсминцев из Бейрута и эскортного корабля «Элан» удалось переправить бесценные запасы для французских баз на Ближнем Востоке⁵¹. Их действия не остались без внимания британцев, которые посредством массированных авиационных налетов пытались отправить противника на дно. 20 июня объектом такой атаки стал «Теофиль Готье»⁵². В то же время британские самолеты Суордфиш появлялись в небе над портом в Бейруте, пытаясь потопить или хотя бы серьезно повредить французские эсминцы, которые для британских сил в этом регионе оказались серьезной проблемой⁵³.

Поздним вечером 15 июня британские эсминцы «Кимберли» и «Джервис» в очередной раз встретились с французскими эсминцами «Гепар» и «Вальми». Британцы открыли огонь по застигнутым врасплох французам прежде чем они были обнаружены, что в конечном счете предопределило исход сражения. По всей вероятности, один из британских снарядов достиг цели, так как французские корабли очень скоро прекратили стрельбу, хотя на этот раз по силе огня они все-таки обладали небольшим преимуществом. Тем не менее, они оставались в море, потому как 16 июня вступили в бой с легким крейсером «Линдер», идущим под прикрытием 4 эсминцев. После непродолжительного обмена артиллерийским огнем они вновь воспользовались преимуществом в скорости и ушли в сторону своей базы.

22 июня произошел очередной артиллерийский поединок между французским эсминцем «Гепар» и британским легким крейсером

«Линдер», который имел значительное преимущество и сумел поразить французское судно⁵⁴. Ночью французский корабль наткнулся на британское соединение, состоящее из 2 крейсеров и 6 эсминцев. В данной ситуации одно попадание 152-мм снарядом можно считать вполне удачным завершением такой встречи. Французскому кораблю удалось уйти от преследования противника.

В течение последующих дней был потерян один из кораблей – «Суфлер» под командованием лейтенанта Леже вместе с 52 матросами и самим капитаном⁵⁵. Корабль ушел ко дну 25 июня в районе Бейрута в результате торпедной атаки, которую произвела подлодка HMS «Парфянин»⁵⁶.

28 июня в 1.00 ночи французскую подводную лодку «Кайман», которая продолжала орудовать в районе сирийского побережья, на расстоянии 200 метров обнаружила британская подлодка и немедленно выполнила маневр погружения⁵⁷. На этот раз, к счастью, все обошлось: французскому судну удалось спокойно удалиться из района, подверженного опасности.

С каждым днем росла также активность британской морской авиации. Результатом ее действий стало серьезное повреждение французского танкера «Адур» в порту в Бейруте⁵⁸. Это было время фактического господства Королевского флота на море и все более редких выпадов французской стороны. Власти в Виши также это замечали. Поэтому в этом районе к французским подлодкам должны были примкнуть в качестве поддержки «Диана» и «Аргонавт» из 10-го дивизиона подводных лодок. Их прибытие изначально планировалось на 6-е, а затем на 9 июля, но в конечном счете, в свете успешного наступления сухопутных войск коалиции, и вовсе было отменено⁵⁹. Они оставались в Бизерте, а их прикрытие обеспечивал эскортный корабль «Коммандант Ревьер».

9 июля три французских эсминца: «Гепар», «Вокелен» и «Вальми» вышли из Бейрута в сторону порта в Салониках. Там они должны были взять на борт военное подкрепление, прибывшее в Салоники из Франции с согласия немецкой и итальянской сторон. Операция была согласована с Германией, благодаря чему через ее территорию Франция беспрепятственно перебрасывала свои силы. Итальянцы также не видели в этом ничего предосудительного. В этот же порт были направлены два французских торговых судна⁶⁰. Они должны были взять на борт небольшие зенитные орудия, снаряды к ним и не только, а также запчасти для самолетов⁶¹. Вопрос

о пополнениях стоял очень остро. Они были крайне необходимы, чтобы борьба могла продолжаться. Однако на тот момент британские войска находились уже всего в 10 километрах от Бейрута. В результате активных боевых действий британской авиации корабли были остановлены и вынуждены возвращаться, будучи на расстоянии 200 морских миль от сирийского побережья. В конечном счете они направились в Тунис.

10 июля командующий французскими силами в Сирии и Ливане Дентц решил начать переговоры о завершении военных действий. Подписанию мирного договора предшествовали четыре долгих дня переговоров. В конце концов, французские силы, находившиеся в подчинении правительства в Виши, капитулировали⁶². Тем временем французские подводные лодки вышли в море и направились в Бизерту, чтобы избежать попадания в руки британцев или же сил «Свободной Франции» генерала Шарля де Голля⁶³.

Во время сражений в сирийско-ливанских водах французские подводные лодки в общей сложности в море пребывали 17 дней, выполнив три безуспешные атаки на британские корабли. Таким образом, сложно дать им положительную оценку. Это стало следствием не только слабой подготовки экипажа, но и технических проблем с вооружением. Из всех выпущенных торпед три заклинило в трубах торпедного аппарата. Все это серьезно препятствовало эффективному ведению боевых действий. Намного лучше проявили себя надводные корабли, особенно эсминцы. Выяснилось, что хорошо вооруженные, с очень большой скоростью и хорошим командиром они могут быть угрозой для любого противника. Французы потеряли один такой корабль, но это было следствием действий авиации, а не артиллерийских поединков. В прямом бою более серьезные повреждения получил британский эсминец.

Несмотря на огромное превосходство британцев, французские силы, находившиеся в подчинении правительства Виши, сумели сохранить возможность ведения боевых действий в стратегически важной акватории и в течение всей кампании продолжали оставаться важным ее фактором⁶⁴. Это были последние франко-британские столкновения вплоть до операции «Факел», т. е. вторжения сил коалиции в Северную Африку⁶⁵. Это было то страшное время, когда прежние союзники становились врагами. Операции британского военно-морского флота были обусловлены стремлением защитить собственные интересы и, прежде всего, не допустить попадания французского

флота в руки Германии или Италии. В этом смысле их действия были обоснованы. Цена была очень высока. Несмотря на тяжелые потери, французский флот, тем не менее, сохранил львиную долю своей боеспособности. В Тулоне продолжало стоять сильное соединение военных кораблей, с которым невозможно было не считаться. В атлантических портах французских колоний находились два самых современных линкора «Ришелье» и «Жан Бар» и много других более мелких боевых единиц. В будущем они могли также стать реальной угрозой. Доказательством тому были мужество и отвага французских экипажей во время сражений у берегов Сирии и Ливана. Войскам антигитлеровской коалиции не стоило о них забывать, планируя будущие десантные операции на территории французских колоний. Впрочем, в Средиземном море на тот момент оставалось всего двое великих противников – британцы и итальянцы.

¹ Противоречия в интересах итальянских политиков и военных появлялись даже в ходе переговоров. Во время переговоров маршал Пьетро Бадольо присутствие Г. Чиано воспринял как элемент контроля над ним. G. Ciano. Pamiętniki 1939–1943. Warszawa, 1991. S. 221.

² B. Ireland. Wojna na Morzu Śródziemnym. Warszawa, 2006. S. 26.

³ Адмирал Жан Дарлан отдает честь маршалу Франции Филиппу Петену в Тулоне // Narodowe Archiwum Cyfrowe. Sygn. 2-15694.

⁴ В это время произошел также массовый выход солдат, которые не могли смириться с поражением Франции и в дальнейшем были намерены продолжать борьбу на стороне британской армии. Среди них значительную часть составляли поляки. Они устранились на британские грузовые суда, а также на французские корабли, следующие в Великобританию или в Северную Африку. T.H. Rolski. 85 dni pod francuskim niebem. Warszawa, 1975. S. 113–114.

⁵ A. Jaskuła. Algérie (Альжери) – это один из самых лучших «вашингтонских» крейсеров. Cz. 2 // Morza Statki i Okręty. Nr 2/1996. Warszawa, 1996. S. 37.

⁶ Особое значение имели базирующиеся в Касабланке и Дакаре линкоры «Жан Бар» и «Ришелье», но на данном этапе их предназначение не было связано с акваторией Средиземного моря. Подобным образом ситуация складывалась в Карибском бассейне и на Дальнем Востоке.

⁷ Исследуя источники, в частности воспоминания командующих, которые играли решающую роль в войне, может сложиться впечатление, что вопрос захвата и поглощения французского флота итальянской стороной вообще не рассматривался. С другой стороны, вероятно, также сами итальянцы не были заинтересованы проблемой французского флота. В мемуарах Галеаццо Чиано, например, по этому вопросу какие-либо ссылки отсутствуют.

⁸ W. Churchill. Druga wojna światowa. T. 2, k. 1. Gdańsk, 1994. S. 234.

⁹ В 1942 г. в письме к У. Черчиллю адмирал Ж. Дарлан описывал свои действия и утверждал, что это он воспрепятствовал присоединению французского флота к Германии, что не совсем соответствовало действительности. W. Churchill. Druga wojna światowa. S. 232–233.

¹⁰ A. Perepeczko. Od Mers-el-Kebir do Tulu. Gdańsk, 1979. S. 41.

¹¹ Уже 17 июня новосформированное оперативное соединение «Н» получило приказ осторожно наблюдать за движениями французского флота таким образом, чтобы быть в курсе всех изменений в дислокации французских кораблей, особенно в районе бассейна Средиземного моря.

¹² DM-ALF 001 vue 20, 3 juillet 1940 (17h) – attaque britannique de la flotte française dans le port de Mers El-Kébir. Photographie prise à bord du cuirassé Dunkerque. Au premier plan le cuirassé Provence. En arrière – plan les cuirassés Strasbourg et Bretagne sout en flamme. Ministère de la Défense France. Service historique de la défense.

¹³ DM-ALF 003 vue 68, Photographie du port de Toulon (petit rang) lors du sabordage de la flotte le 27 mai 1942. De gauche à droite : avisos dragueur Curieuse, Impétueuse et Chamois. Ibid.

¹⁴ Это была единица, название которой восходило к легендарному, овянному славой кораблю. Archives Centrales De La Marine, Château de Vincennes, f. 8DD1 12, n 3- 8DD1 12, n 5 и далее; Archives du port de Cherbourg, f. 2G2, n 540 и следующие.

¹⁵ Одновременно под его командованием находился эсминец «Герар». Эсминцем «Вальми» командовал капитан 2 ранга Пьер Гийот.

¹⁶ Французская подводная лодка Souffleur заходит в порт // Narodowe Archiwum Cyfrowe. Sygn. 1-W-2083-1.

¹⁷ Все три единицы относились к одному типу лодок проекта С4. Их строительство началось в 1935 г., а в строй субмарины были введены в 1937 г. Это были современные единицы, представляющие большую опасность, С. Huan. Les sous-marins français 1918–1945. Bmw 2004. S. 35.

¹⁸ Service Historique de la Marine Nationale. Region Maritime Mediterranee. Serie 17, f. 17 S 01. Le Chasseur 1940.

¹⁹ M.R. Kaczmarek. «Niewypowiedziana» wojna. Okręty Wojenne // Nr 94. Tarnowskie Góry 2009. S. 31; A. Perepeczko. Od Mers-el-Kebir do Tulonu... S. 153.

²⁰ S. Tetera. D.520 w walkach przeciwko Aliantom // Technika Wojskowa Historia. Nr 4/2012. Warszawa, 2012. S. 80.

²¹ D. Wragg. Wojna brytyjsko-francuska 1940. Zatopić Francuzów!... Warszawa, 2011. S. 223.

²² В этом вопросе не помог даже призыв руководителя «Свободных французов» генерала Шарля де Голля // Narodowe Archiwum Cyfrowe. Sygn. 33-T-985. Apel generała Charles de Gaulle skierowany do Francuzów 1940.

²³ Не стоит забывать, что на территориях так называемой Армии Леванта находились: 6-й полк Иностранного легиона, 24-й колониальный полк пехоты, 11 левантйских батальонов, 13 североафриканских батальонов, несколько дивизионов кавалерии, 6-й и 7-й полки Chasseurs d'Afrique, на вооружении которых находилось около 90 танков Рено Р-35 и несколько старых Рено ФТ-17. Британцы не могли пренебречь такими серьезными силами, особенно после того, как стало известно об отчетливой профашистской ориентации Высокого комиссара Франции.

²⁴ К тому времени на территории этих провинций уже не осталось войск, желающих сражаться на стороне французов, в том числе формирующейся польской бригады. В приказе генерала В. Сикорского от 20 июня 1940 г. содержалось требование отправиться в Палестину и поступить в распоряжение британской армии. Z. Wawer. Pustynna eropaja brygady karpackiej // Mówią Wieki. Nr 1/07. Warszawa, 2007. S. 11; S. Ozimek. W pustyni i w Tobruku. Warszawa, 1982. S. 16–18.

²⁵ Так настоящую угрозу понимал премьер-министр Великобритании У. Черчилль. См.: W. Churchill. Druga wojna światowa... Т. 3, к. 1. S. 251–252.

²⁶ Информационное бюро Соединенных Штатов Америки. Вторая мировая война. Материалы взяты из источников разведывательного отделения Военного министерства США в Вашингтоне. Kraków, 1947. С. 89–90. Британская операция в Иране получила

кодовое название «Сабин». Т. Pawłowski. *Francja Vichy i jej armia* // *Technika Wojskowa Historia*. Nr 6/2013. Warszawa, 2013. S. 44.

²⁷ Z. Lalak. *Zastosowanie bojowe Potezów 631, 633 i 63.11* // *Nowa Technika Wojskowa*. Nr 3/96. Warszawa, 1996. S. 39.

²⁸ На территории Ирана 1 июня 1941 г. генерал А. Уэйвелл устранил угрозу, отправляя отряды броневиков через пустыню. Из Палестины они прошли путь протяженностью 600 километров, снискав уважение мусульманского мира, независимо от свержения пронемецкого правительства Ирана. Информационное бюро Соединенных Штатов Америки. *Вторая мировая война...* С. 90.

²⁹ W. Churchill. *Druga wojna światowa...* S. 323.

³⁰ Это понимал и генерал Ш. Де Голль, который как руководитель «Свободных французов», с одной стороны, хотел привлечь на свою сторону Сирию и Ливан и тем самым укрепить свою союзническую позицию по отношению к Великобритании, а с другой стороны, все еще надеялся, что ему удастся снискать расположение адмирала Годфроя и его эскадры, находящейся в Александрии, и начать сотрудничество с ними. Ch. de Gaulle. *Pamiętniki wojenne*. T. 1. Warszawa, 1967. S. 148–149.

³¹ Действия были предприняты со стороны Палестины при участии британских сил и войск «Свободных французов». Информационное бюро Соединенных Штатов Америки. *Вторая мировая война...* С. 90.

³² В бой британцы направили 7-ю дивизию пехоты (австралийскую), 5-ю бригадную группу (индийскую), 1-ю дивизию «Свободных французов» из Палестины, 8-ю дивизию пехоты (индийскую), 10-ю дивизию пехоты (индийскую), соединение «Nabforce», состоящее из двух полков британской кавалерии и Арабского легиона (иорданского) из Ирака. Т. Pawłowski. *Francja Vichy i jej armia*. S. 44.

³³ M.R. Kaczmarek. «Niewypowiedziana» wojna. *Cz. 1* // *Okrepty Wojenne*. Nr 2/2009, Tarnowskie Góry 2009. S. 32.

³⁴ Операция была отменена командиром десантных сил, ввиду неблагоприятных погодных условий на берегу и опасности столкновения с ним десантных барж.

³⁵ Военные действия на суше не всегда проходили гладко, поэтому о быстром прекращении боев с войсками режима Виши думать не приходилось. Ch. de Gaulle. *Pamiętniki wojenne*. T. 1. S. 155.

³⁶ В 1941 г. на палубе авианосца «Формидабль» орудовал дивизион с обширным оперативным опытом с «Арк Роял» и «Иллюстриус». Таким образом, французские пилоты были без шансов с куда более искушенными британскими пилотами. D. Brown. *Fairey Fulmar Mk I & II* // *Aircraft Profile*. Nr 254. London, 1973, S. 16–19.

³⁷ Любопытным остается факт, что французские пилоты не сумели распознать фулмаров и полагали, что ведут бой с харрикейнами. Кроме того, британские пилоты не доложили о сбитом французском самолете. Британская сторона отнесла это событие к заслугам противозушной артиллерии своих кораблей, M.R. Kaczmarek. «Niewypowiedziana» wojna... S. 33; S. Tetera. *D.520 w walkach przeciwko Aliantom*. S. 80. Французы встречали в сирийском небе харрикейны и вели с ними ожесточенные бои. Z. Lalak. *Zastosowanie bojowe Potezów 631, 633 i 6.11*. S. 39.

³⁸ Французские истребители превосходили британские палубные машины, которые никогда не были в числе успешных проектов и являлись очередным провалом британского авиастроения, которое за весь межвоенный период не смогло спроектировать самолетов для собственных авианосцев.

³⁹ Существуют сомнения по поводу того, был ли это «Аякс» или «Феб». См.: A. Perepeczko. *Od Mers-el-Kebir do Tulonu...* S. 153; M.R. Kaczmarek. «Niewypowiedziana» wojna... S. 33; D. Wragg. *Wojna brytyjsko-francuska 1940*. S. 227; C. Huan. *Les sous-marins français 1918–1945...* S. 110.

⁴⁰ C. Huan. *Les sous-marins français 1918–1945...* S. 110.

- ⁴¹ S. Tetera. D.520 w walkach przeciwko Aliantom... S. 80.
- ⁴² M.R. Kaczmarek. «Niewypowiedziana» wojna... S. 33.
- ⁴³ Это была первая морская операция сил Виши в Средиземном море со времен бойни в июле 1940 г. против британских сил.
- ⁴⁴ О его серьезном повреждении в своих воспоминаниях пишет У. Черчилль. См.: W. Churchill. Druga wojna światowa... Т. 3, к. 1. S. 331.
- ⁴⁵ M.R. Kaczmarek. «Niewypowiedziana» wojna... S. 35.
- ⁴⁶ В Александрию был отправлен также крейсер «Аякс» и эсминцы «Стюарт», «Ягуар», «Кандагар» и «Хотспур».
- ⁴⁷ W. Churchill. Druga wojna światowa... Т. 3, к. 1. S. 331.
- ⁴⁸ A. Perepeczko. Od Mers-el-Kebir do Tulonu... S. 153.
- ⁴⁹ Только этого достаточно, чтобы операцию назвать самоубийством. В водах, контролируемых британцами, два эсминца без прикрытия, которые не опасаются обнаружения и, в результате этого рассекречивания итальянцами, не имели права добраться до района сражений. Факт, что они все-таки туда добрались, свидетельствует об отличной подготовке командиров и экипажей.
- ⁵⁰ Можно найти информацию о том, что повреждение французского эсминца в порту в Бейруте произошло 21 июня 1941 г. D. Wragg. Wojna brytyjsko-francuska 1940... S. 227.
- ⁵¹ Данный регион патрулировался также французской авиацией. Z. Lalak. Zastosowanie bojowe Potezów 631, 633 i 63.11... S. 39.
- ⁵² M.R. Kaczmarek. «Niewypowiedziana» wojna... S. 36.
- ⁵³ Активность британской авиации стала причиной отправки в этот регион самолетов немецкого люфтваффе, состоящего из Юнкерсов Ju-88, что способствовало интенсификации боевых действий в воздухе.
- ⁵⁴ A. Perepeczko. Od Mers-el-Kebir do Tulonu... S. 153–154.
- ⁵⁵ C. Huan. Les sous-marins francais 1918–1945... S. 111.
- ⁵⁶ Сведения можно найти в D. Wragg. Wojna brytyjsko-francuska 1940... S. 228, но автор ошибочно считает, что британский корабль был эсминцем.
- ⁵⁷ C. Huan. Les sous-marins francais 1918–1945... S. 110–111.
- ⁵⁸ A. Perepeczko. Od Mers-el-Kebir do Tulonu... S. 154.
- ⁵⁹ C. Huan. Les sous-marins francais 1918–1945... S. 111.
- ⁶⁰ A. Perepeczko. Od Mers-el-Kebir do Tulonu... S. 154.
- ⁶¹ Один из этих кораблей, т. е. «Сан Дидье», подвергся британской торпедной атаке у берегов Турции.
- ⁶² Представитель «Свободных французов», воевавших в этой кампании на стороне британцев, отказался подписывать соглашение. В своих воспоминаниях генерал Шарль де Голль недвусмысленно написал, что отверг заключенное соглашение, потому что он не был приглашен к участию в переговорах. Ch. de Gaulle. Pamiętniki wojenne... Т. 1. S. 159.
- ⁶³ DM-2TP00764, Le général de Gaulle inspectant le sous-marin Curie. Ministère de la Défense France, Service historique de la défense.
- ⁶⁴ Боевые действия на территории Сирии продолжались до 12 июня 1941 г., до выдвижения французской стороной предложения об установлении перемирия, что означало фактическую оккупацию Сирии и Ливана силами Великобритании. Британцы намеренно свели к минимуму боевые заслуги «Свободных французов». Информационное бюро Соединенных Штатов Америки. Вторая мировая война. С. 91.
- ⁶⁵ Крайне любопытные материалы можно найти в Naval Base Kenitra. Morocco 1943. COLL/47. Box 1, fond 1.

Ю.С. Худяков (Новосибирск)

**ВООРУЖЕНИЕ ОГНЕСТРЕЛЬНЫМ ОРУЖИЕМ
ТАТАРСКИХ ВОИНОВ, СЛУЖИВШИХ В СОСТАВЕ
РОССИЙСКИХ ВОЙСК В ЗАПАДНОЙ
И ЮЖНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI–ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКОВ***

ВАЖНЫМ фактором, обеспечившим военно-техническое превосходство российских войск, включавших отряды русских казаков и служилых людей и подразделения служилых татар, над сторонниками хана Кучума и его наследников, а также и войск других тюркских и монгольских кочевников в ходе военных действий на территории Западной и Южной Сибири в конце XVI – первой половине XVII вв., являлось эффективное использование огнестрельного оружия и артиллерии.

Сведения о вооружении сибирских татарских воинов встречаются в русских источниках очень редко. Еще при подготовке казачьего отряда к походу в Сибирь Ермак был осведомлен о том, что татары не располагают огнестрельным оружием. Когда во время этого похода в плен к казакам попал татарский тархан Кутугай, Ермак приказал своим «пяти лучшим стрелкам произвести выстрелы из пищалей», что произвело на пленника большое впечатление¹. Этот эпизод воспроизведен на одной из миниатюр Ремезовской летописи². Сибирские татарские воины ко времени похода казачьего отряда атамана Ермака были мало знакомы с действием огнестрельного оружия³. Сибирский хан Кучум, помимо холодного оружия, имел в своем распоряжении две пушки, привезенные из Казани. Возможно, что эти пушки были когда-то захвачены в качестве добычи у россиян. Однако среди татар не нашлось умелых артиллеристов, которые могли бы стрелять из этих артиллерийских орудий. В ходе боя на Чувашском

---

*Работа выполнена по гранту РГНФ № 13-01-00049 «Воины сибирских народов на российской службе в Сибири в XVI – XVIII вв.»

мысу им пришлось сбросить свои пушки в реку Иртыш, чтобы они не достались казакам. По некоторым сведениям, две пушки, также привезенные из Казани, были в распоряжении татарского мурзы Бегиша, который не сумел их применить во время боя с казаками. «Обыкновенным оружием» сибирских татарских воинов, упоминаемых в русских письменных источниках, были луки и стрелы, копыя и сабли⁴. На миниатюрах Ремезовской летописи татарские воины изображены стреляющими из луков, атакующими своих противников копыями и саблями, размахивающими пращами. В некоторых случаях они показаны в конических головных уборах, вероятно, в шлемах, со щитами в руках⁵. В памятниках культуры сибирских татар обнаружены различные виды оружия сибирских татарских воинов: детали луков, железные наконечники стрел, наконечники копий, палаши и сабли, панцирные пластины, фрагменты кольчуг и шлемы⁶. В ходе военных действий татарским воинам иногда удавалось захватывать у русских казаков ручное огнестрельное оружие. Перед нападением на «ночной стан» Ермака на берегу Иртыша, посланный на разведку татарин доставил хану Кучуму «3 русских пищали». Вероятно, после гибели атамана и сопровождавших его казаков воинам хана Кучума досталось все их оружие, в том числе пищали. Однако о попытках применения огнестрельного оружия татарскими воинами в этот период нет сведений.

В последующие десятилетия российские власти стали принимать в состав служилых людей сибирских татар, эуштинцев, чатов, качинцев и аринцев, им стали доверять не только холодное, но и огнестрельное оружие. Уже во время первого похода в Сибирь казачий атаман Ермак предпринял первые попытки привлечения на свою сторону сибирских татар. После взятия столицы Сибирского ханства Искера к нему стали приносить дань представители хантыйской и татарской знати. Среди них были князцы Ишбердей и Суклем. Первый из них стал «преданным слугою России и многих других князцов с их родами помог обложить ясаком, служба проводником казакам». В частности, именно он провел отряд казаков Ивана Кольцо кратчайшим путем через Уральские горы, когда атаман Ермак отправил его в Москву с сообщением о завоевании Сибири и просьбой прислать воеводу для управления новыми землями. Среди татарских мурз оказались такие, что стремились услужить Ермаку и с его помощью свести счеты с ханом Кучумом и его родственниками. В 1582 г. мурза

Сенбахта Тагин сообщил казачьему атаману, что татарский полководец царевич Махметкул «с немногими своими людьми кочует на реке Вагае». Ермак сразу отправил «60 отборных людей», которые напали на татар ночью, когда те спали. Большая часть татар «была перебита, а сам царевич попал в руки казаков». Пленный царевич был отправлен в Москву, где согласился служить царю. В дальнейшем он принял участие в походе против шведов и дослужился до должности полкового воеводы, «ввиду ожидавшегося нападения крымских татар ходил под Серпухов».

Однако в некоторых случаях татарские мурзы, оказывавшие сопротивление Ермаку, использовали его желание привлечь их на свою сторону для дезинформации противника. В 1583 г. мурза Карача, изменивший хану Кучуму, обратился за помощью к Ермаку для защиты от нападений казахов. Атаман послал ему для помощи отряд из 40 казаков под командованием Ивана Кольцо. Однако они попали в засаду и погибли. Вскоре в схожей ситуации оказался сам Ермак, которому один татарин, подосланный ханом Кучумом, сообщил о задержании татарами бухарского купеческого каравана. Казачий атаман с отрядом направился на вызволение каравана, подвергся ночному нападению и утонул⁷.

После гибели Ермака оставшиеся русские воины были вынуждены покинуть Искер и вернуться в Московское царство. Ханская столица Искер была занята татарским отрядом, который возглавлял старший сын хана Кучума Али. Однако против Кучума и его наследников выступили сторонники прежнего ханского рода Тайбугидов. Вскоре Искер захватил представитель этого рода князь Сейдяк. Борьба за власть в Сибирском ханстве ослабила обе группировки Шейбанидов и Тайбугидов и заставила представителей татарской знати искать возможности для сотрудничества с российскими властями.

В дальнейшем, в 1585 г. в Сибирь был послан новый военный отряд во главе с воеводой И. Мансуровым, построивший первый Русский городок. С этого времени процесс присоединения сибирских земель стал необратимым. В последующие, 1586 и 1587 гг., были сооружены Тюменский и Тобольский остроги. Вскоре Тобольск стал главным опорным пунктом российских владений и местопребыванием воевод в Западной Сибири. В 1588 г. в Тобольском остроге во время ведения переговоров с письменным головой Д. Чулковым были захвачены в плен татарский князь Сейдяк, претендовавший на престол сибирского хана, мурза Карача и казахский султан Ураз-Мухаммед⁸. Это

событие значительно ослабило сопротивление российским властям со стороны сторонников Тайбугидов.

В первые годы с начала присоединения сибирских земель к Российскому государству назначенные из Москвы воеводы стали активно привлекать на службу представителей сибирской татарской знати. В этот период сформировалась сословная группа служилых татар, «йомышлы», которые должны были нести службу Белому царю. Среди них было немало представителей татарской знати, которые вошли в состав «юртовских служилых татар». Привлечение их на службу стало целенаправленной политикой, целью которой было ослабление позиций хана Кучума. В дальнейшем некоторые из них были крещены и включены в состав казаков⁹.

Переход некоторых групп сибирских татар в подданство Белому царю был очень болезненно воспринят ханом Кучумом, поскольку он лишал его подданных. Сибирский хан стал предпринимать попытки наказания изменивших ему татар и их переселения в степные районы Западной Сибири, подальше от российских острогов. В 1590 г. он совершил поход в окрестности Тобольска и ограбил жителей нескольких татарских селений, плативших ясак в царскую казну. Затем он совершил набег на Каурдакскую и Салымскую волости, населенные татарами, которые также платили ясак российским властям, «убил там много людей и награбил большое количество добра». В ответ на эти набеги в 1591 г. тобольский воевода В. Кольцов-Масальский собрал отряд служилых людей и «большое количество татар», совершил поход в долину Ишима и разгромил ставку Кучума на оз. Чиликуль. В 1594 г. для обороны от набегов сторонников хана Кучума был основан Тарский острог. Для его строительства было собрано большое количество российских воинских людей из разных мест, среди которых были русские казаки, выходцы из Великого Литовского княжества, а также казанские и свияжские татары, башкиры, тюменские, верхотурские, тобольские, андреевские и табаринские татары, белаковцы и зырянцы. В числе командиров этих отрядов были два «татарских головы» Баязет и Байбахта. Такое «большое количество татар для отправки в опасные татарские места, где можно было ожидать враждебного нападения изгнанного хана Кучума» вызвало удивление у Г.Ф. Миллера, который отметил, что прием татар на воинскую службу стал продолжением политики атамана Ермака. К Тарскому острогу были приписаны татарские волости, возглавляемые местными татарскими князьями и «лучшими людьми». Несмотря на то, что Тарский острог

был основан специально для борьбы с Кучумом, воеводе А. Елецкому предписывалось попытаться воздействовать на него «дружескими уговорами». Хан должен был отдать в заложники одного из своих сыновей, взамен которых из Москвы ему должны были возвратить одного из плененных царевичей и других знатных пленников. Узнав о строительстве Тарского острога, Кучум послал отряд под командованием своего сына Али к аялыным татарам. Они были уведены вверх по Иртышу в Черный городок. Известие об этом российские власти получили от самих татар. В погоню был отправлен отряд Б. Доможирова, который разгромил Кучумовичей и вернул захваченных аялыных татар. В составе этого отряда было «тобольских юртовских татар 7 человек». Еще один поход был совершен в Барабинскую степь. Отряд Б. Доможирова, помимо русских казаков, включал служилых татар. В этом походе был захвачен Чангульский городок. Среди служилых «юртовских и волостных татар» были воины «с вогненным боем»¹⁰. Во время этих походов сибирские татары смогли убедиться, что воины хана Кучума не могут успешно противостоять российским войскам, а российские власти не оставляют без ответа нападения на своих татарских подданных.

Некоторые группы сибирских татар активно стремились к тому, чтобы войти в категорию служилых людей, и очень болезненно реагировали на возможную перспективу утраты такого статуса. Этим иногда пользовались противники российских властей. В 1595 г. распространённые противниками российских властей слухи о том, что направленные в Сибирь новые воеводы собираются перевести служилых татар и находившихся на службе башкир в разряд землепашцев и собирать с них подати зерном, привели к восстанию и уходу в степь нескольких десятков таких воинов. Несмотря на попытки посланных им вслед русских и служилых татарских воинов, уговорить беглецов не удалось. В дальнейшем восставшие служилые татары и башкиры перешли на сторону Кучумовичей, борющихся за восстановление Сибирского ханства¹¹.

В 1598 г. во время похода российского военного отряда под командованием А. Воейкова на р. Ирмень, где находилась ставка хана Кучума, в его состав были включены служилые татары. Одному из подразделений, насчитывающему 40 казаков и 60 служилых татарских воинов, была поручена отдельная операция¹². Ставка Кучума была разгромлена. Многие члены его семьи попали в плен. Самому хану удалось бежать. Вслед за ним А. Воейков отправил на переговоры

в качестве посла татарина Талмухаммеда. Кучума удалось найти, но он отказался от примирения с московским царем. Кучум бежал во владения джунгар, а затем к ногайцам, где и погиб в 1601 г. После его смерти провозгласил себя ханом старший сын Али. Он с тремя своими братьями находился в верховьях Ишима. В их лагере было 250 татарских воинов, среди которых были «сырянцы и табынцы», часть которых сбежала из Тюменского и Уфимского уездов, из российских владений. Кучумовичи предприняли попытку примириться с российскими властями. Однако сибирские воеводы не могли заключить мир самостоятельно. Прибывший на переговоры в Тобольск один из братьев нового хана Кубей Мурат был отправлен в Москву. В дальнейшем хан Али стал требовать возвращения своих родственников в качестве условия заключения мира. В 1603 г. Кучумовичей поддержал ногайский Урус-мурза, который привел в ставку Али ногайцев, татар и башкир. Это усилило военные силы хана Али¹³. Несмотря на наступившие в стране смутные времена, сибирским воеводам удалось не только сохранить, но и расширить российские владения и увеличить количество плательщиков ясака. В 1604 г. на землях еуштинских татар был основан Томский острог. Еуштинский князь Тоян стал ревностным проводником российских интересов, стремясь помочь обложить ясаком как можно больше сибирских племен. Он сообщил русским о местах проживания других этнических групп и сам ездил к телеутскому князю Абаку, чтобы уговорить его приехать в Томск и принять присягу Белому царю, и даже соглашался остаться заложником у телеутов, пока Абак не вернется в свою ставку. В результате Абак приехал в Томский острог на переговоры и присягнул царю. Согласно поданной челобитной, еуштинцы «были освобождены от уплаты ясака, но взамен этого должны были нести казацкую службу». В этот период некоторые сибирские народы очень ценили возможность нести российскую воинскую службу.

Попытки опереться на военные силы Московского царства на условиях принятия подданства предпринимали и некоторые джунгарские тайши¹⁴.

В 1607 г. отряд под командованием трех татарских царевичей Азима, Ишима и Канчуvara, при поддержке джунгаров, напал на Киньрский городок, находившийся в Тюменском уезде, захватил и увел в плен киньрских татар. В погоню за ним был направлен отряд атамана Д. Юрьева, составленный из русских и татарских воинов, «скольких можно было собрать». После него против Кучумовичей был отправлен

отряд под командованием «товарища воеводы» К. Изъетдинова. Он захватил в плен жен и детей татарских царевичей. Татары настигли этот отряд, но отбить пленных не смогли. Пленных отправили в Москву. После этого еще два царевича, Чувак и Алтанай, со своими семьями попали в плен. В следующем году на русские и татарские селения в Тюменском уезде напали ногайцы под предводительством Урус-мурзы. В погоню за ними был отправлен отряд Д. Юрьева, который разбил ногайцев и отбил пленных. В это время готовилось восстание тобольских, тюменских, туринских и верхотурских татар, которые надеялись на помощь джунгаров. Восставшие планировали захватить Тюмень и перебить всех русских. Однако, российским властям удалось раскрыть заговор и казнить заговорщиков¹⁵. Эти события показали, что Кучумовичи пытались продолжать попытки увода татарского населения в степи, а российские власти, несмотря на смутные времена и ограниченность людских ресурсов, умело им противостояли, привлекая в состав своих воинских сил готовых нести службу татарских воинов.

Дальнейшее продвижение русских отрядов в южные районы Сибири, по Томи, Чулыму и Енисею, привело к противостоянию с енисейскими кыргызами, у которых местные племена были кыштымами. На получение дани с шорцев претендовали также телеуты. Князя енисейских кыргызов и телеутов находились в вассальной зависимости от монгольских Алтын-ханов и джунгарских контайшей. Соглашаясь платить ясак российским властям, местные племена оказывались на положении «двоеданцев» и даже «троеданцев». Принимая ясак, сибирские воеводы брали на себя обязательство защищать своих плательщиков от енисейских кыргызов и монголов. Для этого требовались значительные воинские силы, которых не хватало «из-за смутных обстоятельств, переживавшихся в ту пору Русским государством»¹⁶.

С 1607 г. было предпринято несколько попыток обложить ясаком шорцев, населявших верховья р. Томи. В 1610 г. в Кузнецкие волости был направлен отряд «служивых людей и томских татар человек с 40» под командованием атамана И. Павлова. Эти попытки предпринимались несмотря на разгар смуты в Московском царстве. В 1615 г. в походе на «кузнецких людей» был послан российский отряд из 50 казаков и 30 томских татар. В следующем году в отряд был включен «толмач Лучка новокрещен». Иногда шорцы грабили приходивших к ним казаков. У конного казака И. Теплинского отняли самопал и

саблю. Только в 1618 г. российским военным отрядом был основан Кузнецкий острог. Этот отряд состоял из русских казаков из Томска, Тюмени и Верхотурья и находившихся на российской службе татар¹⁷. Среди тех, кто отправился в поход на лыжах из Томска, был «татарский голова» Осип Кокорев. Противоборство с енисейскими кыргызами началось в первые годы XVII в. В 1609 г. они напали на чулымцев, плативших ясак в Томск. Против них был направлен отряд, состоявший из «300 служилых людей и татар», который понес значительные потери в ходе военных действий. После этого в 1614 г. Томск подвергся нападению, в ходе которого «все ясачные люди» и некоторые служилые татары восстали и перешли на сторону енисейских кыргызов. Во время этого восстания в окрестностях Томска погибло много людей, были сожжены и вытоптаны посевы и угнан домашний скот. Эти события наглядно продемонстрировали, насколько большой опасности со стороны кочевников подвергается население сибирских земель, недавно присоединенных к Московскому царству. В воеводской отписке сказано, что «в Томском городе служивых людей и татар мало»¹⁸.

В 1613 г. российские войска из Тары и Тюмени совершили два успешных похода против джунгар. После этого некоторые джунгарские тайши принесли присягу московскому царю. В 1616 г. умер хан Али. Новым сибирским ханом провозгласил себя царевич Ишим. Он заключил династийный союз с джунгарами, взяв в жены дочь тайши Хо-Урлюка¹⁹. Джунгарский тайша Турген сообщил о планах Ишима напасть на сибирские города. Однако сам царевич прислал послов, сообщивших о его готовности признать верховную власть московского царя. В 1618 г. отряд А. Вельяминова нанес поражение хану Ишиму и джунгарам, много людей было взято в плен²⁰. В некоторых случаях сибирские татары по своей инициативе приходили в русские поселения и предупреждали об угрозе нападения. После неудачной войны с Алтын-ханами джунгары мигрировали в западные районы Сибири, продвинувшись к границам российских владений В 1620 г. джунгары вместе с татарским царевичем Ишимом прикочевали на земли, расположенные в окрестностях Тюмени и долине р. Тобол. В это время джунгарские послы заверяли российские власти, что не станут поддерживать военные действия Кучумовичей. К джунгарским тайшам было направлено посольство Д. Черкасова и тобольского татарина Кельмамета Якшигильдеева с целью склонить их в российское подданство, однако добиться этого не удалось.

В это время неровными были отношения с телеутами. В 1624 г. они неожиданно напали на окрестности Томска, перебили русских крестьян и угнали лошадей. В это время джунгары стали собирать дань с шорцев. В 1625 г. в Тагильскую слободу пришел некий татарин, который сообщил об угрозе нападения джунгар на русских и татар. По распоряжению российских властей был сооружен острог. Другой татарин в 1628 г. сообщил туринскому воеводе В. Лукьянову о местном железорудном месторождении, что было очень важно для развития железоделательного ремесла²¹.

В эти же годы обострилось противостояние российских властей с князьями енисейских кыргызов, которые стремились сохранить свою власть над племенами кыштымов. У российских властей появились не только служилые люди из сибирских народов, но и союзники из их числа. Важными союзниками для российских властей в Южной Сибири были телеуты. По мнению А.П. Уманского, первый поход русских против енисейских кыргызов состоялся в 1609 г. Были захвачены пленные, но кыргызам удалось их отбить. В 1614 г. кыргызы совершили набег на Томск. В 1615 г. русские вместе с телеутами совершили новый поход на енисейских кыргызов и нанесли им поражение. В этом походе кроме русских ратников в составе отряда были еуштинские и чатские татары, а также телеуты. В результате енисейским кыргызам было нанесено поражение, взяты пленные и три укрепленных городка.

В 1621 г. на землях чулымцев на р. Чулым русскими казаками был основан Мелесский острог. В 1621 и 1622 гг., по предложению российских властей, телеутский князь Абак со своим отрядом совершил два похода против енисейских кыргызов²². В 1622 г. енисейские кыргызы напали на Кузнецкий уезд и Абинскую волость. В плен был захвачен толмач из Кузнецка. Вероятно, это был один из местных жителей на российской службе. Через два года кыргызы напали на Томский уезд.

В 1628 г. произошло восстание против притеснений российских властей нескольких групп сибирских татар и еуштинцев, которое было поддержано потомками хана Кучума и джунгарами. Восставшие уничтожили отряд служилых людей в Барабинской лесостепи. Восставших поддержали чатские татары и телеуты. Чтобы привлечь на свою сторону джунгаров, сибирский царевич Аблайкерим, внук хана Кучума, отдал им право сбора податей с татарского населения. Важную роль в этих событиях играл и другой татарский царевич

Давлеткирей. Среди татарского населения разъезжали некоторые татары, имевшие при себе стрелы в качестве символа войны, которые распространяли слухи, что скоро «русское огнестрельное оружие не будет действовать», что принесет победу джунгарам и сибирским татарам. Войско под командованием Аблайкерима совершило поход в земли чатов, а затем к устью р. Томи. Против него из Томска был отправлен отряд служилых людей и татар, который нанес поражение восставшим. Джунгарские поборы оттолкнули многих татар от Кучумовичей, и восстание, которое продолжалось несколько лет, постепенно ослабло. Аблайкерим попал в плен и погиб в тюрьме. Однако борьба против Кучумовичей продолжалась. В 1640 г. воины царевича Давлеткирея задержали несколько татарских охотников, которых расспросили о положении в Тарханском острожке. После этого Кучумовичи попытались взять это укрепление. В следующем году против джунгар и Кучумовичей был послан отряд И. Бакшеева, составленный из русских и татар. В том же 1628 г. на землях качинцев был возведен Красноярский острог. Качинцы и аринцы пытались оказать сопротивление, но потерпели поражение²³. После этого аринский князь Татуш прибыл в красноярский острог, отдал сына в заложники и согласился платить ясак. Вслед за ними покорились и качинцы. Представителей этих племен стали привлекать на российскую службу. В это время возник конфликт с кыргызами по поводу уплаты ясака. Кыргызские князья прислали соболей, среди которых оказалось много «худых». Российские власти потребовали заменить плохих соболей. Кыргызские князья согласились, но предупредили, что больше ясака давать не будут, поскольку сами кыргызы на соболей не охотятся, а берут их у кыштымов. В 1630 г. против енисейских кыргызов был направлен отряд Д. Злобина, который разорил улусы князя Ижenea и взял в плен членов его семьи. Через год кыргызы совершили набег на Красноярск и «побили нескольких татар, живших около города». Через несколько лет они предприняли новый поход и обложили город. Были разорены окрестные селения, убиты десятки крестьян и качинцев, многие уведены в плен. Часть качинцев и аринцев ушла в земли кыргызских князей. В погоню за ними были посланы служилые люди и «качинские татары». Догнать беглецов не смогли. Во время этого похода качинцы устроили заговор, однако он был раскрыт. В 1635 г. отряд Д. Злобина совершил из Красноярска поход на кызыльцев, у которых нашли пищали и сабли, захваченные у убитых казаков. В это время монгольский Алтын-хан признал себя

вассалом московского царя. Однако это не остановило енисейских кыргызов, которые совершили походы на Красноярск и Кузнецк. В 1641 г. отрядом Я. Тухачевского в долине Июсов был построен Ачинский острог, который просуществовал несколько десятилетий и был уничтожен кыргызами. В дальнейшем этот острог был заново построен в Причулымье²⁴.

Рассмотренные исторические события показывают, что многие представители правящей элиты тюркских этносов и этнических групп в Западной и Южной Сибири после появления русских предпочли пойти на службу российским властям, чтобы сохранить свое социальное положение и привилегии.

Численность служилых татар на протяжении XVI–XVII вв. не оставалась неизменной. По данным С.В. Бахрушина, в XVII в. общая численность служилых татар, происходивших из разных сибирских татарских этнических групп, в Таре, Тобольске и Тюмени составляла около 1500 воинов. По результатам исследования З.А. Тычинских, в течение этого периода в Тобольске было 250–255, в Тюмени от 70 до 100, в Таре от 50 до 65 служилых татар. В разные годы на протяжении XVII в. сибирские служилые татары составляли от 1/3 до 1/10 общей численности российских войск в Западной Сибири. По данным А.В. Матвеева и С.Ф. Татаурова, в течение этого столетия около 500 служилых татар было приписано к Томску²⁵. Вероятно, в Томском остроге могли служить представители местных групп тюркоязычного населения Приобья и Притомья.

Принятые в конце XVI–XVII вв. на российскую службу сибирские татары и представители других тюркских этнических групп принимали непосредственное участие в охране границ российских владений Московского царства в Западной и Южной Сибири. Они участвовали в составе российских войск в военных действиях против отрядов сторонников хана Кучума и его наследников и енисейских кыргызов, принимали участие в походах русских казаков с целью присоединения новых земель и объясачивания местного населения. Одним из важных показателей доверия со стороны российских властей служилым татарам является использование ими огнестрельного оружия. В условиях острой нехватки людских ресурсов привлечение представителей тюркских этнических групп на российскую воинскую службу было одним из значимых факторов, способствовавших присоединению Сибири к Российскому государству.

- ¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е. М.: «Восточная литература», 1999. Т. I. С. 217.
- ² Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань: Александрия, 2008. С. 488.
- ³ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1982. С. 106.
- ⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 105, 225, 254.
- ⁵ Сибирские летописи, С. 485, 490–491, 495–499.
- ⁶ Худяков Ю.С. Военное дело Сибирского ханства в позднем Средневековье (в аспекте взаимодействия с русскими) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, философия. 2007. Т. 6. Вып. 3. Археология и этнография. С.240–247; Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2008. Т. 10. С.155–169; Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: ФЭН, 2012. С. 175–203.
- ⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 251, 253, 256, 257.
- ⁸ Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань: ФЭН, 2002. С. 202, 204.
- ⁹ Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань: ФЭН, 2010. С. 46, 49, 51.
- ¹⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 273, 282–285, 288–290, 349–352, 359, 362.
- ¹¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е. М.: «Восточная литература», 2000. Т. II. С. 15, 174–175.
- ¹² Тычинских З.А. Служилые татары. С. 46.
- ¹³ Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар. С. 209.
- ¹⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 309–310, 415–417.
- ¹⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 36–39.
- ¹⁶ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 317.
- ¹⁷ Лизогуб П.П. О начале формирования кузнецкого гарнизона // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2004. Вып. 6. С. 133–138.
- ¹⁸ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 317–319, 420.
- ¹⁹ Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар. С. 210.
- ²⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 42–43.
- ²¹ Там же. С. 89, 91, 107, 112.
- ²² Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века. Барнаул: Барнаульский гос. пед. ун-т, 1995. Ч. 2. С. 71–72.
- ²³ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 56–61, 68–69, 113–119, 121–125, 130.
- ²⁴ Там же. С. 70, 72–74, 98.
- ²⁵ Бахрушин С.В. Служилые татары // Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. III. Ч. 2. С. 151–175; Тычинских З.А. Служилые татары. С. 53; Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство. С. 161.

Э.А. Цеглеев (г. Киров)

ОПОЛЧЕНЧЕСКИЙ КОРПУС П.А. ТОЛСТОГО В ОСЕННЕЙ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ 1813 ГОДА

ОПОЛЧЕНИЕ 3-го округа изначально создавалось как резервное. Ему не довелось принять участия в Отечественной войне 1812 г. Однако в соответствии с решением Александра I и военного командования ополчение губерний Поволжья (Вятской, Казанской, Костромской, Нижегородской, Пензенской, Симбирской) предполагалось использовать в военной кампании 1813 г. Оно составило основу корпуса генерал-лейтенанта П.А. Толстого.

Во всех ополчениях 3-го округа осенью – зимой 1812 г. обучение ратников проходило по единой программе. К каждому пехотному батальону было прикреплено по 25 опытных солдат и по 5 унтер-офицеров. Ввиду недостатка ружей стрельбе и различным ружейным приемам ратников обучали постепенно, по 10 человек в каждой сотне. По мере поступления нужного количества ружей уже обученные ратники помогали в короткое время обучить остальных. Ратники регулярно занимались строевой подготовкой. По воскресеньям ополченцы изучали некоторые артикулы из военного устава¹.

Одной из проблем, с которой столкнулось руководство ополчения 3-го округа, была нехватка огнестрельного оружия, артиллерии и кавалерии. Еще 28 сентября 1812 г. в донесении Александру I о ходе формирования ополчения в 3-м округе П.А. Толстой просил о следующем:

«1. Чтоб наискорее доставлены мне были хотя 10 000 ружей для вооружения четверых баталионов, которые бы, рассыпаясь стрелками, прикрывали движение трех батальонов в колоннах и единственно пиками действующих.

2. Без артиллерии нет надежды, чтоб столь слабо вооруженное войско могло противустоять артиллерии неприятельской, и будет совершенною жертвою без оной, почему я осмеливаюсь всеподданнейше просить о повелении доставить мне оной хотя бы меньшую пропорцию по числу 46 000.

3. По малому числу имеющейся в сем ополчении кавалерии дать мне два полка казаков. С каковыми пособиями В. И. В. будете иметь свежий корпус войск, который, судя по усердию всех и каждого, удостоится заслужить внимание Ваше, Всемилостивейший Государь»².

В результате рескриптом от 8 октября 1812 г., данным военному министру А.И. Горчакову, Александр I распорядился передать 10 000 ружей, привезенных из Москвы в Нижний Новгород, П.А. Толстому, а также «предоставить графу Толстому взять нужное по усмотрению его число артиллерийских орудий, привезенных в Нижний Новгород из Московского арсенала»³. 10 000 ружей в итоге поступили на вооружение Костромского, Казанского и Вятского ополчений, а также частично Симбирского и Пензенского⁴. Кроме того, 11 297 ружей были заготовлены в различных губерниях. Всего на 39 930 ратников 3-го округа, собранных к декабрю 1812 г., приходилось 21 297 ружей⁵.

Рескриптом от 8 ноября 1812 г. П.А. Толстому Александр I объявил о присоединении к ополчению 3-го округа Рязанского и Тульского ополчений, а также 14 башкирских и 2 мецдеряжских полков для усиления конницы, и предупредомлял о том, что «вверенное вам ополчение должно быть в готовности к выступлению в поход». Перед ополчением была поставлена следующая задача: «При неблагоприятных обстоятельствах предполагалось ополчению, вам вверенному, действовать на левой фланг неприятельской, но ныне, когда благословением Всевышняго армия фельдмаршала князя Кутузова преследует ретирующего неприятеля и 2-го числа ноября находилась уже Смоленской губернии в городе Красном, почитаю Я нужным ополчению вашему следовать из Нижняго Новгорода на Муром, Рязань, Орел и Глухов и расположиться в губерниях Малороссийских... Сим расположением прикроются изобильныя Наши провинции на случай какого-либо неприятельскаго со стороны сей покушения в то время когда регулярныя Наши армии займутся дальнейшим преследованием неприятеля»⁶. Таким образом, перед ополчением 3-го округа была поставлена задача в любой момент быть готовым к выступлению на Украину с целью прикрытия ее от возможного проникновения отступающих наполеоновских войск.

18 декабря 1812 г. последовал новый рескрипт Александра I П.А. Толстому, в котором император повелел: «С удалением ныне неприятеля за границу, Я назначаю расположить означенное ополчение в губернии Волынской около Житомира, Новгорода-Волынского, Овруча и Мозыря. Почему и повелеваю вам следовать на места сии, не останавливаясь уже в Малороссии»⁷. Поволжское ополчение, имея в своих рядах 66 310 ратников и 72 артиллерийских орудия, из разных мест выступило к назначенным пунктам⁸.

Тем временем весенняя военная кампания 1813 г. в Германии завершилась для России и ее союзника Пруссии неудачно. 20 апреля под Люценом и 8–9 мая под Бауценом Наполеон нанес поражения русско-прусской армии П.Х. Витгенштейна. Было заключено перемирие, которое продолжалось с 23 мая по 29 июля. Наполеон отклонил выдвинутое союзниками требование об отказе от завоеванных им территорий, и тогда против него выступила 6-я антифранцузская коалиция государств в составе России, Пруссии, Австрии, Швеции и Великобритании. В августе–октябре 1813 г. в Германии развернулись решающие сражения войны.

В осенней кампании 1813 г. предстояло принять участие и ополченческому корпусу П.А. Толстого. Еще 25 мая рескриптом Александра I он был включен в состав Польской армии Л.Л. Беннигсена. На вооружение ополчения было выделено еще 15 000 ружей⁹. В период с 18 по 25 августа ратники прошли дополнительную военную подготовку, после которой был проведен смотр полкам ополчения. П.А. Толстой поздравил ратников с успешным завершением зимне-весеннего похода и военного обучения, а также отметил их высокий боевой дух. Затем ополчение было двинуто на запад и 6 сентября 1813 г. вступило в пределы Силезии¹⁰. Во второй половине сентября корпус П.А. Толстого был уже на территории Саксонии.

В осеннюю кампанию 1813 г. ополченческому корпусу П.А. Толстого совместно с регулярными войсками предстояло занять укрепленные позиции французов на реке Эльбе. Река Эльба с городами-крепостями Дрезденом, Магдебургом и Гамбургом представляла собой мощную оборонительную линию. Главным опорным пунктом французов на Эльбе был Дрезден.

Бои за Дрезден велись с весны 1813 г. Столица Саксонии несколько раз переходила из рук в руки. 14–15 августа 1813 г. в сражении под Дрезденом Наполеон разбил русско-прусско-австрийскую армию и направил для ее преследования корпус Вандама. Однако 17–18 августа

под Кульмом корпус Вандама был разгромлен, а сам он взят в плен и по личному распоряжению Александра I отправлен в ссылку в Вятку. Тем временем Наполеон покинул Дрезден, оставив там 36-тысячный гарнизон под командованием маршала Сен-Сира.

В конце сентября части Польской армии Л.Л. Беннигсена приступили к осаде крепостей на Эльбе. К Дрездену был направлен корпус генерал-лейтенанта Маркова (6 тысяч человек) и 24 тысячи ополченцев под общим командованием генерал-лейтенанта Толстого¹¹. Другая часть Поволжского ополчения была направлена на осаду крепости Глогау на Одере.

К 1 октября, сломив сопротивление неприятельских частей на подступах к Дрездену, группировка П.А. Толстого приступила к осаде крепости. Войска около Дрездена были расположены следующим образом: 1-й отряд под командованием генерал-майора Иванова – при деревне Груна, 2-й отряд под командованием генерал-майора Репнинского – при деревне Лейбниц, 3-й отряд под командованием генерал-майора Булатова – между деревнями Пляуен и Пестиц. Кроме того, возле Эльбы, а также при деревнях Стрижень, Стреля, Шершниц, Рекниц, Кошиц, Пирна были выставлены многочисленные посты. К деревням Дегаен и Бенериц и по Вильсдружской дороге посылались конные разведки. Резерв под командованием генерал-майора Муромцева располагался при деревне Гистриц. В составе каждого отряда были армейские и ополченческие части¹².

Первую серьезную попытку снять осаду Дрездена маршал Сен-Сир предпринял 5 октября. В 4 часа утра со стороны Мейсена показались французские войска, идущие на помощь осажденному дрезденскому гарнизону. Они атаковали позиции 3-го отряда. В 7 часов утра 20 000 французов четырьмя колоннами выступили из Дрездена. В журнале военных действий Польской армии о том, что произошло дальше, сообщается следующее:

«В то же время многие колонны пехоты и кавалерии выступили из Дрездена и со всех сторон атаковали наши отряды. Превосходные силы неприятеля по долгом со стороны нашей сопротивлении заставили отступить за деревню Гистриц, где, удерживаясь до двух часов, заняли другую позицию, примкнув правый фланг к деревне Торна. Неприятель, от часу усиливаясь, старался обойти наш левый фланг от деревень Розентиц и Гуншиц, почему и сия позиция оставлена была и занята на высотах за деревней Никкерн, с коей хотя неприятель и старался сбить наши войска, но сильной огонь

и удачные выстрелы нашей артиллерии со всех сторон остановили его стремление.

Но как за сею позицією находилась река Локвиц с крутыми берегами, а притом неизвестно было настоящего движения неприятельского со стороны Максен и далее, то и занята была позиция на высотах за деревней Локвиц, Луга и отрядом генерал-майора Иванова перед деревней Гросс-Шахвиц, в коей до рассвета дня все войски и пробыли»¹³.

В результате 12-часового боя маршалу Сен-Сиру удалось снять осаду Дрездена и оттеснить от него русские войска на 5–10 километров. Однако русские солдаты и ополченцы, «выказав врожденную им храбрость, сражались упорно» и только под угрозой окружения организовано отступали. В донесении командующему Польской армией Л.Л. Беннигсену П.А. Толстой отмечал, что «ополчения были в первый раз в деле столь хороши, что даже превзошли все ожидания в оном»¹⁴. При этом были взяты в плен 4 французских офицера и 186 солдат¹⁵.

Таким образом, создав мощную ударную группировку в Дрездене и дождавшись поддержки извне, маршал Сен-Сир в результате внезапного массированного наступления рассчитывал не только снять осаду, но и разгромить русских. Но ни фактор неожиданности, ни численное превосходство не позволили французам нанести группировке П.А. Толстого серьезное поражение. Им удалось лишь оттеснить русских от Дрездена. В то же время отступление в сложившейся ситуации было грамотным тактическим решением П.А. Толстого, позволившим свести к минимуму риск крупного военного поражения. При этом регулярные войска и ополченцы, впервые участвующие в серьезном сражении, продемонстрировали умение правильно чередовать оборону с отступлением в зависимости от изменения обстановки на поле боя. Занимая выгодные для обороны возвышенные участки местности, они наносили атакующим французам потери, а затем организовано отступали, уводя с собой пленных.

Через несколько дней, разобравшись в обстановке, генерал-лейтенант Толстой и генерал-лейтенант Марков снова двинули войска на Дрезден. 10 октября неприятельские отряды были атакованы и разбиты у деревни Локвиц и под Максеном, а отряд генерал-майора Иванова штурмом взял город Пирну. 12 октября русские заняли деревни Обер-Геслиц, Вендиш, Карлсдорф, Поссендорф, Вельшуфье. Французы были атакованы и выбиты с высот у деревни Бодриц. А в

селении Нетниц было отбито 700 раненых русских и союзных военнопленных. 15 октября отряд генерал-майора Булатова атаковал неприятеля, расположившегося у деревень Прохлиц и Никкерн, и опрокинул его за деревню Лейбниц. В тот же день Казанское и Вятское ополчение, а также 3-й Нижегородский и 1-й Рязанский полки с 6-ю орудиями под общим командованием генерал-майора А.Д. Гурьева форсировали Эльбу, заняв плацдарм на ее правом берегу и установив связь с австрийскими войсками¹⁶.

К 16 октября, расчистив дальние подступы к Дрездену, русские войска осторожно, но верно вновь приблизились к столице Саксонии. На этот раз обстановка складывалась не в пользу маршала Сен-Сира. В сражениях первой половины октября в районе Дрездена русские войска проявили организованность, храбрость, стойкость и настойчивость, а ополченцы к тому же приобрели бесценный боевой опыт. Кроме того, после поражения Наполеона в «битве народов» под Лейпцигом 4–7 октября маршал Сен-Сир не мог рассчитывать на помощь извне.

16 октября начались бои на ближних подступах к Дрездену. Французы были выбиты из деревень Лейбниц, Гистриц и Добриц. 17 октября по диспозиции П.А. Толстого русские войска перешли в общее наступление. Армейские части и ополченцы внезапно атаковали неприятеля одновременно на всех пунктах, прикрывающих подступы к Дрездену. В журнале военных действий Польской армии об этом сообщается следующее: «По данному сигналу все отряды двинулись по назначению к своим пунктам и стремительно атаковали неприятеля, который хотя и упорно удерживался, особенно в деревнях Рекниц, Шершниц и Пляуен, производя сильную канонаду, но был опрокинут и преследован до самых укреплений при Дрездене»¹⁷. В результате наступления 17 октября Дрезден был полностью блокирован.

В последующие дни, основательно приступив к осаде, русские воздвигали вокруг Дрездена редуты и флеши. Французы безуспешно пытались помешать строительству, ведя артиллерийский огонь. Малоэффективность артиллерийского обстрела побудила дрезденский гарнизон к активным действиям. 22 октября на рассвете неприятель совершил вылазку, но у редута при деревне Рекниц был остановлен и отброшен. 24 октября в 4 часа дня французы двумя колоннами вышли из Дрездена и, продвигаясь вдоль реки Вессериц, атаковали позиции русских у деревни Пляуен. Однако и здесь неприятель был

отброшен и преследуем до городских укреплений¹⁸. Все попытки французов изменить в свою пользу ход военных действий потерпели крах. Итогом стала деморализация войск и утрата надежды отстоять крепость.

25 октября маршал Сен-Сир предпринял попытку вырваться из осажденного Дрездена. На рассвете неприятельская колонна, состоящая из 8000 пехотинцев и 300 кавалеристов, при поддержке артиллерии пошла на прорыв по направлению к Торгау и Виттенбергу, создавая коридор для остальных войск. Однако неприятель был остановлен и отброшен к городу. Затем русские позиции атаковали 14 000 французов под командованием генерала Мутона. В течение всего дня шло ожесточенное сражение, в котором французы упорно атаковали, а русские столь же упорно оборонялись.

Стойкость и массовый героизм в этом сражении проявили ратники Нижегородского, Рязанского, Казанского и Вятского ополчений. Сдержав натиск неприятеля и расстроив его ряды, ополченцы во главе с начальником объединенного Казанского и Вятского ополчения генерал-майором А.Д. Гурьевым перешли в контратаку и отбросили противостоящие им французские части к Дрездену¹⁹. Впоследствии в ходе переговоров о сдаче крепости французы отказывались признавать, что в этом бою, ставшем переломным в сражении, им противостояли ополченцы, а не регулярные войска.

Об этом этапе сражения в донесении генерал-майору А.Д. Гурьеву начальник пешего полка Казанского и Вятского ополчения подполковник Н.Н. Чичагов сообщал: «Имею честь донести Вашему превосходительству о зделанной отаке на наши аванпосты. Находились в передовых постах поручик Иглин с ротой. Которого подкрепить посланы были подпоручики Ларионов и Гаврилов и прапорщик Иванов со стрелками удерживали стремление многочисленного неприятеля. В колоннах же командовали баталионами прикрывавшими артиллерию капитан Ростовцев и штабс-капитан Иванов и артиллерии поручик Бланк. Которые собою подавали пример неустрашимости при удержании покушения неприятеля и подкрепляли стрелков, с которыми неоднократно опрокидывали и прогоняли неприятеля...»²⁰.

Исход сражения стал ясен к вечеру, когда измотанные французские войска отступили в город. В донесении Л.Л. Беннигсену П.А. Толстой сообщал: «неприятель, видя, что все покушения остаются тщетными и его намерения прорваться совершенно уничтожились мужеством российских войск, воспользовавшись темнотою ночи,

отступил во всех пунктах...»²¹. Таким образом, французские регулярные войска не только не смогли противостоять войскам П.А. Толстого, основу которых составляли ополченцы, но не сумели даже осуществить прорыв из осажденной крепости. Это окончательно подорвало их волю к сопротивлению.

Потеряв надежду вырваться из окружения и не дожидаясь штурма Дрездена, 27 октября маршал Сен-Сир направил к генерал-лейтенанту Толстому парламентеров. Переговоры об условиях сдачи города и о судьбе его гарнизона шли до 30 октября. По условиям капитуляции французы передавали русским все имеющееся у них оружие, в том числе 244 пушки, денежную кассу и казенное имущество. Было взято трофеев на сумму не менее 5 млн руб. Сдались в плен маршал Сен-Сир, 32 генерала, 1759 офицеров, 33 744 солдата²². Ключи от города Дрездена 13 декабря 1813 г. были переданы Александру I²³.

Поставленная командованием Польской армии перед ополченческим корпусом П.А. Толстого задача по блокированию и взятию Дрездена была блестяще выполнена. Впечатляют обстоятельства и скорость проведения данной военной операции. В течение месяца русские войска успели осадить Дрезден в первый раз, затем отступить под давлением превосходящих сил неприятеля, затем осадить Дрезден во второй раз, регулярными победами сломить волю французского гарнизона к сопротивлению и принудить его к полной капитуляции. Операция по взятию Дрездена в октябре 1813 г. была одной из самых ярких побед русских войск в наполеоновских войнах.

В начале декабря 1813 г. корпус П.А. Толстого был направлен из Дрездена на осаду Магдебурга, а затем и Гамбурга, который капитулировал только 18 марта 1814 г. Всего в 1813–1814 гг. ополчение, сковав крупные силы французов, взяло 8 крупных неприятельских крепостей – Данциг, Новое Замостье, Модлин, Глогау, Торгау, Дрезден, Магдебург и Гамбург. Командующий Польской армией Л.Л. Беннигсен в специальном приказе отмечал: «Те полки ополчения под начальством графа П.А. Толстого, которые употреблялись под Дрезденом, Магдебургом и Гамбургом, более других имели трудов и случаев к отличию, которое и действительно оказали во всех противу неприятеля делах и потому войска сии заслуживают особенного уважения за деяния свои на берегах Эльбы...»²⁴.

- ¹ Бабкин В.И. Организация и военные действия народного ополчения в Отечественной войне 1812 г. // 1812 г. К столетию Отечественной войны. Сборник статей. М., 1962. С. 142.
- ² Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сборник документов. М., 1962. С. 369.
- ³ Там же. С. 369–370.
- ⁴ Кутузов М.И. Сборник документов и материалов: В 4 т. М., 1955. Т. 4. Ч. 2. С. 169.
- ⁵ Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М., 1962. С. 99.
- ⁶ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сборник документов. С. 375.
- ⁷ Там же. С. 380.
- ⁸ Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М., 1962. С. 198.
- ⁹ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сборник документов. С. 397.
- ¹⁰ Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М., 1962. С. 198.
- ¹¹ Бабкин В.И. К вопросу о военных действиях народного ополчения в Освободительном походе 1813–1814 гг. // Военно-исторический журнал. 1972. № 6. С. 88.
- ¹² Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сборник документов. С. 398.
- ¹³ Там же. С. 399.
- ¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА (846). Оп. 16. Т. 1. Д. 4011. Л. 127.
- ¹⁵ Там же. Д. 4057. Л. 36.
- ¹⁶ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 402.
- ¹⁷ Там же. С. 403.
- ¹⁸ Там же. С. 404.
- ¹⁹ Бондаренко В.К. Вятское народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Киров, 1943. С. 23.
- ²⁰ РГВИА. Ф. ВУА (846). Оп. 16. Т. 1. Д. 3897. Л. 6.
- ²¹ Там же. Ф. 29. Оп. 153 а. Св. 13. Д. 34. Л. 92.
- ²² Там же. Ф. ВУА (846). Оп. 16. Т. 1. Д. 3 416. Л. 50–60.
- ²³ Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 285. Л. 13.
- ²⁴ Там же. Ф. 29. Оп. 153 б. Д. 50. Л. 210.

Д.Г. Целорунго (п. Бородинское поле, Московская обл.)

**МЕСЯЧНЫЕ РАПОРТЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ
ИСТОЧНИК
(ПО ДОКУМЕНТАМ КАНЦЕЛЯРИЙ ВОИНСКИХ
ЧАСТЕЙ РУССКОЙ АРМИИ, УЧАСТВОВАВШИХ
В БОРОДИНСКОМ СРАЖЕНИИ И В КАМПАНИЯХ
1812–1814 ГОДОВ)**

МЕСЯЧНЫЕ рапорты полков, отдельных батальонов и артиллерийских бригад в царствование Александра I являлись одним из основных отчетных документов русской армии по личному составу и материальному снабжению воинских частей. По правилам документооборота Военного министерства один экземпляр этого документа хранился в канцелярии полка или артиллерийской бригады, один отправлялся в штаб дивизии или корпуса и один экземпляр в Инспекторский департамент Военного министерства. Именно месячные рапорты, отправленные в Военное министерство, за 1812–1814 гг., отложились в большом количестве в РГВИА¹ (см. таблицы 1, 2).

С одной стороны, как первичный исторический источник этот вид документов давно известен исследователям, но в научный оборот он введен недостаточно, главным образом с целью выявления персональных данных военнослужащих.

Внешне месячный рапорт полка представляет собой тетрадку сшитых нитками листов гербовой бумаги, приближающейся к современному формату бумаги. В свою очередь, 12 месячных рапортов полка за один год сшивались в одну большую тетрадь до 300 листов и более, и в таком виде эти документы отложились в архиве, составляя одно архивное дело, или единицу архивного хранения.

В содержательном плане основная часть месячного полкового рапорта заключала собой данные о двух действующих батальонах пехотного полка, с разбивкой показателей по ротам, которые

суммировались в показатели по каждому батальону и полку в целом (как правило, только по двум действующим батальонам). Для кавалерийских полков сведения приводились по действующим эскадронам и полку в целом без учета запасных эскадронов. К месячным рапортам двух действующих батальонов часто прилагались месячные рапорты запасных и резервных батальонов данных полков, составленные по той же форме. Вместе с тем встречаются отдельные архивные дела с полковыми месячными рапортами, в которых имеются рапорты только запасных батальонов. Необходимо также отметить, что в некоторых архивных делах отсутствуют полковые рапорты за несколько месяцев.

Тетради с месячными рапортами артиллерийских бригад за определенный год должны были состоять из рапортов одной батарейной роты данной бригады и двух ее легких рот, причем показатели рот не суммировались в общие показатели бригады. Следует отметить, что в запасных и резервных артиллерийских бригадах количество рот, в них входящих, не было строго регламентировано. Вместе с тем во многих архивных делах артиллерийских бригад часто отсутствуют месячные рапорты одной или даже двух легких рот, в некоторых делах можно обнаружить рапорты рот, которые были прикомандированы к данной бригаде, или рапорты лишь одной роты, и то не за весь год. Это связано с тем, что нередко легкие роты и в единичных случаях батарейные роты за 1812–1814 гг. переходили из одной артиллерийской бригады в другую, или одна из рот могла оказаться за сотни километров от двух других рот своей артиллерийской бригады. Это случалось тогда, когда роты одной артиллерийской бригады организационно входили в состав разных пехотных корпусов или даже армий. По этой причине работа с рапортами артиллерийских частей значительно усложняется по сравнению с рапортами пехотных и кавалерийских полков, хотя в архиве за 1812–1814 гг. из всех дел артиллерийских бригад отсутствует только дело с месячными рапортами 28-й артиллерийской бригады ².

Таким образом, в отложившихся архивных делах артиллерийских бригад русской армии, включая резервные и запасные артиллерийские бригады, за указанные года, по нашим наблюдениям, отложились дела с месячными рапортами только на 50–70 % рот. Данная тенденция относится и к месячным рапортам саперного и пионерных полков 1812–1814 гг.

За каждый год военных кампаний 1812–1814 гг. в архиве отложились месячные рапорты на треть русских полков различных родов войск, причем наиболее полно отложились рапорты пехотных полков (см. таблицу 1). Еще более полно отложились месячные рапорты русских воинских частей, участвовавших в Бородинском сражении (см. таблицу 2).

Вместе с тем на большую часть полков в архиве имеются месячные рапорты только за один или два года кампаний 1812–1814 гг., а на все гвардейские полки месячные рапорты отсутствуют вовсе, за исключением рапортов частей гвардейской артиллерии (см. таблицу 1).

Таблица 1

Полки и артиллерийские бригады русской армии 1812–1814 гг.

Полки различных родов и видов регулярных войск	Количество полков, месячные рапорты которых отложились в фонде 489 РГВИА								Количество полков, месячные рапорты которых не отложились в фонде 489 РГВИА		Всего полков регулярных войск	
	1812–1814 гг.		1812 г.		1813 г.		1814 г.					
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%		
Все полки	90	36,4	173	70,0	161	65,2	140	56,7	29	11,7	254	100
Гвардейские* (пехота и кавалерия)	–	–	–	–	–	–	–	–	12	100	12	100
Гренадерские*	–	–	8	57,4	6	42,9	–	–	4	28,6	14	100
Пехотные	66	66,7	86	86,7	79	79,8	75	75,8	4	4,0	99	100
Егерские	3	5,3	44	77,2	16	28,1	15	26,3	8	14,0	57	100
Кирасирские*	2	17	2	17	5	42	5	42	2	17	12	100
Драгунские*	11	30,6	21	58,3	34	94,4	24	66,7	2	5,6	36	100
Гусарские*	5	45	7	64	9	82	9	82	1	9	11	100
Уланские*	1	20	3	60	1	20	1	20	1	20	5	100
Саперный	–	–	–	–	1	100	1	100	–	–	1	100
Пионерные	1	50	1	100	2	50	2	100	–	–	2	100
Морские**	–	–	–	–	5	100	4	80	–	–	5	100
Артиллерия												
Лейб-гвардии Артиллерийская бригада:	1	100	1	100	1	100	1	100	–	–	1	100
Лейб-гвардии конная артиллерия	1	100	1	100	1	100	1	100	–	–	1	100
Артиллерийские бригады	20	71,4	24	85,7	23	82,1	27	96,4	1	3,6	28	100
Резервные артиллерийские бригады	8	80	10	100	9	90	8	80	–	–	10	100
Запасные	4	100	4	100	4	100	4	100	–	–	4	100

*) Количество гвардейских, гренадерских, кирасирских, драгунских, гусарских и уланских полков приведено на начало 1812 г. без учета перевода некоторых частей в конце 1812 г. в гвардию и другие виды армейской кавалерии.

**) В 1812–1814 гг. в русской армии насчитывалось четыре морских полка и один Каспийский морской батальон.

**Полки и артиллерийские бригады русской армии,
участвовавшие в Бородинском сражении**

Полки различных родов и видов регулярных войск	Количество полков, месячные рапорты которых отложились в фонде 489 РГВИА		Количество полков, месячные рапорты которых не отложились в фонде 489 РГВИА		Всего полков регулярных войск	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Все полки	75	68,2	35	31,8	110	100
Гвардейские (пехота и кавалерия)	–	–	12	100	12	100
Гренадерские	8	66,7	4	33,3	12	100
Пехотные	34	89,5	4	10,5	38	100
Егерские	19	95	1	5	20	100
Кирасирские	2	25	6	75	8	100
Драгунские	6	43	8	57	14	100
Гусарские	4	80	1	20	5	100
Уланские	2	100	–	–	2	100
Артиллерия						
Гвардейские артбригада и конная артиллерия	2	100	–	–	2	100
Артиллерийские бригады	14	100	–	–	14	100
Резервные артиллерийские бригады	4	100	–	–	4	100
Запасные артиллерийские бригады	2	100	–	–	2	100

В русской армии месячные рапорты отдельных воинских частей положено было составлять на каждый месяц, как в военное, так и в мирное время. Этот документ состоял из сводной аналитической таблицы с численными показателями на офицеров и солдат полка, а также отдельных списков прибывших и убывших офицеров и солдат воинской части. К полковому рапорту прилагалась «Ведомость об удовольствовании» полка, а к рапорту артиллерийской роты «Ведомость об артиллерии с ея принадлежностью», а также список по старшинству офицеров воинской части, расписание офицеров (чины и фамилии офицеров) с распределением их по ротам полка, список унтер-офицеров, с указанием их происхождения и прохождения

службы (дата вступления в службу, даты присвоения унтер-офицерских чинов).

Чисто численные сведения по личному составу каждого полка в месячных рапортах сводились в аналитические таблицы, как это было указано выше, с разбивкой по ротам (эскадронам) и батальонам, а также с разбивкой на колонки с численными данными на штаб-, обер-, унтер-офицеров, музыкантов, рядовых и нестроевых солдат. В определенных столбцах таблиц заносились данные по списочной численности и по численности состоящих налицо офицеров и солдат воинской части. Кроме этого, была отведена отдельная колонка, в которой указывалась недостача в списочной численности полка, эта информация была не что иное, как предложение от полка к вышестоящему командованию по увеличению штатной численности своей воинской части. В этих таблицах были отведены специальные колонки с количественными данными на офицеров и солдат, находившихся в госпиталях, полковых лазаретах, в околотках и в командировках. В этой же таблице имелись колонки, куда заносилось численные показатели о наличии строевых и нестроевых лошадей в полках и артиллерийских ротах.

В месячных рапортах под аналитическими таблицами записывались фамилии больных, раненых, умерших от болезней и убитых в сражениях офицеров, а также офицеров, отсутствовавших при полку по каким либо причинам (командировки, аресты и т. д.). В рапортах имена, отчества и должности офицеров указывать было не положено, а приводились только их фамилии и чины, с другой стороны, на солдат в тех же рапортах кроме фамилий и чинов указывались обязательно их имена, а нередко и отчества.

К каждому месячному рапорту прилагался «список по старшинству» офицеров полка, представлявший собой список фамилий офицеров с указанием их чинов, года начала службы в армии, числа, месяца, года «в нынешнем чине», причем фамилии офицеров должны были располагаться в порядке старшинства, от старшего к младшему. При представлении на повышение в чине конкретного офицера его командир должен был сослаться непосредственно на список по старшинству.

В каждом месячном рапорте имелся список прибывших и убывших солдат и офицеров с указанием даты их прибытия в полк. В списках прибывших офицеров (фамилии) и солдат (фамилии, имена,

реже отчества) отмечалось, откуда они прибыли в данную часть (из резервного или запасного батальона, с рекрутской партией из такой-то губернии и т. д.), эти списки сопровождалась итоговыми численными показателями прибывших солдат. В списке убывших солдат указывались даты и причины их убыли из части: убиты в бою, покинули часть по болезни, ранению и в какой госпиталь были определены, а также фамилии и имена находящихся в бегах и отставших на марше, и т. д. Списки убывших также сопровождалась итоговыми численными показателями убывших солдат.

В «Ведомости об удовольствовании» провиантом, обмундированием, боеприпасами отмечались сведения о том, что личный состав полка или отдельного (запасного или резервного) батальона полностью или отчасти снабжен обмундированием, провиантом и боеприпасами за отчетный месяц. Здесь можно найти сведения о количестве боевых патронов, которые полк израсходовал в течение года или в одном крупном сражении, и сколько боевых патронов имеется в наличии на момент составления рапорта, а также отпущены или нет патроны для учебных стрельб. «Ведомость об артиллерии с ее принадлежностью» встречается не часто в месячных рапортах артиллерийских рот, возможно, она прилагалась к рапорту в том случае, когда имелись определенные отступления от правил в комплектовании артиллерийским оружием данной части. Так, в 1812 г. во 2-й легкой роте 1-й артиллерийской бригады на вооружении состояли четыре 12-фунтовых единорога [ошибка, надо пушки. – Д. Ц.] и восемь 6-фунтовых пушек³.

В списке командированных солдат указывались даты, место, куда командировались данные солдаты, и цель командировки: для сопровождения больных в такой-то госпиталь, в вагенбург армии и т. п.

На титульном листе рапорта записывался адрес, куда отправлялся рапорт, дата его составления, название воинской части, место составления рапорта (село, деревня, губерния и т. п.), ставилась подпись командира или командующего частью, с указанием его должности и чина.

Таким образом, месячные рапорты воинских частей русской армии – ценный и информационно емкий исторический источник, чья информационная отдача многократно увеличивается при его комплексном исследовании. Так, на основании данных из месячных рапортов можно получить сведения о боевых действиях данной воинской части, проследить ее боевой путь в военных кампаниях 1812–1814 гг.

Данный вид источника дает возможность выявить потери воинской части в конкретных боях и сражениях, ежемесячно и за год в целом, проследить изменение численности и источники пополнения и, следовательно, уровень боеспособности, а также степень материального снабжения воинских частей и соединений⁴.

Располагая большим количеством месячных рапортов воинских частей русской армии за 1812–1814 гг., исследователи получают возможность определить и уточнить потери русской армии в конкретных сражениях⁵ и в кампаниях в целом, выявить неизвестные факты, относящиеся к составу и численности воинских частей, уровень их материального снабжения перед конкретным сражением. Месячные рапорты воинских частей также предоставляют возможность выявить неизвестные факты и закономерности в области исторической антропологии, относящиеся к истории русской армии.

---

¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1.

² Там же. Ф. 489. Оп. 1. Ч. 2.

³ Там же. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3788. Л. 118 об.

⁴ См.: Целорунго Д.Г. Потери и пополнение нижними чинами частей русской полевой артиллерии, пехоты и кавалерии в Отечественную войну 1812 года // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. IV. СПб. 2013.

⁵ См.: Целорунго Д.Г. К вопросу о потерях 2-й сводной гренадерской дивизии в Бородинском сражении // 1812 год. Люди и события великой эпохи. М., 2014.

Томаш Цесельски (Ополе, Польша)

УЧАСТИЕ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДЦЕЙХМЕЙСТЕРА ЛЮДВИГА ГЕССЕН-ГОМБУРГСКОГО В ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЬШИ В 1734–1736 ГОДАХ

ИЗВЕСТИЕ о смерти в Варшаве Августа II Веттина 1 февраля 1733 г. стало причиной значительного беспокойства при русском императорском дворе. В Петербурге понимали, что начался большой международный кризис, в преодолении которого Россия, чтобы не упустить собственной выгоды, должна была принять активное участие. Продолжающиеся на протяжении нескольких лет усилия французской дипломатии в Речи Посполитой создали предпосылки тому, что самым серьезным кандидатом на польско-литовский трон стал Станислав Лещинский. Для петербургского двора его кандидатура была неприемлема как из-за исторической реминисценции (во время Северной войны Лещинский уже был повелителем Речи Посполитой при поддержке шведского короля Карла XII, ожесточенного врага царя Петра I), так и геополитической выгоды: Россия не хотела граничить с союзником политически активной в Восточной Европе Франции. Русские противились также кандидатуре Фридриха Августа II Веттина, что было следствием возникшей еще в конце второй декады XVIII в. их неприязни к отцу последнего – Августу II. В начале 30-х гг. петербургский двор предпринял дипломатическую акцию, целью которой было недопущение прихода на трон Речи Посполитой обоих неудобных претендентов. Русским дипломатам удалось договориться о союзническом трактате с Пруссией и Австрией, но подписанное в Берлине в декабре 1732 г. трехстороннее соглашение не вошло в стадию исполнения. Причин было несколько: отсутствие полного согласия между союзниками по поводу будущего Курляндии, неясности, касающиеся финансирования дипломатической и военной

акции, а также слабая позиция выставленного союзниками кандидата – португальского инфанта Дона Мануэла ди Браганса¹.

В результате этого зимой 1733 г. русские понимали, что в польском вопросе могут рассчитывать только на себя, а достижение выгодного для них решения потребует применения вооруженной силы. Поэтому не медлили с принятием ключевых решений, связанных с польским кризисом. Уже 4 марта (22 февраля) 1733 г. на общем заседании Кабинета министров, Сената и царского военного командования было постановлено начать приготовления к военной операции. Задание решили поручить генерал-аншефу Петру Ласси. Первоначальные установки предполагали использование трех корпусов, действующих со стороны Риги, Смоленска и Стародуба, но окончательно от формирования последнего отказались². Когда в середине 1733 г. стало ясно, что русская военная интервенция необходима, в июле было приказано сконцентрировать насчитывающие до 35 000 солдат военные формации в Ливонии и под Смоленском, командование которыми было поручено генерал-аншефу Ласси³. Дальнейшие планы русских предусматривали проведение скорее превентивной, чем реальной военной акции, целью которой было принудить польскую и литовскую шляхту к выбору удобного для Санкт-Петербурга повелителя. Поэтому принятые операционные установки сводились к возможно наиболее быстрому маршу обоих русских корпусов в направлении Варшавы по главным трактам, пересекающим Великое княжество Литовское, одновременно оставляя в покое другие земли Речи Посполитой. Наверное, Анна Иоанновна и ее министры рассчитывали запугать поляков и литовцев, одновременно надеясь на помощь Австрии (с которой вели интенсивные консультации)⁴, а также на все более реальную поддержку со стороны Саксонии. Однако для этого необходимо было заключить выгодный для России договор с Фридрихом Августом II, переговоры с которым заняли несколько месяцев. В конце концов, 10 июля 1733 г. курфюрст саксонский принял русские условия, отрекаясь от имени династии Веттинов от претензий на Инфлянты, обещая соблюдение прав и шляхетских свобод Речи Посполитой, а также сохранение автономии Курляндии и признание императорского титула царицы Анны. После длившегося несколько недель процесса ратификации саксонско-русских и саксонско-австрийских договоров возможным стало заключение в Варшаве соглашения от 30 августа 1733 г. о скоординированных действиях Австрии, России и Саксонии на территории Речи Посполитой⁵.

Выработка союзных соглашений заняла полгода, что стало причиной того, что летом 1733 г. военную акцию в Речи Посполитой предприняли только русские войска – притом начавшуюся 13 августа, если принимать за дату начала ввод русских армий на территорию Литвы около Янишек. Вначале в интервенции принимал участие только корпус Ласси, который через Каунас и Гродно, медленно передвигаясь, прибыл под Варшаву лишь в конце сентября 1733 г. Слишком поздно, чтобы помешать польско-литовской шляхте выбрать королем Речи Посполитой Станислава Лещинского (12 сентября), но на столько рано, чтобы возможным стало проведение повторного избрания – уже курфюрста саксонского (5 октября 1733 г.)⁶.

Привело это к расколу в стране (а соответственно и шляхты) на два лагеря: поддерживающих Станислава I и тех, кто предпочитал Августа III. Обе партии, не стремясь прийти к соглашению, фактически спровоцировали вспышку гражданской войны. Как в Литве, так и в Польше численно преобладали сторонники Лещинского, что вынудило русских продолжить военную операцию. Осенью 1733 г. выяснилось, что они не могут рассчитывать на помощь Австрии, которая оказалась в состоянии войны с Францией⁷. Недостаточным для быстрой нормализации ситуации в Речи Посполитой оказалось также военное содействие со стороны Саксонии, так как ее армии до начала 1734 г. овладели только Великой Польшей и частью Малой Польши с Краковом, при этом они достигли границ своих военных возможностей⁸.

В этой ситуации осенью 1733 г. в Санкт-Петербурге было принято решение о значительном увеличении русских сил, участвующих в военной операции в Речи Посполитой. Помимо действующей в районе Варшавы главной интервенционной группировки под командованием Ласси, сформированной после соединения «рижского» и «смоленского» корпусов⁹, создали еще четыре новых. Три из них, насчитывающих вместе более 20 000 солдат, должны были овладеть ситуацией в Великом княжестве Литовском, а командовали ими генерал Лев Измайлов, генерал Рудольф Август фон Бисмарк и полковник Юрий Репнин¹⁰. Задачу организации четвертого боевого соединения для захвата юго-восточных областей Польши поручили еще в сентябре 1733 г. киевскому генерал-губернатору Иоганну Бернгарду фон Вейсбаху. Используя подведомственные ему подразделения регулярной армии (в том числе 6000 солдат, препровожденных в Киев из внутренних районов России генералом Джеймсом Кейтом¹¹),

отряды ландмилиции, нерегулярной конницы и казаков, Вейсбах быстро сформировал корпус численностью в несколько тысяч солдат, которому в начале декабря 1733 г. императрица Анна Иоанновна приказала выступить, поручая вначале овладеть пограничной польской крепостью в Белой Церкви¹².

Под конец декабря 1733 г. русские силы вступили в Польшу двумя колоннами, которые продвигались к Белой Церкви и Немирову. Охраняющая границу слабая группировка польской конницы Станислава Свидзинского – 24 конных хоругви и отряд драгун численностью около 1400 солдат с 3 легкими пушками – не вступила в бой, а начала отступление в западном направлении. Продвигаясь от Немирова через Погребище, Староконстантинов, Меджибож, Зиньков и Дунаевцы, добралась 3 февраля до Ярмолинцев, отдавая без сопротивления русским районы Киева и Брацлава. Одна из русских колонн под командованием сначала генерала Джеймса Кейта, а затем генерал-лейтенанта князя Алексея Шаховского в начале января 1734 г. овладела Немировым¹³. Вторая русская колонна направилась на Белую Церковь, которую защищала небольшая бастионная крепость. Ее команду составляли 120–140 солдат, располагающих 16 пушками, из числа которых наибольшими были шестифунтовые¹⁴. Командующий Белой Церковью подполковник Бенедикт Буттлер, сознавая огромную диспропорцию сил, пробовал начать боевые действия, но вступил в переговоры, когда сдалось защищавшее город отделение милиции. Капитулировал на почетных условиях 20 января 1734 г., получая право свободного отступления вместе со своими подчиненными. Русские, однако, не соблюли условий договора, так как гарнизон был интернирован и переведен в Киев, а артиллерийское снаряжение и запасы захвачены¹⁵.

После занятия пограничных воеводств Речи Посполитой русские войска приостановили марш обеих колонн. Поводом к этому была необходимость увеличения боевой силы участвующего в операции корпуса, нуждающегося в пополнении новыми подразделениями и артиллерийским снаряжением, а также в улучшении снабжения боеприпасами, пищей и фуражом. Реквизиции, предпринятые для пополнения материальных резервов, привели к истощению киевского и брацлавского воеводств, следствием чего были крестьянские бунты. При этом частично их провоцировало русское начальство, которое приказало рекрутировать из местного населения солдат для нерегулярной конницы¹⁶.

Перерыв в военных действиях продолжался несколько недель, так как Шаховской лишь на переломе января и февраля 1734 г. послал некоторые отряды на северное Подолье. 18–19 февраля дошло до схваток с польскими силами между Вербками и Летичевым, которые, после первых неудач, закончились победой русских. Обе стороны потеряли, наверное, по несколько сотен солдат, а побежденные поляки отступили к отдаленному на 60–70 км Плоскирову и Ярмолинцам¹⁷. Через несколько дней польские отряды в районе села Мазники предприняли атаку на русских, которая прекратилась уже через несколько часов, и 26 февраля поляки начали отступление. В его ходе под Городком 1 марта произошло разделение польских сил на две «дивизии»: «волынскую» – под командованием воеводы волинского Михала Потоцкого, и «украинскую» – Станислава Свидзинского. Они направились на постой под Сатанов и Борщов, что дало возможность русским снова почти без борьбы овладеть в начале марта 1735 г. северной и восточной частями Подолья с Летичевым и Меджибожем¹⁸.

В марте 1734 г. русским корпусом перестал командовать князь Шаховской, который был отозван на русскую Украину в связи со смертью гетмана войска запорожского Данилы Апостола (28 января 1734 г.) и получил задание создать комиссию, принявшую управление казацкими землями. Командование после него временно принял генерал Кейт, который, используя пассивность польских сил, после короткого отдыха в районе Меджибожа возобновил наступательные действия. Русские вошли в Браилов и Бар, а некоторые подразделения заняли границу по Днестру и организовали наблюдение за переходом татарских войск. Кейт издал также воззвание к шляхте, обещающая ей безопасность и военную охрану взамен за признание Августа III законным повелителем Речи Посполитой¹⁹.

Русские успехи склонили поляков к более решительным военным действиям. «Украинская» дивизия 22 марта 1734 г. выступила с поста и направилась под Бар, но солдаты отказались атаковать замок, занятый русским гарнизоном. Рейд продолжался почти три недели и закончился отступлением к Дунаевцам. Свидзинский не решился на соединение с «волинской» дивизией, хотя к этому обязывали его приказы главного предводителя польской армии генерального региментария Юзефа Потоцкого. В результате «волинская» дивизия сама должна была сразиться с русской армией, марширующей с направления Меджибожа и Бара к Ярмолинцам. В битве под Солобковцами

19 апреля поляки потеряли по крайней мере 300 солдат, 3 пушки, обозы и казну, а «волынская» дивизия была рассеяна и вновь соединилась лишь под Чортковым²⁰. Поспешное отступление начала не принявшая участия в битве «украинская» дивизия, которая остановилась на более длительную стоянку лишь под Чернокозинцами. По дороге к формированию присоединились три конные хоругви, действующие до тех пор в районе Днестра, в результате до конца апреля почти вся польская кавалерия отступила за Збруч²¹. С этого момента единственной польской группировкой на Подолье был крепостной гарнизон в Каменце-Подольском (в апреле польская сторона эвакуировала гарнизон из небольшой крепости, а точнее форта – Окопов Святой Троицы)²².

В такой выгодной для России ситуации командование над украинским корпусом принял принц (ландграф) Людвиг Иоганн Вильгельм Груно Гессен-Гомбургский. Если довериться воспоминаниям Кейта, то в тот же день, когда состоялась битва под Солобковцами, в его квартиру в Зинькове было доставлено письмо от князя Гессен-Гомбургского из Меджибожа, который сообщал о том, что по повелению императрицы Анны Иоанновны стал его новым начальником. Поэтому Кейт отказался от погони за отходящими польскими отрядами, а за князем Гессен-Гомбургским послал отряды драгун. Новый командир явился в лагере под Зиньковым 24 апреля и уже на следующий день занялся инспекцией подчиненных войск, официально принимаемая командование²³.

Неизвестно, когда именно было принято решение о поручении князю Гессен-Гомбургскому командования над «украинским» корпусом. Можно встретиться с информацией, что случилось это еще осенью 1733 г., но князь командовал тогда русскими армиями на Кавказе, который покинул лишь в январе 1734 г., а значит нельзя исключить, что решение о направлении его в Речь Посполитую было принято зимой 1734 г., когда князь возвратился с Кавказа. Можно предположить, что одним из поводов такого решения был замысел поручить предводительство человеку, имеющему военный опыт и настолько большой командирский авторитет, чтобы контролировать подразделения нескольких формирований (особенно ландмилицию и нерегулярную конницу), а одновременно полностью контролируемому и точно исполняющему приказы императорского Кабинета. Выбор оказался соответствующим, так как на протяжении всего периода исполнения службы в 1734–1736 гг., вначале как командир опера-

ционного корпуса на Украине, Подолии, Волыни и Руси, а затем как главнокомандующий русской армией в Речи Посполитой, князь Гессен-Гомбургский поддерживал постоянный письменный контакт с непосредственными военными начальниками и соответствующими органами центрального управления с императорским Кабинетом во главе. Свидетельствуют об этом его многочисленные рапорты, хранимые теперь в собраниях Российского государственного архива древних актов в Москве²⁴. Князь сохранял также постоянный письменный контакт со своими подчиненными, польской администрацией самоуправления (сеймиками и wybranymi ими комиссарами), а также магнатами и шляхтой, проживающими в данной местности или же владеющими имениями в тех районах, где действовал его корпус. В 1734–1736 гг. среди лиц, с которыми он поддерживал письменный контакт, были такие значительные в Речи Посполитой личности как командующий польской армией в ранге генерального региментария Юзеф Потоцкий, военный комендант Каменца-Подольского польный писарь коронный Вацлав Ржевуский и осуществляющий гражданский надзор над каменецкою крепостью, а также всем Подолем воевода Стефан Гумицкий²⁵. Это доказывает, что князь Гессен-Гомбургский сумел соединить исполнение военного долга с деятельностью политико-общественного характера, а на это собственно и рассчитывал императорский Кабинет, поручая ему командование украинским корпусом.

Как военный командир князь Гессен-Гомбургский заботился о состоянии порученных ему войск. Его первым приказом после принятия командования стало передвижение корпуса под Гусятин, где русские остановились на отдых на несколько недель, пополняя запасы продовольствия в оставленном шляхтой (последняя сбежала в Молдавию или укрылась в Каменце), но богатым хлебом крае²⁶. Такая позиция позволяла русским силам наблюдать и беспокоить польский гарнизон Каменца-Подольского²⁷. Однако они не намеревались атаковать крепость, опасаясь, с одной стороны, реакции Турции (недалеко находились сильный гарнизон Хотина и татарская орда), а с другой – не располагая соответствующим артиллерийским обеспечением. Русские быстро сориентировались, что насчитывающий около 2200 солдат гарнизон не представляет для них реальной угрозы. Поэтому, покидая Подолье, не оставили даже корпуса для наблюдения за крепостью, а исключительно посылали в район Каменца разведочные и фуражирные отряды²⁸.

В середине мая 1734 г. русский корпус оставил район Гусятина и, обходя квартирующие на Покутье между Чортковом и Станиславовом польские отряды, направился в северо-западном направлении удобной дорогой на Тернополь²⁹. Князь Гессен-Гомбургский не форсировал темпа, а приспособлял его к местным погодным и территориальным условиям, принимая во внимание удлиняющиеся снабженческие линии. Кроме того, ожидал пополнений, поскольку корпус, которым он командовал, значительно уменьшился со времени вступления на территорию Речи Посполитой, главным образом из-за оставления сильных гарнизонов в Баре, Браилове, Меджибоже и других укрепленных местностях (якобы более 10 тыс. человек), поэтому князь Гессен-Гомбургский располагал только 3 драгунскими полками, 6 полками пехоты и 4 – ландмилиции, т. е. максимально 16 тыс. солдат³⁰. Несмотря на это, в продолжение чуть более месяца он достиг больших военных успехов, так как уже 31 мая 1734 г. занял Тернополь³¹. Затем русские отряды, обойдя Збараж, 7 июня подошли под крепость в Бродах, которая в то время была достаточно современно оснащена и в которой находилось около 1100 солдат польского гарнизона, располагающего 35 пушками и большими запасами боеприпасов и провианта. Однако командующий гарнизоном подполковник королевской гвардии Фридрих Август фон Хаузен не проявил соответствующей решимости, и, хотя противник не располагал осадной артиллерией, после девяти дней малоинтенсивных боев подписал 16 июня с князем Гессен-Гомбургским соглашение, результатом которого была капитуляция крепости 26 июня³². Русские заняли важный стратегический пункт, который заслонял всю Волынь, элиминировали из борьбы большой отряд вражеской армии (составляющий более 15 % всей польской пехоты), а одновременно получили психологический перевес в войне. Убедительно свидетельствуют об этом такие факты, как спешная подготовка поляками защиты Замостья или же перевод в Каменец из хорошо оснащенного города-крепости Станиславова целого гарнизона и артиллерии. Однако обе эти крепости были на расстоянии около 150 км от Бродов, а Станиславов не лежал на трассе движения русских войск, так же как и демилитаризованный уже в начале июня хорошо укрепленный замок в Бережанах³³.

К тому же эти действия были уже не нужны, так как князь Гессен-Гомбургский остановил наступательное движение, а после отправки разведывательного отряда к Подкаменю³⁴ и оставления

в Бродах около 2 тыс. гарнизона отступил с корпусом в Збараж, который занял после короткой осады (эту крепость защищало 200 солдат, располагающих 16 пушками, но имеющих большие запасы боеприпасов и провианта)³⁵. В рапортах, высылаемых в Петербург, князь объяснял, что сдержал марш корпуса из-за необходимости стеречь казаков, которых региментарий Юзеф Потоцкий якобы подстрекал к бунту против царицы. Однако прежде всего князь Гессен-Гомбургский опасался атаки на свой небольшой корпус со стороны польских сил и ждал прибытия подкреплений³⁶. Решение об их отправке было принято на заседании царского Кабинета 6 мая; приготовление вспомогательных отрядов регулярной и казацкой конницы поручили генерал-лейтенанту А. Шаховскому³⁷. Кроме того, в июне, приступая к осаде Брод, Гессен-Гомбургский просил Вейсбаха прислать тяжелую артиллерию, и последний приказал отправить украинскому корпусу 39 осадных пушек, 27 – полевых и 9 гаубиц³⁸. Однако исполнение обоих этих приказов должно было занять несколько недель. Более того, часть отрядов, сформированных на территории Речи Посполитой, проявляла большую склонность к грабёжам, чем к «солдатчине», пополняя рыскавшие на Подолии и Волыни крестьянские и гайдамацкие банды. Охраняя транспортное сообщение, князь Гессен-Гомбургский должен был, с одной стороны, приступить к ликвидации таких конных отрядов, сформированных по инициативе царских офицеров, а с другой – усмирять польскую шляхту. К этой последней он обратился в нескольких воззваниях, в которых предостерегал от участия в посполитом рушении и призывал признать Августа III законным повелителем³⁹.

Меньше всего проблем создавали русским части польской армии, избегающие боевых столкновений с главными силами корпуса Гессен-Гомбургского, атакующие исключительно отряды нерегулярной конницы. В июне «волынская» дивизия, усиленная кавалерийской группой Базиля Загвойского, приступила к истреблению русских разведывательных фуражирных отрядов на Волыни. Самым большим успехом поляков было разбитие большого казацкого или гайдамацкого отряда под Кременцом 29 июня 1734 г. Затем польские силы возвратились на постой, что привело к разложению «волынской» дивизии, в которой из-за массового дезертирства осталось лишь 300 солдат⁴⁰. В августе 1734 г. региментарий Юзеф Потоцкий послал в направлении Тернополя отряд ясловского старосты Адама Тарло, состоящий из около 1000 кавалеристов. В начале сентября поляки

разбили московский отряд, квартирующий в Волочиске, вырезав или утопив 400 человек неприятельской пехоты и вынудив к бегству 500 казаков⁴¹. Самое большое польское соединение под командованием региментария Юзефа Потоцкого сохранило полную пассивность, находясь на постое от июля до ноября сначала в районе Галича, а затем Самбора⁴².

Русские войска возобновили наступательные действия в начале сентября 1734 г., но только частью военных формирований. Выделенный из главных сил отряд полковника Веделя, насчитывающий 2300 драгун и нерегулярной конницы, во время шестидневного перехода 7–13 сентября занял сначала Острог, а затем Луцк. Таким образом, с севера была окружена «волынская» дивизия, которая переместилась под Владимир⁴³.

В середине октября главные русские силы оставили район Тернополя–Збаража и тремя колоннами дошли до Золочева, Берестечка и Луцка, а арьергард под командованием генерала Кейта занял Сокаль. Русские не встретили сопротивления со стороны польского войска, основу которого составляли новосформированные в Бельском, Волинском и Русском воеводствах отряды, поддерживаемые группой регулярной кавалерии под командованием Загвойского. Однако Гессен-Гомбургский не начал нового наступления, а перевел главные силы своего корпуса в избранные для зимних квартир местности над рекой Буг. Часть отрядов оставил в Меджибоже, Збараже и Бродях с заданием охранения коммуникационных путей⁴⁴.

Постой над Бугом продолжался два месяца, так как «украинский» корпус приступил к наступательным действиям под конец декабря 1734 г. после решительного приказа главнокомандующего русскими интервенционными силами в Польше П. Ласси, разработавшего операционный план, который должен был привести к окончанию войны. Самым важным его элементом был марш саксонских шеволежеров Сыбильского и трех русских корпусов Артемия Загряжского, Ивана Бахматова и Людвика фон Гессен-Гомбургского против дивизии Юзефа Потоцкого, который отступил под Березов⁴⁵. Корпус князя Гессен-Гомбургского, не встречая никакого сопротивления, занял в последних днях декабря Жолкву (27 декабря) и Львов (30 декабря), а в первых неделях января – Медыку, Перемышль и Ярослав⁴⁶. Он выполнил свое задание, окружив насчитывающее около 8000 солдат военное соединение региментария Юзефа Потоцкого, который уже в декабре 1734 г. начал переговоры с представителями Августа III.

Переговоры привели к подписанию в Жешуве 29 января соглашения о приостановлении военных действий, 11 февраля – 24-дневного перемирия, а 20 марта 1735 г. в Закличине – соглашения о прекращении участия в войне той части коронной армии, которая сохранила верность коронному региментарию, а теперь признала Августа III законным повелителем⁴⁷.

Корпус князя Гессен-Гомбургского окончательно завершил боевые действия на переломе января и февраля 1735 г. после подписания соглашения о приостановлении военных действий в Жешуве, которое признали командиры почти всех польских отрядов, находящихся в юго-восточных воеводствах Речи Посполитой. Исключение составлял Базили Загвойский, который вместе со своей кавалерийской группой прорвался под Ченстохову. Зато временное перемирие соблюдал волынский воевода, который заключил даже отдельное соглашение по этому поводу с князем Гессен-Гомбургским. Однако в марте первый нарушил соглашение, но не предпринял боевых действий, а прорвался со своей дивизией из Волыни под прусскую границу (в район Августова и Райгрода)⁴⁸.

Закличинский договор признал также гарнизон Каменца-Подольского, которым командовал Вацлав Ржевуский. Долго отказываясь последний от признания Августа III, но после сообщения князя Гессен-Гомбургского о подписании данного соглашения написал в апреле русскому командующему несколько писем, в которых подчеркивал, что на протяжении всего времени военных действий сидел «тихо» в Каменце, ремонтируя крепость и никому не вредя. Поэтому он считал, что никто не питает к нему даже «самой ничтожной обиды»⁴⁹. После 7 мая Ржевуский сдал командование каменецким гарнизоном генерал-майору Флориану Шиллингу, который оттягивал принесение присяги, ожидая прибытия Михала Венявского с деньгами для гарнизона и королевскими полномочиями. Последний прибыл с большим опозданием, так как из соображений безопасности путешествовал через Молдавию и был ненадолго арестован господарскими чиновниками⁵⁰. В конце концов, 19 мая в присутствии воеводы подольского Стефана Гумиецкого в Каменце-Подольском законным повелителем Речи Посполитой был провозглашен Август III, но гарнизон соответствующую присягу принес лишь 2 июня⁵¹.

Это опоздание в официальном признании Веттина каменецким гарнизоном не обеспокоило Гессен-Гомбургского, так как с февраля его постоянно информировал о текущей ситуации на Подолии

Стефан Гумиецкий. От подольского воеводы он получил информацию о появлении в районе Каменца большого отряда литовских и польских войск под командованием Антония Эперяши, Тыминского и Злотницкого (15 конных хоругвей, 500 пехотинцев и 8 пушек). Соединение, двигаясь из-под Браги, собирало в окрестных шляхетских поместьях денежные повинности и провиант, грабя имения явных сторонников Ветгина. Получив просьбу о помощи, Гессен-Гомбургский послал на Подолье отряд под командованием генерала Хейна, который 3 июня атаковал под Брагой, Жванцем и Окопами Святой Троицы польско-литовские отряды. В битве русские потеряли всего 9 человек убитыми и ранеными. Потери противника Хейн оценивал в 207 погибших, 26 взятых в плен и 245 раненых. Однако в действительности таковые были значительно меньшими – Гумиецкий в письме к Гессен-Гомбургскому упомянул только о нескольких конфедератах, которые утонули во время переправы через Днестр. Кажется, это сообщение ближе к правде, так как хоть поляки и литовцы бросили большинство таборных возов, но сумели перевезти на молдавскую сторону 7 пушек, что не было бы возможным, если бы потерпели военное поражение⁵².

Князь Гессен-Гомбургский, начиная с момента принятия командования корпусом, много внимания посвящал вопросу снабжения своих подчиненных провиантом и фуражом. Этим следует объяснять медленный темп марша корпуса и длительные стоянки, используемые для отдыха и пополнения резервов. Русское войско снабжалось пищей и кормом для скота на основании сбора военной контрибуции, имея на это молчаливое согласие Августа III. Размер контрибуции устанавливали командиры отрядов, уведомляли об этом шляхту, выдавая универсалы, в которых на основании необходимого количества рациона, полагающегося их подчиненным, определяли величину доставок муки, сала и других запасов продовольствия, а также овса и сена. С более отдаленных земель собирали контрибуцию в денежной форме, осенью 1735 г. оценивая одну порцию в 19 злотых, а рацион в 22,5 злотых⁵³. Заботясь о состоянии своих отрядов, русские командиры должны были принимать во внимание настроение шляхты, которую следовало успокоить и перетянуть на сторону короля Августа III, а не побуждать к сопротивлению. Поэтому князь Гессен-Гомбургский удерживал постоянный контакт с сеймиками и wybranymi ими провиантскими комиссарами. Он отвечал на их петиции, часто снижая размер контрибуции, которую на данную

землю или уезд накладывали подведомственные ему офицеры. Знатным лицам, которые однозначно заявили о поддержке Августа III, делал значительные льготы или даже полностью освобождал их от обязанности поставок продовольствия и фуража для русской армии. Свидетельствуют об этом многочисленные петиции и манифесты от комиссаров почти всех сеймиков юго-восточных земель Речи Посполитой – от Сана до Днепра, от духовенства, а главным образом от польских шляхтичей, которые сохранились в архиве князя Гессен-Гомбургского. Среди людей, добивающихся освобождения от повинностей, можно назвать подольского воеводу Стефана Гумиецкого (ходатайствовал как об освобождении от поставок со своих имений, так и об уменьшении наложенных на весь край обязанностей, связанных с постоем и обеспечением продовольствием русских армий), несколько Ржевуских с полевым писарем Вацлавом во главе, княжну Яблоновскую, Элеонору Шанявскую или Йоанну Виельгорскую. Князь Гессен-Гомбургский исполнял также просьбы о присылке русских солдат для охраны частных имений, с подобной обратился, в частности, Вацлав Ржевуский⁵⁴.

Обязанности князя Гессен-Гомбургского, связанные, с одной стороны, с необходимостью соответствующего логистического обеспечения подведомственных военных формирований, а с другой – с привлечением в саксонский и русский лагерь магнатов и польской шляхты, увеличились летом 1735 г., когда после отъезда Бурхарда Кристофа фон Миниха он принял командование всеми русскими силами, действующими на территории Польши и Литвы⁵⁵. Князь проявил тогда большой политический талант, избегая излишнего втягивания во внутренние дела Речи Посполитой. Он последовательно соблюдал позицию командующего союзнических армий, заботящегося об удержании недавно восстановленного общественного мира. Происходило это при постоянном уменьшении русской военной активности, так как часть отрядов была направлена в качестве вспомогательного корпуса для императора в Германию, а другие отошли на территорию России. До конца лета 1735 г. в Польше и Литве осталось около 23 000 царских солдат: 3 кирасирских полка, 5 – драгунских, 8 – пехоты и 2 000 казаков⁵⁶.

Бои на территории Речи Посполитой тем временем практически утасли, единственное исключение составляла Курпевская Пуща (окрестности Ломжи и Остроленки), в которой вооруженное сопротивление продолжало местное население (так называемые «курпы»),

поддерживаемое остатками сторонников Лещинского. Трудная заболоченная лесная местность стала причиной того, что в июле и августе 1735 г. саксонским и русским отрядам не удалось установить мир в Курпевской Пуще. Это произошло лишь в октябре–ноябре 1735 г., когда часть партизан сложила оружие, пользуясь объявленной от имени короля амнистией, остальные же были рассеяны русскими отрядами при поддержке саксонской легкой конницы. Последней военной акцией в войне за польский трон князь Гессен-Гомбургский командовал лично⁵⁷.

В начале 1736 г. уменьшился русский контингент в Речи Посполитой примерно до 17 000 солдат⁵⁸, при этом в следующих месяцах его последовательно сокращали. Последние военные отряды отведены были летом 1736 г., а уже весной князь Гессен-Гомбургский выехал из Польши, поскольку был отозван в Россию из-за вспыхнувшей войны с Турцией.

Служба Гессен-Гомбургского в Речи Посполитой продолжалась около двух лет. На протяжении всего этого периода он исполнял функции командующего, сначала корпусом, а затем целой русской интервенционной армией. Добросовестно исполнял свои обязанности, за что Август III наградил его орденом Белого Орла, а императрица Анна Иоанновна назначила на должность генерал-фельдцейхмейстера, благодаря которой он стал главой всего артиллерийского ведомства Российской империи вместо Б. К. Миниха. Положение, которое занимал князь в русской армии, является причиной того, что сохранные фрагменты его военного архива (походной канцелярии) составляют ценный источник в исследованиях хода войны за польский трон в 1733–1735 гг. Содержат не только много интересной фактографической информации, но в целом проясняют характер всей русской интервенции. Небольшая интенсивность военных действий стала причиной того, что на первый план выдвигались логистические соображения, а сама война – повторяя мнение, сформулированное еще в 1823 г. Бутурлиным – была скорее «более утомительная, чьмь опасная»⁵⁹ для русских, а при этом, так же как и полякам, не принесла военной славы. Об этом лучше всего свидетельствует тот факт, что военная операция является в русской историографии наиболее слабо изученным вооруженным конфликтом восемнадцатого века.

¹ Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862. С. 49–59; Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. С. 88–103. Staszewski J. Traktatu Löwenwłoda nie było // Staszewski J. «Jak

- Polskę przemienić w kraj kwitnący...». Szkice i studia z czasów saskich. Olsztyn, 1997. С. 134–140.
- ² Сборник императорского русского исторического общества (СИРИО). СПб., 1888. Т. 106. С. 90; Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов... С. 103–107.
- ³ Ciesielski T. Irlandczyk na służbie carskiej. Piotr Lacy – feldmarszałek i general-gubernator Inflant // Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem Dawnej Rzeczypospolitej. Т. III: Inflanty Polskie / Red. W. Walczak, K. Łopatecki. Białystok, 2012. С. 238.
- ⁴ Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов... С. 105–112.
- ⁵ Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов... С. 105–112; Staszewski J. August III. Wrocław, 2010. С. 151–153.
- ⁶ РГВИА. Ф. 114, 30. Л. 1–8; Kriegsarchiv, Wien (KA), Alte Feldakten (AFA). 425; РНБ. Ф. 971. Оп. 2, Автографы Дубравскаго (АД), 129, Л. 3–4 об; РГАДА. Ф. 20. Оп. 1, 89; Biblioteka Jagiellońska w Krakowie (BJ). 3605. Л. 6; Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD). Archiwum Radziwiłłowskie (AR). Dz. VI. 80a. Л. 595–597; AGAD. Zbiór Anny Branickiej (ZbAB). 1745; Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Wien (HHStA). Polen II. 10. Л. 60; СИРИО. Т. 106. С. 376–377, 382–383, 391–393, 397, 402–404, 414, 424–425, 448–450, 480, 563–564; Бутурлин Д.П. Военная история походов Россиянъ въ XVIII столѣтїи. Ч. 3: Заключающая въ себя описание Польской войны съ 1733-го по 1735-й год. СПб., 1823. С. 19–25; Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов... С. 113–120; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 239; Ciesielski T. W obronie Gdańska – działania wojsk polskich na Pomorzu i Kujawach 1733–1734 // «Studia Historyczno-Wojskowe». Т. 2 / Red. Gawron P., Bobiatyński K., Nagielski M. Warszawa 2008. С. 178–179.
- ⁷ Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов... С. 120–121.
- ⁸ Центральний державний історичний архів України (ЦДІАУК). Ф. 49. Оп. 2, 1951, Л. 1; ЦДІАУК. Ф. 254. Оп. 1, 329. Л. 44-45; AGAD. Archiwum Zamoyskich (AZ). 3059. Л. 175; Krell A. Herzog Johann Adolf II von Sachsen-Weissenfels. Greifswald, 1911. С. 16–19; Schuster O., Francke F.A. Geschichte der sachsischen Armee. Leipzig, 1885. Т. 1. С. 213.
- ⁹ Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов... С. 122.
- ¹⁰ СИРИО. Т. 106. С. 492; Бутурлин Д.П. Военная история... С. 30; Šliesoriūnas Ф. Mūšis prie Vilniaus ir miesto nusiaubimas 1734 metais // Lietuva ir jos kaimynai. Nuo normanų laikų iki Napoleono: straipsnių rinkinys. Prof. Broniaus Dundulio atminimui / red. I. Valikonytė, E. Meilus, A. Mickevičius. Vilnius, 2001. С. 314.
- ¹¹ Keith J. A Fragment of a Memoir of field-marshal James Keith / ed. Constable T. Edinburgh, 1847. С. 47.
- ¹² СИРИО. Т. 106. С. 408, 436, 553, 564, 569, 575; HHStA. Polen II. 12. Л. 84; Ciesielski T. Agresja rosyjska na Polskę 1733–1735. Walki na Ukrainie, Podolu i Wołyniu // Trudne sąsiedztwo. Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjsko-ukraińskich w XVI–XX wieku / Red. Szczepaniak A., Toruń, 2007. С. 104.
- ¹³ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Штаб генерал-фельдцейхмейстера (ШГФ). Д. 540, 31; ЦДІАУК. Ф. 250. Оп. 2, 193. Л. 63; СИРИО, Т. 106. С. 608; Т. 108. С. 3; Keith J. A Fragment of a Memoir... С. 50; Ciesielski T. Agresja rosyjska... С. 107.
- ¹⁴ Encyklopedia Wojskowa / Red. O. Laskowski. Т. 1. Warszawa, 1930. С. 298–300; Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego i innych ziem słowiańskich / Red. F. Sulimierski, B. Chlebowski, W. Walewski. Т. 1. Warszawa, 1882, С. 177; Archiwum Narodowe w Krakowie (ANK). Zbiór Zygmunta Glogera. 633. С. 17–19; «Kurier Polski». 1733. Nr 184 (Warszawa 1 VII 1733).
- ¹⁵ ANK. Archiwum Podhoreckie (APodh) I. 93; ЦДІАУК. Ф. 250. Оп. 2. 193. Л. 60; СИРИО. Т. 108. С. 17; Дневник генерального подскарбия Якова Марковича, Т. 3: 1730–1734. Киев, 1897, С. 346–347. Korespondencja Józefa Andrzeja Żaluskiego 1724–

- 1736 / Red. B.S. Kupś, K. Muszyńska. Wrocław, 1967. С. 137. AGAD. Archiwum Roskie. Korespondencja. Pudło XXVIII. 51. С. 3–4. К находящемуся в Кракове имперскому послу Х. В. фон Вильеку пришло известие о том, что насчитывающий 600 человек гарнизон Белой Церкви мужественно сопротивлялся. Когда осталось 400 боеспособных солдат, комендант капитулировал, а затем совершил самоубийство: H.W. Wilczek do Karola VI, Kraków 13 III 1734, KA. AFA. 417. Л. 224. Русские освободили интернируемый гарнизон и отослали офицеров в Каменец-Подольский лишь в июне 1735 г.: Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich (BOss). 2707. С. 13. Поляки еще в 1737 г. добивались возврата захваченного инвентаря: ЦДІАУК. Ф. 254. Оп. 1. 5. Л. 127. Ciesielski T. Agresja rosyjska... С. 108.
- ¹⁶ ЦДІАУК. Ф. 49. Оп. 2. 1054. Л. 1 об.; Ф. 250. Оп. 2, 193, Л. 60–61; Ciesielski T. Agresja rosyjska... С. 112–113.
- ¹⁷ ЦДІАУК, ф. 254, оп. 1, 1439, Л. 47; Keith J. A Fragment of a Memoir... С. 51–52; Perlakowski A. Nad granicą z Portą Ottomańską. Twierdza kamienicka w latach 1733–1735 // Staropolski ogląd świata. Rzeczpospolita między okcydentalizmem a orientalizacją. Т. 1: Przestrzeń kontaktów / Red. Wolański F., Kołodziej R. Toruń, 2009. С. 121; Ciesielski T. Agresja rosyjska... С. 113–114.
- ¹⁸ AGAD. AZ. 3116. Л. 140; BOss. 2642. Л. 47–48 об.; Keith J. A Fragment of a Memoir... С. 52–53; Ciesielski T. Agresja rosyjska... С. 114–115.
- ¹⁹ ANK. APOdh II. 362. С. 3, 12; ЦДІАУК. Ф. 250. Оп. 2. 193. Л. 63; Keith J. A Fragment of a Memoir... С. 53–54.
- ²⁰ ВJ. 3605. Л. 32–33; ЦДІАУК, Ф. 49, Оп. 1. 1529. Л. 14; Ф. 254. Оп. 1. 329. Л. 91–94; Дневник генерального подскарбия... С. 367; СИРИО. Т. 108. С. 151; Keith J. A Fragment of a Memoir... С. 54–56; Ciesielski T. Agresja rosyjska... С. 115–116.
- ²¹ ЦДІАУК. Ф. 254. Оп. 1. 329. Л. 93–94.
- ²² Ciesielski T. Agresja rosyjska... С. 110–112, 116, 117.
- ²³ Keith J. A Fragment of a Memoir... С. 56.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 34 (Письма к кн. Л. Гессен-Гомбургскому 1734–1735); Ф. 177. Оп. 1. 1734. Д. 10 и 11; 1735. Д. 13, 24, 25.
- ²⁵ Архив кн. Л. Гессен-Гомбургского. ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 539, 540, 542.
- ²⁶ Keith J. A Fragment of a Memoir... С. 56.
- ²⁷ Biblioteka Książąt Czartoryskich w Krakowie (BCz). 1780. С. 127–128; ANK. APOdh II. 362. С. 105.
- ²⁸ ЦДІАУК. Ф. 254. Оп. 1. 459. Л. 5–6.
- ²⁹ BOss. 2700. С. 108–109.
- ³⁰ ЦДІАУК. Ф. 254. Оп. 1. 216. Л. 13; Бутурлин Д.П. Военная история походов... С. 88.
- ³¹ Keith J. A Fragment of a Memoir... С. 56.
- ³² ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 542, 27, 91; BCz. 1780. С. 22, 324; BOss. 302. С. 540–544; BOss. 3579. Л. 16 об.–18; Ф. 49. Оп. 1. 1521. Л. 16–17; ЦДІАУК. Ф. 254. Оп. 1. 623. Л. 83; РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1734. Д. 11. Л. 9–15, 26; Keith J. A Fragment of a Memoir... С. 56–59; Ciesielski T. Agresja rosyjska... С. 118, 119.
- ³³ РГАДА. Ф. 177, Оп. 1, 1734. Д. 11. Л. 18–21. AGAD. Zbiór M. Marczaka. 3. Л. 52. BCz. 1780. С. 17–20, 45–48; BOss. 2649. Л. 9–10; Ciesielski T. Agresja rosyjska... С. 120.
- ³⁴ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 542, 29; РГАДА. Ф. 177, Оп. 1, 1734. Д. 11. Л. 16–17, 25.
- ³⁵ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 542, 29; ЦДІАУК. Ф. 254. Оп. 1. 623. Л. 83; ЦДІАУК.

- Ф. 49. Оп. 1. 2908. Л. 7; ВОss. 348. Л. 170; ВСz. 1780. С. 22; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. 47; Keith J. A Fragment of a Memoir.... С. 56–57, 59–60; Бутурлин Д.П. Военная история походов... С. 85.
- ³⁶ AGAD. Archiwum Publiczne Potockich (APPot). 169. С. 322, 366–372; Keith J. A Fragment of a Memoir... С. 60.
- ³⁷ СИРИО. Т. 108. С. 133.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 34. Л. 30.
- ³⁹ Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов. Ч. 3. Т. 3: Акты о гайдамаках (1700–1768). Київ, 1876. С. 79–80. ВОss. 302. С. 585, 587–588. См. также AGAD. ZbAV. 51.
- ⁴⁰ ВОss. 2659. С. 13, 16, 19; BOss. 2669. С. 37–38; ВСz. 1780. С. 23, 263, 357–358; Гайдамацкий рух на Україні в XVIII ст. Збірник документів. Київ 1970. С. 52; Ciesielski T. Agresja rosyjska... С. 121.
- ⁴¹ ВОss. 17770. С. 726–730; ВСz. 1780. С. 275–278; ВСz. 3274; Keith J. A Fragment of a Memoir... С. 61.
- ⁴² Ciesielski T. Agresja rosyjska na Polskę... С. 122.
- ⁴³ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 542, 48; ЦДІАУК. Ф. 49. Оп. 1, 1517; ЦДІАУК. Ф. 49. Оп. 1, 1497, Л. 5; ЦДІАУК. Ф. 254. Оп. 1, 546. Л. 128–129; ЦДІАУК, Ф. 254, Оп. 1, 623, Л. 88–89.
- ⁴⁴ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 539. 7, 8; Д. 542. 12, 13, 51, 57, 81; Keith J. A Fragment of a Memoir... С. 61.
- ⁴⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) Ф. 80, 232. Л. 118–130; ННStA, Polen II, 13, Л. 958–965; СИРИО. Т. 108. С. 481–483; Keith J. A Fragment of a Memoir... С. 61; Ciesielski T. Działania zbrojne w rejonie w rejonie Krakowa w trakcie polskiej wojny sukcesyjnej 1733–1735 // *Studia Historyczne*. 52 (2009). Z. 3–4. С. 219.
- ⁴⁶ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 539. ЦДІАУК. Ф. 254. Оп. 2, 156. Л. 45; AGAD. APPot. 169. С. 449–451, 454–456.
- ⁴⁷ АВПРИ. Ф. 80. 266. Л. 26–30 об., 95–97, 133, 284–285; ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 539, 128; Sächsisches Hauptstaatsarchiv, Dresden, Geheimes Kabinett, loc. 3644/4 и loc. 3645/6; ННStA, Polen II, 14, Л. 1–196; AGAD. ZbAV. 52; ВСz. 1685. Л. 74–75; ВОss. 303. Л. 14–17; ЦДІАУК, Ф. 49, Оп. 1, 1521, Л. 59; Львівська Наукова Бібліотека НАН України ім. В. Стефаника (ЛНБ). Ф. 5. 6707. Л. 169.
- ⁴⁸ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 539; ЛНБ. Ф. 5. 6707. Л. 169–170; СИРИО, Т. 111. С. 112–113, 143–144; Korespondencja Józefa Andrzeja Załuskiego.... С. 296–297, 310, 314; Ciesielski T. Agresja rosyjska na Polskę... С. 124.
- ⁴⁹ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 539, 540; Perlakowski A. Nad granicą... С. 126.
- ⁵⁰ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 539; Lisek A. Rola Kamieńca Podolskiego dla obozu stanisławowskiego w województwie podolskim w latach 1733–1736 // «Rocznik Przemyski». Т. XLI: 2005, з. 4: Historia. С. 24.
- ⁵¹ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 539, 540; Perlakowski A. Nad granicą.... С. 127; Lisek A. Rola Kamieńca Podolskiego.... С. 24–25.
- ⁵² ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 539; СИРИО. Т. 111. С. 195–196. Lisek A. Rola Kamieńca Podolskiego.... С. 25–26; Ciesielski T. Agresja rosyjska.... С. 124–125; Цягельскі Т. Баявыя дзеянні на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага падчас вайны за польскую спадчыну ў 1733–1735 гг. // «АРСНЕ», 6 (117), чэрвень 2012: Вайсковая гісторыя Вялікага Княства Літоўскага, С. 368–369.
- ⁵³ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 539, 540.
- ⁵⁴ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 539, 540, 542.
- ⁵⁵ Ciesielski T. Irlandczyk... С. 244.

⁵⁶ АВПРИ. Ф. 80. 266 (Л. 305); РНБ. Ф. 971. Оп. 2. АД, 152, Л. 257–258 об. О русском вспомогательном корпусе для австрийского императора: ННStA. Polen II. 14. Л. 453–455; СИРИО. Т. 111. S. 73–74, 262, 263, 385; АВПРИ. Ф. 80, 225, 264; Бутурлин Д.П. Военная история походов... С. 105.

⁵⁷ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 540. 27, 58–61, 189; ННStA. Polen II. 15. Л. 798, 827 об; Korespondencja Józefa Andrzeja Załuskiego... С. 517.

⁵⁸ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 540. 103.

⁵⁹ Бутурлин Д.П. Военная история походов... С. 84.

О.К. Цехановская (Санкт-Петербург)

КОРАБЕЛЬНЫЙ ДЕКОР ГЕРМАНСКИХ И РОССИЙСКИХ КОРАБЛЕЙ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В КОНЦЕ XIX – начале XX века развитие стального кораблестроения привело к существенным изменениям формы и конструкции кораблей. Теперь сложные скульптурные композиции, размещенные на носовой части корабля, утратили свою актуальность. В ряде случаев на форштевнях броненосцев устанавливались тараны и, по техническим соображениям, установка скульптур была нецелесообразна. Декор потерял свое значение и постепенно преобразовался в орнамент, который изначально существовал в убранстве. В зависимости от эпохи он то увеличивал свое присутствие на поверхностях судна, то почти исчезал, оставаясь только в виде небольших узоров на форштевне и корме. Орнамент обращен прежде всего к нашей интуиции, к подсознательному ощущению выразительности ритма, цвета, формы и почти не затрагивает интеллектуальные области сознания. Поэтому он является популярнейшим искусством, всем доступным и понятным без особых толкований. Переходя с предмета на предмет, из одного материала на другой, узор остается устойчив, сохраняя ту же логику орнаментальной формы. Не без оснований считают именно орнамент одним из наиболее четких воплощений художественного стиля времени – «почерком эпохи». «Типичные орнаментальные мотивы рококо, ампира или модерна одинаково демонстрируют принципы стиля, появляясь на мебели и ордере, в решетках балконов и на обоях» [3; с.14]. На кораблях орнаменты подчинялись тому же принципу. Так, по орнаменту из цветочных гирлянд, путо, ракушек, рыб и наяд можно определить, что декор создавался во времена барокко. В эпоху классицизма в мотивах орнамента появились строгая симметрия, военная символика древнеримских

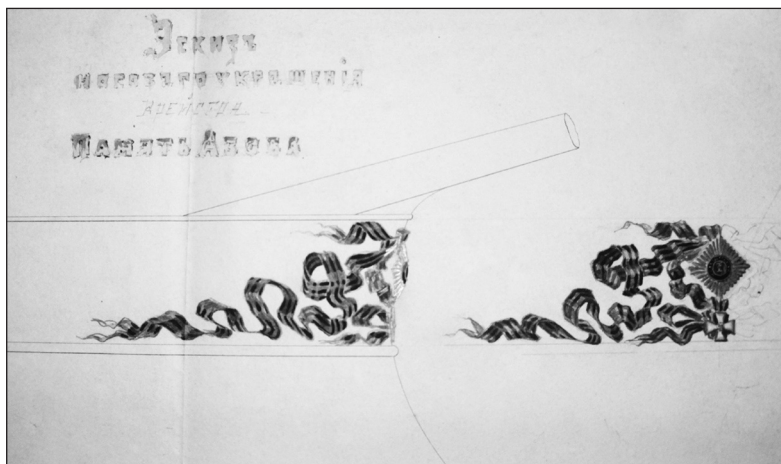
и древнегреческих ликторских фасций, щитов, скрещенных знамен, шлемов, мечей и топориков. С середины XIX в. пластическое убранство судов вышло на новый виток своего развития. Наступила эпоха эклектики – искусства, обращенного в прошлое, примеряющего на себя ушедшие в века стили и направления. Новая культура попыталась сделать своими все богатства, накопленные мировой историей искусства. Декоративные формы становились все многообразнее и сложнее. Мотивы узора заимствовались из античности, готики, Ренессанса, барокко и древнерусского искусства. «Но ритмы его все равно отвечали мироощущению и вкусу тех людей, которые с таким восхищением набрасывались на все эти вдруг открывавшиеся им орнаментальные богатства ушедших культур», – писал историк искусства Ю. Герчук [3; с.187].

Рубеж XIX и XX вв. искусствоведами принято называть «эпохой модерна». Он просуществовал недолго, около тридцати лет, и пришел в Россию позже, чем в Европу. Объединяющим признаком модерна служила стилизация. Через нее преломлялись изобразительные мотивы и черты исторических стилей. Декоративная стилизация являлась ключом к решению проблемы синтеза искусств – одной из центральных проблем модерна. Изначальная тяга к ясной рациональности и четкой геометризации отчетливее проявилась на зрелой стадии стиля. Именно модерну принадлежал приоритет в активном осмыслении формообразующей роли и эстетических возможностей новых металлических конструкций. В конце XIX – начале XX в. архитектура кораблей приобретала прямоугольные формы: четкие горизонтальные и вертикальные линии. В разработке корабельного декора для стальных судов новой геометрии шел процесс поиска более лаконичного и экономичного убранства.

В 1880-х гг. Морское министерство окончательно отказывается от носовых скульптур и на кораблях остаются только орнаменты и геральдические двуглавые орлы. К сожалению, время не сохранило нам подлинного декора этого периода. Только по моделям и фотографиям можно судить о том многообразии узоров, которые украшали корабли конца XIX столетия. Остается открытым вопрос, кто разрабатывал эти орнаменты. Для некоторых судов как внутренним, так и внешним декором занимались известные архитекторы, такие как Н.В. Набоков, И.А. Монигетти, Н.Д. Прокофьев. Академик архитектуры Н.Д. Прокофьев выполнял заказы для императорских яхт «Полярная звезда», «Александрия», для крейсера «Алмаз» и эскадренного

броненосца «Император Александр III». Эскизы для носового украшения крейсера «Память Азова» выполняли художник Морского ведомства А.П. Боголюбов (1824–1896) и инженер-кораблестроитель К.П. Боклевский (1862–1928). Носовое украшение было выполнено по проекту К.П. Боклевского, в его эскизе Георгиевская лента причудливо располагалась на носовой части корабля. В этом орнаменте проявилось стилистическое качество модерна, выразившееся в напряженности, ритмической экспрессии узора из ленты (рис. 1).

Рис. 1. Боклевский К.П. Эскиз проекта носового украшения крейсера «Память Азова». 1887. ЦВММ

Отголоском эпохи классицизма можно считать узор броненосца «Синоп», спущенного на воду в 1887 г. (рис. 2). Некоторую переключку мотивов можно увидеть в орнаменте с кораблем «Смоленск» (1830). Однако мотивы знамен и растительный узор в каждом случае несут отпечаток своего времени. На «Смоленске» классицистический орнамент, с четким заданным ритмом и определенной последовательностью, занимал на корме и носовой части значительное место. На броненосце декору была отведена незначительная

Рис. 2. Абашвили З.Г. Модель носового украшения броненосного корабля «Синоп». Фрагмент. ЦВММ

часть поверхности. На небольшом пространстве на скулах развевались знамена, и прихотливые линии лавровых ветвей уже отвечали новой стилистике искусства. «Синоп» участвовал в Первой мировой войне. Входил в состав Черноморского флота и нес сторожевую службу у Севастопольской бухты, с ноября 1916 г. использовался в качестве штабного корабля отряда судов на Дунае. Однако, по всей видимости после ремонта в 1906 г., он утратил свой декор, на носовой части осталось только изображение двуглавого орла.

Широкое распространение в корабельном декоре получил флоральный мотив. Это направление проявилось на фасадах домов в раннем петербургском модерне и было подхвачено прикладным искусством. Изыскан и красив узор крейсера «Алмаз» (архитектор Н.Д. Прокофьев). Кривая линия прихотливо изгибалась и, как живой, трепетный поток, убегала с кормы на борта корабля. Она захватывала иллюминаторы, которые естественно вплетались в рисунок узора (рис. 3).

В носовой части изящные стебли растений и цветов затейливо переплетались и являлись как бы продолжением крыльев орла. В 1911 г. крейсер вошел в состав Черноморского флота. Принимал участие в Первой мировой войне. Использовался в качестве носителя гидросамолетов. Пожалуй, это

Рис. 3. Модель крейсера II ранга «Алмаз» (1903). Фрагмент. 1912. ЦВММ

единственный корабль, сохранивший свой декор на всем сроке своей службы, т. е. до 1924 г., когда он был исключен из состава флота.

Деликатно и нарядно смотрелся на белой поверхности крейсера «Варяг» золотой орнамент из стилизованных листьев и цветов (рис. 4). История корабля хорошо известна и широко освещена в печатных изданиях, поэтому отмечу только то, что, находясь в составе японского флота под именем «Соя», корабль уже не имел того декора,

Рис. 4. Абашвили З.Г. Модель носового украшения крейсера «Варяг». 2005. ЦВММ

треугольного декора спускался либо к воде, либо поднимался к палубе.

Приемы нового стиля получили массовое распространение. Увлечение ими превратилось в модное поветрие. Глубоким творческим исканиям сопутствовало поверхностное тиражирование новоизобретенных форм. Трактовка оригинальных мотивов зачастую приобретала оттенок китча. Таковы орнаменты на броненосцах «Адмирал-генерал Апраксин», «Адмирал Ушаков», «Ретвизан». Несколько грубоватым и аляповатым смотрится орнамент на броненосном крейсере «Рюрик». От центральной части – герба – хаотично расходились ветки с листьями, цветами и виноградными лозами, линии которых нельзя назвать утонченными и совершенными.

Российский флот после поражения в Русско-японской войне (1904–1905) упал с третьего места в мире на шестое. В 1909 г. новые линкоры, крейсера и эсминцы были заказаны для Балтийского флота. Ухудшение отношений с Османской империей повлияло на строительство и усиление Черноморского флота новыми линкорами типа «Императрица Мария».

Но на этих кораблях корабельный декор даже в виде орнамента уже отсутствовал, на корме и на носу располагались исключительно геральдические двуглавые орлы.

Так завершилась история скульптурно-декоративного убранства русских кораблей, длившаяся более чем два столетия.

Германский военный флот появился только после образования в 1871 г. Германской империи, объединявшей 22 монархии, 3 вольных

что прежде. В 1916 г. корабль, выкупленный у японского правительства, был переведен в состав флотилии Северного Ледовитого океана. На корме и на носовой части располагался геральдический орел. В 1917 г. крейсер отправили на ремонт в Англию.

Вышеперечисленные орнаменты придерживались треугольной формы, что соответствовало архитектуре корабля. Центр узора, самая широкая часть, находилась на форштевне. Острый же угол

города и землю Эльзас-Лотарингия. С этого времени начался быстрый рост экономики, промышленности и науки. До этого периода не многие германские государства могли построить военный корабль, тем более содержать военный флот. Одним из первых построенных кораблей стал броненосный фрегат «Пройссен» (1873), в декоре которого сохранились отголоски эпохи эклектики [4]. Эти черты проявились в оформлении кормовой части судна и обращены к средневековому германскому эпосу. Пластическое убранство кормы представляет собой изображение тритонов, дующих в раковины и поддерживающих щит, на котором размещен бюст девы-Валькирии с распущенными волосами и шлемом на голове. Ветки с листьями и цветами веером расходятся из колец рыбьего хвоста морских существ. Фрегат имел таран, и декор в носовой части располагался под ним по бокам. По гравюру трудно разобрать, что конкретно изображено на них, просматриваются лишь отдельные детали: горящие факелы, листья дуба, корона с лентами, которые символизируют мощь и славу Прусского государства.

Кораблестроение в Германии в это время еще не являлось приоритетной отраслью, и лишь с приходом к власти императора Вильгельма II в 1882 г. началось создание флота, способного вести наступательные действия. В 1892 г. капитан Альфред фон Тирпиц разработал план, по которому Германия к 1914 г. становится второй морской державой в мире.

В европейском искусстве в этот период господствовал стиль модерн или, как его называли в Германии – югендстиль. Орнаменты, создаваемые в этой стилистике, появились и на судах германского флота.

В альбомах «Unser Kriegsflotte» (рис. 5), «Deutschlands flotte» (рис. 6) запечатлены современные на тот период броненосцы, чьи носовые и кормовые части украшали орнаменты, гербы и германская императорская корона с вензелем Вильгельма II.

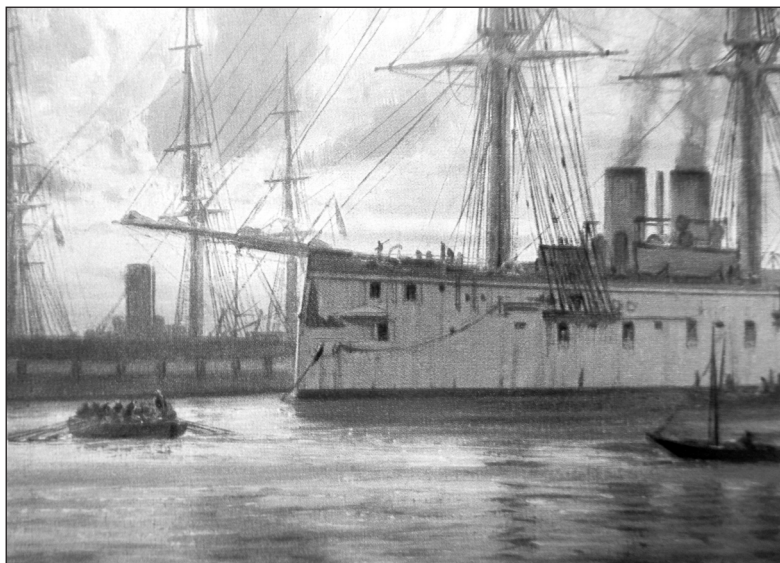
Однако даже по немногим гравюрам, литографиям и фотографиям того времени можно сказать, что узоры носили в основном флореальный мотив, причудливо изогнутые линии которого все же не выходили за строго отведенные рамки треугольника (рис. 7). Хотя встречаются и другие варианты (рис. 8). Практически на всех надводных кораблях того времени кормовым украшением становится изображение германской императорской короны с вензелем Вильгельма II. Даже во время Первой мировой войны на

Рис. 5. Альбом «Unser Kriegsflotte» («Наш военный флот»). 1895 г., Германия, ЦВММ

Рис. 6. Альбом «Deutschlands flotte» («Германский флот»). 1934 г., Германия, ЦВММ

Рис. 7. Кирхер, Александр. 1889: Blockade von Afrika (Блокада Африки). Иллюстрация из альбома «Deutschlands flotte». Фрагмент. ЦВММ

Рис. 8. Модель германского легкого крейсера «Кольберг» (SMS KOLBERG) (1908). Фрагмент. ЦВММ

кораблях, построенных в первое десятилетие XX в., декор присутствовал в виде геральдического орла и орнамента.

Однако в дальнейшем, начиная со второй половины второго десятилетия XX столетия, узор также исчезает с поверхностей судов.

Короткий век германского корабельного декора не дал возможности в полной мере проявиться художникам и скульпторам в области декоративно-прикладного искусства.

-
1. Альбом «Unser Kriegsflotte» («Наш военный флот»). 1895 г., Германия, ЦВММ.
  2. Альбом «Deutschlands flotte» («Германский флот»). 1934 г., Германия, ЦВММ.
  3. Герчук Ю.Я. Что такое орнамент? Структура и смысл орнаментального образа. М.: Галарт, 1998.
  4. Первые броненосцы Германии / http://keu-ocr.narod.ru/Germ_first_BBs.

И.П. Цуканов (Курск)

О РОЛИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ В 1940–1970-Е ГОДЫ В ИЗУЧЕНИИ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ТРАДИЦИОННО на протяжении десятилетий одной из форм поисковой и исследовательской деятельности в Курской области являлось изучение событий Великой Отечественной войны, истории и боевого пути воинских частей и соединений, оборонявших и освобождавших ее территорию или принимавших участие в Курской битве. Большую группу общественных музеев области составляли военно-исторические музеи и комнаты боевой славы. Многие из них создавались благодаря активности ветеранов войны.

В первые месяцы после освобождения Курской области в 1943 г. развернулась героико-патриотическая и краеведческая работа. Школьники вели сбор экспонатов для государственных и школьных музеев, на местах недавних боев собирали сведения о советских воинах, погибших при освобождении городов и сел, о героизме выпускников родных школ в период боев за Родину и на трудовом фронте.

Школьники Поньровского, Прохоровского районов оказали помощь сотрудникам Курского областного краеведческого музея, выезжавшим в экспедиции для сбора личных вещей погибших бойцов и командиров, образцов оружия, осколков снарядов и мин. Так, с помощью старшекласников Поньровского района музейная экспозиция пополнилась противотанковым орудием, из которого 8 июля 1943 г. на Тепловских высотах Н.С. Гаврилов подбил немецкий танк «Тигр». Летом 1944 г. в областном краеведческом музее работали выставки «Курск в период немецкой оккупации» и «Героическая борьба курских партизан в тылу врага», которые посетили сотни учащихся курских школ¹. В школе № 4 г. Курска были оформлены первые материалы о жизни и подвиге выпускника школы Героя Советского Союза

Н.Г. Пигорева (1925–1944), установлена постоянная связь с семьей героя. В школах Горшеченского и Дмитриевского районов были подготовлены рукописные журналы, на страницах которых школьники рассказывали о событиях военного времени, партизанском движении и участии в нем молодежи, в том числе старшекласников местных школ. Учащиеся Дмитриевской школы выпустили рукописный сборник «Пережитое», в нем были разделы «Суровые дни», «Эвакуация», «Враг пришел», «Народные мстители», «Уничтожение немецкого гарнизона», «Вести с большой земли», «Партизанка Вера Терещенко», «Последние дни немецкой оккупации», «Освобождение», «Снова в родной школе». Во многих школах были созданы историко-краеведческие кружки².

В 1945 г. научными сотрудниками Курского областного краеведческого музея были разработаны инструкции для сбора предметов, которые были розданы не только музейным работникам, но и во многие школы и учреждения культуры³.

Особое место в краеведческой работе и создании школьных военно-исторических музеев в стране принадлежало четырем Всесоюзным экспедициям пионеров и школьников, организованным в 1956–1964 гг. Центральной детской экскурсионно-туристической станцией (ЦДЭТС) Министерства просвещения РСФСР и редакцией газеты «Пионерская правда». Участвуя в этих экспедициях, тысячи пионерских отрядов помогли восстановить героическое прошлое нашей страны.

По условиям положений об экспедициях ее участники должны были выбрать для исследования краеведческую тему в форме задания от своей школы или от местных органов власти, предприятий, колхозов, музеев, архивов, научно-исследовательских институтов и т. д. В заданиях больше всего уделялось внимания революционной борьбе, Гражданской и Великой Отечественной войнам, строительству социализма в СССР.

Особенностью 1-й Всесоюзной экспедиции пионеров и школьников 1956–1957 гг. было то, что появились призывы к созданию школьных краеведческих уголков, кабинетов, музеев. Основной темой 3-й Всесоюзной экспедиции 1960–1962 гг. было «Создание летописи пионерской организации и краеведческих музеев в школах, детских домах, школах-интернатах, домах пионеров»⁴. Тем самым обеспечивалась сохранность собранных материалов и их использование в школьном учебном процессе. Таким образом, во второй

половине 1950-х гг. начался массовый рост сети школьных музеев.

Курским школьникам задания доводились и от центральных музеев. Например, Центральный музей Советской армии дал задания по сбору материалов по истории Великой Отечественной войны:

« – выявить Героев и дважды Героев Советского Союза, проживающих в настоящее время в Курской области. Собрать у них материалы;

– выявить участников Курской битвы, проживающих в настоящее время в Курской области. Собрать у них материалы;

– собрать сведения и материалы о партизанских отрядах и соединениях, действовавших в годы Великой Отечественной войны на территории Курской области;

– обследовать на территории Курской области ряд памятных мест, связанных с наиболее важными событиями Великой Отечественной войны и др.»⁵.

В начале 1960-х гг. далеко за пределами Курской области славились своей поисковой работой школа № 12 г. Курска. Здесь краеведением занимался не отдельный кружок, а все учащиеся. Руководил этой работой ветеран войны, учитель физики Вениамин Ефимович Шуль (1918–1982). По заданию Центрального музея Всесоюзной пионерской организации в январе–мае 1962 г. следопыты школы провели большую поисковую работу в Михайловском, Дмитриевском и Кореневском районах по сбору материалов о пионерах-героях, расстрелянных фашистами за помощь партизанам во время Великой Отечественной войны.

Учащиеся школы № 12 собрали материал о двадцати двух пионерах, участниках партизанского движения, погибших в борьбе с немецкими оккупантами. По представлениям школьников многие из них были награждены орденами и медалями. Собранные материалы были отправлены в Москву и получили высокую оценку⁶. В этой школе восстановили историю многих подвигов, совершенных на курской земле, выявили имена погибших воинов. В 1965 г. в ней был открыт музей боевой славы⁷.

Гражданским подвигом участницы Великой Отечественной войны Клары Александровны Рябовой (1915–1990), которую ветераны и дети войны называли «мама Клара», стало создание в 1963 г. в микрорайоне КЗТЗ г. Курска клуба «Алые паруса», а 23 февраля 1977 г. – уникального межшкольного музея «Юные защитники Родины». Приоритетным направлением в деятельности музея стало

военно-патриотическое воспитание молодежи на примерах героических судеб юных защитников Отечества. Активно использовались такие формы работы, как литературные и поэтические вечера, экскурсии, лекции, читательские конференции, дискуссии по книгам и фильмам о юных участниках войны. В 1991 г. музей «Юные защитники Родины» получил статус государственного и стал филиалом Курского областного краеведческого музея⁸.

5 августа 1963 г. во время празднования 20-летия победы на Курской дуге ветеранами Центрального фронта была высказана идея создать в Поньровской школе музей боевой славы. Идею поддержали Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский и писатель С.С. Смирнов.

Силами учителей и учащихся школы, а также комсомольцев и молодежи района было собрано более 2000 экспонатов, выявлены имена свыше 300 ранее не известных воинов, погибших в боях. Музей открыли 5 августа 1964 г. За следующий год его посетило 12 000 человек, в том числе мать Героя Советского Союза Григория Кагамлыка, погибшего на поньровской земле. Директор школы Иван Васильевич Бобынцев (1924–1983), ветеран войны, один из организаторов музея, неоднократно делился опытом военно-патриотического воспитания учащихся на Пленуме ЦК ВЛКСМ и на ряде Всероссийских научно-практических конференций⁹.

В одном из отзывов о посещении музея писалось: «Мы, воины курского гарнизона в количестве 150 человек, посетили музей Поньровской школы. Мы видели, с какой любовью коллектив школы, комсомольская организация собрали и оформили экспонаты музея, которые говорят о боевой славе наших отцов и старших братьев. Воины курского гарнизона, участники боев на Курской дуге от всего сердца благодарят вас за создание музея»¹⁰. В 1974 г. этот музей стал государственным, и теперь он известен во всем мире.

В Курской области с середины 1960-х гг. целенаправленной собирательской работе общественных музеев боевой славы способствовали задания Военно-исторического музея Курской битвы (г. Курск, Дом офицеров) по изучению боевого пути частей и соединений, участвовавших в этой битве (материалы и документы поисковой работы использовались для создания экспозиций музеев организаций и школ и пополнения фондов самого Военно-исторического музея)¹¹. Эти задания исключали дублирование сбора материалов по одной теме разными организациями и учебными заведениями.

17 ноября 1965 г. школа № 43 г. Курска получила задание от музея Курской битвы собрать материалы о 8-й дивизии НКВД – 52-й гвардейской стрелковой дивизии, воевавшей в Курской области в 1942–1943 гг. Создала клуб «Факел» и возглавила поисковую работу учитель истории Клавдия Никитична Попова (1918–1976). 19 мая 1967 г. в школе открыли музей боевой славы дивизии, был проведен ряд встреч ветеранов, около школы установили памятник воинам дивизии. Собранные материалы были использованы при написании книги Г. Пантюхова «Люди одной дивизии». В 1983 г. в школе был открыт второй музей 175-го штурмового авиаполка. Клуб «Факел» и музей существуют в школе № 43 до сих пор (сейчас их возглавляет Заслуженный учитель России Татьяна Николаевна Соколова)¹².

22 декабря 1965 г. пионерская дружина детского дома № 2 (позже преобразованного в школу-интернат № 1) г. Курска получила задание музея Курской битвы по изучению боевого пути 121-й стрелковой дивизии¹³. Следопытами военно-патриотического клуба «Красная гвоздика», который возглавил Тарас Григорьевич Шевченко, были написаны тысячи писем, оформлены десятки альбомов о походах, о героях. Уникальные документы и личные вещи ветеранов позволили в 1979 г. открыть в школе музей 121-й дивизии. Благодаря усилиям, кропотливой настойчивости Т.Г. Шевченко музей стал центром военно-патриотического воспитания. Он умело, по-отечески, с любовью смог организовать большой круг обездоленных ребяташек. Был настоящим вожатым и не стыдился этого, проработав много лет на этой должности. Ребята с ним проехали, прошли полстраны.

Клуб «Красная гвоздика» неоднократно награждался грамотами, дипломами, юбилейными медалями, был победителем во Всероссийских слетах следопытов, смотрах поисковой, военно-патриотической работы. За 48 лет в клубе выросли и ушли патриотами из школы в самостоятельную жизнь сотни ребят¹⁴.

В 1968 году следопыты завода «Счетмаш» получили задание от музея Курской битвы собрать материалы о боевом пути 129-й отдельной танковой бригады¹⁵, в 1969 г. поисковый клуб «Искатель» трикотажного комбината – по 286-й истребительной авиационной дивизии¹⁶, в 1970 г. комсомольцы завода «Прибор» и школы № 40 – по 132-й стрелковой дивизии¹⁷, в 1972 г. поисковый клуб «Факел» комбината химического волокна – по 16-й Литовско-Клайпедской Краснознаменной стрелковой дивизии¹⁸.

По нашему мнению, наиболее планомерно и качественно поисково-краеведческая работа по изучению боевого пути 132-й стрелковой дивизии проводилась в комсомольской организации завода «Прибор». При комитете ВЛКСМ был создан штаб «Поиск», в первичных комсомольских организациях – поисковые группы. Каждая комсомольская организация цеха и отдела имела свое задание по исследованию истории отдельных подразделений дивизии¹⁹.

Завязалась постоянная переписка с ветеранами, все больше узнавали комсомольцы и рабочие объединения о ратных подвигах воинов дивизии. По договоренности с Советом ветеранов комсомольцы объединения посетили слеты ветеранов дивизии, проходившие в Москве, Кромах, Ливнах. Эти встречи давали очень многое. В альбомах появились новые имена, адреса, уточнялись места боев. На завод стали поступать письма от родных и близких погибших с просьбой разыскать места, где похоронены воины дивизии.

В 1976 г. комитетом комсомола была учреждена Памятная книга к Переходящему Красному знамени ветеранов 132-й Бахмачско-Варшавской дважды Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии (в ГАОПИ КО имеются две Памятные книги²⁰), в которую вносились отчеты о работе заводского штаба похода Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, материалы слетов, газет, сценарии праздников, итоги соревнования между комсомольскими организациями и комсомольско-молодежными коллективами (КМК).

В подшефной школе № 40 комсомольцами завода «Прибор» был создан музей 132-й СД. Комитет ВЛКСМ завода неоднократно за поисковую работу награждался дипломами ЦК ВЛКСМ, Центрального штаба Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы КПСС и советского народа²¹.

Система заданий для участников поисковых экспедиций имела свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, обращение к следопытам различных научных и общественных организаций, государственных органов поднимало значение молодежного краеведения до участия в реализации функций государства в различных областях народного хозяйства, науки, культуры, образования. Формировалась концепция общественно-полезной значимости краеведения. С другой стороны, система заданий как бы предопределяла размеры того краеведческого поля, в котором работало общественное краеведение, что ограничивало выбор тематики изысканий. Так,

в отношении Великой Отечественной войны поощрялось изучение героических подвигов ее участников, под запретом оказались темы, связанные с отступлением Красной армии, неудавшимися операциями, изучением мест массовой гибели советских солдат, судеб военнопленных и пропавших без вести, примеров коллаборационизма и т. п.

Большим недостатком в деятельности общественных военно-исторических музеев был бессистемный сбор памятников истории и культуры. В музеи приносилось все, что хоть сколько-нибудь представлялось интересным. Эти памятники не определялись и не описывались, даже элементарный учет их осуществлялся лишь в редких музеях. В результате экспозиции этих музеев подчас напоминали выставки различных, часто случайных вещей и документов. Кроме того, в собрания музеев попадали такие памятники истории, которым не мог быть обеспечен необходимый режим хранения и использования: холодное и огнестрельное оружие, большое количество орденов и медалей.

Постановлением Совета Министров РСФСР № 77 от 11.02.1983 г. «О мерах по дальнейшему улучшению работы в музеях РСФСР» было поручено органам культуры упорядочить учетно-хранительскую деятельность музеев, работающих на общественных началах, и поставить коллекции данных музеев на учет в государственных музеях. Работники государственных музеев не только провели проверку, но и оказали методическую помощь по научному описанию фондов, что улучшило качество работы общественных музеев.

Управлением культуры Курского облисполкома в 1985 г. был определен список из 34 музеев образовательных учреждений области (в том числе 25 музеев боевой славы), экспонаты которых подлежали обязательному государственному учету. Это были музеи: «Юные защитники Родины» (ДК КЗТЗ), Героев Советского Союза В.М. Бочарова и Е.И. Зеленко (школа № 10), К.Ф. Ольшанского (школа № 39), Комсомольской славы (школа № 4), Фронтовых корреспондентов (СПТУ № 1), 52, 132, 140, 280, 307-й стрелковых дивизий (школы № 43, 40, 12, 42, 20), 19-го танкового корпуса (школа № 36), 16-й Воздушной армии (школы № 33 и 43) г. Курска, 65-й армии и Центрального фронта (школы № 7 и 9 г. Железногорска), музеи боевой и трудовой славы школ Молотычевской Фатежского района, Любимовской Большесолдатского района, Игишевской и школы-интерната № 6 Поныровского района, № 2 г. Щигры, СПТУ

№ 5 г. Курска, СПТУ № 17 п. Тим, музеи партизанки Веры Терещенко Первоавгустовской школы-интерната Дмитриевского района и «Молодая гвардия» Львовского дома пионеров²².

На 1.01.1986 г. в Курской области общее количество общественных музеев составило 158. Из них: исторических (комплексных краеведческих, исторических, историко-мемориальных, революционной, боевой, трудовой, пионерской и комсомольской славы) – 149 (94,3 %) ²³.

Работа общественных музеев боевой славы, несмотря на присущий деятельности всех общественных структур в эпоху «застоя» формализм, играла, по нашему убеждению, существенную роль в местной культурной ситуации: большие массы людей становились активными участниками самой творческой музейной деятельности, способствовали восполнению пробела в комплексе знаний молодежи об истории Великой Отечественной войны, способствовали формированию исторического сознания.

¹ Коровин В.В., Манжосов А.Н., Золотухин А.Ю., Семенихина Т.С. Путеводная звезда памяти. Ч. II. Курск, 2009. С. 93–94.

² Краеведение в школе (из опыта). Курск, 1950. С. 6.

³ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 72. Л. 12.

⁴ Туманов В.Е. Школьный музей – хранитель народной памяти. М., 2006. С. 29.

⁵ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИ КО). Ф. П-131. Оп. 1. Д. 619. Л. 10.

⁶ ГАКО. Ф. Р-4006. Оп. 2. Д. 5045. Л. 104–119; За военную доблесть. Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении партизан и участников подполья по Курской области // Курская правда. 1965. 13, 14 мая.

⁷ ГАКО. Ф. Р-4006. Оп. 2. Д. 5045. Л. 104–119; Д. 5046. Л. 3–4; ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 3. Д. 22. Л. 57–59, 81–89. Музей школы № 12 работает до сих пор.

⁸ См.: Холтобина Л. Региональная практика организации патриотического воспитания молодежи в России: 1960–2005 гг. (На примере деятельности музеев юных защитников Родины). Курск, 2006. 368 с.

⁹ ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 3. Д. 22. Л. 68–80; Д. 32. Л. 23

¹⁰ Цит. по: ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 5. Д. 77. Л. 95.

¹¹ См.: ГАКО. Ф. Р-1057. Оп. 1. Д. 32. Л. 30.

¹² См. подробнее: ГАКО. Ф. Р-366. Оп. 2. Д. 130. Л. 1–3; Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 530. Л. 18; Ф. Р-4006. Оп. 3. Д. 1697. Л. 36–40; ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 4. Д. 59. Л. 32; Пантюхов Г. Люди одной дивизии. Боевой путь 52-й гв. стр. дивизии. М., 1977. 205 с. и др.

¹³ Письмо Курского гарнизонного Дома офицеров от 22.12.1965 г. № 222 // Архив клуба «Красная гвоздика» школы-интерната № 1.

¹⁴ См.: ГАКО. Ф. Р-366. Оп. 2. Д. 256. Л. 46–48; ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 4. Д. 99. Л. 3, 7 и др.

¹⁵ ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 4. Д. 59. Л. 32.

¹⁶ Там же. Ф. П-508. Оп. 1. Д. 211. Л. 35–36.

¹⁷ Там же. Ф. П-511. Оп. 1. Д. 81. Л. 14.

¹⁸ Там же. Ф. П-285. Оп. 1. Д. 142. Л. 17.

¹⁹ Там же. Ф. П-511. Оп. 1. Д. 81. Л. 14–15.

²⁰ Там же. Д. 60, 123.

²¹ Там же. Ф. П-131. Оп. 14. Д. 32. Л. 19; Д. 33. Л. 49.

²² См.: ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 1287. Л. 97–98, 100.

²³ Там же. Д. 1359. Л. 2; Д. 1360. Л. 193;

А.А. Черноусов (Санкт-Петербург)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМАНДОВАНИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ В 1832–1851 ГОДАХ

ВНАЧАЛЕ 30-х гг. XIX в., под конец руководства Черноморским флотом адмирала А.С. Грейга, боевая подготовка была практически свернута. Современники свидетельствовали, что две трети его состава 8 месяцев в году оказывались ничем не занятыми. В апреле флот вооружался, в мае проводился инспекторский смотр, с мая по август происходили редкие выходы в море, в августе флот разоружался и до следующего апреля практически переставал заниматься какой-либо деятельностью. В это время матросы нанимались на сезонные работы, а офицеры занимались охотой и садоводством. Грейг, не зная, чем занять порядка 10 тысяч свободных рук и желая отвратить личный состав от пьянства, с высочайшего разрешения начал бесплатно раздавать землю под Севастополем для садоводства¹. Все это в итоге привело к моральному разложению флота, падению воинской дисциплины и профессионализма. Так, в 1833 г. российский посланник Муравьев, следующий на фрегате «Штандарт» в Каир, даже не будучи моряком, дал очень негативную оценку фрегату, а также знаниям и умениям командира Щербачева, а ведь этот корабль считался одним из самых ходовых². С приходом к руководству Черноморским флотом адмирала М.П. Лазарева во главу угла была поставлена боевая подготовка. Современники так вспоминали этот период: «Службой считалось только то, что вело прямо к цели – пребывание в море, или, как выражались, в походе»³.

Важнейшим условием боеспособности флота М.П. Лазарев считал образцовую организацию службы на кораблях. Поднимать уровень боевой подготовки на Черноморском флоте он начал с отбывающей в Босфорскую экспедицию эскадры. 30 ноября 1832 г. он издал

первый приказ, в котором требовал от командиров представить ему сведения обо всем необходимом для подготовки кораблей к выходу в море. Затем по эскадре был отдан еще ряд приказов: о введении улучшений и устройстве рангоута и такелажа, об обращении особого внимания на исправность артиллерии на судах, о равномерном распределении по судам старослужащих матросов и более опытных офицеров путем перевода их с одного судна на другое, о расписании офицеров и матросов для каждого маневра судна, о производстве ежедневных артиллерийских учений, о креплении парусов, о производстве артиллерийских учений по вновь составленным правилам, о снабжении судов специальными приспособлениями для заделки изнутри подводных пробоев и др.⁴ Лазарев ежедневно проводил на эскадре учения по обращению с парусами и пушечной экзерциции (строевому и тактическому обучению войск), предписывая всем кораблям каждое утро наблюдать действия корабля «Память Евстафия» и, следуя ему, проводить учения⁵. Большое внимание адмирал уделял артиллерийской подготовке флота. При подготовке эскадры на Босфор в 1833 г. были составлены правила проведения артиллерийских учений «Пушечная экзерциция», которую он затем ввел в действие на Черноморском флоте⁶. Позже эти правила им же дополнялись и пересматривались. Предписав обучать нижние чины по правилам пушечной экзерциции, Лазарев требовал от командиров кораблей: «... довести чинов, им вверенных, до того совершенства в действии орудиями... которым Черноморский флот некогда славился»⁷. Целью боевой подготовки стало детальное изучение морского дела всеми: от командира корабля до матроса. Лазарев требовал, чтобы командиры учили матросов не механически исполнять свои обязанности, а отчетливо представлять смысл и значение своих действий в бою. По воспоминанию современников, «он (Лазарев. – А. Ч.) требовал от подчиненных не занятий между прочим, а посвящения всех сил избранному поприщу»⁸. Под руководством Лазарева были выработаны боевые расписания, внесшие четкий порядок в повседневную жизнь экипажей кораблей и их боевую подготовку⁹. На готовящихся к походу кораблях были введены в действие составленные им еще в 1829 г., когда он был начальником штаба эскадры контр-адмирала Л.П. Гейдена, «Правила приготовления корабля к бою»¹⁰, а также «Инструкция вахтенным лейтенантам»¹¹. Это были первые инструкции по приготовлению к бою и руководство вахтенному офицеру в российском флоте.

Лазаревым также было введено дежурство судов по эскадре. Ежедневно назначалось дежурное судно, которому вменялось в обязанность наблюдение за перемещением приходящих и прибрежных судов и их «опрос»¹². Боевые действия у Кавказского побережья Черного моря адмирал использовал для повышения уровня боевой подготовки флота. Он старался сделать так, чтобы максимальное количество офицеров прошло через эту школу боевой практики. Для Абхазской экспедиции по решению адмирала активно начали строить тендера (одномачтовые парусные суда, имеющие косой грот, топсель и несколько кливеров). Во-первых, эти малые суда были удобны для действий в прибрежных мелководных районах, а во-вторых, Лазарев справедливо считал, что служба на малых судах дает гораздо больше морской практики и опыта. В письме своему другу С. Унковскому 3 декабря 1848 г. он писал: «...на Балтике... через недостатки в познаниях этих все тендера разбивали! А суда эти славные! – для сформирования и офицеров и матросов»¹³. Лазарев считал, что офицер, бывший командиром в лейтенантском чине, никогда не расстанется с морем¹⁴. Ежегодно создавались комиссии, которые экзаменовали мичманов по морским наукам¹⁵. Адмирал постепенно и неуклонно превращал Черноморский флот в хорошо вооруженную, подготовленную и отлично отлаженную боевую машину, несмотря на то, что по всей России в армии и на флоте процветала палочная муштра, и вся подготовка была нацелена не на ведение боевых действий, а на парады. Начальник Главного морского штаба князь Меншиков в своем письме от 16 декабря 1836 г. порицает Лазарева за строевую подготовку: «У вас нет искусника в сем отношении. Не прислать ли экзерцирмейстера?»¹⁶. Лазарев же, наоборот, делал упор на морскую практику. Такое отношение к флоту и службе принесло ему любовь и уважение не только черноморцев, но и моряков других флотов. Из письма капитан-лейтенанта К.И. Истомина Лазареву из Санкт-Петербурга 8 октября 1841 г.: «Наше Черное море здесь в очень большой чести и, жалуюсь весьма справедливо на свою участь, здешние моряки говорят со вздохами о Черном море... Но без преувеличения должен сказать, что здесь корабли и море совершенно побочная вещь; ружье все отсторонило! И занимаются решительно только ружьем и маршировкой. Но кн. Меншиков наряду с моряками об этом соболезнует. Вина не его. Все здесь... преисполнены уважения и любви к особе Вашей...»¹⁷.

В практических плаваниях широко использовались такие формы боевой учебы как учебные бои между эскадрами¹⁸. Постепенно, с вводом в строй новых кораблей, увеличивалось время пребывания кораблей в море. Из отчета по морскому ведомству о практических плаваниях Черноморского флота в кампанию 1840 г. видно, что корабли практической эскадры находились в море 3 недели с целью отработки действий с парусами и пушечной экзерциции¹⁹. Об интенсивности плавания можно судить по переписке Черноморского флота с Балаклавским Георгиевским монастырем о назначении на выходящие в море корабли священнослужителей. За 1840 г. настоятелю монастыря митрополиту Агафангелу поступило 27 заявок о назначении священнослужителей на 45 выходов в море²⁰. Учитывая то, что священнослужители назначались на корабли классом не ниже корвета, а кораблей такого класса в 1840 г. на Черноморском флоте было около 40, а плавания продолжались месяцами, то можно сделать вывод об интенсивности плавания кораблей. Позже, к 1843 г., уже практиковались плавания двух эскадр, отдельных отрядов и кораблей. Увеличилось время нахождения в море до 1–1,5 месяцев²¹. Создавая единую систему боевой подготовки, Лазарев разрабатывал документы, призванные унифицировать организацию службы на всех кораблях флота. Имея громадный опыт службы, часть документов он разрабатывал сам, а остальные поручал разработать тем офицерам, которых считал наиболее грамотными и подготовленными. После представления этими офицерами разработанных документов Лазарев внимательно вычитывал их, вносил свои замечания и корректуры и возвращал их на доработку. Этим он не только достигал высокого качества документов, но и добивался того, что офицеры-разработчики глубоко изучали проблему и проникались службой в том виде, в каком видел ее адмирал.

На основе составленной Лазаревым «Пушечной экзерциции», с учетом английского «Артиллерийского учения», в 1845 г. В.А. Корниловым под руководством Михаила Петровича было создано свое «Артиллерийское учение и всякого рода приспособления для действия артиллерии во время боя, испытанное на корабле «12 апостолов»». Несмотря на то, что очень многое Лазарев заимствовал из английского флота, но делал он все это не слепо, а выбирая лучшее и адаптируя под существующие в российском флоте условия. В частности, он писал Меньшикову об английском «Артиллерийском учении», что в нем *«много лишнего педантизма... необходимо очистить*

оное от всего лишнего, а оставить и исправить оное полезно, – доступное всякому простому рассудку»²².

«Артиллерийским учением» Лазарев занимался практически все время командования флотом. Оно неоднократно корректировалось и дорабатывалось. Последняя корректура при жизни Лазарева была проведена в 1850 г., когда номерные таблицы артиллерийских расписаний (по учению) были откорректированы капитан-лейтенантом Жандром по замечаниям Корнилова²³.

4 марта 1839 г. Лазарев докладывал Меншикову о том, что по его поручению капитаном 2 ранга Путятиным были разработаны корабельные расписания военных судов. При составлении их Путятин брал за основу расписания, введенные Лазаревым на «Крейсере» и «Азове», а также используемые на других судах, и различные английские издания. О составленных Путятиным расписаниях Лазарев сказал, что они *«заслуживают особенное внимание начальства как по важности предмета, так и по пользе, которую могут доставить военной морской службе сии, столь ясно изложенные и по-видимому лучшие правила, какие только в этом роде желать можно»*. Лазарев предложил в качестве опыта ввести их на некоторых судах Черноморского флота и, если опыт окажется положительным, ввести их по всему военно-морскому флоту²⁴. В 1850 г. корабельные расписания были откорректированы капитан-лейтенантом Жандром. В новых расписаниях была *«сохранена превосходная основная мысль прежних – назначать людей по способностям...»²⁵*.

21 июня 1840 г. Лазаревым был представлен начальнику главного морского штаба новый штат *«как настоящего вооружения, так и по запасу для военных судов»*. Разработан он был капитаном 2 ранга В.А. Корниловым по поручению командующего. Работа продолжалась в течение нескольких лет. В результате Корнилов, изучив все известные штаты иностранных флотов, множество литературы по вооружению судов, подвел *«штат под некоторые правила»*, составил новые таблицы, основанные на многих проведенных им опытных испытаниях, начертил оригинальные чертежи, по которым было литографировано и приложено к штату 66 тысяч листов, пополнил штат многими новыми правилами, касающимися мачтового, парусного, флажного и блокового дела. После окончательной корректуры каждый лист представлялся Лазареву на утверждение. Как он потом писал Меншикову, *«штат этот, подробно мной рассмотренный и одобренный, представляется Вашей светлости*

в таком виде, в каком ни одна из морских держав никогда оно не имела»²⁶.

Лазарев лично разрабатывал инструкции, которые считал особо важными. Например, после сильнейшего шторма 30–31 мая 1838 г., когда на туапсинском рейде погибло 5 военных кораблей и 9 купеческих судов, Лазарев разработал инструкцию для командиров кораблей о мерах предосторожности на случай штормовой погоды²⁷. Им были пересмотрены многие документы, касающиеся организации флотской службы. Так, были разработаны единые образцы деловых книг для кораблей разных рангов. Они были распечатаны в Черноморском гидрографическом депо и выданы на корабли²⁸.

В 1845 г. Николай I посетил Севастополь. Состояние флота поразило его. Лазарев так писал об этом: *«Я рад был случаю; тут в первый раз он (Николай I. – А.Ч.) увидел, что значит в настоящем смысле: марсовые, артиллеристы и abordажные и, наконец, что значит хорошее боевое расписание... там (на Балтике. – А.Ч.) мало учат людей настоящему своему морскому делу, оттого и команды теперь стали там дрянные, а суда, кажется, еще того хуже»²⁹. Похвалам императора не было меры: «Он говорил, что во всем нашел совершенство...»³⁰.*

Основа системы обучения Лазарева состояла в развитии состязательности как между отдельными людьми, так и кораблями и соединениями. По воспоминанию адмирала Зорина, *«суда щеголяли безупречной чистотой вооружения, распорядителями малейшего движения на каждом судне являлись истинные знатоки морского искусства. Каждый из них обладал неумолимым критическим взглядом, каждый чувствовал на себе пылливо устремленный взгляд учителя. Это был как бы оркестр, составленный исключительно из виртуозов; среди подобного оркестра обратить на себя внимание было достойно цели жизни, зависящей от одобрения Михаила Петровича»³¹. Внушенный Лазаревым дух состязательности отодвигал на второй план традиционную систему наказаний. Мотивом для деятельности являлся не страх, а честолюбие. По воспоминаниям современника, *«невытянутая снасть, неправильно поставленный парус, малейшее отступление от гармонии в оснастке, даже малейшая нечистота составляли служебное преступление, затрагивающее честь провинившихся»³².**

В этом отношении интересен следующий случай. В.А. Корнилов, имея большую семью, постоянно испытывал серьезные денежные

затруднения. Будучи командиром линейного корабля «Двенадцать апостолов», он в 1845 г. совершал переход из Николаева в Севастополь. Но свою жену, которая тоже отправлялась в Севастополь, на корабль не взял, а просил Лазарева, для избежания расходов, перевезти ее в Севастополь на пароходе, мотивируя отказ взять ее с собой тем, что *«во-первых, это нарушит порядок учений, который я назначил к наблюдению, а во-вторых, заставит меня изменить моим служебным правилам!»*³³.

Несмотря на какие-либо чрезвычайные ситуации, при оценке действий подчиненных Лазарев исходил из их подготовки, правильности и решительности действий. Так, в 1838 г. во время сильнейшего шторма на Кавказе погибло 8 судов со значительной потерей людей. И.А. Шестаков вспоминал: *«В этом повальном крушении было много эпизодов хладнокровного мужества, выставленных адмиралом Лазаревым столь живо и верно. Но не все разбивались с одинаковым искусством, хотя причина крушений была та же и ближайшее начальство, всегда справедливое в оценке действий подчиненных, разбирало каждое разбитие по щепочке. Высказавшие знание дела были награждены; остальным, лишившимся судов по несчастным обстоятельствам, не встретилось уже случайности вновь командовать...»*³⁴. Лазарев не прощал безответственного исполнения своих обязанностей и жестко спрашивал с виновных.

Очень сильно затруднял боевую подготовку вал бумаг, идущих из Санкт-Петербурга. Лазарев неоднократно жаловался в письмах своему другу А.А. Шестакову на большой отрыв от службы, связанный с бумагами: *«Бумаг столько, что сижу по 10 и 12 часов в сутки и, так сказать, выбиваюсь из сил; но главное, сетую о том, что проклятые эти бумаги отнимают у меня время везде быть, все самому видеть, что для службы очень вредно... бесполезная переписка все увеличивается, и не знаю, когда придет время, что начнет уменьшаться. Нельзя не признаться, что и здоровье от непривычной сидячей жизни много терпит»*³⁵. И далее: *«...проклятые бумаги не дают свободного времени, и по известной пословице: чем дальше в лес, то более дров! так точно и их прибавляется... А против прежнего толку в отчетности и вообще в делопроизводстве нисколько не более, а еще более запутанности! Лучшее время в жизни мы проводим за бумагами и делаем невольным образом много упущений по неимению свободного времени присмотреть за работами, стоящими больших издержек»*³⁶. Однако, по воспоминанию одного

из соратников М.П. Лазарева, «необходимые канцелярии и береговые места вели свое обычное, неизменное и ничем не сокрушимое существование, городили горы предписаний и отношений, но на Черном море в действительности администрация служила флоту, а не флот администрации. Главное гнездо канцелярий, Николаев, был заперт для офицеров как чумный квартал. Высылкой наплывавших туда охотников до окольных путей ревностно и подчас оригинально занимался начальник штаба С.П. Хрущев...»³⁷. Следует заметить – сам Лазарев стремился к тому, чтобы его инструкции и другие бумаги касались прикладной деятельности флота и были четкими и понятными.

Боевая подготовка Черноморского флота спустя несколько лет после вступления Лазарева в должность Главного командира Черноморского флота и портов поднялась на небывалый для того времени уровень. Уже в 1836 г. Меншиков присылает на Черноморский флот служить сына норвежского наместника, генерала, барона Ведель-Ярлсберга, с просьбой хорошей практики³⁸. Позднее была создана специальная программа прохождения практики на Черноморском флоте балтийских офицеров сроком на один год. Практика включала три этапа: практика на линейных кораблях, практика на малых кораблях абхазской экспедиции и один рейс на пароходе Одесса – Константинополь³⁹.

С появлением на Черном море паровых судов остро встал вопрос о подготовке для них командиров и экипажей, так как таких возможностей на Черноморском флоте не имелось. Главный командир Черноморского флота и портов адмирал Лазарев в своем представлении к начальнику главного морского штаба от 19 января 1848 г. указывал: «...с распространением в Черноморском флоте пароходства, необходимо озаботиться образованием хороших пароходных командиров, потому что, сколько бы ни были достаточны познания и опытность командира парусного судна, он, переходя к командованию пароходом, встречается с совершенно новым для него делом...»⁴⁰. Прекрасно понимая, что паровые корабли являются будущим флота, для службы на пароходах Лазарев отбирал самых грамотных офицеров, которые далее шли по пароходной линии и должны были стать будущим Черноморского флота. Поэтому офицеров, назначаемых командирами пароходов, Лазарев отправлял на учебу в Англию. Когда формировался экипаж на строящийся пароход, то, как минимум, командир, а то и несколько офицеров отправлялись на достройку

парохода для наблюдения за окончанием работ, за сборкой и первой пробой машин, ознакомлением с качествами судна, особенностями механизмов. Кроме того, им вменялось в обязанность ознакомление с лучшими английскими пароходами, с содержанием и управлением ими в мельчайших подробностях, а в особенности артиллерией. Об опытности, подготовке и находчивости экипажей пароходов говорит один любопытный факт. Пароход «Метеор» под командованием капитан-лейтенанта Усова при следовании из Севастополя в Николаев у Тендровского маяка потерял ход, так как котел начал сильно пропускать воду по швам. Под парусами кое-как дошли до Очакова, где по предложению механика произвели своеобразный ремонт котла, набросав туда привезенного с берега конского кала, который затянул все щели, и «Метеор» благополучно добрался до Николаева⁴¹.

Современники отмечали, что *«суровое кавказское крейсерство учило только жестокому ремеслу, зато заграничные станции, которые адмирал смог монополизировать для Черноморского флота, доставляли средства разнообразить и расширять кругозор, а посылки в Англию для усовершенствования, достававшиеся в удел счастливым, направляли способности к многообразным отраслям познаний, необходимых военному моряку, и устанавливали должный взгляд на важность общественных обязанностей»*⁴².

Черноморский флот фактически превратился при Лазареве во второй после Петербурга центр морских наук в России. Адмирал всячески поощрял занятие офицеров морскими науками. Многие офицеры занимались переводами иностранной морской литературы, занимались собственными исследованиями по различным направлениям, разрабатывали боевые документы. Лазарев пытался даже добиться «учреждения в Южном крае России Морского кадетского корпуса», но ему было отказано⁴³.

При разработке документов Лазарев изучал большое количество иностранной морской литературы, в частности английской, использовал опыт английского флота, свой громадный опыт мореплавания, а также опыт флагманов и командиров Черноморского флота. Это показывает, что Михаил Петрович не считал себя непререкаемым авторитетом и последней инстанцией, а всегда обращался к существующему положительному опыту и принимал грамотные замечания от подчиненных. Он никогда не присваивал себе идеи и предложения своих подчиненных, а когда считал их внедрение на флоте полезным, всегда переправлял их со своими комментариями начальнику главного

морского штаба и через него императору с просьбой рассмотреть предложение на предмет внедрения и просьбой наградить автора.

Все усилия Лазарева по поднятию боевой подготовки на качественно новый уровень сделали Черноморский флот самым боеспособным флотом России. Это было оценено даже Николаем I – им давались снисхождения Черноморскому флоту по строевой подготовке и другим, не влияющим на боевую подготовку, видам службы. Так, 22 марта 1852 г., уже после смерти М.П. Лазарева, Николай I при личной беседе дал команду начальнику штаба Черноморского флота и портов вице-адмиралу В.А. Корнилову: «*Фронттовую службу приказать наблюдать по возможности, ограничиваясь ротным учением. Уменьшить по возможности караулы и часовых*»⁴⁴.

Во второй четверти XIX в. Черноморский флот являлся единственным флотом России, который вел боевые действия, проводил боевые операции. В связи с этим очень остро стоял вопрос его боеспособности. Флоту требовались высокопрофессиональные экипажи, способные успешно вести боевые действия и выполнять все поставленные задачи. Всю свою службу М.П. Лазарев занимался тем, что готовил своих подчиненных к войне, а ведение боевых действий он превратил в жесткую, но чрезвычайно эффективную школу для офицеров и матросов. Военная составляющая деятельности для адмирала М.П. Лазарева всегда имела приоритетное значение, а остальные составляющие были направлены на обеспечение именно военной деятельности, усиление обороноспособности России и ее Военно-морского флота. Лазарев поднял боевую подготовку Черноморского флота на недостижимый для других флотов уровень. Все это поставило Черноморский флот в один ряд с лучшими флотами той эпохи.

¹ Закревский Н. Записки врача морской службы // Морской сборник. 1861. № 9. С. 187–188.

² В.И. Михаил Петрович Лазарев // Р.А. 1881. Кн. 2. С. 348.

³ Лазарев М.П. Документы / Под ред. Никульченкова К.И.: В 3 т. М.: Военное изд-во МО СССР, 1955. Т. 3. С. 490.

⁴ Лазарев М.П.: Документы / Под ред. Самарова А.А.: В 3 т. М.: Военное изд-во МО СССР, 1955. Т. 2. С. 14–23.

⁵ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. 243. Оп. 1. Д. 2896. Л. 36.

⁶ Там же. Л. 38–42.

⁷ Там же. Л. 38.

⁸ В.И. Указ. соч. С. 347–361.

⁹ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2896. Л. 20.

¹⁰ Там же. Д. 2696. Л. 46–47.

- ¹¹ Там же. Л. 1.
- ¹² Там же. Л. 115, 116.
- ¹³ Российская национальная библиотека, Отдел рукописей (далее: РГБ ОР). Ф. 218. 1278.10, 2 п. 4 л.
- ¹⁴ В.И. Указ. соч. С. 350.
- ¹⁵ Приказ № 478 от 10 сентября 1842 года // Приказы Главного Командира Черноморского флота и Портов 1842 года. Николаев, 1842.
- ¹⁶ Переписка Лазарева с Меньшиковым // Р.А. 1881. Кн. 2. С. 365.
- ¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1319. Л. 21, 22.
- ¹⁸ Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4457. Л. 33.
- ¹⁹ Там же. Ф. 296. Д. 38, Л. 37–39.
- ²⁰ Государственный архив города Севастополя. Ф. 20. Оп. 1. Д. 69.
- ²¹ РГА ВМФ. Ф. 296. Д. 46. Л. 52–54.
- ²² Переписка М.П. Лазарева с князем Меньшиковым // Р.А. 1883. Кн. 6. С. 366.
- ²³ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и биографии Владимира Алексеевича Корнилова, собранные и объясненные капитан-лейтенантом А. Жандром, бывшим его флаг-офицером. СПб., 1859. С. 17–18.
- ²⁴ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4072. Л. 5.
- ²⁵ Жандр А. Указ. соч. С. 17–18.
- ²⁶ Переписка М.П. Лазарева с князем Меньшиковым // Р.А. 1882. Кн. 2. С. 302–304.
- ²⁷ РГА ВМФ. Ф. 19. Кавказский отдел. Д. 1. Л. 246–248.
- ²⁸ Там же. Ф. 205. Д. 2098. Л. 1.
- ²⁹ Письма Михаила Петровича Лазарева к Алексею Антиповичу Шестакову в г. Красный Смоленской губернии // Морской сборник. 1918. № 12. С. 74–76.
- ³⁰ В.И. Указ. соч. С. 355.
- ³¹ Цит. по: Войт В. Воспоминания и впечатления о деятельности наших моряков. СПб., 1887. С. 66.
- ³² Там же. С. 63.
- ³³ РНБ ОР. Ф. 417. Д. 6. Л. 168–168 об.
- ³⁴ Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания И.А.Шестакова / РНБ ОР Ф. 856. Д. 1. Л. 48.
- ³⁵ Письма Михаила Петровича Лазарева к Алексею Антиповичу Шестакову в г. Красный Смоленской губернии // Морской сборник. 1918. № 7–8. С. 119.
- ³⁶ Там же. № 12. С. 63–64.
- ³⁷ Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания И.А.Шестакова / РНБ ОР. Ф. 856. Д. 1. Л. 52.
- ³⁸ В.И. Указ. соч. С. 353.
- ³⁹ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4807. Л. 2.
- ⁴⁰ Генерал-адъютант, адмирал Николай Андреевич Аркас: Биографический очерк / Сост. А.И. Денисов. Севастополь, 1887. С. 45–46.
- ⁴¹ Там же. С. 9.
- ⁴² Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания И.А. Шестакова / РНБ ОР. Ф. 856. Д. 1. Л. 43.
- ⁴³ Переписка М.П. Лазарева с князем Меньшиковым // Р.А. 1881. Кн. 2. С. 347–361.
- ⁴⁴ Жандр А. Указ. соч. С. 30.

В.А. Чернухин, Е.В. Афонин (Санкт-Петербург)

**ВЫСТОЯЛИ, СОХРАНИЛИ И ПОБЕДИЛИ!
ЛЕГЕНДЫ И ВЫМЫСЛЫ О БИТВЕ
ЗА ЛЕНИНГРАД (1941–1944)**

В ПРЕДДВЕРИИ 70-й годовщины Победы СССР над гитлеровской Германией обостряется восприятие ряда проблем истории Второй мировой войны и особенно ее главной составляющей – Великой Отечественной войны советского народа (1941–1945). Даже беглый анализ публикаций в дальнем и ближнем зарубежье, да и в самой Российской Федерации свидетельствует о некоторых негативных процессах в ее освещении.

Существо проблемы заключается в том, что чем дальше в историю уходит 9 мая 1945 г., тем настойчивее становятся попытки ряда авторов в своих публикациях умалить вклад СССР в Победу над германским фашизмом и японским милитаризмом. Неискушенному читателю преподносятся всевозможные факты и домыслы о роли и значении важнейших битв и сражений, которые были доминирующими событиями на пути к полному разгрому агрессора.

Изучение некоторых источников и военно-исторической литературы свидетельствует о том, что подобная акция отечественных и зарубежных «правдолюбив» преследует определенные цели, важнейшими из которых являются:

- принижение исторической и геополитической роли России как гаранта стабильности в Евразии и ограничение ее влияния на мировые процессы;
- разрушение общего стремления государств бывшего Союза к единению, проведению скоординированной внутренней и внешней политики;
- подрыв чувства собственного достоинства россиян и лишение их гордости за былое величие и военное могущество российской державы, и т. д.

В развитие этих целей и задач фальсификаторы военной истории не обходят молчанием и величайшие битвы и сражения, в том числе Битву за Ленинград, которая являлась одним из самых кровопролитных и трагических событий Великой Отечественной войны. Она длилась немного меньше (1125 дней и ночей), чем сама война (1418 дней и ночей).

Город на Неве в планах гитлеровского командования рассматривался как один из первоочередных объектов, которыми соединения группы армий «Север» должны были овладеть во что бы то ни стало. В его захвате Гитлер и его генералы видели ключ ко всей русской кампании. И никто из политического и военного руководства Германии не сомневался в том, что наступление на Ленинград будет проведено без каких-либо существенных осложнений¹. Ведь группа армий «Север» превосходила войска, оборонявшие город, по пехоте в 2,4 раза, по орудиям в 4 раза, по минометам почти в 6 раз, по самолетам почти в 10 раз. И тем не менее две вооруженные до зубов армии, 16-я и 18-я (всего около 30 дивизий вермахта), поддерживаемые мощным объединением бронетанковых войск – 4-й танковой группой, 1-м воздушным флотом люфтваффе и финской армией, – не сумели с ходу овладеть Ленинградом. Легкой прогулки вермахта, подобной той, что имела место по городам и весям европейских государств в 1939–1940 гг., на Северо-Западе СССР не получилось.

И правда истории заключается в том, что защитники Ленинграда остановили победный марш самой лучшей на то время и высоко подготовленной в профессиональном отношении армии фашистской Германии. Они стойко защищали свой город, погибали от голода, обстрелов дальнобойной артиллерии, бомбовых ударов авиации, но не сдали его врагу. Человечество не знает другого такого примера, когда бы многомиллионный город в течение почти 900 дней находился в безжалостном кольце вражеской блокады и не только жил, но и бескомпромиссно боролся с врагом.

Подвиг Ленинграда – первое в годы Второй мировой войны поражение гитлеровцев. Им впервые не дали войти в город, который они уже считали своим. По существу, Ленинград стал своего рода символом этой войны. И понимая, что подвиг защитников невской твердыни оставил глубочайший след в мировой истории, что зачеркнуть его нельзя, фальсификаторы идут по пути искажения отдельных фактов и событий, связанных с блокадой и боевыми действиями. Подобные обстоятельства наносят серьезный ущерб имиджу России на международной

арене, особенно когда и в дальнем, и в ближнем зарубежье сегодня активно идет процесс возвышения роли и значения других государств в мировой истории при недооценке главной роли советского народа, его Вооруженных Сил в разгроме Германии и Японии в годы Второй мировой войны.

При этом нельзя не отметить, что и в самой Российской Федерации далеко не всегда проявляется настойчивость в защите исторической правды от лживых домыслов. Уже в наше время в СМИ имели место высказывания о том, что якобы более целесообразным решением с подходом германских войск к Ленинграду с юга, а финской армии с севера было бы объявление его «открытым городом», чтобы не допустить жертв, что было бы гуманнее сдать его нацистам без боя. Подобные суждения высказывались и раньше, и, как это ни печально, весьма авторитетными людьми: писателем В.П. Астафьевым, академиком Д. Лихачевым и др. В частности, первый из них выразился в том плане, что «Ленинград – это «коробка» и «камень», которые можно было бы восстановить до последнего гвоздя...»².

В связи с этим вице-президент Академии военно-исторических наук Михаил Иванович Фролов ответил: «По меньшей мере странно и безнравственно звучит утверждение В.П. Астафьева. Разве не является великим счастьем для русской и мировой культуры, что сохранились, а не погибли от тотального уничтожения и разграбления Эрмитаж и Русский музей, Зимний дворец, Адмиралтейство, Исаковский и Казанский соборы, архивы и богатейшие библиотеки Ленинграда, что их не постигла судьба его прекрасных пригородов: Пушкина, Павловска, Петергофа – с их памятниками культуры и произведениями искусства, разрушенными и расхищенными гитлеровцами?...»³.

И в российской историографии аргументировано доказана жизненная необходимость стойкой обороны Ленинграда в военно-стратегическом плане, так как его падение имело бы катастрофические последствия для судьбы не только советской столицы Москвы, но и всей страны. Не скрываются в ней и имевшие место негативные стороны, серьезные просчеты в организации и ведении боевых действий, в подготовке города и военно-морской базы к осаде и т. д. И не нужно быть крупным стратегом, чтобы, взглянув на карту северо-запада страны, увидеть, что в случае падения Ленинграда положение Кронштадта – последней базы нашего военно-морского флота на Балтике – становилось совершенно безвыходным.

Верховное Главнокомандование Вооруженных Сил Советского Союза было крайне заинтересовано в том, чтобы сохранить наш флот и его техническую базу – промышленность Ленинграда. Именно корабли Краснознаменного Балтийского флота и особенно подводные лодки препятствовали перевозкам стратегического сырья из скандинавских стран в Германию.

Не менее важным являлось и то, что положение и судьба блокированного Ленинграда были теснейшим образом связаны с общей ситуацией на всем театре Великой Отечественной войны. В случае сдачи Ленинграда создавались условия для объединения германских и финских войск. Объединенная мощная группировка сил противника получила бы возможность прорваться на оперативный простор восточнее Ладоги. Двигаясь в направлении Вологды и далее, она должна была пересечь железную дорогу, ведущую на Архангельск и Мурманск, что привело бы к прекращению военных поставок союзников по ленд-лизу. В период перебазирования оборонных предприятий на восток страны эта помощь имела определенное значение. Именно поэтому в своих посланиях к У. Черчиллю И.В. Сталин чаще всего касался двух важнейших проблем – открытия второго фронта и поставок по ленд-лизу⁴.

Роль и значение северной коммуникации очень хорошо понимали и в лагере противника. Не случайно в июле 1942 г. в директиве № 44 Гитлер требовал «отрезать северную линию снабжения, соединяющую

Рис. 1. С передовой – в цех, на ремонт. Из цеха – на передовую

Советский Союз с англосаксонскими державами». Но Ленинградский фронт не давал германским войскам выполнить боевую задачу по отсечению северных морских портов от железнодорожных коммуникаций страны, а также открыть прямую дорогу на Москву. Небезынтересно привести здесь высказывание видного военачальника США Дуайта Эйзенхауэра, который обратил внимание на то, что вряд ли, оказавшись в подобном положении, мог бы выстоять какой-либо город Соединенных Штатов Америки⁵.

Итоги Битвы за Ленинград, подвиг его защитников по достоинству оценивали в военные годы все честные люди планеты Земля. Так, в одной из статей в английской газете «Стар» обращалось внимание читателей на то, что «Все свободные и все поработанные гитлеровцами народы, понимая, какую роль сыграл разгром немецких войск под Ленинградом для ослабления нацистской мощи. Ленинград уже давно завоевал себе место среди городов-героев нынешней войны. Битва за Ленинград посеяла тревогу среди немцев. Она дала им почувствовать, что они лишь временные хозяева Парижа, Брюсселя, Амстердама, Варшавы и Осло»⁶. Подобные признания имеются и в послевоенной западной историографии. Высокие оценки обороны Ленинграда содержатся в трудах французских историков А. Константини и А. Мишеля. Есть и другие зарубежные авторы, которые в своих работах позитивно отзывались о подвиге защитников города на Неве.

Вместе с тем за рубежом в послевоенные годы появилась и продолжает появляться литература, в которой искажаются события, связанные с жизнью блокадного города, его защитниками, организацией и проведением боевых операций, действиями советских и германских военачальников. При этом затрагиваются самые различные стороны Битвы за Ленинград. Если для германской историографии характерны разработка, главным образом, военного аспекта этой проблемы, попытки объяснить неудачи вермахта ошибками Гитлера, то англо-американские историки проявляют интерес к вопросам внутреннего положения Ленинграда в период его блокады, к поведению населения в условиях невиданных лишений и трудностей, к деятельности партийных и советских органов и т. д. Эти направления фальсификации для наглядности целесообразно представить в виде таблицы.

**Некоторые направления фальсификации
Битвы за Ленинград⁷**

№№ п/п	I. Связанные с защитниками города	№№ п/п	II. Связанные с действиями германского командования
1	2	3	4
1.1.	Умаление подвига жителей города и воинов Красной армии с акцентированием на их низких морально-психологических качествах, ослаблявших их силы сопротивления войскам противника	2.1.	Стремление в возможно более позитивном виде показать действия германских военачальников и руководимых ими войск
1.2.	Клевета на руководителей обороны города.	2.2.	Представить прорыв блокады (январь 1943 г.) и окончательный разгром вермахта под Ленинградом (январь 1944 г.) как результат действия случайных факторов, как то: – ошибки Гитлера; – плохие климатические условия; – огромные пространства не только СССР, но и его северо-западного театра войны и т. д.
1.3.	Попытки обосновать тот факт, что Ленинград был брошен на произвол судьбы, отрицание всенародной помощи блокированному городу.		
1.4.	Искажение роли и значения «Дороги жизни» и преувеличение роли поставок по «лендлизу»	2.3.	Оправдание понесенных поражений немецких войск в Битве за Ленинград.
1.5.	Принижение роли советского военного искусства		

Именно фактами, связанными с соответствующими направлениями фальсификации, представленными в данной таблице «грешат» немало зарубежных изданий, в том числе таких авторов, как Л. Гуре «Осада Ленинграда», Г. Солсбери «900 дней осады Ленинграда», английского историка А. Уэйкса «Осада Ленинграда» и др. Эти солидные издания отличаются друг от друга по манере изложения материала, по степени документальности. Но их объединяет стремление любыми путями умалить великий подвиг защитников города, очернить руководителей обороны, показать их якобы весьма невысокие моральные качества.

В частности, в них утверждается, что в первые недели войны среди жителей Ленинграда и оборонявших его войск «царила паника

и неразбериха» и что только некоторые просчеты гитлеровского командования не позволили Группе армий «Север» овладеть в те дни городом. Так, американский журнал «Ньюсуик» пишет, что «немецкие армии могли легко взять Ленинград летом 1941 г., но в результате нерасчетливых действий командующего группой армий «Север» генерал-фельдмаршала фон Лееба им пришлось остановиться и готовиться к зимней осаде». Леон Гуре пытается в своей книге создать у читателей мнение, будто осенью 1941 г. в рядах Красной армии «моральное состояние было крайне низким»⁸.

Однако анализ хода боевых действий, решений командующих и штабов показывает, что так называемые «нерасчетливые действия» немецко-фашистского командования хотя и имели место, но не играли решающей роли. Они свидетельствуют о беспримерной стойкости советских воинов, проявленной в боях за Ленинград. Об этом достаточно объективно говорится во многих отечественных трудах, в том числе в коллективных работах членов Ассоциации историков блокады и Битвы за Ленинград, таких как: «Ленинград в борьбе месяц за месяцем. 1941–1944», «Ленинград в осаде. О героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944» и др.

Уже на второй день войны, 23 июня 1941 г., на дальних подступах к городу, совершили таран летчики М.П. Жуков, С.И. Здоровцев и Л.Т. Харитонов, за что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1941 г. они были удостоены звания Героя Советского Союза, первыми в Великой Отечественной войне. Летчики Краснознаменного Балтийского флота, защищавшие Ленинград, также первыми в этой войне бомбили Берлин! Исключительно стойко дрались артиллеристы дивизиона под командованием капитана Синявского в районе Пскова, уничтожившие 37 вражеских танков. В районе ст. Дно в схватку с врагом смело вступили 20 воинов-связистов во главе с заместителем политрука радиороты А.К. Мери. В течение нескольких часов они отражали яростные атаки противника и не дали ему захватить штаб стрелкового соединения⁹.

В районе деревни Войсковичи под Гатчиной в августе 1941 г. командир роты тяжелых танков КВ старший лейтенант Зиновий Колбанов, прикрывая отход главных сил своей части, вступил в бой с танками противника. На его командирский танк двигалась колонна из 22 танков Т-III, Т-IV. С удачно выбранной позиции все они были уничтожены. И дело не в своеобразном рекорде – за час с небольшим 22 сгоревших танка врага (такого случая или подобного ему

не упоминается в военно-исторической литературе). Дело в другом. Ведь это случилось в августе 1941 г. и свидетельствовало о том, что может совершить даже в тяжелейших условиях танковый экипаж, имеющий не только высокую профессиональную подготовку, но и обладающий соответствующими морально-психологическими качествами. Его подвиг вселял в защитников города уверенность во временных успехах врага.

О высоком моральном духе советских войск, силе их сопротивления врагу частично можно судить по снижению темпов немецкого наступления. Если до 10 июля 1941 г. он составлял 26 километров в сутки, то во второй и третьей декадах июля он упал до 5 километров, в августе – до 2,2 километров, а в сентябре – до нескольких сотен метров в сутки¹⁰. Эти и другие сведения подтверждают, что стойкость, массовый героизм и мужество характеризовали наших солдат и офицеров на всех этапах битвы за Ленинград. Не случайно 350 тысяч воинов Ленинградского фронта были награждены орденами и медалями, 226 человек удостоились высокого звания Героя Советского Союза.

Однако авторы, встав на путь искажения исторической правды, клеветают не только на рядовых защитников Ленинграда, но и всячески стремятся в негативном свете представить наших государственных и военных руководителей. Так, английский историк А. Уэйкс утверждает, например, что командование Ленинградского военного округа не имело разработанного плана мобилизации, что «первые пять дней Попов (командующий войсками округа генерал-лейтенант М.М. Попов. – *В. Ч.*), казалось, был в полной растерянности и не знал, как ввести в действие военное положение»¹¹. Однако общеизвестно, что ночью 22 июня на основе телеграммы Наркомата обороны СССР и начальника Генерального штаба о возможном нападении немецко-фашистской армии на нашу страну войска округа были подняты по тревоге. В этот же день в Ленинграде было введено военное положение со всеми вытекающими отсюда последствиями: войска округа стали переходить на штаты военного времени, приступив к доукомплектованию частей личным составом, транспортом и имуществом за счет призываемых военнообязанных и средств, поступавших из народного хозяйства. Одновременно соединения округа, согласно планам стали выдвигаться на рубежи обороны; в городе развернулась планомерная мобилизация в Красную армию. Не преувеличивая, можно констатировать, что в это время

решения и действия командования Ленинградского военного округа соответствовали складывающейся обстановке на фронте. И свидетельств этому немало, в том числе:

- создание Лужского оборонительного рубежа, где было надолго задержано продвижение 41-го моторизованного корпуса противника;

- контрудар 34-й армии Северо-Западного фронта с целью окружения и уничтожения гитлеровских войск в районе Шимска, Солнцы, Старой Руссы;

- совершенствование управления войсками и связанное с этим разделение Северного фронта на два – Ленинградский и Карельский;

- прибытие в Ленинград специальной комиссии ЦК партии для организации практической помощи защитникам города в решении неотложных военных и хозяйственных задач и т.д.

В тот период были решены и многие другие важные вопросы, способствовавшие укреплению обороны Ленинграда. Такие последовательные меры, в которых не было и грани растерянности, позволяли остановить продвижение немецко-фашистских войск и заставить их перейти к обороне. Тем не менее некоторые зарубежные авторы пытаются представить действия защитников города «как своеобразный вид местного патриотизма», который де не нравился Центру, и поэтому, мол, Москва «по существу ничего не предпринимала, чтобы помочь ленинградцам в период блокады». Однако факты свидетельствуют о другом. Уже 30 августа 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление «О транспортировке грузов для Ленинграда». В нем были намечены конкретные меры по организации водных перевозок через Ладожское озеро.

Зимой 1943 г. по указанию ГКО и Ставки ВГК защитникам Невской твердыни по только что проложенной железной дороге вдоль южного берега Ладожского озера за год было доставлено 4,4 млн тонн различных грузов. Учитывая недостаток бомбардировщиков в воздушных армиях, Ставка выделила для Ленинградского и Волховского фронтов к началу 1944 г. крупные силы авиации дальнего действия. Успешно были решены вопросы взаимодействия ленинградских партизан с наступающими войсками и ряд других.

В тяжелое время 1941–1942 гг. была организована всенародная помощь блокированному Ленинграду. С Урала в город поступал металл, шахтеры Воркуты поставляли уголь, работники Северной железной дороги доставляли дрова, из Сибири шли

Рис. 2. На Дороге жизни

эшелоны с продовольствием, Урал посылал оружие и боевую технику. Таким образом, оборона Ленинграда стала делом всей Советской страны.

Что касается помощи союзников, то ленинградцы не ощущали ее даже в наиболее тяжелую для них пору. Так, план поставок в СССР по ленд-лизу в тяжелейшее для страны время, в 1942 г., был выполнен только на 55 %. Чтобы объективно оценить ленд-лизовские поставки в Ленинград, да и

СССР в целом, важное значение имели не только количественные показатели, но и такие критерии, как качество материалов и оборудования, своевременность их доставки на фронт, и т.п. Тем более недопустимо измерять по одной и той же шкале ценностей поставки военных материалов (как бы СССР в них не нуждался) и жертвы советского народа, в том числе и жертвы блокадного Ленинграда, которые прокладывали путь к Победе над общим врагом. В годы войны и после нее эту мысль не раз подчеркивали крупные государственные деятели США. «Мы никогда не считали, что наша помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на Восточном фронте, – отмечал Г. Гопкинс, ближайший советник президента Рузвельта. – Она была достигнута героизмом и кровью русской армии...»¹².

Одним из направлений фальсификации является стремление принизить советское военное искусство и в более выгодном свете

представить военное искусство военачальников фашистской Германии. Так, бывшие гитлеровские генералы, в частности начальник штаба 4-й танковой группы генерал Вальтер Шаль де Болье, пытаются оправдать поражения вермахта, ссылаясь на пресловутые «роковые решения Гитлера». В книге этого автора «Наступление 4-й танковой группы на Ленинград», в свое время изданной в ФРГ, провал плана по захвату города ранней осенью 1941 г. объясняет якобы «неясностью стратегических целей в начале войны», имевшимися у фюрера «колебаниями между Ленинградом и Москвой». По мнению ряда зарубежных авторов, это Гитлер своим неумелым, дилетантским руководством лишил «военных гениев» германского генерального штаба, а вместе с ними и германскую армию всех плодов столь многообещающих поначалу побед»¹³. Тот же Вальтер Шарль де Болье утверждает, что после овладения городом Остров не сопротивление советских войск, а характер местности сдерживал продвижение немецкой армии¹⁴.

Рис. 3. Они хотели увидеть Ленинград. Они увидели его. Пленных фашистов везут по Невскому проспекту

Ряд зарубежных авторов прорыв блокады, а затем в целом и окончательный разгром немецко-фашистских войск под Ленинградом, преподносит как результат действий случайных факторов, как «несбалансированный итог» ошибок гитлеровского командования. Однако нельзя не видеть, что эта операция характеризовалась искусным

нанесением главных ударов, которым противник не мог противостоять. Войска Ленинградского фронта нанесли удары с приморского плацдарма и непосредственно из района города. Это позволило им кратчайшим путем выйти на фланги и в тыл петергофско-стрельвенской группировке противника и разгромить ее. Мощная, глубоко эшелонированная оборона противника, так называемый «Северный вал», которую он создавал более двух лет, рухнула менее чем за две недели в результате ударов войск Ленинградского и Волховского фронтов. Противник был отброшен на 250–280 километров от города, были освобождены почти вся Ленинградская и часть Калининской области. Красная армия вступила в пределы Советской Эстонии. Создались благоприятные условия для проведения последующих операций в Карелии, на Карельском перешейке и в Прибалтике.

Имели ли место недостатки в ведении боевых действий со стороны советского командования? Да, имели: замысел Ставки ВГК был намного шире, чем то, чего удалось достигнуть. И тем не менее, опыт Битвы за Ленинград дал немало поучительного как в организации и ведении обороны в оперативно-стратегическом масштабе, так и в тактическом звене.

Как яркие страницы воинского мастерства и полководческого искусства советских военачальников вошли в историю не только Битвы за Ленинград, но и в историю Великой Отечественной войны в целом контрудары советских войск под Сольцами, в районах Старой Руссы, Красного Села и Мги, контрнаступление под Тихвином. Оборона советских войск под Ленинградом дала первый опыт применения системы сплошных траншей, что в сочетании с другими оборонительными сооружениями и многочисленными заграждениями сделало ее противотанковой, противотанковой и противосамолетной. Здесь впервые в ходе войны немецкие войска были вынуждены перейти от стратегического наступления к длительной позиционной осаде.

Таким образом, анализ зарубежных источников и некоторых публикаций в странах СНГ показывает, что ряд авторов в негативном свете стремится представить Великую Победу СССР в Великой Отечественной войне, в фальсифицированном виде показать ее важнейшие битвы и сражения, в том числе Битву за Ленинград. Сегодня все более очевидным становится стремление принизить роль СССР в разгроме нацизма и возвысить достаточно скромный вклад союзников до решающего фактора одержанной Победы, что можно сделать

только путем фальсификации. Это и наблюдается не только в зарубежной, но в ряде случаев и в отечественной историографии.

Появившиеся после развала СССР возможности преодоления в России политического и идеологического давления на историческую науку открыли российским историкам большое число некогда закрытых архивов. Это создало российской историографии благоприятные возможности для более объективного изучения Битвы за Ленинград. Сегодня мы имеем больше возможностей для развенчивания всевозможных фактов и домыслов, связанных с ленинградской Победой, ее ролью и значением в общем вкладе нашего народа в разгром фашистской Германии и милитаристской Японии.

Рис. 4. Президент России Владимир Путин лично почтил память павших в годы блокады

¹ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 300435 «С». Д. 32. Л. 2.

² Фролов М.И. Ленинград сравнять с землей // Ленинградская эпопея – феномен мировой истории. СПб., 1998. С.4.

³ Там же. С. 4–5.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 365. Л. 24.

⁵ Ю.В. Басистов. Значение битвы за Ленинград в достижении победы // Выступление на международной конференции Ассоциации историков блокады и битвы за Ленинград. СПб., 1995.

⁶ Ленинградские «Окна ТАСС» 1941–1945 гг. Собрание РНБ. СПб., 1995. С. 18–19.

⁷ Таблица 1 составлена автором по данным, приведенным в: «Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны (1941–1944)». СПб., 1995.

⁸ Ленинградская правда. 5.04.1957. С. 2.

⁹ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 635. Л. 27.

¹⁰ Там же. Оп. 1227. Д. 29. Л. 14.

¹¹ Невское время. 23.02.1995. С. 3.

¹² Вторая Мировая война. Кн. 2. М., 1966. С. 349.

¹³ Там же. С. 350.

¹⁴ Там же. С. 351.

Н.Г. Чигарева, А.А. Будко (Санкт-Петербург)

**ОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ
ВОЕННОПЛЕННЫМ И РЕПАТРИАНТАМ
В ЛАГЕРЯХ САКСОНИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОГО
МУЗЕЯ)**

19МАЯ 1941 г. у железнодорожной станции Якобсталь вблизи г. Ризы в 4–5 км от р. Эльбы на землях, непригодных для сельского хозяйства, началось строительство лагеря Цайтхайн. Около лагеря был небольшой лес, а рядом – бескрайний пустырь, сплошь покрытый могильными холмиками, под которыми навсегда остались лежать русские военнопленные – жертвы Первой мировой войны¹. Этот лагерь, так же как и лагеря в Мюльберге, Торгау, Ошаце, Хартмандорфе, относился к военному округу провинции Саксония и имел название «Stalag (Stammler) 304 (IY H) Zeithain».

Немецкая система военного плена в ходе Второй мировой войны весьма дифференцированно относилась к военнопленным различных враждебных государств, советские военнопленные до конца войны находились на самой нижней ступени этой иерархии².

Нехватка рабочей силы (на момент нападения на Советский Союз в немецкой промышленности 2 млн рабочих мест были вакантными), а также требование Угольного объединения рейха и предприятий угольной промышленности заставили нацистское руководство согласиться с трудовым использованием советских военнопленных и со строительством лагерей для них на территории рейха. Основную массу военнопленных лагеря Цайтхайн № 304 (до того как он стал лазаретом) немцы предполагали использовать на тяжелых работах продолжительностью 12–13 часов в день (пленные осуществляли ремонт железной дороги, привлекались на строительство шоссе, дорог и т. п.). Кроме того, постройка жилых помещений лагеря Цайтхайн также производилась пленными, первый транспорт с которыми прибыл

в лагерь в конце июля – начале августа 1941 г. До осени большая часть военнопленных размещалась под открытым небом, так как лагерь еще не был готов. В октябре 1941 г. в лагере было построено 120 деревянных и 3 кирпичных барака, каждый из которых был рассчитан на 150 человек, но там содержалось до 500 военнопленных³. Отопления в бараках не было, вода замерзала. Из воспоминаний военнопленной А.В. Пименовой: «Военнопленные размещались в деревянных бараках, не приспособленных для зимнего времени. Барак состоял из трех комнат, обставленных двухэтажными деревянными кроватями, одним столом, несколькими деревянными скамейками и печкой-временкой в каждой комнате. Торф для отопления выдавался в очень малом количестве. Снаружи барак был обнесен колючей проволокой, отгораживающей его от остальных барakov»⁴.

В течение 1941 г. выяснилось, что подавляющее большинство из прибывавших военнопленных было совершенно истощено и не пригодно для трудового использования. Большинство из них было предано голодной смерти. Ситуация еще больше обострилась в связи с ранним наступлением зимы, когда к умершим от голода и эпидемий прибавились умершие от холода⁵. С июля до конца 1941 г. в лагерь поступило 80–90 тыс. военнопленных, причем 50 тыс. – «неработоспособных». Многотысячная гибель продолжалась в течение четырех лет, о чем свидетельствуют 4 кладбища Цайтхайна.

Основное чувство, владевшее людьми, было чувство голода. Суточный рацион военнопленных в лагере № 304 состоял из 100–250 г хлеба, 0,5 л баланды, содержащей муку и картофель, либо капусту и свеклу, 10–15 г маргарина или эрцаз-колбасы (бураковая). Хлеба хватало не всем, особенно раненым и больным. Утром и вечером давали травяной чай⁶. Осенью 1943 г. военнопленных кормили консервами, вызвавшими холероподобные заболевания. В лагере наблюдалось много пищевых отравлений от прокисшей брюквы, хлеба и других испортившихся продуктов. Основными заболеваниями среди военнопленных были цинга, хроническая диарея, дистрофия. Истощенные от голода люди ели все: кору с деревьев, траву, картофельные очистки. Все это вело к эпидемиям дизентерии, брюшного тифа, пищевым отравлениям. Непрекращающееся недоедание пленных при одновременно физически тяжелом труде приводило к их гибели. Практиковались также телесные наказания военнопленных (за проступок от 25 и выше ударов по голым ягодицам резиновой палкой или ремнем до тех пор, пока несчастный не переставал кричать,

ползание на животе по лужам и грязи, стояние на голове вверх ногами в течение 5 минут, сидение на горячей плите, либо заставляли стоять под струей холодной воды в осеннее или зимнее время. Были случаи, когда избиваемые умирали. Иногда целые блоки военнопленных (тысячи человек) выстраивались на дворе лагеря и стояли в положении «смирно» несколько часов подряд. Тех, кто не выдерживал и падал, избивали до полусмерти. Из стенограммы радиопередачи – интервью с бывшей военнопленной лагеря № 304 Т. Черновой: «Среди пленных были предатели. Тех, кого предавали – казнили. Казнили таким образом. Стоит столб, на столб подвешивали за руки, ноги не доставали до земли, и избивали палками, дубинками. Ударов было много, после этих палок военнопленные, как правило, умирали»⁷.

До весны 1942 г. в лагере Цайтхайн не было водопровода, вода была грунтовая и непригодная для питья. Уборные в первое время существования лагеря имели временный характер и состояли из выгребных ям без подключения к канализации. До середины 1942 г. было 4 ямы, и территория лагеря была загрязнена фекалиями⁸.

Бытовые условия были настолько жуткие, что быстро распространились вши. Мылись военнопленные один раз в 25 дней. Из воспоминаний Ф.М. Величко: «Сначала направляли на «стрижки» (обривание волос), затем снимали одежду, которую уносили в дезкамеру, военнопленных загоняли в душевую, где из шлангов обливали водой (сначала горячей, затем холодной). После этого людей загоняли в помещение, где все волосистые части тела смазывались каким-то ядовитым черным жидким веществом, которое вызывало у военнопленных ожоги или экземы. Далее вели к дезкамерам, где, задыхаясь от запаха газа, заключенные быстро забирали вещи и уходили в одевальню. Были случаи, когда в санчасть поступало более 30 человек с тяжелыми формами отравления газом. Много истощенных погибало от газа прямо в бане».

До 1942 г. лагерь Цайтхайн служил исключительно приемным, учетным и распределительным лагерем, а также лагерем для длительно нетрудоспособных и больных советских военнопленных. В сентябре 1942 г. он стал филиалом шталага IV Б г. Мюльберг. В последующие месяцы Цайтхайн был переоборудован в госпиталь для военнопленных.

До 1943 г. больные или раненые русские военнопленные лагеря находились в лазарете и обслуживались французскими, польскими,

сербскими врачами, поскольку немецкие врачи больных не лечили. Русские медики из числа пленных были прикреплены к иностранным врачам в качестве помощников. В это время самостоятельную врачебную деятельность им не разрешали. В хирургическом бараке помещались больные с флегмонами, сухой гангреной конечностей (вследствие обморожений), фурункулами и карбункулами – постоянными спутниками истощения и авитаминоза. В терапевтическом бараке находились больные-дистрофики. Голодная дистрофия выражалась двумя формами: чрезвычайное исхудание с атрофией подкожно-жирового слоя, мышц и внутренних органов, либо атрофия была скрыта общими отеками, которые у некоторых больных принимали чудовищные размеры. Военнопленная А.В. Пименова присутствовала при вскрытии умершего от сухой дистрофии. Все внутренние органы были малого размера (как у ребенка), а стенка тонкой кишки имела вид папиросной бумаги. Для умирающих от голода было характерно, что за неделю до смерти чувство голода пропадало, и больные переставали есть. Нередко под подушками умерших находили по несколько паек хлеба.

С декабря 1941 по апрель 1942 г. лагерь № 304 был закрыт на карантин в связи с эпидемией сыпного тифа. Большая скученность людей, голод, отсутствие профилактических мероприятий и лекарственных препаратов – все это являлось причиной эпидемии. Как пишет Н. Кюнг: «Долгие недели полузабытья, 2–3 выданные таблетки лекарства, дележ хлеба на части (один ломтик – дневной рацион больного). Костлявая рука смерти опустошила 95 барачков. Выжило 1200 человек».

Ежедневно умирало по 400 военнопленных. Умерших раздевали догола, сваливали на телеги или платформы, находившиеся на узкоколейной дороге, ведущей к братским могилам. Выкапывались ямы, куда сваливали трупы, засыпали их известью, сравнивали с землей. Возили трупы и копали могилы рабочие команды, состоящие из военнопленных. Смертность от сыпного тифа зимой 1941–1942 гг. была такова, что не хватало людей хоронить умерших. Трупы складывались в штабели возле барачков.

Диагноз сыпного тифа был поставлен не сразу, поскольку немцы не хотели признавать эпидемию сыпного тифа в центре Германии. Впоследствии они согласились с этим диагнозом, но в историях болезни писали «грипп», причем в период эпидемии эти истории болезни не заполнялись, а составлялись постфактум в последующие

два года. Зима 1941–1942 гг. была для военнопленных поистине кошмарной: сильный голод, холод, тиф, побои, неутешительные вести с фронтов.

Весной 1943 г. началась трансформация лагеря № 304 в лагерь-лазарет. Здоровые военнопленные были отправлены в рабочий лагерь 46 г. Мюльберга, а в лагерь-лазарет Цайтхайн стали поступать больные военнопленные со всей Германии и оккупированных ею стран. Основная масса больных поступала по поводу туберкулеза, но были хирургические и инфекционные больные. В каменных бараках размещались туберкулезные больные, а в деревянных бараках – с прочими болезнями⁹. К этому времени иностранных врачей перевели в другое место, и организаторами нового большого лазарета стали русские медики. Обслуживание туберкулезных больных, которые прибывали эшелонами по 700–900 человек, также осуществлялась русскими.

В январе 1942 г. под предлогом освобождения санчасти лагеря 46 г. Мюльберга немцы при 25-градусном морозе погрузили в товарные вагоны 2 тыс. тяжелобольных для отправки в лагерь-лазарет № 304, находящийся на расстоянии 12 км. Полицей и немцы отобрали у больных и медперсонала все теплые вещи и одеяла. Вокруг эшелона выставили усиленный караул. На станции погрузки эшелон стоял более суток и до станции назначения шел еще сутки. В живых осталось 12 человек.

Русские врачи лагеря-лазарета Цайтхайн, обслуживая больных военнопленных, разными способами старались улучшить их питание. По норме на каждого больного полагалось 5 г сахара в день, но его не выдавали. После вмешательства врачей комендант лазарета был вынужден выдавать его каждому больному.

С конца 1941 г. в лагерь Цайтхайн была создана подпольная нелегальная организация. С момента ее создания борьба против расхищения продуктов питания, против избиения больных, за лучшее обслуживание больных и т. п. стала проходить более организованно.

Важнейшей была деятельность подпольной организации по укрытию от гестапо офицеров и специалистов, которые под видом больных направлялись в лагерь-лазарет № 304, где они находились с фиктивными диагнозами открытой формы туберкулеза (на основании рентгеновских снимков и заключения лаборатории). Так, в санчасти лагеря спасались Герои Советского Союза летчики Я.И. Андрушин, Л.Ф. Драмарецкий, Н.Г. Шемрук и др. Лазарет использовался

также для сокрытия специалистов, которых немцы хотели отправить на работы на предприятия Германии. А.В. Пименова вспоминает: «В то время я работала врачом-окулистом и обслуживала глазной кабинет и барак с 60 больными с глазными заболеваниями. 20 человек из них – с трахомой, и, несмотря на то, что они были уже излечены, продолжали оставаться в лазарете как заразные больные. Некоторые военнопленные имели ложные диагнозы. Один раз в месяц немецкие врачи отбирали больных на выписку из лазарета для отправки в рабочие команды». А.В. Пименова задерживала больных, вызывая у них острый конъюнктивит.

В 1944 г. русские врачи увеличили выдачу справок нетрудоспособности (по трем группам инвалидности: 1 – группа легкого труда, 2 – могут работать стоя или сидя, но без передвижений, 3 – совершенно нетрудоспособные). В это время от тяжелых работ были освобождены сотни военнопленных, что сохранило им жизнь.

В сентябре 1943 г. в лагерь Цайтхайн № 304 поступили граждане Италии, а с середины 1944 – поляки, французы, сербы и словаки. Весь 1944 г. и до дня освобождения иностранцы помогали советским военнопленным, передавали им часть посылок Красного Креста, картофель, морковь, редис и т. п. В свою очередь, русские делились с вновь прибывшими иностранными военнопленными хлебом и табаком.

В апреле 1945 г. начался последний этап наступления советских войск на р. Одер. В ночь с 21 на 22 апреля 1945 г. лагерь Цайтхайн был освобожден 1-м моторизованным кавалерийским корпусом 5-й Гвардейской армии 1-го Украинского фронта. На момент освобождения в лагере оставалось 1 тыс. 163 человека, из них 360 русских, преимущественно туберкулезных больных и дистрофиков¹⁰.

После освобождения лагеря в районе Цайтхайна было образовано 6 лагерей для репатриантов (лагеря № 253, 254, 255, 256, 258 и 203) (СПП – сборно-пересыльный пункт), которые входили в подчинение 8-й Гвардейской армии¹¹. Согласно распоряжению Военно-санитарного управления (ВСУ) 1 Украинского фронта от 17.05.45 г. № 04473 медицинское обеспечение лагерей репатриантов было возложено на ГПЭП 71 (головной полевой эвакуационный пункт), который выполнял функции госпиталя и размещался на месте бывшего лагеря для военнопленных Цайтхайн.

Прием репатрированных из союзной зоны в советскую зону производился в обменных пунктах. Принимали репатриантов начальник

пункта и медицинский работник. Затем репатрируемые направлялись на СПП, где они проходили санитарную обработку, регистрацию, и затем их эвакуировали в лагерь № 253. Здесь они подвергались санитарной обработке с дезинфекцией белья. В лагере № 253 было 2 санпропускника (отдельно для мужчин и женщин) мощностью 150 чел./ч каждый. После санобработки репатрируемые распределялись по другим лагерям.

Система оказания медицинской помощи больным была следующая: на СПП прием больных осуществлялся в амбулаториях. Как правило, прием вели врачи – специалисты из числа репатрируемых. Больные, требующие стационарного лечения, направлялись в ЭП 71 (эвакуационный приемник).

Медицинская помощь в лагерях осуществлялась через батальонные медицинские пункты, центральную амбулаторию с изоляторами и лазареты. В батальонных медицинских пунктах больных принимали врачи и фельдшера, которые в случае необходимости направляли их в центральную амбулаторию к соответствующему специалисту. Так, в амбулатории лагеря № 254 было 10 кабинетов различной специализации, а в лагере № 258 прием вели 6 специалистов. В ноябре 1945 г. лагеря, находящиеся в районе Цайтхайна, обслуживали 223 врача, из них 68 – военнослужащие и 155 – из числа репатриантов. Средний медицинский персонал – 429 человек, из них 145 – военнослужащие и 284 – репатрианты¹².

Загрузка лагерей в районе Цайтхайна была весьма значительной. По медицинским донесениям 2 июля 1945 г. в лагерях находилось 44 200 человек, 22 июля – 22 340, 1 августа – 26 357. К концу августа загрузка лагерей уменьшилась, хотя отдельные лагеря (например, лагерь № 253) были расформированы лишь во второй половине ноября 1945 г.¹³.

В одном пункте с лагерем дислоцировался прикрепленный госпиталь. Кроме прикрепленного госпиталя имелась госпитальная база для оказания специализированной стационарной помощи репатрируемым. Группа лагерей, расположенных в Цайтхайне, в сентябре обслуживалась: АГЛР 3434 (армейский госпиталь легкораненых), АГЛР 5214 1-го Украинского фронта, ЭГ 3647 (эвакуационный госпиталь), ТППГ 2711 (терапевтический полевой подвижной госпиталь), ХППГ 5193 (хирургический полевой подвижной госпиталь) бывшего 1-го Украинского фронта¹⁴. В связи с наличием среди больных репатриантов женщин и детей в военных госпиталях для их лечения

были организованы акушерские, гинекологические, детские отделения, а также выделены специализированные госпитали для лечения инфекционных, кожно-венерических, туберкулезных больных.

ГЛР 3434 на 600 коек, был развернут на месте бывшего лагеря № 203 и имел терапевтическое, хирургическое, инфекционное, детское и гинекологическое отделения. АГЛР 5214 имел хирургическое, терапевтическое, гинекологическое и инфекционное отделения и был загружен 870 больными. В ЭГ 3647 поступали из лагерей венерические больные. Он имел кожное, гонорейное, сифилитическое и диагностическое отделения. ТППГ 2711 был развернут на 200 коек, имел инфекционное и туберкулезное отделения. ХППГ 5193 на 400 коек имел хирургическое, гинекологическое, инфекционное и детское отделения. Для улучшения обслуживания больных на основании приказа УПЭП 109 (Управление полевого эвакуационного пункта) от 06.09.45 г. за № 0048 все госпитали были закреплены за определенными лагерями по следующему плану: лагерь № 253 – АГЛР 3434, лагерь № 254 – АГЛР 5214, лагерь № 256 – ППГ 5193, лагерь № 272, дислоцированный в Мейссене, – ППГ 4346, лагерь № 257, дислоцированный в Гроссенхайне – ЭП 151 и лагерь № 4, находившийся в Ошатце – ППГ 4186. Для обслуживания всех лагерей квалифицированной медицинской помощью предназначались госпитали: ТППГ 2711 (инфекционное и туберкулезное отделения), ЭГ 3647 (кожно-венерологическое, гонорейное отделения), ЭГ 4581 (инфекционное, хирургическое, акушерско-гинекологическое отделения).

Как указывалось выше, в мае 1945 г. медицинское обслуживание лагерей, дислоцированных в районе Цайтхайна, было возложено на головной полевой эвакуационный пункт 71 (ГПЭП 71) 8-й Гвардейской армии 1-го Белорусского фронта, выполнявшего функцию эвакуационного госпиталя. ГПЭП 71 был размещен в Цайтхайне в бывшем лагере для военнопленных, где были приняты больные и раненые в количестве 1206 человек, из них русских – 364, поляков – 691, итальянцев – 147, прочих национальностей – 4 человека. Госпиталь находился в 2 км от Цайтхайна и 9 км от г. Ризы¹⁵. Основной контингент больных составляли больные туберкулезом (по русскому отделению – 80 % всех больных), начиная от фиброзных форм и кончая кавернозными формами.

В апреле 1945 г. в госпитале умерло 17 человек, из них – 15 русских, что составило 4,5 % к числу оставшихся. Особенно тяжелые больные

были среди русских и итальянцев. В мае госпиталь был развернут на 1200 коек. В госпитале было 2 отделения для русских военнопленных, польское отделение, итальянское отделение, наблюдательное и родильное отделения. Организованы кабинеты: зуборчачебный, глазной, кожно-венерологический, кабинет уха, горла и носа. Всего с 26 апреля по 1 июня 1945 г. в ГПЭП 71 поступило раненых и больных разных национальностей 1498 человек. Контингент поступивших больных был исключительно тяжелым – преобладала открытая форма туберкулеза, поэтому в госпитале была большая смертность. Смертность за месяц составила: 153 человека по русским отделениям (19 % от пользовавшихся лечением) и 40 человек по отделениям союзников (в основном за счет итальянского отделения). Из 153 смертей – 138 с диагнозом активной формы туберкулеза¹⁶.

В июне в госпиталь на лечение поступило еще 1254 раненых и больных. 639 человек – бывшие военнопленные и гражданские лица из союзных государств (поляки, итальянцы, сербы, голландцы и др.). Умерло за месяц 80 человек, из них – 62 русских и 18 иностранцев (главным образом итальянцев), причем 73 случая летального исхода – туберкулез легких. В июле в госпитале находилось 1708 раненых и больных, поступило еще 735 больных. Выписано 338 человек, что составило 30,2 % от всех лечившихся. Эвакуировано 255 человек, из них – 93 итальянца, больные туберкулезом легких, отправлены на родину. Умерло в июле 102 человека (4,18 % от всех лечившихся). Летальность в основном за счет туберкулеза легких¹⁷. В августе в госпитале было 1334 репатрианта и 14 военнослужащих Красной Армии. В течение месяца умерло 73 человека. Диагноз умерших – туберкулез. В сентябре умерло еще 20 человек, что составило 2,5 % от всех больных¹⁸.

Таким образом, в ГПЭП 71 за период с 26 апреля по 1 октября 1945 г. умерло 483 человека. Высокая летальность среди репатриантов объясняется тем, что преобладали больные с открытой формой туберкулеза.

До 27 октября 1945 г. госпиталь ГПЭП 71 дислоцировался в бывшем лагере для военнопленных в Цайтхайне, после 27 октября он располагался на базе ГЛР 3434 в бывшем немецком госпитале в 3 км от Цайтхайна, в 8 км от г. Ризы и на расстоянии 1,5 км от лагеря № 253. В октябре в госпитале пользовались лечением 759 больных. Эвакуирован за месяц 261 человек (34,3 %) (больные переведены в госпиталь № 2711 и в другие госпитали ГСОВГ). Выписано в лагерь 177 человек (23 %). За октябрь умерло 22 человека (2,9 %), из них – от туберкулеза легких 6,1 % (от всех умерших)¹⁹.

В течение ноября в госпиталь в основном поступали больные из лагеря № 253 и из лагеря № 256. Выписано 73 человека (19 % к общему числу находившихся на лечении), эвакуировано 40 человек. Умерло за месяц 15 человек, что составило 4 %, из них 10 человек – от туберкулеза легких (67 % всех умерших). В основном это были бывшие военнопленные с двухсторонним кавернозным процессом в легких.

В декабре в госпитале находился на лечении 251 человек. В течение месяца поступило 37 человек (в подавляющем большинстве – больные из лагеря № 256). Выписалось в лагерь 113 человек. Умерло 5 человек, все бывшие военнопленные (1,7 % к общему количеству больных, находившихся на лечении), причем четверо – от активной формы туберкулеза. 12 декабря госпиталь был расформирован, и на 1 января 1946 г. больных не осталось.

Таким образом, во втором полугодии 1945 г. в ГПЭП 71 поступил 3451 человек. В этот период в госпитале лечились бывшие военнопленные и гражданские лица различной национальности, подлежащие репатриации. За этот период выписано в лагерь 3256 человек. Эвакуировано в другие госпитали 1078 человек. Умерло 317 человек (поступали больные с пониженным иммунитетом и сильно истощенные). Наблюдался большой процент смертности от туберкулеза²⁰.

Следует подчеркнуть, что только благодаря строго установленной системе организации санитарно-гигиенических, противоэпидемических и лечебных мероприятий в пунктах сбора репатриантов, лагерях и в пути следования медицинской службе удавалось не только не допустить эпидемического распространения инфекционных заболеваний среди репатриантов, но и провести огромную работу по оздоровлению и восстановлению утраченной за период пленения жизнеспособности и трудоспособности.

---

¹ Кюнг Н. Невидимый щит / Война за колючей проволокой. М.: Гос. изд-во полит. лит.-ры. 1958. С. 49–72.

² Нагель Й. Управление по делам военного плена вермахта / В кн.: Цайтхайн. Кн.1. Дрезден. 2005. С. 38.

³ Фонды Военно-медицинского музея. ОФ-60689/1–2.

⁴ Там же. ОФ-4965.

⁵ Нагель Й. Указ. соч. С. 57.

⁶ Фонды Военно-медицинского музея. ОФ-58327.

⁷ Там же. ВФ-6026/1–2

⁸ Нагель Й. Указ. соч. С. 55.

- ⁹ Фонды Военно-медицинского музея. ОФ-64058/1–3.
- ¹⁰ Соколова Е.И. Некоторые сведения по истории музея-заповедника бывших советских военнопленных лагеря 304 (ГҮХ) Цейтхайн // Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Вологда, 23–25 окт. 1997. Ч.1. Вологда, 1997. С. 47–50.
- ¹¹ Архив военно-медицинских документов Филиала Центрального архива МО РФ. Ф. 39. Оп. 8963. Д. 13. Л. 109–111.
- ¹² Там же. Л. 248–259.
- ¹³ Там же. Л. 322.
- ¹⁴ Там же. Л. 30, 221–222.
- ¹⁵ Там же. Л. 29.
- ¹⁶ Там же. Л. 29–31, 50–51.
- ¹⁷ Там же. Л. 57–62.
- ¹⁸ Там же. Л. 4–5.
- ¹⁹ Там же. Л. 47.
- ²⁰ Там же. Л. 108–109.

А.Н. Чубинский (Москва)

КОНСТРУКЦИИ ЗАМКОВ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ И ИХ НАИМЕНОВАНИЯ В РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ XVI – НАЧАЛА XVIII ВЕКА

ИССЛЕДОВАНИЕ механизмов воспламенения заряда, применявшихся на ручном огнестрельном оружии в России XVI–XVIII вв., может проводиться по разным направлениям, важнейшие из которых – типология и классификация замков, история их возникновения, выявление ранних и поздних конструкций, изучение национальных особенностей изготовления и использования замков тех или иных конструктивных систем.

Данная работа посвящена терминологии, применявшейся при описании огнестрельного оружия, точнее – классификации замков в документах XVI – начала XVIII в., времени их активного использования. Эта работа является необходимым этапом в изучении огнестрельного оружия Московского государства. Без точного знания номенклатуры оружейных замков XVI–XVIII вв. история раннего огнестрельного оружия России будет неполной.

Основной причиной появления настоящей работы послужила недостаточная разработка исторической терминологии для огнестрельного оружия. На сегодняшний день отсутствует ясное понимание, какое именно оружие могло быть описано в документах XVII в. под названиями типа «пищаль турская», «мушкет немецкий», «пистолы венгерские». Более определенными являются названия механизмов воспламенения заряда. Анализ большого количества описаний показал, что названия «замок английский», «замок шведский» и т. д. прилагались скорее к конструкции, типу замка, а не определяли место изготовления этой детали. Например, в описании пистолетов в документе 1664 г.: «Пара пистолей аглинские, стволы золочены сплошь, замки шкотския золочены ж...»¹, – говорится о паре пистолетов, все

детали которых изготовлены в Англии, в том числе и замки, которые по неким формальным признакам определены как «шотландские». Без комментариев можно оставить другую цитату, подтверждающую наше наблюдение: «сорок девять корабинов немецких з галанскими замками, с оправою с медною и з железною»².

В нашем исследовании мы будем опираться на современную классификацию замков и терминологию, разработанную в отечественном оружиеведении за последние 60 лет. В сборнике 1954 г. «Государственная Оружейная палата Московского Кремля» были опубликованы две статьи: к проблеме классификации европейских оружейных замков обратились Н.И. Соболев и В.А. Ермолов³, замкам русского производства было уделено внимание в статье Н.В. Гордеева⁴.

Е.В. Мышковский в работе 1965 г. «Замки русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв.»⁵ выделил и достаточно подробно описал ударно-кремневые замки русского, карельского, шотландского, голландского и турецкого типов. В отличие от прежних исследователей Е.В. Мышковский пытался сопоставить выделенные типы замков с их названиями в документах XVI – начала XVIII вв.

Значительная часть диссертации Л.И. Тарасюка 1965 г. также была посвящена замкам русского оружия рассматриваемого периода времени. Этот автор независимо от Е.В. Мышковского описал конструкцию русского замка, а также выявил его ружейный и пистолетный варианты, привел ряд ценных наблюдений об истории бытования замков англо-голландского типа.⁶

Последней крупной работой, в которой типологии оружейных замков было уделено должное внимание, стал «Определитель огнестрельного оружия русской армии» Л.К. Маковской, вышедший в 1992 г.⁷ В настоящем исследовании за основу будет принята типология из «Определителя» Л.К. Маковской с некоторыми уточнениями и добавлениями.

Практически все приведенные исследования имели существенный недостаток: перечисленные авторы приводили исторические названия тех или иных конструктивных схем, лишь формально опираясь на письменные источники. Ни для одного из опубликованных ими замков не было приведено описания из документов XVII в. Наша работа будет проведена на базе «эталонного» собрания оружия московской Оружейной палаты, для которого возможно сопоставление конкретных образцов оружия с описаниями в документах XVII в.

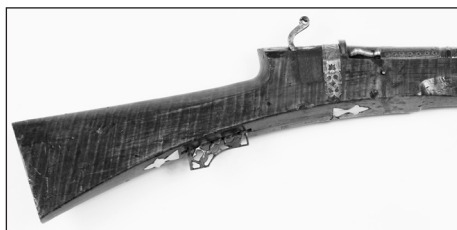
Наиболее ценные описания содержатся в крупнейшей оружейной описи XVII столетия – Переписной книге государевой оружейной казны 1687 г.⁸, а также в других описях царского арсенала XVII – начала XVIII в.⁹. Систематически к этим документам не обращался ни один из вышеуказанных исследователей.

Рассмотрение различных систем воспламенения заряда будет иметь порядок, повторяющий очередность их появления в России.

Фитильный замок (Matchlock). В Переписной книге Оружейной палаты 1687 г. как европейские ружья с фитильными замками,

Рис. 1. Фитильный замок на голландском мушкете 1610-х гг. Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-254

Рис. 2. Фитильный замок на турецкой пицали 1610-х гг. Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-498

имеющими замочную доску, так и турецкие ружья с курком, крепящимся непосредственно к ложе, описывались одинаково как ружье «с жагрою». Например, голландский «мушкет з жагрою, ствол граненой...»¹⁰ (рис. 1) и «пицаль турецкая з жагрою, ствол красной, на стволу четыре мишени золочены, три пояска серебряных; на полке королек красной...»¹¹ (рис. 2). Оружие с фитильным замком русского изготовления в Переписной книге 1687 г. не значится¹².

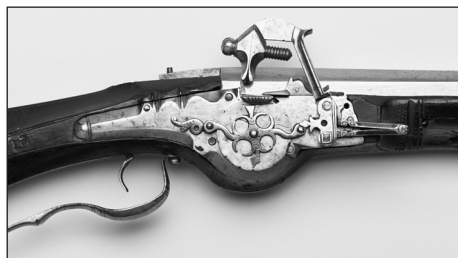
Заметим, что «жагра» обозначала не замок в целом, а лишь курок, служивший для фиксации фитиля. Это подтверждает описание детского оружия: «Мушкетец маленькой... жагра и доска и полка золочено»¹³, из которого следует, что жагра-курок является лишь одной из деталей замка, так же как доска и пороховая полка.

Слово «жагра» впервые было зафиксировано в 1574 г., однако не ясно, относилось ли это словоупотребление к оружию¹⁴. Древнейшее упоминание фитильного оружия в русских документах, скорее всего,

содержится в описи Соловецкого монастыря 1597 г.: «Да в анбаре триста тринадцатъ рушниц; да тритцать пять самопалов свицких с ветили и с пороховницами, и со фляшки»¹⁵. Вряд ли «самопалы свицкие с ветили», т. е. «швецкие ружья с фитилями», могли обозначать беззамковое оружие ручного воспламенения. Наверняка описанные самопалы были снабжены фитильными замками, а происхождение установленных на них стволов каким-то образом было связано со Швецией. Таким образом, «самопалы с ветили» – альтернативное наименование фитильного оружия, не встречающееся в позднейшее время. Древнейшие известные русские фитильные замки XVI столетия установлены на пищалах, хранящихся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге, происхождение которых – оружейная палата Соловецкого монастыря¹⁶. Возможно, именно эти пищали были описаны в 1597 г. как «самопалы с ветили».

В 1621 г. в описи Кирилло-Белозерского монастыря значились «62 пищали жагорных»¹⁷, однако, наиболее распространенный тип оружия с фитильным замком в документах XVII в., – строевые мушкеты «с жаграми». В московской Оружейной палате в 1647 г. таковых было более четырех тысяч¹⁸. Последние упоминания фитильного замка в рассматриваемый период времени содержатся в ведомости арсенала Богородицкой (Новобогородицкой) крепости в 1709 г.: «329 мушкетов жагранных, к стрельбе не годятся»¹⁹ и в списке замков, хранящихся в тульской Отдельной избе в 1713 г.: «жарканых [замков] 291»²⁰.

Колесцовый (колесный) замок (Wheellock). В Росписи походной казны 1654 г. описаны

**Рис. 3. Колесцовый замок немецкой работы на одном из пары карабинов (Оружейная палата, середина XVII в.).
Музеи Московского Кремля.
Инв. № Оп-533**

«2 карабина граненые гладкие замки колесные гладкие»²¹ (рис. 3), их описание в 1687 г. таково: «Пара карабинов гладких, стволы железа свицкого отерты на грани, замки колесные, помочи на колесах прорезные, станки чипрасовые; на одном оправа серебряная чеканная золочена в трех местех...»²². Известно, что

материал карабинных лож – кипарисовое («чипрасовое») дерево – широко применялся для станков пистолетов и карабинов царскими придворными мастерами (и, как кажется, совершенно не использовался европейскими ложещиками), а фрагменты серебряного чеканного прибора лож карабинов имеют прямые аналоги на оружии Оружейной палаты. Таким образом, данная пара карабинов на сегодняшний день – единственное точно идентифицированное оружие с колесным замком, изготовление которого можно связать с Россией²³. Замки на карабинах самовзводящиеся, взвод производится поворотом курка; замки, очевидно, европейского происхождения. Скорее всего, именно эти замки хранились в Оружейной палате в 1647 г. как отдельные детали: «Два замка немецкого дела колесные, коло заводится без ключа»²⁴. В данном случае «коло» – стандартное наименование наиболее характерной детали замка – колеса, выполняющего функцию огнива.

Добавим, что колесцовый замок, пожалуй, единственный из искровых, устройство которого угадывается по кратким описаниям в документах XVI–XVII вв. Так, наиболее раннее упоминание оружия с колесным замком в русских письменных источниках содержится в описи оружия боярина Бориса Федоровича Годунова 1588 г., где этот механизм носит название «ливонского замка»: «Самопал съежей... замок ливонской, сверх колеса обод и над колесом и кругом колеса золочена образинка»²⁵.

Добавим, что колесный замок в русских документах XVII столетия, скорее всего, мог именоваться «немецким». К сожалению, описание колесцовых пистолетов, точно идентифицированных в описи как «пистолет пара, замки немецкие, логи костяные»²⁶, относится к 1763 г., т. е. выходит за границы рассматриваемого нами периода времени.

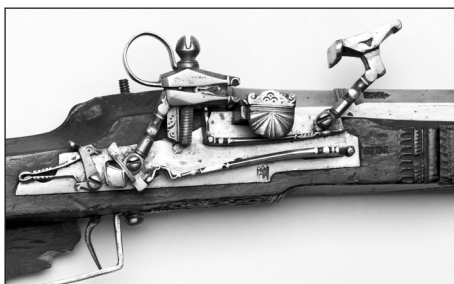
Таким образом, колесцовый замок в русских документах XVI–XVII вв. мог носить название «ливонский замок» и «колесный замок»; о наличии этого замка также можно судить по формулировкам типа «ружьё колесное». Возможно, колесцовый замок мог называться «немецким».

Русский замок²⁷ (Russian lock, Russian snaplock). Конструкция классического русского замка была впервые описана Н.В. Гордеевым в 1954 г.²⁸, тем не менее, название этой конструкции «русский замок» впервые дал Е.В. Мышковский в 1965 г.²⁹, в том же году Л.И. Тарасюк назвал эту схему ружейной разновидностью русского замка³⁰.

Конструктивные особенности русского замка – внешняя боевая пружина, действующая на носок курка сверху вниз, огниво, составляющее одну деталь с крышкой пороховой полки, а также шептало, выходящее на поверхность замочной доски за курком и удерживающее его пятку в положении взвода. Важнейшая деталь, отличающая русский замок от прочих искровых, – вторая крышка пороховой полки, подвижно закрепленная на вертикальной оси, отводящаяся в сторону перед выстрелом³¹. Явное наследие фитильного замка, эта крышка полки при опущенном огниве выполняла функцию предохранителя при случайном спуске курка.

Подобный русский замок установлен на пищали из Оружейной палаты со стволом работы Никифора Кобелева³², на замке выбито клеймо «ИВАН»³³ (рис. 4). В Переписной книге 1687 г. эта крепостная пищаль описана как «Пищаль долгая... замок рускова дела... станок кленовой с порескою, оправа железная»³⁴. Пищаль и, соответственно, замок датируются 1663 г.³⁵

Русский замок на уникальной пищали с вкладным стволом³⁶, изготовленной в Оружейной палате в 1668 г., в Переписной книге 1687 г. назван «московским»: «пищаль винтованная, ствол железа свицкого польского дела, в большой ствол вставлен другой ствол осмерик... замок московское дело, собачка, по местам золочен...»³⁷ (рис. 5). Замок на пищали с

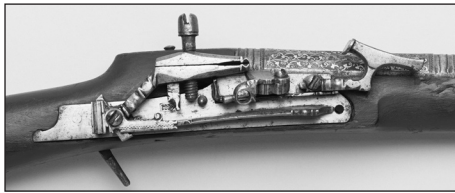
Рис. 4. Русский замок с клеймом ИВАН на крепостной пищали работы мастера Никифора Кобелева (Оружейная палата, 1663 г.); на крышке полки утрачена рукоятка. Музеи Московского Кремля. Инв. № Оп-1986

Рис. 5. Русский замок с клеймом КУСМА на пищали с вкладным стволом работы мастера Луки Журина (Оружейная палата, 1668 г.). Музеи Московского Кремля. Инв. № Оп-88

клеямом «КУСМА»³⁸ имеет одну пружину, совмещающую действие боевой и подогнивной, при этом на замочной доске ниже пороховой полки имеется прямоугольный паз для крепления одноперой подогнивной пружины. Несомненно, первоначально на замке планировалось поместить две прямые пружины, однако мастер по какой-то причине изменил решение и, не внося никаких прочих конструктивных изменений, остановился на одной «гнутой» пружине. Этот замок показывает, что форма пружин не являлась принципиально важной и при современной типологизации не может служить основанием для выделения отдельных замочных типов.

Упомянутая в описании замка собачка – внешний предохранитель курка в виде подпружиненного крючка – также не может служить

Рис. 6. Русский замок на казачьей пищали конца XVII – начала XVIII в. (село Павлово под Нижним Новгородом). Музей Московского Кремля. Инв. № Ор-4991

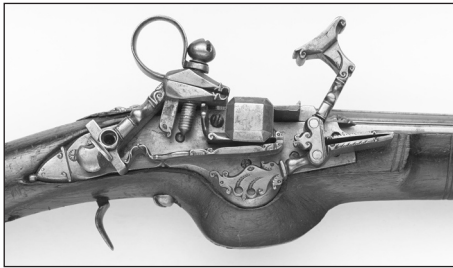
деталью, определяющей отдельную разновидность русского замка, и даже не является подспорьем для его датировки. Так, собачка изредка устанавливалась на самых ранних русских замках, но отсутствовала на группе поздних русских замков (рис. 6) казачьих пищалей, изготовленных в селе Павлове под Нижним

Новгородом в конце XVII – начале XVIII в.³⁹ Примечательно, что в Описи Оружейной палаты 1711 г. приведенный на иллюстрации замок назван «казачьим»: «Пищаль красного железа казачья... устье ложчатое, насечено золотом и серебром, станок терского клену... замок казачей»⁴⁰.

Русский замок со скользящей крышкой полки (Russian snaphaunce). В XVII в. в России существовал замок другой конструкции, называвшийся в документах также русским, но заметно отличающийся от описанных выше. Конструкция подобных замков была впервые описана Н.В. Гордеевым⁴¹ и определена Л.И. Тарасюком как «русский пистолетный замок»⁴². Его главным отличием от классического русского замка являлась крышка пороховой полки, автоматически сдвигавшаяся вперед после спуска курка и открывавшая запальный порох на полке. Необходимая для этой конструкции

внешняя деталь – щиток пороховой полки, который служил направляющей при движении крышки вдоль замочной доски. Конструктивно русский пистолетный замок воспринял ряд деталей и механизмов от замка голландского типа. Точнее, этот подтип русского замка сохранил от первоначального механизма лишь форму курка и куркового кронштейна, а также способ действия боевой пружины, все прочие детали и узлы не отличались от существовавших на голландских замках. Скорее всего, именно эта конструкция породила многолетнюю путаницу с историческими названиями замков в конце XIX – XX вв. и позволила считать русскими замки голландского типа (которые в действительности массово производились в России).

Наиболее ранние из числа сохранившихся замков этого вида установлены на пистолетах, отмеченных в Росписи походной оружейной казны 1656 г.: «Пара пистолей руское дело Гарасима Варначова... замки руские, станки чипрасовые, оправа серебряная чеканная золочена»⁴³. Эти замки имеют уже устоявшуюся форму и характерное декоративное оформление (рис. 7).

Рис. 7. Русский замок со скользящей крышкой пороховой полки работы мастера Павла Михайлова на одном из пары пистолетов (Оружейная палата, сер. XVII в.). Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-4966

В современном оружейном собрании музея подобные замки встречаются только на кавалерийском оружии, карабинах и пистолетах и всегда имеют две внешние дуплеры пружины – боевую и подогнивную⁴⁴.

помимо конструкции от русского ружейного замка эти замки, как правило, отличают компактный размер и форма доски с округлым выступом снизу. В описи оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г. карабины и пистолеты с русскими замками с двумя дуплерами («гнутыми») пружинами часто назывались «сплошными»: «Два карабина русских стволы грановиты длиною по аршину без полувершка, замки сплошные руссково же дела, пружины гнутые»⁴⁵. Скорее всего, такое наименование относится к описанному пистолетному виду русского замка («сплошный», буквально «с полочный», т. е. имеющий модернизированную пороховую полку с автоматической крышкой).

В то же время, на ранних карабинах русской работы могли устанавливаться и замки ружейного типа. Например, наиболее раннее упоминание русского замка (1642) относилось, скорее всего, к ружейному подтипу: «Карабин ствол гладкой русской с прикладом, замок русской же пружины прямые»⁴⁶.

Отметим, что до 1640-х гг. упоминания «русского замка» в документах не известны. Однако археологические источники и сохранившиеся ранние русские замки из музейных собраний показывают, что ружейный подтип этого замка существовал, скорее всего, уже к концу XVI в. Это дало возможность установить, что русский замок в документах конца XVI – середины XVII в. выступал под другим названием и назывался «свитским» или «свейским», т. е. «шведским»⁴⁷. Источником для такого вывода послужило сравнение описей трех оружейных арсеналов XVII в.: московской Оружейной палаты и оружейных палат Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей.

В Росписи царской походной казны 1656 г. содержится следующая запись: «Пара пистолей руское дело... замки свицкие по местам золочены, станки чипрасовые, оправы серебряная чеканная золочена»⁴⁸. Эта запись означает, что у пары пистолетов, сделанных русскими мастерами, с ложами из кипариса с серебряным прибором, имеются «шведские» ударно-кремневые замки. Однако ни в одной другой описи Оружейной палаты и, что самое главное, в ее собрании не встречаются шведские (шире – скандинавские) кремневые замки XVII в.

В Описи оружейной палаты Троице-Сергиева монастыря под 1641 г. среди прочего оружия числятся «360 самопалов с замки свитскими... 77 замков свитских... 19 пищалей съезжих с колесными и свитскими замками...»⁴⁹, однако в следующей описи монастырского арсенала эти «шведские замки» и самопалы бесследно исчезают⁵⁰. В Описях оружейной казны Кирилло-Белозерского монастыря числились «118 самопалов свицких и московское дело» в 1621 г. и «132 самопалов свитцких» в 1635 г.⁵¹ Однако в описи оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г.⁵² не зафиксировано ни одного образца оружия с шведским замком⁵³.

Невозможно предположить, что из всех трех арсеналов во второй половине XVII в. исчезло именно оружие со шведскими замками (в отличие от прочих систем воспламенения заряда). В то же время, во всех трех оружейных собраниях в более поздних описях

массово появляются «русские замки», ранее не фиксировавшиеся. Очевидный вывод – изменения в описях обусловлены не изменениями фактического наполнения арсеналов, а изменениями оружейной терминологии: один и тот же механизм в русских документах первой половины – середины XVII в. именовался «шведским» («свицким», «свейским») замком, а с середины XVII в. – русским⁵⁴.

Этот вывод позволяет по-новому взглянуть на наиболее ранние свидетельства о производстве замков на территории России. Например, заказ московского стрелецкого старосты в 1616 г. у устюженских самопальных мастеров «триста самопалов с замки и с ложи, ствол шести пядей, замки на свитцкое дело»⁵⁵. Другой пример – государственный заказ затинных пищалей в Туле 1614 г.: «Указал государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси ковати на Туле и в Павшине сто пищалей затинных с свицкими замки и к ним зделати станки»⁵⁶. В обоих случаях речь шла наверняка об огнестрельном оружии с ударно-кремневым замком русского типа.

В древнейшей из известных русских описей оружия – в описи оружия Бориса Федоровича Годунова 1588 г. – среди колесцовых самопалов европейской работы числился и «самопал турецкой долгой... замок свейский»⁵⁷. Мы вправе считать эту запись первым упоминанием сделанного в России ручного огнестрельного оружия с русским замком. Определение «турецкий», скорее всего, означает, что на оружии установлен ствол турецкой работы, но едва ли в XVI в. турецкий ствол и русский замок могли встретиться где-либо, кроме русского государства.

Таким образом, классический **русский замок** (русский ружейный замок) в течение своего существования мог называться «шведский замок», «русский замок», «московский замок» и «казачий замок». Также у ружейных русских замков мог быть любой набор пружин: наиболее распространенный «пружины прямые», а также «пружины гнутые» и «пружина гнутая».

Русский замок со скользящей крышкой полки (русский пистолетный замок) или, если вводить новое определение для данной типологической группы, – **замок русско-голландского типа** в документах XVII в. именовался «шведский замок», «русский замок», «замок русский пружины гнутые»⁵⁸, а также, скорее всего, «замок русский сполочный».

Скандинавский замок (Scandinavian lock). Е.В. Мышковский первым из отечественных исследователей описал конструкцию замка, внешне подобного русскому (рис. 8.1), но с боевой пружиной (чаще всего совмещенной с подогнивной), действующей снизу вверх на пятку курка, и сопоставил этот механизм с упоминаемым в документах XVII в. карельским замком⁵⁹. В европейской оружейной литературе эта конструкция рассматривается как **норвежский замок (Norwegian lock)**, один из подтипов скандинавского замка⁶⁰. «Карельский замок» в описях Оружейной палаты не упоминается, равно и в собрании Музеев Московского Кремля нет подобных замков, поэтому мы не можем указать точно, какое название соответствовало замкам норвежского типа в русской оружейной лексике XVII в. Однако метод исключения, применяемый к уже известным нам системам воспламенения и их названиям в описях XVII в. столетия, позволяет заключить, что для конструкции, сохранившейся в ряде музейных образцов и описанной Е.В. Мышковским, в документах указанного времени остается лишь одно подходящее наименование – «карельский замок». Таким образом, положение Е.В. Мышковского, выдвинутое без достаточных аргументов, остается наиболее правдоподобным. В современной типологии для замка, описанного этим автором, разумно оставить название карельского, однако, со ссылкой на название, принятое в европейской классификации: карельский (норвежский) замок.

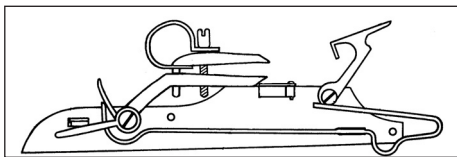

Рис. 8.1. Замок норвежского типа (карельский?)

Тем не менее, в России бытовал и другой подтип скандинавского замка – **замок шведского типа**⁶¹ (**Swedish lock**), сходный с норвежским⁶² формой и действием боевой пружины и отличавшийся от последнего видом курка, чрезвычайно длинные губки которого были загнуты под прямым углом по отношению к стойке, а также способом крепления его верхней губки (рис. 8.2)⁶³. Единственный в российских музейных

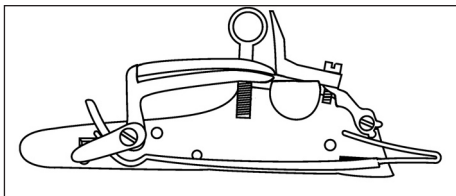

Рис. 8.2. Замок шведского типа

собраниях ранний замок этого типа находится в экспозиции Артиллерийского музея в Санкт-Петербурге⁶⁴. Как и в отношении норвежского, наиболее вероятно, что замок шведского типа в русских документах носил название «карельского».

В оружейных собраниях России имеется также несколько мушкетов с замками шведского типа⁶⁵, которые в одних случаях трактуются как боевые шведские ружья 1707 г. изготовления⁶⁶, в других – как русские «гартмановские фузеи», изготовлявшиеся в России с 1701 г. по образцу мушкетов, якобы приведенных из Швеции голландским коммерсантом Даниилом Гартманом⁶⁷. С нашей точки зрения, доказать шведское происхождение этих ружей крайне трудно, как нельзя сопоставить их с фузеями, поставленными Гартманом: «Торговому иноземцу Данилу Гартману... поставить у города Архангелского к... сентября 1 числа 205 [1696] году три тысячи мушкетов немецких добрых с оправою и шкоцкими замками»⁶⁸. Из приведенной цитаты следует, что замки на мушкетах были «шкоцкими», т. е. принадлежали к принципиально иному типу (см. ниже).

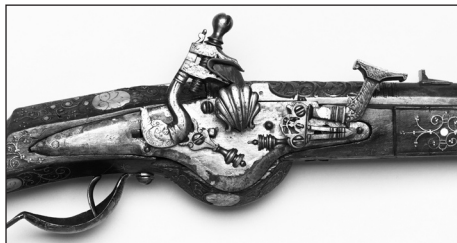
Несколько выходя за рамки нашего исследования, предположим, что известные на сегодняшний день армейские ружья, считавшиеся трофеями Северной войны или «гартмановскими фузеями», изготовлены на Петровских Олонецких заводах в 1707 г.⁶⁹, а образцом для их замков послужили не современные им замки на шведском строевом оружии, а замки шведского типа, традиционно производившиеся в данном регионе, в том числе и русскими мастерами, и именовавшиеся «карельскими».

Замок англо-голландского типа или голландский замок⁷⁰ (Dutch lock, Anglo-Dutch lock, Dutch snaphaunse). Конструктивные особенности данного замка – шептало, выходящее на внешнюю сторону замочной доски и зацепляющее пятку курка, а также скользящая крышка пороховой полки, которая автоматически сдвигается вперед при падении курка. Боевая пружина и сдвигающий полку механизм размещены на внутренней поверхности замочной доски. Характерные детали, форма которых косвенным образом связана с конструкцией, – S-образный курок и щиток пороховой полки.

История бытования этого замка в отечественной литературе была рассмотрена Е.А. Яблонской⁷¹, этот же исследователь впервые обратил внимание на то, что англо-голландский замок в русских документах имел два разных наименования⁷². В Переписной книге

Оружейной палаты 1687 г. этот замок вне зависимости от нюансов конструкции и декора назывался «англинский»⁷³ (английский) или «шкоцкий»⁷⁴ (шотландский). Оба названия имели пространственные вариации, например, помимо краткого определения «замок англинской» употреблялись обозначения «замок англинское дело» и «замок на англинское дело»⁷⁵. Ранее считалось, что подобным образом составители описи пытались различать замки собственно английского производства и замки той же конструкции отечественного изготовления⁷⁶. Однако сравнение большого количества замков на оружии из собрания Оружейной палаты с их названиями в Переписной книге 1687 г. показало, что при существовании подобной тенденции к англо-голландским замкам русского производства могли прилагаться любые из перечисленных выше названий, в том числе «замок шкоцкий», «замок шкоцкое дело». Таково, например, описание замков с клеймами русского мастера Первуши Исаева на паре пистолетов, сделанных в Оружейной палате во второй половине 1620-х гг.: «Пара тюфяков коротких винтованных Тимофеева дела Лученинова... замки аглинское дело резные, золочены и серебряны»⁷⁷. Вот как описано нарезное ружье

Рис. 9. Замок голландского типа на пищали работы мастера Никиты Давыдова (Оружейная палата, 1640-е гг.). Музей Московского Кремля. Инв. № Ор-1991

работы Никиты Давыдова 1640-х гг.: «Пищаль винтоватая Микитина дела Давыдова, на стволу в трех местах мишени золоченые травы, замок англинской золочен месты...»⁷⁸. Замок на этой пищали (рис. 9), безусловно, русской работы; судя по декору и оформлению отдельных деталей, его изготовил, вполне возможно, сам Никита Давыдов.

Нарезной карабин работы мастеров Оружейной палаты 1650-х – начала 1660-х гг. с замком англо-голландского типа русского изготовления в упомянутой описи значится как «карабин винтовальной шестерик свицкова железа... замок шкоцкое дело, полка лощатая золочен по местам...»⁷⁹.

Описание парных пищалей 1670-х – начала 1680-х гг., замки которых (рис. 10) исполнены, предположительно, мастером Оружейной палаты Аввакумом Антропьевым: «Пара пищалей винтовальных... Васильева дела Федотова... замок шкоцкой резной, на полке орел двоеглавой, на курку на конце доски головы китовы, на досках промеж китовой головы и курка по зверю, весь замок вызолочен»⁸⁰.

Рис. 10. Замок голландского типа работы мастера Аввакума Антропьева (?) на пищали, изготовленной мастером Василием Федотовым (Оружейная палата, 1670-е – начало 1680-х гг.). Музей Московского Кремля. Инв. № Ор-419

Наиболее раннее упоминание «шкоцкого» замка фиксируется в описи конфискованного в 1608 г. у новгородца М.И. Татищева имущества, среди которого значатся «2 замка самопальные шкоцкие»⁸¹; «шкоцкие самопалы» упоминаются в описях оружейной казны Кирилло-Белозерского монастыря 1621 и 1635 гг.⁸² Однако в документах Оружейной палаты первой половины XVII столетия встречаются почти только «англинские замки», а наименование «шкоцкие замки» появляется впервые в Рospиси походной казны, взятой царем Алексеем Михайловичем под Смоленск в 1654 г.⁸³ В 1660–1680-е гг. в делопроизводственных документах Оружейной палаты наименование «шкоцкие замки» становится стандартным, хотя в Переписной книге достаточно большое количество этих замков все еще называется «англинскими», по всей видимости, эти названия переписываются из прежних описей. Однако ни в одной из описей оружия Кирилло-Белозерского монастыря 1621, 1635 и 1668 гг. «англинские замки» не упоминаются. Наименование «шкоцкий замок» встречается до конца рассматриваемого периода времени: в арсенале Богородицкой крепости в 1709 г. числилось «1248 карабинов с шкотцкими замками»⁸⁴.

При перечислении в описи 1687 г. боевого оружия «англинские» замки не встречаются вовсе, «шкоцкие» – изредка, например «восемьдесят три мушкета с рускими и с шкоцкими замками»⁸⁵. Возможно, что замок англо-голландского типа имел еще одно наименование – «голландского»

(голландского): «Восмдесят шесть пищалей длинных немецких голландского дела, станки в трех местех золочены, станки ореховые; замки галанские ж», «Двести семдесят мушкетов с голанскими замками»⁸⁶. Однако ни один из упоминаемых в документах «голландских» замков в собрании музея не идентифицирован.

Таким образом, **замок агло-голландского типа** в русской оружейной терминологии XVII–XVIII вв. имел следующие названия: «шкоцкий замок» («замок (на) шкоцкое дело»), «английский замок» («замок (на) англинское дело»), а также, возможно, «голландский замок».

Английский замок⁸⁷ (**English lock**) отличается от голландского огнивом, совмещенным с крышкой полки. Внешне этот замок походит на французский, за исключением курка: спусковой механизм повторяет голландский снелпан⁸⁸. Подобные замки сохранились на двух английских пистолетах 1640-х гг. из собрания Оружейной палаты. В Переписной книге 1687 г. оба замка названы «аглинскими»⁸⁹. В России этот замок наверняка не производился.

Конструкция замка ударно-кремневого **замка французского типа**⁹⁰ или батарейного (**Flintlock, French Lock**) общеизвестна. Важнейший признак, отличающий от прочих кремневых замков, – спусковой механизм на внутренней поверхности замочной доски, обеспечивающий полувзвод курка; второй признак французского замка – огниво, совмещенное с крышкой пороховой полки. Этот механизм был изобретен около 1610 г. французским оружейником Мареном ле Буржуа⁹¹, а одно из самых ранних повторений этой конструкции – замок на русском револьвере второй половины 1620-х гг., изготовленном известнейшим московским оружейником Первушей Исаевым⁹². Но наиболее раннее описание этого револьверного пистолета (1654) не отличает механизм воспламенения от англо-голландского: «Пистолец о шти зарядах Первого дела Исаева; станок яблоновой почернен, оправка серебряная в десяти местех резная, замок аглинской по местам золочен»⁹³. Парадоксально, но батарейный замок Первуши Исаева – самый ранний и единственный из изготовленных русскими мастерами в XVII в. Помимо этого замка до наших дней сохранились французские замки только работы мастеров-иностранцев Оружейной палаты 1660–1670-х гг.

В Переписной книге Оружейной палаты эти замки, как правило, называются «барабарскими»⁹⁴: «Пара пистолей свицкого железа... Филипова дела Тимофеева... замки на бараборское дело, курок и огниво с порескою... на курках вырезано по левику... станки кость слоновая» (рис. 11)⁹⁵.

Еще один багарейный замок работы замечательного мастера Оружейной палаты Филиппа Тимофеева Болдырева на двустольной пищали в Переписной книге назван «французским»: «Пищаль двойная один ствол осмерик, другой гладкой Филипова дела Тимофеева... стволы железа свицкого... замки французское дело золочены травы обронные, под куркам человек с копьем, на курке лев да личинка...»⁹⁶

Однако французские замки, установленные на другом произведении Филиппа Тимофеева Болдырева – паре пищалей конца 1670 – начала 1680-х гг. (рис. 12) в той же описи названы (ошибочно) «шкоцкими»: «Пара пищалей одна винтованная шестерик, а другая гладкая Филипова дела Тимофеева... замки на шкоцкое дело, на доске змия да коркодин насечены золотом»⁹⁷.

Термин «барабарский замок» стал общеупотребительным, по всей видимости, уже в 1640-е гг.; так, в царской оружейной казне в 1647 г.

Рис. 11. Замок французского типа на одном пистолете из пары работы мастера Филиппа Тимофеева Болдырева (Оружейная палата, 1677). Подогнивная пружина закрыта кожаном под пороховой полкой. Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-113

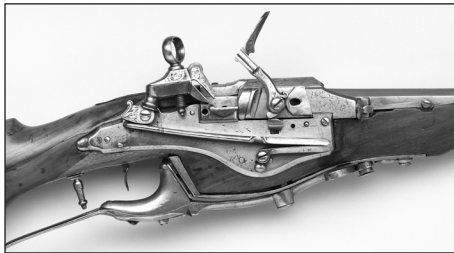
Рис. 12. Замок французского типа на пищали работы мастера Филиппа Тимофеева Болдырева (Оружейная палата, конец 1670 – начало 1680-х гг.). В Переписной книге этот замок ошибочно назван «шкоцким». Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-1939

в числе строевого оружия хранился в общей сложности 741 мушкет с «барабарскими замками»⁹⁸. Первое упоминание «французского» замка встречается в росписи 1660 г. мастеров Оружейной палаты, выехавших из Великого княжества Литовского: «Виленские замочного х пищалем дела мастера: Ганс Маер, немчин, делает французские замки»⁹⁹.

Итак, **французский ударно-кремневый замок** в русских документах выступал под названиями «замок барабарский», «замок французский», при определении единичных образцов оружия мог ошибочно именоваться «замок англинский» и «замок шкоцкий».

Замки средиземноморского типа (Mediterranean locks). Для этих механизмов характерны внешняя боевая пружина и двойное шептало, позволяющее поставить курок на полувзвод, а также крышка пороховой полки, совмещенная с огнивом. Среди этих замков выделяется **испанский замок**¹⁰⁰ или **микелет (Spanish lock, Spanish miquelet, Miquelet)**, с пружиной, действующей снизу вверх на пятачку курка.

В Оружейной палате XVII в. хранился единственный образец оружия с испанским замком: «Пищаль скорострельная ствол гладкой, замок шпанской по местам порезан, станок яблоновой, на станку одна обоймица серебрена...»¹⁰¹. Интересно, что этот замок (рис. 13) и уникальное для России семизарядное ружье изготовлены в Москве оружейным мастером Каспаром II Кальтхофом, подданным английского короля Карла II. Приведенная цитата из описи показывает,

**Рис. 13. Замок средиземноморского типа (испанский микелет) на магазинном семизарядном ружье работы мастера Каспара Кальтхофа II (Москва, 1665 г.).
Музей Московского Кремля.
Инв. № Оп-1947**

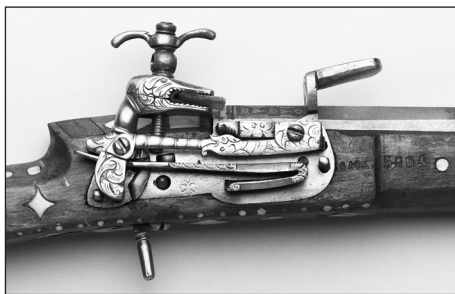
что на момент составления описи существовало представление об особой конструкции и дизайне испанской разновидности средиземноморского замка. Тем не менее, это единственный известный нам случай, когда для приведенной конструкции и названия можно установить однозначное соответствие. В других случаях мы не можем уверенно судить о виде механизма

воспламенения, например, исходя из данных о поставке в Россию в 1682 г. голландским купцом Ильей Табертом 4000 «шпанских» мушкетных замков¹⁰². Вполне возможно, под этим названием проходили кремневые замки средиземноморского типа, с другой стороны, это предположение не подтверждается сохранившимся в музеях России оружием. Для сравнения – поставленные Ильей Табертом в 1681 г. 1500 «бараборских» мушкетных замков¹⁰³ наверняка принадлежали к французскому типу.

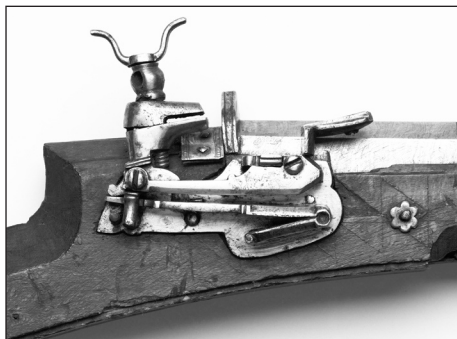
Турецкий микелет (Turkish miquelet). Этот замок отличается от испанского наличием боковой планки – перемычки, соединяющей оси крепления курка и огнива. В Переписной книге Оружейной палаты 1687 г. турецкий подтип средиземноморского замка называется «турским» или «на турецкое дело», например, «пара пищалей турки русское дело... замки на турецкое дело о два взвода»¹⁰⁴ или «пищаль гладкая турецкая... замок турецкой, весь присинен, подмога наведена серебром»¹⁰⁵. К сожалению, ни один из упомянутых в Переписной книге 1687 г. «турских» замков не сохранился до нашего времени, хотя, как мы видели, описание таких замков «о два взвода» позволяет убедиться в том, что замок действительно принадлежит к средиземноморскому типу. Замки «на турецкое дело» массово изготавливали как мастера Оружейной палаты, так и кузнецы подведомственного Оружейной палате Ствольного приказа по крайней мере с первой половины 1670-х гг. Так, один из указов 1674 г. предписывал «зделать пятьдесят замков против прежних на турецкое ж дело Оружейныя полаты замочного дела мастером Оське Олферьеву, Ивашку Федотову, да Ствольного приказу Ларке Алферьеву, Кузьке Кондратьеву».¹⁰⁶

Возможно, один из этих замков с клеймом в виде двуглавого орла ныне установлен на казачьей пищали (рис. 14).

В качестве точного со-
ответствия внешнего вида

Рис. 14. Замок средиземноморского типа (турецкий микелет) на казачьей пищали (Оружейная палата, Ствольный приказ, 1670–1680-е гг.). Музей Московского Кремля, инв. № Ор-1980

Рис. 15. Замок средиземноморского типа (турецкий микелет) на турецком ружье, принадлежавшем князю В.В. Голицыну (Турция, до 1689 г.). Музей Московского Кремля. Инв. № Ор-3652

турецкого замка и его названия в документе XVII в. можно привести замок на турецком ружье (рис. 15), которое до 1689 г. принадлежало князю и ближнему боярину В.В. Голицыну: «Пищаль завесная ствол красного железа... замок турецкой местами золочен»¹⁰⁷.

Итак, в результате проделанной работы получили свои исторические наименования все оружейные замки, находившиеся в

Оружейной палате к началу XVIII в. Более того, в данной статье упомянуты, скорее всего, все конструктивные типы замков, бытовавших в России указанного периода времени¹⁰⁸.

Однако несколько замков из числа упоминавшихся в архивных документах остаются не идентифицированными или определенными приблизительно.

«Голландский» и «немецкий» замки, упоминавшиеся выше, можно гипотетически сблизить с замком англо-голландского типа и колесцовым. Еще один замок, массово использовавшийся на строевом оружии, судя по Описным книгам Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г., – «венгерский». Такой замок был установлен на всех видах импортного боевого оружия: «Шестьдесят пять мушкетов... длиною стволы в полтора вершка, замки вингерские»; «карабин, ствол и замок вингерской, с погоном и с скобою», «двести три пары пистолей вингерских с замками...» (в последней цитате замки не названы «венгерскими» в явном виде)¹⁰⁹. Ближайшая аналогия в документах конца XVII в. – пищали «венгерки» из имущества князя В.В. Голицына: «Две пары венгерок... замки у обеих пар резные колесные... Венгерка ж осмерик... на реске трубка, замок колесной с порескою»¹¹⁰. Эта информация позволяет предположить, что «венгерским» в последней трети XVII в. назывался колесный замок.

Один из основных выводов настоящей работы – заметная расплывчатость терминологии XVI – начала XVIII в., применяемой к огнестрельному оружию. Наличие синонимических названий замков одной конструкции («англинский» и «шкоцкий») и объединение под одним названием различных механизмов («русский» ружейный замок и «русский» замок со скользящей крышкой полки) позволяют говорить скорее не о терминологии, а об исторической оружейной номенклатуре – простой совокупности названий в рассматриваемой предметной области. Название того или иного замка в документах XVI–XVIII вв. далеко не всегда позволяет нам понять, о какой именно конструкции идет речь. Из числа кремневых замков наиболее точно определяют конструкцию механизма воспламенения названия «англинский» и «шкоцкий» (обозначающие замок англо-голландского типа), «барбарский» (французский) и «турский» (турецкий микелет). Наименование «русский замок» подразумевает две конструкции и скорее указывает на характерное оформление деталей замка. Все прочие соответствия конструктивных схем и исторических названий замков устанавливаются приблизительно. Источники и причины появления выявленных названий оружейных замков – задача, далеко выходящая за пределы данного исследования.

¹ Яковлев Л.П. Русские знамена. М., 1865. Приложение № 56. С. 119.

² Переписная книга Оружейной и всякой царской казне и красок, что в Оружейной палате, в Большой казне, и в прочих палатах 1687 г. // РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 936. Л. 362 (далее – Переписная книга 1687).

³ Соболев Н.И., Ермолов В.А. Огнестрельное привозное оружие XVI–XVII вв. // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 388–434.

⁴ Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века // Там же. С. 42.

⁵ Мышковский Е.В. Замки русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв. // Советская археология. 1965. № 4. С. 186–198.

⁶ Тарасюк Л. И. Русское ручное огнестрельное оружие XVI-XVII вв. (Воспламенятельные механизмы, их эволюция и применение). Кандидатская диссертация на правах рукописи. Л., 1965. С. 183, 187–188.

⁷ Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV – XVIII веков. Определитель. М., 1992.

⁸ Переписная книга 1687. Л. 362.

⁹ Роспись походной казны царя Алексея Михайловича, что была в Смоленске в 1654 г. // РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5692; Роспись Оружейной казны царя Алексея Михайловича, которая была в походе [под Ригой] 1656 // Там же. Д. 5835.

¹⁰ Переписная книга 1687. Л. 232 об. № 44.

¹¹ Там же. Л. 221 об. № 19.

¹² Это не означает, что такого оружия не было вовсе. Например, «Четыре карабина потешных стволы гладкие замки барбарские и з жагрою» (Переписная книга 1687.

Л. 363 об. № 7) наверняка были выполнены мастерами Оружейной палаты для детей царя Алексея Михайловича.

¹³ Переписная книга 1687. Л. 353 об. – 354. № 11.

¹⁴ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978. С. 69.

¹⁵ Опись Соловецкого монастыря 1597 г. // Описи Соловецкого монастыря XVI века / Отв. ред. М.И. Мильчик. СПб., 2003. С. 168.

¹⁶ См.: Маковская Л.К. Указ. соч. С. 102, 103.

¹⁷ Опись оружейной казны Кирилло-Белозерского монастыря, составленная в 1621 г. // Кирпичников А. Н., Хлопин И.Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI–XVIII вв. Приложение 3. МИА. № 77. 1958. С. 196.

¹⁸ См.: Ларченко М.Н. Перечневая роспись оружейной казны царя Алексея Михайловича 1647 г. // Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972. С. 177.

¹⁹ Труды императорского русского военно-исторического общества. Т. 3. Документы Северной войны. Полтавский период. СПб., 1909. № 133; Ведомость 1709 г. артиллерии и военных припасов в Новогородицком. С. 137.

²⁰ Щеглова Н.А. Технический словарь тульских оружейников XVII–XVIII веков. М., 2004. С. 82.

²¹ Роспись походной казны царя Алексея Михайловича, что была в Смоленске в 1654 г. // РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5692. Л. 24.

²² Переписная книга 1687. Л. 360–360 об. № 10.

²³ В трех крупнейших оружейных собраниях России – Эрмитаже, Артиллерийском музее в Санкт-Петербурге и Историческом музее в Москве существует несколько единичных образцов оружия с колесцовым замком, изготовленных, как считается, в России. Однако серьезных доказательств русского происхождения этого оружия не приводилось.

²⁴ Роспись государевой оружейной казны 1647 // РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 4. Д. 3593. Л. 22.

²⁵ См.: Опись казны Бориса Федоровича Годунова 1588 г. // Савваитов П.[И.] Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора... СПб., 1865. С. 32. «Съезжей» (в других случаях «съезжей») – кавалерийский.

²⁶ Ведомость состоящая в Араниенбоме оружейной камере бывшего императора 1763 г. // РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 61274. Л 128 об. № 1. Пистолеты представлены в экспозиции Оружейной палаты в витрине № 24. Инв. № Ор-269, 270. См. также: Императорская Рюсткамера. СПб., 2004. Кат. № 75.

²⁷ См.: Маковская Л.К. Указ. соч. С. 93, рис. 7; С. 94, рис. 12.

²⁸ Гордеев Н.В. Указ. соч. С. 11, 13.

²⁹ Мышковский Е.В. Указ. соч. С. 191, рис. 3.

³⁰ Тарасюк Л.И. Указ. соч.

³¹ Эта же деталь присутствует на отдельных образцах ранних скандинавских замков.

³² Опись Московской Оружейной палаты 1886. № 6628, современный инв. № ОР-1986.

³³ В Оружейной палате работало несколько замочных мастеров с именем Иван, кроме того, замок мог быть изготовлен мастером Ствольного приказа.

³⁴ Переписная книга 1687. Л. 316. № 46.

³⁵ См. Чубинский А.Н. К истории русского кремневого замка. Тула, 2014 [в печати].

³⁶ Государева Оружейная палата. СПб., 2002. Кат. № 79. С. 374–375. Инв. № Ор-88.

³⁷ Переписная книга 1687. Л. 302–302 об. № 25.

³⁸ Возможно, клеймо принадлежит мастеру московской Оружейной палаты Кузьме Мартынову. См.: Государева Оружейная палата. СПб., 2002. Кат. № 79. То же клеймо

имеется на замке пистолета из собрания ВИМАИВиВС, инв. № 1/720. См.: Маковская Л.К. Указ. соч. С. 177, рис. 149.

³⁹ См.: Материалы и исследования XXI // Федеральное Государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». М., 2012. С. 127.

⁴⁰ Опись Оружейной палаты 1711 г. // РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 939. Л. 423 об. – 424. № 24. Ор-4991.

⁴¹ Гордеев Н.В. Указ. соч. С. 32–33. Однако исследователь не видел принципиальной разницы между тремя типами замков: ружейной и пистолетной версиями русского и голландским.

⁴² Тарасюк Л.И. Указ. соч. С. 187–188.

⁴³ Роспись Оружейной казны царя Алексея Михайловича, которая была в походе [под Ригой], и после похода принята обратно в Оружейную казну // РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5835. Л. 74.

⁴⁴ Кажется, это наблюдение можно распространить на все русские замки со скользящей крышкой полки, хранящиеся в современных музейных собраниях.

⁴⁵ Савваитов П.И. Указ. соч. С. 36. № 1377–1378.

⁴⁶ Опись Новгородского Хутынского монастыря 1642 г. цитируется по указанной работе Е.В. Мышковского. С. 190.

⁴⁷ Подробнее см.: Чубинский А.Н. К истории русского кремневого замка.

⁴⁸ Роспись Оружейной казны царя Алексея Михайловича, которая была в походе [под Ригой] 1656. Л. 72.

⁴⁹ Цит. по указанной статье Н.В. Гордеева. С. 16.

⁵⁰ Токарева Т.Ю. К вопросу об истории оружейной казны Троице-Сергиева монастыря в XVII в. // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения 2010. Сергиев Посад, 2010. С. 74–76.

⁵¹ Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI–XVIII вв. // МИА. №77. 1958. С. 143–149. Приложение 3. С. 196–197.

⁵² См.: Савваитов П.И. Указ. соч.

⁵³ Исключением могут быть замки карельского типа, достаточно часто упоминавшиеся в описи 1668 г. Однако карельские замки присутствовали и в предшествующих монастырских описях.

⁵⁴ «Шведский замок» мы заключаем в кавычки, чтобы не возникло путаницы с современным термином, обозначающим замок иной конструкции.

⁵⁵ Яковцевский Б.М. Пищали и самопалы Устюжны Железопольской // Устюжна. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 1995. С. 133.

⁵⁶ Тульские оружейники. Сборник документов / Отв. ред. И.Н. Юркин. М., 2003. № 1. С. 93.

⁵⁷ Савваитов П.И. Указ. соч. С. 33.

⁵⁸ Заметим, что три первых наименования могли прилагаться и к классическому русскому замку.

⁵⁹ См.: Мышковский Е.В. Указ. соч. С. 194; Маковская Л.К. Указ. соч. С. 93, рис. 10.

⁶⁰ См.: Arne Hoff. Feuerwaffen. [Braunschweig, 1969] Bd. 1. S. 187, 197. Abb. 154. S. 198. Abb. 155.

⁶¹ К шведскому типу относится древнейший, датированный 1656 г. ударно-кремневый замок, хранящийся в Королевской Оружейной палате в Стокгольме. См.: Drejholt Nils. Firearms of the Royal Armouries I (from Gustav II Adolf to Charles XIII). [Catalogue]. Stockholm [1996]. P. 18–20 GIIA 8.

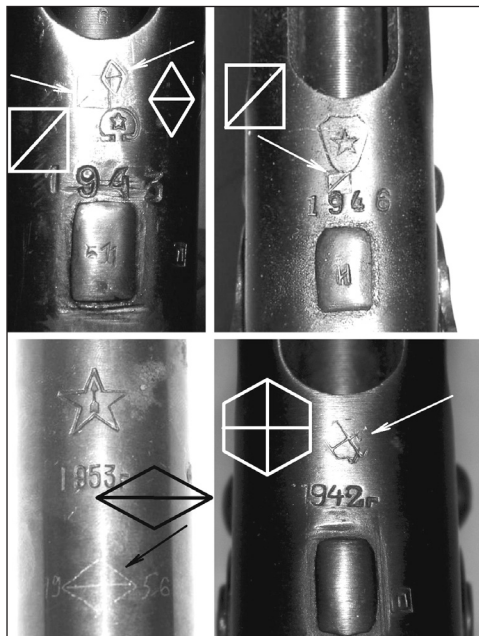
- ⁶² Л.К. Маковская опубликовала схему шведского замка под названием «норвежского», см.: Маковская Л.К. Указ. соч. С. 93, рис. 9.
- ⁶³ Помимо прижимного винта губка подвижно фиксировалась шипом, входящим в гнездо на стойке курка.
- ⁶⁴ ВИМАИВиВС. Экспозиция, витрина «Оружие русского войска XVI–XVII вв.»
- ⁶⁵ В экспозициях ВИМАИВиВС и Тульского музея оружия. Также подобные мушкеты имеются в фондах нескольких музеев РФ.
- ⁶⁶ Бранденбург Н.Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. Ч. III. СПб., 1889. С. 148–149. № 241–243.
- ⁶⁷ См.: Жук А.Б. Винтовки и автоматы. М., 1987. С. 16, рис. 22.
- ⁶⁸ Дополнения к Актам историческим. Т. 12. СПб., 1872. XXXVI. Память из Разряда в Новгородский приказ... С. 46.
- ⁶⁹ Приклады этих мушкетов имеют выжженную маркировку 17X07, которая, скорее всего, обозначает 1707-й год изготовления.
- ⁷⁰ См. Маковская Л.К. Указ. соч. С. 94, рис. 13.
- ⁷¹ Яблонская Е.А. Огнестрельное оружие Англии XVII – начала XIX века. М., 2006. С. 20–21.
- ⁷² Яблонская Е.А. Огнестрельное оружие Нидерландов XVII–XVIII веков. М., 2012. С. 12.
- ⁷³ Вариант написания «аглинский».
- ⁷⁴ Встречаются также написания «шкотцкий» и «шкотский».
- ⁷⁵ Соответственно наряду с формулировкой «замок шкоцкой» существовали «замок шкоцкое дело» и «замок на шкоцкое дело».
- ⁷⁶ См., например: Мышковский Е.В. Указ. соч. С. 198.
- ⁷⁷ Переписная книга 1687. Л. 431. Об этих пистолетах см.: Чубинский А.Н. Тюфяки как ручное огнестрельное оружие. Анализ собрания и описей Оружейной палаты // Война и оружие. Новые исследования и материалы... Ч. III. СПб., 2012. С. 390–409.
- ⁷⁸ Переписная книга 1687 г. Л. 229 об. № 35.
- ⁷⁹ Там же. Л. 352 об. – 353. № 9.
- ⁸⁰ Там же. Л. 257–258. № 20.
- ⁸¹ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михаила Татищева во 116 году // Временник Общества истории и древностей российских, VIII, М., 1850. С. 10.
- ⁸² См. выше.
- ⁸³ Роспись походной казны царя Алексея Михайловича, что была в Смоленске в 1654 г. Л. 24.
- ⁸⁴ Труды императорского русского военно-исторического общества. Т. 3. Документы Северной войны. Полтавский период. СПб., 1909. № 133; Ведомость 1709 г. артиллерии и военных припасов в Новобогородицком. С. 137.
- ⁸⁵ Переписная книга 1687 г. Л. 372 об.
- ⁸⁶ Там же. Л. 318 об., 372.
- ⁸⁷ См.: Маковская Л.К. Указ. соч. С. 95, рис. 14.
- ⁸⁸ См.: Яблонская Е.А. Огнестрельное оружие Англии XVII–начала XIX века. Кат. № 34, 36.
- ⁸⁹ Переписная книга 1687. Л. 409об. – 410. № 27; Л. 423 об. № 59. Оба замка не имеют предохранителей – крючков, удерживающих курок в положении полувзвода.
- ⁹⁰ См.: Маковская Л.К. Указ. соч. С. 95, рис. 17.
- ⁹¹ См. например: Маковская Л.К. Указ. соч. С. 16.
- ⁹² См., например: Государева Оружейная палата. № 71. С. 366.

- ⁹³ Роспись походной казны царя Алексея Михайловича, что была в Смоленске в 1654 г. Л. 22.
- ⁹⁴ Варианты написания в документах Оружейной палаты: «бараборские», «бораборские», в Описи оружия Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г. – «барабанский». Название замка происходит от русского наименования исторической области Голландии – Брабанта, буквально «брабантский замок».
- ⁹⁵ Переписная книга 1687. Л. 380–381. № 3. Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-113, 114.
- ⁹⁶ Там же. Л. 243 об. № 4. Пищаль находится в экспозиции Оружейной палаты, инв. № Ор-106. См.: Государева Оружейная палата. Кат. № 81.
- ⁹⁷ Переписная книга 1687. Л. 250 – 250 об. № 11.
- ⁹⁸ См.: Ларченко М.Н. Указ. соч. С. 177
- ⁹⁹ Роспись полоцким, витебским и виленским разных дел мастерам 1660 // РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4630. Л. 9. В Оружейной палате хранятся пистолеты мастера Ганса Маера с замками французского типа.
- ¹⁰⁰ См.: Маковская Л.К. Указ. соч. С. 95, рис. 16.
- ¹⁰¹ Переписная книга 1687 г. Л. 298. № 20.
- ¹⁰² См.: Демкин А.В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. Вып. 2. М., 1994. С. 45.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Переписная книга 1687 г. Л. 225–225 об. № 27.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 305–305 об. «Подмога» в цитате обозначает боковую планку.
- ¹⁰⁶ Об изготовлении в Оружейной палате 88 пищалей длинных на турецкое дело // РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15000. Л. 1–2.
- ¹⁰⁷ Опись имуществу князя Василия и сына его Алексея Голицыных, принятому в Оружейную палату в 1689–1690 гг. // РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 938. Л. 70. № 20.
- ¹⁰⁸ Итальянский замок (итальянская разновидность средиземноморского, см.: Маковская Л.К. Указ. соч. С. 95, рис. 15) в России XVII в., судя по его отсутствию в отечественных музеях, не присутствовал вовсе. При этом итальянский замок конструктивно наиболее близок русскому замку. Можно ли считать это сходство заимствованием – вопрос открытый.
- ¹⁰⁹ Оружейная палата Кирилло-Белозерского монастыря по описным книгам 1668 г. С. 8. № 936–1000; с. 37. № 16; с. 39. № 1746–2229.
- ¹¹⁰ Опись имуществу князя Василия и сына его Алексея Голицыных, принятому в Оружейную палату в 1689–1690 гг. Л. 76 – 76 об.

Р.Н. Чумак (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТА РЕМОНТА СТРЕЛКОВОГО ОРУЖИЯ ПО КЛЕЙМУ (УСЛОВНОМУ ЗНАКУ) АРСЕНАЛА НА НЕМ

АНАЛИЗ клейм на отечественном боевом стрелковом оружии, проводимый при его атрибуции, показывает, что в их числе нередко присутствуют особые клейма, не относящиеся к числу производственных или технологических.

Рис. 1. Изображения условных знаков предприятий по ремонту вооружения на стрелковом оружии

Эти клейма представляют собой графические символы, построенные на основе главных геометрических фигур и их сочетаний, и располагаются в районе клейма (знака) завода-изготовителя оружия (рис. 1).

В настоящее время среди исследователей сложилось мнение об этих клеймах как о «ремонтовых», т. е. свидетельствующих о прохождении оружием ремонта, при этом разнообразие форм клейм обычно объясняют зашифрованной в них характеристикой ремонта. Эта точка зрения, не основанная на документальных источниках,

является, в значительной степени, ошибочной. Изучение руководящих документов ГРАУ (ГАУ) показало, что наличие данных клейм на образце оружия действительно свидетельствует о прохождении им ремонта. Однако разнообразие форм этих клейм объясняется принадлежностью каждого из них конкретному предприятию Министерства обороны СССР, осуществлявшему ремонт артиллерийского вооружения – арсеналу ГРАУ или артиллерийской базе вооружения (АБВ) военного округа (ВО). Данные клейма являются условными знаками этих предприятий, служат для их скрытой идентификации и присваиваются органом, в непосредственном подчинении которого они находятся: 4-м управлением ГРАУ (в/ч 64176-М) или службой РАВ военного округа¹. Условный знак присваивался ремонтному предприятию при его формировании и в дальнейшем не изменялся, в том числе при изменении им ранга (склад, база, арсенал) и подчиненности (военный округ или ГРАУ).

В соответствии с п. 1 «Руководства по организации производства на предприятиях по ремонту РАВ...» условный знак предприятия должен был наноситься на каждое отремонтированное изделие – непосредственно на его части в определенном месте или на прикрепляемую табличку². Условный знак ремонтного предприятия не наносился на изделиях, освобожденных от всех видов маркировки особыми условиями поставки (спецзаказчику)³.

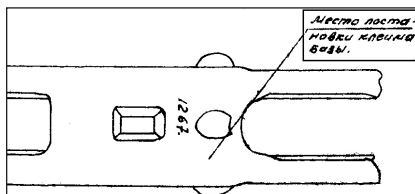
Место нанесения условного знака ремонтного предприятия на образец стрелкового оружия определялось «Техническим условием» (ТУ) – специальными руководящими документами, разрабатываемыми и утверждавшимися ГАУ (ГРАУ) для организации ремонта стрелкового оружия и изготовления некоторых его разновидностей на арсеналах и центральных (ЦАБВ) и окружных артиллерийских базах вооружения⁴. В соответствии с ТУ, условный знак ремонтного предприятия (в ряде документов этот знак называется «клеймо базы» или «марка ремонтного органа») положено было наносить на ремонтируемое оружие рядом с маркой его завода-изготовителя. На основе ТУ на ремпредприятиях разрабатывались технологические карты на ремонт и переделку конкретных образцов стрелкового оружия, в которых место нанесения знака ремонтного предприятия точно указывалось на специальных схемах⁵ (рис. 2).

Однако осмотр значительного числа прошедших ремонт образцов стрелкового оружия показал, что, несмотря на четкое указание руководящих документов на место нанесения знака ремонтного предприятия, т. е.

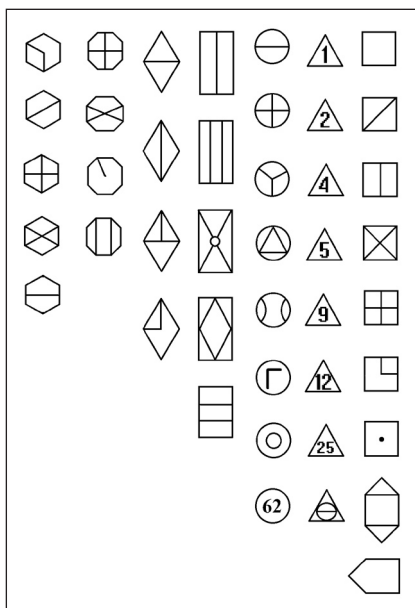
рядом с маркой завода-изготовителя, фактически их можно обнаружить на довольно значительном удалении от последнего, а иногда наоборот – эти знаки нанесены поверх марки завода. Тем не менее, по результатам осмотра можно сделать заключение о том, что условные знаки ремонтных предприятий во всех случаях находятся на наружной поверхности оружия, в районе, непосредственно прилегающем к марке завода-изготовителя. В ряде случаев условные знаки ремпредприятий можно обнаружить еще и на прикладе, и на некоторых других частях оружия. Это может означать как то, что эти части оружия или ЗИП к нему прошли ремонт на данном предприятии (в комплекте с оружием или отдельно – например, для закладки в запас ЗИП), так и то, что они были изготовлены на этом предприятии по чертежам основного производства и были установлены на оружие при ремонте.

На некоторых образцах оружия можно обнаружить более одного знака ремонтного предприятия. Это означает, что оружие прошло несколько ремонтов на ремпредприятиях, чьи условные знаки на нем нанесены.

Способ нанесения условного знака базы или арсенала на оружие ремонтной документацией определяется как ударный, с помощью

Рис. 2. Фрагмент альбома технологических карт сборки 7,62-мм пистолета-пулемета обр. 1941 г. с указанием места нанесения условного знака ремонтного предприятия («клейма базы»)

Рис. 3. Условные знаки баз и арсеналов по ремонту артиллерийского вооружения, выявленные в ходе исследования на оружии

специального пуансона, что и наблюдается на обследованных образцах. В то же время, имеется и исключение: выявлено два случая нанесения знака электроискровым способом (электрографом), причем в обоих случаях они принадлежат одному ремпредприятию («ромб, перечеркнутый вдоль длинной диагонали») (рис. 3).

В ходе исследования значительного объема стрелкового, артиллерийского вооружения и артиллерийских приборов, по состоянию на дату написания статьи, автором было обнаружено 43 вида условных знаков баз и арсеналов, осуществлявших его ремонт. Для проведения идентификации обнаруженных условных знаков (их привязки к конкретной базе вооружения, арсеналу) использовался комбинированный метод, включающий сопоставление записей в упаковочных листах, хранящихся с оружием, с маркировкой на ящиках, сличение записей о ремонте в формулярах артиллерийских орудий и приборов с нанесенными на них условными знаками ремонтных предприятий, а также изучение сопроводительных документов на выпускаемую некоторыми предприятиями гражданскую продукцию. К настоящему времени из приведенных на рисунке 3 условных знаков с высокой степенью достоверности удалось идентифицировать только 13. Изображения идентифицированных условных знаков баз и арсеналов по ремонту артиллерийского вооружения приведены в таблице 1.

Сопоставление изображений условных знаков ремонтных предприятий с их рангом и подчиненностью позволяет построить предположение о том, что существует определенная система соответствия их ранга и подчиненности базовому графическому символу, на основе которого построен знак (квадрат, треугольник, круг, прямоугольник, ромб, шестиугольник, восьмиугольник). Однако для раскрытия сути этой системы необходимо идентифицировать максимальное количество условных знаков и достоверно установить статус предприятия в момент присвоения знака (при формировании), а также, возможно, другие сведения об этих предприятиях. Работа по выявлению этой системы продолжается.

**Идентифицированные условные знаки баз и арсеналов
по ремонту артиллерийского вооружения**

Условный знак базы (арсенала)	Учетный номер базы (арсенала)	Дислокация (город, населенный пункт)	Номер в/ч	Примечан.
	1 арсенал ГРАУ	г. Балаклея	62053	
	5 арсенал ГРАУ	г. Алатырь	62033	
	7 арсенал ГРАУ	г. Рига	61808	
	39 арсенал ГРАУ	г. Пермь	74085	Бывш. 59 ЦАБВ
	40 арсенал ГРАУ	п. Городищи	42262	
	80 арсенал ГРАУ	п. Гагарский	86791	Бывш. АБВ УрВО
	103 арсенал ГРАУ	г. Саранск	42701	Бывш. ЦАБВ
	120 арсенал ГРАУ	г. Брянск	42696	
	1827 АБВ КиевВО	г. Нежин	29220	Требует уточнения
	АБВ ПриУр ВО	п. Озеро Андреевское	96544	
	АБВ ПриВО	г. Сердобск	01575	
	744 АБВ СКВО	г. Новочеркасск	42286	Требует уточнения
	БД АБВ Турк ВО	п. Солнечный	29262	

¹ Руководства по организации производства на предприятиях по ремонту РАВ. Часть I (индекс 12ЕО-402-81). М., 1984. С. 155.

² Там же, С. 265.

³ Там же.

⁴ Технические условия на изготовление и приемку учебного стрелкового оружия. М., 1964. С. 5.

⁵ Альбом №2-13-7 технологических карт сборки 7,62-мм пистолета-пулемета обр.1941 г. Разработан В/Б №25, 1958. С. 22.

Е.А. Шильцев (Санкт-Петербург)

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ В ИНТЕРЕСАХ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПЕРВАЯ мировая война, которую современники называли «Великой» и «Второй Отечественной» (имея в виду, что первая была в 1812 г.), до недавнего времени явно оставалась на периферии общественного сознания. Разумеется, выходило немало посвященных ей научных книг и статей, публиковались документы. Однако сложившееся в советский период отношение к этой войне как к «несправедливой», «империалистической» неизбежно отодвигало на второй план героизм русских воинов, самоотверженность значительной части мирного населения, готовой всемерно помогать армии, достижения военно-научной мысли и т. д.¹

Между тем, Первая мировая война не только стала тяжелым испытанием для страны, но и дала сильнейший импульс развитию военной техники, науки, изобретательства и др. «Война, – отмечает видный историк науки А. Кожевников, – весьма драматично изменила исследовательские мотивации и ценности: даже университетские ученые начали работать над практическими и военными заказами и установлением связей с промышленностью...»².

Разумеется, не мог остаться в стороне от военного изобретательства Санкт-Петербургский политехнический институт. К началу войны это учебное заведение, основанное в 1899 г., могло считаться молодым, но уже приобрело большой авторитет в научном мире. К работе в институте привлекались выдающиеся ученые, он обладал весьма впечатляющей материальной базой, включая и хорошо оборудованные лаборатории.

Военно-технические исследования были развернуты в институте весьма оперативно. Характерно, что впоследствии, в 1927 г., Наркомат по просвещению, озабоченный развитием подготовки военных изобретателей, запросил руководство Ленинградского политехнического института (ЛПИ) о деятельности вуза именно в годы «империалистической войны», особо подчеркнув необходимость представить в месячный срок «перечень и размеры производственных работ и характер исследовательских работ»³.

Направленный в НКП доклад сохранился в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб)⁴. Руководство вуза организовало тщательный сбор материалов, причем, среди прочего, были опрошены профессора и преподаватели с дореволюционным стажем работы. В первых строках отчета его составители отметили, что «за время империалистической войны новых задач и функций на институт не возлагалось»⁵, однако отдельные лаборатории и сотрудники с военным ведомством сотрудничали, причем порой – весьма продуктивно. К основному отчету были приложены отчеты отдельных ученых о военно-изобретательской и исследовательской деятельности.

Материалы 1927 г. вполне подтверждаются документами, относящимися собственно к периоду Первой мировой войны, которые сконцентрированы в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)⁶. Уже в сентябре 1914 г. директор Политехнического института В.В. Скобельцын направил министру торговли и промышленности письмо с заверениями в верноподданнических чувствах студентов и преподавателей. В приложении к письму перечислялись мероприятия, организованные в институте в связи с войной. Здесь говорилось об устройстве лазарета, помощи семьям тех служащих, которые ушли на фронт, организации двухмесячных курсов летчиков и др. Доклад включил также некоторые данные по исследовательской и производственной деятельности. По сообщению Скобельцына, были налажены ремонт двигателей для аэропланов, испытание рентгеновских аппаратов, подлежащих отправке во фронтовые госпитали⁷.

В конце 1914 и в 1915 гг. военно-технические исследования приняли в Политехническом институте значительные масштабы. В электротехнической лаборатории, например, развернулась работа по созданию электризованных проволочных заграждений и по разведке таковых у противника. Руководил этой работой М.А. Шателен. Испытывалось

применение высокого напряжения нормальной и повышенной частоты, шла разработка переносных генераторов. В 1915 г. М.А. Шателен сам отправился на фронт, под Ригу, где проволочные заграждения испытывались непосредственно в боевых условиях.

Кроме электрофицированной проволоки, Шателен в войну занимался разработкой портативного телефонного аппарата. В 1916 г. в электротехнической лаборатории института было изготовлено 4000 телефонных аппаратов «облегченного типа» для армий Северного фронта.

В лаборатории общей химии в военные годы велись работы по созданию «зажигательных снарядов для сбрасывания с аэропланов» и шрапнельных пуль нового типа. В лабораториях и мастерских кораблестроительного отделения велись исследования в области авиации, разработка легких (авиационных) двигателей и отдельных конструкций для летательных аппаратов.

Одним из наиболее страшных новшеств Первой мировой войны явилось химическое оружие. Громкую и устрашающую репутацию отравляющие газы приобрели в апреле 1915 г., после знаменитой «газовой атаки» у бельгийского города Ипра. Участник событий вспоминал: «Тысячи маленьких человеческих фигурок бежали по полю, а за ними текло, ползло, преследуя их, огромное зеленоватосерое облако. Облако выходило точно из-под земли. <...> Оно плыло по ветру, расстилаясь, заполняя каждую ямку, каждую выбоину, затопляя, как вода, во время потока, воронки и траншеи. <...> Человеческие фигурки бежали очень быстро, но облако их нагоняло. Люди падали; одни пытались подняться, другие зарывались носом и ртом в землю, чтобы не дышать отравленным воздухом. Ничего не помогало. И люди бились о камни, цепляясь руками за траву, точно захлебываясь, как утопленники, на сухой земле»⁸.

Создание надежных средств защиты от химического оружия стало ведущей задачей ученых во всех воюющих странах. Известно, что ведущую роль в создании российского противогаса сыграл химик Н.Д. Зелинский, заведовавший кафедрой товароведения Санкт-Петербургского политехнического института. Этим, однако, вклад Политехникума в «войну химиков» не ограничивался. В конце 1915 г. в лаборатории аналитической и органической химии проводились опыты по получению из пикриновой кислоты и хлорной извести хлорпикрина (CCl_3NO_2), для использования последнего в качестве отравляющего вещества.

Сам по себе данный способ получения хлорпикрина был не нов: его разработал шотландский химик Дж. Стенхауз еще в 1848 г. Перед учеными Политехнического института стояла задача усовершенствовать процесс для производства хлорпикрина в промышленных масштабах. С апреля 1916 г. работы велись в соответствии с заданиями, разработанными учрежденным в то время Химическим комитетом Главного артиллерийского управления. В них приняли участие: В.А. Кинд, Б.Н. Меншуткин, П.И. Шестаков и другие ученые, а также 4 студента и 24 рабочих. На территории института был возведен целый завод, на котором в течение 1916 г. было произведено до 1000 пудов хлорпикрина. Затем, однако, завод ликвидировали и, как сообщает документ 1928 г., «никакого оборудования от него не сохранилось»⁹.

Впрочем, в институте изготавливались не только отравляющие вещества. По поручению Всероссийского союза городов и земств в лаборатории физической химии велось изготовление салициловой кислоты (ее использовали в госпиталях как противовоспалительное средство).

В феврале и мае 1916 г. Главное инженерное управление предоставило институту два заказа на изготовление (в совокупности) 1385 омметров, для подрывных работ. Заказы были выполнены в срок и, видимо, на высоком уровне, так как в марте 1917 г. РИУ заказало еще 1500 омметров. Из этой партии, однако, было сделано лишь 400 штук, после чего производство прекратили. Интересно, что для выполнения заказа комплектующие детали выписывались из-за рубежа, так, у американской фирмы «Вестон» были приобретены «магниты с подвижной системой»¹⁰.

К сожалению, не все поручения и заказы военного характера удавалось выполнить достаточно оперативно. В январе 1916 г. механические мастерские института получили от Главного военно-технического управления заказ на изготовление 600 магнето для авиационных двигателей «Гном». Срок изготовления был назначен на 1 января 1917 г., цена каждого магнето определялась в 200 руб. Для выполнения заказа в институте не оказалось ни оборудования, ни материалов. Станки, режущие инструменты, изоляционные материалы пришлось заказывать в США. Доставка необходимого и, соответственно, работы затянулись. В итоге сдача магнето началась только в середине 1917 г. К июлю 1918 г., когда в стране уже давно изменились политический строй и государственные структуры, институт сдал правительству 400 магнето.

Помимо собственно изобретательской и производственной деятельности, существенным вкладом Политехнического института в усиление вооруженных сил страны в Первую мировую войну стала подготовка специалистов на разнообразных краткосрочных курсах. Действовали курсы авиационных мотористов, электромонтеров, радиотелеграфистов, заводских приемщиков, а также созданные еще до войны Офицерские теоретические курсы авиации. Проблема обеспечения армии техническими специалистами, надо сказать, стояла остро. Данная проблема, впрочем, должна стать темой самостоятельного исследования. В завершение же настоящей статьи стоит отметить, что Политехнический институт вел в годы Первой мировой войны достаточно активную исследовательскую и производственную деятельность в интересах воюющей армии.

---

¹ См.: Уткин А.И. Забытая война // Забытая война и преданные герои. Сб. статей. М., 2011. С. 21–27.

² Кожевников А. Первая мировая война, гражданская война и изобретение «большой науки» // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов. СПб., 2003. С. 87.

³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 3121. Оп. 25. Д. 3. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 29–30.

⁵ Там же. Л. 29.

⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 478. Оп. 14. Д. 356. Л. 398–401.

⁷ Смелов В.А. Санкт-Петербургский политехнический дореволюционный. СПб., 2012. С. 532.

⁸ Военно-химическое дело // Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 1. (специальный выпуск). СПб., 2011. С. 39.

⁹ ЦГА СПб. Ф. 3121. Оп. 25. Д. 3. Л. 29 об.

¹⁰ Там же. Л. 29.

Е.И. Юркевич (Санкт-Петербург)

**МУНДИРЫ ОФИЦЕРОВ ГАТЧИНСКИХ ВОЙСК
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК
И ВОЙСК СВЯЗИ**

В КОЛЛЕКЦИИ Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи имеется три офицерских мундира, атрибутированных как мундиры офицеров пехоты конца XVIII в.

Первый мундир¹ – темно-зеленого сукна, двубортный, с подбоем из красного стамеда. Воротник, обшлага и лацканы – белого сукна. На рукавах, под лацканами и на лифе – золотое петлеобразное шитье. В 2004 г. мундир экспонировался на выставке «Император Павел I», проходившей в ЦВЗ «Манеж» в Санкт-Петербурге². Его изображения опубликованы также в работе О. Леонова и А. Белова «Русский военный костюм: Армия Павла I»³ (рис 1).

Рис. 1. Мундир офицера батальона полковника Аракчеева Гатчинских войск обр. 1796 г.

Второй мундир⁴ аналогичен вышеописанному, за исключением воротника, лацканов и обшлагов черного цвета и немного другого рисунка шитья (рис. 2).

Третий мундир⁵ имеет тот же покрой, что и два мундира, описанных выше, но воротник и обшлага красно-оранжевого сукна. Под бортами мундира, на рукавах, лифе и карманных клапанах – пятиугольные петлицы из золотого галуна, с кисточками. Изображение этого мундира опубликовано в работе О. Леонова и А. Белова как «кафтан офицера русской армейской пехоты обр. 1797 г.»⁶ (рис. 3).

**Рис. 2. Мундир офицера
Гатчинских войск (проект)
1796 г.**

**Рис. 3. Мундир офицера
батальона великого князя
Константина Павловича
Гатчинских войск обр. 1796 г.**

Между тем, офицерских мундиров, подобных описанным выше, в русской пехоте периода царствования Павла Петровича не встречается⁷. Исходя из этого, можно предполагать, что данные мундиры могли носиться в Гатчинских войсках великого князя Павла Петровича. Попробуем с этим разобраться.

Первый мундир (с белым приборным сукном) относится к пехотному батальону подполковника Аракчеева Гатчинских войск. Данное предположение было высказано автором этих строк еще в 1996 г. на основе исследования акварели Я. Меттенляйтера, ныне находящейся в коллекции Павловского дворца-музея⁸ (рис. 4). В Павловском дворце-музее акварель атрибутирована как «Вид маневров в Гатчине в 1795 году»⁹. На самом же деле, как удалось установить в ходе вышеупомянутого исследования, на ней изображено артиллерийское учение в Павловске 26 августа 1796 г. С этой атрибуцией согласны

Рис. 4. Я. Меттенляйтер. Вид артиллерийских учений в Павловске 26 августа 1796 г. Фрагмент

и другие современные исследователи¹⁰. Но самое интересное то, что именно в таком мундире – с белыми воротником, лацканами и обшлагами – изображен на акварели А.А. Аракчеев, находящийся в группе офицеров в левом нижнем углу. По данным О. Леонова и А. Белова, батальон подполковника (с 25 июня 1796 г. – полковника) Аракчеева получил белое приборное сукно летом 1796 г.¹¹, а 14 ноября 1796 г. «Санкт-Петербургскому гарнизону велено иметь мундир бывшего Гатчинского батальона полковника Аракчеева, т. е. кафтан темно-зеленый, с воротником, лацканами, обшлагами и погоном белыми, и с шестью петлицами, под лацканами, на клапанах рукавов и на лифе, из белой тесьмы, имевшей по середине в три ряда красный узор... камзол и штаны были белые. Офицеры имели обмундирование сих же цветов; но кафтан без петлиц»¹².

Таким образом, упомянутый выше мундир с полным основанием можно атрибутировать как мундир офицера батальона полковника Аракчеева Гатчинских войск, носимый в батальоне в период с августа по ноябрь 1796 г. Такой же атрибуции придерживаются и О. Леонов и А. Белов, проводившие наиболее полное на данный момент исследование обмундирования Гатчинских войск¹³. Эти авторы считают данный мундир штаб-офицерским¹⁴, а это указывает на то, что он, вероятнее всего, принадлежал лично А.А. Аракчееву.

Со вторым мундиром – с черным приборным сукном – ситуация сложнее. Дело в том, что мундиры с черными воротниками, лацканами, обшлагами и подбоем в 1786–1793 гг. носили артиллеристы Гатчинских войск. С 1794 г. артиллерийские мундиры шились из темно-зеленого сукна, без воротников и лацканов, с обшлагами мундирного цвета¹⁵. Мог ли мундир с черным приборным сукном принадлежать офицеру гатчинской артиллерии?

При сравнении двух вышеописанных мундиров из коллекции ВИМАИВиВС складывается впечатление, что они пошиты в одно время и одним портным. Но откуда черное приборное сукно?

Свет на этот вопрос помогает пролить лист с акварельными рисунками чинов Гатчинских войск из коллекции Гатчинского дворца-музея¹⁶. На листе – 8 акварельных рисунков (2 x 4), каждый из которых изображает солдата и офицера одного из подразделений Гатчинских войск. О. Леонов и А. Белов считают эти акварели проектными рисунками обмундирования Гатчинских войск и относят их к 1796 г.¹⁷ Интересно, что четвертый рисунок верхнего ряда изображает чинов в мундирах с черными воротниками, обшлагами и лацканами (рис. 5),

**Рис. 5. Неизвестный художник.
Проектный рисунок мундиров артиллеристов
Гатчинских войск. 1796 г.**

причем у рядового чер-
ный и подбой мунди-
ра (отвороты фалд)! А
это говорит о том, что
перед нами именно ар-
тиллеристы. Мундир
же с черными воротни-
ком, обшлагами и лац-
канами из коллекции
ВИМАИВиВС являет-
ся, видимо, проектным
мундиром офицера ар-
тиллерии.

О. Леонов и А. Белов
на основе изучения до-
кументов Военного де-
партаменту Гатчинских
войск пришли к выводу
о том, что зимой 1796 г.
Павел Петрович пред-
принял попытку улуч-
шить мундирное снаб-
жение офицеров гатчин-
ской пехоты, т. е. одеть

их в мундиры с шитыми золотыми петлицами на лацканах, обшлагах, карманных клапанах, лифе (до того офицеры гатчинской пехоты имели лишь по две золотых петлицы на рукавных клапанах). В ГИМе сохранилось два «проектных» офицерских мундира Гатчинских войск 1796 г., украшенных большим количеством золотых петлиц – один с лацканами (для офицеров пехоты гарнизона Гатчины), другой – без (для офицеров гарнизона Павловска). Но, как полагают вышеназванные авторы (с чем нельзя не согласиться), дороговизна шитья помешала одеть в новые мундиры всех офицеров, и их получили (если получили) только шефы пехотных батальонов¹⁸.

Если же исходить из того, что мундиры с богатым шитьем получили по крайней мере шефы батальонов, то мундир с черным приборным сукном принадлежал, безусловно, опять же А.А. Аракчееву, который в 1796 г. являлся не только шефом 4-го батальона Гатчинских войск, военным губернатором Гатчины и инспектором пехоты Гатчинских

войск, но и, что самое главное, командиром Артиллерийского полка Гатчинских войск и инспектором гатчинской артиллерии¹⁹. Именно последние должности и послужили причиной того, что Алексей Андреевич мог заказать себе зеленый с черным приборным сукном мундир. Возможно, он был пошит в единственном экземпляре – для единственного полковника гатчинской артиллерии. И, судя по всему, вряд ли когда-нибудь носился. Но отнести его именно к артиллерии позволяет тот самый «проектный» рисунок из коллекции ГДМ.

Таким образом, второй «гатчинский» мундир из коллекции ВИМАИВиВС можно с достаточной уверенностью атрибутировать как проектный мундир офицера артиллерии Гатчинских войск обр. 1796 г.

Теперь о третьем мундире – с золотыми петлицами и красно-оранжевыми воротником и обшлагами.

В декабре 1795 г. гатчинская пехота состояла из шести батальонов – двух гренадерских и четырех мушкетерских. Гарнизон Гатчины и Павловска составляли по три батальона – по одному гренадерскому и по два мушкетерских. Причем в марте 1796 г. Павлом Петровичем было повелено у батальонов Павловского гарнизона спороть с мундиров лацканы²⁰. 26 августа 1796 г. батальонам Павловского гарнизона велено было заменить красные воротники и обшлага на оранжевые²¹. К этому времени в Павловске располагались гренадерский батальон великого князя Константина Павловича, мушкетерский батальон великого князя Александра Павловича и батальон майора Недоброва²². Нижние чины батальона Константина Павловича носили на рукавных клапанах по две белых гарусных петлицы с кисточками, а чины батальона великого князя Александра Павловича – красные петлицы с белыми кистями²³. Описания офицерских мундиров батальонов великих князей Константина и Александра Павловича О. Леонов и А. Белов не приводят, но богато расшитый петлицами с кистями офицерский мундир можно отнести, на наш взгляд, все-таки к гренадерскому батальону великого князя Константина Павловича как к имеющему более высокий статус по сравнению с мушкетерским.

Таким образом, третий мундир можно с достаточной уверенностью атрибутировать как мундир офицера батальона великого князя Константина Павловича Гатчинских войск обр. 1796 г.

Уточнение атрибуции мундиров позволит шире ввести их в научный оборот, что, несомненно, будет определенным вкладом в отечественную униформологию.

- ¹ Инв. № 12/1214.
- ² Император Павел I: Каталог выставки. СПб., 2004. С. 195, 241.
- ³ Леонов О., Белов А. Русский военный костюм: Армия Павла I. М., 2012. С. 94.
- ⁴ Инв. № 12/1271.
- ⁵ Инв. № 12/3092.
- ⁶ Леонов О., Белов А. Русский военный костюм: Армия Павла I. С. 44.
- ⁷ Описание мундиров инфантерии. СПб., 1797. С. 1 – 30.
- ⁸ См.: Юркевич Е. И. Забытые учения: К картине Я. Меттенляйтера «Вид маневров в Гатчине в 1795 году» // Петербургские чтения-96: Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1996. С. 410 – 411.
- ⁹ Инв. № ЦХ-2001-ХI.
- ¹⁰ См.: Леонов О., Белов А. Русский военный костюм: Армия Павла I. С. 95.
- ¹¹ Там же. С. 95.
- ¹² Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению. Ч. VIII. СПб., 1849. С. 6 – 67, 72.
- ¹³ Леонов О., Белов А. Русский военный костюм: Армия Павла I. С. 94 – 95.
- ¹⁴ Там же. С. 97.
- ¹⁵ Там же. С. 98 – 103.
- ¹⁶ Инв. № ГДМ-263-ХI.
- ¹⁷ Леонов О., Белов А. Русский военный костюм: Армия Павла I. С. 86 – 87.
- ¹⁸ Там же. С. 97.
- ¹⁹ Томсинов В. А. Аракчеев. М., 2003. С. 68 – 78.
- ²⁰ Леонов О., Белов А. Русский военный костюм: Армия Павла I. С. 90 – 93.
- ²¹ Там же. С. 95.
- ²² Там же. С. 92.
- ²³ Там же. С. 92.

С.В. Юхо (г. Несвиж, Республика Беларусь)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ВОСПРИЯТИЯ СОВРЕМЕННЫМ ОБЩЕСТВОМ ЛОКАЛЬНЫХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ XXI ВЕКА

ЛЮБОЙ известный истории человечества век наполнен войнами и военными конфликтами. Радость победы, горечь поражения, историческая необходимость, социальная напряженность, гуманитарная катастрофа – все это подытоживает любую войну. История как, конечно, наука точная, базирующаяся на грамотном синтезе и анализе фактов и аргументов рассматриваемого исторического события, безусловно, накопила великий опыт по определению причин, целей и задач любого военного конфликта в его же собственной ретроспективе. Более того, существующая междисциплинарность в любом историческом исследовании позволяет рассмотреть каждый исторический процесс-войну в его многообразии, с каждой стороны – как каждую грань у алмаза.

История – это наука, которая всегда стояла на службе интересов государства. Особенно это отразилось в так называемый «имперский период» Нового времени, однако автор считает, что «имперский период» продолжается до сих пор. Например, в швейцарском Давосе в 2014 г. на третий день ежегодного Всемирного экономического форума премьер-министр Японии Синдзо Абэ в своей речи сравнил охлаждение японо-китайских отношений в последнее время с соперничеством Великобритании и Германии накануне Первой мировой войны.

Комментируя территориальный спор между Токио и Пекином в Восточно-Китайском море, японский лидер провел аналогию с «гонкой вооружений», которую англичане вели с немцами в начале XX в. Он обратил внимание на то, что тесные и взаимовыгодные экономические связи Лондона и Берлина не мешали двум монархиям

начать друг с другом войну в 1914 г. Японию и Китай сегодня также связывают крепкие торговые отношения: в 2013 г. торговый оборот между ними составил 313 млрд долларов.

После выступления Абэ японские официальные лица поспешили развеять опасения относительно возможного военного конфликта с Китаем. Главный секретарь кабинета министров Японии Есихидэ Суга подчеркнул, что Абэ нисколько не имел в виду начала японо-китайской войны в обозримом будущем.

«Премьер дал четко понять, что он против бесконечной военной экспансии в Азии. Он имел в виду, что диалог и законность, а не войска и угрозы, необходимы для воцарения мира и процветания в регионе», – отметил Е. Суга. И все же сам факт таких заявлений со стороны японского премьера показался многим наблюдателям не случайным¹.

Речи премьер-министра Японии вторит обозреватель El Pais Хосе Игнасио Торребланка. Он утверждает, что «Первая мировая война была для Европы не войной, а коллективным самоубийством, политическим, экономическим и нравственным». «Первая и главная причина войны – комбинация сильных государств, напористых экономик и крайне гомогенных национальных идентичностей, – пишет он про Азию. – Вторая – территориальные споры, давнее соперничество, ярый национализм». Торребланка сомневается, что экономическая взаимозависимость и демократия послужат сдерживающим фактором. По его оценкам, в 1914 г. Европа была еще интегрированнее, чем сегодня, но все равно затеяла войну. «Пожалуйста, не кончайте самоубийством», – обращается он к Азии².

Вот только один небольшой пример того, что «век империй» продолжается. Однако историкам необходимо определиться, какое непосредственно место в XXI в., а правильнее сказать, роль, должна выполнять наука под названием «история» в военном ее аспекте. Неоспорим тот факт, что история как «слуга империи», бывшая когда-то нужной для обоснования присоединения тех или иных территорий (с учетом ресурсного фактора), давно потеряла свое значение (автор считает, что и наличие на определенной территории тех или иных ресурсов в краткий временной период снивелируется на «нет» с учетом гиперразвития современной науки). В то же время, просто описательно-констатирующий метод восприятия военного конфликта также недостаточен для современного историка. Современное общество (не только отдельных народов и государств, но и мировое),

настолько «заинформатизировано», что многим из более чем 6 млрд людей уже даже «неинтересно и понимать» исторический процесс, свидетелем чему служит множество возникших и идущих до сих пор локальных военных конфликтов за неполные 20 лет нового XXI в. Еще более опасным, по мнению автора, является «полная связка истории с идеологией», не дающая первой выдвигать объективные оценки происходящим событиям и, как ни странно, мешающая второй, так как поменялось общество: оно стало из индустриального информационным, а оттого изменился и его психотип, и отчего «навязать» свою оценку проинформированным «кластерам общества» становится практически невозможным.

Автор статьи не ставит себе целью перечислить все военные локальные конфликты, уже случившиеся в нашем XXI в.; не ставит себе целью изобличения всех методов ведения информационных войн и детального их рассмотрения; данной статьей автор берет на себя смелость рассмотреть старые как мир взаимоотношения «человек – война» и предложить новую методологию для современной исторической науки с целью уменьшения военных конфликтов в будущем.

В 2014 г. исполняется 100 лет с начала Первой мировой войны. За прошедший век мало что изменилось: войн стало не меньше, а, пожалуй, и больше; формы и методы войны практически не изменились, изменились и усовершенствовались только их технологии, позволяющие вести ее более эффективно, с наименьшими потерями. Изменилось также, к сожалению, восприятие войны индивидуумом и обществом в целом, стало более «легковесным».

Почему так происходит? Прежде всего, это психологический фактор, связанный с увеличением потока информации во второй половине XX – начале XXI в., с появлением Международной Сети (Internet) и массовым ее внедрением в общество. Человек перестал ориентироваться в потоке информации (причем, автор берет смелость утверждать, что практически каждый). Дабы не углубляться в описание данного процесса, существует книга Элвина Тоффлера «Шок будущего», где есть глава «Знание как топливо», достаточно полно описывающая данную проблему³. Человек стал испытывать «футурошок» – «шок будущего»⁴ из-за настоящего «цунами информации». В итоге его мышление из логического превращается в кадровое, можно сказать, «мозаичное». Где гарантия, что хотя бы достоверная фактически информация найдет место в этой мозаике мусорной информации? Ее нет и быть не

может. Поэтому автор предлагает рассмотреть антропологическую парадигму восприятия современным обществом локальных военных конфликтов XXI в. на примере гражданской войны в Сирии и гражданских волнений (не военных) на Украине. Основные ее постулаты следующие:

1. мало кто помнит первоначальную причину начала конфликта;
2. у властей в обоих случаях нет четкого плана действий, предоставленного гражданскому обществу и направленного на уменьшение напряженности;
3. у оппозиции в обоих случаях нет четкого плана действий, предоставленного гражданскому обществу для объяснения своей позиции и объяснения долгосрочных действий в случае дальнейшего ее прихода к власти;
4. обе стороны в обоих случаях нарушают, к сожалению, основной закон своей страны;
5. влияние так называемых внешних факторов;
6. использование фактов и аргументов прошедших исторических событий, одиозное их выдергивание из контекста всего исторического процесса и трактовка в свою пользу выгодной каждой стороне информации (что, по мнению автора, еще более приводит к эскалации конфликта, так как «нельзя выковырять изюм из пирога, не повредив теста»);
7. слабая экономическая грамотность населения (свойственна всем странам, кроме развитых);
8. слабое участие в уменьшении эскалации конфликта соседних с ними стран (в обоих случаях);
9. слабое участие в уменьшении эскалации конфликта международных организаций (ООН и пр.).

В результате общество (не страны, где конфликт) начинает воспринимать события как какую-то игру, происходящую где-то далеко, теряющуюся в общем потоке информации и вообще ни на что не влияющую (что весьма непонятно в век глобализации). Что же может сделать историк и История в целом? Автор считает – очень многое. Как существует направление в исторической науке под названием «военная история», предлагается создать направление «история и мир», которое позволило бы историкам всего мира в будущем хотя бы уменьшить напряженность на нашей планете. Предлагается за будущие методологические постулаты принять следующие:

1. в любом случае, при любом конфликте противоборствующие стороны должны неукоснительно руководствоваться Конституцией (внутренний конфликт) либо же международными нормами (внешний конфликт);

2. при международной организации ООН необходимо создать независимую комиссию из историков и юристов всех входящих в данную организацию стран для принятия документа, отменяющего все «двойные стандарты» в отношении каждой страны в последующем;

3. при международной организации ООН необходимо создать Международное информационное агентство (МИА), в состав которого входили бы специалисты в различных сферах жизни международного общества и основной сферой деятельностью которого являлось бы **объективное, исходя из достоверных фактов, освещение ситуации в «горячих» точках мира.**

4. В случае нарастания напряженности в каждой стране обязать власти создавать независимое информационное агентство (куда входили бы представители всех участвующих сторон, прежде всего, историки, юристы и экономисты и которые вырабатывали бы единую позицию в каждой конкретной ситуации).

5. Создать при участии историков всего мира единую международную базу данных о всех войнах, военных и иных конфликтах, обеспечив к ней доступ каждого члена международного сообщества, **с целью пропаганды ужасов и неприятия войны.**

HISTORIA EST MAGISTRA VITAE (история – учитель жизни) должна стать **HISTORY – DOCTOREM MUNDI** (история – учитель мира).

---

¹ <http://charter97.org/ru/news/2014/1/24/84774>

² <http://www.inopressa.ru/article/13Dec2013/elpais/1914.html>

³ Тоффлер Элвин. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с.

⁴ Там же. С. 5.

И.А. Ягмур (Санкт-Петербург)

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ПОЛЕВЫХ ПОДВИЖНЫХ ГОСПИТАЛЕЙ В ДЕЛЕ ЛЕЧЕБНО-ЭВАКУАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК РОССИИ И СССР

В СВЯЗИ с созданием сильной и постоянной армии с выраженными чертами регулярности в 30-е гг. XVII в. начинает зарождаться и государственная система ее медицинского обеспечения. Одной из наиболее ранних форм проявления государственной заботы о раненых и «увечных» воинах являлась практика откупа в виде выдачи им денег на «лечбу ран». Раненые, получившие такой денежный откуп, должны были самостоятельно искать врачебной помощи у вольнопрактикующих «знахарей», сопровождавших войска на войне¹. Также приютом для раненых и больных воинов служили богадельни при монастырях.

Создание постоянных госпиталей берет свое начало с указа Петра I от 25 мая 1706 г. о строительстве госпиталя в Москве «за Яузой рекою» на деньги Монастырского приказа. Первый постоянный сухопутный госпиталь в Санкт-Петербурге был учрежден в 1710 г. В 20-е годы XVIII столетия были открыты и адмиралтейские госпитали в Кронштадте, Ревеле, Таврове, Астрахани и др. Штаты и организация работы всех госпиталей определялась «*Регламентом о госпиталях*» (1722), а с 1735 г. – «*Генеральным о госпиталях регламентом*». В первой четверти XVIII в. также при каждом регулярном полке русской армии учреждаются полковые госпитали, дислоцированные в местах постоянного расквартирования полков.

Эффективным и имевшим продолжение нововведением в медицинское обеспечение действующей армии в период Русско-турецкой войны (1735–1739) стала инициатива Павла Захаровича Кондоиди по созданию **первого в России походного подвижного госпиталя**. В военной кампании 1739 г. П.З. Кондоиди, генерал-штаб-доктором

армии Б.Х. Миниха, был составлен план медицинского обеспечения войск. По мнению С.А. Семеко, этот план был первым в истории российской военной медицины.²

Система медицинского обеспечения войск до реформы П.З. Кондоиди была такова: «пограничные госпитали» обязаны были принять всех больных из полков при выходе последних с зимних квартир для следования к месту сбора войск перед генеральным сражением, так как полковые госпитали лечили больных только в местах зимнего расквартирования войск. В поход вместе с войсками полковые госпитали не шли и в боевой обстановке не развертывались. Полки сопровождали только медицинские чины с запасом медицинского имущества, находящегося в полковой аптеке. С 1731 г. в каждой роте полагалось иметь всего одну повозку для больных и раненых, однако при необходимости могли использовать порожняк провиантского транспорта и повозки местного населения. Никакой связи ни с «пограничными», ни с полковыми госпиталями у армии в походе не было. В военных походах, порой очень удаленных от тыла, армия возила своих раненых и больных за собой. И «в предвидении «генерального сражения» их оставляли в лагере (на «генеральном рандеву») с половиной медицинских чинов, сюда же привозили и раненых»³. По возвращении войск из похода раненых и больных увозили с армейскими обозами и сдавали в «пограничные госпитали», часто до предела переполненные.

Стремление приблизить медицинскую помощь к раненым на поле сражения привело генерал-штаб-доктора П.З. Кондоиди к необходимости создания первого в России полевого подвижного госпиталя. По проекту П.З. Кондоиди, представленному им в 1738 г., такой госпиталь был рассчитан на 6 тыс. человек (это около 10 % численности армии). В нем должны были служить все доктора и штаб-лекари, половина всех полковых лекарей, которая бы сменялась другой половиной через каждые две недели. Также при подвижном военном госпитале должны были находиться все подлекари и лекарские ученики из полков и половина всех цирюльников. Управление подвижным госпиталем возлагалось на генерал-штаб-доктора, который непосредственно подчинялся командующему войсками. «Обоз первого полевого подвижного госпиталя по проекту П.З. Кондоиди состоял из 1900 подвод. Госпиталь должен был размещаться в палатках, которые при его перемещении свертывались. Совместно с госпиталем должна была перемещаться и полевая (походная)

аптека»⁴. Проект по созданию передвижного военного госпиталя был утвержден фельдмаршалом Б.Минихом в 1738 г. и реализован в кампанию 1739 г. Подвижный госпиталь доказал свою эффективность уже в первую кампанию. В докладе главного директора Медицинской канцелярии П.З. Кондоиди Правительствующему Сенату в 1757 г. сообщалось, что благодаря организации подвижного госпиталя в кампании 1739 г. армия потеряла больными всего 2 тыс. человек, в сравнении с кампанией 1738 г., где потери больными составили около 30 тыс. человек.

В начале войны 1805 г. (25.8.) было утверждено положение об устройстве **корпусных подвижных госпиталей**. Имущество и оборудование таких госпиталей в походах должно было перевозиться в «лазаретных обозах»; тем же положением предусматривалась перевозка имущества полковых лазаретов на «лазаретных фурах».⁵ Таким образом, армия впервые получила возможность при выдвигении сопровождаться всем медицинским оборудованием, нужным для автономного развертывания медицинских учреждений в полевых условиях.

В 1807 г. выходит *«Положение о порядке в учреждении при заграничных армиях госпиталей»*. С этого времени, по мнению историков военной медицины, официально и берет свое начало эвакуационная система. Согласно этому положению на путях подвоза действующей армии предусматривалась организация временных госпиталей трех типов: перволинейных, второлинейных и третьелинейных. «Первые из них предназначались для задержки и лечения «весьма легких раненых», но не могущих перенести перевозку, вторые – для раненых и больных, подлежащих после более или менее продолжительного лечения возвращению в армию, третьи развертывались на территории России, вблизи ее границ, для «увечных» и больных, не подлежащих направлению в войска».⁶

С принятием *«Положения для временных госпиталей при Большой Действующей Армии»* (1812)⁷ была окончательно установлена система военно-медицинского обеспечения действующей армии в первой четверти XIX в. Согласно этому положению временные военные госпитали делились на три типа: главные военные госпитали, подвижные госпитали и развозные госпитали.⁸ «Раненые, получив в развозных госпиталях перевязку, обеспечивавшую их на два дня, следуют в подвижные госпитали, которые не далее как в 15 верстах должны быть устроены от развозных».⁹ Подвижные госпитали

также не имели постоянного штата и формировались по мере необходимости. Оборудование для таких госпиталей перевозилось вслед за войсками. Возглавляли подвижные госпитали обычно врачи главных квартир, корпусные или дивизионные доктора. Уход за ранеными и больными осуществлялся «личным составом подвижных и инвалидных рот из расчета одна такая рота (197 человек) на корпус».¹⁰ Остальной необходимый медицинский персонал привлекался распоряжением генерал-штаб-доктора из резерва полков. После сражения все раненые из развозных госпиталей сосредотачивались в одном пункте, чаще всего ближайшем городе, где и формировался подвижной госпиталь.

Во время наступательных военных компаний 1813–1814 гг. линии подвижных госпиталей возникали в результате оставления больных и раненых в заранее отмеченных для этого пунктах. В «Постановлении о госпиталях» (1813) указано, что «главные и корпусные дежурства всегда предварительно назначаются впредь, где полки могут оставить своих больных, и строго запрещают оставлять их по произволению или перешед госпиталь, на другом месте, где нет оногo, и тем паче возить, следуя вперед, тяжко больных с собою».¹¹ Главные временные госпитали учреждались согласно «*Положению для временных военных госпиталей*» за линией подвижных госпиталей по назначению главнокомандующего.

Вынос раненых с поля сражения и последующая доставка их в развозные госпитали осуществлялась силами военной полиции. В благоприятных условиях для сбора и оказания неотложной помощи раненым посылались несколько офицеров и лекарей с экипажами. Развозные госпитали, куда первоначально поступали раненые, служили, как правило, местом «главной перевязки». В них предусматривались помещения (палатки), предназначенные для операций. Здесь сосредотачивалось необходимое количество медицинских чинов из полков под руководством дивизионного, корпусного или главного доктора, запасы перевязочного материала и большие инструментальные ящики в больших лазаретных фурах, конвойные команды для конвоирования транспортов с эвакуируемыми в подвижные госпитали ранеными.

Последующая эвакуация по линии подвижных госпиталей в главные временные госпитали происходила уже средствами транспорта, собранного у местного населения, либо на провиантских фурах. Организация транспортов для эвакуации мало чем отличалась от

принятой в XVIII в. эвакуации раненых. Полезным нововведением явились специальные станции, организованные на маршрутах для заблаговременной подготовки размещения и питания раненых. Там находилось определенное количество медицинских чинов, а также запасы медицинского имущества и запасы продовольствия. «Эвакуационная система в общем установилась по принципу дренажа, путем эвакуации раненых и больных от этапа к этапу».¹² В это же время начинает зарождаться некоторая дифференциация функций разных этапов, которая требовала сортировки раненых по способу и виду транспортировки и по месту окончательного лечения.

Совершенствование работы лечебно-эвакуационных учреждений русской армии происходит с принятием в 1829 г. *«Правил об учреждении подвижных и военно-временных госпиталей»*. Развозные госпитали заменяются подвижными, учреждаемыми при каждом пехотном корпусе на 200 коек. Такие подвижные госпитали имели собственный штат, состоящий из главного доктора, шести старших и младших лекарей, одного провизора, двух аптекарских учеников, семи фельдшеров и одного подмастерья для правки хирургических инструментов. При подвижных госпиталях учреждалось «депо перевязочных материалов, медикаментов и госпитальных вещей», служившее для пополнения полковых запасов в «случае не терпящих промедления». Подвижной госпиталь оснащался специальным санитарным транспортом, состоявшим из 400 четверочных линеек для эвакуации раненых во временные полевые госпитали. Подвижные госпитали обслуживали в основном только раненых, а в сражениях выполняли функции и главных перевязочных пунктов. Объем медицинской помощи в подвижных госпиталях определялся следующим: «Поелику от первой перевязки раны зависит весь успех последующего лечения, то старший доктор обязан подтвердить врачам, дабы они при перевязке всегда делали точнейшее исследование раны и, буде в оной находится инородное тело, например: пуля, пыж, кусок от платья, обломок гранаты и т. д., без отлагательства извлекали оные, и вообще наблюдать, чтобы перевязка производилась по правилам хирургии».¹³ После предоставления раненым необходимой медицинской помощи и отдыха они эвакуировались в полевые временные госпитали.¹⁴ Полевые временные госпитали располагались по военной дороге линиями (1-й, 2-й и 3-й) и были идентичны подвижным госпиталям по положению 1812 г. В полевых временных госпиталях 1-й линии задерживались только легкораненые и больные,

остальные эвакуировались во временные госпитали 2-й и 3-й линии. Промежуточным звеном между подвижным госпиталем и полевыми временными госпиталями служили временные этапные госпитали, располагавшиеся на путях эвакуации. Их роль чаще всего ограничивалась отправкой раненого или больного дальше по путям эвакуации в ближайший полевой временный госпиталь либо излечением поступившего воина.

Система борьбы с инфекционными заболеваниями и эпидемиями мало обогатилась в сравнении с мероприятиями, выработанными еще в XVIII в., ее основу по-прежнему составляли **карантинные заставы**. В начале XIX в. в войсках еще не было создано специальных лечебных учреждений для изоляции и лечения острозаразных больных, их возили за собой, часто на порожних провиантских фурах.

В период Русско-турецкой войны 1828–1830 гг. русские войска, действовавшие на Балканском направлении, сопровождали 18 подвижных госпиталей дивизии на 100 коек каждый и 25 пароконных фур. Госпитали лечили раненых и больных на театре боевых действий на Балканах, а во время сражений выполняли функции главных перевязочных пунктов. При главной квартире русской армии существовал еще один тип госпиталей – «походные». По запискам К.К. Зейдлица,¹⁵ каждый походный госпиталь в своем составе имел от 50 до 100 фур, аптеку, кузницу, 40–80 палаток со всеми принадлежностями, запас постельного белья и госпитальной одежды, соломенные тюфяки на 200–300 человек, хирургическое оборудование и хирургические инструменты и был укомплектован постоянным штатом, состоящим из смотрителя, комиссара, доктора, аптекаря и фельдшера. Походный госпиталь мог быть развернут, в случае необходимости, в течение одного часа, если в подвижных госпиталях скапливалось слишком много раненых и больных.

Одновременно с военными действиями на Балканах действовала и Кавказская армия, медицинское обеспечение которой было организовано лучше. Русскую армию на Кавказе сопровождал подвижной госпиталь на 1000 коек, снабженный 50 большими палатками на 20 мест каждая и двумя палатками под аптеку. Тогда же, в период Русско-турецкой войны 1828–1830 гг., в составе Кавказской армии впервые в истории военной медицины был создан подвижной инфекционный госпиталь, в виде так называемого «**подвижного карантина**» при госпитале, для перевозки которого при войсках был организован транспорт, состоящий из 70 арб. По статистике, благодаря наличию

противоэпидемических мероприятий, из состава Кавказской армии при общей численности войск в 16 332 человек за весь период боевых действий убыло всего 2900 чел. (17,75 %), «в том числе 1000 человек погибла от чумы». ¹⁶

В период Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. медицинское обеспечение войск всех трех театров военных действий: Дунайского, Крымского и Кавказского – строилось на основе устава от 21.03.1828 г. и «Правил об учреждении при действующей армии подвижных и военно-временных госпиталей» (1829), а также «Положения о кадрах военно-временных госпиталей» (1833), которые предписывали накопление при всех постоянных военных госпиталях в период мирного времени неприкосновенного запаса имущества и лекарственных средств для развертывания 40 военно-временных госпиталей (всего 15 тыс. мест) на 6 месяцев войны. ¹⁷

С началом осады Севастополя оказание медицинской помощи раненым производилось на передовых и главных перевязочных пунктах. При главных перевязочных пунктах также имелись лазареты на 300–500 коек.

Именно в период Крымской компании 1854–1855 гг. выдающимся русским хирургом Н.И. Пироговым была высказана мысль о необходимости «складочного места», прообраза «сортировочного госпиталя». Система сортировки раненых, впервые примененная Пироговым на главном перевязочном пункте в Севастополе, заключалась в разделении раненых и больных на четыре категории: 1) безнадежные, которые оставлялись на месте на попечение сестер и священников; 2) нуждающиеся в неотложных операциях сразу на главном перевязочном пункте; 3) раненые, которым оперативное пособие может быть отложено на 1–2 дня, и те, которых можно транспортировать в военно-временный или постоянный госпиталь; 4) легкораненые, которые после перевязки отправляются обратно в часть.

В военно-медицинском отношении Русско-турецкая война 1877–1878 гг. существенно отличалась от всех других войн массовым применением противником нарезного оружия, пришедшего на смену гладкоствольным огневым средствам. Это обстоятельство повлекло за собой существенное увеличение боевых потерь от огнестрельных поражений, а также «утяжеление» характера ранений и соответственно условий работы военно-медицинской службы в полевых условиях. В связи с характером ранений произошло увеличение объема неотложной хирургической помощи, повысились

требования к квалификации военных хирургов, а также впервые в полевых условиях был апробирован новый антисептический метод лечения ран Д. Лестера. Новый метод предполагал как особое оснащение, так и соответствующую организацию работы лечебных учреждений: развертывание в их составе таких специальных подразделений, как перевязочная, предоперационная, операционная и изолятор.

В ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. нововведением стало создание **дивизионных подвижных лазаретов** и дивизионных рот носильщиков, приданных лазаретам. Данное военно-лечебное учреждение было рассчитано на 166 мест (6 из которых были предназначены для офицеров) и возглавлялось дивизионными врачами. Штат дивизионного подвижного лазарета состоял из 8 врачей, 16 фельдшеров и роты носильщиков в составе 210 человек. Обоз составляли 24 линейки (на 4 лошади каждая) для транспортировки раненых и больных и 6 линеек (на 2 лошади) для тех же целей, а также 4 аптечные платформы. В случае необходимости лазарет мог легко делиться на два отделения по 83 места каждое. В задачи такого подвижного лазарета входили прием раненых с поля боя, оказание им первой помощи и эвакуация в ближайший военно-временный госпиталь, а также по мере необходимости лечение нетранспортабельных раненых (для этого развертывались перевязочные пункты либо этапные лазареты). В задачу этапных лазаретов входили лечение и дальнейшая эвакуация раненых в тыловые госпитали.

Н.И. Пирогов, анализируя эффективность работы военно-временных госпиталей этого периода, писал: «И в самом деле, если цель так называемого лазарета, составленного из нескольких дивизионных, состоит в том, чтобы импровизировать из них, когда нужно, главный перевязочный пункт; то военно-временные госпитали, служащие, как мы видели, нередко главным перевязочным пунктом, должны, очевидно, пользоваться на театре войны такою же самостоятельностью, как дивизионные лазареты, такими же подвижными помещениями и такими же средствами для транспортировки раненых. Всего этого можно достигнуть только тогда, когда, во-первых, управление госпиталем будет поручено всецело главному врачу, не ограниченному в своей деятельности госпитальным комитетом и имеющему право самостоятельно распоряжаться, как врачебной, так и хозяйственной сторонами госпиталя; во-вторых, когда военно-временный госпиталь будет снабжен, по крайней мере, таким же подвижным

помещением, как и дивизионные лазареты; в-третьих, когда нынешний объем госпиталя будет разделен на несколько вполне самостоятельных и одно от другого вполне не зависящих отделений».¹⁸

В Русско-турецкую войну 1877–1878 г. впервые для эвакуации раненых стал использоваться железнодорожный транспорт. «В железнодорожной эвакуации приняли участие 30 военно-санитарных поездов, в том числе 19 – на территории России. Она была организована в соответствии с циркуляром Главного штаба № 352, 1877 г. «*О перевозке раненых по железным дорогам*», а также «*Инструкцией для эвакуации больных и раненых из района действующей армии во внутренние районы Империи*» (1877)».¹⁹

Таким образом, в основу лечебно-эвакуационного обеспечения русских войск в периода Русско-турецкой войны 1877–1878 г. был положен принцип «массовой эвакуации раненых и больных за пределы театра военных действий через цепочку военно-временных госпиталей с использованием гужевого, железнодорожного и, частично, речного и морского транспортов».²⁰

Неудачный для русских войск «отступательно-оборонительный» характер Русско-японской войны 1904–1905 г. наложил отпечаток и на организацию лечебно-эвакуационного обеспечения армии, где по-прежнему сохранялась многоведомственность и отсутствовало единоначалие. Участник Русско-японской войны известный хирург Е.В. Павлов писал: «Управление санитарной частью при Главнокомандующем, а так же и управления начальников санитарных частей армий производят такое впечатление, что лица собственно врачебного персонала находятся все в подчинении у военачальников и не пользуются никакими правами...».²¹ На базе ранее мобилизованных запасов на театре боевых действий работали 114 полевых подвижных, 180 запасных и 4 крепостных госпиталя общей емкостью 65 355 мест. Дополнительно к ним работали подразделения Российского общества Красного Креста (РОКК) в виде летучих отрядов, лазаретов и специализированных госпиталей.

В сравнении с «Положением о военно-врачебных заведениях» 1887 г., в ходе Русско-японской войны были заметны улучшения в организации военно-врачебного дела. Это коснулось прежде всего громоздких военно-временных госпиталей, рассчитанных на 630 мест. Они были заменены мобильными и легко управляемыми полевыми подвижными госпиталями на 210 мест.²² При многих подвижных госпиталях по мере необходимости организовывались

«слабосильные команды» от 50 до 200 человек. Были введены штатные военно-санитарные транспорты и штатные эвакуационные комиссии. Крупные военно-сводные госпитали (большинство их было сосредоточено в Харбине) теперь являлись стационарными. Все военно-врачебные заведения, участвовавшие в войне, подразделялись на войсковые (лазареты воинских частей, дивизионные лазареты и полковые госпитали, приданные дивизиям) и подчиненные органам полевого управления (полевые подвижные госпитали, не приданные дивизиям, полевые запасные госпитали, военно-санитарные транспорты, эвакуационные комиссии, полевые аптеки и временные аптечные магазины).

Вынос раненых с поля боя и доставка их на перевязочные пункты осуществлялись полковыми (нештатными, выделявшимися перед боем) и дивизионными (рота при дивизионном лазарете) носильщиками. При сильном вражеском огне сбор тяжелораненых откладывался до наступления темноты. Раненые, сохранившие способность к передвижению, сами сосредотачивались на поле боя в определенных местах, образуя своеобразные «гнезда раненых». Передовые перевязочные пункты чаще всего не развертывались, а их функции выполняли полевые околотки и лазареты. Здесь помощь оказывалась 74 % всех раненых, остальные сразу поступали на главные перевязочные пункты. В ходе Русско-японской войны впервые широкое применение приобрела само- и взаимопомощь, для этого все строевые воинские чины, согласно приказу по Военному ведомству 1904 г. №76, были обеспечены индивидуальными перевязочными пакетами.

Организация лечебно-эвакуационного обеспечения боевых действий русской армии в период Первой мировой войны 1914–1918 г. имела ряд отличительных особенностей. Санитарные потери действующих фронтов были огромными и более сложными по своей структуре. Их общий размер (по неполным данным, ввиду изъянов в организации учета) «составил 9 366 553 чел., в том числе 3 795 449 ранеными и пораженными «удушливыми газами» и 5 571 104 больными. Из них во внутренние районы страны было эвакуировано 2 474 935 раненых и газотравленных и еще 1 477 940 больных, из которых 61 % были легкораненые». Это обстоятельство возникло из-за порочной доктрины, основанной на принципе «эвакуации во что бы то ни стало».²³ В связи с этим в 1915 г. в октябрьском номере «Военно-медицинского журнала» вышла статья хирурга-консультанта

ряда фронтов, профессора ВМА В.А. Оппеля «Основания сортировки раненых с лечебной точки зрения на театре военных действий», в которой выдвигался и обосновывался принцип «этапного лечения» раненных. Сущность «этапного лечения» определялась следующим образом: «Раненый получает такое хирургическое пособие, тогда и там, где и когда в таком пособии обнаружена надобность; раненый эвакуируется на такое расстояние от линии боя, которое наиболее выгодно для его здоровья».²⁴ Только на завершающем этапе Первой мировой войны принцип «этапного лечения с эвакуацией по назначению», предложенный и обоснованный профессором В.А. Оппелем, был положен в основу «Инструкции по организации хирургической помощи раненым на фронте» (1917), разработанную другим русским хирургом академиком Н.А. Вельяминовым. Также им был учрежден институт фронтовых хирургов-консультантов, что явилось важным шагом на пути организации оказания раненым и больным воинам специализированной помощи.

Согласно «Инструкции по организации хирургической помощи раненым на фронте» основными этапами эвакуации раненых и больных являлись: 1) передовой перевязочный пункт (1,5–5 км от линии огня), где им оказывалась первая медицинская помощь и проводились хирургические операции по жизненным показателям, производилось питание; 2) главный перевязочный пункт, развертываемый передовым отрядом дивизии позади перевязочных пунктов вне линии огня, в 3–6 км от передовых перевязочных пунктов. Там производилось оказание неотложной хирургической и общеврачебной помощи, временное размещение и уход, а также сортировка для отправки по следующему этапу эвакуации, и 3) головной эвакуационный пункт, развертываемый на головной железнодорожной станции распоряжением санитарной части фронта. Там производились прием и окончательная сортировка раненых и больных, эвакуация тяжелообльных и больных в тыловые госпитали, задержание и лечение нетранспортабельных и распределение легкораненых по лечебным учреждениям тылового района, отделение инфекционных больных и направление их по указаниям начальника санитарной части армии.²⁵

В период Первой мировой войны впервые для нужд медицинской службы армии был использован автомобильный транспорт: санитарные автомобили разной модификации, авторентгеновские установки, «автосанитарные колонны» и отряды.²⁶

Общие итоги лечебно-эвакуационного обеспечения войск русской армии в Первой мировой войне, если характеризовать их по отношению к раненым, возвращенным в строй, составили в русской армии не более 50 %, в германской армии – 76 %, во французской – 75–82 %²⁷, что свидетельствовало о необходимости реформирования существующей лечебно-эвакуационной системы на основе принципов «этапного лечения», что в полной мере и было осуществлено в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

К 1940 г. в составе Красной армии имелись войсковые подвижные госпитали (ВПГ) и полевые подвижные госпитали (ППГ). Летом 1941 г., в самом начале Великой Отечественной войны, ВПГ были превращены в ППГ, с терапевтическими и хирургическими отделениями, которые одновременно могли обслужить до 200 раненых и больных. Совмещение в полевом подвижном госпитале оказания помощи и раненым и больным себя не оправдало, и уже в декабре 1942 г. на госпитальной базе ППГ создают два типа госпиталей: терапевтический полевой подвижной госпиталь (ТППГ) и хирургический полевой подвижной госпиталь (ХППГ). В ходе Великой Отечественной войны усовершенствование работы ППГ шло как по линии универсализации, так и по линии специализации. Универсализация ППГ делала их более маневренными, о чем еще в середине XIX в. писал выдающийся русский хирург Н.И. Пирогов. Суть универсализации хирургических полевых подвижных госпиталей заключалась в том, что госпиталь, исходя из боевой необходимости, мог делаться то перевязочным пунктом, то этапным, а то и заменяющим постоянный госпиталь на театре боевых действий.²⁸ С 1943 г. в составе госпитальной базы армии (ГБА) за счет специализированных групп медицинского усиления ОРМУ, (т. е. прикомандирования к ХППГ группы врачей определенной специализации: нейрохирургов, ортопедов, стоматологов и т. п.) на базе этих госпиталей началось создание **специализированных госпиталей (СХППГ)** для раненных в голову, шею, позвоночник, грудь и др. Также хирургический полевой подвижной госпиталь мог использоваться как этапный, в случае большой протяженности грунтовых путей эвакуации раненых.

Слабым звеном в лечении инфекционных больных в период предшествующих войн с участием России было отсутствие инфекционных полевых подвижных госпиталей. Причиной тому являлись как слабость армейской противоэпидемической организации, так и недостаток необходимых средств для госпитализации больных

на месте при необходимости освободить ближайший тыл войск от массы больных данного профиля. Так, в период Первой мировой войны с «января по июль 1915 г. только в Москву ежемесячно прибывало в среднем по 5 эшелонов с инфекционными больными, а с июля 1915 г. по февраль 1916 г. – по 11 эшелонов в среднем ежемесячно», что давало повод не раз обвинять армию в заносе инфекций с фронта в тыл.²⁹

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. был реализован принцип лечения инфекционных больных на месте путем создания **инфекционных полевых подвижных госпиталей** (ИППГ), рассчитанных на 100 коек и располагавших возможностью разделной госпитализации больных двумя различными инфекциями.

Опыт работы госпиталей данного профиля показал необходимость создания такой структуры медицинской организации и такого построения ее штатов, при которой ИППГ мог бы обслуживать одновременно больных тремя и более различными инфекциями. Обычным расположением ИППГ в период Великой Отечественной войны являлся армейский тыл. Инфекционный полевой подвижной госпиталь должен был являться местом окончательной госпитализации и лечения инфекционных больных.

В период Второй мировой войны ввиду чрезмерной протяженности путей медицинской эвакуации, в частности, из госпитальной базы фронта (ГБФ) в госпитальную базу тыла (ГБТ), определилась тенденция организации лечения раненых и больных на месте, при менее интенсивной эвакуации тяжелораненых в тыл страны. В итоге более 60 % всего коечного фонда находилось в пределах действующей армии: в составе госпитальной базы армии (ГБА) – 25,1 %, госпитальной базы фронта (ГБФ) – 35,1 % и только 39,8 % – в составе госпитальной базы тыла (ГБТ).³⁰

Ретроспективный анализ совершенствования системы лечебно-эвакуационного обеспечения Российской и Советской армий на примере эволюции полевого подвижного госпиталя дает возможность заключить, что в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (в большей степени на завершающем ее этапе) был успешно реализован принцип «этапного лечения с эвакуацией по назначению», предложенный В.А. Оппелем, что и было зафиксировано в проекте «Наставления по медицинскому обеспечению Советской Армии» (1948). Так, в главе, посвященной лечебно-эвакуационному обеспечению войск, наряду с формулировкой принципов «этапного лечения» впервые подчеркивалась особая значимость соблюдения «единой

полевой военно-медицинской доктрины». Выделились в самостоятельные военно-медицинские учреждения и доказали свою эффективность инфекционные полевые подвижные госпитали (ИППГ), а также положительно зарекомендовала себя узкая специализация хирургических полевых подвижных госпиталей, начало которой было положено еще в годы Первой мировой войны. Также нельзя не отметить возникновение на рубеже XIX–XX вв. новой науки – «санитарной тактики», обогатившейся опытом военно-полевой медицины как первой половины XX в., так и теорией и практикой медицинского обеспечения локальных войн конца XX – начала XXI в.

¹Гладких П.Ф., Корбут В.Б., Локтев А.Е. и др. Краткий исторический очерк становления и развития системы медицинского обеспечения Сухопутных войск России и СССР (конец XVII – первая половина XX вв.) / Под ред. д-ра мед. наук проф. П.Ф. Гладких. СПб.:Телесфор, 1997. С. 6.

²Будко А.А., Быков И.Ю., Селиванов Е.Ф., и др. История военной медицины России: В 4 т. СПб., 2002. Т. 1. С. 117.

³Там же. С. 117–118.

⁴Там же. С. 118.

⁵Семека С. Медицина военная // Энцикл. словарь воен. мед. М., 1948. Т. 3. Стб. 788.

⁶Гладких П.Ф., Корбут В.Б., Локтев А.Е. и др. Указ. соч. С. 7–8.

⁷Семека С. Указ. соч. Стб. 788.

⁸Приложение 1. Рис. 1. / Гладких П.Ф., Корбут В.Б., Локтев А.Е. и др. Указ. соч. Рисунки. Рис. 2.

⁹Семека С. Указ. соч. Стб. 789.

¹⁰Гладких П.Ф., Корбут В.Б., Локтев А.Е. и др. Указ. соч. С. 8.

¹¹Семека С. Указ. соч. Стб. 789.

¹²Там же. Стб. 792.

¹³Там же. Стб. 802.

¹⁴Приложение 1. Рис. 2 / Гладких П.Ф., Корбут В.Б., Локтев А.Е. и др. Указ. соч. Рисунки. Рис. 3.

¹⁵Семека С. Указ. соч. Стб. 805.

¹⁶Там же. Стб. 807.

¹⁷Эпштейн О. Госпиталь военный // Энцикл. словарь воен. мед. М., 1964. Т. 1. Стб. 158.

¹⁸Пирогов Н.И. Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877–1878 гг. // Пирогов Н.И. Собр.соч. Т. VII. М., 1960. С. 54–55.

¹⁹Гладких П.Ф., Корбут В.Б., Локтев А.Е. и др. Указ соч. С. 12.

²⁰Приложение I. Рис. 3 / Там же. Рисунки. Рис. 4.

²¹Будко А.А., Быков И.Ю., Селиванов Е.Ф. и др. Указ. соч. СПб., 2006. Т. 3. С. 325.

²²Приложение 1. Рис. 4. / Гладких П.Ф., Корбут В.Б., Локтев А.Е. и др. Указ. соч. Рисунки. Рис. 7.

²³Гладких П.Ф., Корбут В.Б., Локтев А.Е., и др. Указ. соч. С. 18.

²⁴Семека С. Указ. соч. Стб. 877.

²⁵Приложение 1. Рис.5 // Там же. Стб. 875, 876.

²⁶ Приложение 2. Фото 1 / Из фондов ВММ ОФ-0039071.

²⁷ Гладких П.Ф., Корбут В.Б., Локтев А.Е. и др. Указ. соч. С. 19.

²⁸ Приложение 2. Фото 2 / Из фондов ВММ ФОФ-0006202.

²⁹ Болдырев Т. Инфекционный подвижный госпиталь // Энцикл. словарь воен. мед. М., 1947. Т. 2. Стб. 968.

³⁰ Приложение 1. Рис. 6 / Гладких П.Ф., Корбут В.Б., Локтев А.Е. и др. Указ. соч. Рисунки. Рис. 16.

Приложение 1

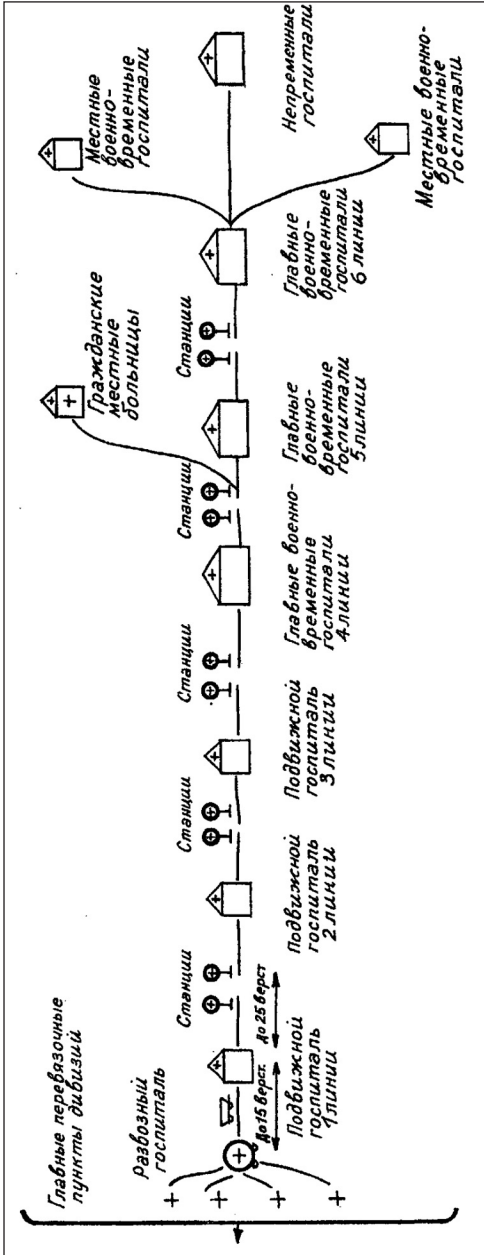

Рис. 1. Размещение лечебных учреждений русской армии согласно «Положению о военно-временных госпиталях при Большой действующей армии» (1812) / Семка С. Медицина военная // Энцикл. словарь воен. мед. М., 1948. Т. 3. Стб. 787

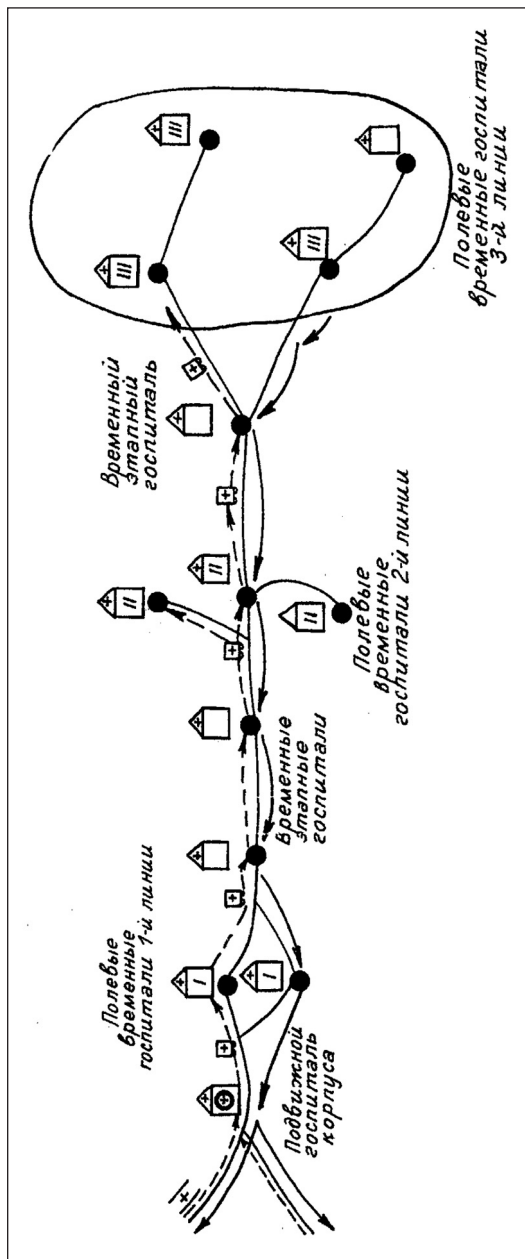

Рис. 2. Размещение лечебных учреждений русской армии в соответствии с «Правилами об учреждении при действующей армии подвижных и военно-временных госпиталей» (1829) // Гладких П.Ф., Корбут В.Б., Локтев А.Е. и др. Краткий исторический очерк становления и развития системы медицинского обеспечения сухопутных войск России и СССР (конец XVII – первая половина XX вв.) / Под ред. д-ра мед. наук проф. П.Ф.Гладких. СПб.:Телесфор, 1997. Рисунки. Рис. 3

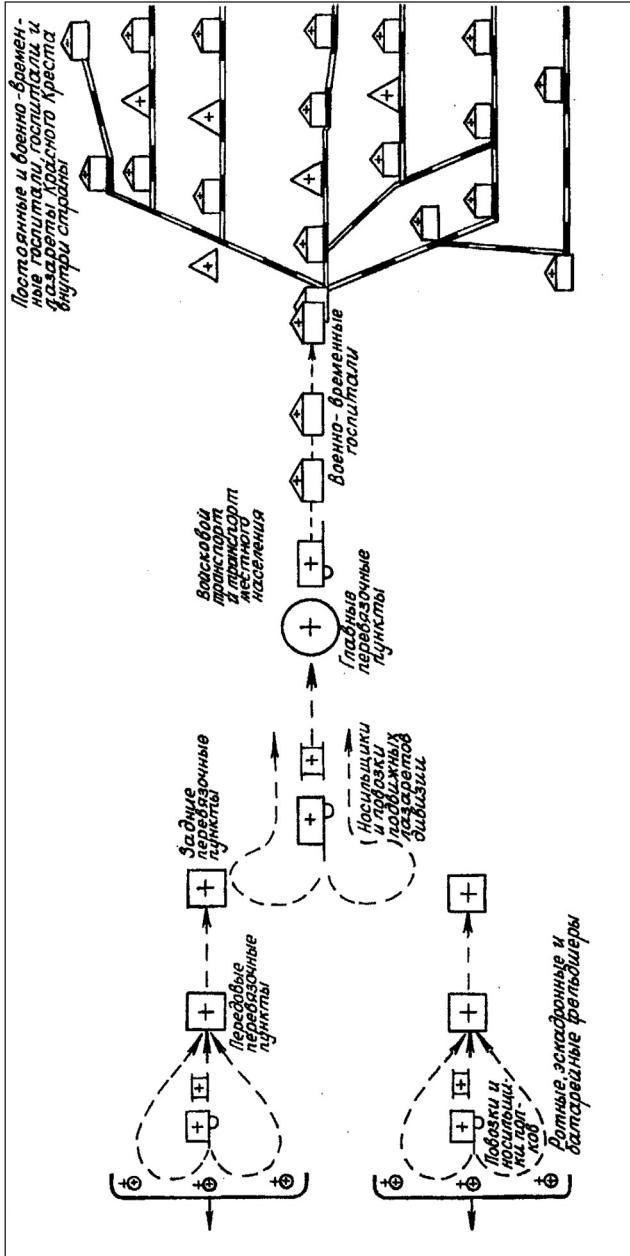

Рис. 3. Схема эвакуации раненых и больных и их «расселения» по лечебным учреждениям в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Гладких П.Ф., Корбут В.Б., Локтев А.Е. и др. Указ соч. Рисунок. Рис. 4.

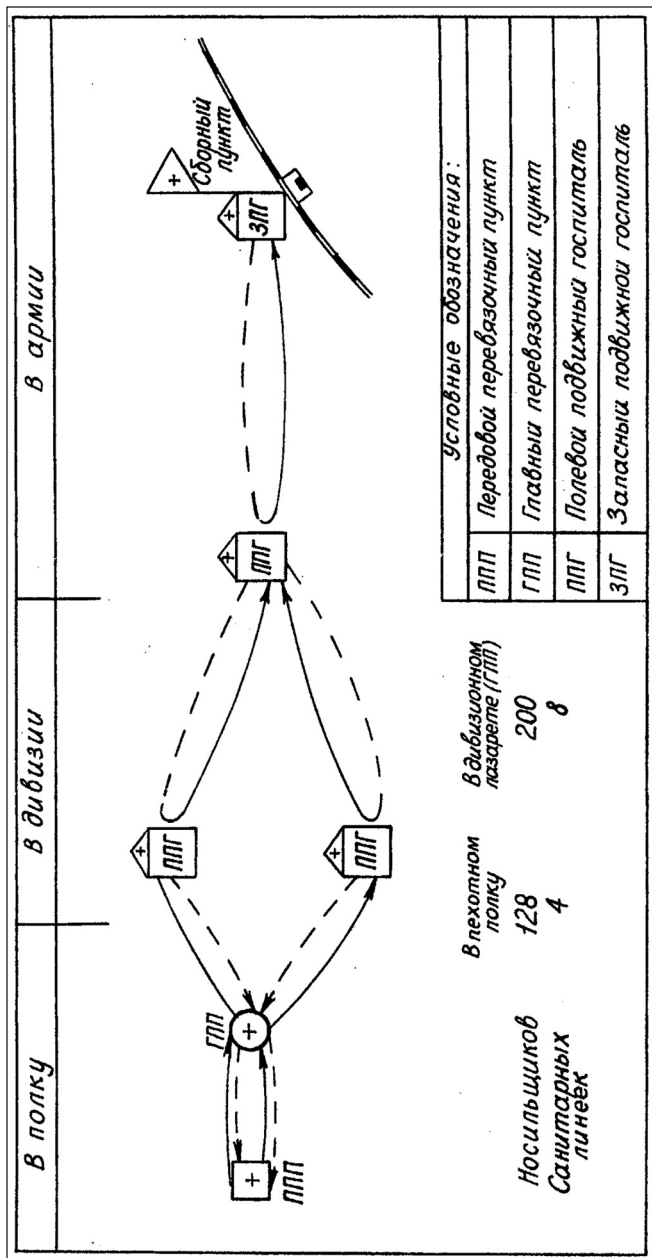

Рис. 4. Организация медицинской эвакуации в русской армии в усско-японской войне 1904—1905 гг. // Гладких П.Ф., Корбут В.Б., Локтев А.Е. и др. Указ. соч. Рисунки. Рис. 7

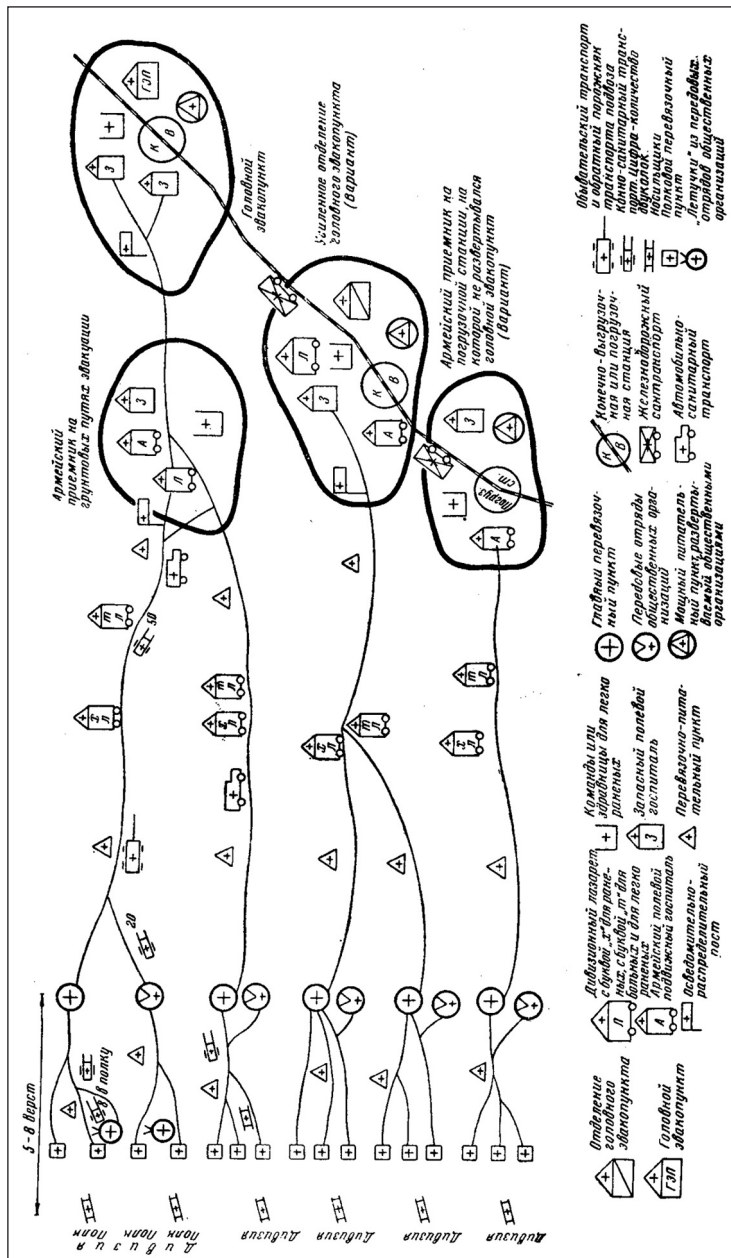

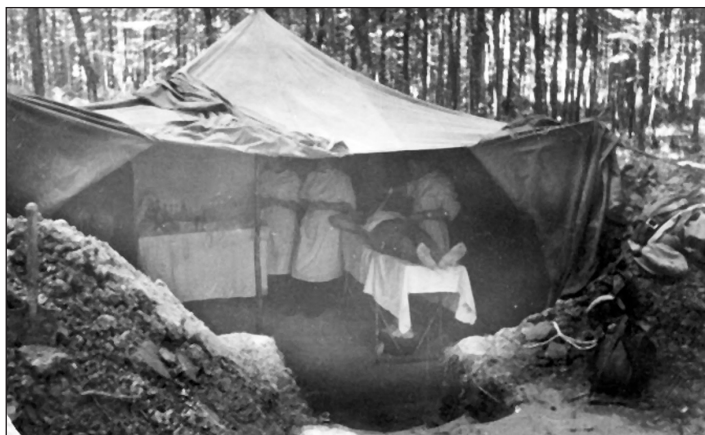
Рис. 5. Схема лечебно-эвакуационного обеспечения войск в русской армии, установленная в 1917 г. согласно «Инструкции по организации хирургической помощи раненым на фронте» (1917) // Семеза С. Указ. соч. Стб. 875, 876

Приложение 2

Рис. 1. Санитарная колонна Императорского автомобильного общества при Царском Ея Величества санитарном поезде № 145 / Из фондов ВММ ОФ-0039071

Рис. 2. Полевой медицинский пункт (ПМП). 1944 г. / Из фондов ВММ ФОФ-0006202

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Афонин Евгений Владимирович – Михайловская военно-артиллерийская академия, старший преподаватель, кандидат технических наук.
Будко Анатолий Андреевич – Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации (далее – ВММ), (Санкт-Петербург), директор музея, доктор медицинских наук, профессор

Пивоварчик Сергей Аркадьевич – Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, заведующий кафедрой, доктор исторических наук, доцент

Пилюшвили Георгий Джунглович – Курский государственный университет, кандидат исторических наук, доцент

Пинк Игорь Борисович – Тульский государственный музей оружия, заведующий отделом, кандидат исторических наук

Порошин Алексей Алексеевич – директор ООО «Фаер Эксперт» (Саратов), кандидат исторических наук

Приходько Михаил Анатольевич – Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, преподаватель, кандидат юридических наук

Пронин Алексей Олегович – ученый секретарь Музея города Новосибирска, кандидат исторических наук

Прямыцын Владимир Николаевич – Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, заместитель начальника отдела, кандидат военных наук

Рахимов Рамиль Насибуллоевич – Российский институт стратегических исследований, кандидат исторических наук, доцент

Рогожин Александр Александрович – Орловский государственный университет, аспирант

Родионов Евгений Александрович – Государственный музей-заповедник «Гатчина» (Ленинградская обл.), старший научный сотрудник

Рудакова Людмила Петровна – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) (Санкт-Петербург), научный сотрудник

Рябая Светлана Анатольевна – Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, кандидат исторических наук, доцент

Рябухин Иван Васильевич – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник

Сабуров Леонид Давыдович – Центральный музей Вооруженных сил Российской Федерации, главный научный сотрудник, доктор исторических наук

Савченко Дмитрий Александрович – Новосибирский государственный университет экономики и управления, доцент, кандидат юридических наук

Самгин Серил Владимирович – Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, преподаватель, кандидат политических наук

Сибилieва Ольга Павловна – Региональное управление военной полиции по Западному военному округу, офицер отделения (информационно-аналитического)

Славнитский Николай Равильевич – Государственный музей истории Санкт-Петербурга, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук

Смирнов Андрей Анатольевич – Московский архитектурный институт (Государственная академия), доцент, кандидат исторических наук

Смирнова Людмила Ивановна – Государственный исторический музей, старший научный сотрудник

Суханов Игорь Павлович – Центральный Военно-морской музей (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат военно-морских наук, доцент

Счастливая Дарья Николаевна – Санкт-Петербургский государственный университет, старший лаборант

Тоичкин Денис Витальевич – Институт истории Украины (Киев, Украина), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук

Ульянов Олег Германович – Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. преподобного Андрея Рублева (Москва), заведующий сектором, кандидат исторических наук

Филатов Олег Васильевич – Центральный Военно-морской музей (ЦВММ) (Санкт-Петербург), заведующий сектором, старший научный сотрудник

Франз Мацей – Институт истории университета Адама Мицкевича в Познани (Польша), доктор исторических наук, профессор

Худяков Юлий Сергеевич – Институт археологии и этнографии СО РАН, главный научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор

Цеглеев Эдуард Александрович – Вятская государственная сельскохозяйственная академия (Киров), доцент, кандидат исторических наук
Целорунго Дмитрий Георгиевич – Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник (Московская область), главный научный сотрудник, кандидат исторических наук

Цесельский Томаш – Институт истории Опольского университета (Польша), директор, доктор исторических наук, профессор

Цехановская Ольга Константиновна – ЦВММ, научный сотрудник

Цуканов Игорь Павлович – Курский государственный университет, кандидат исторических наук

Черноусов Андрей Анатольевич – Учебный военный центр при Санкт-Петербургском государственном университете аэрокосмического приборостроения, старший преподаватель, кандидат исторических наук

Чернухин Виктор Андреевич – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, профессор

Чигарева Наталия Григорьевна – Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, доктор биологических наук

Чубинский Александр Николаевич – Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», научный сотрудник

Чумак Руслан Николаевич – ВИМАИВиВС, старший научный сотрудник (хранитель фондов), кандидат технических наук

Шильцев Е.А. – Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, аспирант

Юркевич Евгений Иванович – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук

Юхо Сергей Владимирович – историк-архивист (Несвиж, Республика Беларусь)

Ягмур Ирина Александровна – Военно-медицинский музей МО РФ, младший научный сотрудник

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пивоварчик С.А.</i> Крепость Брест-Литовск в период военного времени 1914–1915 годов (по воспоминаниям И.А. Лидерса).....	3
<i>Пилишвили Г.Д.</i> Проблемы обеспечения оружием полков народного ополчения Курской области в ходе их формирования летом–осенью 1941 года.....	17
<i>Пинк И.Б.</i> Переделка трофейных немецких и австрийских станковых пулеметов на Тульском оружейном заводе в 1915–1917 годах	27
<i>Порошин А.А.</i> Главкомандующие армиями фронтов Первой мировой войны: генерал от артиллерии Н.И. Иванов	35
<i>Приходько М.А.</i> Генерал-аудиториат в 1805–1808 годах (организационно-структурный аспект).....	47
<i>Пронин А.О.</i> К вопросу о распространении клинкового оружия российского производства среди казахов-кочевников XVII–XIX веков.....	50
<i>Прямыцин В.Н.</i> Русские ученые-гидрометеорологи на фронтах Первой мировой войны	76
<i>Рахимов Р.Н.</i> К оценке действий полков 83-й пехотной дивизии в первые месяцы Великой войны по мемуарам и архивным источникам	87
<i>Рогожин А.А.</i> Д.Б. Огилви и его наем на русскую службу (1702–1704 годы).....	99
<i>Родионов Е.А.</i> Оружие из коллекции Гюнтера 1 Шварцбург-Зондерхаузенского в собрании Гатчинского дворца-музея.....	110
<i>Рудакова Л.П.</i> Деятельность генерал-майора Дмитрия Петровича Струкова в период Великой войны	121
<i>Рябая С.А.</i> Первая мировая война в региональном аспекте (на примере Вятской губернии).....	140
<i>Рябухин И.В.</i> Артиллерийские приборы Первой мировой войны в коллекции ВИМАИВиВС	149

<i>Сабуров Л.Д.</i> Последние войны Российской империи: Русско-японская и Первая мировая	156
<i>Савченко Д.А.</i> Модернизация российского законодательства об ответственности за шпионство накануне Первой мировой войны	172
<i>Самгин С.В.</i> Историческое оружие: опыт формализации понятия.....	178
<i>Сибилieва О.П.</i> Особенности современных вооруженных конфликтов и войн	186
<i>Славнитский Н.Р.</i> Система обороны Северо-Запада России между Северной и Семилетней войнами: использование крепостей в мирное время	198
<i>Смирнов А.А.</i> Материалы, собранные генерал-майором В.В. Чернавным, как источник для изучения боевой выучки русской пехоты накануне Первой мировой войны	211
<i>Смирнова Л.И.</i> Из полевых книжек штабс-капитана Финляндского полка Юрия Аргамакова	225
<i>Суханов И.П.</i> Шведский меч 1657 г. в фондах Центрального военно-морского музея	236
<i>Счастливая Д.Н.</i> Кольт Паттерсон. Стремительная история легендарного револьвера	242
<i>Тоичкин Д.В.</i> Две сабли балканского происхождения XVIII в. из коллекции Полтавского областного краеведческого музея	249
<i>Ульянов О.Г.</i> Оружейные мастерские Троице-Сергиевской лавы в XVI–XVII вв. (троицкие пищали в собрании Оружейной палаты Московского Кремля).....	258
<i>Филатов О.В.</i> Опыт исследования исторических источников, имевших первостепенное значение в принятии решения об объявлении готовности № 1 по ВМФ СССР адмиралом флота Кузнецовым Н.Г. в июне 1941 года.....	275
<i>Франц М.</i> Англо-французская война в сирийско-ливанских водах в 1940 году.....	290
<i>Худяков Ю.С.</i> Вооружение огнестрельным оружием татарских воинов, служивших в составе российских войск в Западной и Южной Сибири в конце XVI – первой половине XVII веков.....	305
<i>Цеглеев Э.А.</i> Ополченческий корпус П.А. Толстого в осенней военной кампании 1813 года.....	317

<i>Целорунго Д.Г.</i> Месячные рапорты как исторический источник (по документам канцелярий воинских частей русской армии, участвовавших в Бородинском сражении и в кампаниях 1812–1814 годов).....	326
<i>Цесельски Томаш.</i> Участие генерал-фельдцейхмейстера Людвига Гессен-Гомбургского в военных действиях на территории Польши в 1734–1736 годах.....	333
<i>Цехановская О.К.</i> Корабельный декор германских и российских кораблей конца XIX – начала XX века.....	351
<i>Цуканов И.П.</i> О роли общественных военно-исторических музеев в 1940–1970-е годы в изучении событий Великой Отечественной войны.....	360
<i>Черноусов А.А.</i> Деятельность командования Черноморского флота по совершенствованию боевой подготовки в 1832–1851 годах.....	369
<i>Чернухин В.А., Афонин Е.В.</i> Выстояли, сохранили, победили! Легенды и вымыслы о битве за Ленинград (1941–1944 годы).....	380
<i>Чигарева Н.Г., Будко А.А.</i> Оказание медицинской помощи военнопленным и репатриантам в лагерях Саксонии (по материалам Военно-медицинского музея).....	394
<i>Чубинский А.Н.</i> Конструкции замков огнестрельного оружия и их наименования в русских источниках XVI – начала XVIII века.....	405
<i>Чумак Р.Н.</i> К вопросу определения места ремонта стрелкового оружия по клейму (условному знаку) арсенала на нем.....	429
<i>Шильцев Е.А.</i> Исследовательская и производственная деятельность в Санкт-Петербургском политехническом институте в интересах армии в годы Первой мировой войны.....	434
<i>Юркевич Е.И.</i> Мундиры офицеров Гатчинских войск великого князя Павла Петровича из коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.....	439
<i>Юхо С.В.</i> Антропологическая парадигма восприятия современным обществом локальных военных конфликтов XXI века.....	446
<i>Ягмур И.А.</i> История создания и эволюции полевых подвижных госпиталей в деле лечебно-эвакуационного обеспечения Сухопутных войск России и СССР.....	451

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Пятой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 4

Редактор: *Н.В. Медведев*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Технический редактор: *В.И. Хоронеко*
Верстка: *В.И. Хоронеко*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Подписано в печать 25.04.2014
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 15.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman PS MT.
Тираж 200 экз.

ЦОП ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ.
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

